

Памятники
исторической
мысли
Украины

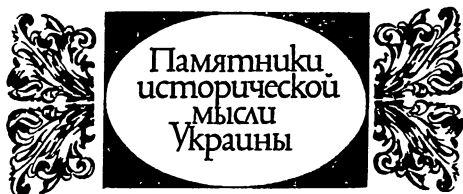

А.Я.
ЕРИМЕНКО

История
украинского
народа

Памятники
исторической
мысли
Украины

А.Я.
ЕРИМЕНКО

История
украинского
народа

Киев
«Лыбидь»
1990

ББК 63.3(2Ук)
Е91

Библиотека
«Памятники исторической мысли Украины»
основана в 1989 г.

Редакционная коллегия библиотеки:

Ю. П. Дьяченко, В. А. Замлинский, Л. Г. Мельник, Ю. М. Мушкетик,
В. Г. Сарбей, В. А. Смолий, В. П. Тараник, Ф. П. Шевченко (председатель)

Составитель и автор историко-биографического очерка
В. А. Смолий

Примечания *Н. Н. Яковенко*

Рецензент *И. Л. Бугич*

Редактор *С. А. Васильченко*

0503020902-097

Е ————— 14-90

M224(04)-90

ISBN 5-11-001491-4

© В. А. Смолий, составление, историко-
биографический очерк, 1990

© Н. Н. Яковенко, примечания, 1990

ОТ АВТОРА

Происхождение настоящего труда следующее. В январе 1896 г. «Киевская Старина» — специальный журнал, посвященный вопросам южнорусской истории, — обнародовала программу научно-популярной «Истории Южной Руси». Программа эта была составлена местными учеными — специалистами предмета и имела в виду свести воедино существеннейшее, что дала до сих пор детальная разработка вопросов южнорусской истории, приспособив изложение к интересам и потребностям большой публики.

Так как я уже в течение нескольких предшествовавших лет занималась южнорусской историей — правда, главным образом не политической, а внутренней, — то я решилась взять на себя предлагаемую задачу, признаваемую мной за общественно необходимую.

Указанным обстоятельством определяются до известной степени характер предлагаемого труда, его формальные рамки. Но в этих формальных пределах, принятых мною за обязательные, я сохранила за собой свободу группировки материала и его освещения. Я не оставляю в пренебрежении фактов истории внешней, политической, но отвожу им относительно скромное место по сравнению с фактами истории внутренней; по отношению к внутренней жизни южнорусского народа я менее останавливаюсь на описании отдельных явлений этой жизни, чем на уяснении

того социально-исторического процесса, которым обуславливаются эти явления.

Чтобы читателю было ясно место настоящего труда в ряду родственных ему исторических работ, я остановлю его внимание на некоторых обстоятельствах, может быть, ему неизвестных.

Русская история как наука должна складываться из двух самостоятельных и параллельных частей: из истории Северо-Восточной, или Московской, Руси и из истории Руси Южной и Западной, или Литовско-Польской *. Такая постановка вполне оправдывается историческими отношениями обеих половин: сравнительными величинами их территорий и населения, взаимной самостоятельностью их культур и хода исторической жизни. А между тем в русской научной литературе принято понимать под выражением «русская история» лишь историю северо-восточной ее половины. Все это производит такую односторонность исторического понимания, которая граничит в иных случаях с фальсификацией общественного самосознания, хотя в большинстве случаев совершенно невольной и бессознательной.

Я не считаю возможным вдаваться здесь в рассмотрение причин такого положения дела. Указываю лишь на то, что историческое изучение судеб Руси Литовско-Польской, составляющее предмет настоящего труда, долго было в полном забросе. Правда, последнее время замечается усиленное внимание к изучению памятников и источников литовского периода южнорусской истории; появляются и ценные монографии по тем или иным вопросам этой истории.

* Строго говоря, лишь Южная Русь жила самостоятельной политической жизнью; Русь Западная — племя белорусское — прекратила свое политическое существование с поглощением ее Литовским государством¹. (Здесь и далее звездочками обозначаются примечания А. Я. Ефименко, а также осуществленные Н. Н. Яковенко переводы иноязычных фраз и источников. Примечания, не принадлежащие автору данного исследования, имеют сквозную нумерацию в рамках каждой главы и помещены в конце книги.— Ред.)

Но все-таки остается во всей своей силе факт, что в современной русской литературе совсем нет систематических трудов ни научного, ни популярного характера, посвященных этому предмету. Лицу, заинтересованному в том, чтобы составить общее понятие об истории этой половины Руси, ничего не остается, как обратиться к трудам Бантыш-Каменского и Маркевича², относящимся к 30—40-м годам прошлого века. Труды эти под названием «Истории Малороссии» действительно представляют собою систематическое обозрение предмета. Но оба эти сочинения так устарели по своим приемам, так страдают отсутствием исторической критики, так отстали по отношению к своим источникам, что их значение в настоящее время лишь библиографическое: ни исторической науке в ближайшем смысле этого слова, ни публике они ничего не дают. А между тем «История» Бантыш-Каменского не далее как в прошлом году переиздана вновь: так крайне ощущается недостаток в систематическом труде*.

Отсутствие должного внимания к истории южной и западной половин Руси отражается на положении наших изучений родной истории одним общим, крупным их дефектом. Всякому образованному человеку известно, как резко противопоставляется нашими учеными историками русская история западноевропейской — так резко, что не допускается и мысли о применении к этим двум дисциплинам приемов сравнительного изучения, историко-сравнительного метода; в связи с этим стоит, конечно, и широко распространенный до сих пор взгляд на противоположение России Европе. А между тем изучение Литовско-Польской Руси отняло бы у этого взгляда значительную часть его резкости и остроты,— отняло бы, не-

* Уже после того как были написаны эти строки, произошли события, в силу которых украинская история утратила характер науки запрещенной, и появилась книга проф. Грушевского «Очерк истории украинского народа» (СПб., 1904).

сомненно, в пользу как науки, так и практической философии, заимствующей у науки свои исходные точки. Только основательное изучение истории этой другой половины Руси могло бы установить ясный взгляд на наши истинные национальные особенности, на наше действительное отличие от Европы, коренящееся не в одних лишь относительно поздних условиях и особенностях истории Руси Северо-Восточной.

И еще два слова *pro domo sua* *. Как в житейской практике, так и в литературе и науке существуют некоторые предрассудки, пускающие часто глубокие корни в общественном самосознании. К числу таких предрассудков принадлежит недоверие к беспристрастию южнорусских историков и писателей вообще, склонность рассматривать их труды под углом зрения предполагаемой национальной исключительности, односторонних местных пристрастий. Здесь не место вдаваться в критику этих предрассудков. Скажу лишь, что автор настоящего труда, посвященного южнорусской истории, как по своему великорусскому происхождению, так и по симпатиям, обнаруженным в изучении севернорусского юридического фольклора **, должен стоять вне подозрений в южнорусском национальном субъективизме.

* В свою защиту (лат.).

** *Александры Ефименко*. Исследования народной жизни: Обычное право. М., 1884.

Глава 1

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА. НАРОДЫ, ОБИТАВШИЕ В ЮЖНОЙ РУСИ В ДРЕВНОСТИ. ДОИСТОРИЧЕСКАЯ РУСЬ И СЛАВЯНЕ

I

Есть одно древнее русское сказание — сказание о «Голубиной книге»¹. Говорится в нем, что с неба, из грозовой тучи, упала «Голубиная книга», сорока сажен в длину, двадцати в поперечнике. В книге этой был ответ на все вопросы «про наше житие, про святорусское, про наше житие свету вольного», т. е. про жизнь человеческую вообще и, в частности, про нашу русскую жизнь: «Отчего у нас начался белый вольный свет? Отчего у нас солнце красное? Отчего у нас мир-народ? Отчего цари пошли, отчего князья-бояры, отчего крестьяне православные?» и т. д.

Все это, конечно, возбуждает у современного человека улыбку — и сама «Голубиная книга», и ее детски наивные вопросы, и еще более наивные ответы на эти вопросы...

А между тем «Голубиная книга», лишь несравненно более грандиозная, постоянно лежит перед нами. На ее листах написан ответ на самый интересный из всех вопросов, какие только может задать себе человек: вопрос о том, откуда пошел сам он — человек? «Голубиная книга» — это земля, земная кора: на ее напластованиях, как на чудовищных листах, бывшая жизнь начертала сама свою историю, и надо только суметь прочесть ее ясные, точные, несомненные показания. Медленно, так сказать, по складам, разбирает наука эту трудную грамоту; но и в том немногом, что она уже успела разобрать, разворачивается перед удивленным человечеством неожиданная картина его прошлого.

Вслед за геологией, которая проследила шаг за шагом весь процесс отложения пластов коры на отвердевшей оболочке земного ядра, палеонтология, разыскивая и находя в этих пластах следы и остатки так называемых «допотопных» животных, раскрыла картину развития жизни на земле; наконец, дошло дело и до человека, которым занялась «доисторическая археология».

Существовал ли человек в доледниковый, или третичный, период, когда среди тропической растительности Европы уже жили млекопитающие животные и даже человекоподобные обезьяны? Вопрос спорный: среди многих доказательств существования третичного че-

ловека нет пока ни одного несомненного. Но вот Европа вступает в новую геологическую эпоху — четвертичную. Мало-помалу наступает охлаждение; громадные массы снега и льда покрывают значительную часть Европы, особенно Северной; Балтийское, Немецкое² моря лежат под одним гигантским ледяным покровом, долины и равнины Средней Европы представляют вид полярных тундр. Но на окраинах ледников, в местностях более теплых и свободных ото льда, человек в эту эпоху уже несомненно существовал. По мере того, как климат Европы смягчался и ледники отходили к северу, продвигался к северу и четвертичный человек.

Южная Россия, теперешняя Украина, находилась вне пределов обледенения. В толщах лесса, лежащего под ее черноземом, найдены следы пребывания того древнейшего обитателя Европы, который известен науке под названием палеолитического человека. Еще в 1873 г. на берегу р. Удай, в Лубенском уезде Полтавской губ., обнаружена в лессе стоянка человека палеолитической (древнекаменной) эпохи: много грубых орудий, характеризующих эту эпоху, из кремня и кости найдено вместе с костями мамонтов и других животных, частью нетронутыми, частью обугленными. Еще более древняя стоянка — одна из древнейших во всей Европе — найдена недавно в Киеве³. И в других местностях Южной России, главным образом в бассейне Днепра, также Днестра и Дона, открыты следы и остатки человека с признаками, характерными для той же древнейшей эпохи. Все эти находки сделаны в лессе; следовательно, первобытный человек жил до эпохи образования нашего чернозема.

Очевидно, это был человек, очень мало похожий на нас, людей XX в., человек, стоявший ниже всякого современного дикаря. Но это был все-таки несомненно человек: он умел готовить себе орудия, чтобы при помощи их вести борьбу с природой. Орудия эти пока еще так просты, что неопытный глаз, пожалуй, и не признает за орудия эти продолговатые осколки кремня с острыми краями, отбитые от большого куска. Но опытный глаз ученого не только отличит в таком осколке каменное орудие палеолитической эпохи, но укажет среди этих кремневых осколков, так похожих один на другой, несколько типов первобытных орудий: нож-скребок, наконечник стрелы или копья, молот, клин. Свежий кремень, еще пропитанный влажностью почвы, давал при отбивке такие острые, режущие ребра, а вместе с тем был так тверд, что первобытный человек отдавал ему предпочтение перед всяким другим сподручным материалом. Но, не имея под рукой кремня, он отбивал свои орудия от каменных желваков и иной кристаллической породы; употреблял как орудие также кусок дерева, рог, кость.

Рассматривая в каком-нибудь музее древностей эти грубо отбитые осколки кремней, с трудом веришь, что человек, вооруженный подобными ничтожными и жалкими орудиями, мог успешно бороться с такими колоссальными животными, как мамонт или носорог,

исполинский олень, лось, тур и т. п. А между тем он несомненно с ними боролся, пользуясь этими орудиями. Кремневые наконечники его стрел пробивали толстую шкуру мамонта, как это ясно обнаруживают находки; длинным кремнем с острыми ребрами — ножом — он отрезал куски от туши; скребком — т. е. круглым кремнем с одним толстым краем, а другим острым — он отскребал мясо от кожи и костей; чтобы расколоть кость и достать из нее лакомый мозг, он употреблял клин, т. е. большой кремень, заостряющийся к одному концу и расширяющийся к другому; на помощь клину являлся молот, для которого годился всякий большой гольщ, немножко приспособленный отбивкой к своему назначению. Добытое мясо человек палеолитической, или мамонтовой, эпохи уже ел не сырым, а готовил его на раскаленном камне, так как уже знал огонь; из шкуры зверей готовил одежду при помощи костяного шила, которым прокалывал дырки, и жил, вытягиваемых из убитого зверя. Вот и все скудные знания и умения, которыми несомненно обладал палеолитический человек; но какой долгий и вполне неизвестный нам путь должен он был пройти, чтобы приобрести их... Впрочем, он умел еще, может быть, ловить рыбу, умел слепить из глины нечто вроде звериного или человеческого черепа, чтобы пользоваться им как чашей. Вместе с тем этот первобытный человек уже стремился украшать себя ожерельями из зубов, кусочков камня и т. п.; но самое главное и самое знаменательное для будущей судьбы человека — то, что этот жалкий дикарь уже обладал великим даром свободного творчества: на обломках костей, на мамонтовых бивнях находят не только изображения отдельных животных, но даже попытки представить связную сцену. Правда, все это похоже на рисунок современного четырехлетнего ребенка, но ребенка, очевидно, даровитого, умеющего схватить и передать сходство.

Минули тысячелетия... Европейские ледники отодвинулись к полюсу, задержавшись лишь своими остатками на вершинах высоких гор. Мощные потоки, которые питались таянием льдов, вошли в русла и образовали реки. Южнорусская равнина приняла в общем тот вид, какой она имеет теперь, — со слабо выраженным рельефом, обширной сетью многоводных рек, направляющихся к югу, полосой степей с их характерной растительностью, со всеми чертами, так выделяющими Русскую равнину от остальной Европы и делающими из Южной России как бы продолжение Азии. Мамонты, носороги, пещерные медведи и другие огромные звери палеолитической эпохи исчезли; от фауны ее сохранились в лесах лишь зубр и тур. Появились те виды животных, которые мы находим и в настоящее время. В напластованиях, лежащих над теми, которые содержат остатки палеолитического человека, научные расследования открывают следы и остатки человека иной культуры, и наука называет его человеком эпохи неолитической (новокаменной). Следы пребывания неолитического человека обнаружены в Южной России во множестве

мест, и число находок все увеличивается. Находят не только орудия, но и мастерские этих орудий, находят стоянки с сорными кучами и так называемыми «культурными ямами», а главное, находят места погребения неолитического человека, т. е. скелеты в их похоронной обстановке. Все это позволяет нам составить довольно полное понятие о человеке этой эпохи.

Неолитический человек также не знает металлов и продолжает пользоваться в качестве материала для своих орудий тем же кремнем и другими породами камня. Но взгляните на каменные орудия этой эпохи, и во многих случаях вы просто поразитесь тонкостью, чистотой их отделки. Это уже не грубо отбитые осколки, а тщательно отполированные, отточенные предметы, которым придана форма, точно соответствующая их назначению. Кроме тех орудий, которыми пользовался палеолитический человек, теперь появляются еще новые: топор, булава, кинжал, долото, шило, пила с их разнообразиями. Разнообразие орудий содействует то, что человек уже умеет сверлить камень.

Работая над трудной отделкой камня, человек стремился сделать вещь не только практически пригодную, но вместе с тем и изящную, удовлетворяющую его вкусу, его эстетическим потребностям. Мало того: очевидно, что уже в это отдаленное время не каждый человек работал орудия для себя, а некоторые люди приготавливали их для других. На это указывают так называемые мастерские: находят при раскопках такие места, где по массе осколков и обломков кремня можно заключить, что там выделялось каменное орудие в большом количестве. Но где человек работает не для удовлетворения собственных потребностей, а на других, там уже не только отдельные люди, но и человеческое общество.

Но самая значительная черта, которую мы усматриваем в остатках быта неолитического человека, — та, что этот человек уже знал обрядовое погребение, т. е. хоронил своих мертвецов по установившимся обычаям, в известном положении, с известной обстановкой⁴. Несомненно, он имел понятие о загробной жизни, хотя и представлял ее лишь как продолжение земной; поэтому он снабжал своего мертвеца в могиле пищей, орудиями, всем, что тому было необходимо или дорого при жизни. Над местами погребения в наших степных равнинах нередко насыпались возвышения, курганы; они до сих пор указывают археологам, где искать эти погребения. Но там, где нет курганов, только счастливый случай может обнаружить погребение с драгоценными для науки подробностями его обстановки⁵.

Если свести в одно целое все, что мы знаем о быте неолитического человека из расследования его погребений, остатков его поселений и мастерских, у нас сложится такая картина.

Человек этой эпохи, как и предыдущей, жил преимущественно охотой. Своими каменными копьями и стрелами, булавами и топорами он убивал зверей, которые водились тогда в изобилии, и водяных

птиц, ютившихся массами по берегам тогдашних многоводных рек и озер. Из древесных стволов он выдалбливал лодки и, плавая в них, ловил рыбу посредством гарпунов и крючков, сделанных из камня, кости или раковин; употреблял в пищу также некоторые виды слизняков. Но он, этот неолитический человек, уже, очевидно, предусматривает, что ему нельзя ограничиться хищничеством, что необходимо иначе пользоваться природой. Появляются домашние животные, прежде всего собака, при помощи которой человек уже приручает быка, овцу, козу, свинью; есть даже следы земледелия в виде обугленных хлебных зерен и каменных зернодробилок. Из растительного волокна он плетет сети и делает при помощи некоторых грубых приспособлений какую-то ткань для одежды. Но с особенным предпочтением занимается он гончарным искусством.

С этим легким искусством, материал для которого всюду под рукой, человек освоился, по-видимому, очень рано, даже раньше полировки камня. Конечно, искусство это должно было пройти, как и все на свете, длинный путь развития, пока достигло той высоты, с образцами которой мы встречаемся в неолитическую эпоху. Но и самые совершенные из гончарных произведений неолитического человека все-таки обнаруживают, что они сделаны от руки, без гончарного круга. Любопытно, что вся эта масса глиняных сосудов разных форм, величин, совершенства, дошедшая до нас главным образом в черепках, непременно украшена каким-нибудь орнаментом в виде правильно расположенных ямок, черточек, полос, желобков и т. п. На самых первобытных сосудах, неправильных, сделанных из плохо вымешанной глины, едва обожженных, все-таки есть орнамент, хотя бы в виде углублений, сделанных ногтем⁶.

Жильем неолитического человека, как и палеолитического, служили пещеры, где они были; во вторую эпоху человек умел выкапывать и искусственные пещеры там, где это было удобно по условиям местности.

Таких пещер много в нагорном берегу среднего Днепра, между устьями Припяти и Тясмина. Но на наших степных равнинах необходимость должна была рано привести человека к изобретению иного жилища в виде какой-нибудь землянки или шалаша из дерева, хвороста, кожи и т. п. Сохранились следы таких жилищ, собственно их очаги с сорными кучами и «культурными ямами», т. е. углублениями, наполненными пеплом и кухонными отбросами. Следы жилищ встречаются то порознь, то группами, которые указывают на поселения, следовательно, на общественную жизнь людей описываемой эпохи.

Итак, неолитический человек был человек общественный. Он имел религиозные понятия, хотя, быть может, лишь очень простые, вроде того почитания культа мертвых, какое мы встречаем у некоторых современных дикарей. Он имел эстетические потребности: стремился украшать себя ожерельями из глиняных бус и раковин, кусоч-

ков янтаря, стремился украшать свою посуду и орудия, имея ясное понятие о симметрии ⁶.

И снова минули тысячелетия... Над теми напластованиями, которые скрыли неолитического человека, археология опять открывает иного человека с иной культурой. Человек этот уже знает свойства металлов и умеет пользоваться ими для выделки орудий. Но железо пока еще недоступно ему: оно трудно для обработки, и его надо добывать из руды, так как оно не встречается в самородках. Человек делает свои орудия или из чистой меди, или — гораздо чаще — из сплава меди с оловом, т. е. бронзы; у нас на Юге России, в Донецком крае, в Бахмутском уезде, при горных работах находят древние заброшенные штольни для добывания меди и по находкам в них каменных орудий заключают о том, что здесь добывал некогда медь человек переходной эпохи ⁷. Но надо сказать, что археология открыла мало следов особого бронзового века в Южной России *; в большинстве находок вместе с бронзовыми вещами встречаются и железные. Из этого можно заключить, что металлическая культура не развилась у нас самостоятельно, а зашла путем заимствования или подражания из иных стран, ушедших вперед в культурном развитии.

Таких передовых культурных пунктов было несколько в Азии, в том числе Финикия, посылавшая своих торговцев через Черное море и в наши страны, а в Европе — Греция, которая была ближайшей соседкой Южной России своими многочисленными колониями по берегам Черного моря. Из колоний этих особенное значение имели для южнорусской территории Ольвия на лимане Южного Буга и Херсонес (Корсунь) около Севастополя, затем Танаис в устье Дона и Фанагория (позднейшая Таматарха) на Таманском полуострове; колонии греческие процветали торговлей, главным образом, торговлей рыбой и хлебом. «Отец истории» Геродот, который в V в. до Р. Хр. посетил Ольвию, дал нам сведения о народе, обитавшем в его времена в Южной России; таким образом, на помощь археологии с этих пор уже приходит история. Археологи раскопали значительное число из тех южнорусских курганных насыпей, которые относятся к эпохе и народам, описанным у Геродота. Некоторые из этих курганов представляют собой грандиозные сооружения в несколько сажен высоты и до полутора и более сажен в окружности, с внутренними камерами, коридорами, саркофагами. Обстановка погребений в этих больших курганах, называемых царскими, необычайно богата и числом, и ценностью предметов; но и в остальных курганах этого типа находят разные вещи, относящиеся к вооружению, принадлежностям домашней обстановки, украшениям, как людским, так и конским: железные мечи и бронзовые

* Представляя большое развитие почти во всей Западной Европе, у нас, в России, бронзовая культура обнаруживается значительно только в Приуралье и на Кавказе ⁸.

стрелы, бронзовые зеркала и фигурки животных, бусы из разноцветных камней, янтаря и стекла, золотые серьги, ожерелья, браслеты, перстни, разные бляхи, удила, конские налобники, множество глиняной посуды. По скелетам видно, что погребали вместе с господином его рабов, жену и лошадей. Сопоставляя эти находки с дошедшими до нас свидетельствами Геродота, ученые называют те народы, которые оставили нам эти курганы, скифами, а курганы, рассыпанные во множестве вверх от устьев Днестра и Буга, Днепра и его притоков до Смелы и Ромен, Дона и Кубани, по берегам Азовского моря, скифскими или скифо-сарматскими*.

Скифские народы, очевидно, ушли далеко вперед от людей каменного века. Уже не охота дает им главные средства к существованию, а земледелие и скотоводство. Так и делит их Геродот: на скифов кочевых (номадов) и скифов-пахарей, присоединяя к ним еще скифов царских, т. е. такое отдельное племя, которое имело преобладание над остальными, подчиняя их своей власти. Из этого видно, что скифы жили не только общественными союзами, но уже знали отношения политической зависимости. Рабы, которых убивали, чтобы похоронить с их господином, и подданные, которых хоронили с царями, также свидетельствуют, что в устройстве жизни скифских народов было гражданское и политическое неравенство.

Южнорусская равнина, степь, сливающаяся поверх Каспийского моря с широкой азиатской степью, представляет исключительные удобства для жизни кочевников. И история, с самых древних из известных ей времен, говорит нам о том, как волны кочевого населения перекатывались по этой бесконечной равнине, обычно направляясь с востока на запад, из глубин Азии в Южную Россию. Здесь каждая волна задерживалась, иногда надолго: роскошная растительность черноземной степи, богатой водой, была слишком привлекательна. Задерживалась до той поры, пока Азия не выбрасывала новый поток, который заливал Южнорусскую равнину, проталкивая старых кочевников далее в Западную Европу или смешиваясь с ними. Кочевое население разносило по необозримым пространствам все, что оно заимствовало от богатых культур, развивавшихся в Средней Азии; вместе с тем оно распространяло вкус к торговому обмену, которым охотно занимался подвижной, деятельный кочевник.

Скифы пришли из Азии веков за семь до Р. Хр. и затем в течение нескольких столетий занимали Южнорусскую равнину, называясь скифами у писателей греческих, сарматами — у римских.

* Народы эти, по сказаниям греческих историков, вытеснили киммерийцев; с именем киммерийцев некоторые современные ученые связывают те многочисленные курганные насыпи, которые во множестве находятся на южнорусской степной территории и раскопки которых обнаруживают скелеты, окрашенные в красную краску и положенные на бок в скорченном положении, со скудным похоронным инвентарем разнообразного характера⁹.

Со своими кожаными кибитками, в которые впрягались волю, кочевали они по всему степному пространству, окаймляющему северное побережье Черного и Азовского морей, от устьев Днепра до устьев Дона. Их богатство составлял скот, главным образом лошади, к которым скифы имели особенное пристрастие. Кочевая жизнь своим разнообразием, вечной сменой впечатлений настолько втягивает в себя человека, что кочевник крайне неохотно переходит к оседлому существованию: много надо особо привлекательных условий, чтобы соблазнить его на такую перемену. Часть скифов, жившая где-то в низовьях Днепра, перешла к земледелию, очевидно, под влиянием богатых греческих колоний: сюда, конечно, сбывали свой хлеб скифы-пахари.

Только усиленными торговыми сношениями и скифов-земледельцев, и скифов-номадов не только с соседними, но и с очень отдаленными народами можно объяснить то огромное разнообразие и ценность вещей, которые находят археологи в скифских курганах. Стекланные бусы и другие изделия из стекла могли попасть к скифам только из Финикии; прекрасные глиняные сосуды или украшения из филигранны (золотых нитей) были, несомненно, греческого происхождения; масса золотых вещей с изображениями фантастических зверей указывает на Среднюю Азию¹⁰. Одни из вещей носят на себе следы подражания иноземным образцам, следовательно, могут быть и местного, скифского, изделия; другие вещи были, несомненно, занесены к скифам торговлей. Как известно, скифы торговали с греческими колониями по Черноморскому побережью; но, кроме того, надо указать еще на тот древнейший торговый путь, который пересекал скифские страны и позже, при возникновении Русского государства, имел такое огромное значение. Это — водный путь из Черного моря по Днепру: высоко ценимый древностью янтарь шел этим путем с берегов Балтийского моря до самых глубин Азии.

Однако, как ни многочисленны курганы, оставленные скифскими обитателями южнорусских степей, как ни богаты они своим содержанием, все-таки они ничего не отвечают нам даже на такие элементарные вопросы: можно ли отождествлять скифов с сарматами или надо различать их, или, может быть, поставить в отношении родства или соседства? Какого происхождения были все эти народы? Каковы были их исторические судьбы — в частности, когда и каким образом исчезли они? Есть некоторые основания думать, что скифо-сарматские народы были происхождения иранского, — такие же иранцы, как заступившие их место в южнорусских степях аланы, остатки которых до сих пор держатся на Кавказе под именем осетин — древних ясов¹¹.

Но лишь с III в. после Р. Хр. южнорусские равнины впервые заняты народом, который уже не представляет собой Ивана Непомнящего. Мы знаем имя этого народа, его родство, его судьбу.

Народ этот — готы ¹², одно из многочисленных германских племен. Он образовал в Южной России, на побережьях Черного моря и в Крыму большое и сильное государство. На своих длинных и легких ладьях пересекали готы вдоль и поперек Черное море и держали если не в подчинении, то в страхе все его берега. По преданиям, сохранившимся в Скандинавии, у готов был «большой город на Днепре» (этим городом мог быть, вероятно, только Киев ¹³); но главное средоточие их жизни было не на Днепре, а на Дону. При царе Германарихе, в половине IV века, по словам готского историка Йордана ¹⁴ — жившего, правда, века на два позже и тем самым возбуждающего известные сомнения в достоверности своих свидетельств, — готам принадлежала значительная часть теперешней России, не только Южной, но и Северной. Готское государство существовало недолго. В конце IV в. началась эпоха великого переселения народов. Гунны ¹⁵, сплотившись под властью Аттилы в одну чудовищную орду, открыли движение из степей Азии к крайним западным пределам европейского материка. На пути своем через южнорусские степи смели они и увлекли с собой на запад и готов; южнорусское готское государство исчезло. Но следы пребывания готов остались, опять-таки в погребальных курганах, главным образом в области Войска Донского и части бассейна Кубани. Богатые клады больших курганов представляют много вещей людского и конского убора из массивного золота с инкрустациями (вставками) из стекла и драгоценных камней — гранатов или изумрудов, также принадлежностей домашней обстановки. На всем лежит отпечаток Средней Азии и Персии, несколько смягченный влияниями греческой и римской культуры, с которыми соприкасались готы, живя в Южной России.

Нашествие гуннов как бы открыло собой шлюз, через который хлынули из Азии в Европу финско-турецкие орды ¹⁶: непосредственно за ними явились болгары, затем хазары, дальше авары (обры нашей летописи), позже угры (венгры). Одни задерживались в наших степях на более или менее продолжительное время; другие лишь перекочевывали через них, двигаясь дальше на запад, привлекаемые слухами о Византии и ее богатой культуре. Только хазары осели прочно и образовали Хазарское государство с центром на нижней Волге — сильное, богатое и торговое. Хазарское государство создало на некоторое время как бы плотину между Европой и Азией, которая с середины VII до середины IX в. задерживала движение кочевников в южнорусские степи. Хазары захватили в район своего влияния соседние славянские племена как раз в ту критическую эпоху, когда среди южнорусского славянства зарождались и складывались элементы государственности.

На северной окраине степной полосы, принимающей от среднего Днепра северо-восточное направление, где степь уже теряет свой однообразный характер, переходя в северорусский лес,— разбросаны во множестве курганы, представляющие для нас исключительный интерес. Это невысокие курганы, лежащие группами (могильники). Раскиданные на огромном протяжении от предгорьев Карпат до бассейна Дона включительно, они представляют — в способах погребения, в находимых вещах — общие характерные черты. Ученые объединяют этот тип именем погребений славянских¹⁷. Следовательно, в курганах этих скрыты останки наших непосредственных предков; через них проходят те нити, которые связывают современного русского человека с человеком доисторическим. Эти курганы, сравнительно со скифскими и готскими, небогаты обстановкой своих погребений: немного посуды, немного украшений, большей частью серебряных,— вот почти и все. Но они, естественно, очень интересуют русских археологов, и их раскопано сравнительно много, хотя далеко неравномерно по всей территории. Раскопки и основанные на них исследования позволяют сделать такие выводы.

Волна великого переселения народов, двигавшаяся на запад, в своих дальнейших отражениях захватила и наших предков в каких-то неизвестных нам точно местах их первоначальной оседлости. Ясно, что они двигались по направлению к южнорусским степям с запада, от Карпат¹⁸. Двигаясь, они несли с собой свою собственную культуру. Очень характерны для этой культуры так называемые височные кольца, которые встречаются во всех славянских погребениях.

Нередко при раскопках славянских могил находят в числе погребального инвентаря арабские монеты VII — IX вв. Монета есть всегда для археолога страстно желаемая находка: она позволяет приурочить погребение к более или менее точно определенному времени. А если однородных монет встречается много, то они несомненно свидетельствуют о торговых связях. Следовательно, наши предки вели торговлю с арабами. Независимо от монетных находок, мы знаем об этом от самих арабов, ученых-географов и путешественников, сочинения которых дошли до нас.

Арабы в эту эпоху только что выступили на историческую сцену со своим исламом и разом выросли в огромную политическую силу. Арабский калифат, с центром в Багдаде, охватывал с трех сторон Средиземное море и южную половину Каспийского. Арабские суда и купцы появлялись на всех больших водных дорогах Европы, возводя восточные товары. Впрочем, они не прокладывали новых торговых путей: и до того времени стекло, ткани, металлические изделия Сирии и Египта имели доступ в наши страны. Арабы встречались с нашими предками и у нас, на южнорусской территории, по-види-

тому, и у себя дома, но больше всего в Хазарии. Хазарское государство на нижней Волге и на Дону служило средоточием торговых сношений между европейским Западом и азиатским Востоком.

Кроме арабов, мы имеем сведения о наших предках еще от византийских греков, которые даже больше арабов имели возможность знать южнорусскую территорию и ее обитателей.

Итак, задолго до того, как монах Киево-Печерской лавры — Нестор или Силиверст — записал сказания о том, «откуда есть пошла русская земля», арабские и византийские ученые люди уже знали наших предков и писали о них. Летопись, из которой мы почерпаем сведения о начале Русского государства, случившемся якобы во второй половине IX в., записывала факты лет двести спустя после того, как они совершались, между тем как арабы и византийцы описывали наших предков того же IX в. как современники и очевидцы. Конечно, в высшей степени любопытно и важно для исторической науки знать, как представлялись этим посторонним наблюдателям наши предки, да еще в такую критическую эпоху, когда их общественная жизнь принимала новый государственный или политический характер.

И арабы, и византийцы знают на южнорусской территории два совсем различных народа: один народ — славяне, или анты, как их называют византийцы, другой — русы¹⁹. При этом русов арабы и византийцы знают ближе, чем славян. Русы — это, по всем описаниям, народ мореходный и крайне предприимчивый: на своих судах появляются они с целями грабежа то на малоазиатском побережье, то в Константинополе, то, наконец, по берегам Каспийского моря. Вместе с тем это народ торговый — торгующий по преимуществу рабами и мехами. Управлялись русы, по дошедшим до нас сообщениям, лицом, которое носило титул хакана или кагана — так же назывался и государь Хазарии. Но где же жила эта мореходная, следовательно, поморская Русь? Несомненно, около Черного моря, которое недаром же называлось в эту эпоху морем Русским. Но где именно? Есть одна местность, которая невольно напрашивается в ответ, когда ставится такой вопрос. Это — Таманский полуостров, Фанатория, — та пресловутая Тмутаракань, о которой так часто и так загадочно говорит наша начальная летопись: именно около этой местности задержались, как достоверно известно, остатки готов, называвшихся у византийцев готами-тетракситами или тметракситами (Таматарха, Тмутаракань). Один из арабских писателей, Ибн-Даст²⁰, так описывает землю русов: Русь живет, по его словам, «на острове, окруженном озером. Окружность этого острова, на котором живут они, равняется трем дням пути; покрыт он лесами и болотами, нездоров и сыр». По-видимому, Таманский полуостров близко подходит под это описание. Но так или нет, а ясно, что Русь первой половины IX в., нападавшая на Константинополь и малоазиатское побережье, жила не за морем Варяжским или Балтийским, а где-то

на берегах моря Черного, или Русского. Тот же Ибн-Даст так описывает отношения русов к славянам. Он говорит, что русы со своего острова «производят набеги на славян: подвезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом на продажу к хазарам и камским болгарам... Пашен Русь не имеет и питается лишь тем, что добывает в земле славян». Картина отношений вполне ясная. Такими же представляет эти взаимные отношения русов и славян византийский император Константин Порфирородный²¹, хотя он писал уже тогда, когда русы водворились в Киеве (в половине X в.). Русы в его описании — те же хищники, господа и купцы, разъезжающие за сбором дани, — конечно, не всегда добровольной, — по землям своих славянских данников. И в это время — относительно позднее, живя уже среди славян, — русы еще говорили своим собственным языком. Император приводит названия днепровских порогов на обоих языках, какие употреблялись тогда в Южной Руси, на славянском и «русском» (т. е. германском)²². Совершенно по-немецки звучат также имена послов и гостей, подписавшихся под договорами Олега и Игоря с греками: конечно, не славянами были эти люди «от рода русского» — Карл, Фарлаф, Рулав, Роалд, Игелд, Либнар, Акун, Алдан и т. д.

Ясно, что русы представляли собой небольшое, но энергичное, хищное племя, нечто вроде шайки не то купцов, не то морских разбойников — занятия, часто сливавшиеся в одно в те отдаленные времена. Такой их облик сквозит из всех свидетельств арабских и византийских писателей. Иначе рисуют нам славян те же свидетельства.

Славяне — народ многочисленный, занимающий огромное пространство своими разбросанными маленькими поселениями, ютившимися по берегам вод и лесным окраинам. Даже те славяне, известные у византийцев под именем антов, которые жили на нашей южнорусской территории, подразделялись на несколько отдельных племен: эти подразделения хорошо знает и обстоятельно описывает начальная летопись. Занимались южнорусские славяне главным образом земледелием, — и арабы, и византийцы говорят о возделывании ими проса и пшеницы, которые они ссыпáли для сохранения в ямы. Тем не менее жилища их были легки и непрочны, и анты кидали их без сожаления. Все более ценное они имели привычку зарывать в землю и при первом признаке опасности оставляли свои дома, укрываясь с семьями и скотом под какое-нибудь из ближайших своих естественных прикрытий. Их изобретательность в этом отношении поражала удивлением наблюдателя их быта и нравов. Они умели прятаться даже под водой при помощи камышовых трубок, через которые дышали, лежа на дне. Война с ними на их территории представляла непреодолимые трудности: они как бы «играют войной», делают нечаянные нападения и набеги днем и

ночью, прибегают к различным хитростям, при помощи которых ловят неприятелей, устраивают им засады. Неприятельскому войску, которое вступает в пределы их страны и видит перед собой густые леса и необозримые степи с их неуловимыми обитателями, ничего не остается делать, как остановиться: так горько жалуется император Маврикий в своей «Стратегике»²³ на антов, которые в числе других варваров отравляли существование злосчастного императора. Очевидно, не чужды они были и торговых сношений. Арабские путешественники видали в Итиле и вообще на Волге не только русских, но и славянских купцов; да и самую Волгу, как и Дон, называют они то русской, то славянской рекой. Но не останавливаясь на показаниях арабов, которые много путали в описаниях этих отдаленных и чуждых им народов, а особенно в названиях, в именах собственных, мы укажем лишь на следующее. Несомненно, на южнорусской территории были торговые города, предполагавшие, конечно, и население, занимавшееся торговлей. Один из этих городов пользовался широкой торговой славой: это Киев. Расположенный в местности, где сходились главные речные пути — к югу в Черное море и к северу в Балтийское (великий путь «из варяг в греки»), к востоку Десной в систему Волги, к западу Припятью в систему Вислы — Киев был торговым центром для огромной территории. Ему же, Киеву, конечно, предстояло сделаться в ближайшем будущем и центральным пунктом политической жизни южнорусской территории. Кроме Киева, были и другие города: Родня, Переяславль, Чернигов, Любеч, Туров. Но независимо от существования этих городских центров, посторонние наблюдатели, особенно византийцы, и наш собственный летописец представляют догосударственную жизнь наших предков разрозненной, раздробленной на племена и роды, не только не сплоченные между собой, но часто враждебные друг другу.

Но мы пока оставим в стороне характеристику жизни славян на основании данных, представляемых посторонними наблюдателями этой жизни, арабскими и византийскими. При всем интересе и значении, какое представляют эти источники, они все-таки требуют в высшей степени осторожного к себе отношения. Такого же осторожного отношения требует и начальная летопись.

Между тем есть один источник сведений для характеристики быта наших предков, которого почти не касались историки, в то время как он по достоверности далеко превосходит все остальные источники. Этим источником являются археологические находки и раскопки. Имея перед глазами предметы материальной обстановки наших предков, извлеченные из недр земли, мы не только получаем возможность наглядно представить себе их жизнь, но даже сделать известные выводы и относительно иных сторон их культуры. Не посторонние наблюдатели — а следовательно, и толкователи — говорят нам об этой угасшей жизни, а сама жизнь говорит за себя тем

вразумительным и ясным языком, который свойствен простой фактической действительности.

Наши отдаленные предки представляли смерть продолжением земной жизни и потому старались обставить дорогих мертвецов тем, чем они были обставлены при жизни. Кроме курганов и могильников, ищут и отыскивают еще предметы славянских древностей в кладах на так называемых городищах, т. е. оставленных древних укреплениях. Таких городищ множество на территории Южной Руси, разных видов и эпох. Между ними древние славянские городища отличаются круглой или овальной формой, определяющей невысоким валом, который иногда сопровождается рвом. Площадь городища часто так незначительна, что многие ученые не решались признать городища за остатки укрепленных городков. А между тем едва ли можно в этом сомневаться. Жители поселения, которое могло находиться за чертой вала, укрывались за валом в момент опасности так точно, как они укрывались позже за стенами «кремля», находившегося внутри города.

Линия, за которой к югу уже не находят более славянских курганов, могильников или городищ, идет приблизительно от Кременчуга, наискось к Харькову, Воронежу и Тамбову. Южнее — степь, которая сливается со среднеазиатскими степями, — исконный широкий путь кочевых племен: здесь, на степной равнине, не было места земледельческой оседлости, которую снес бы первый натиск кочевников.

Земледельческий характер славянского населения нашей южно-русской территории ясен из находок, но ясно также, что занятия этого населения, его производительная деятельность не ограничивались только земледелием.

Главный центр, около которого группируются находки, — Киев. Его почва, можно сказать, насыщена древностями. К югу от Киева славянские древности, уже сравнительно редкие, отыскиваются еще в Черкасском, Каневском, Переяславском уездах. К северу — губернии Черниговская, Полтавская, Волынская представляют в своих погребениях и кладах городищ многочисленные находки этой категории; но они уже гораздо скуднее не только количеством вещей, но и качеством их²⁴.

Вещи, находимые на всем этом значительном протяжении с центром в Киеве, представляются настолько сходными между собой, что можно с полным правом говорить о единстве типа. Главная черта этого типа та, что он не есть тип первобытный, примитивный. Как ни скудны находки большинства местностей, все-таки найденные вещи красноречиво свидетельствуют, что мы имеем дело с народом, уже прошедшим в деле культурного развития длинный предварительный путь. Правда, во многих случаях можно заметить на находимых древностях влияния иных, высших культур. Но это и не может быть иначе. Народность, совершенно обособленная от

посторонних культурных влияний, окоченевают, замирает в неподвижности. Заимствование, подражание есть главнейший рычаг культурного развития, по крайней мере, до известной поры, пока этим рычагом не делается сознательная мысль. Природная одаренность того или иного племени оценивается не по степени его самобытности в деле культурного развития, а по тому, как он относится к посторонним влияниям. Взгляните, например, на вещи, находимые в многочисленных финских могильниках центральной России, например, в бассейне Оки или Ростовского озера, и сравните их с вещами славянских погребений. Финские погребения во многих случаях кажутся на первый взгляд богаче: вас поражает обилие тяжелых, шумящих украшений. Но это богатство лишь кажущееся. Финские вещи — грубое подражание из меди какому-нибудь механически усвоенному образцу, рабски скопированное без мысли о красоте или хотя бы техническом приспособлении к данной цели. Не то в древностях славянских. Всюду мы видим не механическое подражание, а сознательное заимствование, руководимое ясным представлением о назначении предмета и правильным чувством художественного его достоинства.

Наши славянские предки жили на южнорусской территории под влиянием иных, высших культур, — можно бы сказать, под перекрестным влиянием этих культур. В самом деле, Южная Русь была совершенно открыта для двух больших культурных течений. Одно течение шло с юга, из Византии, которая стояла на высшей точке культурного развития, какой достигло в эту эпоху европейское человечество. Другое течение шло с востока, из Азии. Оно не представляло собой чего-либо единого. Это была пестрая смесь влияний различных культур, которые возникали в разное время в различных местностях Азии: персидской, сирийской, среднеазиатской, даже индусской. Восточные влияния передавались нашим предкам арабскими торговцами, как уже было об этом сказано выше, но еще более, надо думать, через непосредственные и постоянные их сношения с кочевниками южнорусских степей.

Кочевые орды, перекатывавшиеся по нашим степям, представляются нам теперь в виде каких-то серых туч саранчи, несущих только истребление и уничтожение. Но такое представление очень одно-сторонне. Кочевники, несомненно, сыграли важную роль в распространении восточных культурных влияний на младенческую Европу, которая нуждалась в воспитательных влияниях со стороны старой Азии. На славянах южнорусской территории влияния эти, непосредственно передаваемые кочевниками, отражались наиболее.

Как сильно повлияла Азия на быт и мировоззрение наших предков, нагляднее всего видно из былин. Былины — произведения народного поэтического творчества, в которых отразилась древнейшая жизнь Киевской Руси. И вот эти-то былины именно полны чертами

и образами, носящими ясно восточный характер. Одежда богатырей, вооружение, обстановка, палаты и города, в которых происходит былинное действие, все дышит роскошным, ярким, причудливым Востоком. Конечно, не домашнего присхождения те львы и лютые змеи, которые упоминаются в былинах. Не палаты киевского князя имел в виду былинный певец, когда описывал терема златоверхие с хрустальными оконницами, с серебряными причалинами, с золочеными столбами, со всей их «красотой поднебесною». Не русские дружинники ездили на конях, у которых промеж глаз и под ушами «насажено камень самоцветное»; не они наряжались в панцыри «чиста серебра», кольчуги «красна золота», сидели на черкасских седлах, держали в руках «плеточку шемахинскую». Обилие драгоценных камней, шелковые ткани, строченные золотом и серебром, зонты, которые носят над знатными людьми, чтобы «от солнца красного не запеклось лицо белое», — от всех былинных подробностей веет настоящим Востоком. И вот влияние этого-то самого Востока мы усматриваем на вещах наших южнорусских погребений и кладов.

Но восточные влияния встречались на южнорусской территории с влияниями византийскими, взаимно переплетались, и представляется делом крайне трудным, пока даже невозможным отделить эти два культурных течения одно от другого и оценить отдельно степень их значения в истории нашего развития. Это тем более трудно, что Восток сильно влиял на самую Византию, на мировоззрение, искусство и быт самого византийского грека.

Как бы то ни было, наша древность относилась к чужому и заимствованному вполне самостоятельно. Существовало на нашей территории — в Киеве несомненно, а может быть, и в иных местностях — собственное производство даже таких вещей, которые требовали утонченной, так сказать, художественной техники. Из вещей, находимых в наших южнорусских кладах славянского происхождения, на первом плане стоят предметы личного убора. Предметы эти многочисленны и разнообразны: кольца, ручные и височные, браслеты, шейные гривны, диадемы, серьги, бусы и подвески, пояса и пряжки. Все это вещи из драгоценного металла — золота и серебра; последнее встречается гораздо чаще. Часть вещей, несомненно, завезена из Византии — особенно из византийской колонии Корсуня, с которой Киев был в самой тесной связи — или с востока, но часть, и значительная — местного изготовления, из мастерских Приднепровья. Здесь, в этих мастерских, изготовлялись драгоценные вещи из скани или филиграни, т. е. тянутой, гладкой или зернистой, расплющенной металлической нити, — работа, предполагающая очень тонкую технику.

В Киеве же изготовлялись украшения с так называемой перего-

родчатой эмалью, или финифтью *. Некоторые из вещей, дошедших до нас, например, эмалевые серьги, по простоте и изяществу формы и красоте изображений представляют собой художественные памятники.

Из всего этого видно, что предки наши в догосударственном своем быту стояли уже на известной высоте культурного развития. По крайней мере Киев, средоточие племени полян, рисуется нам в своих находках, восходящих к VII в.²⁵, именно таким культурным центром. О культурности полян говорит и летописец: «Поляне бо своих отец обычай имут кроток и тих... брачный обычай имяху...» Культурных полян летописец противопоставляет другим славянским племенам, жившим на южнорусской территории: последних он изображает дикими, живущими «зверинским образом, скотски». Но такая оценка выражает лишь известное пристрастие летописца к своим соплеменникам — полянам. Раскопки и находки показывают, что между киевскими полянами и остальными племенами не было такой большой разницы: культура была одна и та же, лишь богаче и сильнее выраженная в Киевском Приднепровье.

Однако, несмотря на единство типа, находимые вещи и особенности погребального обряда, обнаруживаемые учеными раскопками, показывают, что между отдельными племенами были и довольно существенные различия. Археология вполне подтверждает то деление русских славян на племена, о котором говорит летописец. По левому берегу среднего Днепра, в бассейне нижней Десны и Сейма, по верховьям Сулы и Псла жило широко раскинувшееся племя, которое летописец называет «Север». Про него говорится в «Начальной летописи»: «Аще кто умряше, творя трызну над ним, и посем творяху кладу велику, и възложашут на кладу мертвеца, сожьжаху, и посемь собравше кости, вьложашу в судину малу...» И, действительно, на территории Черниговской губ. и частью смежных с ней Полтавской и Курской археологи находят множество различных погребений с трупосожжением; самый распространенный вид тот, когда остатки от трупа, сожженного на стороне, помещаются в вершине невысокой курганной насыпи. На правом берегу Днепра, южнее Припяти, до р. Случь, сидело племя древлян, о лесной жизни которых так неблагоприятно отзывался летописец. У них, наоборот, раскопки не обнаруживают трупосожжений: скелеты, правда, на слоях угля, но нетронутые огнем, лежат в деревянных колодах или гробовищах, сколоченных железными гвоздями, или в деревянных срубках. К западу от Случи, где жили волыняне, мы опять встреча-

* Финифть, или эмаль — стекловидная масса, окрашиваемая в различные цвета при помощи металлических окислов и переносимая на металлические пластинки для их украшения; чтобы получить на одной пластинке разноцветную эмаль, устраивали на ней металлические перегородки, в которые вливались эмалевые массы разных цветов (эмаль перегородчатая).

емся с трупосожжением, но не полным: это скорее обжигание покойника, так как кости только слегка обуглены и лежат в полном порядке. Об улучах и тиверцах, которые, по словам летописи, «сediaху по Днестру оли до моря» и которые «ся зваху от Грек Великая Скуфь» (Скифия), мы ничего не можем сказать за неимением правильных археологических исследований.

Итак, по указаниям «Начальной летописи», на южнорусской территории жили следующие славянские племена: поляне, северяне, древляне, вольняне (дулебы, бужане), улучи и тиверцы. Археологические раскопки и исследования подтверждают, что между этими племенами были некоторые бытовые отличия, но что, тем не менее, они представляют единство культурного типа, который яснее, богаче, разнообразнее всего представлен в киевских находках.

Глава 2

ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ И ПЕРВЫЕ КИЕВСКИЕ КНЯЗЬЯ

I

Вероятно, всякому известно такое явление. Неподвижно стоит насыщенный раствор, представляя собой совершенно подобную воде прозрачную жидкость; но вот жидкость получает сотрясение или в нее попадает инородное тело — и картина сразу меняется: в жидкости начинается движение, кристаллизация, — и вот перед нами вместо жидкой массы масса твердых кристаллов. Нечто подобное можно наблюдать и в исторической жизни.

Зарождение русской государственности относится, как известно, к половине IX в., но задолго до этой критической эпохи — по крайней мере за два-три века, а может быть, и больше — славяне занимали Южнорусскую равнину, все расширяя свою территорию по направлению от запада к востоку и северо-востоку, но не обнаруживая, по-видимому, никакого тяготения к государственной организации. За это время до нас почти не дошло никаких свидетельств об общественном быте южнорусских славян. По раскопкам могильников и находкам кладов мы можем составить некоторое понятие об уровне их культуры, о материальной, бытовой стороне их жизни, но мы ничего не знаем об их социальном строе. Правда, некоторые известия византийских писателей, Прокопия¹ и императора Маврикия, и ученых арабов могут быть с большой вероятностью отнесены именно к ним, например: «Народы славянские и антские так дорожат свободой, что их никоим способом нельзя уговорить служить или повиноваться» или «между ними господствуют постоянные несогласия; что постановят одни, на то не решаются другие, и ни один не хочет повиноваться другим» и т. д. Но эти и подобные известия дают ли возможность прямых заключений насчет того, в каких социальных формах жили наши южнорусские предки в догосударственную эпоху? Конечно, нет. А иного характера указаний, кроме мимоходом брошенных нескольких слов первоначального летописца, мы не имеем. И тем не менее, почти не имея никаких прямых свидетельств, мы можем говорить об этом предмете с известной уверенностью. Если мы ничего не знаем непосредственно о славянах Южнорусской равнины, то мы знаем многое о тех ступенях развития, через которые неизбежно проходят все народы, а следовательно

но, и те, о которых идет речь. Приурочить же южнорусских славян VI — IX вв. к той или иной ступени социального развития представляется уже вопросом меньшей трудности, — вопросом, для решения которого найдется известный удовлетворительный материал.

Несомненно, что южнорусские славяне рассматриваемой эпохи жили в родовом быте: «Живяху кождо с родом своим на своих местах, володеюще кождо родом своим», говорит летопись. Но само по себе это утверждение заключает в себе мало. Оно означает лишь, что единственным связующим элементом общности признаётся в данный момент кровное родство, и только. Но в пределах этого утверждения возможно большое фактическое разнообразие. Окиньте взглядом все бесчисленное множество племен и народов, населяющих земной шар, и вы убедитесь, что, живя в кровных, родовых союзах, они в то же время во многом и существенном различаются друг от друга даже и по отношению к формам своей общности. Поэтому необходимо ближе коснуться того, какими чертами характеризовался родовой быт наших южнорусских предков.

Род есть всегда общественная группа, объединенная сознанием происхождения от одного общего предка, хотя бы даже и фиктивного, и на этом основании обособляющая себя от остального мира. Но эта общественная форма также имеет свою долгую эволюцию, и мы застаем южнорусских славян на относительно поздней стадии ее развития. Мы встречаем у них патриархальный род того же типа, какой история застаёт у греков и римлян, у кельтов и германцев. Кровная связь устанавливается по отцу, а не по матери, как на более ранних ступенях развития; есть правильный брак, семья, известны те же степени родства, восходящего, нисходящего, бокового, и свойства, какие признаются и современными взглядами на этот предмет.

Но не только отдельная личность, а и семья в собственном смысле слова еще поглощалась родовой группой. Род один был полноправной единицей, заключая в себе и свой собственный закон, и право, и единую нераздельную собственность, и свою религию, в основе которой лежало обожание собственных предков как богов-покровителей. Священный огонь очага, около которого ютились родичи, земля кругом, захваченная их трудом и огражденная извне неприкосновенной сторожей могильных курганов со священными останками предков, — вот тот довлеющий самому себе мирок, в котором жили наши предки того отдаленного времени. Мирок этот отделялся от остального мира пустыней, в которой бродили, подстерегая неосторожного, чужие, а следовательно, и враждебные духи. Старший в роде был и правитель, и законодатель, и судья, и жрец этой родовой общины. И тем не менее здесь не могло быть речи о произволе: все, и старший в том числе, жили теми понятиями и чувствами, которые почитались единственно правильными и как таковые свято и неприкосновенно передавались традицией из поко-

ления в поколение. Не было места произволу, не было места и той суровости отеческой власти, которая существовала в праве римском: мягким нравам славян была противна эта суровость.

Но был ли родовой союз вполне одинаковым, тождественным для всей обширной области, занятой южнорусскими славянами, при всем разнообразии тех территориальных, а может быть, и этнографических подразделений, которые летописец обозначает названиями отдельных племен? Несомненно, не был тождественным.

Территориальные группы, т. е. племена, прежде всего не были одинаково культурны, как об этом свидетельствуют, с одной стороны, раскопки и случайные находки, с другой — летопись. Летописец делает следующее важное указание, отмеченное чертами полной достоверности. Он говорит, что поляне, т. е. жители Киева и примыкающего к нему поля (степи), имели брачные обычаи («не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней, что вьдадуче»), в то время как древляне, жители Полесья, похищали девиц, а северяне, т. е. люди, жившие к северу от Киева, по Десне, заключали свои браки «на игрищах межю сельы». Указание исключительной важности. Различия в способе заключения браков необходимо отражались на характере семьи, характер семьи — на характере всей родовой группы, для которой семья была основной ячейкой. Затем надо принять во внимание различия материальной, экономической обстановки: жители поля занимались, на первом плане, земледелием, жители леса — промыслами. Это обстоятельство прежде всего отражалось на размерах отдельных родовых групп. Земледельцы в силу хозяйственных соображений должны были разбиваться на относительно мелкие группы, — первобытное хозяйство с его безграничной свободой земельного захвата указывало выгоды в том, чтобы переносить огонь священного очага из центра на окраины захваченного трудом поля. Промышленники-звероловы, рыболовы, бортники, наоборот, ощущали на первом плане не неудобства совместной жизни большими родственными группами, а ее выгоды. Оттого на территориях по преимуществу промысловых, как, например, в Полесье, до относительно позднего времени удержалась форма жизни большими семейными общинами (позднейшее название — дворище), сохранившимися до известной степени черты старого родового общежития.

Нельзя предполагать, конечно, чтобы эти отдельные родовые клеточки были так разъединены, что не находились между собой ни в каких отношениях. Отношения, несомненно, были — дружеские и враждебные: для разрешения враждебных столкновений была под рукой, как необходимое и неизбежное, частная война, кровавая месть.

Но, помимо этого, есть полные основания предполагать, что в эпоху, непосредственно примыкающую к эпохе возникновения государства, отдельные территории, занятые южнорусскими славянами и обозначаемые у летописца названием различных племен,

были объединены в союзы. Это, конечно, были те элементарные политические союзы, которые можно и в настоящее время наблюдать у разных диких племен и которым этнографы дают название «союзов мира». Главной, если не исключительной, целью таких «союзов мира» является защита от внешнего врага, требующая взаимной поддержки, а следовательно, и взаимных мирных отношений, поскольку они необходимы для данной цели.

Есть веские доказательства того, что такие «союзы мира», иначе политические союзы отдельных племен, действительно существовали. Арабский писатель Аль-Масуди² прямо говорит о большом и сильном союзе Великана — волянян, как можно бы толковать. Еще важнее для нас то, что в первоначальной летописи упоминаются князья, которые не имеют ничего общего с так называемыми князьями Рюрикава дома: в договоре Олега с греками говорится о светлых князьях, которые сидят под Олегом; в рассказе о мщении Ольги упоминаются князья древлянские. Князья эти, как свидетельствуют упомянутые договоры, сидят по городам, а города составляют, конечно, центры племенных территорий: на территории северян были города Чернигов и Любеч, у полян, кроме Киева — Вышеград и Витичев, у древлян — Туров и Коростень. Города могли возникнуть только усилиями большого территориального союза, следовательно, появление их всегда предполагает некоторую, хотя бы и зачаточную, организацию политического характера.

Итак, можно сказать, что общественная жизнь населения Южнорусской равнины была насыщена политическими элементами, но, чтобы произошла кристаллизация, т. е. государственное объединение, необходимо было вторжение в эту жизнь, так сказать, инородного тела. В качестве такого инородного тела явилась Русь.

Кто бы ни была эта загадочная Русь, пришла ли она с берегов Черного моря, как полагаем мы, или с берегов моря Балтийского по принятой гипотезе*, — вот что можно относительно ее считать за достоверное: во-первых, что она была северногерманского происхождения, во-вторых, что она явилась не как народ или племя, а как дружина или шайка повольников, вроде тех новгородских удальцов, которые позже приобрели для Новгорода Великого огромные территории с инородческими данниками.

Пришедшая Русь была сильна не численностью, иначе она не потеряла бы так скоро своих национальных особенностей, не расплылась бы в славянском элементе, утратив свой язык и нравы. Она

* Сопоставление разных мест летописи и иные соображения выдвигают следующее предположение как наиболее правдоподобное. В возникновении русской государственности принимали участие два элемента, близко между собой родственные — Русь Черноморская и скандинавские варяги: об их столкновении в Киеве прямо свидетельствует летопись своим рассказом о нападении Олега на Аскольда и Дира, из которых последний — лицо историческое, упоминаемое арабскими писателями³.

была сильна боевой и торговой опытностью, военной организацией, связями с варягами — черноморскими и балтийскими: через великий водный путь «из варяг в греки», на котором господствовали такие варяжские шайки полуторговцев, полупиратов, Русь Киевская всегда могла иметь помощь от своих соплеменников. Таким образом, относительно небольшая кучка пришельцев, сидя на Днепре в Киеве, который служил узлом для двух главнейших притоков Днепра — Десны и Припяти, легко могла приобрести и удержать власть над туземцами, расположившимися как по Днепру, так и по бассейнам этих притоков, т. е. полянами, северянами и древлянами.

Конечно, причину успеха пришельцев надо отчасти приписать и положению туземцев-славян. Им угрожали с востока сильные хазары, которые с берегов Волги раскинули свое влияние, и не торговое лишь, а прямо завоевательное, через бассейн Дона до бассейна Днепра: в рассматриваемую эпоху хазары уже просто брали дань с полян и северян «по беле и веверице от дыма», как свидетельствует летописец. Затем важную потребность местного славянского населения составляла охрана торговых интересов с их главным направлением к Черному морю и Византии: раскопки красноречиво свидетельствуют, что население Южнорусской равнины уже втянуто было в культурный обиход жизни и потому нуждалось во многих предметах, которые могло доставать лишь путем торгового обмена с византийского Юга. Пришедшая Русь прямо взяла в свои руки эти два существенных интереса местной жизни: защиту от хазар и охрану торговых сношений. Что Русь действительно явилась представительницей и торговых интересов населения, это ясно из дошедших до нас торговых договоров с греками Олега и Игоря. Как она отстаивала южнорусских славян от хазар, об этом рассказывает летопись своей обычной, в высшей степени сжатой и выразительной, эпической манерой: «Не даст (Олег) им хазарам дани платити, рек: „Аз им противен, а вам нечему“». У восточных, арабских, писателей сохранились свидетельства о том, как терпело Хазарское государство от Руси, начиная с конца IX в., и если можно сомневаться в том, была ли то Русь Киевская, то не подлежит сомнению, что в X в. киевский князь Святослав так разорил Хазарию, что она уже не могла больше оправиться от удара, ей нанесенного.

Из сказанного выше легко вывести, что Русь, водворившаяся в Киеве, без особых затруднений подчинила себе южнорусские племена, — сначала ближайšie к Киеву, затем более отдаленные. Подчинение это, конечно, не было призыванием, т. е. подчинением вполне добровольным; но оно не было и завоеванием. Несомненно, были случаи, когда Руси приходилось прибегать к прямому насилию, «примучивать» к подчинению; так, Олег «примучил» древлян и «имел рать с тиверцами»; так, Владимир Великий завоевал червенские

города⁴, завершив таким образом подчинение всей южнорусской территории влиянию Киева.

Но, вообще говоря, подчинение это, совпадая, по-видимому, с какими-то серьезными интересами объединяемого населения, не встречало серьезного сопротивления. Иначе трудно было бы объяснить ту свободу, которою широко пользовалась Киевская Русь для далеких походов уже не за даями, а просто за добычей. Кроме набегов на Византию и походов в Дунайскую Болгарию, мы знаем еще, как из летописи, так и от арабских писателей, о больших походах Святослава на восток. Объединявшаяся «Русская земля» сталкивалась враждебно в своих восточных границах с сильным государством Хазарским; Святослав положил предел хазарским притязаниям. Удачные походы его на ясов и касогов⁵ объясняются связями Киевской Руси с Русью Поморской, или Тмутараканской.

Но что такое представляла собой эта Русь и что она вносила во взаимные отношения?

Нет никаких оснований предполагать, что Русь оторвалась от общества, которое стояло на высшей по сравнению с южнорусским славянством ступени социальной культуры. Наоборот, она жила, очевидно, в тех же понятиях родового, патриархального быта: сознание взаимной родовой ответственности, власть старшего в роде, кровавая месть — все это было обще Киевской Руси со славянскими туземцами. Но большую роль сыграло то обстоятельство, что Русь осела в Киеве не родом или племенем, а дружиной, т. е. группой, порвавшей свои кровные связи. Таким образом, она вносила в неподвижность родовых форм новый элемент, создавала новые отношения, а вместе с тем и новые понятия. Процесс созидания новой формы общественности, политической или государственной, быстро пошел вперед под влиянием вторжения в старое течение жизни нового элемента.

Но надо сказать, что первое время — и не очень краткое — Русь жила своей собственной, обособленной жизнью. Византийский император Константин Порфирородный, хорошо осведомленный о том, как жилось на нашей южнорусской территории, описывает жизнь Киевской Руси такими словами: «В ноябре месяце, с наступлением зимы, вся Русь со своими князьями выходит из Киева и идет на „полюдь“», т. е. за сбором дани к своим славянским данникам. В сборе дани проходит зима; в апреле же, когда Днепр освобождался ото льда, Русь спускалась обратно в Киев, вероятно, на моносилах или на однодеревках (дубах), которые приготавливали им те же данники в верховьях Днепра и по его верхним притокам. Дань собиралась медом и скорою, т. е. мехами, составлявшими главный предмет торговых сношений с греками. Летом Киевская Русь занималась торговлей и, надо думать, рыбною ловлею в устьях Днепра, как указывает одно место в договоре Игоря с греками: греки требуют, чтобы Русь осенью, ввиду наступления зимы, непременно воз-

вращалась домой, а не оставалась в устьях Днепра, а вместе с тем не делала бы зла корсунянам, если заставляла их здесь, в устьях, на рыбной ловле. Но зачем могла проживать летом в днепровских устьях сама Русь? По всей вероятности, для той же рыбной ловли. А что она проживала, и подолгу, в столице Византии для торговли — это несомненно. Проживать здесь, как видно из договоров, она могла лишь в одном определенном пункте, в предместье Св. Мамы; имела право входить в город лишь через известные ворота, в количестве не больше 50 безоружных людей, под наблюдением правительственного агента, «царева мужа»; русские «гости» (торговцы) имели право получать из византийской казны в течение шести месяцев месячное содержание хлебом, вином, мясом, рыбой, овощами, в дополнение к которому еще давалась баня, «елико хотят», а на обратный путь — съестные припасы и принадлежности судоходства — паруса, якоря и пр.

Вообще говоря, для дохристианской эпохи нашей истории договоры Олега (911) и Игоря (945) с греками представляются, можно сказать, единственным источником несомненной, документальной, достоверности, и этот источник изображает нам людей «роду русского» подвижными, торговыми, воинственными мореходами. Конечно, они не только торговали, но и собирали дани, охраняли своих данников, промышляли новые дани. Такими они, несомненно, были на самом деле, — такими изображает их и наша первоначальная летопись. Но надо заметить, что фактической стороне нашей истории языческого периода, описываемой летописью, мы можем доверять лишь в той мере, в какой она подтверждается сторонними свидетельствами, главным образом византийскими. Что великие князья русские, Олег и Игорь, действительно существовали, — этому мы можем вполне доверять только потому, что имена их подписаны под вышеупомянутыми договорами. Что русская княгиня Ольга была в Константинополе и имела прием во дворце — это событие записано со многими подробностями у императора Константина. Характерная фигура Святослава со всеми его особенностями, вплоть до наружности, напоминающей запорожца, обстоятельно описана у византийца Льва Диакона⁶. Тайной пружиной всех подвигов Святослава в Болгарии была в значительной степени византийская политика, которая извлекла свои выгоды из науськивания одних славянских варваров на других. Поход Святослава в Хазарию подтверждается арабами. По отношению к остальным фактам, приводимым летописью, трудно разобрать, что принадлежит фактической действительности, что народному творчеству, воплотившемуся в предании, которым воспользовался летописец, двумя веками отделенный от лиц и событий, им описываемых. Что летопись уклонялась в своих сказаниях более или менее значительно от фактической правды, это несомненно: конечно, Олег не подъезжал на колесах, приделанных к судам, и под парусами к стенам Царьграда;

несомненно, что Ольга не «переключала» греческого императора и, вероятно, не мстила древлянам с той красивой выдержанностью, о какой свидетельствует летопись, и т. д. Но зато летопись глубоко правдива в другом отношении. Свободный от риторики и поползновений к индивидуальному творчеству, наш прекрасный первоначальный летописец отметил драгоценные черты той бытовой атмосферы, в которой действовали лица и совершались события, и дал, таким образом, нечто более ценное, чем сухая, хотя бы и точная, запись фактов. Если князь не совершал тех действий и подвигов, какие приписывает ему летописное предание, то во всяком случае был на самом деле тем князем, каким его изображает летопись: предводителем своей дружины, который заинтересован прежде всего в том, чтобы добывать при посредстве этой дружины золото и новые дани, а по отношению к зависимому населению лишь в том, чтобы «устанавливать дани и уроки, становища и ловища». Таким же изображает князя и былина, хотя она и не имеет ничего общего с летописью ни в источниках своих, ни в характере и приемах творчества. До поры до времени князь со своей дружиной был сам по себе, земля со своим населением — сама по себе. Земли платили свои дани, отбывали уроки — в виде ли помощи князю при устройстве городского укрепления, необходимого для защиты от врага, в виде ли устройства какого-нибудь моста или перевоза, без которого было невозможно передвижение, или, наконец, помощи при княжеской охоте, которая была в те времена не развлечением, а настоящим промыслом.

II

С христианством наступил резкий поворот в сторону объединения двух чуждых между собою элементов, которые положили начало русской государственности. Конечно, надо иметь в виду, что само христианство появилось не так внезапно, как об этом мы узнаём из рассказа летописи и основывающихся на ней учебников⁷. Еще в то время, как Русь подписывала со своим князем Игорем упомянутый выше торговый договор, Русь «крещеная» уже составляла по отношению к «некрещеной» если не большинство, то значительное и влиятельное меньшинство. Очевидно, почва для восприятия новой религии подготовлялась в продолжение долгого времени и прежде всего среди самой Руси, которая находилась в постоянных и непосредственных сношениях с византийскими греками. Но раз христианство появилось и охватило Южнорусскую равнину своими идеями и учреждениями, оно сделалось сильным орудием сближения как отдельных племенных территорий между собой, так и дружинной Руси со славянским населением этих территорий. Новое мировоззрение с его единым источником всего сущего, с проповедью всеобщей любви и единой морали уничтожало значение родовых разгра-

ничений в умах и душах людей; церковь с ее иерархией, обрядами, письменностью объединяла фактически около известных общих и важных интересов. А кроме того, с христианством явился из Византии целый цикл новых понятий и взглядов, общественных и политических, соответствующих высшим формам культурной жизни, и эти новые понятия и взгляды захватили прежде всего князей и окружающую их дружинную среду. Учение и писание христианское выдвигали новый идеал государя-правителя, верховного судьи, законодателя управляемой страны, и князья не могли остаться чуждыми этому идеалу, который предьявлялся и истолковывался постоянно духовенством — сначала византийским, затем своим собственным, но воспитанным в том же византийском культурном духе.

Владимир Святославич не только крестился сам с дружиной и населением Киева, но сделал все, чтобы привести к христианству население всей территории, которая тянула к Киеву. Незачем повторять всем известные подробности этого великого события. Скажем лишь, что многое в летописном рассказе об этом предмете носит на себе легендарный характер. Конечно, все подробное повествование об испытании веры есть продукт позднейшего творчества; также не выдерживают исторической критики и некоторые подробности, касающиеся самого факта крещения Владимира Святого. Но зато здесь мы уже стоим на пороге настоящей истории: с этих пор летопись приобретает характер достоверности. Новая вера дала власти ту высшую, религиозную санкцию, которой она была лишена, и с тех пор потомки Владимира Святого пользуются почти никем и никогда не оспариваемым правом на управление Русской землей. Возрос авторитет княжеской власти, и сами князья все глубже проникались сознанием своих обязательств быть организаторами и устроителями своих земель по тем образцам, которые представлялись их сознанию готовыми, выработанными, единственно правильными.

Летописный Владимир Святой является сначала в образе старого языческого князя — предводителя своей дружины. В течение 10 лет подряд летопись приписывает ему непрерывные походы из края в край своей обширной территории и за ее пределы — то к непокорным данникам, то за новыми данями и добычей, на червенские города, лежавшие на границах с ляхами, к ятвягам, к вятичам и радимичам *, к камским болгарам и к Черному морю в греческие пределы.

Такой же образ князя, предводителя дружины, остался от Владимира Святого и в народной памяти, только освещающей его фигуру не с этой, так сказать, деятельной его стороны: почти весь наш так называемый былинный эпос, с небольшим исключением, имеет своим средоточием Киев и князя Владимира стольно-киевского. Не-

* Вятичи и радимичи — русские племена, обитавшие на Соже, верхней Десне и Оке, но не входившие в южнорусскую племенную группу.

смотря на то что Владимир самолично появляется во множестве былин, черты, которыми он характеризуется, сводятся к немногому. Тем не менее это немногое освещает его фигуру очень определенно. Владимиру былин, очевидно, нет иного дела до земли, кроме одного: защиты этой земли. Имеет он отношение лишь к дружине, которая занимается этой защитой. Со всех сторон, из самых отдаленных краев территории и из-за ее пределов стекаются дружинники на службу ласковому князю: тут и северский богатырь Илья Муромец, и выходец из отдаленной западной окраины Южной Руси — Галича Волынского — Дюк Степанович, и заморский гость Соловей Будимирович. Между ними есть люди и княжеского рода, как Добрыня Никитич, и духовного происхождения, как Алеша Попович, и Иван — гостинный сын, и мужики Залешане. Всех принимает Владимир-князь с распростертыми объятиями, всем готова чара вина, пива пьяного, меда сладкого, для всех накрыты дубовые столы, расставлены скамьи окольные, подаются яства сахарные. Конечно, не каждому гостю почет одинаковый: для человека с известным именем и отчеством, для славного богатыря готово место рядом с князем или княгиней или супротив них; для темного пришельца достаточно было «и на нижнем конечку местечка немножечко». Но зато каждому открыто было всякое место путем заслуги, путем богатырского подвига. Крестьянский сын Илья Муромец благодаря своим выдающимся заслугам по защите Русской земли мог не только выбирать по своему изволению любое место за княжеским столом, но в случае неудовольствия на князя мог верховодить и в самом Киеве. Вообще надо сказать, что былинные богатыри умели ценить свои заслуги, умели постоять за себя и не особенно церемонились с князем. Припомним кстати рассказ летописи о том, как дружина не захотела есть деревянными ложками, а потребовала у Владимира серебряных, и как князь тотчас же исполнил это требование: «Серебром-де и золотом не добуду себе дружины, а с дружиной добуду и серебро, и золото». Богатыри защищают землю, расчищают пути-дороги от залегавшей их разной вражеской силы, делают заставы, совершают разные богатырские подвиги; кроме того, исполняют личные поручения князя: ездят на охоту, ездят в чужие земли присмотреть невесту для князя и т. д. За услуги князь жалует богатырей бесчисленно казною, красным золотом, чистым серебром, скатным жемчугом. Былинный эпос, как известно, возбуждает массу недоразумений и противоречивых теорий касательно его генезиса и отношения былинного материала к историческому; но едва ли можно сомневаться в том, что он прекрасно передает дух первобытных взаимных отношений князя и дружины. Однако сам былинный князь Владимир, по-видимому, мало соответствует историческому. Он изображается личностью пассивной; целый Божий день пирует он со своими богатырями и гостями торговыми.

Случается, рассердит его какой-нибудь богатырь неуместной выходкой, и тогда князь бегает по столовой гридне, потряхивая желтыми кудрями, и даже доходит в гневе до того, что сажает виновного в погреб глубокий, но обыкновенно дело оканчивается тем, что он раскаивается в своем поступке и просит прощения. Но если эти черты и не напоминают нам исторического Владимира, то, во всяком случае, это общие типические черты дружинного князя-предводителя, каким исключительно и представляется Владимир в былинах.

Таким же дружинным князем представляется Владимир отчасти и нашей летописью. Но она знает и другого Владимира, строителя земли. Самый факт введения христианства потребовал от князя много организаторской деятельности: ведь новому христианскому обществу надо было дать церковь во всем сложном смысле этого слова. Но летопись дает понять, что это новое, устроительное направление княжеской деятельности не ограничилось одной религиозной областью. Единственное, что устраивали старые языческие князья, это были «дани и уроки»; Владимир Святой делает попытки организовать суд в более культурном смысле этого слова.

Что вмешательство это было результатом влияния новых идей, видно из той роли, какую играло в этом деле духовенство: ведь оно было не только главным, но и единственным пока проводником культурных форм и понятий. «И сказали епископы Владимиру: „Вот умножились разбойники; зачем не казнишь их“. Он же сказал им: „Боюсь греха...“ Они же сказали ему: „Ты поставлен от Бога на казнь злым и на милованье добрым; следует тебе казнить разбойников, но с расследованием („со испытанием“)“». Так наивно рассказывает летопись об этих первых попытках устроить правильный суд.

И защиту своих земель Владимир, по-видимому, понимал правильнее и шире, чем его предшественники. Он устроил для защиты своих владений со стороны Степи целую систему крепостей: на правом берегу Днепра — по Стугне и Ирпени, на левом — по Десне, Остру, Трубежу, Суле. Кроме крепостей, служили для защиты еще валы и рвы. Немецкий епископ Брунон, прожив целый месяц с миссионерскими целями при дворе Владимира, свидетельствует, что он сам видел воздвигнутые Владимиром крепкие стены с воротами не только вокруг Киева, но и где-то на Стугне ⁸.

Надо сказать, что и потребность в защите южных границ выступила к этому времени с угрожающей настоятельностью. Южнорусская Степь с ее кочевым населением, постоянным или временным, но всегда враждебным и хищным, определила собой в значительной степени всю дальнейшую судьбу Южной Руси. И не успела еще Русская земля окончательно сложиться политически, как Степь уже была готова к наступлению, уже ставила ей свою вековечную задачу ⁹. Еще со времени Святослава (968) начинаются нападения печенегов, осаждающих даже Киев, и сам Святослав, как известно, пал их жертвою. Владимир Святой боролся с ними почти непрерывно.

Хищники отрезали молодой политической организм от Черного моря, которое было в известном смысле его колыбелью. Путь «из варяг в греки» был ими перехвачен в низовьях Днепра. Поморская Русь осуждена на отмирание, как атрофированный член; страна насильственно отодвинута к северу. Но все это сказалось позже в своих окончательных результатах. Пока еще Русь успешно боролась с печенегами, которые иногда выступали даже и союзниками русских князей, продолжала морские сношения с Грецией, а Тмутаракань деятельно участвовала в общей жизни Русской земли.

Ярослав (1019—1054), один из многочисленных сыновей Владимира, заняв киевский престол после нескольких лет междоусобиц, наступивших между братьями по смерти отца, был вторым князем — устройтелем земли. Черты старого князя-дружинника в нем уже как бы совершенно отсутствуют, по крайней мере в летописном облике его, как великого князя киевского. Войн он ведет сравнительно мало, и те, какие ведет, обуславливаются главным образом войной с братьями из-за власти и для самозащиты. Борьба со Святополком, так называемым Окаянным, вовлекла его в продолжительные враждебные столкновения с Польшей¹⁰. Здесь, в Польше, совершалось приблизительно и почти одновременно то же, что у нас на Руси: складывалось политическое целое, стягивая в одну массу тянущие врозь племенные группы, вторгалось христианство, сплавливая эту массу единством своих настроений и учреждений. Ярослав, вовлеченный во враждебное столкновение с Польшей, обнаружил в этих столкновениях сознательный ум политического деятеля: в междоусобной борьбе, которая там происходила, он поддерживал сторону объединения и христианства против племенных и языческих стремлений. Для Русской земли это вмешательство Ярослава в польские дела выразилось окончательным присоединением червенских городов, которые лежали, так сказать, на периферии двух складывающихся политических организмов — русского и польского; таким образом, политическая граница совпала, как оно и следовало, с этнографической. Ярослав, выведя из походов своих в Польшу много пленных, селил их по Руси, которую укреплял городами, продолжая таким образом и расширяя дело Владимира Святого — защиту южных границ от степных хищников. Надо сказать, что при Ярославе печенеги уже меньше беспокоили Киевское княжество, так как были ослаблены наступающими на них с востока новыми кочевниками — узами-торками, за которыми следовали половцы; после решительного поражения под Киевом в 1036 г. печенеги исчезли навсегда для Руси.

Во внутреннюю жизнь Ярослав уже вмешивается деятельно и широко. Существеннейшим интересом общества, во главе которого он стоял на том новом пути, на каком оно очутилось связью исторических условий, были укрепление и распространение христианской культуры. Прямым путем к достижению этой цели было насаждение

грамотности и книжного учения¹¹. Всем известна забота Ярослава об этом: как он сам лично «прилежа книгам и почитая е часто в нощи и в дне», как он собирал книги, добывая их, конечно, из Греции и Болгарии, держал многих писцов для переписки, заботился о переводе с греческого того, чего не хватало на болгарском; известны также его заботы о духовенстве, о построении и украшении церквей. Одним словом, он приложил много усилий к тому, чтобы христианство из внешнего и обрядового, каким оно по необходимости было вначале, при Владимире по возможности делалось внутренним, перешло в понятия и чувства общества. Ярослав читал книги и, конечно, проникался христианством, а вместе с тем и римско-византийскими понятиями о государственном строе и своих обязанностях как христианского правителя. А окружающая жизнь между тем неслась мимо него свободным потоком — из источников, имеющих мало общего с христианским понятием об истинном и должном, с римским понятием о справедливом. Естественно, что всякий правитель, не лишенный энергии, должен был делать попытки урегулировать эту свободную и «неправильную» жизнь, приспособить ее к новым требованиям, какие ставили ей христианская нравственность и развивающийся государственный строй. Ярослав сделал эту попытку своей «Русской Правдой» в ее древнейшей редакции. «Русская Правда» — свод юридических положений, частью заимствованных из правовых понятий, господствующих в жизни, частью из византийского права¹².

Благодаря уму и энергии Владимира и Ярослава политический организм Русской земли сложился и до известной степени окреп. Внешние враги не угрожали его существованию: восточное соседнее Хазарское государство не могло оправиться от тех ударов, которые нанес ему богатырь нашей летописи Мстислав Владимирович Тмутараканский; о западном соседе — Польше — только что сказано, также и о южных соседях — печенегах. Дружеские отношения с Византией нарушены были неудачным морским походом на Грецию Ярослава сына Владимира, причины которого неизвестны: это был последний набег русских на Византию¹³.

Итак, ничто извне не угрожало существованию Руси. Но у ней оказался опасный враг внутри, в семье самих князей-правителей. Каждый из них, когда делался правителем, мог проникаться более или менее интересами земли, но в то же время все вместе и каждый в отдельности они смотрели на власть как на свое семейное достояние, в котором каждый член должен был по праву иметь непосредственное участие. Отсюда — дробление власти, для избежания которого некоторые князья-правители прибегали к истреблению своих братьев — претендентов на раздел. Из троих сыновей Святослава остался от взаимного истребления один Владимир; старший сын Владимира, Святополк, умертвил Бориса, Глеба и Святослава. Это явление далеко не единичное во всемирной истории, — во многих

случаях политическая власть утверждалась лишь истреблением братьев и родичей. Но это не могло обратиться в систему в христианском государстве: уже Ярослав не решился убить брата Судислава, а лишь посадил его «в поруб» и вынужден был разделить власть с братом Мстиславом Тмутараканским. А за спиной князей-братьев, которые все тянулись за своей долей власти, стояли земли с отдельными племенами, в которых ещё далеко не замерло воспоминание о самостоятельном существовании, свободном от даней и уроков Киеву и его князьям.

Едва только сложившийся политический организм уже готов был разложиться на свои составные части.

Глава 3

УДЕЛЬНАЯ СМУТА И СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ. ВНУТРЕННИЙ БЫТ. ГАЛИЦКО-ВЛАДИМИРСКОЕ КНЯЖЕСТВО

I

Современный историк, приступая к истории той или другой страны, обыкновенно предпосылает территориальное ее описание, — прием, рациональность которого не нуждается в особых доказательствах. Мы уклонились от этого обычного приема — и не без основания. Государство в зачаточных ступенях своего развития не поддается сколько-нибудь точным территориальным определениям. Если государство Олега, например, — буде сюда применим термин «государство» — захватывало Киев и Новгород, то это совсем не значит, что первым князьям принадлежала вся территория, лежащая между этими городами, а значит лишь, что им принадлежала власть над обоими этими отдаленными конечными пунктами великого пути «из варяг в греки», а следовательно, и известное влияние на всем протяжении этого пути, соединенное, может быть, с захватом еще некоторых пунктов по сторонам этого пути или его разветвлениям. Определение границ в современном смысле этого слова, т. е. по линии периферии политического организма, для этой первичной эпохи невозможно: можно определить территорию лишь по ее, так сказать, центральным пунктам, по городам и речным путям.

Настоящая, третья глава посвящена так называемому удельному периоду южнорусской истории. Всякому известно, что период этот с внешней стороны характеризуется расчленением территории. Благодаря этому расчленению делаются возможными более точные территориальные определения, хотя все-таки только приблизительные; поэтому мы ограничимся здесь лишь самыми краткими и насущно необходимыми географическими указаниями.

Киевская земля¹, область или княжество, захватывала среднее течение Днепра от устья Припяти до устья Роси. Главную свою массу она лежала по правой стороне Днепра; по левому берегу ее владения шли лишь какой-то неопределимой, точнее, узенькой полосой. Вообще, населенные места, тянувшие к Киеву и, следовательно, считавшие себя частью земли Киевской, лежали на территории между Припятью и Случью, южным Бугом и Росью. Надо полагать,

что население этих мест не было однородно по племенному характеру: здесь поляне летописи жили, вероятно, вместе с древлянами.

К Киевскому княжеству тесно примыкали, территориально и политически, княжества Туровское (Турово-Пинское) — с северо-запада и Переяславское — с юго-востока². Оба они то исчезают в понятии Киевского княжества, то появляются отдельно: их территория так же неопределенна, как туманна и бледна их история. Туровское княжество, земля дреговичей, родственных древлянам, расходуется своими поселениями по Припяти и достигает ее верховьев, врезываясь, таким образом, в земли княжества Галицкого.

Переяславская «украина», по выражению летописца, тянулась неопределенной линией своих укрепленных городов по левым притокам Днепра от Трубежа и Супоя через Сулу, Псел до Ворсклы и верхнего Донца, сливаясь с дикой степью — приютом кочевых хищников. Переяславское княжество даже трудно и назвать областью или землей: это скорее сторожевая линия. Относительно населения надо полагать, что оно было главным образом северянское.

Но настоящей землей северянского племени было княжество Черниговское³, лежавшее к северу от Переяславского. Его исконная территория — бассейны Десны и Сейма. Однако северными своими поселениями Черниговское княжество выходило за пределы Южной Руси в земли радимичей и вятичей, к рекам Волжского бассейна. Факты, относящиеся до Черниговского княжества, резко выставляют на вид обособленность этой земли от земли Киевской: очевидно, политические отношения здесь укрывали племенной антагонизм, исконную племенную рознь.

В западной части южнорусской территории в удельный период выступили более или менее определенными очертаниями еще две области, Волынская и Галицкая; они то существовали политически отдельно друг от друга, то сливались в одно Галицко-Волынское княжество⁴. Волынь лежала по верхней Припяти и правым ее притокам, также по верховьям Западного и Южного Буга: это земля дулебов, бужан или волынян летописи. С Волынским княжеством сливалось по верховьям Западного Буга княжество Галицкое, захватившее тех же самых бужан; но затем оно отходило под Карпатские горы, по северо-восточным склонам которых и раскинулось. Из Карпатских гор расселение шло по р. Сан к северу, пока не наткнулось на поселения польских племен; а к юго-западу, по Пруту и Днестру, оно ушло в даль, стремясь к Черному морю. Отдаленность ли территорий, племенная ли рознь была тому причиной, но ни одна из южнорусских земель не жила такой обособленной от общих центров, от Приднепровья и Киева, жизнью, как земля Галицкая.

Таковы были области, на которые распалась Южная Русь после смерти Ярослава I⁵. Не следует думать, что каждая земля была постоянной и неизменной величиной. Напротив, земли эти, княжест-

ва, находились в постоянном движении. Они то соединялись между собою под властью того или другого князя, то разъединялись; та или иная часть территории отходила то к одной области, то к другой; наконец, внутри областей образовывались уделы, т. е. новые областные деления. Но несомненно тем не менее, что была какая-то сила, тянувшая области к обособлению. Надо полагать, что силой этой, объединяющей область в областную единицу, были прежде всего племенное чувство, сознание племенного родства, затем, вероятно, общность торговых, промышленных и иных интересов. Как бы то ни было, во всякой области был центр, иногда и не один, который служил узлом ее общественных интересов. Такими центрами были для Черниговской земли Чернигов и Новгород-Северский, для Туровской — Туров и Пинск, для Переяславской — Переяславль, для Волынской — Владимир и Луцк, для Галицкой — Перемышль и Червень, потом Галич, позже Холм и Львов.

Одновременно с объединением Русской земли за ее западными пределами образовались из славянских народностей два других политических тела — Польша и Чехия. У них мы замечаем то же самое дробление на уделы. Мало того, аналогичные явления усматриваются и в Сербии, и в Болгарии. Может быть, на все это не следует смотреть как на историческую случайность, а как на проявление особенного тяготения славян к федеративной форме политического устройства; но крайности этого дробления и его большая сложность и запутанность есть уже несомненно случайность русской истории, особенное условие наших исторических обстоятельств.

У Ярослава было шесть сыновей; у каждого из них были также сыновья. Таким образом, число претендентов на долю участия в управлении Русской землей разрослось значительно в течение даже и первого полувека со смерти Ярослава. По понятиям того времени, господствовавшим в княжеской семье, старший по семейным отношениям тем самым делался старшим и по управлению государством, садился на старший «стол», киевский⁶, остальные получали свои доли в управлении в виде отдельных «волостей», т. е. областей в известном порядке, в котором достоинство получаемых областей находилось в зависимости от положения претендента в порядке семейной иерархии⁷. Всякое извлечение звена из этой цепи вызывало новое передвижение всех остальных звеньев. Такова была идеальная схема княжеских отношений. Но до осуществления ее на практике было так далеко, как вообще далека практика жизни от всякого теоретического идеала. Осуществление этой схемы часто наталкивалось на серьезные практические препятствия, но прежде всего против нее стоял эгоизм тех же князей-старших, а потому и более сильных. Сила всегда находит себе оправдание в праве. Вразрез положениям архаического права выступали новые понятия, в силу которых сын не мог пользоваться тем, чем не пользовался его отец. Князья старшего поколения применяли это юридическое поня-

тие так, что лишали прав тех из младших князей, отцы которых не успевали за раннею смертью получить самостоятельное положение, стать во главе отдельной волости. Так поступили старшие Ярославичи с племянником Ростиславом — сыном первого Ярославова сына Владимира, умершего еще при жизни отца, и с его детьми Рюриком, Володарем и Васильком Ростиславичами. Такие обездоленные князья, как бы выброшенные, изгнанные из княжеской семьи, назывались изгоями. Иногда они получали от старших родичей в виде милости что-нибудь, какой-нибудь город, иногда не получали ничего. Но соблазн уменьшить число претендентов на власть был так велик, что старшие Ярославичи, Изяслав, Святослав и Всеволод, распространили изгойство и на сыновей младших Ярославичей, Игоря и Вячеслава, хотя отцы их умерли уже самостоятельными князьями отдельных волостей. Мало того, два старших Ярославича, Изяслав и Всеволод, после смерти Святослава, оставшись у власти, обратили в изгоев сыновей умершего, хотя отец их был даже одно время великим князем киевским. Таким образом место права заступило простое и грубое насилие.

Но между изгоями-племянниками были люди и даровитые, и энергичные: таковы были Ростислав и Ростиславичи, затем Олег Святославич (или «Гориславич», по живописному выражению «Слова о полку Игореве»); не обделен природою был, по-видимому, и Давид Игоревич. Они не могли мириться со своим положением, да с ним не могли мириться и самые заурядные из изгоев. В самом деле, что такое был князь без волости? Ничто. Борьба за волость была борьбой за существование в прямом смысле этого слова. К тому же изгой чувствовал за собою право, и право исконное, нарушенное насилием. Они не могли не вступить в самую решительную и отчаянную борьбу за свое право надела в Русской земле. План борьбы предreshался обстоятельствами.

Была одна русская область, куда не могли достать даже и длинные руки старшего князя Русской земли, князя киевского — это Тмутаракань; она жила какой-то для нас уже совсем темной, обособленною жизнью⁸. Туда бежали изгой и находили там гостеприимный приют. В Тмутаракани изгой собирался с силами, склика́ли дружину, договаривались со степными хищниками, орды которых отделяли Тмутаракань от остальной Русской земли и которые всегда были готовы отправиться в русские пределы, особенно под предводительством русского князя. Изготовить такую экспедицию, по-видимому, было делом очень нетрудным; и каждый раз стольные князья-дяди должны были живо чувствовать, как непрочны их столы.

Изгой ничего не стоило перенести неудачу: он уходил назад в Тмутаракань для того, чтобы снарядиться и опять появиться с новой военной силой: в этом отношении Степь была неистошима. Во что обходилось это [Русской] земле, видно из горькой «славы»

изгоя Олега Святославича-Гориславича⁹. Очевидно, надо было покончить с таким положением; пришли к сознанию необходимости этого и сами старшие князья. Надо было придумать какой-нибудь компромисс, удовлетворявший так или иначе требования изгоев.

В практике княжеских отношений был один способ решать большие и общие затруднения: это съезды князей, как бы княжеские сеймы или веча. Первый известный нам съезд князей, Любечский (1097), был созван именно для того, чтобы уладить дела дядей с племянниками — удовлетворить изгоев.

Переговоры князей на Любечском съезде выяснили, что сыновья должны наследовать своим отцам: ими утвержден был, по принятому выражению, принцип вотчинности как руководящее начало княжеских отношений. К данным условиям принцип этот применялся так: второе поколение Ярославова потомства, т. е. внуки, должны были пользоваться тем, чем владело первое поколение — их отцы — по распоряжению деда Ярослава. Собственно, этим постановлением Любечского съезда не было установлено ничего решительного и нового. И раньше дети князей наследовали отцам в тех случаях, где эти их права наследования не наталкивались на препятствие со стороны иного права или просто силы; с другой стороны, и после съезда князья далеко не всегда удерживали за собою свои вотчины. Но навстречу принципу вотчинности шло стремление областей к обособленности. Каждая область была глубоко заинтересована в том, чтобы иметь князя из одной княжеской линии, т. е. чтобы столы ее не передавались из линии в линию, как это практиковалось вначале. Таким образом, принцип вотчинности, несмотря на всю фактическую путаницу отношений, на постоянные его нарушения, все-таки в конце концов восторжествовал, и отдельные линии Ярославова дома более или менее прочно связали свою судьбу с историей отдельных областей.

Важные последствия для южнорусской истории имело решение Любечского съезда признать за изгоями Ростиславичами право на червенские города, которые составляли ядро Галицкой земли.

Энергичные Ростиславичи¹⁰ и их потомки крепко уселись в своих уделах и так дружно держались за них, что сумели отстранить все попытки других князей, особенно киевских, сдвинуть их с места. Стремление Галицкой области к самостоятельному существованию нашло себе деятельную поддержку в энергичных изгоях.

Но внутреннее спокойствие не водворилось в Русской земле ни после Любечского, ни после Витичевского (1100) съезда, который был созван с тою же целью. Князей было слишком много, и слишком много было у них поводов для взаимных столкновений. Каждый стремился к лучшим и большим волостям, у каждого была наготове ссылка на какое-нибудь право, а «волоститься» (спорить о волостях) можно было только за счет другого, который никогда не желал добровольно оставлять того, что он уже занимал. На первом плане

шла, конечно, ожесточенная борьба между более сильными за лучший из имеющихся в наличности кусков — за киевский стол. По отношению к столу киевскому оставалось, по-видимому, в полной силе не затронутое никакими княжескими съездами, ни договорами, старое правило: что киевский стол должен быть занят старшим в роде.

Но принцип вотчинности, так громко и решительно признанный самими же князьями, подрывал авторитет этого правила теоретически и создавал для его применения практические препятствия. Поэтому киевский стол лишь в редких случаях доставался тому, кто действительно имел на него право старшинства. Один занимал киевский стол потому, что «голова идет к месту, а не место к голове», другой потому, что его хотел Киев, третий потому, что чувствовал за собою поддержку какой-нибудь внешней силы, хотя бы иноземной, в виде поляков или угров (венгров); во всяком случае, садился на киевский стол тот, за кем было в данный момент фактическое преимущество, в чем бы оно ни заключалось. Как мало здесь значило право старшинства — видно из следующего примера.

Внук Ярослава, Владимир Мономах, представляет собою самую симпатичную личность всей так называемой удельно-вечевой эпохи, считая от смерти Ярослава до нашествия татар (1054—1224). Отец его, Всеволод, был одним из образованнейших русских людей своего времени; мать его — греческая царица. Вероятно, влиянию семейной атмосферы обязан Владимир Мономах той относительной культурностью, которая так выгодно отличает его в среде других членов Ярославова дома. Сохраняя свойства древнего русского князя, энергию, предприимчивость, мужество, настойчивость в достижении цели, прямоту и искренность характера, Мономах соединяет с этими достоинствами свежей природы варвара стремление к сознательному идеалу, которое прививается человеку лишь цивилизацией. В его душе живет идеал христианского князя, правителя своей земли и ее защитника, праведного судьи, прибежища всех слабых и угнетенных, «братолюбца, нищелюбца и доброго страдальца за русскую землю». Таким образом, Владимир Мономах представляет собою редкое сочетание варвских добродетелей с христианским настроением чувства и культурно развитою мыслью.

И вот этот-то в своем роде идеальный человек, с его глубоким уважением к праву, занимает Киевский стол, нарушая право старшинства, и нарушает не в увлечении страсти, закрывая глаза на долг, а нарушает потому, что не видит возможности поступить иначе. Он мог сделаться великим князем еще по смерти отца своего Всеволода (1093), последнего из Ярославичей, занимавшего киевский стол, но отступил, чтобы поддерживать права своего двоюродного брата Святополка, сына старшего из Ярославичей — Изяслава. Когда же умер и Святополк, то права на великокняжеское достоинство переходили к двоюродным братьям черниговским — Святославичам, сыновьям второго Ярославича. Тогда в Киеве началось

смятение, так как горожане не хотели иметь у себя никого из Святославичей, а требовали Всеволодовича, возлагая на его совесть ответственность за все последствия смуты, которая неизбежно произойдет, если он снова откажется занять киевский стол. Владимир уступил. Так слабы были правовые понятия, по которым занимался киевский стол, что даже такие блюстители права, как Мономах, вынуждаемы были его нарушать; как же могло это шаткое право выдержать борьбу с эгоизмом и хищничеством, осаждавшими его со всех сторон?

Борьба за киевский стол тянулась почти непрерывно за исключением некоторых светлых промежутков; таким промежутком отдыха было княжение Мономаха (1113—1125), когда даже беспокойные Святославичи, несмотря на все свои права старшинства, не оспаривали Киев у Мономаха, защищаемого общим уважением к его личному высокому достоинству. Ожесточение этой борьбы ослабело после разорения Киева (1169) суздальскими войсками Андрея Юрьевича, Мономахова внука; Юрьевичи, которым достались от деда Мономаха на началах вотчинности Суздальские и Ростовские земли, перенесли на север центр своих интересов и не дорожили Киевом. Мало-помалу Киев совершенно утратил свое прежнее политическое значение, а следовательно, потерял и свою цену в глазах князей. Во второй половине XII в. киевский князь все еще назывался великим, но великими в это время назывались уже главные князья и других областей, и великий князь галицкий значил на юге уже больше, чем великий князь киевский. Соловьев в своей «Истории России» приводит следующие интересные данные. Он вычисляет для удельного периода те годы, которые отмечены княжескими усобицами, и получает цифру 80; следовательно, усобицы были, круглым счетом, через год. Конечно, яркое красноречие этой цифры смягчается тем соображением, что каждая смута касалась обыкновенно лишь одной какой-нибудь области, не захватывая всей территории; кроме того, в вычисление Соловьева вошли и северные земли (которых мы не касаемся), правда, незначительно повышающие общую цифру, но все-таки повышающие. Насчет собственно Юга данные Соловьева показывают следующее: Киевское княжество в это время было местом усобиц 23 раза, Черниговское — 20, Волынское — 15, Галицкое — шесть, Туровское — четыре: цифры довольно выразительные, особенно если принять во внимание, что междоусобицы, случалось, тянулись по несколько лет подряд, иногда более 10 лет.

Итак, силы молодого политического организма тратились на внутреннюю борьбу князей. Минула пора далеких походов, блестящих завоеваний, отмеченных чужеземными историками. Остатка сил едва хватало для самозащиты: да и можно ли сказать, что их хватало? Степь — это дикое, хищническое «поле» — наступала на Русскую землю все с большей и большей настойчивостью. Тмутаракань была отрезана, отрезаны были и торговые пути к Черному

морю. В степи печенегов уже не было, они были вытеснены узами-торками, но и торки должны были уступить место половцам (куманам). Половцы были враги несравненно более опасные, чем остальные степняки, в силу ли своей многочисленности, большой энергии характера, или, может быть, просто в силу большой относительной слабости и разъединенности самой Русской земли. Русский народ в самом названии выразил то значение, какое имело для него именно это племя: куманы были для него «половцы», т. е. жители «поля», степи. Да и не мудрено: в течение более чем 150 лет облик этого хищного обитателя «поля» успел врезаться в народную память. Половцы — это мрачный задний фон нашей южнорусской исторической сцены для всего удельно-вечевого ее периода.

Современному человеку трудно и вообразить себе всю необеспеченность жизни, какую отражалась на Южной Руси эта близость степных хищников. Половцы, разделенные на несколько самостоятельных орд, наполняли своими кочевьями всю степь по ту и другую сторону Днепра, от Черного моря до тех ее северных пределов, где разлив кочевников задерживался населенными и защищаемыми городами.

Таким образом, Южная Русь со стороны степи на каждом своем пункте была в состоянии постоянной опасности. «Станет поселянин весною пахать на лошади, и придет Половчин, ударит его самого стрелою, возьмет и лошадь, и жену, и детей, да и гумно зажжет», — такими словами, трогательными в своей правдивой простоте, описывает Мономах положение [Русской] земли.

Города, точнее городки, понастроенные в целях обороны, далеко не всегда удерживали половцев, сильных своею многочисленностью. Да и что это были за городки? Достаточно припомнить, как при осаде одного из них половцами часть городских стен обрушилась под тяжестью своих немногочисленных защитников. Один историк пересчитал число половецких набегов для второй половины XII в., упоминаемых в летописи: пришлось почти по набегу на год. А в этот счет не вошли те походы на Русскую землю, которые делали половцы по приглашению самих князей в их междуусобных распрях, ни все то множество мелких нападений и грабежей, которые происходили постоянно на южной границе, о которых летописец не мог ничего ни знать, ни сказать. Нападения на Южную Русь были для половцев главным, если не единственным, промыслом после скотоводства, которым они кормились. Они поставляли русских рабов на рынки Центральной Азии и таким образом добывали себе «злато, паволоки и дорогие оксамиты», которыми случалось поживиться и русским князьям во время удачных набегов на половецкие вежи (стоянки). Близость половцев — это была вечно раскрытая, вечно болящая рана на теле Южнорусской земли. Когда летопись, так редко изменяющая тону эпического спокойствия, касается этого наболевшего места, она начинает звучать нотами, полными трагизма.

Вот как описывает она половецкий набег: «Плач великий сотворился в нашей земле, и опустели села и города наши. Одних ведут в плен, других умерщвляют, те трепещут при виде избиваемых, те умирают от голода и жажды... Этих вяжут и толкают ногами и держат на морозе. Мучимые холодом, в цепях, томимые голодом и жаждою, с побледневшими лицами и почерневшими телами идут неизвестною странюю, с воспаленным языком, нагие и босые, с ногами, растерзанными тернием. Один говорит другому: „Я был из такого-то города“ или „я такого-то села“, и со слезами рассказывает о своем роде. Опустели наши города; поля, где паслись стада, кони, овцы и волы, все теперь пусто, нивы сделались жильем зверей...»

«Слово о полку Игореве», драгоценный перл русской древней поэзии, выброшено было из глубины души какого-то великого народного поэта, — души, взволнованной и потрясенной в своих основах этим страшным народным бедствием.

Отсюда страстное сочувствие походу молодых северских князей, задумавших «переломить копье конец поля половецкого», т. е. дойти до самого отдаленного предела земли половецкой и или сложить головы, или «испытать шоломом Дону». Поэт (по-видимому, сам дружинник) понимал неблагоразумие этого похода с политической точки зрения, но непосредственное чувство уносило его далеко от холодных соображений рассудка, как уносило и самих князей на верную гибель в самую середину страшного «незнаемого» половецкого поля; там «дети бесовы в поганые Половцы собиравшись и от Дона, и от моря, и от всех стран», так легко могли окружить, отрезать и перебить храбрых русичей, «как ни сыпали они стрелами калеными, как ни гремели мечами харалужными о шеломы половецкие». Вся природа проникнута глубоким сочувствием предприятию князя Игоря и его дружины. Она хочет предостеречь и тем спасти храброго князя: солнце заступает тьмою ему дорогу, кровавые зори предвещают кровавый день, с моря идут черные тучи, в которых трепещут синие молнии. А когда на берегах Каялы «докончили пир храбрые Русичи, напоили сватов и сами полегли за землю Русскую», тогда и «травы поникли от жалости, и дерево преклонилось к земле. Черная земля была посеяна костями, полита кровью, и посев взошел печально по Русской земле: застонал Киев туюю, а Чернигов напастьми, тоска разлилась по Русской земле». Так в живом воображении поэта «Слова» и природа, и Русская земля сливаются в одном общем вопле сочувствия, когда русский сокол, залетев так неразумно далеко к морю, был заклеван черным вороном — поганим полвчином.

Как «Слово о полку Игореве», так и летопись готовы оценивать все лица и события с точки зрения этого насущнейшего интереса южнорусской жизни — защиты от половцев. Достоинство князя находилось в прямой зависимости от того, сколько энергии и искусства обнаруживал он в борьбе со Степью. Припомним, кстати, как

киевляне, несмотря на все свое уважение к Ярославову дому, прогнали без всякой церемонии Изяслава, старшего и законного наследника Ярослава, за то, что он отступил перед половцами, и вывели из «поруба» (заключения) на княжение Всеслава Полоцкого, совсем чужого князя, не пользовавшегося, по-видимому, никаким сочувствием¹¹. Это был один из первых набегов половецких по водворении их в южнорусской степи, а изгнание Изяслава киевлянами и бегство его в Польшу — первым узлом, перепутавшим нити междукняжеских отношений и отношений их к киевскому столу. Популярность Мономаха и его потомков Мономаховичей, конечно, обуславливалась в значительной степени тем, что они всегда готовы были на борьбу со Степью и никогда не прибегали к услугам половцев в своих распрях с другими князьями, как это нередко практиковалось представителями иных линий Ярославова рода.

Что могли сделать князья для земли, защиту которой они взяли на себя?

Только одно сколько-нибудь существенное: гоняться за половцами, отнимать у них награбленную добычу и отбивать пленных. Обремененные добычей половцы теряли свою неуловимость, которая делала невозможной правильную борьбу с ними. Но ведь если и удавалось отбить добычу, это только уменьшало причиненное зло, а не исправляло его: смерд возвращался на свое пепелище, но хозяйство его было разорено. Князья пытались помочь беде иными, мирными, способами: вступали, например, в договоры с половецкими ханами, но половцы стояли еще на той степени культурного развития, когда люди, как Гомеровы циклопы, не знающие закона и правды, не умеют уважать святости договоров. Пытались связать ханов узами родства через брачные союзы с их дочерьми. Это имело некоторое значение, но только по отношению к известному хану или известной орде, но орд половецких было несколько, и они все были самостоятельны и действовали независимо друг от друга.

Очень может быть, что жители Южной Руси обратились бы в половецких данников, если бы Русской земле не помогла сама же Степь, не выдвинула некоторой обороны. Дело в том, что, когда пришли половцы, они вытеснили тех кочевников, которые занимали Степь раньше. Отсюда вражда этих последних к новым пришельцам. Теснимые половцами, кочевники эти искали защиты у русских. Для русских князей в их борьбе с половцами эти поганые «толковины» (союзники) были настоящим кладом. Поселенное на границе Русской земли с половецким «полем», это полукочевое, полуоседлое население играло роль сторожевых линий. Самым важным пунктом в этом отношении было Поросье — территория между Росью и Стугной, но поселения кочевников были и на территории княжества Переяславского и даже Черниговского. Кроме торков и печенегов, летопись упоминает еще берендеев, коуев, турпеев, каепичей. Были ли это отдельные роды тех же торков и печенегов или какие-нибудь

самостоятельные народцы тюркского племени, теперь уже нельзя решить. Всех их летопись смешивает — вслед, конечно, за разговорною речью своего времени — под общим названием Черных Клобуков¹² (т. е. шапок). Конечно, общая вражда не может так крепко связывать людей, как чувство солидарности, основывающееся на сознании племенного родства, и летопись не раз жалуется, что «Черный Клобук лестит» (хитрит).

Но, селясь под защитою городов, оставляя привычки кочевой жизни в пользу оседлой, Черные Клобуки понемногу втягивались в земские и политические интересы того социального организма, к которому пристали волей-неволей. По-видимому, шел процесс ассимиляции этого тюркского элемента южнорусской народностью, но история не раскрывает его перед нами, и только антропология указывает, что в этнографический тип южнорусского племени вошел элемент восточно-тюркский, точно так, как в тип племени севернорусского — элемент финский. Таким образом, дифференцировались две русские народности, причем степень и характер первоначальных, так сказать, исходных различий этих народностей между собою в настоящее время уже ускользает от научного определения.

Итак, внешняя пестрота и сутолока событий удельного периода укрывают собою большое однообразие. Все содержание политической жизни этого времени — борьба князей из-за старшинства, из-за киевского стола, из-за волостей, прерываемая лишь половецкими набегами. Великий поэт — [автор] «Слова о полку Игореве» — избавляет нас от необходимости делать общую характеристику этого печального времени. В поэтических выражениях, полных силы, рисует он положение дел во всю первую половину удельной эпохи, характеризующуюся борьбой с изгоями, когда «при Олеге Гориславиче саялось и росло усобицами», когда «погибла жизнь Дажьбожьего внука, сокращался век людской в княжьих крамолах», и современное ему состояние земли. «И сказал брат брату,— говорит он о современных князьях: „Это мое и то мое же“, и начали князья говорить про малое: „Это великое“, а сами на себя ковать крамолу, а поганые со всех сторон приходят с победами на русскую землю».

Но молодое общество было полно жизненных сил, и жизненные ростки обильно пробивались сквозь тернистые покровы междукняжеских отношений и иных политических бедствий.

II

Политическая жизнь Южной Руси была разбита, как мы уже указывали, на несколько самостоятельных течений: Чернигово-Северское княжество жило независимо от Переяславского или Туровского, Киевское — от Волынского или Галицкого. Тем не менее жизненная стихия, пробегавшая по этим самостоятельным руслам, была однородна или почти однородна. Это не значит, конечно, что

вольнянин, например, не представлял никаких отличий от черниговского северянина: наоборот, такие отличия непременно были, если не в зависимости от различий первоначального антропологического типа, то, по крайней мере, в зависимости от внешней среды, в которой жило то или другое племя. Мы хотели сказать лишь, что социальная структура этих, пока еще очень простых, обществ была совсем или почти однородна в связи с однородностью элементов, которые в данную эпоху руководили жизнью этих обществ (подразумеваем князя и его дружину или боярство, церковь и духовенство). Этот подвижной слой, который мог с большим или меньшим удобством передвигаться по всей территории между Киевом и Черниговом, Перемышлем и Переяславлем, давал однообразное направление русской жизни, хотя она и была разбита по уединенным областным единицам. Таким образом выросло понятие «русской земли»*, как оно употребляется в наших летописях и древних памятниках; таким образом явилась возможность и нам вести речь о внутренней жизни Южнорусской земли в удельно-вечевой период ее существования.

Итак, древнерусское общество этой эпохи представляло собой два слоя: верхний, руководящий и правящий, подвижной, и нижний, управляемый, прикрепленный к земле своим промыслом¹³.

Но между этими слоями уже нет той противоположности, присутствие которой чувствуется в эпоху предыдущую. Жизненный процесс сглаживал резкость.

Уже не варяги или иные иноземцы составляют теперь этот верхний слой,— ряды его пополняются главным образом более энергичными, предприимчивыми, даровитыми элементами, выделяющимися из того же низшего слоя. Надо думать, что и, с другой стороны, дружинники, освоившись в том или другом княжестве, тоже охотно прикреплялись к земле, обзаводясь, как это делали князья, «селами», т. е. хозяйственными хуторами с рабским трудом: рабов легко можно было приобрести пленом или покупкой. Таким образом, жизнь перебрасывала мостки от одного слоя к другому, стремясь к их сближению. В понятиях времени не было препятствий к такому сближению: члены одного и другого слоя были одинаково свободные люди, следовательно, одинаково правоспособны.

Наша «Русская Правда» так же, как варварские законодательства других европейских народов, уясняет эту сторону своими постановлениями о вире и головщине. Вира и головщина — это плата за

* Слово «русский» значило в эпоху первых князей то же, что полянский, киевский. Позже, в удельно-вечевую эпоху, оно значило южнорусский, так что «русская земля» значила, по терминологии этого времени, Южная Русь, например, Переяславль Русский в отличие от Рязанского и Залесского; под 1200 г. летописец отмечает начало княжения князя Романа, «самодержца бывша всей русской земли» (конечно, южнорусской); в суздальской летописи: «пойде Гюрги с Ростовцы и Суздальцы и со всеми детьми в Русь» и т. д.

убийство князю и родственникам убитого, устранявшая родовую месть; она применялась только к свободным людям. Плата эта была различна: в то время, как голова княжеского мужа оценивалась в 80 гривен, голова людина — лишь в 40. Но эта разница значила лишь, что власть выше ценила услуги одного лица, чем другого, и, больше теряя через убийство, тяжелее карала убийцу: тем не менее, и княж-муж и людин все-таки были одинаково свободными, а следовательно, полноправными. Им противопоставлялся только холоп, раб, в котором «виры нетут». Таким образом, если смотреть на элементы древнерусского общества не с точки зрения их общественных функций, а их общественной правоспособности, то они разбиваются лишь на две группы: людей свободных и рабов.

Политическая связь, посредством которой Киевская Русь стягивала в одно целое южнорусские племена, понемногу отбирала у старых родовых, кровных союзов их функции; новые понятия и учреждения, внесенные с христианством и с зачатками греко-римской культуры, враждебно сталкивались с архаическими взглядами и формами быта. Но все эти новые влияния гораздо сильнее отражались на верхнем слое тогдашнего общества, чем на нижнем. Мы видели уже, как легко относились представители этого верхнего слоя, князья, к исконному праву старшинства. Они то и дело твердили друг другу: «Ты в Володимире племени старей еси нас, а думай-гадай о русской земле и о своей чести, и о нашей; а ты мене старей, а ты мя с ним и суди; не буди мне возняти руки на брата старейшего; аз сложю главу свою за тя» (за старшего) и т. д. Но все это только говорилось, а на деле и головы складывались лишь в эгоистической погоне за лучшим столом, и руки то и дело поднимались на старейших; почти никто не обращался к суду старейшего, никто не признавал за этим старейшим преимущественного права блюсти землю. Так же должны были расставаться с архаическими правовыми понятиями и рядовые дружинники, когда разрывали для службы князю с теми кровными союзами, к которым принадлежали, — разрывали, так сказать, с родною почвой. Если дружинниками были и не иноземцы, оставившие где-то далеко свою родную правду, то и это мало меняло дело. Вместе с князем кочевали его дружинники из области в область; да и осев в пределах одного княжества, дружинник отправлял на службе князя какие-нибудь обязанности, почти всегда связанные с передвижением. Не сидели на местах князья, не сидели и их слуги: первобытный механизм только что складывающегося государства непременно требовал личного и самого деятельного участия правящего класса. Сколько энергии обнаруживали в этом отношении князья, видно, между прочим, из поучения Мономаха; жизнь же дружинников складывалась по типу жизни князя. Вот почему «Русская Правда» своей важнейшей задачей, к которой она многократно возвращается, и ставит именно задачу дать членам этого, так сказать, служилого класса защиту и обеспе-

чение со стороны государства взамен отсутствующей или недостаточной защиты со стороны родичей. Цели этой «Русская Правда» стремится достигнуть путем точного и подробного определения вир и головщин лицам упомянутой категории.

Архайческий строй в понятиях и формах быта, конечно, цельнее сохранился в том слое древнерусского общества, который сидел на своей земле, прикрепленный к ней земледелием или иным промыслом, находящимся в той же непосредственной зависимости от земли: скотоводством, звероловством, бортничеством, рыболовством. Говоря об этом классе ранее, мы употребили выражение «низший», но употребили лишь по аналогии с явлениями иного, позднейшего, порядка. В рассматриваемую эпоху это был хотя и управляемый, но не низший в собственном смысле, т. е. независимый класс. Члены этого класса так же, как и члены класса дружинного, были, как уже сказано, свободные и полноправные мужи. Политическое значение этого класса, к которому по преимуществу относится термин «люди», определяется тем значением, какое имело «вече». Вече — народное собрание, т. е. собрание людей, или мужей, данной земли. Собрания эти бывали по преимуществу в городах как центральных пунктах земли. Каждый свободный человек, глава семьи, имел право — но не обязанность — принимать участие в вече. Сбиралось оно не для текущих дел, а лишь в обстоятельствах особенной, исключительной важности. В ряду таких обстоятельств первое место принадлежит, конечно, призыванию князя и договору с ним об условиях, на каких он принимал власть. Князя распределяли между собою волости по тем или иным основаниям, воевали за них и мирились, приходя к взаимным соглашениям, — и тем не менее они не могли ничего осуществить без согласия веча. Только через вече осуществлялись все эти княжеские соглашения. «Единение» с землей или органом ее, вечем, сообщало положению князя ту устойчивость, какую мы наблюдаем в некоторых случаях; рознь вела к тому, что вече изгоняло князя и призывало другого. Садясь на стол, князь заключал с вечем договор — «ряд», или «докончанье». До нас не дошло никаких договоров южнорусских князей с вечами. Летописные известия лишь доводят до нас, что в том или другом случае князь «целовал крест на всей их воле», т. е. принимал все предъявленные ему условия, или по ряду с вечем брал стол «до живота», т. е. пожизненно; иногда договор касался наследования стола — вече отдаст стол князю «с детьми». Но последнее не значит, что народная воля ограничивала себя установлением наследственной княжеской власти. В случае неудовольствия на князя, вече всегда считало себя вправе лишить и князя и его наследников стола и даже обнаруживало как бы отвращение к тому, чтобы княжеская власть передавалась по наследству: «Не хотим быти аки в задничи» (в наследстве), говорит киевское вече, нарушая свой договор с Всеволодом Ольговичем, которому оно обещало взять в преемники брата

Игоря¹⁴. Но это не мешало известным землям иметь тяготение к той или иной княжеской линии и по преимуществу из нее выбирать себе князей. Кроме избрания князя и его утверждения посредством ряда, веча собирались еще по вопросам о войне и мире. Веча не только решали, быть или не быть войне, но даже вмещивались в те или иные распоряжения своих князей и заставляли их поступать согласно своей воле. Могли собираться веча и в других обстоятельствах большой важности, но такие обстоятельства были, по-видимому, редки. Таким образом, хотя вече и не было постоянным и правильно действующим учреждением, а лишь более или менее случайным проявлением народной воли, но роль его в политической жизни земли нельзя оценивать ниже, чем роль княжеской власти. Если текущая жизнь направлялась князем и окружающей его дружиной, которая в лице «боярской думы» всегда участвовала в правительственной деятельности князя, то направление все-таки определялось давлением воли класса управляемого, который всегда имел возможность путем веча деятельно проявить эту свою волю. Если управляемые не вмещивались постоянно в управление, то не потому, что не считали этого нужным, доверив дело управления князю с его «думой».

Из сказанного выше видно, что низший слой был, собственно, не низшим, а нижним слоем. Главной общественной функцией его был производительный труд, известная доля продуктов которого шла по добровольному соглашению, договору с князем на содержание верхнего, управляющего класса. В понятиях того времени физический труд пользовался таким же признанием, как и «труд» князя, выражающийся главным образом в его «хоробрстве», — под одним неизменным условием: лишь бы это был труд на себя, труд свободный. В тогдашних названиях для людей зависимого, несвободного общественного положения содержится понятие о труде принудительном, труде на другого (раб, стражник). Этот свободный труд был непосредственно связан с землей, и уже в эту отдаленную эпоху земледелие занимало, по-видимому, первенствующее место среди разных видов производительного труда.

«Ловы», т. е. охота всякого рода — и не только как развлечение, но и как промысел, — связываются памятниками письменного и словесного народного творчества (былинами) с князьями и дружинниками, т. е. верхним слоем общества (охота необходима была, между прочим, для военных запасов), земледелие — с нижним. Но из этого не следует, что земледелие не пользовалось признанием и уважением, по крайней мере, в общественном мнении самой этой земледельческой среды. До нас дошла одна превосходная былина — несомненно подлинная, несомненно древнейшего происхождения, которая как бы задается целью показать нам, как людин-земледелец ценит себя и свой труд при сопоставлении с дружинником: подразумеваем былину о Микуле Селяниновиче.

Фигура молодого князя Вольги Святославича, который едет со своей «дружинушкой хороброю... к городам за получкою» (т. е. по сбору дани), отодвигается на задний план перед грандиозной фигурой ратая с его соловой кобылкою, кленовой сошкой, шелковыми гужиками. Труд ратая, который «брет в поле, понукивает, с края в край бороздки пометывает, в край он уедет — другого не видать, коренья-каменя вывертывает, а великие все каменя в борозду валит», — труд этот, очевидно, понимается былиной как великий подвиг, перед которым совсем бледнеет эта дружинная «езда за получкою». И каким глубоким сознанием важности своего дела звучат ответные слова ратая на привет, сделанный ему дружинником: «Мне-ка надобна Божья помощь крестьянствовати».

Те родственные союзы, в которых жили эти земледельцы, едва ли превосходили своими размерами большую семью типа юго-славянской задруги *. Земледельческое хозяйство может расширяться с удобством и выгодой для себя только до определенных пределов: за этими пределами лишние члены и лишний инвентарь становятся для него бременем, от которого оно должно освободиться в своих интересах. Лишние члены отделяются и на новой земле, т. е. на более или менее значительном расстоянии, чтобы не было взаимной помехи, устраивают новые хозяйства. Таким образом расходятся по земле и множатся новые хозяйственные клеточки — благо государство не успело наложить ограничений на дикую землю, пока еще свободную, как Божья стихия. Но надо сказать, что летописи совсем отказываются нам помочь в уяснении того, как складывалась жизнь этого фундамента древнерусского общества. Молчат летописи, молчат и юридические памятники: конечно, потому, что жизнь эта, руководствуясь обычаем, не нуждалась в ближайших юридических определениях. «Русская Правда», как уже сказано выше, главным образом, если не исключительно, имеет в виду верхний слой общества, его интересы — личные, семейные, имущественные: все эти многочисленные постановления о «челядех», холопах, рабах и закупках (разные виды зависимых людей), о процентах, наследствах, о поконах, уроках и накладах (разные виды судебных взысканий), — все это представляло интерес, очевидно, лишь для людей высшего класса, если присоединить к нему и тесно с ним связанную группу людей торговых. Кровные связи здесь уже были, как сказано выше, по необходимости ослаблены. «Русская Правда» сама свидетельствует об этом ослаблении, но вместе с тем она же доказывает, с другой стороны, как широко было все-таки общество охвачено стихией архаических чувств и понятий, даже и при расшатанности соответствующих бытовых форм. Древнейшая редакция «Русской Правды»

* Задруга — все равно, что большая великорусская семья, где родственники, т. е. семьи братьев и дядей с племянниками, живут в хозяйственном общении, хотя иногда даже и не помещаются под одну кровлей.

еще признаёт кровную месть, ограничивая пределы ее. Дети Ярослава новой редакцией «Правды»¹⁵ совсем не допускают уже «убиения за голову»; но «выкуп кунами», заменивший месть, есть обычай, также тесно связанный с архаическим мировоззрением. Предполагалось, что выкуп, всегда более или менее значительный, платит «головник» (убийца) не лично, а с помощью родичей, обязательное участие которых точно определялось законом или обычаем; по соответствующим правилам распределялась между родичами убитого и полученная плата. Таким образом, преступление и его последствия ложились не только на личность преступника, а и на его ближних. Так сильно еще было господство архаических идей над умами людей древнерусского общества, так трудно было высвободиться из-под влияния этих идей даже членам правящего класса, которые могли бы, казалось, призвать себе на помощь право цивилизованных народов (византийское), как они и призывали его в иных случаях.

Суд в рассматриваемый период уже ведал представитель политической власти — князь. Но чтобы представить ясно смысл этого утверждения, надо помнить следующее: преступление, с точки зрения «Русской Правды» и, следовательно, современного ей общества, было, с одной стороны, материальным ущербом, нанесенным личности, с другой — нарушением общественного мира, т. е. тоже как бы своего рода ущербом, нанесенным обществу и требующим своего материального эквивалента в виде платы князю. Власть не брала на себя даже розыска преступника; обиженный, как истец, должен был сам вести «свод», процедура которого подробно описана «Правдой». Из летописи и других памятников видно, что судил не только князь, но и княжеский тиун, причем народ отдает решительное предпочтение личному суду князя. Тиун появляется на сцену, всегда облеченный в народный гнев и ненависть: это княжеский слуга, вероятно, часто даже не вольный слуга, а раб, которому князь поручал вместо себя суд, как поручил бы всякое хозяйственное дело. В те времена политические понятия еще находились в таком зачаточном состоянии, что князья не умели отличать государственных дел от своих личных или хозяйственных, поэтому смешение одних с другими (на наш современный взгляд, очень дикое) характеризует собою все тогдашнее управление. Для суда существовали княжьи дворы, куда преступника отводили в известных случаях, как видно из «Русской Правды»; там, вероятно, он давал очистительную присягу или подвергался испытанию горячим железом. Но как все-таки мог судить князь, т. е. где он мог почерпнуть правду, удовлетворявшую народное чувство, и, главное, где мог найти ее тиун, раб, следовательно, часто совсем чужой человек? Все эти затруднения разрешаются тем простым соображением, что в варварских обществах, как в западноевропейских, так и славянских, в древности судить не значило отыскивать решение: отыскивалась правда обыкновенно коллективно, общим умом известного количества созванных или собравшихся на тот

случай мужей (судебным вечем). Конечно, не иначе было и у нас. Лишь в тяжёбных делах стороны могли по добровольному согласию обращаться к князю, как, вероятно, и ко всякому достаточно авторитетному третьему [лицу]. Таким образом, судебная роль князя заключалась главным образом в том, чтобы поддержать решение, дать ему осуществление внешнею силою своего авторитета, а затем взыскать судебные пошлины. Это, конечно, мог сделать и тиун, но тиуны, по-видимому, допускали злоупотребления при взимании пошлин. «Русская Правда» совсем ничего не говорит о суде княжеском, но зато судебным взысканиям и пошлинам посвящает очень много места. Кроме убийства и обусловливаемой им виры, всякое преступление, какое было зарегистрировано «Русской Правдой», имело свое выражение в определенной сумме «продаж», т. е. взысканий в пользу князя; а затем самый процесс взысканий требовал ближайших определений того, сколько надо вирнику, метельнику, отроку (княжеские слуги, совершавшие взыскание) солоду, баранины, кур, хлебов, гороху, соли, сколько овса их лошадям и т. д. Упомянем еще о «ротных уроках», которые платили князю с присяги, о «железном», которое получал князь, когда подозреваемый в преступлении подвергался пытке. Видимо, что в этих взысканиях сосредоточивается весь интерес княжеского правосудия. Да и не мудрено: из летописи известно, какими важными ресурсами княжеской казны были эти виры и продажи. По-видимому, не только тиуны, но и сами князья не были свободны от подозрений в злоупотреблениях ими: «А те древние князья,— говорит летопись, очевидно, противопоставляя мысленно этим древним князьям князей современных,— не собирали много имения и не возлагали на людей несправедливых вир и продаж, а когда бывала правая вира, то брали ее и отдавали на оружие дружине».

Из сказанного выше можно заключить, что суд составлял важную статью доходов княжеской казны. Другим таким источником была торговля.

В первой главе мы указывали на то, как внешняя торговля явилась в известном смысле деятельным фактором в самом возникновении государства на русской территории. С развитием политической организации, следовательно, и безопасности, охраны путей сообщения — заботы о которых, хотя и очень примитивные, власть взяла на себя, как видно из постановлений «Русской Правды» о мостах — внешняя торговля должна была сделать большие успехи. Но половцы оказывали сильное препятствие развитию этой торговли в том ее направлении, которое было для русского Юга наиболее важным. Движение по великому пути «из варяг в греки», затрудненное в своих исходных пунктах в устье Днепра, теряло энергию на всем своем протяжении. Вследствие политических изменений на Востоке ослабела и восточная торговля: арабы совсем перестали к нам ездить, пало и Хазарское царство, под покровительством которого

процветала торговля на Волге и Каспийском море. Но Киев начал заметно утрачивать свое старое торговое значение лишь к концу удельного периода. Все-таки в Киев приезжали гости — уже не говоря о купцах с русского Севера — «иноземцы всякого языка», была жидовская улица, есть известия о киевских купцах, торговавших рабами и скотом с половцами, мехами в Крыму и Азии. Кроме товаров греческих и восточных, состоявших из предметов роскоши, Киев был для русского Юга средоточием такой насущной отрасли торговли, как торговля солью: она приходила в Киев с двух сторон — морем из Крыма и каменная — с запада, от Галича и Коломыи. Князья по-прежнему считали своею обязанностью охранять внешнюю торговлю, которая теперь нуждалась в охране со стороны Степи больше, чем когда-нибудь. Как широко понимали князья эти свои обязанности, а может быть, и выгоды, извлекаемые из исполнения этих обязанностей, — об этом не раз свидетельствуют летописи. В известное время года, когда южные купцы вступали в Русскую землю по трем исконным путям — Греческому, Соляному и Залозному¹⁶, — князья снаряжали военные экспедиции для их конвоирования. Иногда эти экспедиции принимали вид настоящих военных походов, к которым привлекалась сила всех южнорусских князей, включая и отдаленных галицких. Надо заметить, что купцы шли всегда большими караванами: один такой караван, который вез соль из Удеча, состоял больше чем из 300 человек. Конечно, князья получали от этой охраны и прямые выгоды в виде платы деньгами или известным процентом товара, но, вероятно, еще значительно больше были те выгоды, которые извлекала их казна из торговых пошлин, из мыта, взимаемого при провозе товаров через мытные заставы — на мостах, перевозах, при въездах в города.

Внутренняя торговля, конечно, не страдала от тех препятствий, какие тормозили торговлю внешнюю, и она должна была развиваться параллельно с общими успехами гражданственности. Но с современной точки зрения она все-таки была в рассматриваемую эпоху совсем незначительной: надо помнить, что тогда всякое хозяйство само производило почти все себе необходимое, очень мало нуждаясь в обмене. Тем не менее в городах были «торги», торговые площади, — в Киеве их было восемь, — которые, служа местом торговых сделок, служили вместе с тем, очевидно, целям правосудия. На торгах присутствовали княжеские слуги, мытники, которые получали от совершившихся сделок «торговое» в пользу князя. Но этим не ограничивалось участие власти в торговле. Торговый обмен требует правильного веса и точно определенных мер. Весы и меры считались принадлежностью фиска, и за взвешивание на казенных весах и вымеривание казенной мерой необходимо было платить в пользу княжеской или церковной казны «весчее» и «померное». При продаже лошади мытник клал на нее «пятно» (тавро), за что опять-таки взималась пятенная пошлина. Таким образом, торговля, даже внут-

решения, обставлена была огромными стеснениями, но зато торговая сделка получала необходимую крепость. Чтобы понять, как трудно было сообщить в то время требующуюся устойчивость торговому договору, надо принять во внимание, между прочим, и то, что обмен был затруднен слабым развитием монетной системы. Правда, золото и серебро уже циркулировали на наших торгах в качестве орудий обмена, вытесняя более древнее и гораздо менее удобное орудие обмена — меха. Гривна серебра (по археологическим находкам — 10—15 лотов¹⁷ веса) считалась для Киева не весовой лишь, а как бы и монетной единицей. Но киевская гривна имела значение только для Киевской земли, а другие земли могли иметь и собственные гривны иного веса; монетные клады обнаруживают и еще какую-то мелкую серебряную монету, но нельзя установить ее точного отношения к гривне, и круг ее обращения был, по-видимому, очень ограничен¹⁸. Из всего этого ясно, как затруднен был торговый обмен собственными своими условиями.

Но торговые и судебные пошлины не могли поддержать даже и такое упрощенное государство, каким оно представляется в удельный период, хотя пошлины эти платили, по-видимому, все члены общества, кроме духовенства, состоявшего в судебном отношении в исключительном ведении церкви. Нижний, управляемый и вместе с тем производительный трудовой слой должен был уделять известную часть своих добытков на содержание верхнего слоя, взявшего на себя управление и защиту земли. Если в предыдущий период эти отношения носили следы насильственности, то теперь эти следы исчезают. Уже не «дани» связывают верхний слой общества с нижним, а подати и повинности, налагаемые, по-видимому, по договорному соглашению князя с вечем.

Что, сколько и как уделял низший слой древнерусского общества из своего добытка на содержание высшего — наши сведения об этом так отрывочны и ничтожны, что не дают нам права делать никаких общих и твердых заключений¹⁹: Подать сбиралась с «дыма», «рала» и «мужа», — все термины одинаково обозначали хозяйство, так как под «мужем», по мнению ученых, никак нельзя подразумевать каждую мужскую голову, а лишь главу хозяйственной единицы. Но есть указания и на то, что единицей обложения бывало не хозяйство, а округ, «сто» — термин, под которым опять-таки нет основания подразумевать точную арифметическую сотню. Так, князь Мстислав обложил Берестьян следующей податью: со «ста» — два лукна (кадочки) меду, 15 десятков льна, 100 хлебов, пять цебров овса и ржи и 20 кур. Из этого примера видно также, что подати брались произведениями хозяйства, что подтверждается и иными свидетельствами. Хлеб, мед, скот — вот обыкновенные продукты, которыми делился низший класс с высшим, но есть указания на то, что платежи иногда переводились на деньги. Какими способами шло взыскание? Если податью обкладывалось «сто», т. е. целый округ, надо полагать,

он сам, этот округ, производил раскладку, сам производил и взыскание; оставалось лишь доставить собранное на ближайший княжеский двор — «стан» — или прямо в княжескую казну. Но и старый способ объезда земли для сбора денег, если не князем лично, то его мужами, по-видимому, еще не вышел из употребления; в одном случае летопись сообщает, что князья галицко-волинские дают князю черниговскому, чтобы вознаградить его за потерю Киева, много пшеницы, меду, рогатого скота и овец и разрешают «ходить» по их земле, очевидно, для того, чтобы собирать путем хождения этот дар. О повинностях можно сказать еще меньше, чем о податях: был «повоз», т. е. подводная повинность; вероятно, население участвовало в укреплении городов и устройстве путей сообщения.

Все добро, которое стекалось таким образом в княжескую казну, распределялось тем или иным способом между княжескими мужами и слугами. Настоящий, добрый князь, по понятиям того времени, должен был быть щедрым, ничего не копить для себя. Но члены дружинного класса получали свои доходы не только от княжеской казны, а частью и непосредственно от самого народа. Выше было указано на то, что вирник, метельщик — княжеские слуги, взыскивавшие судебные пошлины — получали точно определенный законом корм; так было и в других случаях. Всякий княжеский муж или слуга, отправлявший какое-нибудь княжеское дело, относилось ли оно до суда, управления, благоустройства (городник, мостник), будь то постоянная должность или временное поручение, всегда вместе с тем кормился за счет народа.

Есть указания и на то, что дружина получала от князя денежное жалованье. Летописец XIII в., упрекая современных ему дружинников в корыстолюбии, противопоставляет им старую дружину, якобы совсем свободную от этого порока. «Дружина та кормилась, — говорил летописец, — воюя иные страны и сражаясь под кличем: „Братия, потягнем по своему князю и по Русской земле“. А не требовали (дружинники): „Мало мне, князь, 200 гривен“; не возлагали на своих жен золотых обручей, но ходили их жены в серебре». Очевидно, что в течение двух веков удельного периода произошли значительные изменения внутри дружинной группы. Упреки летописца звучат явной несправедливостью. Как могли дружинники кормиться, воюя с иными странами, когда этих войн почти не было? При постоянных междоусобных войнах князей княжеским дружинам не приходилось смотреть на волости враждующих князей как на неприятельские страны: это значило бы подрывать корни у дуба. А в постоянных столкновениях с половцами впору было лишь стеречь свое, без надежды на поживу. Дружинному классу неоткуда было кормиться, как от низшего, производительного класса общества (народа, по современному выражению) и от князя, как призванного и естественного посредника между собою и этим народом. К тому же развивающаяся политическая организация требовала участия

в своих отправлениях все большего и большего количества лиц, и, таким образом, военная деятельность дружинного сословия подменялась мирной, гражданской. Но на ком же в таком случае лежала защита земли?

Прежде всего все-таки на тех же дружинниках. Войны между князьями велись почти исключительно при посредстве их дружин, причем князья иногда кликали клич на охотников из народа. Но несомненно, что в некоторых войнах общего интереса и значения принимал участие и сам народ, как бы в виде земского ополчения. Некоторые ученые утверждают, что всюду, где в летописи стоит термин «вои», надо подразумевать именно это земское ополчение; другие отрицают это мнение. Что весь народ в известных экстренных случаях поднимается для защиты страны — это естественно и не нуждается в особых пояснениях: раз по земле рассеялись, например, половцы, все защищаются, как могут и умеют. Но слишком ясно, что все «стар и млад», или «все и с детьми», по выражению летописи, в условиях оседлой, земледельческой жизни могут участвовать в войне лишь в совсем исключительных обстоятельствах. Но как было в обыденных условиях текущей жизни, принимала ли земля участие в защите в этих условиях, об этом история ничего не знает.

Та по необходимости грубая схема общественной жизни удельного периода, какую мы представили, будет не полна, если мы не введем в нее христианства: дополняя, с одной стороны, общественный строй своими учреждениями, оно, с другой, путем постоянного влияния на личность стремилось видоизменить и самую жизнь, сообщая ей иные стремления и ставя новые идеалы.

Язычество у наших предков, как ни узко и скудно было оно по содержанию, но оно было сильно своей цельностью: нравственные и правовые взгляды непосредственно вытекали из религиозных; формы быта находились в полной гармонии со взглядами. Христианство разрушило эту цельность. В неразрывной связи с религией оно предлагало людям новую систему нравственных взглядов, расходящуюся со старой системой в самих своих основаниях. «Прощай обиды, люби своих врагов, отрекись ради полноты Христовой любви от отца и матери», — все это было не только несовместимо с языческой моралью, но совершенно отрицало ее. Новый христианин под авторитетным руководством церкви кое-как осваивался с этими неожиданными и странными истинами, к которым он не мог, однако, не чувствовать инстинктивного влечения и уважения. Но жизнь шла своим порядком, следуя импульсам, сообщенным ей предыдущими фазами ее развития. Описывая выше строй древнерусского общества, мы указывали на то, как резко еще был он отмечен старым родовым и языческим характером. Значит ли это, что христианство ничем не отражалось на жизни общества? Нет, не значит; напротив, влияние христианства на общественную жизнь начинает сказывать-

ся очень рано и в разнообразных направлениях, только влияние это должно было накапливаться веками, чтобы дать заметные результаты, тем более что церковь, как проводник этих влияний, в лице своих представителей сама отражала произвольно дух окружающей жизни и во многом подчинялась господствующему течению вместо того, чтобы руководить им.

Рабство есть та общественная сторона древнерусской жизни, на которой влияние христианства отразилось наиболее сильно и заметно.

Рабы были необходимою принадлежностью того хищного и вместе с тем торгового общества, каким была первоначальная Киевская Русь. Набеги на соседние страны, которыми жила Русь первых князей, обильно снабжали Русскую землю рабами; по свидетельству и иностранных писателей, и собственной нашей летописи, «челядь» была одним из главных предметов русской торговли. Да и самый общественный строй, где верхний слой существовал не производительным трудом, составлявшим удел слоя нижнего, предполагал существование рабов: они были необходимы если не для производства предметов потребления, то для личных услуг. Но что рабы-«челядь» участвовали и в производстве, на это есть прямые указания: хозяйство богатых княжеских «сел» (т. е. хозяйственных хуторов или экономий), а также, надо думать, и боярских, велось рабским трудом. В каком числовом отношении стояло рабское население к свободному, об этом мы не имеем возможности делать никаких предположений; можно сказать лишь, что оно, это отношение, вероятно, не было ничтожным. Предки наши не отличались жестокостью к рабам: об этом определенно говорят чужеземные свидетели. Но они все-таки смотрели на рабов так же, как смотрела на них вся языческая древность. Раб есть собственность господина, объект, а не субъект права, т. е. вещь, а не лицо. «Русская Правда», которая много говорит о рабах в связи с тем значением, какое они имели для верхнего слоя тогдашнего общества, еще стоит на этой древней точке зрения на раба, хотя она кое в чем и обнаруживает стремление с нее сдвинуться: например, раб вызывается к суду; убийство раба, хотя бы и за вину, не представляется произволу обиженного. Конечно, эти уступки в пользу рабов делались под влиянием церкви. Но церковь шла в своих требованиях гораздо дальше. В проповедях и поучениях духовенства, отрывки которых дошли до нас, она постоянно напоминала, что раб есть такой же человек, как и господин, совершенно равноценный перед лицом Божиим, что брак раба есть такой же священный и нерасторжимый союз, создающий законную семью, находящуюся под покровительством церкви, что «ярость на рабы» влечет за собою такую же тяжелую загробную ответственность, как и ярость на всякого иного человека, что «томай челядь свою голодом и раиами» есть то же, что неверный, еретик и разбойник. Все это, часто повторяемое в тех или

иных формах, должно было преобразовать понятия людей об этом предмете. И в самом деле, рабство как-то ступшевывается, растворяясь в иных формах зависимости, лишенных специфических черт зависимости рабской.

Если мы хотим проследить, в чем еще отражалось непосредственное влияние церкви на общественный строй и учреждения, то должны обратиться от тех общественных низин, какие представляло собою рабство, к высотам, где помещалась княжеская власть. В первом очерке мы уже указали на тесную связь, в какой стояло у нас введение христианства с утверждением государственности: авторитет княжеской власти находил себе опору в церкви. Но и помимо этого представитель церкви всегда считал себя призванным и обязанным вмешиваться в политические отношения. Мы знаем господствующий характер этих отношений для удельного периода: это были бесконечные распри князей между собою из-за киевского стола и из-за лучших волостей. «Мир стоит до рати, а рать до мира»,— говорили князья и с той же полной готовностью начинали войну, как и прекращали ее. Постоянное вмешательство духовных властей в политику оказывало здесь благодетельное влияние. «Мы есмы при- ставлены в русской земле востягивати вас от кровопролития»,— так обращались митрополиты и епископы к князьям и действовали сообразно духу этих слов. Князья часто пренебрегали увещаниями своих духовных отцов, но никогда не отвергали в принципе их права обращаться к ним с увещаниями. Но дело не ограничивалось увещаниями: духовенство принимало в политике и более активное участие. Дело в том, что все междукняжеские отношения были, по существу, отношениями договорными. Так как правовая практика того времени не выработала в применении к данному случаю, да и не могла выработать иных способов укрепления договоров, кроме обращения к Богу в виде клятв или крестного целования, то духовенство, участвуя необходимо в этих клятвах, присягах и целованиях, тем самым принимало на себя обязанности как бы охранителей этих договоров и судей над их нарушителями: отлучение от церкви клятв- вопреступника было в их руках могущественным орудием кары. Отсюда не следует, что духовенство всегда применяло это свое право: нередко оно обходило клятвoprеступление молчанием и, наоборот, даже разрешало преступающего от его клятвы, принимая, так сказать, на себя ответственность перед Богом. Но делало это всегда лишь в интересах мира. Мир и братская любовь были в его глазах той высшей правдой, которую оно неустанно проповедывало князьям. И случалось — не часто, но случалось,— что слово духовного отца задерживало, так сказать, стрелу, пущенную из лука, предупреждало кровопролитие тогда, когда, казалось, уже нельзя было его предотвратить. Но духовенство не ограничивалось тем, что вмешивалось в междукняжеские отношения, оно вмешивалось и в отношения между властью и управляемыми. Неуклюжий механизм

тогдашнего государственного строя вызывал такие коллизии между личностью и властью, которые обуславливали для личности тяжелые, иногда роковые последствия: «Где закон, там и обиды много», по наивному выражению того времени. Духовенство со своим ясно сознаваемым им правом заступничества — «печалования» — за обиженного и вообще несчастного, стояло наготове, чтобы путем обращения к высшей власти и ее милосердию исправлять причиненное зло. Сознательно или бессознательно, но духовенство избрало, таким образом, вернейший путь, чтобы закрепить связь доверия между церковью и отдельной личностью, с которой одной, собственно, оно и должно было бы иметь дело.

Сколько можно судить, церковь в эту эпоху оказывала большое влияние на личность. Это не значит, конечно, что она успела перевоспитать эту личность в своем духе: перевоспитание совершается веками и [под] влиянием совокупности условий, между которыми большую роль играют формы общественной жизни. Но то несомненное обаяние, которым увлекала христианская религия восприимчивую душу тогдашнего человека, ни в чем не выражается так сильно, как в истории наших монастырей, в особенности Киево-Печерского.

«Соединил Бог таких черноризцев в обители (Киево-Печерской), которые сияли в Русской земле как звезды: одни из них были постники, другие славилась бодрствованием, иные молитвой, те принимали пищу через день или два дня, другие ели хлеб с водою, иные вареные, а другие и сырые овощи. Все пребывали в любви; меньшие покорялись старшим; старшие имели любовь к меньшим, наставляли их и утешали как возлюбленных детей. Если который брат впадал в какое-нибудь прегрешение, утешали его и разделяли, трое или четверо, его эпитимью, великой любви ради; такова была любовь в той святой братии, воздержание и смирение. И если какой-нибудь брат выходил из монастыря, вся братия печалилась об этом, посыла-ла за ним и призывала его в монастырь; и шли к игумену все просить за брата и молили игумена и принимали брата в монастырь с радостью». Что эти слова «Патерика»²⁰ не риторические украшения, которыми так богаты произведения этого рода, а передача, по мере разумения, действительного типа жизни монастыря (по крайней мере в первый период его существования), об этом мы знаем и из других источников. Община героев-подвижников, заживо похоронившая себя в киевских горах, умела соединить аскетизм с подви-гами деятельного человеколюбия, возбуждавшими одновременно благоговейное уважение и преданную любовь к монастырю со стороны народной массы. Надо полагать, что тот дух, который вознес киево-печерское монастырское братство на такую исключительную высоту, обязан своим возникновением основателям монастыря, преподобному Антонию и в особенности Феодосию²¹. Это была высокоодаренная нравственная личность, и она умела отпечатлеть на монастырском общежитии некоторые черты своей возвышенной инди-

видуальной психологии. Замечательнейшею их этих черт было уважение к труду. Будучи игуменом, Феодосий сам неустанно работал, не пренебрегая самою черною и трудною работою, и требовал того же и от братии: все должны были все время, свободное от молитв и обязательных хозяйственных работ, посвящать ручному труду, произведения которого шли в продажу, а на вырученные деньги покупался хлеб, который сами монахи должны были молотить на ручных жерновах. Умелые из монахов занимались перепиской и переплетом книг,— труд, который особенно высоко ценил преподобный Феодосий, взявший на себя лично приготовление прядыва для переплета. Таким образом, преподобные устроители Киево-Печерского монастыря сразу поставили свое общежитие так, что оно сделалось идеальным представителем тех монастырей, которые «не от царь и от бояр и от богатства», а «поставлены слезами, пощением, молитвою, бдением», по выражению летописи. Иноки монастырей этой второй категории, таким образом, не переходили вслед за остальным духовенством в ряды людей высшего привилегированного слоя, не разрывали своих связей с народной массой и тем привлекали к себе ее горячие симпатии. Преподобный Феодосий не вмешивался в политику, но когда князья обращались к нему, никогда не останавливался перед тем, чтобы высказать им в глаза правду, как бы она ни была им неприятна. То уважение, которым окружали его князья и бояре, он обращал на пользу всех слабых и обиженных, для которых он был постоянным надежным заступником. Высокий тон, данный Феодосием жизни киево-печерского монашества, долго держался и после его смерти, поддерживаемый живым преданием. Каким благоговейным уважением пользовался Киево-Печерский монастырь, свидетельствует дошедшее до нас от начала XIII в. послание епископа ростовского Симона к монаху Поликарпу: он пишет, что всю свою епископскую славу и власть почел бы ни за что, чтобы хотя только палкой торчать за воротами или сором валяться в Печерском монастыре, что «Печерский монастырь есть море, которое не держит в себе гнилого, но выбрасывает вон». Из этого же послания мы узнаём следующий интересный факт: что около 50 епископов в Русской земле вышло из монахов Киево-Печерского монастыря. Следовательно, монастырь этот доставлял значительный процент всего высшего русского духовенства, которое разносило, таким образом, принцип монастырского понимания христианской религии и жизни по всему лицу земли не только Южно-, но и Северорусской.

В первой главе мы сказали о введении христианства, но не дали никакого понятия о церковном устройстве, водворившемся у нас. Византия не дала нам автокефалии (самоуправления), и русская церковь стала в подчинение к церкви греческой в лице константинопольского патриарха; русская церковь составляла митрополию константинопольского патриарха. Патриарх назначал митрополита, ко-

торый посвящал епископов, в чем единственно и выразалось это подчинение; во всем остальном, исключая, конечно, вопросов права канонического, русская церковь все-таки пользовалась полной автономией. Церковная организация объединяла Русскую землю гораздо крепче, чем объединяла ее организация политическая, которая сводилась в конце концов лишь к единству княжеского рода. Митрополит жил в Киеве и назначался патриархом из греков; впрочем, в течение удельного периода два раза были митрополитами русские, избранные собором русских епископов²². Были ли это попытки князей к автокефальной церкви или случайный результат каких-нибудь политических недоразумений и осложнений — вопрос темный. Первые епископы также были из греков или болгар, но уже с первой половины XI в. на епископских кафедрах появляются русские. Назначение епископов и у нас в Южной Руси, по-видимому, не было делом лишь одного митрополита, но в нем принимали деятельное участие и князья. Южная Русь по сравнению с Северной была разделена на большее число епархий, и разделение на епархии стояло в известной зависимости от разделения на уделы, но не совпадало с ним. На территории княжества Киевского, кроме митрополии, были еще епархии Белгородская, Юрьевская, в княжестве Галицком — Галицкая, Перемышльская, Угровская, затем следуют епархии в соответствии с уделами: Черниговская, Переяславская, Туровская, Владимиро-Волынская, Тмутараканская. Содержание свое высшее духовенство получало от княжеской власти, прежде всего в виде десятины, но эта десятина не была таким прочно организованным учреждением, как десятина католической церкви в Западной Европе; затем оно получало судебные пошлыны от значительного количества судебных дел, предоставленных ведению церковного суда. Недвижимых имуществ, доходами с которых пользовались бы епископы, в эту эпоху еще почти не было; таким образом, помимо судебных пошлын и десятины, доход епископов сводился к доходам с паств и приходского духовенства. Низшее приходское духовенство, собственно священники, составляли в это время относительно очень многочисленный класс общества, если судить по количеству церквей. К церковному благолепию требования в те времена представлялись незначительные, и были в обычае домовые церкви; отсюда становятся понятными такие факты, записанные летописью, что, например, в такой-то пожар в Киеве сгорело 600 церквей, а в такой-то — около 700. Разумеется, тогдашний Киев не мог считать сотнями сколько-нибудь благоустроенные храмы. Вероятно, все тогдашние люди со средствами устраивали свои церкви и обзаводились своими священниками: но требования от этих священников были, конечно, так же малы, как и от самих церквей. Отсюда выходили такие несообразности, которые обратили на себя внимание даже и отдаленного патриарха константинопольского и вызвали его вмешательство: богатые люди ставили иногда в священ-

ники своих рабов, не освобождая их из рабства. Все это заставляет предполагать, что общий уровень этой священнической массы был для рассматриваемой эпохи очень низок как со стороны интеллектуальной подготовки к пастырскому служению, так и со стороны общественного значения. Содержание свое низшее духовенство получало сначала, по-видимому, также из княжеских доходов, затем, когда христианская религия окончательно утвердилась,— от паствы и строителей церкви.

О монастырях мы уже говорили выше. Здесь мы должны ограничить вышесказанное следующим соображением. Киево-Печерский монастырь занимает исключительное положение не только по своей духовной высоте и обусловливаемому ею нравственному влиянию: он в то же время едва ли не единственный из известных нам монастырей удельной эпохи, устроенный самими монахами. Все остальные южнорусские монастыри, происхождение которых нам известно, суть монастыри, устроенные князьями в честь своих патронов и с целью иметь для своего рода место вечного успокоения, освящаемое постоянной молитвой. Поэтому мы совсем не видим того, что на севернорусском наречии называется «пустыня»: монастырь, устроенный где-нибудь далеко от населенных мест, в лесном уединении. Все монастыри Южной Руси построены или в городах, или вблизи их.

Таковы были внешние формы церковного устройства; каков был религиозный дух, воплощавшийся в них, об этом трудно сказать что-нибудь положительное по недостатку и противоречию свидетельств.

С одной стороны, в лице первоначального Печерского монастыря мы имеем такое грандиозное доказательство великого влияния, какое обнаруживало христианство на отдельные личности древнерусской среды, с другой — многое доказывает, что масса народная все-таки еще под наружным обрядовым христианством таила живое язычество. Но это противоречие не такого характера, чтобы оно заставляло заподозривать истину самих свидетельств: так противоречива всегда жизнь. Противоречия идут далее. Дошедшие до нас памятники духовной литературы свидетельствуют о крайней нетерпимости по отношению к иноверцам вообще, латинянам в частности. А между тем многие факты говорят о том, что такой нетерпимости на самом деле вовсе не было. Южная Русь была в постоянных тесных политических сношениях с Венгрией и Польшей. Князья, а, надо думать, и бояре (по крайней мере, волынские и галицкие), отдавали своих дочерей замуж за латинян и сами женились на латинянках; в Киеве постоянно жили не только немцы разных народностей, но и евреи, и армяне, и мы не имеем сведений ни о каких религиозных столкновениях. Если останавливаться на противоречиях исторических фактов, то вспомним еще хотя бы то, с каким усердием, чуть ли не доходящим до самоотвержения, князья заботились о всяком благолепии устраиваемых ими храмов, с одной

стороны, и как они же бесцеремонно, во время враждебных между собою столкновений, обдирали наравне с дикими половцами — и даже жгли — храмы, строителями которых были их враги. Очевидно, сама жизнь заключала в себе такие противоречия, а может быть, и просто особенности, ключ к уразумению которых надо искать в мирозерцании людей этой отдаленной эпохи. Если факты не могут нам помочь в решении вопроса, насколько предки нашей этой эпохи освоились с христианством, то можно подойти к этому вопросу с иной стороны.

Христианство не есть только вопрос чувства, но и знания. Знание предполагает собою прежде всего грамотность, а затем и известную книжную дисциплину. Но положение грамотности, уже не говоря о каком-нибудь просвещении, основывающемся на усвоении книжной премудрости, находилось в удельную эпоху, по-видимому, в очень мало развитом состоянии. Школ, сколько можно судить, вовсе не было²³. В городах бывали люди, владевшие искусством грамотности, которые брали на себя выучку, и ими исчерпывались, по-видимому, все местные просветительные ресурсы. Правда, мы очень рано встречаемся с такими личностями, как первый русский епископ Илларион или епископ туровский Кирилл²⁴, произведения которых, дошедшие до нас, обнаруживают значительное влияние греческой образованности, греческого богословия и риторической науки; встречаются и между князьями люди с книжным образованием, как Владимир Мономах. Но народная масса, присоединяя даже и верхний слой, была сплошь лишена, за редким исключением, даже грамотности; можно предполагать, что и священники далеко не вполне владели этим искусством, обучаясь технике своего дела со слов учителей. Правда, стараниями князей, епископов и просвещенных монахов, особенно киево-печерских, наша письменность в этот период была не скудна, не только переводная, но и оригинальная. Распространению письменности, конечно, очень содействовало то обстоятельство, что мы заимствовали не только готовую грамотность, но и готовые болгарские переводы книг, важнейших и необходимых для усвоения христианской религии, и сами пополняли недостающее, — выше мы говорили о деятельности Ярослава в этом отношении. Книги были духовные, нравоучительные, исторические, путешествия к святым местам, но они находились в руках князей и богатых людей или монастырей и по своей редкости и дороговизне были совершенно недоступны простым людям. Произведения оригинальные русской письменности свидетельствуют о восприимчивости и даровитости древнерусского человека: проповеди Иллариона, например, или «Слово о полку Игореве» нельзя не признать за произведения высокого литературного достоинства. Открытые в последние годы фрески и мозаики древних киевских церквей также говорят о зарождавшемся уже в XII в. под влиянием византийцев собственном русском искусстве: храм в те времена был чуть ли не единст-

венным его прибежищем. Правда, еще от времен язычества существовала в Киеве художественная техника драгоценных вещей, служивших как украшения, как об этом уже упомянуто, но о дальнейшем развитии этой отрасли искусства мы не можем ничего прибавить к сказанному выше.

Итак, какие бы большие доказательства даровитости ни давали русские люди того времени, как ни глубок след христианских влияний на отдельные личности и даже группы таких личностей, сплотившихся хотя бы в пещерах и стенах Киево-Печерского монастыря, — все-таки общество в массе своей было далеко от просвещения, не обладало даже и простым ее орудием, — грамотностью, а, следовательно, далеко и от истинного христианства. Об ином просвещении, вне религиозного, в эту эпоху пока еще не может быть и речи.

III

Жизненная стихия, пробегавшая по самостоятельным областным руслам, на которые поделилась Южная Русь, была однородна, как сказали мы выше, но русла тем не менее были различны. Оттого история каждого из южнорусских княжеств, рассматриваемая отдельно, представляет свои типичные, ей одной свойственные особенности. К сожалению, историческое освещение, почти единственным источником которого служит летопись, далеко не равномерно распределяется на всей исторической сцене: в то время как одни княжества освещены более или менее ярко, другие стоят в тени, сгущающейся иногда в такой мрак, который позволяет — самое большее — лишь догадываться о присутствии жизни. Выше уже мы имели случай сказать, как мало сохранилось исторических сведений о княжествах Переяславском и Туровском, но, может быть, причина этому лежит в особенностях судеб этих областей, тесно примыкавших к великому княжеству Киевскому. К тому же существование Переяславской «украины», этого «оплечья Киева», как будто бы и не имеет другого смысла и содержания, кроме защиты себя и остальной Руси от половцев. Туровское княжество, земля дреговичей, укрывшихся в пущах и болотах, укрепилось за потомством одного из старших Ярославичей — Изяслава, собственно сына его Святополка II. Княжество распалось на два крупных удела — Туровский и Пинский, а затем каждый из них еще раздробился на множество уделов мелких; таким образом, княжество это совсем потеряло то значение, каким пользовалось в начале удельной эпохи. Род турово-пинских князей, сильно разросшись и измельчав, уже не претендовал ни на какое значение в остальной Русской земле, не гнался за киевским столом, не добивался волостей в иных местах: у этих князьков не было средств конкурировать с более выгодно обставленными соперниками. Территория же их по своим естественным свойствам не была настолько привлекательна, чтобы кому-

нибудь из окружающих сильных князей вздумалось сделать полем состязания их мелкие и скромные волости, признававшие гегемонию сильной соседней Волынской земли. Удалившись, таким образом, с арены, туровско-пинские князья тем самым удалились и из истории: летопись совсем перестает ими интересоваться. В конце концов эти князья так размножились, что стали перебираться на Волынь, но, конечно, уже не в качестве владетельных князей: они делаются родоначальниками некоторых крупных волыньских землевладельческих родов, играющих позднее большую роль не только в волынской, но и во всей южнорусской истории: таковы были, например, князья Острожские. Еще в удельный период мы находим двух из туровских князей на службе у князя галицкого, следовательно, отказавшимися от своих княжеских прерогатив. Итак, если летопись нам мало сообщает о судьбах княжеств Переяславского и Туровского, то, надо полагать, по той причине, что она просто не находит достаточно фактов, интересных с ее точки зрения. Иначе дело стоит с Черниговским княжеством — землей северянского племени.

Область Чернигово-Северская есть, несомненно, одна из важнейших областей Южной Руси по размерам своей территории, по характеру населения с его резко выраженными чертами исконной племенной особенности, наконец — и самое главное — по той роли, которую она играла в общих судьбах Южной Руси, а также и Северной, служа связующим звеном между этими двумя половинами Русской земли. А между тем история ее очень темна. Знаем мы несколько подробнее лишь те стороны этой истории, которыми она переплетается с историями соседних областей: отношения черниговских князей к Киеву или Галичу, к половцам или северным князьям. Внутренняя же жизнь этих областей, ее особенности — совсем скрыты. Причины в следующем: до нас не дошли записи местных летописцев, которые, несомненно, были, если судить по аналогии с другими областями. Именно вот это-то отсутствие черниговской летописи, которая должна была бы послужить материалом для позднейших летописных сводов, и считают ученые причиной тех пробелов для областной чернигово-северской истории, которые кидаются в глаза. Однако благодаря энергии предприимчивых и беспокойных потомков Святослава Ярославича, которые не только успели закрепить за собою в своем родовом владении Черниговскую область, но и постоянно вмешивались во все междукняжеские счеты и отношения, летописцам и северным, и киевским, и галицко-во-лынским то и дело приходится наталкиваться на черниговских князей, а следовательно, и говорить о них. Мы узнаём таким образом, что черниговские князья постоянно стремятся к киевскому столу. Им загораживают дорогу их вечные соперники Мономаховичи, которые считают великокняжеское достоинство принадлежностью своего рода и стараются отстаивать это свое право изо всех сил, то войной, то договорами. Но черниговские князья не хотят поступиться свои-

ми якобы правами на киевский стол: «Мы не венгры и не ляхи, а одного деда внуки»,— говорят они. Временами им удается захватить великокняжеский стол, но удержаться на нем долго не могут. Враг, более сильный, чем их князья-соперники, не позволяет им прочно захватить в свою власть Киев: враг этот — народная воля, враждебное настроение Киевской земли. Киевляне перенесли чувство своей племенной отчужденности от северян на Святославичей, так тесно сроднившихся с Северной землей, и летопись как бы устами киевлян выражает свою враждебность: «Не можем поднять рук на Мономаховича, а на Ольговича (Ольговичи, потомки Олега Гориславича, есть самая энергичная ветвь Святославова потомства) хоть и с детьми»,— так выражается киевское вече, по летописной передаче.

В самом конце удельного периода, в половине XIII в., когда Киев уже совсем потерял свое значение, черниговским князьям удается водвориться более прочно в Киевской земле, которая делается как бы уделом земли Черниговской. Но Чернигово-Северскому княжеству все-таки не удалось сложиться в сильный и самостоятельный политический организм. Причина в том же, по-видимому, в чем заключается причина исчезновения с политического горизонта Туровской земли: в большом размножении княжеского рода. Уже в первом поколении Святославичей Черниговская земля распалась на два удела — собственно Черниговский и Новгород-Северский; второй после Чернигова древний город северянского племени — Любеч — к удельному периоду потерял свое старое значение, и вместо него выдвинулся Новгород-Северский. Затем обе ветви Святославичей, Ольговичи и Давидовичи, так размножились и поделили княжество, что в нем можно насчитать до 20 уделов. Правда, черниговские князья обыкновенно держались довольно дружно. Между прочим, надо заметить, что на территории Черниговского княжества удержался тот архаический порядок наследования между князьями, когда стол передавался не от отца к сыну, а от брата к брату, т. е. из линии в линию, так что каждая смерть производила круговое передвижение князей на их столах. Эта система «лестничного восхождения» также до известной степени удерживала территорию от полного разложения на мелкие составные части. Поэтому-то черниговские князья могли осуществлять серьезные предприятия, к которым они были побуждаемы, с одной стороны, присущей им энергией, с другой — своею многочисленностью, толкавшей их вон из родной, все более и более тесной, области. Из таких предприятий на первом плане стоит, конечно, попытка Игоревичей, сыновей знаменитого героя «Слова о полку Игореве», водвориться в начале XIII в. в Галицкой земле. Попытка эта имела трагический и совсем неожиданный исход: трое из Игоревичей были осуждены галицкими боярами, с которыми они, вокняжившись, принялись было энергично расправляться, и приговорены к повешению: случай судебной рас-

правы с князьями, единственный во всей нашей истории²⁵. Предприимчивость князей Святославичей шла, вероятно, рука об руку с предприимчивостью самого северянского племени. Если присоединение земли вятичей в XII в. было делом князей, то, конечно, делом самого населения было колонизационное движение на северо-восток, в инородческие земли Муромы и Мещеры, по Оке и ее притокам, и на восток, по направлению Волги,— движение, присоединившее к Черниговской земле новые уделы, потом обособившиеся в самостоятельные княжества под управлением тех же Святославичей. Но северянское племя подвигалось к югу, в степь, несмотря на препятствия со стороны кочевников. По-видимому, именно оно имело ближайшее отношение к темному для нас русскому населению Тмутаракани, и знаменитый поход северских князей вглубь половецких степей, описываемый «Словом о полку Игореве», объясняется стремлением расчистить давно знакомую и некогда торную дорогу к тмутараканским родичам²⁶, которую залегли было степные хищники. Следы старой связи северянских областей с черноморским побережьем можно считать поселения так называемых бродников, которые разбросаны были островками по донским степям и как-то поддерживали свое существование среди половецких кочевьев²⁷. Итак, о внешней истории Чернигово-Северской области мы знаем лишь очень мало; когда же «Ипатьевская летопись» переносит центр своих интересов из Киева в отдаленную Галицко-Волынскую землю, сведения о Черниговской области начинают совсем оскудевать. Особенности внутреннего строя и быта этой области от нас ускользают совершенно. Род Святославичей чернигово-северских в конце концов так размножился, что почти половина княжеских родов Литовского и Московского государств ведет именно от него свое начало.

Мало освещают летописные известия историю Чернигово-Северской области, еще меньше — Туровской и Переяславской. Но на территории Южной Руси есть еще одна обширная область, о которой летописи проговариваются, как-будто лишь для того только, чтобы своими темными и загадочными выражениями увлечь нас и запутать в произвольных толкованиях и гипотезах. Тиверцы и уличи нашей первоначальной летописи, судя по тому, что у них были многочисленные города, как сообщает летописец, и что именно их греки звали Великой Скифией, по-видимому, должны были бы играть важную роль в нашей южнорусской истории. А между тем, после первых же кратких о них известий летописи они совсем скрываются со сцены²⁸. Они не входят ни в чью волость, никакой князь не получает в них удела, никто и ничто не касается их территории; очевидно, они стоят вне политической связи, стягивающей остальные южнорусские земли. Только позже, в половине XII в., мы можем проследить по летописи, как некоторая сравни-

тельно небольшая часть этой территории входит в состав княжества Галицкого.

А между тем на этой же территории (или в ближайшем ее соседстве) выступает на историческую сцену нечто в высшей степени загадочное — так называемая Болоховская земля. Таинственный незнакомец нашей истории, земля эта появляется в XII в. для того лишь, чтобы через столетие опять бесследно исчезнуть. Все в летописных известиях о ней возбуждает сомнение и дает повод к спорам, даже и ее географическое положение, которое разными учеными определялось очень различно. Но в настоящее время выяснено, по-видимому, что она находилась между пределами областей Киевской и Волынской, вероятно, в верхнем Побужье и по Случи. Самое интересное в тех неопределенных и туманных очертаниях, какими она выступает в летописи — то, что земля эта управлялась князьями, по всей вероятности, не из дома Владимира Святого. Князья эти были многочисленны; в соответствии с многочисленными городами своей земли, по-видимому, находились в тесной связи со своим народом, защищали самостоятельность своей земли от сильных соседних галицких князей. Но все это только возбуждает научную любознательность, а не удовлетворяет ее. Что это были за князья? Старые ли племенные князья, какие встречаются до объединения Русской земли? Или выборные лучшие мужи земли? И какому типу социального устройства соответствовало такое управление? Ответы на эти вопросы, вероятно, были бы вместе с тем и ответами на многие темные вопросы нашего догосударственного быта. Но вопросам этим суждено оставаться без ответа²⁹.

Но вот мы выходим из мрака на сцену, освещенную более или менее ярко. Перед нами княжества Киевское, Волынское и Галицкое; здесь мы можем удовлетворительно проследить факты внешней истории и даже составить себе некоторое понятие об особенностях политического строя каждой области.

Внешняя история Киевской земли, или великого княжества Киевского, всем хорошо известна: она выступает в каждом учебнике русской истории под видом истории Русского государства. Беспрерывная борьба князей постепенно подрывает значение Киева, а в связи с упадком Киева как стольного города великих князей падает и значение Киевской области. Владимир Мономах (1113—1125) и сын его Мстислав I (1125—1132), который и личными качествами, и направлением своей деятельности воспроизводил отца, были последними из великих князей киевских, которые сидели на киевском столе так «грозно», что влияние великокняжеской власти распространялось при них на всю южнорусскую территорию. После того самостоятельность отдельных княжеств так быстро усиливается, что последующие великие князья киевские забывают и думать о подобном влиянии. От смерти Мстислава до конца XII в. вся история Киевского княжества есть непрерывный ряд войн из-за

киевского стола. Борьба Мономаховичей с черниговскими Ольговичами переплетается с борьбой Мономаховичей между собою, т. е. северных ветвей Мономаховичей (ростово-суздальских и смоленских) с южными, с волынскими. Мономаховичи волынские, потомки Мстислава, — излюбленные князя Киевской земли. Но симпатии населения не в силах прочно противодействовать натиску хищных стремлений, направляющихся на Киев со всех сторон земли Русской, и представители разных ветвей княжеского рода то и дело сменяются на киевском столе. Самая выдающаяся личность этого времени — внук Мономаха Изяслав Мстиславович³⁰. Киевляне с похвалами (жители городов по Руси) и Черными Клобуками стремятся изо всех сил удержать у себя этого князя, которому летопись дает эпитеты честного, благоверного, христоролюбивого, славного; необыкновенной храбростью, энергией, находчивостью он напоминает своего деда; он поддерживает деятельные дружеские отношения с западными соседями Южнорусской земли — князьями чешскими и польскими, с венгерским королем. И несмотря на все это, ему удастся удержаться на великокняжеском столе только самое короткое время, и то лишь при помощи раздела власти со старым и неспособным дядей Вячеславом (1146—1154). Разорение Киева суздальцами Мономахова внука Андрея Боголюбского в 1169 г. и половцами, которых привел смоленский Мономахович Рюрик Ростиславич³¹ в 1203 г., лишило Киев старого значения и богатства, а следовательно, и привлекательности в глазах князей. В это время из скромной территории Киевской области князья-соперники в видах взаимного умиротворения выкроили четыре удела: Вышегородский, Белогородский, Трипольский и Переяславский; затем выделилось еще два удела: Древлянский с городом Овручем и Торческий, или так называемое Поросье. Вследствие этого незначительная территория Киевского княжества распалась на семь частей. Конечно, ничтожный удел с разоренным Киевом не мог поддерживать величие великокняжеского стола. Видимую особенность Киевской земли представляет собою та роль, которую играло в ней инородческое население — Черные Клобуки. Отчасти под влиянием этого населения, отчасти по причине особенностей политических условий, в какие была поставлена Киевская область, в ее строе не заметно того, что мы замечаем в строе других областей — известного постоянства в отношении ее политических составных элементов. Ни князь, ни дружинное сословие, или боярство, ни народ, или вече, не являются в Киевской области ни с каким заметным преобладанием, которое могло бы характеризовать ее строй.

Волынское и Галицкое княжества, составлявшие главную массу западной половины Южной Руси, совсем отдельно начали свою политическую жизнь для того, чтобы так же отдельно и закончить ее. Но в рассматриваемый период они временно вступали в федеративную связь. Связь эта находила себе опору прежде всего в пле-

менном родстве (те же самые бужане летописи, которые были, по-видимому, тождественны с дулебами, или волянянами, составляли население и червенских городов — ядра земли Галицкой), затем в тождестве интересов, вытекавших из территориального положения. Половцы не имеют никакого значения ни для той земли, ни для другой; лишь дикие племена литовские угрожают Волини с севера. Наконец, отличную от остальной русской территории и вместе с тем общую обоим княжествам черту их истории составляют постоянные — то враждебные, то дружеские — отношения к Польше; венгры имеют значение главным образом лишь для Галицкого княжества. Таким образом, политическая история обоих этих княжеств отличается сравнительно большим вмешательством иноземного — западного — элемента. Но несмотря на все это общее, княжества Волинское и Галицкое не слились в одно политическое целое. Может быть, главной причиной этого — и во всяком случае одною из причин — были различия, какие можно подметить в общественно-политическом строе этих двух родственных земель.

Волинская земля первое время, и довольно долго, входила в состав княжества Киевского. Только после смерти Владимира Мономаха³² она приобрела самостоятельность, укрепившись за старшей линией Мономаховичей. Но, утвердившись на Волини в качестве отчичей земли Волинской, эти Мономаховичи не оставляли притязаний на киевский стол. Наоборот, в волинской своей отчизне они видели лишь средство для поддержания своих великокняжеских притязаний. Киевское население всегда охотно шло навстречу этой отрасли Мономахова дома, отличавшейся рыцарским, открытым характером и большим уважением к народной воле, выражавшейся в вече. Таким образом, до конца XII в. главный интерес политической истории Волини сосредоточивается на борьбе волинских князей с князьями черниговскими и другими за киевский стол. Только в конце века правнук Мономаха, Роман Мстиславич³³, дал иное направление истории земли Волинской. Это была одна из тех богато одаренных личностей, образ которых врезывается прочно в память народа и дает импульс его поэтическому творчеству. Для характеристики Романа Ипатьевская летопись подбирает самые сильные выражения, рисуя идеальный образ князя — защитника своей земли: «Он устремлялся на поганых (литву, ятвягов, половцев) как лев, сердит был как рысь, губил их как крокодил, проходил землю их как орел, храбр был как тур».

Вот этот-то Роман и соединил Волинскую землю с Галицкой, воспользовавшись тем, что в Галиции прекратился род князей Ростиславичей (около 1200). Соединение таких больших княжеств в одно целое под энергичною властью Романа сразу создало в Южной Руси тот политический центр, который утратился с утратою Киевом его старого значения; под конец своего правления Роман распорядился по произволу и киевским столом.

Летописец дает Роману титул «великого князя и самодержца всей Руси». Но части нового политического организма все-таки были прилажены одна к другой настолько слабо, что снова распались, как только их перестала сдерживать вместе сильная рука. После смерти Романа (1205) его малолетние дети — четырехлетний Даниил, будущий галицкий король, и двухлетний Василько — не только не могли предупредить наступившей смуты, но сами сделались ее жертвами: только после многих лет скитания и по своим землям, и на чужбине, по иноземным дворам, удалось Романовичам снова овладеть своей отчиной. Надо сказать, что Волынская земля постоянно обнаруживала сочувствие к этим своим наследственным, хотя и слабым и малолетним, князьям, и братья водворились на отцовском наследстве только благодаря ее деятельной поддержке. Даниил вокняжился в Галиции *, а Василько — на Волини; между землями этими опять возникла как бы старая федеративная связь, но опирающаяся не на единство власти, как при Романе, а на дружбу князей-братьев и их полное единодушие во всех вопросах внешней политики. Выросшие сила и значение земли Волынской выразились прежде всего в успехах ее борьбы с диким литовским племенем ятвягов — ее ближайшими соседями по Западному Бугу, которые не давали ей покоя своими набегами. Теперь ятвяги были совсем придавлены, и началась усиленная колонизация Ятвяжской земли³⁴. Ятвяги обнаруживали большое упорство в сопротивлении, но силы были неравномерны, и они все отодвигались на север, пока, наконец, ко времени Василька Романовича — уже, впрочем, после татарского нашествия — последние их остатки ушли в Литву, а земли их были поделены между Волынским княжеством и Польшей (княжеством Мазовецким). Вообще, Волынская земля стремится расшириться к северу, в низовья Западного Буга, в землю Подляшскую³⁵ (территория нынешних Гродненской и Седлецкой губерний). В то же время волынские князья распространили свою гегемонию над соседними князьями туровско-пинскими, которые вынуждены были «ходить под их рукой». В Волынской земле издавна было много мелких уделов: Пересопницкий, Шумский, Бужский, Дорогобужский и др. Но эти уделы не имели никакого самостоятельного значения, и князья их находились в полной зависимости от главного князя, который сидел во Владимире-Волынском. Таким образом, уделы эти не нарушали силы и единства земли. Лишь гораздо позже, в конце XIII в., образовался сильный Луцкий удел, но и это обстоятельство не нарушило единства земли Волынской. Вероятно, единство это опиралось на окрепшее и сознательное народное чувство. Другая особенность, которую можно усмотреть в политическом строе Волынской земли, — это относительно большое значение воли народной, проявляющейся в вече. Примером такой сознательной политики народной

* Даниил прочно водворяется в Галиче с 1229 г.

может служить указанное выше отношение земли Волынской к малолетним детям Романа. Но летопись указывает и на другие случаи проявления народной воли, деятельности веча.

Иной вид представляет политический уклад земли Галицкой. Галицкое княжество при первом же появлении в качестве самостоятельной земли обнаруживает стремление к тому, чтобы окончательно обособиться от Киева. Изгои Ростиславичи, получив по решению Любечского съезда в удел червенские города — Перемышль, Тербовль, Звенигород, — не добивались киевского стола, не стремились к захвату иных, лучших, волостей, но зато твердо отстаивали целостность и самостоятельность своей земли: «Мы стоим на своей меже, а чужого нам не надо», — так отвечали они, по словам летописи, своим мужам, которые их уговаривали воспользоваться победой над вторгшимся в их землю киевским князем и захватить соседнюю Волынь. Стремлениям галицких князей к самостоятельности много способствовало то обстоятельство, что Галицкая земля не дробилась на уделы благодаря малочисленности членов княжеского рода. Правда, у братьев Ростиславичей, Володаря и Василька, осталось по два сына, но скоро, за смертью прочих наследников, вся земля сосредоточилась в руках ловкого и энергичного Владимирка (1144—1152). У Владимирка был лишь один сонаследник — племянник Иван Ростиславич Берладник³⁶, которому Владимирко, кажется, дал в удел отдаленную и незначительную окраину своей земли на нижнем течении Прута — Берладь, а потом и совсем выгнал его из княжества. Владимирко представляет собою очень резко выраженный тип дальновидного политика и беззастенчивого дипломата. «Многоглаголивый» князь, по-видимому, пользовался своим красноречием лишь для того, чтобы скрывать свои мысли. Он заключал союзы и разрывал их, давал клятвы и нарушал, притворялся в случае надобности больным, даже умирающим. Такими способами умел он достигать своих политических целей: ослаблять ближайших соседей, русских, польских и венгерских, путем ловких союзов с их врагами, а затем укреплять и расширять свои земли за счет ослабленных соседей. Когда против него составила коалиция из южнорусских князей с Изяславом Мстиславичем во главе, подкрепляемая поляками и венграми, то князя, чтобы обеспечить исполнение Владимирком условий договора, на которые он вынужден был согласиться, послали в Венгрию за величайшею святыней своего времени — крестиком, сделанным, по преданию, из креста Спасителя. Владимирко дал клятву на этом крестике, но, по обыкновению, тотчас же нарушил ее. На упреки, какие делал ему посол киевского князя, и угрозы карой Божией за клятвопреступление он заметил: «Что мне может сделать такой маленький крестик». Летопись, передавая этот факт, связывает его со скоростижною смертью Владимирка. Как ни мало симпатичен нравственный облик этого князя, но надо признать, что Владимирко много сделал для усиления своего княжества.

Оно расширило свои границы, главным образом вниз по течению Днестра, Прута и Серета до берегов Дуная и Черного моря. Русь прокладывает себе новый путь в Византию взамен старого днепровского, заложенного степными хищниками. Таким образом, Галицкое княжество стало расширять свои торговые сношения, что дало толчок к развитию экономической деятельности и внутри страны, а вместе с тем к увеличению богатства, служащего опорой и для политического могущества. Понимал или нет Владимирко эту взаимную зависимость общественных отношений, но сын его и наследник, Ярослав, названный поэтом «Слова о полку Игореве» за свой ум Осмомыслом, по-видимому, понимал ее ясно. Умный и образованный, владевший несколькими языками, Ярослав представлял собою тип, резко отличающийся от своих современников. Он не ценил военных предприятий и подвигов, никогда сам не предводительствовал войском, да и войн вообще вел очень мало, лишь вынуждаемый крайней необходимостью. Такой необходимостью было, например, для него добиться выдачи двоюродного брата Ивана Берладника. Этот оригинальный князь, лишенный удела в своей вотчине и выгнанный из княжества, странствовал со своею дружиною по лицу земли Русской, поступая на службу то к тому, то к другому князю, нуждающемуся в его услугах. Но есть основания думать, что он пользовался на родине большими симпатиями, и главным образом симпатиями простого народа — смердов. Как бы то ни было, Ярослав боялся его и «подмолвил» — как сообщает летопись — всех князей русских, короля венгерского, польских князей, «чтоб были ему помощниками на Ивана». Один только черниговский князь, Изяслав Давыдович, занимавший в то время великокняжеский стол, отстаивал несчастного Берладника. Боясь выдачи, Иван бежит в степь, занимает подунайские города, перехватывает галицкие суда с товарами, преследует галицких рыболовов в устьях Дуная. Затем с половцами и бродниками (или берладниками) — очевидно, какое-то вольное население степей, наводящее на мысль о позднейшем казачестве — осаждает г. Ушицу, причем «засада» (гарнизон) оказывает крепкое сопротивление, но смерды перескакивают к Ивану через городские стены. Потом Иван как-то исчезает со сцены, чтобы умереть в Греции, по сообщению летописи.

Итак, Ярослав сосредоточил свою деятельность на строительстве земли. До нас дошли сведения о том, что он для распространения образования устраивал при монастырях школы, а для того чтобы усилить промышленную деятельность страны, призывал ремесленников из чужих земель. Промышленность и торговля сделали в его продолжительное правление, по-видимому, большие успехи, а вместе с тем возросло и политическое значение Галицкой земли, несмотря на то что Ярослав совсем не делал никаких завоеваний или иных территориальных приобретений. «Слова о полку Игореве» очень эффектно рисует могущество Ярослава: «Галицкий Осмомысле, Ярос-

лаве, высоко ты сидишь на своем златокованном столе. Ты подпер своими полками Угорские горы, заступил путь королю, рядишь суды до Дуная. Ты открываешь ворота Киева, стреляешь с отеческого золотого стола султанов за землями». Но вместе с тем в его же правление впервые выясняется то особенное условие общественно-политического склада Галицкой земли, которое было причиною ее бед и неустойчивости. Подразумеваем преобладание боярского сословия — преобладание, подобного которому не находим ни в одной из русских земель. Влияние народа, проявляющееся в вече, отступает на задний план и потом совсем исчезает за боярской олигархией. Боярство это, надо думать, было вначале — те же старшие княжьи мужи, как и в остальных русских землях, а не какая-либо особенная земская аристократия, развившаяся здесь под влиянием Польши и Венгрии, как предполагают иные ученые. Только особенность положения Галицкой земли дала этим княжьи мужам некоторые преимущества. Галиция рано обособилась, а вместе с обособлением обособилась и дружина, связав свои интересы неразрывно с данной областью; в то же время членов княжеского дома было так мало, что все управление землей необходимо лежало на боярах, которые приобрели, таким образом, силу и значение. Уже при Ярославе Осмомысле бояре так сильны, что вмешиваются в интимные, личные и семейные дела князя, а при его неспособном сыне Владимире, который «был любезнив питию многому», они не только вмешиваются, а прямо начинают верховодить, управлять политикой страны, призывать и изгонять князей. Боярщина остается характерной чертой строя Галицкого княжества до самого конца его существования. Боярская смута прерывалась лишь тогда, когда власть попадала в руки энергичного князя, которому удавалось на время положить предел боярскому своеволию. Таким князем был Роман Мстиславич Вольтинский, которого призвала было одна боярская партия, после того как неспособный Владимир был прогнан. Роману далеко не сразу удалось завладеть галицким княжением, пришлось бороться за него и с Владимиром, у которого тоже были сторонники, и с венграми, выставлявшими своего королевича как претендента на княжеское достоинство и у которого тоже была своя партия среди боярства. Но когда Роману удалось захватить власть, он держал ее твердо в руках до конца жизни. Опираясь на Вольтинь, энергичный Роман сделался «тем самодержцем земли Русской», дружбой с которым дорожили и римский папа, и греческий император. Выше мы говорили о его деятельности, относящейся к Вольтинскому княжеству; относительно же княжества Галицкого мы знаем только, что он усиленно боролся с боярством. По свидетельству польского летописца, Роман поступал с боярами в полном смысле слова свирепо. Правда это или нет, во всяком случае несомненно, что галицкое боярство отнеслось очень недоброжелательно к малолетним сыновьям Романа, когда они осиротели. Начался долгий период анархии, продол-

жавшейся более 40 лет, пока даровитому сыну Романа, Даниилу, удалось возвратить свою отчину и утвердиться на ней. Следить за тем, что делалось в этот период, крайне затруднительно по пестроте и путанице событий. Год-два, и все новый и новый претендент на княжеское достоинство выдвигается боярством. Русские князья разных ветвей сменяются иноземцами, польскими и венгерскими. Два венгерских королевича, Андрей и Коломан, успели за это время покняжить в Галиции: обстоятельство, которое до сих пор служит исторической опорой притязаний Австрии на Галицию. О судьбе северских Игоревичей, которые для упрочения своей власти избili будто бы 500 бояр и сами были повешены по приговору боярского суда, мы упоминали выше. Являлся в Галич великий киевский князь Рюрик Ростиславич, мелкие князья волынские, вокняжился было одно время даже боярин Володислав — единственный точно известный пример владетельного князя не княжеского рода. Не раз княжил и Мстислав Мстиславич Удалой³⁷, сын Мономахова правнука Мстислава Ростиславича Храброго. Мстислав Удалой — очень типичная фигура своего времени, удельно-вечевой эпохи. Предприимчивость и беззаветная храбрость, глубокое сознание своей княжеской чести, обязывающей к известному поведению, к верности слову и т. п., наконец, уважение к народной воле — все это привлекло к нему массу, так что он был любимым князем и на Юге, и на Севере, в земле Смоленской, в Новгороде. Но все эти хорошие качества не были достоинствами правителя, политика, дипломата; для деятельности правительственной у него не было существеннейшего — прочной связи с землей: как она могла быть у князя, который постоянно передвигался из Торопца в Торческ, из Новгорода в Галич? Мстислав отдал за Даниила свою дочь и помог зятю завладеть наследством отца своего — однако не раньше как четверть века спустя после смерти Романа; да и захватив княжескую власть, Даниил должен был приложить еще много усилий в борьбе с венграми, русскими претендентами и собственными боярами, чтобы упрочить ее. Борьба эта еще была не кончена, когда Галицкое княжество вместе с остальной Южной Русью подверглось нашествию монголов (1239—1240).

Южнорусские князья и их дружины уже имели ясное понятие о татарах, об их подавляющей численности, военной сноровке, беспощадной жестокости. Когда в половецких степях появились в 1223 г. татары и погнали половцев, те успели внушить южнорусским князьям мысль об общей грозящей всем опасности, и князья дружно съехались на совещание в Киев, дружно вооружились и выступили в поход. Но единодушие хватило ненадолго. Когда при Калке наступил решительный момент, Мстислав Мстиславич Удалой, тогдашний князь галицкий, оказался в ссоре с Мстиславом Киевским и Мстиславом Черниговским, и татары без особых усилий со своей стороны нанесли ужасное поражение разьединенным силам южно-

русских князей. Галицко-волынский полк с Мстиславом Удалым и Даниилом первые были разбиты, пока остальные еще не успели и выстроиться к битве. Даниил был ранен; известна печальная судьба тех князей, которые не успели спастись бегством.

Какие-нибудь полтора десятка лет не могли изгладить из памяти князей и дружины этих ужасных «иноплеменных язык», этих «безбожных измаильтян» — татар; но земли еще пока не знали их. И вот после долгого затишья, когда уже можно было совсем успокоиться от так же внезапно налетевшего, как и рассеявшегося бедствия, оно надвигается снова, но еще несравненно грознее.

После опустошения Рязанской и Суздальской земель, т. е. Руси Северо-Восточной, Батый направляется против Руси Южной. Еще в 1237—1238 гг. отдельные отряды татарские разорили Переяславль, Чернигов и их земли. Осенью 1240 г. Батый со всеми силами своими двинулся на Киев. От скрипа его телег, рева верблюдов и ржання стад нельзя было слышать человеческого голоса, — говорит летописец. В Киеве в это время не было князя: его заменял Даниилов тысяцкий Дмитро.

Под его руководством киевляне защищались отчаянно, сначала на стенах города, потом в церквях и монастырях. Но все оплоты оказались ничтожными перед натиском этой стихийной массы и ударами стенобитных орудий, которыми пользовались татары. От Киева Батый двинулся на запад, рассчитывая через Волынскую и Галицкую земли пройти в Венгрию и Польшу. Татары страшно опустошали все, что встречалось им на пути. Плано Карпини³⁸, проезжавший через Галицкую и Волынскую земли на Киев несколько лет спустя после того, как прошли татары, всюду находил следы опустошений и разорения — черепа и кости человеческие. «Большая часть жителей была убита или уведена в плен татарами», — говорит он. Но все-таки это было не то опустошение, какое постигло Русь Северную. Татары, спеша на запад, шли по Южной Руси сплошным потоком, не цепляя окрестную страну своими загонами и, следовательно, оставляя территорию без того общего, повсеместного опустошения, какому подверглась Северная Русь. Отпора они почти нигде не встречали: князья предпочитали спастись бегством, предоставляя земли собственной их судьбе. Волынский князь Василько ушел в Польшу; Даниил Галицкий из Венгрии бежал в землю Мазовецкую; Михаил Черниговский спасся в Силезии.

Издавна и в полной мере оценено то громадное значение, какое имело нашествие монголов для Северной Руси. Для Руси Южной вопрос представляется несравненно более темным и трудным для решения. Со времени катастрофы значительная часть Руси Южной как бы совсем сходит с исторической сцены: подразумеваем княжества Киевское, Переяславское, Черниговско-Северское; Туровское и до того стояло в стороне. Как следует понимать это исчезновение, об этом будет речь ниже. Но несомненен факт, что после нашествия

монголов историческая жизнь Южной Руси сосредоточилась в Во-лынско-Галицкой земле.

Когда монголы ушли в степи, вернулись и братья Романовичи в свои разоренные княжества. Уходя в Приволжье, монголы оставили по соседству с Юго-Западной Русью орду, которая должна была кочевать между Днепром, Росью и низовьем Днестра со своим особым «темником»³⁹. Под покровительство этих татар — и как будто бы по добровольному соглашению с ними, а не по принуждению — поступают загадочные болоховские города: жители их обязываются сеять на татар пшеницу и просо. За болоховцами в число «людей, сидящих за Татараы», тянут и другие города или союзы городов, выделившихся в это смутное время, а может быть, и раньше, из состава старых княжеских волостей, киевских и волинских, города по Тетереву и Горыни. Надо думать, что автономное устройство, хотя бы и в зависимости от татар, привлекало их более, чем княжеское управление. Припомним кстати, что и в битве на Калке мы видим в составе монгольских войск донских бродников, которые, по показанию летописи, сражаются против русских дружин не за страх только, но и за совесть.

Такое близкое соседство татарской орды с их русскими союзниками не позволяло и думать волинско-галицким князьям о независимости: тяжесть положения еще увеличивалась тем, что ятвяги и литовцы пользовались смутой, все учащая свои набеги. Но формы зависимости все-таки здесь не были так тяжелы, как в Руси Северной. Мы не видим, чтобы татары посылали в Волинскую или Галицкую земли своих баскаков, чтобы они делали здесь перепись. И если Волянь платила «татарщину» (дань), то Галицкая земля, по-видимому, была и от нее свободна, выражая свою зависимость лишь обязательством являться на войну по призыву хана или его темника. Как известно, Даниил Галицкий, хотя и ездил в Золотую Орду, но не подвергался там таким унижениям, как другие русские князья.

Татарское нашествие прервало борьбу Даниила с боярством, но не прекратило ее. Ипатьевская летопись прекрасно описывает взаимное отношение этих двух политических сил, управлявших Галицкой землей. «Бояре галицкие называли Даниила себе князем, — говорит она, — но сами держали всю землю: княжил Доброслав и Судыч, попов внук, и грабили всю землю; вошедши в Бакоту, этот без княжеского повеления взял все Понизье; Григорий же Васильевич рассчитывал держать южную страну Перемышльскую; и был от них великий мятеж в земле и грабеж». Летописец описывает подробно, как Доброслав, помимо прямого запрещения княжеского, отдал коломыйские соляные копи Лазарю Домажиричу и Ивору Молибожичу — «двум беззаконникам от племени смердьа» — те соляные копи, доходы с которых шли великим князьям (галицким) на содержание воинов. Когда Доброслав поссорился с Григорием и приехал к князю, то «приехал, — по словам летописи, — с великою

гордынею, в одной сорочке, не глядячи на землю, а галичане бежали у его стремени». Очевидно, с таким положением трудно было примириться князю, если бы это даже и не был сын Романа: никем не оспариваемая власть в течение многих поколений и авторитет церкви давно успели воспитать в князьях, потомках Владимира Святого, убеждение в непререкаемости их исключительных прав.

Вероятно, нашествие татар помогло Даниилу усилить власть, так как бояре не имели теперь той внешней опоры, какую они всегда находили у иноземных соседей, особенно у венгров, крайне ослабленных татарским опустошением. Даниил же имел неизменную опору в земле Волынской. Его полное единодушие с братом Васильком делало из их земель как бы одно политическое целое, известное в истории под именем Галицко-Волынской или Галицко-Владимирской Руси, представлявшей собою для данной эпохи, т. е. от половины XIII до половины XIV в., всю Южную историческую Русь. Даниил был самым выдающимся представителем этой Руси.

Богатый край, сильный своею естественною производительностью, под умным руководством Даниила и его брата быстро поправлялся. Разоренные города обстраивались и населялись; возникали новые. Князья в виду своих главных врагов — степняков возлагали большие надежды на крепкие города и изо всех сил заботились об их устройстве; между прочим, Даниил устроил г. Холм⁴⁰, положение которого было так удачно, что он тотчас же приобрел значение центрального пункта территории. По призыву князей-братьев в земли их бежали из местностей, разоренных татарами, всякого рода ремесленники и художники, шли ляхи и немцы, евреи и армяне. Промышленная и торговая деятельность находила себе в Галицко-Владимирской Руси благоприятную почву и покровительство.

Враждебные отношения к Литве, так мешавшие мирному течению жизни земли, Даниил обратил в дружеские: родство, в которое он вступил с Миндовгом⁴¹, великим князем литовским, завязало первый узел тех русско-литовских связей, которые имели в дальнейшем такие огромные последствия для обеих сторон.

Но татары зорко следили за Галицко-Владимирской Русью. Укрепление земли городами, союз с Литвой, сношения с западными государствами, среди которых папа проповедывал походы против монголов, — все это не укрылось от их внимания. Темник Куремса, который жил в дружбе с Даниилом, был отозван, и вместо него послан «злой, безбожный» Бурундай. Бурундай потребовал, чтобы городские укрепления были снесены, и добился этого — спасся только Холм; добился и разрыва союза с Литвою. Несколько раз орда Бурундай под разными предлогами делала опустошительные набеги на Волынскую и Галицкую земли. Все это ослабляло, конечно, силы Галицко-Волынской Руси, но не подавляло ее рост. Рост этот, надо думать, опирался в значительной степени на те отношения, как экономические, так и политические, которыми Даниил

старался связать свою Русь с соседними западноевропейскими государствами; по крайней мере многочисленные свидетельства иностранных писателей о Данииле и его времени заставляют предполагать эти связи. Римская курия засылает в Галицию своих миссионеров, которые хлопочут о соединении церквей; папа дает Даниилу королевский титул⁴². Таким образом на юго-западной окраине русской территории возникло «королевство Руси» — новый политический центр, сосредоточивший в себе на некоторое время всю историческую жизнь южнорусского народа. Но значение этого центра, к сожалению, тесно было связано с талантливою личностью Даниила и недолго пережило его, хотя и не исчезло, как полагают, с его смертью (1264).

Чтобы ясно представить себе дальнейшую историческую судьбу Галицко-Владимирской Руси, необходимо помнить следующее: монгольское завоевание произвело важное изменение в территориальных условиях Галицко-Волынской земли, а отсюда и в ее политических судьбах: оно ее отодвинуло с юга на север. Татарская орда отрезала Галицкому княжеству установившиеся торговые связи с Черным морем: «люди татарские» и «города, сидящие за татары», с их автономным устройством и выборными атаманами, оттеснили княжескую, государственную Русь не только от Приднестровья (Понизья, Подолья), но и Приднепровья. Но богатая естественная производительность страны и развитая промышленность ее городов требовали торговых путей и рынков. Так как на юге пути были заложены, движение устремилось к северу. Завязываются оживленные торговые сношения с немецкими городами, в особенности с Торном. В то же время Галицко-Владимирская Русь, оттесняемая с юга, стала и территориально расширяться к северу — в сторону наименьшего сопротивления. Прежде всего она захватила в свою власть мелкие туrowsко-пинские княжества. О завоевании земли ятвяжской, известной впоследствии под именем Подляхии, было сказано выше. После монгольского нашествия земля эта была окончательно завоевана соединенными силами галицкого и волынского князей, колонизована, и части ее под именем Дрогичина, Мельника и земли Берестейской вошли в состав Галицко-Владимирской Руси. От Польши была присоединена Люблинская земля, между Западным Бугом и Вепрем. В связи с этим отливом жизненной энергии к северо-западу, дальше от татар и их союзников, находится и то значение, какое приобрел Холм, только что возникший, также и то, что столица Галицкой земли перенесена была сыном Даниила Львом из Галича во Львов. Центральным по значению городом для всей территории теперь сделался Владимир, откуда легче всего было держать в руках всю вновь присоединенную северную окраину государства.

Таким образом, на место целой группы самостоятельных областей удельного периода в Южной Руси в XIII в. оказался лишь один

большой политический организм с более или менее объединенной жизнью. Его территория соответствовала территориям старых княжеств Волынского и Галицкого, но была значительно урезана с юга и расширена с севера. Это расширение поставило новое государство в необходимость таких тесных сношений с Литвой и Польшей, какой раньше совсем не представлялось. Врезались одна в другую территории этих трех народностей, переплетались и их государственные, или княжеские, интересы.

После смерти Даниила, за которым скоро последовал и брат его Василько, во главе объединенного государства стоял около двух десятков лет (1271—1289) Владимир Василькович, причем галицкая половина государства была поделена между сыновьями Даниила. Владимир этот выступает из подробных сказаний о нем летописи с чертами трогательно симпатичными. Человек несомненно энергичный и умный, философски образованный, он понимал свое положение князя так, что перед смертью своею роздал все свое огромное движимое имущество бедным: «Золото и серебро и дорогие камни, пояса золотые и серебряные своего отца и свои — все роздал; блюда большие серебряные и кубки золотые и серебряные сам перед своими глазами велел побить и отлить в гривны, также и монеты золотые своей бабки и матери, и разослал по всей земле; а стада роздал убогим людям, у кого не было коней или у кого погибли от татар... Плакали после его смерти, — продолжает летописец, — мужи, и жены, и дети, немцы, и сурожцы, и новгородцы, и жиды, и нищие, и убогие, и черноризцы, и черницы».

Князь таких выдающихся душевных качеств мог с достоинством управлять государством, созданным талантом Даниила, и действительно, Галицко-Владимирская Русь и при нем продолжает свое существование как государство сильное и пользующееся общим признанием и уважением. Старший сын Даниила, Шварно⁴³, должен был наследовать по жене Литву, но с ним вступил в борьбу брат его Лев, интриги которого навлекли на государство новое опустошение со стороны татар. Наследником Владимира Васильковича был третий сын Даниила, Мстислав, но на его княжении прекращается «Ипатьевская летопись» — почти единственный источник для истории этого Русского государства, — и мы останавливаемся в недоумении: сама ли жизнь, лишенная твердого и надежного руководства, прервала свое спокойное и правильное поступательное течение или хаотическое впечатление, выносимое из знакомства с этой эпохой, зависит только от того, что у нас нет цельного ее образа, а долетают лишь неясные обрывки и отголоски совершившихся событий?

Одно несомненно: Галицко-Владимирское государство продолжало существовать почти всю первую половину XIV в., при сыновьях и внуках [Даниила]. В руках Юрия I Львовича еще раз были соединены все земли Владимирско-Галицкой Руси, и он сам носил,

по примеру деда, титул короля Руси — «rex Russiae». Его два сына, Андрей и Лев Юрьевичи, по-видимому, снова поделили между собой Волынь и Галичину⁴⁴: от них осталось несколько грамот. Из этих грамот мы знаем, что князья-братья покровительствовали торговле своей земли с немецкими городами, что они заключали союзы с крестоносцами, узнаём также из одного письма польского короля Владислава, что Запад смотрел на галицко-волынских князей как на свой главный оплот от татар. Князья носят в грамотах титул: «Милостию Божией князь Руси» («*Dei gratia dux Russiae*»). Интересно еще и то обстоятельство, что потомки Даниила всегда подписываются на грамотах вместе со своими «вельможами и соратниками», или «*cum baronibus et commilitibus nostris*»: бароны — это воеводы главных городов земли и епископы. По-видимому, в Галицко-Владимирской Руси вельможи светские и духовные составляли нечто вроде сената при князе. Андрей и Лев Юрьевичи были, сколько можно судить, последними потомками Даниила по мужскому колену. Права наследства на Галицко-Владимирское княжение переходят к потомку Даниила по женской линии, мазовецкому князю Болеславу Тройденовичу, который под именем Юрия II еще раз соединил под своею властью оба княжества⁴⁵. Любопытно, что в одной грамоте от 1335 г. он называет себя «*dux totius Russiae Minoris*»: таким образом, впервые появляется на свет Малая Русь. Иноземец и католик по воспитанию, Юрий-Болеслав не смог, по-видимому, установить правильных отношений к своим подданным и был отравлен (1340). Тотчас по его смерти земли его очутились во власти литовского князя Любарта Гедиминовича, на сестре которого был женат Юрий-Болеслав. Но как князь мазовецкий Юрий-Болеслав имел своим сюзереном польского короля Казимира. Началась долгая борьба Польши с Литвою, которая закончилась дележом русского наследства между этими соседями, — дележом, повлекшим за собою такие важные и длительные последствия, результат которых еще не исчерпан историей.

Но в то время, как Волынская и Галицкая земли, или Галицко-Владимирская Русь, оправившись от монгольского нашествия, продолжала существовать в качестве политического тела известного веса и значения, — что же представляла собой остальная южная Русь?

Черниговской и Туровской земель, разбившихся на мелкие черниговско-северские и туровско-пинские княжества, мы уже коснулись выше, а далее еще будем иметь случай вернуться к их судьбам. Переяславское княжество, сторожевая линия от Степи, потеряло смысл своего существования, после того как степные кочевники завладели Русской землей. Таким образом, вопрос сводится к Киеву и Киевской земле: что случилось после монгольского нашествия с Киевской Русью? Но прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо несколько отклониться в сторону.

Вопрос этот в нашей литературе имел совсем особую судьбу. Он

тесно связался с другим вопросом, на первый взгляд, совсем от него независимым: вопросом о происхождении малорусского племени в его отношении к племени великорусскому. Хотя связь эта не заключает в себе ничего неизменно необходимого, но тем не менее она понятна. В самом деле, в течение всего этого исторического периода, который заканчивается монгольским нашествием, историю нашу делают группы восточнославянских или русских племен, обособившихся по областям, но как будто бы не обнаруживающих того глубокого распада на два русла, которое усматривается позже. Нашествие варваров со всеми своими ужасами и последствиями скрывает от нас на некоторое время историческую сцену, особенно в той ее части, на которой шла до тех пор самая интенсивная жизнь, — в Руси Приднепровской. Когда туман, облакавший собою более или менее всю Русскую землю, совершенно рассеивается, мы усматриваем на нашей территории два больших разветвления русской народности, как бы поглотившие собою прежние племенные особенности, народности южнорусскую и севернорусскую. Каким же образом могло это случиться?

Писатели с великорусскими симпатиями и с потребностью искать для этих симпатий исторические утверждения рассуждали по этому поводу так: Батый со своими монголами совершенно опустошил Приднепровскую Русь, остатки населения, спасшиеся от истребления, вероятно, ушли на север; вслед за тем на опустевшей территории, по всей вероятности, началась колонизация с запада, от Карпатских гор, из Галицкой Руси. Эти-то колонисты, конечно, и принесли с собою на Юг России малорусский язык и тип. Следовательно, тот русский народ, который жил до тех пор в Приднпровье, делая киевскую историю, и с монгольским нашествием переселился на север, — был народ великорусский. Писатели с малорусскими симпатиями выставляли такое рассуждение: батыево нашествие не опустошило окончательно Южную Русь и не изгнало ее население на север — на такую эмиграцию населения нет никаких исторических указаний; точно так же история не дает никаких намеков насчет колонизации опустошенной Киевщины галицкими колонистами. Оба утверждения есть ни на чем не основанные выдумки. Но так как население оставалось на своих местах, а оно оказывается впоследствии малорусским, то, следовательно, всю нашу древнюю историю делало племя малорусское.

Таким образом, вопрос об опустошении Киевской Руси монголами оказался тесно связанным с вопросом о древности и значительности той или другой отрасли русского народа и его исторической роли. Мы указали на эту постановку ввиду того интереса, какой она возбуждала и продолжает возбуждать у ученых и писателей двух национальных лагерей. Но мы не будем вдаваться в подробности этого спорного пункта. Для нас достаточно указать, что рассмотрение и взвешивание исторических свидетельств должно привести к

убеждению, что полного запустения и уничтожения населения на Юге России не было,— убеждению, тем более обоснованному, что некоторые специальные особенности южнорусского наречия обнаруживаются уже в памятниках XII в., следовательно, до нашествия монголов.

Ни Киевская земля, ни даже сам Киев не были уничтожены татарским нашествием. Киев, снести который, конечно, было легче, чем обезлюдить землю, несомненно, продолжал существовать непосредственно вслед за батыевым разорением: об этом свидетельствует, между прочим, тот же Плано Карпини, на которого обыкновенно ссылаются в доказательство полного опустошения Южной Руси; Киев не только продолжал существовать, но и вести внешнюю торговлю. А относительно Киевской земли нет ни малейших оснований предполагать, чтобы она была разорена более, чем какая-либо другая русская земля из подвергшихся нашествию, северная или южная. Однако есть известное основание, в силу которого относительно Киевской земли установилось мнение о ее исключительном и полном разорении. Дело в том, что весь XIII в. после нашествия в летописях совсем нет известий о Киевской земле: нет известий потому, конечно, что нет самой земли,— так заключали некоторые историки. А между тем это молчание имеет свое вполне удовлетворительное объяснение. Выше мы имели случай указать на то, что еще до нашествия татар городá по Тетереву и Горыни вслед за таинственными болоховцами, пользуясь ослаблением власти великого князя киевского, выделились из состава княжеских земель и сложились в союзы автономных общин. Монголы не разоряют этих территорий, вероятно, вступивших добровольно в их подданство и выразивших готовность исполнять известные обязательства; после нашествия уже вся западная часть Киевской области оказывается в числе «людей, сидящих за татары». Но летопись дает нам указание и намеки насчет существования этих новых политических отношений только потому, что Даниил Галицкий и сын его Шварно принимали сюда завоевательные походы. Иначе летописец не коснулся бы этих земель, где не было князей, следовательно, не совершалось ничего, достойного внимания с его точки зрения. Если предположить, что это новое положение, захватывавшее западную половину Киевской области, распространено было и на восточную, то молчание летописи о Киевской земле совершенно объясняется. Самоуправляющиеся городские общины, без князей и верхнего сословия, которое действительно могло быть уничтожено нашествием, скромно продолжали свое незаметное существование под татарским покровительством, не проявляя себя никакими делами, интересными для летописца. Не интересные летописцу, они легко просматриваются и современным историком. Историческая жизнь снова начинается для них только тогда, когда ход событий опять затягивает их в государственную связь.

Глава 4

ЮЖНАЯ РУСЬ В СОСТАВЕ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВНУТРЕННИЙ БЫТ. РУСЬ ГАЛИЦКАЯ

I

В XIV в. мы как бы заново присутствуем при начале русской истории, вторично наблюдаем процесс созидания русской государственности. Как некогда загадочная Русь в виде немногочисленной воинственной дружины собирала из Киева воедино южнорусские племена, закладывая основы Русского государства, так и теперь относительно малочисленная воинственная Литва из своих отдаленных приеманских поселений собирает воедино все разрозненные политическою смутою удельного периода и бедствиями татарского нашествия западные и южные русские земли, созидая новое Литовско-Русское государство, которое по составу своего населения с полным правом могло бы быть названо Западнорусским. Процесс, каким совершалось объединение тогда и теперь, заключал в себе, по-видимому, много общего. Конечно, дело не обошлось без принуждения, насилия, но во втором случае, как и в первом, нельзя усмотреть, чтобы насилие приняло характер завоевания в настоящем смысле этого слова. Надо полагать, что навстречу объединительным стремлениям Литвы, как и древней Киевской Руси, шли если не сознательные, то инстинктивные симпатии народных масс, чувствующих потребность в защите со стороны сильного третьего, извлекающего выгоды из этой защиты. Литовские князья выгоняют из русских земель князей дома Владимира Святого, чтобы сесть на их места, по-видимому, так же легко и просто, как и сами южнорусские удельные князья выгоняли друг друга, причем участие земель могло быть или совершенно пассивным, или активным в одну или другую сторону, смотря по обстоятельствам случая. Все это заставляет предполагать, что между литовским и русским народами существовала близость еще прежде, чем они появились перед нами, как объединители и объединяемые, в общей государственной связи.

Какого рода могла быть эта близость?

Одни из самых древних насельников Европы, литовцы занимали равнину вдоль восточных берегов Балтийского моря, между нижними течениями Западной Двины и Вислы, с главным средоточием на среднем и нижнем Немане. Литва была замкнута в своих лесах, между реками, озерами, болотами. Но близкое соседство с западно-

русскими племенами, с Кривичской Русью, ушедшей уже далеко вперед в культурном отношении, рано должно было отражаться на Литве Принеманской, которой и пришлось сделаться центром будущего государства. Русские торговцы пересекали литовскую территорию, предлагая за дорогие меха, доставляемые ее пуццами, за янтарь ее побережья, столь ценимый всей культурной древностью, блестящие безделушки и украшения, привлекательные для лесного дикаря; русские поселения врубались в литовские леса. С другой стороны, литовцы, ознакомившись с некоторыми удобствами культурного быта, не прочь были добыть их и легким путем набегов на пограничные русские области, а русские князья — и великие киевские, начиная с Ярослава, и соседние удельные — время от времени пытаются положить предел литовским грабегам и сделать литвинов своими данниками, для чего предпринимают походы на литовскую территорию и рубят там городки. Но, несмотря на это, характер мирных отношений между этими двумя народностями преобладает: помимо прямых исторических показаний, об этом свидетельствуют их язык и мифология, носящие следы взаимного сближения. Влияние русской культуры начало овладевать Литвой еще в то время, когда она не выработала себе даже и элементарных форм политической жизни, продолжая жить раздельными племенами, разбитыми на роды. Литовцы нанимались на военную службу к русским князьям соседних областей, главным образом Полоцкой, и, возвращаясь домой, вероятно, принесли с собой не только технику военного дела, но и обычаи, язык и даже православную религию.

Таким образом, когда для Принеманской Литвы наступило время тяжелого испытания, когда к ней приблизились с двух сторон владения немецких рыцарей, крестоносцев и меченосцев, угрожавших ей тою же судьбой, какая постигла ее родичей — пруссов и жемиголу, — Литва эта оказалась на высоте положения. Менее чем в столетие сплотилась она в сильное военное государство, готовое к действию на два фронта: к неустанному и напряженному отпору рыцарям и к широкому наступательному движению на ослабленные своею расчлененностью и разрозненностью русские области с целью втянуть их в общую политическую связь и тем увеличить свои силы. Движение это быстро достигло и Южной Руси.

Великим собирателем воедино земель литовских и русских обыкновенно почитается Гедимин (1316—1341), «король литовский и русский», как он титуловал себя в сношениях с иноземными западными державами. Историческое предание обыкновенно приурочивает к излюбленному лицу такое количество событий и подвигов, которое делает из этого лица настоящего сказочного богатыря. С такими сказочными чертами перешел в историю и Гедимин. Современная историческая критика, не отрицая крупных размеров этой выдающейся личности, тем не менее многое, что приписывалось до сих пор Гедмину, отнесла к его предшественникам и

в особенности к его преемникам, между которыми по отношению к русским землям первое место принадлежит его сыну Ольгерду.

Часть территории кривичей, т. е. западнорусской, присоединена была к Литве еще до Гедимина, но, по-видимому, лишь при Гедимине поступательное движение Литвы коснулось и Южной Руси. Надо полагать, что именно им присоединены были к Литве две области, значительные по территории, но уже не имевшие притязаний на самостоятельное политическое значение: это — Подляшье, бывшая Ятвяжская земля, завоеванная и колонизованная усилиями князей Романовичей, и Полесье, или Туровско-Пинское княжество. Разбитая на много мелких княжеств, Туровско-Пинская земля в конце концов должна была сделаться достоянием сильных соседей. Одно время галицко-волынские князья держали эту землю в зависимости, но с усилением Литвы и расширением ее пределов Туровско-Пинская область вошла в состав Литовского государства; впрочем, некоторые из ее князьков-отчичей сохраняли свои княжества и под литовскою властью. Таким образом, границы владений Гедимина на юге шли, как кажется, по Днепру до устья Припяти, затем, переходя Припять, соприкасались с северными пределами земель Киевской и Волынской до Западного Буга. Уже более двух третей территории Литовского государства состояло из земель, занятых русскими племенами; числовому преобладанию соответствовало и культурное влияние. Хотя сам Гедимин придерживался языческого культа, но почти все его многочисленные сыновья были женаты на русских православных княжнах, а один из них еще при жизни отца крестился по православному обряду. Но настоящее преобладание русскому элементу в Литовском государстве дал Ольгерд (1377).

Политический дуализм, который водворился после смерти Гедимина в Литовском государстве усилиями Кейстута и Ольгерда, двух даровитых его сыновей, устранивших от участия во власти остальных братьев, оказался очень выгодным для дела объединения русской народности. Вручив Кейстуту борьбу с рыцарями, Ольгерд имел возможность сосредоточить все свое внимание на русских землях.

Литвин по отцу, русин по матери, Ольгерд был, во всяком случае, приемным сыном русского народа. Начиная с ранней юности три четверти своей жизни провел он в Витебске — сначала как наследник княжеского стола, затем как владетельный князь земли Витебской. За это время он совершенно сроднился с русским языком и обычаями, русской культурою; есть полное основание думать, что он был православным, хотя в качестве великого князя литовского и скрывал это по политическим соображениям: по крайней мере, достоверно известно, что почти все его сыновья были крещены по православному обряду. И не только симпатии привязывали его к русской народности, но и серьезные политические соображения. Перед ним лежали обширные и прекрасные области Южной Руси. Области эти в значительной степени вырвались из старых государ-

ственных связей, распознаны на свои составные элементы, которые влачили свое существование под тяготением власти степных хищников. Правда, власть эта не посягала на их существование и даже обеспечивала материальную сторону этого существования, но она преграждала путь всякому дальнейшему развитию, общественному и духовному. Таким образом, области эти как бы ждали лишь сильной руки, чтобы высвободиться из-под влияния татар и посредством новой государственной связи втянуться в общее культурное движение. С другой стороны, и великий князь литовский ясно видел все выгоды и для самой Руси, и для Литвы такого объединения этих южнорусских областей с остальной, уже объединенной, литовско-русской территорией. Укрепив свое влияние на Смоленск, Ольгерд в начале второй половины XIV в. приблизился таким образом к границам Чернигово-Северской земли. В это время старшими (великими) князьями черниговскими считались князья брянские: татарское нашествие, от которого сильно пострадало Чернигово-Северское княжество, отодвинуло политический центр этого княжества из земли северян в землю вятичей, в лесистые и болотистые верховья Десны и Оки. Вслед за присоединением к великому княжеству Литовскому Брянского удела перешла во власть Литвы вся западная часть Северщины по Сожи, Снови и Десне; восточная ее часть была разбита на много мелких княжеств, которые носили общее название «верховских княжеств», и находилась пока в руках старых русских князей, потомков Святослава Черниговского, колеблющихся то в сторону Литвы, то Москвы и Рязани. А за Десною, южной границей Черниговской земли, уже начиналась степь; по другую сторону Днестра сидели «татарские люди» (т. е. данники) и стояли «города за татары». При всяком движении вперед столкновение с татарами было неизбежно. Очевидно, Ольгерд искал этого столкновения, так как оно произошло в 1362 г. в глубине степей, на территории, занятой Подольской ордой, на Синих Водах — притоке Южного Буга. Момент был выбран удачно. Смута в Золотой орде не позволила ей подать помощь столь отдаленному западному улусу. Победа над тремя татарскими ханами передала в руки литовского князя Побужье и Поднестровье — территорию, известную с XIV в. под именем Подолья, земли Подольской, теперь очищенной от кочевников. В пределы этих новых приобретений Литвы входила приблизительно вся левая половина Днестровского бассейна, от устья р. Серет до Черного моря, весь бассейн Южного Буга и прибрежная часть южного бассейна Днестра от устья р. Рось до моря.

Как вошла в состав Литовского государства территория бывшей земли Киевской, история ничего не знает об этом. Историческое предание, переданное нам западнорусскими летописями, относит этот факт еще ко времени Гедимина и к его деятельности; но это, очевидно, натяжка. Надо полагать, что присоединение Киевской земли явилось простым логическим последствием политики Ольгер-

да, не потребовавшим со стороны этого последнего никаких особенных мер или усилий. Раз Подольская орда была прогнана и Киевщина окружена литовскими владениями, дезорганизованной области не было другого выхода, как вступить в общую связь соседних областей с Литвою¹.

Между тем как в одной части Южной Руси присоединение русских областей шло как бы само собой, без всяких заметных усилий и жертв со стороны Литвы, в другой части присоединение это сопровождалось многолетней упорной борьбой. Литовский князь Любарт Гедиминович, младший брат Ольгерда, за которым стояли общие силы Литовского государства, и польский король Казимир Великий с ожесточением оспаривали друг у друга выморочное наследство галицко-волинских князей. Борьба тянулась с промежутками почти 40 лет (1340—1377), причем то одна, то другая сторона брала верх.

Год смерти Ольгерда был и годом окончания этой борьбы, завершившим дело объединения областей Западной и Южной Руси в одно политическое целое. Волинь в составе уделов Берестейского, Владимирского и Луцкого окончательно отошла к Литве, Галиция с землями Холмской и Бельской — к Польше. Литовское государство простиралось, таким образом, от Балтийского моря до Черного и от верховьев Оки и Сейма до Западного Буга. В государстве этом первоначальный составной его элемент — литва — почти терялся в стихии русской народности даже в числовом и территориальном отношении, уже не говоря о культурности: более девяти десятых территории государства занято было русским народом.

Внес ли что-нибудь новое Ольгерд в жизнь этой русской «державы», которую он создал своим «великим разумом и смыслом», своею «крепкою думой», державы, о которой он «прилежаше всегда день и ночь» (выражения одной летописи), — севернорусской, следовательно, далеко не благосклонной к этому литовскому «зловерному, безбожному и льстивому собирателю русских земель», ставшему поперек дороги московским собирателям?

По-видимому, нет. Сколько можно судить о личности и деятельности Ольгерда по скудным дошедшим до нас фактам, этот князь принял русскую культуру вплоть до политических начал, выработанных ее старым удельным строем. Место старых удельных князей, правда, заступили теперь Гедиминовичи, но понятия о праве каждого члена княжеского рода на долю в государстве, о старшинстве, об отношениях младших удельных князей к старшему или великому — все это целиком воспроизводило старорусские княжеские понятия и отношения; национальные литовские правовые понятия, по-видимому, несколько уклонялись от этой старорусской системы. Таким образом Ольгерд распределил все русские области между своими сыновьями, братьями и племянниками. Киевское княжество достается его сыну Владимиру, Волинская земля — брату Любарту; По-

дольскую землю делят между собой четыре его племянника — Кориатовичи; из западной, присоединенной, части Черниговского княжества выделено было, сколько известно, три удела: Дмитрий Ольгердович владеет уделом Брянским и Трубчевским; один из младших сыновей Ольгерда, Дмитрий-Корибут, называется в документах князем новгородским и «северским» (удел Новгород-Северский), и ему же, по-видимому, принадлежал Чернигов; племянник Ольгерда Патрикий Наримунтович управляет уделом Стародубским и Рыльским. Для Южной Руси происшедшие в ней политические перемены были мало чувствительны. Кое-где на мелких уделах остались старые князья, потомки Владимира Святого; на крупных уделах сидели уже Гедиминовичи, но такие же православные, почти такие же русские по языку и обычаям, как и прежние князья, только более энергичные и, главное, более сильные, чувствующие за собой поддержку великого князя литовского.

Казалось, дальнейшее существование и правильное самостоятельное развитие южнорусской народности на ее собственных основах было совершенно обеспечено... Между тем и 10 лет не протекло со смерти Ольгерда, как произошло событие, которое дало крутой поворот истории Литовско-Русского государства. Не только специалист-историк, но и всякий мыслящий человек невольно остановится перед этим 1386 г. * с его роковыми последствиями для трех соседних народностей и задумается над значением того, что принято презрительно называть «исторической случайностью». Конечно, то обстоятельство, что сын Ольгерда, Ягелло, женился на Ядвиге, наследнице польской короны Пястов, нельзя назвать иначе, как одною из тех случайностей, которыми полна жизнь. А между тем еще и современные поколения передадут будущим задачу распутать те узлы, какие завязала эта случайность. Не будь этого брака, не было бы унии Литовско-Русского государства с Польшей — сначала личной и династической, а затем и государственной, — а главное, литовская народность приняла бы христианство не по католическому, а по православному обряду. Обращение в католицизм литовского народа создало прежде всего фальшивое положение. Еще не дала себя ничем знать ни католическая нетерпимость с тягостной навязчивостью пропаганды, ни влияние шляхетского строя со злобредным порабощением народной массы, а уже в жизнь Литовско-Русского государства внесена была пагубная рознь. Этнографическая разница литовского и русского народных типов, несомненно, образовала бы, под воспитательным влиянием общего религиозного мировоззрения и соответствующей ему культуры, одно гармоническое целое; под влиянием религиозных различий разница эта выразилась диссонансом, который лишь обострился с ростом культуры.

Но все истинно великое по своим последствиям развивается

* Год брака Ягеллы и Ядвиги.

и проявляется медленно. Немало времени прошло до тех пор, пока результат рокового 1386 г. созрел в сколько-нибудь ощутительные факты. Пока же на арене литовско-русской истории улаживаются новые отношения с Польшей, продолжается старая, непрерывающаяся почти борьба с орденом [крестоносцев], происходят смуты между многочисленными литовскими князьями за преобладание и уделы. Но мало-помалу из общего хаоса событий и лиц выдвигается замечательная личность Витовта, Кейстутова сына; как власть имущий, становится он у государственного руля, смело отстраняя остальных, и среди смут, внешних и внутренних, надолго овладевает положением, а вместе с тем всецело и вниманием историка (1392—1430).

Простой подручник или наместник польского короля по первоначальным условиям своего положения, Витовт в конце своего управления был одним из влиятельнейших государей Европы, и только случайность помешала ему венчаться королевской короной, которую непременно хотел на него возложить германский император Сигизмунд. Энергия и искусство, с каким он оберегал самостоятельность Литовско-Русского государства от притязаний Польши, полное преобладание, какое он доставил Литве над ее исконными врагами — рыцарями, огромное влияние, приобретенное им на дела Северной и Восточной Руси — все это создало Литовско-Русскому государству положение могущественной державы — хотя, надо сознаться, положение очень непрочное, не пережившее его творца.

Герой литовского народа, долго вспоминавшегося золотой век Витовта, когда слава «храброй Литвы» распространялась от моря до моря, Витовт был вместе с тем и героем южнорусской окраины обширного государства. Много урочищ и развалин по берегам Днепра, Днестра и Буга два века спустя еще носило имя Витовта. И не мудрено. Если Ольгерд расширил государство присоединением южнорусских областей, то только Витовт окончательно закрепил это присоединение тем господством над Степью, которое он приобрел.

Ланнуа ², путешественник того времени, проезжавший через южнорусские степи, сообщает между прочим, что татары так боятся Витовта, что его именем матери пугают детей. Вся Правобережная Степь до берегов Черного моря признавала его своим господином. Чем и как приобрел он это господство — мы не знаем; надо полагать, что в значительной степени ловкой политикой. Это время было временем смут и внутренней борьбы в Золотой орде; кроме того, Крымский ее улус сильно тяготел к самостоятельному политическому существованию. Вот этими-то смутами и неопределенностью отношений, очевидно, и пользовался Витовт. Он привлек в Литву массу татар, частью как пленников, частью как добровольных выходцев, вытесненных из своего отечества политическими смутами, и поселил их, щедро наделив и землями, и привилегиями. Все изгнанные или убежавшие из Золотой орды или Крыма мурзы и даже царевичи

находили у него самый гостеприимный приют. Имея, таким образом, полную возможность следить за всем, что делалось у этих соседей, Витовт находил случаи вмешиваться в их дела и пользовался этими случаями, поддерживая то одну партию, то другую. Если есть преувеличения в свидетельствах польских историков, что татарские ханы короновались у Витовта в Троках³ и Вильне (две столицы Литовского государства), то влияние сильного литовского князя на политические события в Золотой орде и Крыму тем не менее несомненно. С его именем связывается происхождение и утверждение династии Гиреев, которой удалось окончательно отделить Крымское ханство от Золотой орды⁴. Страшное поражение, которое потерпел при Ворскле (1399) Витовт, вмешавшись в распри Тохтамыша с Тамерланом⁵, — потерпел, несмотря на помощь поляков и даже немецких рыцарей, видевших в походе Витовта крестовый поход против неверных, — еще раз наглядно показало, как неистощима и страшна Азия, снова выбросившая из своих недр вместе с Железным Хромцом бесчисленные полчища; но это поражение, за которым последовало новое сильное разорение Киева Эдигеем⁶, не изменило характера отношений, установившихся между Литовско-Русским государством и соседними крымскими или перекопскими татарами. Трудно было предвидеть в слабом, еще не оперившемся Крымском ханстве, которое становилось на ноги, опираясь на сильную поддержку Витовта, того в недалеком будущем опасного врага, существование которого определило собой в значительной степени дальнейший ход общественного развития Литовско-Русского государства, и в особенности южной его части — Украинской Руси.

Внешнее могущество государств обыкновенно опирается на систему его внутренних отношений. Таким образом, если бы мы и не имели никаких указаний, то вынуждены были бы предположить, что, вероятно, Витовт произвел какие-нибудь изменения во внутреннем строе, доставившие ему возможность увеличить средства и силы государства. Документы, дошедшие до нас от конца XIV и первых трех десятилетий XV в., т. е. эпохи Витовта, скудны и числом, и содержанием. Но кое-что, касающееся внутренней политики этой эпохи, мы все-таки знаем, и знаем достоверно. Что представляло собою Литовско-Русское государство после смерти Ольгерда — об этом было сказано выше: в главных чертах это была та же самая старая удельная Русь.

Витовт, далеко не чуждый западноевропейского образования, очевидно, имел иные понятия о желательном государственном строе; к тому же и жизнь подсказывала ему многое. Все южнорусские князья, Ольгердовичи, были недовольны возвышением Кейстутовича в достоинство великого князя, и это недовольство дало повод Витовту под благовидным предлогом и незаметно произвести важное изменение в политическом строе южнорусских княжеств. Тотчас после своего вокняжения Витовт отобрал у Дмитрия-Корибута Оль-

гердовича его Новгород-Северский удел, Подолье — у Федора Кориатовича и Волынь — у Федора Любартовича. Вслед за тем, в 1395 г., лишен был Владимир Ольгердович Киевского княжества, которым, впрочем, еще владел короткое время другой Ольгердович — Скиргелло, но по его смерти здесь также был посажен великокняжеский наместник. Наконец, был переведен под непосредственное управление великого князя и второй большой южнорусский удел бывшего Черниговского княжества — Брянский. Правда, удел Новгород-Северский Витовт отдал тоже Гедиминовичу, двоюродному брату своему, Федору Любартовичу, но отдал его лишь во временное владение, до своей «господарской воли», — условие, которое низводило князя до положения простого великокняжеского подручника или наместника; вероятно, такой же характер имела и передача Стародубского удела — последнего из трех больших уделов Северской земли — родному брату Сигизмунду. Таким образом Витовт разом (между 1392—1395 гг.) нанес удар удельной системе на всем пространстве Южной Руси; уцелело лишь несколько незначительных княжеств на второстепенных уделах. Правда, удар этот оказался не настолько решительным, насколько желал бы этого Витовт. Время от времени он вынуждаем был давлением политических комбинаций делать уступки. Таким образом под конец своей жизни он отдал Чернигов с Новгород-Северской и Брянской землями в удел своему злейшему врагу Свидригайлу Ольгердовичу, выделил удел в земле Подольской Дмитрию-Корибуту Ольгердовичу. Очевидно, удельный тип государства еще жил в понятии общества, к тому же этих уступок требовал от него польский король Ягелло, который, движимый родственными чувствами, заботился об обеспечении своих братьев, а Витовт в своих широких политических замыслах слишком часто нуждался в дружбе Ягеллы, обеспечивавшей ему поддержку со стороны Польши. Этими отношениями с Польшей объясняется и судьба Подолья. Когда Витовт отнял эту землю у Федора Кориатовича, то должен был отдать Ягеллу западную ее часть — Поднестровье — с городами Каменцем, Смотричем, Скалою, Червоноградом и Бакою. Потом Витовт снова соединил всю Подольскую землю в своей власти. Но после смерти Витовта его уступка части Подолья Ягеллу сделала эту землю такой же бесконечной ареной польских притязаний, какою еще значительно раньше сделалась земля Волынская. Только Люблинская уния положила окончательный предел этой постоянной взаимной борьбе Литвы и Польши из-за Волыни и Подолья, — правда, борьбе большею частью бескровной, борьбе, которая велась не оружием и на военном поле, а при дворах и канцеляриях путем дипломатических переговоров и политических интриг.

Итак, несомненно, что Витовт сыграл значительную роль в политических судьбах Южной Руси. Положим, что удельный строй ее жизни и без того должен был пасть как осужденный историей, но

энергия Витовта ускорила переход от этого строя к иному — централизованному типу государственной жизни.

Те отдельные случаи возвращения к удельным порядкам, которые мы наблюдаем как при Витовте, так и при его преемниках, представляют лишь обычные во всякой общественной эволюции запоздалые отголоски старой традиции, слишком слабые для того, чтобы помешать общему поступательному ходу жизни. Но в то же время остается неясным, произвела ли реформа Витовта какие-нибудь существенные изменения во внутреннем строе южнорусских земель или эти изменения явились позже как самостоятельный и неизбежный результат реформы? Есть некоторые основания предполагать, что Витовт внес нечто новое и существенно важное в условия внутреннего быта своего государства, а именно связал тесной и определенной связью отбывание военной службы с землевладением. Но это только гипотеза.

Хотя память о Витовте долго держалась, как сказано выше, в преданиях южнорусских окраин, тем не менее этот несомненно высокоодаренный князь в общем остался чуждым русской народности, не сроднился с нею, как его дядя Ольгерд. Чистый литвин по крови, католик по религии, западноевропеец по образованию, Витовт не мог проникнуться симпатиями к особенностям русской народности и культуры. Правда, он не позволял ни себе, ни другим никаких стеснений по отношению к русскому элементу в своем государстве, наоборот, даже заботился о его интересах. Так, например, в видах церковного благоустройства он ревностно хлопотал об учреждении особой западнорусской митрополии⁷, чтобы, как он выражался в грамоте к русским епископам, не было поклепа со стороны, что он, как иноверец, не заботится о церкви своих подданных. Впрочем, с другой стороны, все эти заботы могли быть истолкованы и как ловкий политический ход, направленный против московских политиков. Но если заботы эти и были искренними, то все-таки это были заботы чужого человека, и потому понятно, что в той длительной, хотя и малоуспешной, борьбе, которую вел самый деятельный из Ольгердовичей, Свидригайло⁸, со своим двоюродным братом, симпатии русского народа постоянно стояли на стороне обрусевшего Свидригайла, как ни далеко уступал он Витовту в личных достоинствах.

В январе 1429 г. Луцк, важнейший из городов земли Волынской, был свидетелем необычайного события — съезда государей в гости к великому князю литовскому. Конечно, событие это само по себе не представляло особенной важности, но оно наглядно определяло тот вес, каким пользовался Витовт в международной политике. Здесь были император германский Сигизмунд со множеством немецких князей, польский король Ягелло с блестящей свитой вельмож и высшего духовенства, великий князь московский Василий Васильевич с митрополитом Фотием и князьями тверским и рязанским, хан

Перекопской орды, магистры того и другого ордена, король датский, воевода валахский, папский легат, послы императора византийского, — одним словом, вся восточная половина Европы имела здесь своих представителей, свидетельствующих таким образом свое уважение к достоинству, значению и заслугам престарелого князя. По замыслам Витовта, съезд этот должен был нанести тяжелый удар литовско-польской унии: великий князь литовский рассчитывал получить на этом съезде королевскую корону из рук императора Сигизмунда. Правилен ли был его расчет, могло ли коронование остановить процесс обращения Литовско-Русского государства в провинцию государства Польского — вопрос спорный, но во всяком случае надо смотреть на эту попытку Витовта не как на честолюбие выжившего из ума старика, а как на обдуманый замысел умного политика и горячего патриота — поставить формальную преграду объединительным стремлениям Польши. Проницательность и ловкость руководителей польской государственной политики успели предусмотреть и предотвратить опасность: коронование, которого желали одинаково как Витовт, так и Сигизмунд, тем не менее не состоялось ни в Луцке, ни в Вильне на новом съезде, который собрался через год. Витовт так и умер не королем, а великим князем литовским.

Смерть талантливого правителя ослабляет обыкновенно ту общественную тягу, которую он крепко держит своей искусной рукой, и освобождает сдерживаемые этой тягой общественные элементы. Так было и со смертью Витовта, которая обнаружила скрытые до тех пор внутренние силы и отношения Литовско-Русского государства. Прежде всего стало ясно, что Польша, несмотря на все предшествующие договоры об унии, ставившие Литву в политическую зависимость от Польши, фактически еще не решается вмешиваться в литовские дела: литвины свободно выбирают себе на сейме в великие князья Свидригайла Ольгердовича. Затем пришел к обнаружению факт еще большей общественной важности: этнографическая рознь русского и литовского племен под воздействием католической культуры успела за это время вырасти в рознь национальную и политическую: окраску политическую давали этой розни русские удельные князья, стремившиеся отстаивать остатки своей самостоятельности. Таким образом, Свидригайло занял великокняжеский престол как представитель русской партии, защитник православия и вместе с тем поборник прав русских удельных князей (1430—1432). Но едва прошло два года со смерти Витовта, как литовская партия, пользуясь недалекостью Свидригайла, уже успела подготовить и совершить государственный переворот в пользу Витовтова брата Сигизмунда Кейстуовича. Однако ничтожный Сигизмунд держал себя так, что возмущал не только русинов, но и литвинов-католиков: польская креатура, он готов был постоянно жертвовать Польше интересами Литвы. В заговоре, который составил против

него, вместе с русскими князьями Чарторыжскими⁹ принимали участие и литовские вельможи. Сигизмунд был убит в 1440 г.

Всего 10 лет протекло со смерти Витовта, а от могущества Витовтовой державы осталось лишь воспоминание. Могущество это подтачивала внутренняя борьба партий; успехи Польши на спорных территориях Волыни и Подолья служили верным показателем того преобладания, какое она приобретала над своей союзницей. Верхний, правящий слой литовско-русского общества понял, наконец, что по этому пути дальше идти некуда, и избранием в великие князья Казимира Ягайловича (1440—1492) показал, что он действительно это понимает.

В самом деле, Казимир, младший из двух сыновей Ягайла, пока еще малолетний, не представлял собою никакого знамени, никакой партии. Сторонники более тесного союза Литвы с Польшей видели в нем брата польского короля; противники унии, поборники самостоятельности Литовско-Русского государства надеялись воспитать в нем такого великого князя, который будет охранять интересы государства от покушений извне. И последние, по-видимому, рассчитали правильно. Казимир, увезенный в Литву, быстро сживался с нею и проникался любовью и уважением к ее строю. Но точно злой гений ревниво бодрствовал над роковым союзом и выдвигал своевременно одну случайность за другою, чтобы помешать разрыву. Гибель польского короля Владислава Ягайловича под Варною (1444) сделала то, что поляки, чтобы не порвать унии с Литвою, увидели себя вынужденными избрать себе в короли того же самого Казимира Ягайловича. С небольшим полвека спустя опять повторилось сходное положение. Литовско-русские вельможи воспользовались смертью Казимира и снова избрали себе отдельного от Польши великого князя в лице Александра Казимировича, но преждевременная смерть брата его, польского короля Яна-Альбрехта, еще раз дала возможность полякам избрать в свои короли того же самого Александра и тем опять соединить обе короны в одном лице. Таким образом, стечение обстоятельств, а вместе с тем и предусмотрительность польской политики, все более и более укрепляла политический союз между Литвой и Польшей.

А между тем некоторые события в Южной Руси указывали, что ей не чужды были стремления к политической независимости и отделению от Литовского государства. Руководителями этой политической оппозиции были уцелевшие еще удельные князья, которые, по-видимому, рассчитывали этим путем сохранить свои права, все ускользавшие от них под давлением политики великих литовских князей. В Свидригайле удельная система имела своего последнего защитника: «Оттоле русские князи почаша оскудевати и обнищевати», — сообщает Густынская летопись¹⁰. Но пока существовало удельное княжество Киевское, все эти, хотя и оскудевшие, удельные князья — туровские и пинские, кобринские, черниговские, — могли

еще питать надежды на лучшее будущее. Надо думать, что эти их надежды опирались на живое чувство всей народной массы, не утратившей воспоминания о самостоятельном политическом существовании.

Как ни был разорен Киев татарами, сколько ни утратил он из своего старого торгового и политического значения, тем не менее не исчезла историческая традиция, связывавшая его с южнорусским народом. Жизненным нервом этой традиции было, конечно, религиозное значение Киева. В почве Киева, во мраке его пещер, таилось то неистребимое жизненное зерно, из которого, как феникс из пепла, Киев вырастал снова и снова. Таким образом, город этот не переставал быть тем единым общим центром, к которому обращалось сознание южнорусского народа. Может быть, даже и творилось или по крайней мере крепло это сознание лишь благодаря тому, что существовал такой центр. Все, что касалось Киева, было окружено в глазах южнорусского народа особым значением; вместе с тем и князья киевские выдвигались как бы на особое положение, возвышающее их над прочими князьями. И, странное дело, можно подумать, что положение творит людей, а не наоборот. Князья Гедиминовичи, сидевшие в Киеве со времени присоединения Киевской области к Литовскому государству, являются такими идеальными князьями в народном духе, горячими ревнителями православия, созидателями храмов, что, конечно, их не могли бы превзойти в этом отношении никакие потомки Владимира Святого.

Владимир Ольгердович, один из старших сыновей Ольгерда, посаженный в Киеве отцом, правил Киевским княжеством (1362—1392) 30 лет, пока Витовт не вытеснил его за то, что он «не всхоте покоры учинити и челом ударити»: все долгое время своего княжения посвятил он благоустройству Киева, не вмешиваясь в политику, так что документы свидетельствуют исключительно лишь о его заботах о судьбе православной церкви и между прочим о восстановлении Киевской митрополии. Изгнанный Витовтом из Киева и посаженный на ничтожном Копыльском уделе, Владимир искал поддержки в Москве у Василия Дмитриевича ¹¹, к которому и убежал. Поддержки здесь он не получил и, смирившись, дожил свой век в Копыле ¹²; только останки его, этого родоначальника киевской княжеской династии Олельковичей, были похоронены в Киево-Печерском монастыре.

Четыре года еще, после изгнания Владимира, был удельным князем киевским «чудный, добрый князь», по выражению летописи, Скиргайло Ольгердович, настолько преданный православию и русской народности, что в польских и немецких источниках он является с эпитетом «схизматика». Только после смерти его (1396) Витовт решил посадить в Киеве наместника, причем он, желая смягчить удар, наносимый русской народности, посадил на наместничество князя, хотя не из Гедиминовичей и не из потомства старых южно-

русских князей, но все-таки одного из князей литовских, князя гольшанского.

Когда после смерти Витовта¹³ началась борьба между Свидригайлом Ольгердовичем и Сигизмундом Кейстутовичем, Киев был опорой Свидригайла, представителя русской народности: он успешно отражал войска Сигизмунда, и Киевская область вместе с Волынской не признавали его до самой его смерти за великого князя.

Как только молодой Казимир¹⁴ вступил в управление государством, то, руководясь советами своего дядьки, виленского воеводы Яна Гаштольда, тотчас же сделал важную уступку русской партии: отдал Киевскую землю, опять-таки как удельное княжество, сыну Владимира Ольгердовича Александру, или Олельку. Таким образом, великокняжеская власть еще раз вынуждена была поступиться в пользу русского элемента одним важнейшим из сделанных ею уже приобретений.

Олелько перед своим вокняжением пять лет провел в тюрьме, посаженный туда Сигизмундом Кейстутовичем, который видел в нем опасного претендента на великокняжеский престол, выдвигаемого русской партией.

По свидетельству современников, Олелько пользовался общим уважением, так как отличался умом, храбростью, стойким характером; его жена, «московка», была дочерью великого князя Василия Дмитриевича. 15 лет правления Олелька (1440—1455) составляют прямое продолжение правления его отца Владимира: документы свидетельствуют нам лишь о его заботах на пользу православия. Православная церковь может поставить ему в большую заслугу то обстоятельство, что он предотвратил первую попытку церковной унии, замышляемую митрополитом Исидором, который вступил в соглашение с католическою церковью на Флорентийском соборе¹⁵.

Когда умер Олелько, у него осталось два сына: Симеон и Михаил. Созная себя прямыми и законными наследниками отцовского удела, они задумали его поделить между собою, обратившись лишь за утверждением раздела к Казимиру как к великому князю, однако получили от него отказ, отрицающий самое существование каких-либо их прав на наследство: «Ваш-де дед, князь Владимир, бегал на Москву и тем пробегал отчину свою, Киев»,— такова была интересная мотивировка этого отказа. Очевидно, Казимир чувствовал теперь свое положение прочным и готов был продолжать ту объединительную политику, которую должен был считать единственно правильной. Тем не менее он все-таки не решился восстановить против себя Южную Русь окончательным устранением Олельковичей: он уступил Киевскую область Симеону как пожизненное владение, предоставив Михаилу Копыль и Слуцк. Таким образом, династия Олельковичей в лице князя Симеона, верного представителя традиций своей семьи, зиждителя храмов и охранителя православной веры, еще продолжала стоять во главе Киевского удельного княжества до самой смерти

этого князя, который и похоронен был в отстроенной им почти заново Успенской церкви того же Печерского монастыря (1471).

Смерть брата застала Михаила Олельковича в Новгороде, куда он был призван на княжение. Михаил поспешил в Киев, очевидно, затем, чтобы предъявить свои права, но все-таки прибыл слишком поздно. Киев уже был занят казимировым наместником Мартыном Гаштольдом, который овладел городом силою при посредстве литовского войска: киевляне не хотели было пустить его в город, «потому что он не был князь, а еще больше потому, что был „лях“» (т. е. католик). Просьба киевлян о том, чтобы король дал им в правители если не Михаила Олельковича, то хоть другого князя православной веры, не смягчила Казимира. Наместник Казимира засел со своими литвинами в Литовском замке, выстроенном на особом возвышении между Верхним Киевом и Подолом, и Михаил Олелькович должен был, затаив обиду, удалиться в свой Копыльский удел.

Что происходило затем, мы не знаем. Но, очевидно, в тишине и мраке подготовлялись события, разразившиеся катастрофой 10 лет спустя. Дело в том, что к народному неудовольствию на уничтожение Киевского княжества присоединялось неудовольствие русских мелких удельных князей, у которых Казимир отнимал разными способами их права. Неудовольствие это росло, бродило, пока не начало принимать организованных форм. К концу десятилетия со смерти последнего киевского князя созрел на южнорусской территории, в среде ее княжеских родов, обширный заговор. Точно не известно, что было его целью — оторвать ли Южную Русь от Литовского государства, чтобы присоединить ее к Московскому, как утверждают одни, или просто удалить Казимира, чтобы посадить на его место Михаила Олельковича и тем сообщить иное направление внутренней политике государства, как утверждают другие.

Во главе заговора стояли князь Михаил Олелькович, Федор Бельский, также внук Владимира Ольгердовича и один из князей Гольшанских. Как кажется, намерением заговорщиков было овладеть особой короля, который должен был прибыть на свадьбу князя Бельского. Случайность открыла заговор, и захваченные слуги Бельского сказали под пыткой, что знали. Князь Бельский, новобрачный, ночью полуодетый ускакал за московский рубеж и тем спасся; Олелькович же и Гольшанский были схвачены и подвергнуты заключению. Никаких сведений об их судебном процессе до нас не дошло; известен лишь приговор суда. В Киеве 30 августа 1482 г. перед воротами Литовского замка был приведен в исполнение смертный приговор над обоими князьями.

Это был решительный удар, нанесенный литовским правительством удельной системе. Когда четверть века спустя мы видим в Южной Руси еще раз попытку отделиться от Литвы, то инициатива попытки принадлежит уже не Олельковичу или какому-нибудь

православному русскому князю, а Глинскому, талантливому и энергичному потомку татарских выходцев, около которого группируются кой-какие жалкие остатки старых удельных князей.

Великие князья литовские, стремясь к устранению и ослаблению владетельных княжеских родов, помогали укоренению на южнорусской территории сильных людей чуждого ей происхождения. Знатный татарский род, известный потом под именем князей Глинских (от г. Глинск Полтавской губ.), выселился на Русь еще при Витовте и тогда уже принял крещение.

Имена, выслуженные Глинским у государей литовских, ставили этот род по богатству и могуществу, конечно, далеко выше многих потомков Владимира Святого и Гедимина. Кроме огромных пространств земли на пустынном Левобережье, в пределах теперешней Полтавской губернии, они владели именьями в земле Киевской, на территории Туровско-Пинского княжества и дальше за Припятью, в так называемой Белой и Черной Руси. Кроме того, Глинские занимали влиятельные должности наместников и воевод, что давало им большое значение, особенно в землях Черниговской и Киевской. До начала XVI в., когда происходили рассказываемые нами события, род Глинских уже успел распасться на несколько ветвей; самую влиятельною из них была старшая, так называемая литовская, к которой и принадлежал герой этих событий, князь Михайло Львович Глинский.

Князь Михаил Глинский представлял далеко не заурядное явление в современном ему обществе. Он учился за границей, а затем провел много лет на службе у разных государей: у германского императора Максимилиана, у курфюрста Саксонского Альбрехта, в Испании и Италии, всюду пользуясь репутацией даровитого военного человека; к услугам которого охотно прибегали. Немолодым уже возвратился он на родину и сразу занял здесь выдающееся положение. Смерть Казимира доставила Глинскому случай сплотить около себя русских князей, которые и настояли на избрании Александра Казимировича, в то время как польским королем был избран старший его брат, Ян-Альбрехт; таким образом, предупреждалась опасность слияния Литвы с Польшей. Это обстоятельство, надо полагать, сблизило нового великого князя с Глинским, а личные достоинства Глинского укрепили это сближение. Как бы то ни было, во все княжение Александра (1492—1506) Глинский пользовался огромным влиянием, которое и употреблял на усиление членов своего рода и вообще представителей русской княжеской партии. Все это возбуждало неудовольствие и подозрительность литовских католических вельмож. Предубеждение против Глинского в их среде было так велико, что, когда в момент смерти Александра Глинский очутился во главе литовского войска, собранного против татар, явилось общее опасение, что он воспользуется своим положением, чтобы произвести какой-нибудь крупный переворот: или захватить для

себя великокняжескую власть, или оторвать Русь от Литвы, чтобы образовать самостоятельное княжество под протекторатом Москвы. Опасения не оправдались, но тем не менее положение Глинского совершенно изменилось. Личная симпатия уже не связывала Глинского с новым великим князем Сигизмундом I; к тому же, может быть, последний не был свободен и от подозрений насчет честолюбивых замыслов сильного магната, за спиной которого стояла вся Приднепровская Русь, предводительствуемая его родственниками и приятелями. Сигизмунд стал понемногу отбирать как у князя Михаила, так и у остальных Глинских и их сторонников влиятельные уряды. К тому же великий князь затягивал разбор личного судебного дела Глинского с главным его врагом, предводителем противной партии, троцким воеводой Заберезинским, и, видимо, склонялся в пользу противной Глинскому стороны. Были или нет раньше у Глинского какие-нибудь определенные политические намерения, но теперь, когда он убедился, что ничего не добьется у великого князя, он обнаружил несомненный замысел оторвать при помощи Москвы Русь от Литовского государства. Он удалился в Туров и начал там собирать своих сторонников, открыв в то же время деятельные сношения с московским великим князем Василием Ивановичем и перекопским ханом Менгли-Гиреем. Кроме родственников, к Глинскому пристали мелкие русские князья православной веры. Так как московский государь определенно обещал помощь, то Глинский, воспользовавшись отъездом Сигизмунда в Польшу, открыл военные действия в самой Литве (1508), в окрестностях Гродно, где он прежде всего покончил со своим личным врагом Заберезинским. Затем он двинулся к востоку навстречу московскому войску, возбуждая русское население отложиться от Литвы. Но здесь, в Западной Руси, он встретил совсем иное отношение, чем на Юге: там жители Киевской области откликнулись вполне сочувственно на призыв отделения от Литвы, и главнейшие замки Северной земли были заняты сторонниками Глинских; земляне же Западного края, главная военная сила, находили шляхетский строй, приближавшийся к ним из Польши при посредстве Литвы, вполне для себя выгодным и не желали отделения. В то же время московское войско хотя и явилось к верхнему Днепру, но стояло бездеятельно, выжидая событий, а с другой стороны приближался из Польши Сигизмунд с небольшим, но хорошо вооруженным и опытным польским войском, собирая свои литовские силы. Московский государь нашел рискованным продолжать дело и заключил мир с литовским великим князем: Глинским предоставлено было право уйти в Москву¹⁶ с лишением, конечно, всех недвижимых имуществ. Сигизмунду пришлось немало времени потратить на раздачу земель и урядов «после изменников Глинских».

Был и еще один способ, которым остатки удельных князей южнорусских выражали свой протест против централизации, надвигаю-

щейся на них из Литвы: это уход в Москву. Отход в чужое государство членов высшего сословия, князей и бояр, есть исконный обычай того первичного государственного строя, который принято называть строем дружинным. Остатки его долго держались в обоих соседних государствах, сплотивших элементы русской народности, как в Московском, так и в Литовско-Русском. Из Литвы уходили в Москву даже Гедиминовичи, чем-нибудь недовольные на родине: «бегали» в Москву Владимир Ольгердович, Свидригайло, Патрикий Наримунтович и др. Но такой отход представлял мало интереса в ту или другую сторону для государства, а для самой личности отходящего был, конечно, лишь убыточен.

Между тем из старого обычая в новых условиях выросло нечто такое, в чем государство уже было серьезно заинтересовано: это «отход князей с вотчинами». Конечно, осуществляться такой отход мог лишь в известных исключительных обстоятельствах, а именно: когда вотчины лежали на порубежье двух государств. Такое порубежное положение между Литовским и Московским государствами занимала Северская область Южной Руси, и отход в Москву «с вотчинами» ее многочисленных князей составлял в описываемую нами эпоху едва ли не самое чувствительное место и без того крайне натянутых взаимных отношений Москвы и Литвы.

Северщина своей западной и южной частью была присоединена к Литовскому государству еще при Ольгерде; мелкие же князья восточной и северной ее половин, колебавшиеся до тех пор между Литвой и Москвой, склонились окончательно к Литве при Витовте. Но к концу правления Казимира северские князья ввиду опасностей, угрожавших им со стороны литовской политики, обнаружили тяготение к Москве. Кое-кто из князей отошел в подданство московского государя еще при жизни Казимира, другие воспользовались той временной дезорганизацией, которая наступала после смерти одного государя до утверждения нового, и отделились от Литвы в промежуток 1492—1494 гг. К этой эпохе относится переход с вотчинами, или дельницами своими, мелких князей Воротынских, Одоевских, Новосильских, Белевских, затем Перемышльских и Мезецких, собственно князей земли вятичей, а не северян. К концу столетия (1499—1500) признали верховную власть московского государя князь Бельский и московские выходцы: князья Шемячич и Можайский, которые оттянули за собой к Москве исконные древнерусские города: Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, Гомель, Бельск, Трубчевск «со многими волостями». Таким образом, к началу XVI в. большая часть бывшего Чернигово-Северского княжества добровольно отошла под покровительство Москвы: попытка Литвы силою удержать отделяющиеся земли окончилась большим поражением литовского войска на Ведроши (1499), когда взят был в московский плен сам знаменитый литовский гетман князь Константин Иванович Острожский¹⁷; остальная Северщина была присоединена к Москве.

В силу перемирия 1503 г. от Литвы отошло к Москве 319 городов и 70 волостей — территория старого Черниговского княжества.

Восстания, описанные выше, где за фигурами возмущившихся князей ясно виднелись фигуры московских собирателей русской земли, с одной стороны, с другой стороны — добровольные уходы в московское подданство целых территорий, — все это были такие красноречивые факты, которые взывали к усиленному вниманию литовско-польских правителей. Совершенно необходимы были, с государственной точки зрения, какие-нибудь меры, которые, сближая русский элемент государства с литовским, вместе с тем сближали бы оба эти элемента с польским, чтобы подготовить таким образом почву для настоящего политического объединения, для создания одного цельного, сильного политического тела. Выход из затруднения подсказывался положением: это — законодательное переустройство литовско-русского общества по образцу общества польского. Литовско-русское военно-служилое сословие, превращенное по образцу польскому в шляхетство, представляло, с одной стороны, противовес князьям, все еще сильным остатками своих прав с их противогосударственными и сепаратистскими стремлениями, с другой стороны, новая шляхта должна была тянуть к Польше, в союзе с которой она должна была видеть гарантию своим правам. Созданием этой-то новой и сильной опоры своим целям и заняты все Ягеллоны, обнаруживая в этом направлении усиленную деятельность, свидетельствующую о том, какое значение придавали они этой стороне своей внутренней политики.

Начиная с самого Ягайла, все великие князья Ягеллоны издают ряд «земских привилеев» (привилегий), или просто шляхетских грамот — актов, имеющих целью обратить литовско-русское дружинное сословие — боярство — в шляхту. По буквальному смыслу этих «привилеев», те права, какими они наделяют боярство, есть права имущественные: земельные владения, которыми бояре пользовались до тех пор на разнообразных условиях в зависимости от службы, договора с господарем или его усмотрения, обращаются постепенно в их безусловную собственность. Но за этими, по существу, имущественными правами и в прямой зависимости от них стоят важные права политические. Пока владение было условное, боярство делило свои права на землю с тем классом, который сидел на этой земле, т. е. с крестьянством, по современной терминологии; когда условное владение превратилось в безусловную собственность, все права стали отходить на одну сторону, оставляя другой стороне лишь обязанности. Изменение имущественных прав повлекло за собой политическое господство одного класса над другим. Боярское сословие, облеченное полностью имущественных прав, дающих ему вместе с тем и господство над народной массой, получает доступ и к высшим функциям управления; великие князья дают ему право сеймованья и вообще отказываются в пользу его от доли своих самодержавных

прав, которыми они до тех пор делились лишь с магнатами. Каждый привилей каждого великого князя постоянно прибавляет что-нибудь к этим шляхетским правам, пока вся эта нагроможденная масса привилеев не разворачивается в Литовский Статут, первоначальная редакция которого принадлежит Сигизмунду * — кодекс «земских», но, собственно говоря, шляхетских прав, где о других классах населения упоминается лишь как о ничтожном придатке к господствующему классу, занимающему собой общественную арену.

Шляхетские права двух первых привилегий времен Ягайла не распространялись на русское боярство, имея в виду только лиц, принявших католичество. Но, по-видимому, это ограничение не имело силы уже и до Казимира, а с Казимира оно не вносится больше ни в один законодательный акт. Религиозные подражания должны были уступить место политическим. Русское православное боярство наравне с литовским католическим приобщается постепенно ко всей полноте шляхетских прав. Кроме общеземских грамот, действие которых распространяется и на русские земли, до нас дошли еще две грамоты областные, представляющие собою подтверждение общих положений и некоторое детальное их развитие в применении к боярству южнорусскому. Это уставные грамоты землям Киевской и Волынской 1507—1509 гг., т. е., правильнее сказать, шляхетству этих земель. Из этих грамот видно, что удельных князей с их особенными правами в это время уже не было, по крайней мере в Киевской и Волынской областях. Но зато все военно-служилое сословие наделялось правами, напоминающими старые княжеские права,— например, правом суда по отношению к населению своих имений ¹⁸.

Таким образом, целесообразная внутренняя политика Ягеллонов крайне ослабила те стремления к обособлению, которые начали было проявляться в Южной Руси, а вместе с тем подготовила почву к политическому слиянию с Польшей. Бездетность последнего из Ягеллонов, Сигизмунда II Августа (1548—1572), снова поставила ребром вопрос о полной унии, о слиянии двух государств, связанных династически, в одно политическое тело. С его смертью необходимо должен был прекратиться династический союз Литвы с Польшей, и мог прекратиться бесповоротно. Для Польши и для Сигизмунда-Августа как польского короля, проникнутого польскими интересами, эта перспектива представлялась грозной опасностью; конечно, и литовско-русское шляхетство должно было более или менее разделять эти опасения. Но литовские магнаты, которые держали в своих руках управление государством в отсутствие великих князей, проживавших в Польше, были решительно против унии. Тем не менее Польше и Сигизмунду-Августу как представителю польских интересов удалось, опираясь на молчаливые симпатии шляхетских масс,

* Первая редакция 1529 г., вторая — 1566, третья — 1588 г.

сломить это сопротивление, а Люблинский сейм 1569 г., которым Литовско-Русское государство слито было с Польшей в одно политическое тело, лег новой гранью и в истории южнорусского народа.

Во всей этой длительной, тревожной и вместе с тем очень точно переданной в назидание потомству хронике Люблинского сейма самая любопытная для нас сторона — та пассивность, с какой держала себя представители Южной Руси. Пассивность эта делается особенно интересной ввиду того, что именно южнорусские области доставили польской — наступающей — стороне сейма возможность нанести стороне обороняющейся — литовской — тот окончательный удар, которым «Литве были оборваны крылья», по выражению самих заинтересованных лиц. Дело в том, что литовские магнаты, чувствуя силу не на своей стороне, задумали помешать сейму тем, что тихонько его оставили. Но польские депутаты вместо того, чтобы также разъехаться по домам, как того ожидали литвины, задумали сделать, пользуясь их отсутствием, решительный шаг: опираясь на небольшое число оставшихся литовско-русских представителей, как бы узаконивающих своим участием постановления сейма, они объявили присоединенными к Польше Подлясье и Волинь; вслед за тем таким же путем была присоединена к Польше и Киевская земля с Восточным Подолем. Южная Русь, присоединенная таким образом почти в полном своем составе к Польше, необходимо влекла за собой остальную литовскую территорию: могла ли дорожить своею самостоятельностью Литва, лишенная лучших областей своего государства? Очевидно, шляхетные представители Южной Руси на Люблинском сейме уже не видели никаких опасностей в присоединении своих областей к Польше. И однако опасности эти обнаружились, к несчастью, слишком скоро.

А между тем со стороны степной окраины уже успели сложиться новые политические условия, которые оказались для Южной Руси не менее важными, чем сама Люблинская уния. Можно сказать, не опасаясь особенно упреков в натяжке, что дальнейшая политическая судьба нашей территории двинулась по равнодействующей этих двух политических влияний: государственного союза с Польшей и давления со стороны Крымского ханства.

К половине XV в. Крымское ханство уже успело окончательно отделиться от Золотой Орды, пользуясь, между прочим, для этого и поддержкой Литовского государства. Это последнее, придвинувшись при Витовте к низовьям Днепра и Днестра вплоть до берега Черного моря, властвовало над Степью своими крепостями: на Днепре мы видим укрепления Канева, Черкасс; в руках Литовско-Русского государства находился главный пункт переправы через нижний Днепр — остров Тавань; наконец, были литовско-русские укрепления на месте нынешней Одессы, в устье Днестра и выше устьев его. Немудрено поэтому, что Хаджи-Гирей, первый хан ди-

насти Гиреев, считал себя подручником великого князя литовского. Но положение дел скоро и круто изменилось.

В Европе водворились турки и дали иное направление политике только что сложившегося Крымского государства. Оно неизбежно должно было войти в общий союз магометанских государств под главенством Турции и тем самым занять враждебное положение по отношению ко всем представителям мира христианского. Второй хан династии Гиреев — Менгли, уже вассал Высокой Порты, начинает ожесточенную и благодаря содействию турок очень успешную борьбу с Литовско-Русским государством. Взяв Киев (1482), он опустошил его так, что едва ли это новое его разорение не превосходило то, которое было произведено Батыем; в Киевской земле уцелели почти только одни укрепленные места и поселения около замков: считают, что из своего набега на Волынь он вывел до 100 тыс. пленных. Но самое главное то, что он отодвинул снова Литовско-Русское государство от Черного моря, захватил низовья Днепра своими городками, которые он устраивал, пользуясь указаниями и помощью турок: например, городок Очаков на устье Днепра, Инкерман на Таванском перевозе.

Начиная с Менгли-Гирея, залегла между населенной территории Киевской земли и татарскими кочевьями широкая и пустынная степная полоса, известная в течение следующих столетий под именем «дикого поля», арены постоянных мелких кровавых стычек, не отмеченных никакой историей. Крымское государство сразу выяснило свою политику и неуклонно придерживалось ее до самого конца. Политика эта была очень проста: жить за счет своих христианских соседей — Московского и Литовского государств.

Задача эта облегчалась для татар тем, что соседи их находились в непримиримой вражде между собой, вражде, которой не было исхода: слишком много было поводов для постоянных столкновений на длинной пограничной линии, шедшей всюду через русские области, оттягиваемые то в ту, то в другую сторону двумя государственными центрами. Крым извлекал из этой вражды бесконечные выгоды: то разорял Литву в союзе с Москвою, то Москву — в союзе с Литвою. Но независимо от больших походов, всегда крайне опустошительных, независимо от всякой политики, от государственных союзов или договоров, татарские степные кочевники, а частью и оседлые татары полуострова, постоянно нападали на русские окраины ради добычи и, главное, «полона». Русские невольники стали главной статьей оборота экономической жизни Крыма: на них лежал производительный труд внутри полуострова и они же служили важнейшим предметом торгового сбыта не только для ближайших, но и для отдаленных рынков Азии и Африки. Литовская, иначе «королевская», Русь была для Крыма в этом отношении привлекательнее, чем Московская: здешние пленники ценились выше, как более пря-

мые и простодушные *. Таким образом, Южная Русь сделалась для крымских татар чем-то вроде питомника или иного хозяйственного учреждения, откуда они извлекали продукт по мере надобности в нем. Русские невольники, по свидетельству Михалона, у татар были всегда под руками для всякого хозяйственного оборота, и никакой татарин, хотя бы у него в данный момент не было ни одного раба, если только он имел коня для похода, не затруднялся заключить договор о доставке к известному сроку такого-то количества русских невольников: «И эти обещания верно исполняются, как будто наши люди у них всегда на задворьях, в загонах».

Таким образом, Южная Русь жила под угрозой постоянной и крайней опасности. Государство должно было бы взять на себя ее защиту, но ни Литовско-Русское государство до Люблинской унии, ни Польско-Литовское после нее не имели достаточно сил, чтобы организовать как следует защиту такой отдаленной окраины, как Южная Русь с ее совершенно открытой степной границей. Оно вынуждено было оставить эту защиту на плечах самого населения. Но только население, не обезоруженное государством, а крепко и умело держащее оружие в собственных руках, и могло создать тот героический эпос, какой представляет собою дальнейшая история Украинской Руси. Украинское казачество явилось на свет только потому, что под боком существовало разбойниче Крымское ханство.

Вот в каком смысле сказали мы выше, что существование Крымского ханства было одною из двух главных причин, определивших собою дальнейшие политические судьбы Южной Руси.

II

История Южной Руси в составе великого княжества Литовского отделена от так называемого удельного ее периода значительным промежутком, совершенно темным. Точно глухая стена без всякого просвета залегла между этими двумя историческими эпохами. И если нельзя, без допущения более или менее произвольных предположений, связать между собою политическую, внешнюю, историю этих эпох, то относительно истории внутренней трудности представляются еще более значительными. Когда мы начиная с XV — XVI вв. получаем возможность осмотреться в том, что представляет собою литовско-русское общество, то перед нами встает картина, как будто не имеющая ничего общего с социальными явлениями эпохи удельной. Иной строй, иные общественные отношения, иные учреждения, иные обычаи и нравы...

Невольно является сомнение — не другое ли общество перед нами, не имеющее ничего родственного с тем старым, известным

* Свидетельство Михалона Литвина ¹⁹.

нам, древнерусским обществом? И только внимательное дальнейшее углубление в факты, проникающее за поверхность явлений, открывает скрытые связи и позволяет с уверенностью заключить, что мы имеем дело не с двумя разными обществами, а с двумя фазами развития одного и того же общественного организма.

Прежде всего иным является само государство, что можно видеть из сделанного выше очерка внешней истории. В удельный период нет государства, а есть скорее собрание государств, так как каждое княжество представляется независимым в политическом отношении. Литовско-Русское государство уже есть, несомненно, государство, хотя еще очень далекое от позднейшей сплоченности его частей.

Волынская, Киевская, Подольская области многое сохранили из своей областной самобытности, коренившейся в исконных племенных различиях, долго питавшихся политической обособленностью. Но центральная власть, сосредоточенная в Вильне, хотя и твердила постоянно, что мы-де «старины не рухает, новины не уводим», тем не менее постоянно вводила «новину», направляя понемногу разнообразие областной жизни в одно общее русло.

Великий князь литовский имеет с великим князем киевским только общее название. Даже в то время, когда в Литовско-Русском государстве были еще такие значительные уделы, как удел Киевский, все-таки отношение удельного князя к великому мало напоминало старые взаимные отношения древнерусских князей. Правда, удельный князь все-таки еще отличался от позднейшего великокняжеского наместника или воеводы тем, что он «держал землю на себя», в то время как наместник «держал ее на великого князя». Это значит, что удельный князь пользовался доходами своей земли и располагал ими по своему усмотрению. Но в то же время он все-таки получал удел «с руки» великого князя, обязывался быть ему «верным и послушным», «против его никогда не быть ни одним временем» и т. д.

Те из удельных князей, которые не получали уделов от великого князя, а владели ими на правах исконных вотчинников, — как, например, мелкие чернигово-северские князья дома Владимира Святого, — те также давали обязательства «служить верно, без всякой хитрости и во всем быть послушными». Это уже, собственно, не удельные, а «служебные» князья. По-видимому, литовские господа (великие князья) вмешивались и в некоторые стороны внутренней жизни земель, управляемых удельными князьями (например, в военную службу и связанную с нею раздачу земель).

Ягеллоны уничтожили последние остатки удельной системы, и на всей территории водворился механизм центрального великокняжеского управления. Механизм этот, впрочем, был очень прост и мало вносил существенных изменений. Даже территориальные подразделения остались те же самые, переданные удельной эпохой, с тою

разницей, что старые княжества стали называться землями, волостями, позже поветами. Во главе правительственных округов стояли теперь вместо князей великокняжеские наместники, которые «держали на великого князя» «до его воли» или «до живота», т. е. собирали в пользу господаря доход с этих округов, пользуясь для себя лишь «кормами», — в этом и заключалось существо перемены. Наместник, как и князь, которого он заменял, сосредоточивал в своем лице все отрасли управления как судебного, так и административного характера. Все, чего он не мог исполнить лично, он поручал от себя своим наместникам и тиунам с приставленными к ним «писарями» или «заказникам». «Заказниками» называлась вся та масса лиц, которых власть привлекала для отбывания специальных поручений и которые получали вознаграждение от исполненного поручения в виде кормов и пошлин со стороны населения: первобытное устройство общественного механизма не позволяло обходиться без этих случайных подпорок и пристяжек. Кроме того, и великий князь мог сам в территориальном районе наместника брать на себя ту или иную отрасль, то или другое дело и поручать его уже от себя, обыкновенно как награду за службу, какому-либо князю или боярину. Несколько позже появляются для наместников названия воевод, старост, державцев.

На территории Южной Руси было только одно воеводство — Киевское, в соответствии со старым значением удельного Киевского княжества. Но огромное пространство воеводства необходимо требовало территориальных подразделений. Поэтому в документах упоминаются наместники отдельных волостей Киевской земли, частью великокняжеские, частью воеводские: Мозырский, Брягинский, Овручский, Чернобыльский, Звягольский (Звяголь — Новгород-Волынский), Житомирский, Черкасский, Каневский. Это перечисление намечает до некоторой степени тогдашние пределы Киевского воеводства, но и далеко не полно, так как Киевское воеводство захватывало и Левобережье Днепра. Приблизительные границы Киевской области этого периода были такие: с юга Рось и ее притоки, причем по самому Днепру предел Киевской земли спускался приблизительно до устья Тясмина; с запада реки Случь и Уборть, Припять; на левом же берегу Днепра Киевское воеводство захватывало нижнее течение Десны, почти все Посеймье, Посулье, бассейны Псла, Ворсклы и верхнего Донца до Оскола — местности, пока еще только ожидавшие заселения.

Так как Волынская земля долго делилась на три удела — Кременецкий, Владимирский и Луцкий, — то это разделение отразилось и на дальнейшей организации ее управления. Из трех наместников, сменивших собою удельных князей, старшинство принадлежало луцкому в силу того, что Луцкий удел был и самым большим, и существовал дольше других. Этот глава земли Волынской носил титул старосты, с которым разделял власть, как его помощник, маршалок

земли Волынской. Земля Волынская в составе трех ее поветов занимала в это время территорию нынешней Волынской губернии по Случь, но с прибавлением некоторых пограничных местностей Пинского уезда Минской губернии, Тернопольского и Бродского округов восточной Галиции.

Та часть Подольской земли, которая находилась в пределах Литовско-Русского государства, собственно так называемое Побужье, распадалась по управлению на два наместничества: Брацлавское и Винницкое. Территория Побужья ограничивалась приблизительно линиями рек: левого притока Днестра — Ягорлыка, притоков Буга — Кодымы и Синюхи с Высью и правого притока Днепра — Тясмина.

Земли княжеств черниговско-северских в начале XVI в. отошли со своими князьями к Москве. Земли территории Туровско-Пинской, раньше всех других земель Южной Руси присоединенные к Литве, вошли по управлению в состав Троцкого воеводства, которое вместе с воеводством Виленским обнимало собою бóльшую часть земель Литовско-Русского государства, представляя собою остаток того политического дуализма, который водворили в Литве Ольгерд и Кейстут²⁰.

Но если областные учреждения носят на себе ясные следы своей связи с эпохой предыдущей, удельной, то учреждения центральные уже представляют собою нечто новое, неизвестное эпохе удельной.

Значение великого князя литовского поднялось до власти «пана зверхняго, под жадное право не подданного» (верховного господина, не подчиненного никакому праву). Это совсем не значит, что мы имели дело с неограниченным произволом. Наоборот: власть эта была очень ограничена, и прежде всего обычаем, но затем было и более осязательное ее ограничение в лице «рады» или «панов рады».

Литовская «рада», как и московская боярская дума, есть дальнейшее развитие княжеской думы удельного периода. По понятиям древней Руси, князь не должен был «думать», т. е. обдумывать и постановлять какое-нибудь решение по государственному делу, без совета. Но ему не ставилось в обязанность советоваться с тем или другим, а обстоятельства сами указывали, кто наиболее годился в данном случае для совета. Естественными и самыми сподручными советниками князя были мужи его старшей дружины, делившие с ним заботы о защите страны и ее управлении, но затем он мог обращаться за советом к кому угодно и обращался нередко к духовенству, а также к народу. Вообще, употребительное название «княжеская дума» не совсем схватывает дух отношений эпохи удельной. Это не дума, а собрание думцев, частью случайных, а если и постоянных, то в силу удобства, а не принципа.

Сначала и «рада» великого княжества Литовского отражает на себе этот первоначальный характер случайного собрания думцев; «и

иных много добрых (людей) при том было», — прибавляет документ времен Свидригайла после перечисления нескольких радных панов, скрепивших великокняжеское пожалование своими подписями. Но рада стремится к тому, чтобы из случайного сделаться постоянным и правильно организованным учреждением. Звание радных панов начинает сосредоточиваться в руках небольшого числа членов высшей поземельной аристократии. Решительным шагом в этом направлении был привилей Александра Казимировича (1492), которым великий князь обязуется ничего не делать без согласия рады, не раздавать без нее должностей и имений, не распоряжаться доходами государства. Развитие рады теперь сделало такие успехи, что можно определить ее состав, который, следовательно, является уже величиной более или менее постоянной. Права радных панов принадлежали известным земским и придворным чинам, католическим епископам и некоторым княжеским фамилиям, причем преобладающую роль играли земские сановники и епископы. Правом, а вместе и обязанностью рады было обсуждение вместе с великим князем всех важнейших государственных вопросов независимо от особенностей их характера. Но чтобы понять настоящее значение рады, надо припомнить, что великие князья литовские Ягеллоны, как польские короли, проводили большую часть времени в Польше, лишь наезжая в Литву, а в их отсутствие рада представляла собою особу великого князя, которому посылала доклады лишь по более важным делам, сама решая остальные.

Тем не менее в организации рады все еще отражалась ее связь со старой княжеской думой. Так, например, все члены рады в полном своем составе лишь два раза в год съезжались в Вильно «на сейм», или «сьем»; в остальное время рада составлялась все-таки в известном смысле случайно из тех радных панов, кто по обязанностям своей земской или придворной службы жил в Вильне или приезжал туда на время.

Но кроме этих высших органов центральной власти, т. е. великого князя и рады, уже были в это время и некоторые низшие центральные органы, заведовавшие отдельными отраслями управления. Это уже как бы министерства, хотя еще и в зачаточном виде. Есть гетман, ведающий военное дело государства, канцлер — как бы министр иностранных и внутренних дел, маршалок, представляющий собою орган высшей полиции, и, наконец, подскарбий, т. е. министр финансов. Здесь, в организации этих ведомств, как и в самих названиях, нельзя не видеть воздействия Польши, которая под влиянием Западной Европы успела уйти значительно вперед в деле развития государственного благоустройства.

Систему центрального государственного управления заключали собою, наконец, «съезды земель», или сеймы, для выбора великого князя. Рада приглашала в таком случае земли на общий сейм. Сохранилось одно такое обращение панов рады после смерти Казими-

мира «к братьям и приятелям милым, князьям, панам и землянам земли Волынской» с предложением приехать в Вильно на день Святого Илии в числе десяти — двадцати, «або колько ся увидит старших». К концу описываемого периода эти экстренные съезды земель сменились правильными сеймами по польскому образцу, в то же время место старых общенародных веч, заменившихся в землях Киевской, Волынской и Подольской областными сеймами (о деятельности которых, впрочем, знаем мы слишком мало), заступили со времени Люблинской унии известные шляхетские сеймики. В общем отношения между государством и обществом еще были таковы, что для общественной самодеятельности оставалось широкое поле.

Но что же представляло собою теперь это общество?

Князья, паны, земляне, бояре, рыцарство, шляхта, дворяне, слуги, далее местичи, или мещане, наконец, люди черные — волостные, тяглые, данники, вотчичи, путники, бобровники, «похожие» и «непохожие», закладни, — все эти и многие другие, встречающиеся в памятниках данной эпохи, названия, сверх тех названий, которые относятся к духовенству и рабам, — все это заставляет предполагать, что мы имеем дело с очень сложным социальным строем, представляющим совокупность значительного числа разнообразных сословных групп. Простота строя эпохи удельной не имеет, по-видимому, ничего общего с этим разнообразием общественных форм, укрывающим собою, как можно бы предполагать, и разнообразие общественных отправлений и отношений. Но это заключение будет ошибочным. На самом деле между обществом удельной и рассматриваемой эпох вовсе нет такой большой разницы. Разнообразие здесь только кажущееся: это больше разнообразие названий, чем форм и понятий.

Прежде всего и теперь сохранилась та демаркационная линия, которая делила в удельном периоде общество на два слоя: верхний, т. е. дружинный, или служилый, и нижний, заключавший в себе всю массу народа, прикрепленного к земле своим трудом или промыслом. «Земля и люди» еще ясно противопоставляются «князьям и боярам». Но внутри этих слоев произошли известные изменения и возникли не существовавшие в удельный период оттенки, оправдывающие до известной степени указанное выше разнообразие терминов. Затем, верхний слой общества уже успел окончательно обратиться в высший, нижний — в низший.

Лица высшего класса являются нам в удельную эпоху под названием дружины, старшей и младшей, бояр, мужей и слуг, отроков княжеских. Теперь это «князья, паны, земляне, бояре, рыцарство, шляхта, дворяне, слуги». Князья — это потомки Гедимины и Владимира Святого, потерявшие свои владетельные права и перешедшие в служилый класс, как об этом уже было говорено выше; паны — специальный термин для обозначения тех членов высшего класса,

которые пользовались правом участия в раде; шляхта и рыцарство — польское название для лиц высшего класса, ничего собою не определявшее до тех пор, пока сама жизнь путем законодательного воздействия не усвоила себе положений польского права. Таким образом, за упомянутым ограничением оказывается, что терминология рассматриваемой эпохи по отношению к высшему классу не так разнится от терминологии эпохи удельной, как это может показаться с первого раза. Но некоторые различия существенного характера тем не менее определились.

Дружинный, т. е. высший, класс эпохи удельной характеризуется своим свободным отношением к князю. Он берет на себя, как бы по договору, обязанность защиты земли и делит с князем труды по управлению этой землей. За это он получает от князя жалованье в виде определенных ценностей и корма со стороны населения. Если летопись и упоминает боярские «села», тем не менее очевидно, что землевладение не является постоянным и необходимым признаком членов дружинного сословия. В рассматриваемую эпоху положение дел, очевидно, иное. В начале этого периода мы еще находим следы старых, так сказать, дружинных отношений: «И мает он нам верным быть», — договаривается великий князь Свидригайло с одним выходцем из Северской земли, который явился к великокняжескому двору «значне и оказал»: «А с ким мы будем смирны и он з нами, а с ким не смирны, ино и он противко тому мает быти не смирен...» Но этот договорный характер отношений, продержавшийся несколько дольше в отношении к великому князю удельных и служебных князей, наконец, совершенно исчезает: члены высшего сословия делаются такими же подданными, хотя и привилегированными, своего господаря, как и остальные люди, непривилегированные.

Обязанности высшего класса те же, что и прежде: как и в старину, он разделяет с великим князем труды по защите страны и по управлению этой страной. Но произошло одно изменение, крайне важное по своим результатам. В удельную эпоху защита страны лежала на личности дружинника, обязанного к тому договорными отношениями с князем, или «людина», вынуждаемого внешней необходимостью. Может быть, уже в удельную эпоху заложены были основы и иных отношений, но во всяком случае развитие их мы можем наблюдать лишь в эпоху рассматриваемую, которая отделена от удельной значительным промежутком времени, совсем лишенным освещения. Теперь защита страны, т. е. военная служба, находится в самой тесной связи с землей. Определенной единице по землевладению соответствует определенная единица по отбыванию военной службы (например, со столькох-то дворищ, представляющих такое-то число земельных единиц, идет один человек в таком-то вооружении и т. д.), — вот основной принцип данного общественно-го строя. Но как же отражалось это новое условие на положении высшего сословия?

Оно отражалось так.

Высший класс, для которого военное дело было искони стихией его существования, теперь выступил естественным посредником между государством и народной массой. Великий князь, как представитель государства, жалует тому или другому представителю этого высшего класса службу, т. е. дворище или село, вообще населенную земельную единицу, или округ, т. е. известную совокупность таких единиц, жалует или «до своей господарской воли», или «до живота» (пожизненно), или «до двух животов» (пожизненно для жалуемого и его наследника), или, наконец, вечно, т. е. без определения срока. Кроме своей личной службы, всегда конной и с тяжелым вооружением, жалуемый обязывается поставить государству со своего пожалования сообразно его размерам столько-то коней, столько-то стрельцов и т. д. При Сигизмунде I Старом все эти отношения подвергнуты были точному вычислению и определению. Вступая в распоряжение территориию с ее населением, получивший такое пожалование (который «жил на тех людях») пользовался вместе с тем и правом на корм и иные «пошлины» со стороны населения, известную часть которых ему уступало государство в награду за его службу и услуги. Вот в каком виде представляются нам те первоначальные отношения, которые мы без разбора подводим под одну общую категорию поземельной собственности.

Таким образом, сравнивая удельную эпоху с той, о которой идет речь, мы усматриваем в последней огромное преобладание крупной поземельной собственности, о которой раньше почти нет и помину. Но насколько эти отношения заслуживают названия поземельной собственности, это видно из сказанного выше. Однако было лишь вопросом времени, когда это условное держание должно было обратиться в настоящее право собственности. И мы видели выше, как быстро совершался процесс этого обращения под влиянием идей, проникавших вместе с религией и культурой Запада и поддерживаемых политическими причинами, о которых уже была речь в очерке внешней истории.

Но сказанное выше надо ограничить таким соображением: в числе крупной поземельной аристократии литовско-русского общества и в первых ее рядах было много потомков владетельных князей. Правá их на их территории, очевидно, складывались иным путем (впрочем, не лишенным общих черт с тем процессом, который мы наметили выше): их владельческие права, опять-таки совсем отличные по своей природе от прав собственности, подхвачены были тем же общим потоком и переработаны в одну общую норму.

Но в составе высшего класса была одна категория, которая не получила своих земель в пользование от государства, а владела ими на правах исконной вотчинной собственности. Дело в том, что государство не могло покрыть всю территорию непрерывной сетью «держаний»: это прежде всего было даже и несовместимо с его интере-

сами. Таким образом, для отбывания военной службы со свободных территорий само население должно было выдвигать из среды себя более состоятельных, которые могли бы нести тяготы военной службы, но вместе с тем пользоваться и связанными с нею преимуществами. Переходя в военно-служилый, т. е. высший класс, люди эти уносили с собою и землю, теперь уже свободную от лежавших на ней тягловых обязательств.

Под именем бояр и земян люди эти представляли собою значительную массу, лежавшую в фундаменте привилегированного класса и связывавшую этот класс с классом низшим, пока польское право не отрезало окончательно и бесповоротно высший класс от низшего.

Таким образом, высший класс литовско-русского общества составил из элементов различного происхождения и характера, объединенных общей обязанностью военной службы. Правовое их объединение, действительно слившее все эти различные элементы в одну шляхетскую массу и противопоставившее эту массу хлопской массе, наступило лишь позже под воздействием польского права²¹.

Требования военной службы обуславливали собою некоторые сложные отношения между членами военно-служилого сословия.

Великий князь отдавал какому-нибудь пану округ, с которого требуется такое-то количество военной службы; тот отдавал часть этого округа другому лицу на тех же обязательствах, на каких сам его получил. Получивший, в свою очередь, мог передать какому-нибудь «слуге» часть территории и доход с нее (опять-таки с таким же обязательством), мог также вступить в соглашение с кем-нибудь из сидящих на отданной ему территории землевладельцев. Все это сплетало сложную ткань зависимых отношений. Это обстоятельство дало повод одним ученым говорить о литовском феодализме, существование которого совершенно отвергается другими учеными. Разногласие это основывается на простом недоразумении. Несомненно, указанные выше отношения имеют нечто существенно сходное с феодальными отношениями Западной Европы, и если мы вместе с Гизо²² определим феодализм как «соединение верховной власти с землевладением, замену полной земельной собственности условною, установление вассальной иерархии между земледельцами»²³, то увидим, что общественные отношения Литовско-Русского государства подходят под это определение. Об установлении вассальной иерархии между землевладельцами только что была речь. Что верховная власть была соединена с землевладением, т. е. что вся земля считалась принадлежащею великому князю, — это известно. И, наконец, что полная земельная собственность заменена была условною — это вытекает как из сказанного выше, так и вообще из изучения источников для данной эпохи: так называемая разделенная собственность, когда права на данную землю распределены между несколькими лицами — это общая черта землевладения данного периода в исторической жизни литовско-русского общества. И при

всем том, нам кажется, следует воздержаться от того, чтобы назвать рассматриваемый строй феодальным строем. Заключая в себе некоторые существенные черты феодального строя, строй литовско-русского общества настолько далек от той законченности форм, которая характеризует собою феодальную систему Западной Европы, что мы не имеем права в видах избежания нежелательного смешения понятий прибегать к такому определенному термину, как феодализм²⁴.

Вся земля считалась собственностью великого князя, но только считалась, не больше. Выражение «земля великого князя» значило в данном случае почти то же, что значило раньше выражение «Божья земля». Понятно, почему и в каком смысле земля считалась принадлежащей великому князю. Великий князь как глава государства являлся верховным распорядителем над всеми службами — военными, тяглыми и иными, — которыми держалось государство; и службы все лежали на земле, разумеется, населенной и обрабатываемой. Почти все свои ресурсы государство извлекало прямо и непосредственно от этой земли, главною же обязанностью власти было наблюдать, чтобы земля как-нибудь «не вышла из службы». Из этих-то отношений и вытекло то неопределенное понятие, что земля принадлежит великому князю.

Если в рассматриваемую эпоху (правильнее — в начале этой эпохи) можно было кого-нибудь считать собственником земли ближе к современному значению этого слова, то это, конечно, лишь тех свободных «людинов» или союзы этих людинов, которые сидели на земле и обрабатывали ее. Но и их права мы не можем отождествлять с современною земельной собственностью: необходимо помнить, что современное понятие земельной собственности есть продукт позднейшего времени и долгой эволюции, так что всякое перенесение этого понятия на явления прошлого может внести серьезные ошибки в понимание исторических отношений. Литовско-русская история данной эпохи представляет значительный научный интерес в том смысле, что она дает яркую картину быстрой смены фазисов в развитии как понятия поземельной собственности, так и соответствующих общественных отношений. Еще в начале рассматриваемого периода земля находится в таком же полном владении земледельца, как это было и в удельную эпоху, а в конце его почти все права земледельцев уже поглощены политическими правами высшего класса, который из простого агента верховной власти обратился в собственника той земли, которою раньше он лишь распоряжался в качестве этого агента. Только та, более состоятельная часть земледельческого класса, которая перешла на отбывание военной службы, сохранила, а потом и расширила свои землевладельческие права (земяне и бояре).

Итак, вся земля — сначала только возделанная, а позже и не возделанная, но могущая быть возделанной, а следовательно, и не-

сти службу,— считалась собственностью великого князя, но считалась настолько условно, что все составные элементы права собственности вне служебных обязательств на самом деле принадлежали не великому князю, а тем, кто пользовался этой землей. Но была одна категория земель, на которую великий князь имел не номинальное лишь, а реальное право собственности. Подразумеваем те земли, где велось «господарское» (великокняжеское) хозяйство.

Еще в удельные времена князя имели «села», т. е. хозяйственные хутора, на которых работали рабы: не только князя, но и дружинники, располагая «невольной челядью», легко приходили к мысли применять их труд не только к личным услугам, но и к сельскохозяйственному производству. Княжеские хутора, или дворы, имели помимо хозяйственного и иное назначение — служить административными и судебными центрами; впрочем, мы уже упоминали выше, что упрощенность понятий того отдаленного времени доходила до полного смешения государственных функций князя с его личным хозяйством. На княжеский двор тащили уличенного преступника; туда свозились собранные с окрестного населения в виде податей хлеб и иные продукты; там жил тиун, который заведывал княжеским хозяйством, вместе с тем ведал все дела по управлению и суду округа, тяготевшего к данному двору.

Великий князь литовский унаследовал от удельной Руси эти дворы и дворца с их хозяйством, земледельческим и скотоводным. Таким образом, мы во многих местах Южной Руси находим эти великокняжеские земли в собственном смысле этого слова, с хозяйством, но далеко не всюду: были целые большие территории, где нет и следов этого хозяйства, и прежде всего там, где по условиям местности на первом плане стояло не земледельческое, а промысловое хозяйство. Затем наблюдается, что размеры великокняжеского хозяйства не только не увеличиваются с течением времени, но уменьшаются, по крайней мере на такой отдаленной от центра окраине, как Южная Русь: центральный великокняжеский двор не мог извлекать выгоды из этих своих столь отдаленных хозяйственных учреждений.

Господарское хозяйство этих дворов, не довольствуясь трудом «невольной челяди», начало мало-помалу привлекать к работам свободное население своего округа. Этим первым зачатком обязательного труда на другого (барщиною), внесенным государством в среду земледельческого класса, до сих пор свободного, т. е. трудившегося только на себя, сделан был важный шаг к обращению свободных людей в зависимых. Там, где не было господарских дворов с хозяйствами, т. е. в местностях промыслового, а не земледельческого характера, земледельцы несли свою службу государству прежде всего «данями», которые уплачивались продуктами промыслов, иногда деньгами. Тяглые в силу своих отношений к господарскому двору и хозяйству находились в большей зависимости от агентов велико-

княжеской власти, чем данники; данники через свои собственные власти собирали свои дани и отвозили их по назначению, избегая таким образом вмешательства в свою жизнь со стороны государства. Наконец, третью важную категорию земледельческого класса составляли «люди служебные», отправлявшие «земскую» службу, к которой относились служба «листовная» (разъезды с листами, т. е. письмами), замковая и полевая («сторожа»). «Служебные» люди стояли на рубеже между высшим и низким классом; при благоприятных обстоятельствах они навсегда отходили в группу земян и бояр, в класс привилегированных, при неблагоприятных — отталкивались назад и сливались снова с народной массой. Таким образом, смерды удельной эпохи разделились в рассматриваемое время на три главных группы: людей служебных, данников и тяглых. Все эти три категории были перемешаны между собою, но на некоторых территориях случалось, что та или другая категория являлась со значительным преобладанием, придававшим территории особый характер. Так, в степном порубежье земель Киевской и Северской мы встречаем местности, населенные исключительно служебными людьми; в лесной, северной, полосе Южной Руси (Пинское Полесье), в так называемых Поднепровских волостях жили по преимуществу, а иногда и исключительно, данники; данники же, под именем куничников и ясачников, встречаются и в южной части земли Киевской.

Как жили эти предки нашего «хлибороба», об этом мы имеем сравнительно с эпохой удельной уже более точные сведения, опирающиеся на источники.

«На Руси не селятся иначе, как только при воде и лесе»,— свидетельствует одна люстрация * Подолья 1565 г. Такие же люстрации, сохранившиеся даже от конца XV в., с несомненной ясностью и полнотой свидетельствуют о том, каков был господствующий тип поселений для данного времени. Это был маленький поселок хуторного типа. На Украине, т. е. в Киевщине и Брацлавщине (Литовское Подолье), по точным словам документов, кроме городов, были только хутора и пасеки.

Такими же маленькими поселками было покрыто Полесье, где и нельзя было селиться иначе, как по «островкам» удобной земли, разбросанным между низинами, болотами и лесными зарослями. В местностях, более безопасных для поселения, чем Киевская Украина и Подолье, более удобных, чем Полесье,— такова, например, была Волынь,— хутора иногда разрастались и в большие поселения, но и эти большие поселения все-таки были очень малы по современным понятиям и к тому же сохранили ясные следы своего недавнего хуторского происхождения. Большими населенными местами в данный период в Южной Руси были только города.

Самой характерной чертой такого поселка-хутора было то, что

* Люстрация — статистическая опись для целей фиска.

он, представляя собою общее нераздельное землевладение, мог представлять собою и не одно, а два или несколько домохозяйств. Это были семейно-общинные ассоциации. Большие поселения, или села, Волыни представляли собою по нескольку таких, сближенных территориально, единиц. Самое общее название для таких единиц, объединявшее собою как самую землю, так и поселение на ней, есть дворище. Это название встречаем мы в Полесье, на Волыни, в Подолье; в степных поселках южной Киевщины рано появляется и современный термин «хутор».

Так как государство имело дело прежде всего с землей (подразумевая, конечно, лишь населенную и обрабатываемую землю), то дворище как единица землевладения являлось перед государством и единицей по отбыванию повинностей и податей, «службы» по тогдашней терминологии. Оттого слово «служба» есть синоним слова «дворище». «Службами» такие поселки называются почти по всей территории Южной Руси, в землях Северской, Киевской, Волынской, Подольской, на Полесье. Встречаются и другие синонимы: иногда такая единица называется просто «земля», «потуг» (точно соответствующий термину «служба»), иногда — «отчизна» или «отчина», «маетность», — в связи с теми правами, какими пользовались земледельцы по отношению к этой своей непререкаемой собственности.

Иногда встречается для обозначения такого поселка и древнерусское слово «дым», но гораздо чаще «дым» уже обозначает лишь часть дворища, хозяйственно обособленную; встречаются дворища с двумя-тремя «дымами», даже до 10 и больше. По всей вероятности, древнерусский поселок жил одною общею жизнью вокруг одного очага — «дыма», между тем как в эпоху рассматриваемую он уже разбивался на свои составные части, отдельные семьи, связанные лишь общим землевладением. Отдельная семья дворища, представляемая «дымом», являлась дольщиком как в общих правах на пахотные и сенокосные земли и прочие угодья, тянущие к дворищу, так и в общих обязанностях по отношению к государству.

Дворище не имело и не могло иметь определенных размеров. Размеры его зависели от случайных причин: от того, сколько удобных и свободных земель и угодьев было кругом для трудового захвата и сколько успевали захватить наличные силы данного поселка. Государство не было заинтересовано ни в каких ограничениях, наоборот: чем больше земли было занято под обработку, тем больше оно выигрывало по отношению к службе. Но с увеличением народонаселения положение дела менялось: явилась потребность и в ограничении земледельческого захвата. Сигизмунд I издал так называемый «Устав о волоках»²⁵, в силу которого вся обрабатываемая земля должна быть измерена и разбита на определенные единицы — «волоки», обложенные определенной службой. Введением волочной системы выигрывал фиск — увеличение числа служб, и одновремен-

но ставились пределы земледельческому захвату пустых земель под обработку. Но еще более важным результатом введения волочной системы было следующее: перемер земли на волокы во многих случаях требовал переселения крестьян со своих старых угодьев на новые места, в так называемое «среднее поле»; куски земли у отдельных поселков прирезались и отрезались для образования полных волок; земельные угодья в виде округления обменивались между соседними владельцами. Все это вносило целый переворот в понятия и отношения земледельцев к их земле; ее исконный характер собственности — «отчины» — подменялся понятием надела. «Кмет и вся его маетность наша есть», — так мотивирует великий князь необходимость померы. Но волочная система достигла Южной Руси лишь к концу рассматриваемого периода, да и тогда оставила нетронутыми целые территории: Полесье оказалось неудобным для померы, так же, как и хутора и пасеки степной Украины²⁶. С волочной померой исчезало залежное, или подсечное, хозяйство, заменяясь трехпольем, так как пахоть была размерена на три поля.

В каждом дворище жила одна большая семья — братья родные и двоюродные, дяди с племянниками, но эта семья часто делилась, как сказано выше, на отдельные семьи — «дымы», сообща владевшие землей и сообща отбывавшие службу государству, соединенные круговой порукою, в силу которой они отвечали друг за друга не только по отношению к платежным недоимкам, но и по отношению ко всякому правонарушению и даже преступлению. Но нередко случалось, что кровные элементы дворища заменялись чужими. Делалось это так. Как только рабочие силы дворища по каким-либо причинам ослабевали и не могли обрабатывать всей занятой уже земли, дворищу необходимо было привлечь помощь со стороны: государство не было расположено уменьшать службу с ослабевшего дворища. Чужие, привлекаемые в состав дворища, пользовались правами родственных членов: получали равные права на пользование землей и пропорционально участвовали в службах и всяких общественных обязательствах. Таким образом, семейная ассоциация обращалась в артельную. Члены такой артели в разных местностях носили разные названия. В Северной земле встречаем название «сябры», на Подолье — «спильники», в других местностях — «товарищи», «суседи», «дольники»; очень распространен термин «потужники», т. е. состоящие в общем служебном тягле. Это были полноправные члены дворищ. Но дворищане допускали на свои земли чужих и на иных, менее льготных, условиях. На Волыни встречаются половинники, несомненно соответствующие севернорусским «порядчикам» — людям, сидевшим на чужой земле и инвентаре по договору («поряду»), из доли урожая. Затем попадают искупни, или закупни (древнерусский закуп), «люди в пенезех», — очевидно, находившиеся к дворищанам в зависимых отношениях, вытекавших из каких-нибудь обязательств, денежных или иных. Таким образом, на территории

дворища могли жить родичи,— притом жить одним «дымом», «за одними воротами», «в одном хлебе» или несколькими «дымами», за несколькими воротами, в нескольких хлебах,— затем — чужие на полных правах родичей, далее — полузависимые, как, например, половинники, и, наконец, совсем зависимые, как закупни и «люди в пенезех».

Теперь является вопрос о том, откуда же брались эти чужие, которые пристраивались к дворищу? Еще в удельный период, когда кровные понятия и чувства, связывавшие людей в крепкие союзы, глубже коренились в человеческой душе,— и тогда, очевидно, существовали обстоятельства, вырывавшие людей из-под опеки и защиты этих союзов. Разнообразны были эти обстоятельства, разнообразны и положения людей, подпадавших силе этих обстоятельств. «Изгоем» мог быть и княжеский сын, и поповский, и купеческий. В своем месте мы указывали на то, что в верхнем, дружинном, слое общества родственные связи по необходимости были значительно слабее, чем в нижнем. Но и в нижнем слое встречается целый значительный разряд лиц — если бы он не был значительным, о нем не было бы и речи,— которых связи эти не защищали от положения крайней материальной зависимости: это — «ролейные закупы» Русской Правды, которые работают на чужой земле и чужим инвентарем.

Вот таких-то людей, выброшенных или высвободившихся из кровных союзов, людей, не располагающих ничем, кроме своего личного труда, мы находим в обилии в рассматриваемую эпоху. Народонаселение множилось, и появлялась теснота, государство отягощало земли службами, а в то же время земледельцы уже ясно видели близившийся грозный призрак личной зависимости; все это отрывало земледельца от земли и в качестве неудачника бросало его, беспомощного, в широкий Божий свет. Конечно, были тут и жертвы личных и общественных бедствий, в особенности бедствий политических, были и люди, которых неопределенно влекла вдаль жажда свободы, независимости. Все это составляло особый общественный контингент «лезных». Но сила традиционных понятий все еще была так сильна над умами людей, что «лезный» как таковой всегда являлся в глазах прочих членов общества, прочно сидящих по своим общественным клеточкам, человеком подозрительным. В округе обнаружилось совершённое преступление; у всех прежде всего является вопрос — нет ли где-нибудь вблизи «лезного», не видел ли кто-нибудь, как он шел «гостинцем» (дорогой), не принимал ли его кто-нибудь в дому? И трудно было несчастному «лезному», буде бы он оказался, отвести от себя подозрение. Оттого «лезный» спешил или пристроиться к панскому двору в качестве слуги, или сесть на землю. «Лезные», самостоятельно устраивающиеся на землях, являются под названием вольных людей, вольников, людей «похожих», слободичей.

Вольные, «похожие» люди садились не только на земли дворищ. С разрешения господаря или того землевладельца, которому великий князь передавал свои права на данную территорию, они устраивались и на неводеланной земле — «на сыром корени», по тогдашней терминологии. Преодолевая трудности, сопряженные с первым занятием земли под обработку, такие «слободичи» пользовались зато льготами по отбыванию податей и повинностей: к платежу их они были обязаны лишь по истечении известного числа льготных лет.

«Похожие» люди садились на владельческую землю по договору и по исполнению условий договора вольны были идти на все четыре стороны. Но те, на чьей территории они садились, были крайне заинтересованы в том, чтобы земледельцы не уходили, — уходя, они понижали этим ценность земли, восстановить которую, посадив новых работников, в те времена было не так-то легко. Естественно, что отдельные крупные земледельцы стремились к тому, чтобы увеличением льгот привлекать земледельцев к себе, отбивая их у соседей. Но конкуренция всегда ложится бременем на плечи самих конкурентов. И вот мы видим, сравнительно очень рано, с половины XVI в., попытки земледельцев обезопасить себя с этой стороны. Высшее служилое сословие целых земель собирается на областные сеймы и там составляет союзы, своего рода синдикаты, для борьбы с «похожими» людьми. Члены таких союзов взаимно обязывались под страхом тяжелого денежного взыскания («заруки на господаря») ни увеличивать числа льготных лет, ни уменьшать тяжести повинностей против принятой ими сообща нормы. К этому союзу они привлекают и великого князя как крупного землевладельца, также заинтересованного в том, чтобы устраивать отношения с вольными людьми на землях, занятых его хозяйством. Такой союз с господарем во главе может предпринять и нечто большее, чем простое, хотя бы сделанное и в интересах лишь своей стороны, урегулирование отношений: он пытается наложить руку и на самую свободу перехода. В «Уставе» Сигизмунда-Августа «о похожих людях» 1557 г. земледельцам предоставляется право выхода лишь в один годовой срок; это тот же пресловутый «Юрьев день»! Но тем не менее не здесь надо искать основной причины закрепощения земледельческой массы.

Закрепощение явилось не результатом какого-либо законодательного акта, а простым и мало-помалу сложившимся следствием двух главнейших причин: одной общей, о которой уже шла речь (усиление общественного значения высшего класса через превращение его права держания земли в право собственности на нее), и другой, частной. Эта вторая, частная, причина заключается в смешении вольных, «похожих» людей с «непохожими» — извечными отчичами.

Теперь мы подходим к вопросу, который вызвал много споров

и недоразумений в нашей ученой литературе. Нам кажется, что и здесь, как во многих других случаях, корень недоразумения заключается в перенесении современных понятий на явления прошедшего — перенесении, крайне затрудняющем понимание исторических отношений.

В самом деле, несомненно, что в рассматриваемую эпоху, особенно в первую ее половину, земледельческая масса, сидящая большими семейными ассоциациями по своим дворицам, пользуется всеми правами собственности на свою землю, между тем как «сидящий» на этих людях верхний класс пользуется лишь правами держания. А между тем эти люди нередко являются с эпитетами людей «извечных», «непохожих». «Непохожий», т. е. прикрепленный к земле, по современным понятиям есть такая противоположность собственнику земли, что историки, встречаясь с такою несообразностью, отрицали ее на два различных способа: или, почти отождествляя «непохожих» — отчичей — с «невольною челядью», отрицали у них, а вместе с тем и у всей народной массы Литовско-Русского государства, право собственности на землю, или предполагали, что «непохожие» есть особая категория, отличная от собственников-отчичей. Но дело, по-видимому, обстояло иначе, и если усилием воображения мы перенесемся в понятия и обстоятельства той эпохи, то оно представится простым и ясным.

Прежде всего надо помнить, что собственник земли тем самым, что он собственник, есть человек «непохожий»: ему идти некуда и незачем. Эта крепость земле была тем сильнее, что земельная собственность того времени не была личной; большой же родственной группе людей еще труднее было тронуться с земли, чем отдельному человеку. Затем далее. Господарь жалует такому-то лицу несколько двориц на военную службу и хлебокормление. Этим права дворищан на землю пока еще нисколько не нарушаются: лишь те повинности, которые они давали раньше в великокняжеский скарб, передаются теперь в полном их составе или частью, смотря по характеру пожалования, державце (употребляем этот термин в общем смысле, независимо от специального его значения). Однако из этих отношений неизбежно должны были вытекать стеснения для собственника земли. Державца необходимо должен был следить за тем, чтобы дворище ничего не теряло в своей платежной способности, иначе страдали как его личные, так и государственные интересы. Таким образом, выходило следующее: второстепенные члены дворища ограничивались в своей свободе только родичами и с их разрешения могли свободно уходить, но глава, представитель всей этой семейно-родовой ассоциации, не мог пользоваться такой свободой, так как нес ответственность за платежи перед державцей и стоявшим за ним государством. Отчуждение могло иметь место лишь в самых исключительных условиях, и уже тут, конечно, державца имел право наблюдать и требовать, чтобы земля, отчуждаясь,

переходила в надежные руки, в руки человека «такого доброго, как он сам», отчуждающий.

Таким образом, когда указанным выше путем общественной эволюции права собственности перешли из рук земледельца в руки землевладельца, бывшего державца, то из всех утраченных прав земледелец сохранил лишь одно печальное право — право крепости своей земле, роковое наследие его былой вотчинности.

Вольные «похожие» люди превращались в слободичей, из слободичей делались людьми «заселыми» и в конце концов путем земской давности становились такими же отчичами, сливаясь вместе с ними в общую массу людей, крепких земле и пану. Но этот процесс в его окончательных результатах мы можем наблюдать лишь позже, а в рассматриваемую эпоху и даже в конце ее земледелец не потерял еще ни права собственности на землю, ни права свободного перехода, хотя и то и другое право текущим процессом уже было значительно умалено в своем объеме.

Памятники рассматриваемой эпохи свидетельствуют о таком уважении государственной власти к низшему сословию, какая совсем не гармонирует с зависимым положением, и чем древнее памятники, тем они яснее в этом отношении. Господарь, обращаясь к населению данной территории, обращается не только к высшему сословию, как это делается позже, но и к ее черным людям, к посполству. Люди этого посполства в глазах верховной власти — «мужи». Права этих «мужей» хотя на деле и суживаются постепенно в интересах великого класса, но формально окружаются таким же уважением, как и права высшего сословия: «Мы новины не уводим и старины не рухаем», — твердят господа, верные своим обязанностям охранителей существующих прав, посполству, когда оно обращается с жалобами. Земледельческая масса управляется своими властями. В одних местностях это «сотники» и «десятники» (термины, предполагающие деление территории на сотни и десятки) — самое архаическое из административных делений, с которым мы встречаемся и в удельный период: теперь мы находим его в землях Киевской и Чернигово-Северской. В южных, степных, окраинах земли Киевской и Подольской народ управляется своими «атаманам», которые, по-видимому, сохранились здесь от тех времен, когда они, по летописным известиям, собирали дань для татарской орды, кочевавшей в соседних степях. Там, где жили данники, они управлялись «старцами». Все эти власти выбирались самим народом, хотя избранные и должны были, по-видимому, кое-что уплачивать от своей должности господарю или его наместнику; тем не менее они всегда выступают как представители и стражи интересов народной массы.

Но, конечно, нет учреждения, более красноречиво свидетельствующего о еще не утраченной, исконной свободе низшего класса, как «копные суды». «Вервь»²⁷ Русской Правды в рассматриваемую

эпоху является в виде копного округа. Копный округ есть союз населения известной территории, по размерам приблизительно соответствовавший нашей современной волости или даже несколькими волостями, с целью предупреждения правонарушений, расследования их и наказания преступников. Все «мужи» территории копного округа, т. е. главы семейных ассоциаций, были обязательными членами этого союза: «муж» выводил домочадцев лишь тогда, когда было необходимо по обстоятельствам того или другого дела. Органом копного округа было копное собрание, «копа», или «вече». От личного участия в копе ни один член округа не мог отклониться под страхом тяжелой ответственности: принималась в уважение только физическая невозможность такого участия, точно доказанная. На членах копного округа лежала забота о предупреждении правонарушений, о внутреннем мире копной околицы. Каждый из них обязан был и нравственной, и юридической ответственностью не только за всех своих домочадцев, но даже и за территорию своего дворища, обыкновенно очень обширную. Лоскут украденной где-нибудь вещи, след от копыт коня проскакавшего преступника, обнаруженные на территории дворища, ложились на него подозрением, которое глава дворища должен был непременно отвести от себя, иначе подозрение обращалось в вину, влекущую ответственность. Гость из-за пределов копной околицы, заезжий торговец, усталый прохожий, просящий ночлега, нищий — за всех и вся мог глава дворища подвергнуться ответственности, кто только пришел в соприкосновение с его землей, хатой или домочадцами. Не малы были права мужа, но не легка и ответственность.

Копы по самому существу своему не могла взять на себя охранительных, так сказать, полицейских обязанностей, она могла только расследовать преступление и наказывать его.

Розыск преступника по горячим следам совершенного преступления делался обыкновенно через маленькую копу, на которую скликались лишь мужи ближайшего соседства. Это была так называемая «горячая копа», которая «гнала след», делала обыск, опросы, собирала материал предварительного дознания. Затем собиралась «великая копа», на которой непременно присутствовали все члены данного округа — собрание, обставленное большою торжественностью в смысле соблюдения известных обрядов и формальностей. Здесь, перед лицом большого копного сборища, велся состязательный процесс сторон, отбирались показания свидетелей, рассматривались судебные улики и взвешивались доказательства. Затем постановлялся приговор. Если дело кончалось примирением сторон, что допускалось и в делах уголовного характера, или прекращалось за неимением доказательств или за принесением обвиняемой стороной очистительной присяги, что допускалось во многих случаях, — великая копа была и последней. Взимались вины, пересуды и т. п. судебные пошлины в пользу обиженной стороны, господаря или его наместни-

ка, позже землевладельца, и тем дело кончалось. Но если приговор требовал смертной казни преступника, что бывало лишь в тех случаях, когда преступник был упорным рецидивистом и никто не брал его на поруки,— тогда собиралась для приведения казни в исполнение третья, «завитая», копа.

Все это копное правосудие с его обстановкой предполагает многовековой судебный опыт, накопленный самим народом. Каждый член копного округа должен был иметь немалый запас знания правовых обычаев, обрядов, формул, а главное, практика жизни постоянно требовала от него значительной самостоятельности. Все это создает в нашем воображении образ не зависимого и приниженного крепостного, а человека свободного и привыкшего пользоваться своей свободой. Копы, по-видимому, и не была сначала учреждением, существовавшим лишь для низшего класса, а для землевладельцев данного округа, включая и людей высшего сословия. Только постепенно литовско-русская шляхта освобождалась от копной связи и выходила из копных округов, но копы тем не менее долго пользовались правом, вытекавшим из ее первоначальной организации, привлекать по известным делам к своей юрисдикции и членов военнослужилого сословия. Уже паны давно сделались панами и хлопы хлопами, а эти последние все еще цеплялись за свое старое право требовать в известных случаях на копу членов привилегированной общественной группы. Но логика вещей в конце концов взяла свое, и остатки хлопской копы пошли вслед за остальными атрибутами былой народной свободы.

Из общей массы низшего класса в рассматриваемую эпоху выделилось городское сословие — «местичи», мещане. В удельное время нет разницы между городскими и волостными людьми, все это — свободные людины, смерды, с точки зрения дружинного сословия. Права их, как и обязанности, те же самые, одинаковы даже занятия: у горожан пока еще преобладающим занятием является то же земледелие и промыслы, как и у людей волостных. Да в первоначальном положении города среди окружающей и тянущей к нему земли и нет ничего, что обуславливало бы собой различие. Один только Киев на южнорусской территории представляет собою, как древностью своего происхождения, так и торговыми связями с чуждыми государствами, нечто особенное. Все остальные города (или, по крайней мере, значительное большинство их) возникли как результат потребности населения данной территории иметь постоянный общий центр для сходов — «торг» — и место для устройства храма во имя святого — патрона своей территории, а главное и прежде всего — чтобы иметь стены, где бы можно было укрыться на случай неприятельского нашествия.

Таким образом, город появился как продукт жизни окружающей его земли, и не было пока оснований возникать правовым различиям между населением, ютившимся постоянно под стенами или за стена-

ми, и тем, которое жило вдали от этих стен и пользовалось ими только в случаях опасности.

Но жизнь идет вперед и необходимо влечет за собою изменения и усложнения. Город Литовско-Русского государства, если он только не был слишком близок к угрожаемым границам, уже теряет для населения свой по преимуществу защитный характер, хотя государство все еще строго наблюдает за крепостью замков — этого военного оплота страны. Мало-помалу выдвигается новое значение города — экономическое. Земледелие как занятие городских жителей с ростом города, естественно, все больше отодвигается на задний план. Вольные «похожие» люди, которые охотно селятся в городе, предпочитают заниматься ремеслами; появляются и зачатки мануфактурной промышленности — как отголоски того великого промышленного движения, которое уже охватило Западную Европу. Городской рынок перестает быть пунктом для простого и непосредственного обмена сырыми произведениями земли. Местичи выступают как особая группа низшего, т. е. податного, или тяглого, сословия.

Когда земледельческое население теряло свои права и свободу, перед государством тем самым выдвигался вопрос, как быть с этой особой группой? Втянуть ее в общую связь зависимости от высшего сословия было для государства неудобно и невыгодно. Дело в том, что мещане необходимы были государству, так как на них лежало главным образом поддержание замковых укреплений, а затем государство в лице своих представителей было достаточно знакомо с положением дел у своих западных соседей и стремилось к поддержанию тех зачатков ремесла и торговли, которые находили себе приют под стенами и наших городских замков. Необходимо было удержать за мещанством его свободу, не допуская его в то же время до привилегированного положения высшего класса. Готовое средство для этого находилось в немецком праве, которое и без того проникало через Польшу в законодательство Литовского государства, а для данного случая представило готовый образец такого положения городского сословия, которое обособило его от остальных общественных категорий. Города один за другим начали получать от великих князей привилегии на Магдебургское право²⁸. Еще в XV в. получили эти привилегии Киев и Житомир в земле Киевской, Луцк, Кременец и Владимир в земле Волынской; остальные южнорусские города, за исключением польского Подолья, получают Магдебургское право в XVI в. и позже; после Люблинской унии началась усиленная раздача привилегий.

Магдебургским правом предоставлялось городам широкое право самоуправления. Действие всяких иных прав на городской территории — польских, литовских и русских — и всех обычаев, какие были бы «на переказе Магдебургскому праву», упразднялось, упразднялись и все власти, кроме своих собственных выборных и власти

верховой, великокняжеской. Уже не говоря о суде, органы государственной власти не имели права вмешиваться в жизнь города даже и с фискальными целями: город уплачивал государству определенную сумму — и только. Вместе с тем предоставлялись разные специальные льготы городской промышленности и торговле.

Все это, с одной стороны, достигло своей цели: город выделился из земли, мещане обособились от остального населения как самостоятельное сословие со своими замкнутыми правами и интересами. Но, с другой стороны, совсем не получилось того, на что государственная власть очень рассчитывала, наделяя города привилегиями и льготами: подъема экономической жизни. Очевидно, главнейшие пружины экономического развития лежали не в тех или иных правах.

Дело в том, что жизнь всей земли с экономической точки зрения еще была слишком проста. Достаточно сказать, что податное население уплачивало свои подати и повинности почти исключительно натурой, произведениями своего хозяйства. Таким образом, в распоряжении государства оказывался огромный запас сырых продуктов — фонд крайне громоздкий, малоподвижный, неудобный к обращению. А между тем Литовско-Русское государство, втянутое через Польшу и в политические отношения Европы — вспомним хотя бы его роль в Гуситских войнах, — не могло не нуждаться в деньгах. Оттого-то, конечно, оно так охотно раздавало населенные земли, дворы и уряды лицам высшего сословия, между прочим, и в заставу (залог) за более или менее значительные денежные суммы; до выкупа государством уряда или имения залогодатель как бы в виде процентов на капитал кормился от взятого в заставу имения, делаясь, таким образом, его державцей, а в конце концов и собственником. Конечно, государство предпочло бы получать деньги прямым путем от податных людей, но, очевидно, не могло этого делать по недостатку денег в обороте среди народной массы.

Правда, есть одна категория податей, которая и теперь уже уплачивается исключительно деньгами, лишь в некоторых местностях заменяясь скотом, но эти подати имеют характер общих обложений на экстренные, собственно, военные нужды: серебщица (от слова «серебро»), подымщина, воловщина, ордынщина (на подарки крымскому хану для предотвращения набегов). Все же правильные, ежегодные обложения уплачиваются податным населением продуктами своего хозяйства. Подати тяглого населения являются под названием «дякла» и «мезлевы», а подати данников — под названием «дани». «Дякло», или «житщина», уплачивалось рожью и овсом, иногда пшеницей, сеном и дровами (последними, конечно, лишь вблизи замков, где жили непосредственные потребители этих продуктов). «Мезлева», или «яловщина», уплачивалась яловицами, баранами, свиньями; в прибавку к «дяклу» и «мезлеве» шли куры и яйца. «Дани» были главным образом медовые, затем куничные, бобровые,

лись и беличьи, — одним словом, «дани» взимались медом и мехами. Но различие между податями тяглых людей и данями данников меньше определялось предметами обложения и взимания, чем характером этого обложения: тяглые люди облагались по отдельным хозяйственным единицам, данники — по целым округам. Случалось, что и данники платили дани хлебом или скотом, а тяглые люди — медом и мехами. Общим принципом податного обложения было то, чтобы каждая хозяйственная единица платила тем, что составляло главный предмет ее производительности. Отсюда мы встречаем подати, уплачиваемые льном, хмелем, рудою, рыбою. Мало того: отдельные хозяйственные единицы, пристроившиеся к какому-нибудь ремеслу, платили государству произведениями этого ремесла: санями, рогатинами, топорами, посудой, обувью и т. п.

Государство стремилось к тому, чтобы перевести подати на деньги, но пока дело ограничивалось тем, что к взимаемому хозяйственному продукту делались добавки деньгами: например, платится кадка меду и накадный грош и т. п.

Таким образом, по обложениям и взиманиям мы можем составить приблизительное понятие о том, что производил народ Литовско-Русского государства. Часть производимого, — какую, мы определить не в состоянии, — он отдавал государству, остаток от личного потребления и подати он пускал в торговый оборот. Конечно, хозяйство тогдашнего земледельца мы должны представлять себе очень полным и, так сказать, самодовлеющим; достаточно вспомнить, на какой широкий хозяйственный базис оно опиралось. Описание дворища и его принадлежностей, т. е. тянущих к нему угодий, рисует перед нами совершенно утопическую с современной точки зрения картину привольного хозяйничанья на обширных землях, где, кроме пашни и сенокосов, есть и гаи, и ставы, и млины, и пасеки, и руды. Но разница даже в одних топографических условиях уже создавала то, что, например, степные местности нуждались в произведениях местностей лесных, и обратно. Государство оживляло торговый оборот тем, что пускало в него часть получаемого им огромного запаса сырых продуктов, не потребленных ни гарнизоном его замков, ни челядью его дворов, ни многочисленными слугами, получавшими корм натурой.

Но как бы то ни было, люди данной эпохи производили для того, чтобы потреблять, а не для того, чтобы продавать; торговый оборот был лишь дополнительным процессом экономической жизни, а не ее существенным содержанием. Поэтому и государство, хотя и считало своею обязанностью покровительствовать торговле и охранять ее, тем не менее видело в ней лишь простую доходную статью для извлечения из нее денег, в которых оно так нуждалось. Таким образом, торговля, якобы покровительствуемая и охраняемая, на самом деле подвергалась бесконечным стеснениям. Купец мог везти свой товар лишь по такой-то дороге, складывать его лишь в таком-то

месте, продавать там-то и по такой-то определенной мере и т. д.— все это для охранения разных частных интересов, над которыми царил один всепоглощающий интерес, не имеющий ничего общего с интересами торговли,— великокняжеское «мыто» (таможенная пошлина). Мытники и мытные заставы, мыта и промыты опутывали торговое движение длинной цепью препятствий, которые оно должно было преодолевать. И, конечно, иноземному «гостю» и иноземному товару приходилось тяжелее всего на этом тернистом пути.

Киев, эти южные «ворота государства», в рассматриваемую эпоху снова возвратил себе утраченное было им значение важного торгового пункта. Он очутился теперь на перекрестке двух больших торговых течений, выходявших за пределы страны: с запада шли немецкие товары, разные предметы мануфактурной промышленности, особенно сукна, которые составляли потребность не только высшего, но частью и низшего классов и направлялись через Львов и Люблин; с юга шли на север через Крым произведения Востока. Особенно большое значение для Киева имела торговля южная.

Некоторые пункты Крыма издавна привлекали к себе произведения Анатолии, Персии, Аравии, Сирии, Индии и передвигали их на далекий Север, который также из глубины веков привык отождествлять понятия богатства и роскоши именно с произведениями этого отдаленного Юга. Торговля эта долгое время была в руках венецианцев и генуэзцев, которые имели в Крыму свои колонии, пока татары и турки не вытеснили их совершенно. Главным пунктом этой торговли были Кафа и Сурож (Судак), в особенности Кафа (Феодосия). Огромные караваны из навьюченных верблюдов и воев, нагруженных этими товарами, т. е. шелком и шелковыми тканями, ладаном, шафраном, перцем и другими пряностями, тянулись из Крыма через Перекоп к Таванскому перевозу на Днепре, а оттуда по правому его берегу — на Черкассы или Канев, где товары перегружались на суда и таким образом достигали Киева. Константинопольские товары, тоже караванным путем, шли к Киеву через Белгород (Акерман) прямо степью, переходя Буг и другие реки бродами и мостами, устроенными, по преданию, еще Витовтом. Теми же путями шли караваны и обратно на юг, нагруженные товарами Севера, которые тоже направлялись к Киеву из Москвы через Северщину или Днепром.

Едва ли Киев описываемой эпохи имел в торговле только транзитное значение. Надо думать, что он был местом усиленного торгового обмена. «В Киеве,— говорит Михалон Литвин²⁹,— мне самому случалось видать, как шелк продается дешевле, чем лен в Вильне, а перец дешевле соли». Если в этих словах и есть преувеличение, то все-таки за ними остается значение свидетельства, что киевские рынки были наполнены, а иногда, вероятно, и переполнены южными товарами, которые отсюда уже расходились во все стороны. Немалая часть их, надо полагать, потреблялась и местным населением

города и его области, если верить сообщению того же Михалона, что даже и в беднейших хижинах киевских мещан можно встретить шелковые ткани и пряности,— и вообще свидетельствам о привольной жизни украинского населения этой эпохи.

Но был один предмет заграничного ввоза, который имел самое широкое распространение, входя тогда, как и теперь, в круг ежедневных потребностей: это соль. Недостаток соли на южнорусской территории был, конечно, для населения одним из наиболее чувствительных ее недостатков. Делались попытки разыскать соль на месте, но они не приводили ни к чему; готовили даже некоторые суррогаты ее из золы ольхового и дубового дерева, но они не могли заменить собою соли. Таким образом, ввоз соли из-за границы являлся насущной необходимостью, и соль сделалась важнейшим предметом привозной торговли. Как и в удельную эпоху, соль шла в Южную Русь двумя путями: с юга — из Крыма и лиманов и с запада — из Галиции, с Покутья³⁰. Крымская соль приходила большею частью Днепром, хотя иногда шла и сухим путем, по левому берегу Днепра. Главный склад ее был в Киеве, откуда она расходилась по всему великому княжеству; соль лиманская и коломыйская, или белая, шедшая с запада, имела склады в Киеве и Луцке. Торговля солью высоко поднимала торговое значение Киева не только для южнорусского края, но и далеко за его пределами.

Вывоз в рассматриваемую эпоху направлялся главным образом к северу. Быстро развивавшийся промышленный рост Западной Европы все сильнее и сильнее привлекал к себе сырые продукты, которые пока только и могла давать наша территория. Данциг³¹, Рига, Кенигсберг³² были теми пунктами, которые стягивали к себе избыток нашего сырья и снабжали ими рынки и мануфактуры европейских промышленных центров. Меха и воск стали уступать первое место поташу³³ и смоле, которыми снабжало Данцигский порт главным образом Полесье (по Западному Бугу); несколько позже, с конца XVI в., выступает и скоро приобретает преобладающее значение торговля хлебом и хлебными продуктами.

Государство, как уже было только что сказано, очень заботилось о внешней торговле. Оно заключало торговые договоры с соседними странами, Москвой, Крымом, Турцией, выговаривая безопасность и покровительство, обещая со своей стороны всякое покровительство у себя «гостям» иноземным, настаивая на том, чтобы и в военное время, «хотя полки ходят», чтобы «гостю путь не был затворен». Государство отвечало за обиду, нанесенную «гостю», возмещало убытки, если его имущество подвергалось грабежу на большой дороге, и т. д.

Но, исходя из взгляда на торговлю как на источник дохода, государство одной рукой разрушало то, что создавало другой. «Гостям» разрешалось ходить только по известной — «королевской» — дороге, или гостинцу. Если они сворачивали с этой дороги,— что

и случалось, — то они подвергались опасности грабежа, в особенности со стороны казаков, нередко действовавших с одобрения старост и каштелянов местных замков, и вообще, как контрабандисты своего рода, лишались правовой охраны: правительство так боялось этого контрабандного прохода товаров, что стесняло заведение новых мелких поселков в лесах. Затем, старосте каждого замка, встречающегося на пути, уже не говоря о воеводе, полагались «поклоны и подарки» или из доброй воли, или по определенной таксе — подарки, немалые и по количеству и по ценности предметов: южные караваны уплачивали их дорогими тканями, сырым шелком, сафьяном, коврами, северные — шубами или меховыми шапками, седлами, соболями и пр. После поклонов и подарков шли плата на мостах и перевозах, затем мыта и перемыты (мытные штрафы) и, наконец, разные подачки и поборы, сопровождавшие под разными именами непосредственно обмен: важнее, головное, пописное, торговое, померное. Чтобы понять все значение этих отношений, надо помнить, что не только само государство взимало свои пошлины, но представляло разным частным владельцам такие же права; таким образом, мыта, мостовые и т. п. взимали разные частные лица, получавшие на это привилегии, а с ростом значения шляхты — и без привилегий.

Главнейшими пунктами сбора мыт в Южной Руси были Киев и Луцк; главными товарами, доставлявшими мытный доход — воск и соль; отсюда особые соляные и восковые мытные коморы. Мыта уплачивались деньгами или с общей суммы товара, причем установленная норма, по-видимому, равнялась $3\frac{1}{3}\%$ с оценки, или по столько-то грошей от воза, смотря по свойству товара (от рыбы — десяток рыб с воза и т. п.). Мыто обыкновенно сдавалось великими князьями в аренду евреям на небольшое число лет за определенную годовую плату, причем арендатор освобождался на все время своей аренды от суда местных властей.

Огромное значение для торговли — и внешней, но еще больше внутренней — имел Днепр. Пересекая Южную Русь со своими огромными и судоходными притоками, Десной и Припятью, он соединял ее лесную полосу со степной, чрезвычайно облегчая взаимный обмен; другие две большие реки, Буг и Днестр, в рассматриваемое время были в стороне от торгового движения; то значение, которое начал было приобретать Днестр в начале XV в. (судя по тому, что при Казимире Ягайловиче им сплавливали пшеницу в Царьград и Архипелаг), в конце второй половины столетия благодаря турецко-татарскому господству совершенно исчезло. Конечно, движение по Днепру оживленностью своею значительно превосходило движение по сухопутным дорогам, которые также пересекали Южную Русь во всех направлениях, имея главным узлом своим Киев.

С севера спускались Днепром к Киеву главным образом лес, деревянные изделия и предметы лесной промышленности. От Киева поднимались вверх рыба и соль: рыба как главный, если не единст-

венный, предмет добычи и обмена со стороны Днепровского низовья, того знаменитого Низа, которому вскоре пришлось занять такое видное место в дальнейшей истории украинского народа. Вообще, предметы торгового обмена, наполнявшие наши внутренние рынки, не отличаются разнообразием: это все те же хлеб и скот, воск и мед пресный, мохнатый зверь. Стеснения, которым подвергалась внутренняя торговля, были в общем те же, какими была оставлена и торговля внешняя; прибавим еще, что продавцы не имели права продавать свои товары на местах и обязательно должны были вывозить их на рынок, — конечно, в видах лучшей охраны интересов фиска. Но, опутывая торговлю плотной сетью стеснений всякого рода, правительство тем не менее не могло не понимать, как эта система мешала торговле развиваться, а населению городов обогащаться за счет этого развития. Выход из этого противоречия оно искало в многочисленных торговых льготах и привилегиях, которыми оделяло города. Особенно щедрым было оно по отношению к Киеву и вообще к более южным пограничным городам нашей территории, как таким, которые особенно страдали «от поганства татар». Главным содержанием таких привилегий была свобода от мыта: киевские мещане были освобождены от платежа всяких мыт по всему государству еще в конце XV в., затем в течение следующего столетия получали привилегии, хотя более ограниченного характера (на определенное время, по отношению к определенным лишь товарам), Канев и Черкассы, Белая Церковь, Крылов, Винница.

Привилегия, облегчая одного, отягощает другого, — таково ее обыкновенное свойство. Например, государство, предоставляя киевскому мещанству в пределах города исключительное право на торговлю «в раздроблицу», т. е. розничную, тем самым усиленно теснило иногородних торговцев, лишенных права продавать «на локоть, на фунт или золотник». Такие привилегии необходимо вызывали как противовес ярмарочные привилегии, которыми обуславливалось кратковременное освобождение торговли на ярмарочный срок от этих и подобных стеснений.

В конце концов эта система привилегий привела к тому, что торговая промышленность Литовско-Русского государства была почти парализована в своем развитии всепоглощающими привилегиями шляхетства. Всем членам шляхетского сословия предоставлено было для их личных потребностей право беспошлинного вывоза и ввоза из-за границы всяких товаров. Будучи сначала лишь частной привилегией отдельных лиц шляхетского сословия, добывавших от великого князя право на беспошлинный ввоз в целях приобретения за границей хорошего вооружения, она обратилась в общую привилегию шляхты. Эта «чудовищная», по выражению почтенного профессора Бершадского³⁴, привилегия убила народную торговлю, сохранив лишь некоторое поле для торговой деятельности шляхты, сбывавшей хлеб, добытый трудом хлопа.

Те препятствия, какие внутренняя торговля удельного периода встречала в слишком слабом развитии монетного дела, в настоящее время уж были до некоторой степени устранены. Наследовавшее культуру древней Руси Литовско-Русское государство заимствовало у нее и ее гривны, или рубли: серебряная гривна, киевская или новгородская, по-видимому, была основной монетной единицей. Со времени первого соединения Литвы с Польшей, при Ягайле — может быть, в зависимости от этого обстоятельства — замечаются успехи монетного дела. С Кейстута появляется и самостоятельная литовская монета — грошевая, полугрошевая, трех-, четырех- и шестигрошевая: очень употребителен счет грошей на копы (копа — 60 грошей). Позже, после унии уже, появляется мелкая разменная монета — динарий (пенези) и крупная — червонный злотый. Но, несмотря на это, все-таки временами, по-видимому, на обширной территории Литовско-Русского государства ощущался недостаток в монете, который приходилось пополнять чужой монетой: монета польская еще до Люблинской унии имела временами обязательный курс за недостатком собственной монеты, как об этом прямо свидетельствуют источники. Кроме польской монеты — полугрошников, грошей «краковского реза» — обращались еще и «широкие чешские гроши», и угорские золотые, и немецкие талеры. Литовская монета одного названия с польской была тем не менее ценнее ее по содержанию металла, и это обстоятельство было одним из многочисленных поводов, питавших взаимное национальное неудовольствие.

Но если монета и явилась на помощь торговле, то другое препятствие, заключавшееся в отсутствии единообразных мер, продолжало, по-видимому, держаться еще в полной силе. Всякий большой торговый пункт придерживался своих собственных мер, стараясь лишь о том, чтобы урегулировать их для своего собственного района. Таким образом, не только различные местности придерживались совсем особых мер, но и одна и та же, по имени, мера имела различную величину и требовала ближайшего обозначения того места, где она была принята и определена.

В одном месте для обозначения меры меду пресного была употребляема кадь, лагун, в другом — ведро, в третьем — ручка, железник, ушатка, для хлеба — то бочка, то солянка, колода, третинник, мерка, осмак, корец, четверть и т. д. Отсюда при торговых сделках являлась необходимость делать такие определения: кадь киевской меры, бочка слущкая, аршин берестейский, мерка острожская и т. д., а уже каждый город хранил в ратуше нормальную единицу принятой им меры. Не требует особых пояснений, как должно было мешать это условие развитию торгового обмена.

Итак, внешняя торговля — уже не транзитная лишь, как это было в значительной степени, если не исключительно, в первый период — теперь оставляла в стране массу предметов, которые, вхо-

дя в обиход жизни, расширяли круг материальных потребностей общества.

Еще в начале рассматриваемой эпохи, с половины XIV до половины XVI в., жизнь человека даже и высшего сословия в смысле обилия и разнообразия вещей была обставлена очень скудно. Сохранились на это ясные свидетельства документов: один пан продает другому свое имение и получает в виде платы известную сумму монетой и бобровую шубу; такому-то пану Волчку достается при дележе от родичей село, шесть кобыл, жеребец и два серебряных креста и т. д. В конце рассматриваемой эпохи состоятельный человек обставлен так, что в обилии окружающих его вещей уже делаются незаметными отдельные серебряные кресты или бобровые шубы. Западная торговля освоила людей с немецкими сукнами: не только шляхтич, но и зажиточный украинский простолюдин не довольствовался домотканым, а требовал «лунского³⁵ сукна»; южная торговля распространила повсюду шелк и шелковые ткани. Как ни хороши были стоялые меды и домашние пива, но тем не менее немецкое пиво уже начало и тогда прокладывать себе дорогу в обиход жизни южнорусского человека; о заграничных же винах нечего и говорить: они шли в изобилии и с запада, и с юга, не вытесняемые своим местным, земским или горелым, вином, несмотря на его дешевизну.

Пища доставлялась в изобилии окружающей, еще не истощенной природой, и по отношению к пищевому материалу, конечно, в те времена было гораздо меньше отличия высшего класса от низшего, богатого от бедного, чем это мы наблюдаем теперь. Если пан Никодим Янович, великий посол от Литовского государя к Московскому, получал ежедневно в качестве «станции» от населения на свое путешествие прокормление яловицу, четыре гуся, 10 кур, кроме хлеба и других «дробных кухонных речей», ушаток меду и бочку пива, то и 15 московских вязней (пленников), сидевших в Берестье, все же таки имели на пропитание на неделю по два барана, по две ковриги хлеба на человека, по 10 головажен соли и по бочке пива. Одним словом, мясо домашнего скота и диких животных, птица домашняя и дикая, рыба доставляли одинаково материал для стола и великого князя, и простого крестьянина. Но торговля познакомила богатых людей с приправами, которые и отличали простой стол от изысканного. Приправы эти употреблялись в огромных количествах: из них перец по своей распространенности чуть-что не считался общепризнанным орудием обмена. К «простым зельям», следовательно, общедоступным по своей стоимости, кроме перца, относился еще имбирь, миндаль; более ценными, следовательно, входящими в потребности лишь состоятельных людей, считались шафран, мушкат и мушкатный цвет, гвоздика; к этой же категории «дорожных зельев» относились зелья лекарственные, калган и цытварное семя; в виде иноземных лакомств для услаждения вкуса людей богатых привозились винные ягоды и изюм. Еще необходимо упомянуть об оружии и

вообще о принадлежностях вооружения, которыми обильно издавна снабжала заграничная торговля высший класс. Конечно, и свои местные ремесленники отчасти удовлетворяли этой насущнейшей потребности членов служилого сословия, но более искусное и ценное вооружение добывалось с Юга и Запада путем торговли.

Итак, надо полагать, что члены высшего класса в рассматриваемую эпоху благодаря торговле были обильно, если не роскошно, обставлены по отношению одежды, вооружения, украшений: дорогие шубы, епанчи, сояны, охабни с золотыми и серебряными пуговицами, и кошули (рубахи), вышитые шелками и золотом, драгоценные ланцухи (цепи), перстни, запонцы, монисты, перлы, наконец, вооружение, дорогое по искусной работе и по драгоценной оправе,— таким и подобным добром старался обзавестись по мере сил и возможности всякий состоятельный человек того времени. Но все это были предметы «личной» обстановки в узком смысле этого слова; в смысле обстановки домашней требования были еще, по-видимому, очень невысоки. Большое внимание было обращено на образы и их дорогие ризы — на ценные оправы для всякого рода «святостей»,— вероятно, эти предметы играли первую роль в домовом убранстве. Затем богатые люди имели серебряную столовую посуду, тоже служившую больше предметом украшения, чем употребления: кубки, чарки, роструханы, полумиски, рукомыи. Из предметов домашнего украшения и комфорта можно указать еще, как на очень распространенные в Южной Руси, восточные ковры, которыми покрывали богатые люди столы и скамьи простой, самодельной работы. Утонченность жизни прививается к нравам южнорусского общества лишь позже, по мере распространения польских влияний, в связи с которыми действовали и крупные изменения экономических условий, но об этом будет речь в следующем очерке.

Экономические основы жизни были патриархальны, патриархальны были и формы быта, которые на них покоились. Солидарность родственных групп, поглощение ими личности, круговая порука и ответственность продолжали связывать людей. Но в то же время среди высшего класса деятельно шел процесс освобождения личности и определения ее прав на тех основаниях и в тех пределах, какие были установлены и выработаны жизнью и юридической мыслью Западной Европы. Выше мы говорили о том, как Ягеллоны рядом законодательных мер — в земских привилегиях, жалованных и уставных грамотах отдельным землям — превратили литовско-русское боярство в шляхетство. Условное земельное держание сделалось безусловной земельной собственностью, что повлекло за собою обезземеление земледельческого класса; дарование высшему классу политических привилегий имело своим последствием закрепощение класса низшего. Но, признавая в полной мере все пагубные последствия, какими отразился этот процесс на обществе, нельзя не признать за ним и одной важной положительной стороны: он осво-

бождал личность и обставлял ее теми правовыми гарантиями, без каких новое время не признаёт существование возможным. Теперь только впервые законодательный акт оговаривал, что нельзя человека осуждать без суда или судить заочно, что наказание должно падать лишь на виновного, а не на его родственников или слуг, что всякий, исполнивший свои обязательства перед государством, может пользоваться своей свободой для выезда за границу, что он волен делать со своим имением что хочет*,— все это представлялось лишь прямым приложением «вольного права христианского», хотя это право все-таки было доступно пока лишь одному высшему классу. Очень красноречивым выражением этого нового течения в жизни и праве являются те нормы законодательных памятников, которые касаются положения женщины. Женщине высшего класса предоставляется право выходить замуж, не испрашивая на то согласия великого князя или его наместника: очевидно, до тех пор в силу особенностей военнослужилого, условного землевладения власть над женщиной в этом отношении перенесена была с кровного союза на государство и его главу. Затем женщине предоставляются известные имущественные права и тем обеспечивается до некоторой степени ее самостоятельность — явление нового порядка, так как при господстве архаических понятий и форм быта о самостоятельной женской личности не может быть и речи.

Но женщина, не освоившаяся с той новой, хотя и ограниченной, свободой, которую предоставил ей теперь закон, нередко злоупотребляла ею. По крайней мере нам кажется, что именно с этим условием надо связывать те указания на распущенность нравов среди южнорусского дворянства, какие доходят до нас от этого отдаленного времени. Если жалобы тогдашних пессимистов, вроде князя Курбского, и можно считать за преувеличенные, то судебные и иные документы во всяком случае передают голую правду и, случается, очень нелестную для южнорусской женщины высшего класса. Семейный союз того времени представляется вышеуказанными документами очень непрочным,— и атаку на него нередко ведет именно женщина — обыкновенно ее легкомыслие, но иногда также и ее корыстолюбие или честолюбие; таким образом, разводы делаются явлением совершенно заурядным среди вольных православных князей и земян, о жизни которых мы имеем наиболее сведений, и церковь, очевидно, не решается ставить им препятствия. Случается, что женщина выступает и как преступница, прибегая к яду или колдовству, чтобы устранить со своей дороги то или другое препятствие. Но еще чаще пытается она расчищать себе дорогу не тайным преступлением, а прямым и грубым насилием, средства для которого она находит в своем самостоятельном имущественном положении. Далекое не единичное явление представляют

* Жалованная грамота Казимира 1457 г. ³⁶

собою амазонки, как Анна Борзобогатая-Красенская или княгиня София Ружинская, которые, одетые в панцырь, лично предводительствуют военными отрядами, делают нападения на соседей, берут приступом замки, отражают земское ополчение своего воеводства. Надо заметить, что, злоупотребляя таким образом своей свободой и правами, женщина шла лишь по стопам мужчины: самоуправство всех видов и степеней делается обычным условием существования южнорусского военнослужилого человека к концу рассматриваемой эпохи. Было бы несправедливостью приписывать исключительно влиянию польского права все эти домовые войны, заезды и другие применения принципа «своя рука владыка»: им богата жизнь литовско-русского высшего класса еще и до Люблинской унии.

В то же время в низшем слое литовско-русского общества также происходил процесс, сходный по существу с только что описанным, но отличный от него и по мотивам, и по результатам. Личность также освобождалась путем постепенного, медленного, но решительно наступавшего разложения родо-семейного союза, описанного выше под именем дворища. Дворище вырождалось под влиянием приближающегося обезземеления земледельческого класса и волочной системы: отходящая в вечность бытовая форма уносила с собою и покоящийся на ней строй понятий.

Но общественная атмосфера еще была так насыщена чувствами солидарности, воспитанными архаическим строем, что в ней легко складывались и существовали те свободные подражания кровным союзам, которые заимствовали от них некоторые внешние черты, но преследовали свои собственные, общественные или нравственные цели. О копных союзах уже была речь выше: скорее терпимые, чем признаваемые законом, они продолжали заправлять такими важными сторонами народной жизни, как правосудие и полицейская безопасность. Но еще гораздо интереснее с указанной точки зрения братства.

Опираясь в своем происхождении на кровные связи, братства в рассматриваемую эпоху представляли собою свободные союзы, широко распространенные по всей территории Литовско-Русского государства, а следовательно, и Южной Руси³⁷. Главным местом их процветания были города, где скопление населения, чуждого по крови, с его разнообразными общественными потребностями, не удовлетворяемыми государством, создавало особенно благоприятную почву для их развития. Благоприятным условием было и Магдебургское право, которое также знало братства и давало им формальное признание и определение под именем цехов или гильдий. Но и ремесленные братства, или цехи, и купеческие, или гильдии, не есть явление, заимствованное вместе с немецким правом из Германии,— это мы можем утверждать с полной уверенностью, имея на то несомненные исторические доказательства. Следы существования братских союзов, может быть, и не так развитых, как союзы город-

ские, мы находим и вне городов: «меды» и «пива», т. е. медовые и пивные братчины или братские пиршества, «свечи» и «кануны», так часто встречающиеся в памятниках,— все это определенные указания на существующие братства. Цели, которые преследовали эти союзы,— в общем религиозно-нравственные, и церкви с патронами, которым они были посвящены, обыкновенно являются центрами братств, но отдельные группы братств, поставленные в те или другие особые условия и преследующие свои специальные цели, могли далеко выходить из первоначальных узких традиционных рамок. Таковы были братства цеховые, ставившие себе наряду с религиозно-нравственными и определенные социально-экономические цели. Так же далеко вышли из первоначально намеченных пределов и «церковные братства», сыгравшие столь важную роль в нашей истории как орудие не только религиозной, но и политической борьбы, о которой у нас будет речь в следующем очерке. Конечно, психической почвой и грандиозного запорожского военного братства — уже закладывавшегося в это время там где-то, на отдаленном Днепровском низовье — служит та же стихия понятий и чувств, которая вызвала к жизни и остальные виды братских союзов.

Если освобождение личности влечет за собой на первых порах отрицательные результаты в виде усиленного своеволия и самоуправства, то оно же вместе с тем всегда имеет и результаты положительные: рост самосознания, критической мысли и в связи с ним развитие просвещения и просветительной деятельности. Конец рассматриваемой эпохи, несомненно, характеризуется сильным подъемом общественной энергии в этом направлении, но так как кульминационный пункт этого движения относится к следующей эпохе, то и мы поведем о нем речь впереди. Здесь же сделаем лишь несколько предварительных указаний.

Историческая наука мало знает, в чем состояли образовательные ресурсы эпохи удельной и еще меньше знает о том, что передала эта эпоха следующей. Но дошедшие до нас памятники письменности несомненно и красноречиво свидетельствуют, как сравнительно далеко ушло вперед общество рассматриваемой эпохи. Возьмем, например, «Русскую Правду» и «Литовский Статут» (тот и другой — как самобытные памятники своей эпохи), и сравнение их покажет нам с наглядною точностью, с какими различными ступенями правового сознания мы имеем дело. «Русская Правда» едва возвышается над почвою конкретных фактов, с трудом справляется с элементарной классификацией и даже не ставит себе задачей охватить всю область правовых явлений, нуждающихся в законодательных определениях. «Литовский Статут» есть настоящий законодательный кодекс, свидетельствующий о таком юридическом развитии своих составителей, которое едва ли могло бы быть ими приобретено без ближайшего знакомства с римским правом³⁸. Достаточно сказать, что «Литовский Статут» представлял собою у нас, в Южной Руси,

собственно в Малороссии, действующее право почти до нашего времени (до 1839 г.)³⁹.

«Литовский Статут» появился в свет на тогдашнем литературном южнорусском языке, на том самом языке, на котором написаны были и все другие юридические памятники данной эпохи⁴⁰. На образование этого литературного языка сильно повлиял славянский язык церковных книг, но, с другой стороны, и сам церковнославянский язык в эту эпоху подпал влиянию народных наречий: по крайней мере Библия Скорины, появление которой относится к началу XVI в., носит яркие следы этих влияний, и влияний разнообразного характера⁴¹. Собственно же народное южнорусское наречие отразилось резко в так называемом Пересопницком Евангелии⁴² и Львовской Библии⁴³. Первая типография появилась на территории Литовско-Русского государства, в его столице Вильне, в 1525 г.⁴⁴ Когда в половине столетия Сигизмунд-Август задумал дать новую редакцию Статута, шляхта просила, чтобы она «была справлена не писанным письмом, але выбиванным». Очевидно, общество сознавало значение «выбиванного письма», но все громадные результаты его применения и распространения обнаружались лишь позже.

У людей рассматриваемой эпохи все духовные потребности и идеальные стремления находились в самой тесной связи с их религиозными понятиями и чувствами. Оттого грамотность и школа, книга и типография,— все это, как и иные проявления энергии человеческого духа в его стремлениях к добру и истине,— ютилось около церкви, лишь изредка и слабо пытаясь от нее обособиться. Понятен отсюда тот интерес, какой представляет собой для данного исторического момента положение церкви, тем более, что это положение представляло некоторые любопытные особенности.

Католицизм сделался со времени Ягайла религией литовских государей и литовского народа, следовательно, религией правящих элементов Литовско-Русского государства. Но православие продолжало оставаться религией русского населения, т. е. значительно преобладающей, статистически и территориально, составной части этого государства. Массовое преобладание православия было так велико, что пока католицизм почти совершенно воздерживался от наступательных действий в смысле пропаганды. Правда, Ягайло, как неофит, слепо действующий под внушением нового учения и новых учителей, издал так называемый Городельский привилей, которым предоставлялись католикам исключительные права⁴⁵. Но этот законодательный акт как противоречащий фактическим отношениям остался мертвой буквой. Православные пользовались всей полнотой прав наравне с католиками, и великие князья Ягеллоны, начиная с Казимира — сына и наследника Ягайла, не раз имели случай подтверждать это в разных законодательных памятниках. В то же время все попытки через церковную унию обойти православие мирным и окольным путем терпели решительное поражение. Правда,

Флорентийская уния ⁴⁶, о которой упомянуто выше, произвела известное волнение среди православного общества; некоторые лица высшего литовско-русского духовенства, как, например, первый митрополит самостоятельной западнорусской митрополии Григорий Болгарин, преемники его Мисаил и Иосиф Болгаринович, обнаруживали склонность к сделкам с римской церковью ⁴⁷. Но единичные усилия и попытки бесследно разбивались о непоколебимое и непроницаемое упорство православной массы, включая и верхний ее слой. К началу XVI в. все эти усилия и попытки прекратились: католицизм как-будто совершенно отчаялся сделать какие-нибудь приобретения на литовско-русской территории; православная церковь пребывала ничем извне не смущаемая в своем спокойствии.

Но именно в эту мирную эпоху, свободную от религиозных волнений, происходила та внутренняя и глубокая перестройка литовско-русского общества, которая в конце концов совершенно оторвала высший класс от низшего и, противопоставив враждебно их интересы, подготовила в высшем классе восприимчивую почву для культуры не только семян унии, но и самого католицизма. Но все это было делом будущего.

До поры до времени православие являлось, как уже было сказано, преобладающей религией Литовско-Русского государства, — преобладающей по численности своих адептов, но тем не менее не господствующей по своему значению в государстве. Государство давало православным своим подданным ту правовую охрану, какая была в его силах; в том или другом частном случае благосклонность представителей государственной власти даже и к заблуждающимся детям вселенской церкви, какими были в его глазах православные, простиралась до того, что оказывалась поддержка какому-нибудь монастырю или церкви из доходов великокняжеского хозяйства. Но и только. Все-таки деятельная поддержка государства принадлежала католицизму: православие было только терпимо и в лучшем случае охраняемо. Православная церковь, заботы о ее поддержании, благоустроении и развитии остались целиком на руках самого православного общества. Эта особенность положения была усилена следующими обстоятельствами. Водворение турок на развалинах Византийской империи ⁴⁸ повлекло за собою дезорганизацию константинопольского патриархата, в состав которого входила русская церковь, предоставив ее всецело самой себе. И в то же время сама русская церковь, следуя политическому делению русской народности, распалась на две самостоятельные митрополии — московскую и литовско-русскую ⁴⁹. Долгие усилия литовских великих князей высвободить своих русских подданных из-под духовной власти московского митрополита, который хотя и носил титул киевского, но постоянно жил в Москве, наконец, привели к желанному результату: с 1458 г. литовская православная Русь уже постоянно имела особого митрополита ⁵⁰.

Лишенная поддержки, если не материальной, то хотя нравственной, как со стороны патриарха, так и со стороны родственной восточно-русской церкви, лишенная опоры своего собственного государства, литовско-русская церковь очутилась, как уже только что сказано, всецело на попечении православного общества. Церкви и монастыри строились и украшались заботами отдельных частных жертвователей, такие же отдельные лица доставляли духовным учреждениям необходимые материальные средства; наконец, даже снабжение иерархических кадров наличным составом лежало на православном обществе; оно принимало участие и в церковном суде. Православные сами выбирали себе не только священников, но даже и епископов, и митрополита; это их право встречало ограничение лишь со стороны «права подавания», патроната, о котором будет речь ниже.

Такое положение дела, взывая постоянно к самодеятельности общества, должно было развивать в нем преданность интересам своей церкви. И в самом деле, если и попадаются указания на то, что встречалось между многими людьми русскими известное равнодушие к обрядовой стороне религии («жоны поймучи не венчаются, детей крестити не хотят и на исповедь не ходят»), то упорная преданность русских православию, особенно там, где оно противопоставляло себя латинству, слишком хорошо засвидетельствована, чтобы подлежать какому-нибудь сомнению. Религиозное чувство охватывало жизнь. Забота о душе, не только собственной, но и о душе всех родичей — настоящих, прошедших и даже будущих — была одной из настоятельнейших забот человека того времени. Наивная вера связывала эти заботы с количеством и качеством заупокойных обеден, церковных молитв, надгробных свечей. Понятны с этой точки зрения те большие материальные жертвы, на какие способен был даже и средний человек того времени, чтобы заручиться влиянием церкви в пользу своей души.

Обязательная церковная десятина не привилась у нас даже и в удельный период, когда за церковью стояли всецело симпатии, а следовательно, и поддержка государственной власти; в рассматриваемое время сохранились о десятине лишь некоторые воспоминания, побуждавшие иных жертвователей приурочивать к десятой части своего имущества или доходов жертвы в пользу того или иного духовного учреждения. Таким образом, православная церковь лишена была прежде всего того постоянного источника доходов, каким пользовалась церковь католическая. Оттого записи и вклады частных лиц составляли почти единственный источник, из которого православная церковь черпала материальные средства, необходимые для поддержания ее учреждений. Но особые свойства этого источника повлекли за собою некоторые важные последствия для постановки всего религиозного дела на нашей территории.

Если низший, земледельческий, класс уделял в пользу церкви от

своих излишков или отрывал от необходимого, то только класс высший мог снабжать церковь фондами в смысле постоянных источников дохода, так как только он ими располагал. Известно, в чем состояли эти фонды: в даях и иных поборах со стороны населения и в земельных держаниях, которые постепенно теряли свой условный характер, превращаясь в безусловную земельную собственность. Только эти фонды владельцы их и могли обращать в пользу церкви и ее учреждений.

Так как в Южной Руси значительная часть территории занята была данниками, то и лица высшего класса, получая свои доходы, по преимуществу медовыми даями, их же жертвовали на церковь: может быть, были и еще какие-нибудь частные причины, почему медовая дань считалась для этого назначения наиболее удобной или приличной. За медовыми даями шли дани разного рода — хлебом, хмелем, деньгами. Возможны были в этом случае разнообразные комбинации. Владелец мог передать церкви все дани известной земли или известных «людей», или мог передать часть этих даней, оставляя себе другую, или мог дать часть одному духовному учреждению, положим такой-то церкви, а часть — другому, например, епископской кафедре, и т. д. Если владелец располагал тяглыми людьми, он мог передать церкви их труд: например, обязать их крыть церковь и городить цвинтарь, ходить «пригоном» на епископский двор, возить в монастырь дани его и т. п.

Наряду с такими вкладами на церковь «служб, даней и полатов» данных и тяглых людей владельцы записывают на церковь — и чем дальше, тем чаще — земельные имущества. Очень часто записываются на монастыри и церкви озера как рыбные угодья, конечно, в связи с многочисленными постами православной церкви: иногда это опять-таки лишь право на то, чтобы волочить столько-то времени рыбу из такого-то озера, но часто озера и другие промысловые угодья (например, река с бобровыми гонами и т. п.) поступают в полное ведение церкви или монастыря. По мере того как державцы обращаются в земельных собственников, учащаются записи на церковь цельных земельных имуществ в виде ли отдельных поселков (дворищ, сел) или целых волостей и городов. Но нельзя дать больше того, что имеешь сам: пока владельцы-жертвователи не были настоящими собственниками своих земель, жертвы их на церковь имели тот же условный характер. На каждое такое пожертвование требовалось разрешение великого князя, которое тот давал охотно, видя в этом удовлетворение естественного права каждого заботиться о спасении своей души, но зато совсем неохотно освобождал имущество, переходящее в ведение церкви, от лежащих на нем служебных обязательств, военных и тяглых. Во всяком случае, великий князь как верховный распорядитель всех служб, а следовательно, и всего земского имущества, оставался по отношению к имуществам православной церкви «подавцею добр и хлебов духовных». В этом

и было основание для того «права подаванья», которому многие исследователи приписывают такое пагубное влияние на дальнейшую судьбу православия в Литовской Руси.

В самом деле, литовские господа не только не были гонителями православной церкви в своем государстве, но, наоборот, были к ней неизменно снисходительны и благожелательны. Но они были серьезно заинтересованы в том, чтобы распоряжение «духовными хлебами» не выходило из их рук. А вместе с тем их интересы как великих князей не имели ничего общего с интересами православной церкви. Для них эти «духовные добра» были лишним ресурсом, которым можно было пользоваться в общих интересах службы. Будь великие князья православными, они раздавали бы церковные имущества лицам, достойным, с их точки зрения, быть пастырями своего духовного стада. Теперь они раздавали эти имущества на земскую же службу и за службу. Хорошо еще, что господа обыкновенно бывали настолько внимательны, что отдавали их православным, но случалось, хотя и не часто, что духовное имущество попадало в руки католика.

Когда великий князь отдавал какому-нибудь пану или шляхтичу церковь и монастырь, тот становился патроном поданного ему духовного учреждения. Распоряжаясь по своему усмотрению имуществом церкви или монастыря, патрон должен был охранять вверенное ему учреждение, снабжать его всем необходимым, заботиться о том, чтобы в церкви был поп, в монастыре — игумен или архимандрит. При этом он мог утверждать выбор прихода и монахов или назначать сам то или иное лицо, или даже, по отношению к священнику, просто нанимать — все определялось особенными условиями каждого частного случая, зависевшими от установившегося обычая, традиции. Иногда великий князь подавал монастырь православному шляхтичу с тем, чтобы он, постригшись в монахи, сам сделался игуменом. Женские монастыри отдавались женщинам-земянкам, — конечно, в награду за услуги их отцов или мужей. Был и еще путь приобретения патроната над церковью и монастырями — это ктиторство: кто устраивал сам церковь или монастырь, тот, естественно, был его патроном.

Особенное значение имело для судеб православной церкви подаванье тех хлебов духовных, которые связаны были с епископскими кафедрами. Епископская кафедра не могла иметь патрона: епископ по своему высокому положению в церковной иерархии сам необходимо должен быть патроном своей кафедры. Таким образом, великие князья должны были давать духовные хлеба этого рода лишь таким православным шляхтичам, которые давали обязательство принять монашеский чин, чтобы получить посвящение на епископа.

Нетрудно представить себе все последствия такого положения дел. Памятники того времени содержат в себе богатую коллекцию фактов крайне диких и возмутительных с современной точки зре-

ния. Епископы с «женами своими, кроме всякого стыда, живут и детей плодят и церквами святыми владеют и радят, с крестов великих малые чинят и себе поясы и ложки и сосуды злочестивые к своим похотем справуют, из риз — сояны, с петрахилев — брамы». Случалось, что и игумены жили в монастырях с семьями, епископы вели между собою войны, брали с бою свои кафедры и т. п. Все это факты, несомненно засвидетельствованные. Да и что тут удивительного? Ведь шляхтич, получивший на кормление духовные хлеба, тем самым не мог обратиться в достойного пастыря церкви: это было бы чудом. Вышеприведенные факты, хотя и встречались нередко, все-таки были не правилом, а исключением, злоупотреблением. Зато совершенно общим правилом было то, что высшие чины православной иерархии сплошь не представляли собою качеств, необходимых для должного отправления своих пастырских обязанностей.

Совершенно естественно поэтому, что когда вскоре для православной церкви настали трудные времена, эти верховные пастыри первые изменили делу православия и хотели увлечь за собою свою паству. Но она оказалась несравненно тверже своих руководителей и, воспитанная в духе самостоятельности, сумела сама организовать и повести борьбу за дело своей души и совести.

Южная Русь в церковно-административном отношении сохранила в главных чертах старое деление удельного периода, связанное с делением областным. В пределах Литовско-Русского государства, на южнорусской территории, после отделения к Москве епархии Черниговской, остались лишь епархия Туровско-Пинская и две Волынских, Владимиро-Брестская и Луцко-Острожская. Территория Киевского воеводства вошла в состав епархии митрополичьей, хотя литовско-русский митрополит и не жил уже в Киеве, а держался ближе к центру государства, в Новоградке и Вильне. Сюда же, в состав епархии митрополичьей, входило и Подолье (Побужье). Кроме упомянутых, на южнорусской территории еще были три православных епархии, куда входили земли, находящиеся под властью Польши: это были епархии Холмская (бывшая Угровская), Перемышльская и Галицкая — последняя с 1529 г. обращена в две епархии: Львовскую и Каменец-Подольскую. Галицкая земля имела временами, стараниями польских королей, даже особого православного митрополита.

Киев продолжал оставаться тем религиозным центром, к которому стремились благочестивые души всего населения Южной Руси. Между святынями Киева, конечно, первое место занимал по-старому Киево-Печерский монастырь. Горячие симпатии к нему народной массы, воздвигавшие его из пепла и развалин, еще раз снова восстановили его после страшного разорения, причиненного ему Менгли-Гиреем⁵¹. По богатству своему, заключающемуся главным образом в земельных имуществе, он занимал одно из первых мест между всеми духовными учреждениями Литовско-Русского государства. Но

именно это-то его богатство кидало его в жертву алчности отдельных лиц, стремившихся перехватить над ним право патроната. Лишь к половине XVI в. великий князь Сигизмунд-Август, удовлетворяя просьбам земли Киевской в лице ее православных панов и земян, дал юридические права монастырской общине, в ведение которой и перешло монастырское имущество.

III

Литовско-русский период южнорусской истории закончился с Люблинской унией, но мы еще не покончили с историей южнорусского племени в этих хронологических пределах. Дело в том, что часть южнорусского племени еще в самом начале только что описанной нами эпохи усилием сложившегося и окрепшего Польского государства была оторвана от общей массы, втянута в состав польских земель и, так сказать, поглощена Польшей. Впрочем, надо заметить, что хотя польские влияния и переработали совершенно общественный склад этих земель по своему образу и подобию, но не уничтожили южнорусского этнографического типа: они успели только отодвинуть русский элемент в общественные низины, приурочить его исключительно к низшему, зависимому, классу общества. Земли, о которых идет речь — Галиция, или Червоная Русь, земля Холмско-Бельзская и западное Подолье.

При каких обстоятельствах были присоединены эти русские земли к Польше — мы уже отчасти знаем из предыдущего.

Почти одновременно с тем, как Литва, стянув около себя разрозненные русские земли, сложилась в большое Литовско-Русское государство, удельная Польша, руководимая Владиславом Локетком и сыном его Казимиром Великим, слилась в одно государственное тело. Все свои объединения и свободные теперь государственные силы обратила она на то, чтобы расширить свои пределы к юго-востоку. Успех или неуспех такого движения был для Польши вопросом о том, быть ей или не быть как государству достаточно сильному, чтобы существовать и развиваться дальше в качестве самобытного национального организма. В самом деле, германское племя еще с XII — XIII вв. страшной силой напирало на Польшу с запада. Немецкая колонизация заливала не только Силезию, с ранних пор совсем онемеченную, и Великую Польшу, но и Малую Польшу, и Мазовию. У ворот княжеских городов или замков раскидывались обширные, цветущие, совершенно самостоятельные немецкие города, только своими названиями — Краков, Познань, Сандомир, Люблин — напоминающие о своих связях с польской почвой. Леса, которыми была так богата старая Польша, исчезали, и на росчистях появлялись в обилии немецкие Gemeinde (гмины).

Немецкий язык, право, обычаи угрожали задушить язык, право,

обычай польские на местах исконной польской оседлости. Противодействовать этому напору было тем более затруднительно, что государство вынуждено было покровительствовать немецкой колонизации: в ней оно черпало военную силу и материальные средства.

Умный политический расчет или нередко заменяющий его общественный инстинкт требовали, чтобы Польское государство направило свои силы на расширение своей территории по линии наименьшего сопротивления. На пути этого движения стояла прежде всего Червонная Русь, лишенная опоры со стороны дезорганизованных русских земель и сама дезорганизованная пресечением своего исконного княжеского рода. С Червонной, или Галицкой, Русью связывалась политическая традиция Волынь и еще больше Подолье, составлявшее как бы ее естественное территориальное продолжение. Простор, большое разнообразие природы и, главное, неистощимые почвенные богатства должны были привлекать к себе польского земледельца, так мало избалованного своей однообразной и скудной природой. Было и еще одно важное обстоятельство, привлекавшее сюда внимание Польского государства. Эти русские земли лежали на перепутье того великого торгового пути, который связывал Восток с Западом, Черное море с Балтийским. Польша, примкнувшая своими немецкими городами к промышленному движению Европы, теперь умела ценить значение этого условия. Львов, центральный город Червонной Руси, держал в своих руках торговое движение, которое, направляясь от Белгорода (Аккермана), шло через Сучаву, столицу Молдавии, на Краков, а оттуда поворачивало или к западу на Вроцлав (Бреславль), или к северу, на Гданьск (Данциг). Правда, со второй половины XV в., когда турки распространили свою власть на берега Черного моря, это движение затруднено было в своем исходном пункте и потеряло былое значение. Но зато крайне возросло торговое движение по северным морям, и Польша, владея Червонной Русью и Холмско-Бельзской землей, владела таким образом верховьями Вислы и ее большими правыми притоками, что давало ей возможность пользоваться этой рекой как главной артерией для успешного сбыта сырья, т. е. хлеба, коней, рогатого скота и т. п.— сбыта, главную массу которого доставляли ей опять-таки те же «текущие медом и млеко» русские земли.

Почти сорокалетняя война между Литвой и Польшей за Галицко-Волынское наследство, со вмешательством Венгрии, закончилась, как уже сказано выше, разделом этого богатого наследства: за Польшей остались Червонная Русь и земля Холмско-Бельзская. Людовик Венгерский⁵², наследник Казимира Великого, всецело поглощенный интересами своей родной Венгрии, задумал воспользоваться для нее Галицией, на которую Венгрия смотрела как на свою законную добычу с тех пор, как ее королевичам удалось короткое время посидеть на столе галицких князей. Людовик сначала отдал Галицию в ленное владение силезскому князю Владиславу Ополь-

скому⁵³, а затем просто присоединил ее к Венгрии, заняв ее города венгерскими гарнизонами. Ядвига, дочь и наследница Людовика на польском престоле⁵⁴, тотчас после своего брака с Ягайлом, лично предводительствуя войском, заняла в качестве польской королевы Галицкую Русь и тем возвратила Польше ее приобретение (1387). С тех пор Червоная Русь уже окончательно вошла в состав Польши под именем Русского воеводства, заключавшего в себе земли Львовскую, Перемышльскую, Саноцкую, Галицкую; позже к Русскому воеводству присоединена была еще от Волыни земля Холмская⁵⁵. Бельзская земля выделена из общей массы и отдана в лен мазовецкому князю Земовиту и составила потом особое Бельзское воеводство⁵⁶.

Присоединение к Польше западного Подолья обставлено было несколько сложнее. Витовт, стремясь к объединению своего обширного государства, вытеснил из Подольской земли своих племянников Кориатовичей (1393). Но уже через два года он «продает» западное Подолье с замками Каменцем, Смотричем, Червоноградом, Скалой, Бакотой польскому королю за 20 тыс. червонцев. Ягайло, в свою очередь, передает приобретение в залог за ту же сумму Спытку Мельштынскому, краковскому воеводе, который оказал много важных услуг королевскому дому. После того, как Спытко погиб в знаменитой битве на Ворскле⁵⁷, Ягайло снова выкупает Подолье у жены Спытка, а затем возвращает его Витовту, получая в обмен двойную сумму против затраченной. Какие реальные отношения укрывались под этими продажами, залогами, выкупами — трудно определить; несомненно одно, что Подольская территория была предметом сильных домогательств как со стороны Литвы, так и со стороны Польши, причем фактический перевес преобладания был то на одной, то на другой стороне. Смерть Витовта покончила с колебательным положением. Поляки хитростью овладели неприступным Каменцем, который представлял собою ключ к западному Подолью; три-четыре года еще продолжались неопределенность, колебание, борьба, но с 1434 г. западное Подолье уже окончательно входит в состав польских земель. Под именем воеводства Подольского оно тесно примкнуло к Червонной Руси, играя роль укрепленной сторожевой линии, обращенной к враждебному и хищному мусульманскому Востоку. Здесь кипела постоянная борьба с татарской Степью, с той дикой Белгородской ордой⁵⁸, нападение которой отличалось особенной опустошительностью; отсюда зорко следили за Молдавией и пользовались всяким случаем, чтобы вмешаться в дела этой близкой соседки, так недавно выросшей со второй половины XIV в.⁵⁹ — сейчас же за Днестром, на территории, захваченной было рыболовными притонами и городками русских бродников и берладников, пока их не смыла волна татарского опустошения; сюда же, на Подолье, стремились рыцари, пока еще для западного христианского мира не утратила окончательно своего священного

значения идея борьбы с мусульманством, захватившим ключи от гроба Господня.

Владея частями Волыни и Подолья, Польша, естественно, стремилась к округлению своих границ, к приобретению и остальных частей этих территорий. Вопрос о Волыни и Подолье сделался тем большим местом, присутствие которого давало себя знать во всех взаимных отношениях Польши и Литвы. Общий характер этих отношений был таков, что наступающая сторона, Польша, не могла довести дело до решительной, открытой борьбы, хотя и подходила к этому очень близко. А на поле мирных переговоров и дипломатических интриг ничего нельзя было добиться, пока сами польские короли Ягеллоны не решались явно и открыто принести в жертву интересам Польши и интересы своей родной Литвы. Таким образом, только Люблинская уния присоединила к Польше в полном составе Волынь и Подолье вместе с землею Киевской⁶⁰: теперь уже почти вся территория, занятая южнорусским племенем, объединена была Польшей под своею властью.

Соседние русские земли привлекали к себе поляков своим простором и богатой почвой, как только что мы сказали. Конечно, привлекали не дикие и лесистые горы Галицкой Руси, хотя и в Карпатах было кое-что, стоящее внимания: припомним хотя бы соляные источники, которые в таком изобилии бьют на северном склоне этих гор и без труда доставляют соль — драгоценный предмет и домашней надобности, и торгового обмена. И другими минеральными богатствами не скудны как верховина Карпат, так и Подгорье, т. е. те плоскогорья и небольшие горы, которые отходят по направлению к северу и востоку от главного хребта. Но люди, привыкшие в течение многих поколений извлекать свои средства к существованию из земледельческого труда, стремились в речные долины, к их черноземным полям и тучным лугам. Пространство между Днестром и Прутом и вообще среднее Приднестровье, где Галицкая Русь сливается с западным Подольем, составило себе на отдаленном и скудном польском севере легендарную славу своими неистощимыми почвенными богатствами. Вот в эти-то плодородные равнины и стремилась колонизация, предоставляя горы в неоспариваемое владение русским туземцам, которые могли здесь устраивать свою жизнь по своему разумению, не опасаясь вмешательства и принуждения.

Тотчас вслед за присоединением Галиции и Подолья настоящая волна польской колонизации хлынула на эти русские земли. Что несла с собою эта волна, об этом мы имеем точное, хотя и одностороннее, понятие. Польша выбросила из себя в эти вновь приобретенные земли множество шляхты, которой, очевидно, не на чем и не на ком было сидеть на своей родине. Шел ли за шляхтичем кмет, и если шел, то в какой пропорции, — об этом источники совершенно умалчивают; несомненно, что сама эта шляхетская масса заключала

в себе немало чистокровного земледельческого элемента. Ведь такая мелкая шляхта, как «мазовшане», т. е. шляхта Мазовии, устремившаяся главным образом в соседнюю Бельзскую землю, конечно, была у себя на родине гораздо более земледельческим, чем землевладельческим, элементом. Шли на обильные русские земли и совсем безземельные шляхтичи — те привилегированные слуги, которые сохранились при дворах королей и вельмож как остатки былой дружины; в числе этих выходцев были не только поляки, но и немцы, и чехи, и венгры, и волохи. Но и представители родов, пользовавшихся у себя на родине, в Польше и Силезии, значением и влиянием, также охотно переселялись на вновь приобретенные русские земли: такое переселение открывало новые горизонты их честолюбивым стремлениям. И в самом деле, на Червонной Руси и Подолье выросли те настоящие польские магнаты, которые позже управляли историческими судьбами Польши. Русскою почвой вскормлены были все эти Одровонжи, Тарновские, Сенинские, Гербурты, Тарлы, несколько позже — Потоцкие, Любомирские, Собеские, наконец, Язловецкие и Бучацкие: впрочем, два последних рода, обнаружившие столько деятельности и энергии по организации военной защиты вечно угрожаемого Подолья, были, по-видимому, русского происхождения.

Если между польской шляхтой, нахлынувшей на Русь, была и мелкая земледельческая шляхта, то, конечно, кидала она свою родину не для того, чтобы собственными руками возделывать землю: ореол, которым окружала земледельческий труд известная легенда о короле Пясте⁶¹, бледнел и рассеивался на той социальной высоте, на какую история выдвинула шляхту. Процесс, который мы наблюдали в Литве и который там в это время, в XIV — XV вв., только что начинался, здесь, в Польше, уже завершился, и притом завершился с такой законченностью форм, которая приводит в удивление наблюдателя: много благоприятных условий сошлось воедино, чтобы игрой исторической случайности произвести этот своего рода социальный *chef d'oeuvre**. Все, к чему, как к отдаленному идеалу, стремился высший класс Литовско-Русского государства, здесь уже существовало как факт. Шляхтич был полным собственником земли, которую обрабатывали его кметы; он имел право по своему усмотрению распоряжаться этим имуществом, продавать, менять, дарить, завещать; он имел судебную власть по отношению к населению этой земли; все подати и повинности, какими кметы обязаны были раньше государству, шли теперь владельцу. В силу так называемого Кошицкого договора⁶², которым Людовик Венгерский выторговал у шляхты польский престол для своей дочери, шляхтич обязывался лишь вносить с каждого лана владимой им земли два гроша в казну — и только. Само собою разумеется, что на плечах шляхты

* Здесь: феномен (фр.).

лежала военная повинность — чем единственно и объяснялась, если не оправдывалась, шляхетская привилегированность, — но даже и свою военную повинность польское шляхетство успело подчинить значительным ограничениям как по отношению времени, так и территории (не быть в походе больше шести недель, не ходить за границу).

Польский шляхтич шел на Русь, чтобы осуществить здесь всю ту полноту своих прав, для осуществления которых не было на родине достаточно простора и благоприятных материальных условий. Однако здесь он застал уже свой сложившийся высший класс в виде боярства. Как уже сказано выше, при изложении истории самостоятельного Галицкого княжества, галицкое боярство пользовалось временами большим значением, управляя судьбами земли, но тем не менее оно ничем по существу не отличалось от боярства остальных русских земель. Представляя в высших слоях ту группу, на которой лежала организация защиты и управления земли, она в низших слоях незаметно сливалась с остальной народной массой. Польское завоевание сразу не внесло в это положение дела никаких существенных изменений, оно лишь расчистило широкую дорогу иммиграции польского шляхетства. Но из этого факта сами собою выросли новые условия. Польский король, теперь *dominus et haeres* * этих русских земель, естественно, предпочитал раздавать польскому шляхетству, которое затем лишь и явилось сюда, уряды и земли, до тех пор всецело находившиеся в руках местного боярства; таким образом, бояре оттеснялись на задний план без лишения их прав и без всякого прямого насилия.

Более влиятельная часть галицкого боярства вошла в состав правящего класса наряду с польской шляхтой, — конечно, лишь та часть, которая не проявила оппозиционного духа по отношению к польской власти и новым порядкам; вероятно, такого происхождения были Бучацкие и Язловецкие и, во всяком случае, Ходоровские, Лопатки, Кердеевичи. Масса боярства, менее влиятельная, отодвинута была польским наплывом туда, откуда она и вышла, — в народ; только отдельные счастливицы остались наверху, — те, кто успел прикрепиться к шляхетству, родством ли с шляхтичем или каким-нибудь документом, где он или его родич, предок, назван был *nobilis* ** и т. п.

Однако положение дел во вновь приобретенных Польшею русских землях было таково, что требовало особенного внимания и чрезвычайных мер: опасность грозила и с запада, со стороны Венгрии, и с востока, со стороны Литвы, а главное, постоянно — с юга, со стороны татар. Потребность в усиленной военной обороне понуждала королей к ограничению прав и привилегий шляхты. Правда, они

* Господин и наследственный владелец (лат.).

** Шляхтичем (лат.).

осыпали как отдельных лиц, так и целые шляхетские роды землями и урядами: Спытко Мельштынский в конце XIV в. получил все западное Подолье и являлся здесь прямым наследником русских удельных князей, Одровонжи в первой половине XV в. так завладели львовской землей, ее замками и важнейшими урядами, что со стороны остального населения понадобились особые усилия, чтобы высвободиться из-под власти этого ненавистного рода. И тем не менее всякое земельное пожалование было связано с такими ограничениями: жалуемый, кроме личной, шляхетской службы, должен был поставлять со своей территории точно определенное число вооруженных людей с ближайшим определением качества этого вооружения. Хотя пожалованная земля и поступала как бы в собственность шляхтича, но на отчуждение ее все-таки требовалось согласие королевской власти. Такие ограничения приближали эти пожалования к «держаниям» литовско-русского боярства. Но польское шляхетство, вкусившее от благ полной земельной собственности, не могло примириться с положением, которое низводило его на пройденную уже им социальную ступень. И вот Едлинская привилегия, изданная Ягайлом⁶³ (1433), сравнивает права шляхты русских земель с правами шляхты польской.

Едлинская привилегия имела значение поворотного пункта в истории русских земель Польши. Дело в том, что она связала привилегированность с религией: правами польского шляхетства или его вольностями могли пользоваться лишь католики, православные же представители высшего сословия оставались при старых ограничениях, личных и имущественных: их военные обязательства были значительно тяжелее; они несли наравне с мещанством повинности по устройству замковых укреплений; они должны были платить со своих земель денежные подати и давать дани натурой⁶⁴. Между тем как аналогичная с Едлинской Городельская привилегия, изданная тем же Ягайлом для привлечения к католицизму литовско-русского боярства, осталась в полном смысле слова мертвой буквой, привилегия Едлинская оказалась законодательным актом огромной практической важности: такова сила фактических отношений. Лет через сто после ее издания в Галицкой Руси, среди ее высшего сословия, уже не было больше православных: все старые русские бояре перешли в католицизм, чтобы воспользоваться выгодами шляхетского положения. Мало того, привилегированность и католицизм сделались синонимами и в других сферах жизни. Так, например, города пользовались Магдебургским правом — Львов уже с половины XIV в. (1356), — следовательно, представляли собой вполне самостоятельные, самоуправляющиеся общины, не допускавшие вмешательства в свои внутренние дела. Тем не менее политика польского правительства успела и здесь отстранить русских мещан. В некоторых городах, как, например, во Львове, Магдебургское право предоставлялось только тем, кто жил внутри городских стен,

исключая из него жителей предместья: внутри же жили по преимуществу иноземцы — немцы, поляки, евреи, армяне. Таким образом, уже с начала XV в. не видно больше во Львове бурмистров и иных городских урядников из русского мещанства. В других городах, где не было такого территориального разграничения русского мещанства от иноземного, православные «схизматики» самим текстом привилегии на Магдебургское право прямо исключались от пользования им. Православие сделалось признаком низшего, зависимого положения, приобрело здесь уже с XV в. тот характер «хлопской веры», какой оно приобретает на территории Литовско-Русского государства лишь значительно позже, два века спустя.

Разумеется, и положение православной церкви здесь, в Польской Руси, не могло быть тем свободным и относительно обеспеченным, каким оно было в Руси Литовской. Сначала православная вера как господствующая вера населения настолько пользовалась вниманием государственной власти, что Казимир Великий даже добился того, что русские земли его государства имели некоторое время особого митрополита⁶⁵. Но дело круто меняется со времени Ягайла. Католическое духовенство располагает свои епархии на местах епархий православных, захватывает в свое распоряжение главные, соборные, православные церкви и их имущества; не только уже нет более речей о галицком митрополите, но исчезают даже и епископы, так что православные вынуждены по своим духовным делам ездить за границу, в Молдавию. Только в начале XVI в., с Сигизмундом I, опять появляется галицкий епископ⁶⁶, хотя униженное положение православной религии не прекращается. Для характеристики его достаточно сказать следующее: православные вынуждаемы были платить десятину в пользу католической церкви; православные «попы» не освобождались от платежа податей и повинностей наравне с остальными кметами.

Полнота шляхетских прав, которую уделила Едлинская привилегия высшему сословию русских земель, заключала в себе передачу в руки этого сословия права собственности на землю, которою владели до тех пор их кметы. Тем самым земледельческий класс населения, еще даже и по Вислицкому статуту Казимира Великого⁶⁷ полусвободный, ставился на ту наклонную плоскость, по которой он должен был в самом скором времени низвергнуться в положение почти рабское. Но здесь мы не будем останавливаться на ближайшем рассмотрении этого процесса, который имеем возможность подробнее проследить в его фазах на Литовской Руси, где он совершался значительно медленнее, следовательно, доступнее наблюдению. Но не все земледельческое население русских земель Польши было захвачено этим роковым процессом. У подножия Карпатского хребта, как в северной Галичине, так и в южной, сохранились самостоятельные общины, которые остались вне влияния владельческого права. На юге это были поселения пастухов, сидевшие на так называе-

мом волошском праве под управлением своих собственных «князей». По-видимому, этим правом пользовались сначала выходцы из Молдавии, но оно действовало и среди русских горцев. Часть земледельческого населения сохранила свою свободу под вывеской немецкого солтысского права; если солтыс (немецкий войт, фогт), отбывавший за свое поселение военную повинность, и пользовался по отношению к населению патримониальными правами, сближавшими его положение со шляхетским, то все-таки земля, этот базис всех прав земледельца, оставалась собственностью населения.

Может быть, именно это обстоятельство — т. е. что наряду с населением, угнетаемым владельцами, жило население, пользовавшееся относительной свободой — и было причиной того, что русский кмет долго не свикался со своим зависимым положением, пытаясь насилем отстранить то легальное насилие, жертвой которого он делался. XV в., век издания Едлинской привилегии и ее практического утверждения на почве Галицкой Руси, был вместе с тем и веком крестьянских волнений. По словам польских летописцев, народ уходил, села и местечки безлюдели так, что населенные места заменялись пустырями. Жители уходили за границу и, соединяясь там с татарами и волохами, вместе с ними возвращались назад, чтобы опустошать теперь свою старую родину, на которой уже не имели больше собственного места. Здесь, в Червонной Руси, и именно в это время, впервые произносится в применении к тем беглецам, которые искали свободы и мести в татарских степях, слово «казак», — то слово, которое сделалось позже и на иной русской территории синонимом кровавого протеста против всего польского, шляхетского и католического, — произносится польским летописцем Длугошем * ⁶⁸. Таким образом, история Галицкой Руси представляет собой сжатый, а следовательно, бледный и сухой, за отсутствием исторического освещения и сообщаемых им красок, компендиум тех событий, которые разыгрались два века спустя в Украинской Руси в грандиозной картине, полной драматического движения.

* «Exercitus tartarorum, ex fugitivus, praedonibus, exulibus collocatus qui lingua sua cosacis appellabant» («Татарское войско, состоящее из беглецов, разбойников, изгнанников, которые на их языке называются казаками» (лат.). — *Пер. Н. Н. Яковенко*). Первое известие о казаках с такою датой относится к 1492 г. в письме великого князя Александра, где говорится о нападении казаков на татарский корабль.

Глава 5

ЮЖНАЯ РУСЬ ПОД ПОЛЬСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ

Отрезав Волынскую и Киевскую земли от Литовского государства, чтобы присоединить их к Польше, Люблинская уния тем самым выдвинула новый политическо-социальный организм — Южную Русь. Теперь впервые выступает в качестве исторического деятеля южнорусский народ, в удельную эпоху разбитый по областным и племенным делениям, в литовскую — незаметно укрывавший свои особенности в общей политически объединенной западнорусской массе. Однако Южная Русь, однородная по своему этнографическому составу, представлялась далеко не однородной в иных отношениях.

Начинаясь мрачными борами Волынского и Киевского Полесья с их болотами и трясинами, посреди которых лишь в виде оазисов разбросаны земли, годные для поселения, Южная Русь уходит в бесконечную, залитую солнцем, степную равнину, не лишенную — особенно в северной своей части — разнообразной красоты и обилия естественных богатств. Легкие песчаные почвы лесной полосы постепенно переходят в тот сплошной тучный украинский чернозем, о производительности которого далеко расходилась легендарная молва. Но есть одна особенность, общая для всей территории, как лесной, так и степной ее полосы, — это обилие рек. Водоразделы этих многочисленных рек служили вместе с тем и природными границами, делившими территорию на ее составные части.

Естественному разнообразию края, которое сводится к двум основным различиям, соответствует и разнообразие бытовое, социальное.

Два типа жизни наблюдаем мы в Южной Руси в тот момент общественного кризиса, каким была для нее Люблинская уния. С одной стороны, это жизнь земель старого заселения, старой культуры, где все общественные отношения уже пришли в известное равновесие, с другой стороны — жизнь земель, заселяющихся ново, где общественный строй еще не успел окристаллизоваться в определенные формы, где все находится в хаотическом брожении. Первый тип представляет собою Волынь, Киевское Полесье и запад-

ное, поднестровское, Подолье, ко второму относится вся та масса земель с неопределенно уходящими к югу, в дикие поля, границами, которым под именем Украины пришлось сделаться кровавой ареной такой ужасающей исторической драмы.

Однако и земли старой культуры далеко не однородны по своему общественному складу. Центральное место между этими землями принадлежит, конечно, Волыни. Волынская земля играла такую важную роль в составе Литовско-Русского государства, что в понятиях современников почти отождествлялась с Южной Русью. Характернейшей социальной особенностью Волыни, резко выделяющей эту землю из остальной массы Литовско-Русского государства, было множество княжеских родов среди ее высшего класса: в этом отношении с Волынской землей могла соперничать только земля Северская, но она в описываемое время еще входила в состав Московского государства.

И потомки туровско-пинских князей, следовательно, потомки Владимира Святого, и Гедиминовичи, и литовские князья не Гедиминова рода — все это сливалось в общую массу волыньских князей, которая и была общественной силой Волыни. Мы совсем не имеем ключа к разгадке того, почему Волынское Полесье и Луцкая земля сделались рассадниками этой могущественной русской аристократии: но это было так. Первое место между волыньскими князьями занимали Острожские: Острожчина, владение их рода, составляла $\frac{1}{3}$ Волыни, захватывая собой несколько бывших мелких удельных княжеств, а у Острожских были владения и в Киевщине; князь же Василий Константинович Острожский взял еще в приданое за своей женой-полькой обширные земли графского рода Тарновских¹. Все это достаточно объясняет, почему князь Василий держал себя, во всех подробностях своего быта, как владетельный князь; на печати его значилось: «*Dei gratia dux Ostrogiae*»*, а в документах, относящихся к обывателям своих владений, он писал: «Били нам челом». За Острожскими следовали Збаражские, княжество которых занимало юго-западную часть Волыни, затем Сангушки, Чарторийские, Корецкие, Вишневецкие. Княжеские роды меньшего значения трудно было и перечислить. Все это были, по-видимому, сильно размножившиеся потомки владетельных удельных князей. Что сохранили они наследственным путем из своих старых политических прав и земельных владений — вопрос темный. Но зато в их исключительном и неоспариваемом распоряжении находились все «господарские», т. е. великокняжеские, земли: князья не допускали никого вне своей среды к участию в этих «выслугах». Конечно, выслуги эти постепенно обращались в такую же собственность владельцев, как и их наследственные земли, будь они были. Когда за четверть века до Люблинской унии Сигизмунд-Август² отправил на Волынь люстра-

* «Божьей милостью князь Острожский» (лат.).

торов осмотреть состояние тамошних замков, а вместе с тем и проверить «твердости» (документы), по которым отдельные лица владеют господарскими землями, дело приняло оборот, очень интересный для характеристики положения и нравов среды. Князья решились уклониться от проверки и начали томить люстраторов всякими проволочками и уловками, а в конце концов не усомнились прямо и письменно заявить: «Мы-де у господаря его милости именной наших не украли, так как над нами есть старосты в Луцке и Владимире: если бы кто смел на то покуситься, чтобы господарское добро украсть, то старосты бы у нас краденное из горла вырвали». Много ловкости и настойчивости понадобилось люстраторам, чтобы преодолеть сопротивление. Но как бы то ни было, а ко времени Люблинской унии в распоряжении господаря на Волыни оставались только три замка: Луцк, Владимир и Кременец, причем старостами этих замков были те же князья. Замки находились в очень плохом состоянии³, так как старосты обращали старостинские доходы в свою личную пользу, а земельных имуществ, тянущих к замку, с которых мог бы идти доход на его устройство, оставалось крайне мало: все было разобрано и обращено в частную собственность. Может быть, и сама Люблинская уния не осуществилась бы, по крайней мере, не осуществилась бы так легко, если бы волыньским князьям не была клятвенно обещана королем свобода от «экзекуции прав»*, которая могла бы влечь за собою отобрание государством розданных имуществ. Эта привилегированная группа, сама крайне разросшаяся, положительно теснила собой все остальное, что могло бы участвовать тем или иным способом в выгодах данного общественного положения. Боярство — те исконные земледельцы, которые выдвинулись в льготное положение путем военной службы — не могло развиваться, так как ему были преграждены пути к выслугам, и оно сидело на своих, необходимо все мельчавших вотчинах; те же из бояр, которые оказывались внутри княжеских территорий, превращались из панцирных в путные, а затем уже смешивались в общую массу владельческих подданных. Мещане трех главных городов Волыни — Луцка, Владимира и Кременца, не перешедших в частную собственность, горько жалуются на свое положение.

Обременение все растет, так как на их плечи сбрасываются обязанности по устройству замков, а средства для исполнения этих обязанностей все уменьшаются; поскольку мещане еще остаются людьми сельского промысла, они страдают от того, что князья разбирают земли, когда-то тянувшие к замку и составлявшие его «входы» (уходы, урочища), поскольку они уже люди промысла городского производства на рынок — они опутаны панскими мытами.

* Приведение права в действие через проверку документов, на которые опирается это право.

Конечно, и бояре, и мещане одинаково страдают от того, что князья отказываются становиться с ними к суду старосты, ссылаясь на господаря, который якобы только один может их судить, что не мешает им, однако, каждого требовать перед местные суды. Владельческие земли были всюду более или менее возделаны и заселены. Волянь успешно заселялась, так как над ней не тяготела уже постоянная угроза татарского набега. Воляньское Полесье пользовалось в этом отношении полной безопасностью, и тогдашнее население его численностью едва ли много уступало теперешнему. Но население это не было земледельческим в тесном смысле этого слова: обилие зверя, рыбы, бортного дерева, рудень — все это развивало и питало промысловый труд. Земледельческий промысел составлял принадлежность хозяйства средней и южной Воляни, особенно средней, как более безопасной от татар. Население владельческих земель, по-видимому, еще не утратило своих старых прав. Одна его часть сидела на своих старых дворищах, охраняемых традицией и обычаем, другая еще пользовалась свободой перехода, о которой свидетельствуют сами владельцы люстраторам, требовавшим переписи людей: «Теперь человека своего запишем, а завтра его уже не будет». Волочная помера * только что показалась на Воляни и, конечно, никто еще не предвидел ее последствий. Вот главные черты общественного строя Воляни в момент Люблинской унии.

Совсем иной вид имело Киевское Полесье с той приднепровской, лесной, частью Северщины, которая не отошла к Москве, т. е. Любечским и Остерским староствами. Весь этот лесной край был покрыт сетью боярских гнезд, стягивающейся около замков. Гнезда эти (околицы по позднейшей терминологии) заключали боярские роды, разросшиеся, случалось, не только в десятки, но и сотни семей. Один такой род мог жить и в нескольких поселках, но его связывало общее имя, следовательно, общность традиций, общая церковь или монастырь, посвященный родовому патрону, наконец, общее землевладение или по крайней мере общие промысловые угодья — лесные «входы», рыбные ловли, бобровые гоны, рудни. Но и при дележе земель все-таки сохранялись между членами рода разные любопытные отношения архаического характера, свидетельствующие о первоначальной общности. Вообще, боярство это было, несомненно, самой архаической группой нашей южнорусской территории. Оно одно может, с известным правом, вести свою генеалогию от настоящего русского земледельца эпохи удельной. Древлянский или северянский селянин в лице овручского или любечского боярина уберег себя и свою землю от притязаний со стороны государства тем, что сохранил в руках оружие. Оружие же он сохранил единственно благодаря порубежному положению своего края. В описы-

* Измерение земель и ограничение крестьян в пользовании ими.

ваемый момент рубеж уже отошел к югу, и край приобрел безопасность, которая исключала необходимость общей военной службы.

Теперь интересы государства требовали того, чтобы перевести это боярское население с военной службы на тяглую, но нелегко было это сделать. Бояре так свыклись со своим льготным положением, обнаружили столько энергии и готовности его отстаивать, опираясь на свое освященное стариной право, что упорство их никак нельзя было сломить. Борьба бояр с местными представителями государственной власти — старостами — и до Люблинской унии, и после нее представляет любопытную страницу общественной эволюции: интересно наблюдать ту картину путаницы правовых понятий и отношений, которая вытекает из враждебного столкновения двух противоположных и равносильных общественных интересов. Боярство осталось победителем; оно воспользовалось шляхетскими правами, предоставляемыми Люблинской унией служилому сословию, и образовало ту «лычаковую» (от слова «лыко») шляхту, которая позже ходила за плугом с саблей, подвязанной мочалой, чувствуя себя и «на огороде равной воеводе». Лишь небольшая обездоленная часть этого боярства осталась под чертой, переделавшей после Люблинской унии русское общество, и обратилась в подданных тех же своих старых боярских братьев.

С момента Люблинской унии вошла к состав Южной Руси еще одна территория старого заселения: это западное Подолье или Поднестровье, с главным средоточием в бассейне Смотрича, составлявшее до тех пор часть Польского государства, с неприступным Каменцем; сюда же следует отнести Хмельницкое и Барское староства, которыми польская, западная, часть Подолья сливалась с восточной литовской, или Побужьем.

Прекрасное солнечное Подолье с его очаровательным пейзажем, быстро текущими водами, богатой черноземной почвой всегда должно было манить к себе поселенца. Но по сравнению с Волынью это все-таки земля нового, а следовательно, и более слабого заселения: ведь всего за два века до Люблинской унии этот прекрасный край представлял собой подольскую «тьму», один из татарских «улугов». Но в рассматриваемый момент он имел вид территории и защищенной, и населенной. По своему общественному строю он приближался к Волыни, однако иная историческая традиция дала иную окраску по существу очень сходным, если не тождественным, отношениям. Князей здесь совсем не было. Место их занимали несколько магнатских родов червоно-русского происхождения. Это были или поляки, или ополяченные русины: Язловецкие, Ланцкоронские, Сенявские, Гербурты и некоторые другие. Их латифундии были большею частью «заставными державами»: по истечении срока, например четырех «доживотий», государство должно их получить обратно, уплатив принятую сумму; но в данный момент все это находилось уже на прямом пути к обращению в полную собствен-

ность владельцев. Однако польские староства, тянувшие к трем главным замкам земли — Каменецкое, Летичевское и Червоногородское, еще далеко не были так разобраны панам, как староства волинские. Огромные же пограничные староства — Барское и Хмельницкое — находились целиком в руках такого же мелкого русского и православного боярства, как и остальные южнорусские бояре: государство Польское, которому эта группа была необходима для защиты границ Подолья от татар, признавало ее с ее фактическими правами под именем «вассалов», пока на них не было распространено шляхетство. Кметы сидели на Подолье уже, по-видимому, на размеренных землях — ланах, или плугах (*aratrum*), но пограничное положение края еще не позволяло панам извлекать все выгоды из своего положения; население охотно сносило некоторые тяготы, имея зато под рукой панский замок или «замочек», куда оно могло укрываться в случае тревоги.

Конечно, земли старого населения, т. е. воеводства Волинское, Подольское и небольшая часть Киевского, были относительно безопасны только потому, что за ними стояли вновь заселяющиеся земли Украины, которые принимали на себя удары. Волинь и Киевское Полесье могли спать спокойно, так как за них сторожила и прикрывала их от дикой Степи Украина, т. е. Киевщина и Брацлавщина (Киевское и Брацлавское воеводства по новой терминологии ⁴, водворившейся после Люблинской унии). Ясно, что главным из внешних условий, определявших собою жизнь Южной Руси, были все-таки степные кочевники-татары, дикая энергия которых нашла теперь несокрушимую опору в стоявшем за ними мусульманском мире.

После Менгли-Гирея ⁵, опустошительные наезды которого захватывали даже и Волинь, Южная Русь уже не имела между крымскими ханами другого такого ожесточенного врага. Наезды большие — целой орды и малые — небольшими чамбулами ⁶ не прерывались, но они редко проникали в глубину старых поселений. Зато жизнь на Украине складывалась под дамокловым мечом этой непрерывной и страшной угрозы. Естественно, что она должна была складываться своеобразно, подчиняясь меньше традиции, чем суровому давлению своей исключительной обстановки. Достаточно сказать, что весной и летом, когда Степь становилась особенно опасной, земледельцы выходили на свою пашню не иначе, как с рушницами и саблями, а где была возможность, устраивали на поле нечто вроде маленьких острожков, куда укрывались, чтобы отстреливаться изнутри от татар. Так обставлен был на Украине даже земледельческий труд, с которым человек привык наитеснее связывать понятие домашнего очага, покоя, безопасности. Из года в год татары «вынимали» Украину, и все-таки она не пустела, а заселялась, хотя и медленно, заселялась так же естественным приростом, как и притоком извне, с севера. Слишком много было привлекательного в этой чудной

Украине, о почве которой самые сведущие люди своего времени говорили, что здесь даже не стоит и сеять каждый год: посеи раз, а затем уже пашня будет сама обсеменяться и давать урожай без засева. Обилие дикого зверя соответствовало богатству растительности. «Зубров, диких коней и оленей такое множество; что охотятся на них единственно для шкуры, а мясо кидают; на ланей же и кабанов и внимания не обращают. Диких коз в таком количестве перебегают зимою из степей в леса, а летом обратно в степи, что каждый селянин может их ежегодно набить сколько угодно. По берегам рек множество жилищ бобров. Птиц столько, что весною хлопцы наполняют лодки яйцами диких уток, гусей, журавлей и лебедей. Собак кормят мясом дикого зверя. Реки изобилуют неслыханным количеством осетров и иных больших рыб, которые идут из моря вверх в пресные воды; так наполняется река рыбой, что копые, брошенное в воду, задерживается и торчит, как вбитое в землю»⁷. Это и многое другое свидетельствуют современники, достойные веры, о тогдашней роскоши производительных сил украинской территории; подтверждаются эти показания и косвенными свидетельствами точных документов, по крайней мере относительно тех предметов, которые имели официальное финансовое обращение, как, например, мед и скот. В этом отношении Украина была буквально страной, текущей медом и млеком. Мудрено ли поэтому, что Днепр с его притоками Десной, Сожью, Березиной и Припятью каждую весну спускал не только «добродеревцев»^{*}, которых посылало правительство рубить замки на Низу, но и множество «лезных», не пустивших корней на своей хотя и родной, но неблагоприятной почве? «Многие уходят от власти родительской,— говорит Михалон Литвин, которого мы не раз цитировали выше⁸,— от работы, неволи, кар, долгов и иных неприятностей или просто ищут более выгодного заработка и лучшего места. Познакомившись со всеми преимуществами жизни в низовых местах (т. е. на Украине), они уже никогда не возвращаются назад к своим, скоро приобретают ловкость и мужество и осваиваются с опасностью, охотясь на медведей и зубров. Оттого-то на Украине так легко набрать хороших воинов». Конечно, назад не возвращались,— у кого хватило энергии раз порвать с родиной, кто вкусил уже от украинской свободы и приволья, тот не мог добровольно вернуться в узы неблагоприятного и принудительного труда, принудительных отношений, которыми была опутываема личность и со стороны все растущей панской власти, и со стороны всего склада жизни, стеснительного для индивидуальной свободы.

Итак, сколько ни прилагали татары энергии к наполнению своих

^{*} «А на работу киевского замка тогда, после Менгли-Гиреева разорения, приходило более 20 000 топоров из поднепрских волостей»,— свидетельствует один документ.

рынков живым товаром из простого, нелживого и нековарного «королевского», а не «московского», народа, Украина не пустела. Мусульманский Восток так хорошо ознакомился с украинской женщиной, что она начала входить в моду, вытесняя черкешенок из гаремов не только пашей, но и самого падишаха; украинскими детьми пополняли ряды янычар. А люди все шли на Украину, смешивались со старым ее населением, сливаясь с ним в новых благодатных условиях в один здоровый, сильный и энергический украинский тип.

В то же время заселение подвигалось все вперед и вперед; двигалось оно не правильным поступательным путем, равномерно по всей линии, а единичными и как бы случайными захватами. Чтобы осуществить такой шаг вперед, необходимо было одно: прикрытие. Без достаточного прикрытия захват был невозможен. Прикрытие могло быть или естественное, или искусственное. Естественным прикрытием служил в данных условиях прежде всего лес, искусственным — замок.

Хотя Украина занимала исключительно лишь степную часть Южной Руси, но эта украинская степь была далеко не лишена леса, как была лишена его более южная Ногайская степь⁹, и новое заселение Украины продолжило непрерывно тянущуюся с доисторических времен традицию русской жизни, для развития которой были необходимы две стихии — лес и вода.

В данный момент, т. е. в момент Люблинской унии, на Украине были прочно захвачены людскими поселениями три территории: вниз от Киева — Поднепровье (как по правую, так и по левую сторонам реки), или «поля»¹⁰ в собственном смысле слова, затем Низ и Побужье.

Киев сам опирался еще на лесную полосу, и широкий степной простор, в который вступал вниз от него Днепр, вбравший в себя массу рек и речек, постепенно разнообразился красивым и веселым чернолесьем. Каневские леса по Роси занимали большое пространство. Даже за Черкассами Лясота¹¹ видел леса. Заднепровье же, за Трубежем и Супоем, бассейны Сулы, Псла и Ворсклы — будущая Малороссия, которая только что начала заселяться, — все это пока еще представляло чуть не сплошной лес.

Побужье, или Брацлавщина, по среднему Бугу от Винницы до Брацлава представляло территорию с огромными удобствами и выгодами для заселения. Волнистая поверхность с чрезвычайно плодородною почвой была орошаема массой текучей воды, образующей превосходные рыбные пруды и в то же время очень удобной для устройства мельниц. Вся эта местность была защищена с востока бужскими пущами, которые на северо-востоке соединялись с пущами литинскими и хмельницкими, а на северо-западе — с барскими.

Третьим гнездом новой украинской колонизации был Днепровский Низ, раскинувшийся направо и налево от порогов: здесь южно-русское население дальше всего выдвинулось в дикую степь. Дер-

жаться здесь было настолько опасно, что жизнь не могла уже складываться по типу мирного, хотя бы и вечно «по-украински» настороженного, поселения: люди жили тут жизнью военного лагеря. Но и на этом Низу Великий Луг (леса) днепровских плавней и леса, покрывающие берега Самары, играли большую роль в жизни здешнего, исключительно казацкого, населения. Но Низ уже и географически выходил за пределы Украины так же, как и его обыватели выходили из рамок обыкновенного гражданского общества.

Татары могли проникать вглубь Украины только по своим извечным шляхам, по водоразделам больших рек, впадающих в Черное море; край был так изрезан речной сетью, что конные хищники, особенно когда они были обременены добычей, совсем не могли двигаться в стороне от шляха. Особенное значение имели в данный момент для Украины Черный шлях, который шел между притоками Днепра и Буга, и Кучманский — по водоразделу Буга и Днестра. Население старалось держаться подальше от этих опасных мест, но укрыться от татар было все-таки нелегко, так как единичные отряды постоянно отделялись от главного ствола и проникали вглубь территории. На помощь населению шло правительство, устраивая свои замки.

Конечно, государство могло прочно захватить и удержать за собою территорию, только выдвинув в степь линию укреплений. Но у Литовского государства, по-видимому, не хватало средств ли или энергии, чтобы организовать дело так, как его организовало соседнее Московское, неуклонно наступавшее на степь своими городками и сторожами. Были и здесь попытки к устройству оборонительных линий, но это были только лишь попытки. Первая линия — полеско-северская, которая шла нижней Припятью через Днепр к Десне, в описываемое время уже почти потеряла старое значение: замки Овруч, Мозырь, Любеч стояли за чертой татарских набегов. Вторая линия, которая как бы опиралась на Киев, начиналась у верховья Роси и Тетерева, переходила Днепр, упиралась в нижнюю Десну: ее конечными пунктами были Житомир и Остер. Эти замки продолжали служить охраною, так как еще в половине столетия около Житомира люди не смели прочно селиться вне замка. Но, конечно, важнейшее значение имела та южная линия, наиболее выдвинутая в степь, на которой стояли замки Канев и Черкассы (на Днепре), Винница и Брацлав (на Буге) и далее Хмельник и Бар (уже на Подолье). Большой пробел между Днепром и Бугом, возникший после разорения татарами Звенигородского замка, был несколько восполнен устройством Белой Церкви на Роси ¹².

Слабы числом были эти замки, слабы и устройством. Ревизоры, которых посылали господа на Украину для осмотра и описи своих добр, т. е. на первом плане замков, горько жаловались на их плохое состояние, на небрежность старост-князей, слишком мало думавших о господарском добре и общественных нуждах. Винницкий замок,

например, «мал, устроен из тонкого дерева, всюду дыры, и не только людям в час тревоги в нем нельзя оборониться, да и скота в нем не убережешь». Немногим лучше выглядели и остальные украинские твердыни. Даже «врата государства», киевский замок, который после Менгли-Гиреева разорения отстраивали «всем княжеством Литовским», все-таки содержался в эпоху Люблинской унии старостой своим и вместе с тем воеводой князем Острожским очень небрежно.

Но как ни плохи были украинские замки, а все-таки это были замки, где население могло находить себе некоторую безопасность. Татары почти никогда не нападали на укрепления: в их набегах все было рассчитано на быстроту, и им нельзя было задерживаться под стенами, какие бы они ни были. Таким образом, замки и располагавшиеся около них города, защищенные острогами, играли важную роль в заселении Украины.

Этим объясняется тот, казалось бы, очень странный факт, что городское население Украины числом далеко превосходило население негородское, или сельское, по современной терминологии. Таков прямой вывод, какой мы делаем из дошедших до нас довольно обстоятельных цифр, люстраций и иных документов. Но вывод этот ослабляется тем соображением, что далеко не все население подвергалось правительственной регистрации: есть основание думать, что масса населения жила на свой собственный счет и риск, вне контроля, по местностям, которые официально считались «пустынями», а на самом деле заключали в себе хутора и пасеки, укрывавшиеся по балкам и лесным полянам. Но как бы то ни было, все-таки захваченное государственными узами население Украины представляет высокий процент городского населения.

Но городским это население было лишь по месту жительства, а не по промыслу. На самом деле это было сельское население, лишь укрывавшееся по необходимости за городовым острогом или замковой стеной. Приобретали городской характер, да и то не сразу, лишь те города, которые получали Магдебургское право. На украинской территории в момент Люблинской унии пользовались Магдебургским правом, кроме Киева, лишь Житомир и Овруч. Все остальные города жили той жизнью старого русского города, где не было отличия горожанина от селянина ни в правах, ни в обязанностях, ни даже в занятиях¹³.

Все интересы населения украинских городов сосредоточивались вне города, на волостной территории. Это были, прежде всего, «уходы», промысловые урочища, иногда очень отдаленные от города, за десятки и даже за сотни верст: так, Черкассы имели «входы», т. е. рыбные и звериные ловли, на днепровских порогах и притоках Днепра от Ворсклы до Самары, куда мещане и отправлялись вооруженными ватагами, т. е. артелями. Жители города устраивали себе на территории, тянущей к городу, огромные пасеки, к которым прихватывали земли на полмили, если не на целую милю, как свиде-

тельствуют господарские ревизоры о брацлавских мещанах: «Есть на этой земле у владельца, кроме пчел, и рыбные пруды, и всякий зверь, и сады с огородами, и всякий иной пожиток». Конечно, на земле, которая была *de jure* * приписана к господарским замкам, следовательно, господарской, а *de facto* ** была вольной, ничьей, можно было каждому делать, что угодно, лишь была бы сила для фактического захвата. Занимались жители украинских городов и земледелием, но это был лишь второстепенный, побочный промысел. Как незначительно было земледелие в рассматриваемый момент, это доказывает ничтожная цифра млинов, которые всегда все зарегистрированы в качестве важной статьи господарских доходов. Даже на содержание гарнизона киевского замка спускалось зерно по Днепру с верхних волостей,— так мало производила хлеба сама Украина, отдавая все свои незначительные рабочие силы промысловому труду, несравненно более выгодному и в то же время более соответствующему энергическому темпераменту украинца.

Вот в общих чертах те рамки, в каких укладывалась украинская жизнь в момент Люблинской унии. Безграничный земельный простор, неисчерпаемое богатство даров природы, с одной стороны, и постоянная угрожающая опасность — с другой, и влекли к себе человека из иных, менее благодатных мест, но вместе с тем и отталкивали его. В результате на Украине прочно оседали только люди с известным запасом энергии, мужества, выносливости. Одни селились, так сказать, вне государства, в таких местах, куда не достигало его влияние, может быть, потому, что имели основание его бояться, а может быть, и из склонности к большей свободе: так было на Низу, т. е. за порогами, и, конечно, не на одном только Низу. Но другие предпочитали покровительство господарского замка, хотя оно и влекло за собою необходимо известные обязательственные отношения.

Конечно, эти обязательственные отношения не могли быть в данных условиях тяжелыми. Прежде всего здесь не было противоположности интересов государства и населения: и то, и другое одинаково должны были ставить на первый план защиту. Поэтому большинство украинского населения, зарегистрированного государством и ютившегося за городскими острогами, не знает до поры, до времени никаких податей и повинностей, кроме военной службы. Конечно, старосты в целях увеличения своих доходов попытаются понемногу притягивать мещан к тяглу и дани в разных их видах, но делать это они должны были очень осторожно, без расчета пока (т. е. до общего изменения условий) на какой-либо существенный результат своих стремлений: фактический перевес был еще не на стороне государства и его органов. Энергичный староста, вроде из-

* Юридически, по праву (лат.).

** Фактически, на деле (лат.).

вестного Евстафия Дашкевича¹⁴, с преувеличенным понятием о своей старостинской власти и мещанских обязанностях, мог вступить в борьбу с населением за осуществление своих прав (как Дашкевич и вступил было с черкасскими мещанами), но это ни к чему не приводило. Мещане были слишком хорошо знакомы со Степью и всякими «уходами», чтобы бояться старостинской власти. Не лучше стояло дело и с малочисленными волостными людьми, жившими на обширной территории, тянущей к замку. Часть этого населения несла ту же военную или боярскую службу и, следовательно, была свободна от всего остального. Другая часть отбывала свои обязанности перед государством легкими даяниями, медом и шкурами или подымщиной, состоявшей из нескольких грошей деньгами, мерки овса, каравай хлеба и курицы (на содержание старосты). Государство, следуя своим традициям, раздавало и здесь землю своим бесконечным старостам с их редким населением лицам высшего сословия, в расчете на организацию обороны и военной службы; в момент Люблинской унии уже значительная часть старост была роздана в частные руки. Но на украинской почве, в условиях украинской жизни, те зависимые отношения подданного к пану, какие должны были создаваться этой раздачей, получали такой вид. Мужик соглашался работать на своего пана три дня в году или платить вместо работы шесть грошей — и только. Паны, не имея, «с чего им прокормиться и одеться», присваивали себе подымщину, которая должна была идти на замок. Немудрено, что при таких обстоятельствах мужик был «богатший и пышнейший, нижи пан». Действительно, украинский простолюдин, по несомненному свидетельству документов, владел не только запасами хлеба и сена, стадами коней и рогатого скота, но и деньгами, богатой одеждой, оружием. Таким образом, ему нетрудно было уделять пану или на замок то небольшое, что он уделял, зато он пользовался в известной степени защитой. Никакое же дальнейшее посягательство на его свободу, труд или имущество не было возможно, так как, по словам панов, он «добре знает дорогу, которою утекать».

Конечно, мещанин со старостою, мужик с паном выглядели очень своеобразно в своеобразных условиях украинской земли. Но все-таки нам знакомы уже эти фигуры. Традиция перенесла сюда готовые, выработанные формы и отношения. Исключительно особенностью Украины является следующее.

Мы уже говорили выше, что если часть населения Украины селилась в городах и около них, рассчитывая на замок и его оборону, то другая часть — а какая, определить невозможно — предпочитала жить за свой собственный страх и риск по промысловым угольям, в хуторах, скрытых от татар по лесам и балкам. Ничего не получая от государства, люди эти не считали себя ничем ему обязанными. Это не значит, что они выделяли себя из государства. Конечно, они считали себя подданными своего господаря, но так как они

жили не на землях, фактически притянутых к замку или находящихся во власти панов, то не признавали ни старостинской, ни панской, а следовательно, и никакой местной власти. Являясь по своим делам в замок или иногда даже и проживая там зимою, они подчинялись некоторым обязательствам, накладываемым на них местной властью и обычаем, но тотчас сбрасывали их, уходя в степь, и вообще не допускали, чтобы эти обязательства принимали постоянный и прочный характер. За ними было как бы молчаливо признаваемое право на льготное положение, каким пользовалась боярская группа: сидя без защиты от государства в дикой степи, они жили в постоянной опасности от татар и, вечно вооруженные, играли тем самым как бы роль полевой военной стражи, подстерегали хищников, преследовали их, отбивали награбленное. И не только оборонительную войну вели они с кочевниками, но и наступательную: татарский скот был для них такой же промысловой добычей, как рыба и зверь их «уходов». Случалось, что в число добычи попадал и купеческий караван московских или восточных «гостей».

Конечно, такая жизнь требовала организации. Государство не давало ее; надо было извлекать ее из себя. Это не представлялось затруднительным. В понятиях и чувствах этих людей был готовый принцип такой организации, вынесенной ими из всей их предшествующей общественной жизни: это был братский союз. Братство с его равенством, взаимопомощью, взаимной ответственностью совершенно удовлетворяло всем требованиям; оно выбирало себе батька-«атамана», и тем завершалась эта очень простая и вполне целесообразная организация. Таким образом, эти братские союзы под именем «куп», «рот», «бурс» свободно возникают и распадаются между вольными и подвижными обитателями вольной степи, заменяя недостаток иных общественных связей.

В разных частях обширной степной украинской территории, неопределенно сливающейся с дикой Ногайской степью, эти вольные люди зовутся различно. Существует довольно общее и архаически звучащее название «бродников», на Заднепровье — «севрюки», на Днестре — «черкасы». Но имеют свою судьбу и слова. Лишь одному термину удалось прирасти к этой группе украинского населения со всеми ее особенностями, трудно поддающимися точным определениям, и вместе с этой группой вступить на широкую историческую сцену. Термин этот — казаки*. А одной из казацких организаций посчастливилось в благоприятных условиях вырасти в настоящий своеобразный политический организм: подразумеваем Низовое, или Запорожское, братство¹⁵.

Такой вид имела Южная Русь в момент, когда Люблинская уния

* Слово казак заимствовано из тюркских языков: оно было в употреблении у крымских татар приблизительно в том же значении, как и у нас, и встречается даже в известном половецком словаре.

внесла новый фермент страшной силы в ее если не совсем правильное, не вполне уравновешенное, то все-таки относительно спокойное, мирное течение общественной жизни. Ферментом этим было, конечно, влияние Польши, вторгшееся теперь в Южную Русь и стремившееся охватить жизнь ее со всех сторон. Правда, польский правовой порядок и до Люблинской унии проводился постепенно в южнорусскую жизнь путем литовского законодательства. Таким образом, Люблинская уния лишь разом водворила во всей полноте правовой строй, который и помимо ее водворился по частям. Но если бы ее влияние не распространилось одновременно на изменение фактических жизненных отношений, то оно было бы сравнительно ничтожным: правовые нормы прививаются к жизни лишь в меру того, как подготавливается почва для их усвоения.

Итак, не в изменении правовых норм надо искать главную причину тех результатов, поразительных по силе и быстроте их наступления, которыми проявило себя польское влияние на южнорусской почве. Дело в том, что в Южную Русь вторглась вместе с Люблинской унией сама польская жизнь.

Южная Русь присоединена была к Польше под именем воеводств Киевского, Волынского и Брацлавского; четвертое южнорусское воеводство — воеводство Подольское — уже было польским. Присоединение разом уничтожило те грани, правовые, экономические и бытовые, какими до тех пор отделялась Южная Русь от Польши. Прежде и ярче всего сказалось это уничтожение в области явлений хозяйственных, экономических. Наглядным выразителем той народившейся вместе с Люблинской унией общности хозяйственной жизни Южной Руси и Польши служит снесение мытных застав на всей длинной пограничной линии, которая отделяла до тех пор эти территории как политически чуждые друг другу. Польша, несомненно, стояла в это время на сравнительно более высокой ступени хозяйственной культуры: развитие ее городов с их исключительно обрабатывающей промышленностью, большой отпуск хлеба и иного сырья через балтийские порты наглядно доказывают это, — уже не говоря о тех, хотя и не прямых, но вполне убедительных доказательствах, какими служат статистические данные о плотности населения, отношения обрабатываемой земли к необрабатываемой и т. д. Раз искусственные перегородки были снесены, польские хозяйственные условия должны были охватить ту часть южнорусской территории, где почва для их восприятия была подготовлена. Такую подготовленную почву представляли лишь земли старого заселения, и между ними на первом плане, конечно, Волынь.

Хозяйственные изменения на волынской территории наступают быстро и решительно. Прежде всего распространяется волочная помера — первый шаг ко всему дальнейшему¹⁶. Всюду паны стремятся к тому, чтобы перевести своих кметов с их исконных дворищ на размеренные волокы или ланы, отрезая лучшие земли имения под

экономическую запашку, под фольварки. Два-три десятка лет после унии — и волочная помера уже перебирается и на Украину, пока еще в Житомирский повет — местность, прилегающую к Воляни и Киевскому Полесью, но сначала встречает упорное сопротивление. «Боже упаси,— говорит громада одного панского местечка,— чтобы мы стали землю брать волоками и позволили записать себя и свое племя в реестры; не будем мы жить здесь, не дадим записывать наших имен и; будучи вольными людьми, не хотим жить в неволе». «Учинив такое смятение, все начали бунтоваться»,— говорит документ. Нововведение пока было приостановлено. И, однако, всего 20 лет спустя земли этой территории все-таки были перемерены. Перевес фактической силы окончательно склонился на сторону пана.

Перемещение земледельца с дворища на волоку — мера, на первый взгляд, не имеющая существенного значения — на самом деле явилось с характером крупного не только хозяйственного лишь, но и общественного переворота. До тех пор право собственности на землю было разделено между паном и кметом, причем перевес права был, вообще говоря, на стороне земледельца, а не землевладельца: дворище с его архаическим характером, с выработанной системой права, освященного стариной и обычаем, охраняло хлопа (мужика) от посягательства на него пана. Перемещение на размеренную волоку, отрывая земледельца от его насиженной земли, наглядно демонстрировало тот вновь народившийся факт, что земля перестала быть собственностью земледельца. Еще кое-что из старых прав сохранилось за ним и на волоке, но равновесие уже было сильно нарушено в пользу землевладельца и широко расчищен путь для дальнейшего ограничения старых мужицких прав и вольностей; только теперь впервые нарождается настоящее прикрепление земледельца к земле. Рядом шло, конечно, и прямое хозяйственное стеснение для земледельца, так как от дворищ отрезались тянувшиеся к ним промысловые уголья и вообще уменьшался, иногда очень значительно, размер крестьянского земельного владения. Некоторые данные, приводимые князем Любомирским относительно Ратенского старства*, позволяют предполагать, что земля одного дворища была перемерена средним счетом на четыре волоки. Вообще, работа князя Любомирского о Ратенском старстве¹⁷ дает прекрасную иллюстрацию того страшного упадка народного благосостояния, которым сопровождалось исчезновение старого дворища,— иллюстрацию, на которой тем удобней остановиться, что князь Любомирский, как ученый польский, не может быть заподозрен в предубеждении в пользу старорусского дворищного строя и в пристрастном толковании того статистическо-экономического материала, которым он

* Смотри его монографию: «Ludność rolnicza w Polsce od XVI do XVIII wieku».

пользовался. Изображенные им дворища, заключавшие в себе вместе с пашней и борти, болота, озера и другие уголья, где на полном земельном просторе хозяйничало под управлением одного главы несколько родственной семей, к которым присаживались и половинники из «лезных», — хозяйничали сообща, производя раздел продукта пропорционально доле обрабатываемой земли, — такое дворище, конечно, обеспечивало земледельцу и независимость, и благосостояние. По собственной раскладке уплачивали дворища владельцу дани медом, шкурами, ястребами, льном или коноплей, деньгами или трудом, отвозя ему в город воз рыбы или меду; в спорных делах обращались к своему собственному судебному вечу. Новые порядки разрушали дворище с его широким коммунальным хозяйством. Дворище было разбито на волоки, по которым были рассажены в виде отдельных хозяйств семьи, до тех пор заключенные в дворищной единице; даже половинники извлечены были из дворищ и рассажены на земельные клочки под именем огородников, коморников и т. п. Конечно, доходы владельцев таким образом сильно увеличились. Но такое увеличение могло быть только временным, так как экономическая сила отдельного крестьянского хозяйства страшно уменьшилась. Тем же самым размещением земледельцев по отдельным волокам и земельным клочкам дано было начало и крепостному праву. До тех пор прикреплен был только глава дворища, прикреплен в силу той ответственности за свое дворище перед государством или владельцем, которую он нес, все остальные члены дворищной единицы были совершенно свободны. Теперь, исходя из того же принципа ответственности, прикреплялась к своим волокам и клочкам вся та масса, которая наделялась ими. Государство предлагало теперь этим людям на выбор: или прикрепляться к своим землям (или клочкам), или уходить; «и они уходили и разложили огонь в приднепровских пустынях, зарево которого охватило небо всей Польши». Суровым трагизмом звучат слова Любомирского, когда он подходит к тому последнему часу, который пробил для этого вольного хозяйства, для вечевых судов, дворищных общин.

Таковы были крайне важные последствия волочной померы самой по себе. И все-таки она была только первым шагом к дальнейшим хозяйственным изменениям. Волочная помера влекла за собою отрезание лучших земель имения под фольварки, т. е. хозяйственные хутора с экономической запашкой. До сих пор мы видим маленькие экономические запашки лишь при господарских дворах и дворцах для прокормления гарнизона замков, господарских слуг и т. п.; владельцы получают свои доходы хлебом, медом или иными продуктами крестьянского хозяйства, немного трудом в виде, например, подвод для передвижения продуктов на рынках или какой-нибудь иной услуги. Это были зачатки барщины, но не барщина: в настоящей барщине владельцы пока еще не нуждались.

Вновь наступившее хозяйственное общение с Польшей вызвало

усиленный спрос на хлеб. Возможность производить хлеб для заграничного сбыта открывала перед владельцами новый источник доходов, крайне соблазнительный по своей доступности: стоило лишь обратиться старые повинности земледельца в барщину, правильную работу на панском фольварке. Барщина появилась и, появившись, тотчас же обнаружила чрезвычайную склонность к росту. Пану было слишком выгодно увеличивать свою запашку, тем более, что крестьянин, по-видимому, даже и работал на фольварке своим инвентарем. Труд мужика получил в глазах пана небывалую ценность. Какой-нибудь лишний день или даже полдня барщинной работы представляли такой баланс на весах панских расчетов, что стоило его добиваться, не жалея сил и средств. Сломить мужицкое упрямство и приковать мужика к плугу на панском фольварке сделалось заветною целью всех стремлений волинского князя, как и всякого другого южнорусского землевладельца.

Разрушение дворища, с которым вместе рассеялись старое право и обычай, уничтожило первые преграды на пути панских домогательств. Но за этими первыми преградами стояли другие, пока несокрушимые, хотя они и имели характер лишь голого факта, за которым не было никакого права. Этими преградами была близость Украины с ее неисчерпаемым обилием свободных и плодородных земель, куда земледelec всегда мог уйти, раз владельческие притязания превышали меру его терпения; мог легко уйти даже вопреки праву, в том случае, когда он уже был юридически прикреплен к своей волоке: преследовать и возвращать беглецов в большинстве случаев было не в средствах пана, а на помощь государства он еще не смел рассчитывать.

Итак, препятствия к дальнейшему порабощению крестьянина уже заключались не в правовых, а в фактических отношениях, в условиях жизни. Надо было терпеливо ждать перемен с этой стороны.

А перемены уже наступали; последствия Люблинской унии отражались и на Украине, хотя и иначе, чем на территории старого заселения.

Конечно, на настоящей Украине пока не могло быть и речи ни о волочной помере, ни о фольварочной системе. Здесь происходило нечто иное, что в конце концов должно было привести к тому же окончательному результату.

Польша со своими понятиями о государственном хозяйстве не могла примириться с тем положением вещей, какое она застала на Украине. Громадные плодороднейшие пустыни, предоставленные вольному захвату, который совершенно игнорировал государственное тягло, — конечно, такой порядок казался варварским культурным руководителям польской политики. Выход из положения подсказывался всем польским строем и традициями: необходимо было раздать эти пустыни магнатам, располагающим достаточными

средствами, чтобы организовать защиту и водворить зачатки культурной жизни. И вот, как продолжение литовской политики щедрых Ягеллов, которые раздавали направо и налево населенные земли, начинается раздача польскими королями и сеймами украинских пустынь или тем же южнорусским князьям, или польским магнатам. В Поднепровье и Заднепровье, т. е. в воеводстве Киевском, водворяются по преимуществу паны волынские, которые проникали сюда и до унии,— князя Острожские, Заславские, Збаражские, Корецкие, Рожинские, Пронские, Чарторыйские, Вишневецкие,— последние получают, между прочим, «пустыню реки Суль». На Побужье, т. е. в воеводство Брацлавское, перебираются с Подолья польские магнаты в лице Язловецких, Замойских, Сенявских, Струсей, Потоцких, Яблоновских, Конецпольских, Калиновских, получивших «пустыню Умань».

Таким образом, вольные владельцы хуторов, пасек, рыбных, звериных и пчелиных уходов вдруг получили господ. Конечно, господа эти до поры до времени не предпринимали никаких наступательных действий против самозванцев, хозяйничающих на их законных собственных землях,— не в их интересах и возможностях было такое наступление; но будущее нетрудно было предвидеть. Пока новые владельцы устраивали по мере сил и возможности замки и замочки и сзывали население, обещая ему охрану и льготы на десятки лет от каких бы то ни было повинностей. Если мы вспомним о положении дел на соседних землях старого заселения, то легко поймем, что желанные люди находились. Колонизация Украины русским населением шла столь же деятельно и в новых условиях, если еще не деятельнее.

В то же время на Украине происходило и еще одно явление, внесшее свою долю влияния в последующие события. Это был большой приток сюда мелкого польского шляхетства. Люблинская уния раскрыла настеж двери польской иммиграции, которая до тех пор была так сильно стеснена литовским государственным правом, что почти отсутствовала. Через раскрытые двери, за которыми так соблазнительно виднелась прекрасная Украина со всей роскошью ее природы и безграничным земельным простором, хлынул сюда польский «пагод». Но это не были кметы; кмет был уже так хорошо прикреплен к своему лану, что ему было не по силам порвать привязь. Маленькие следы демократического польского элемента на Украине видим мы в мазурах, которые занимаются «будами»*, и в польском жолнере. Хлынула шляхта, малоземельная или совсем безземельная,— люди, наделенные всей полнотой прав, но имевшие слишком мало ресурсов для осуществления этих прав. Для более энергической части этого люда Украина явилась обетованной землей, которая сулила осуществление всего, в чем отказывала родина.

* Буда — поташный завод.

И шляхта шла. Панские дворы, замки и замочки всюду открывали ей гостеприимный приют, а затем такому шляхтичу на Украине очень немного надо было средств, чтобы сесть и на землю, хотя бы сначала в виде земледельца, но с радужною надеждою впереди залучить себе кмета и таким образом превратиться в землевладельца¹⁸.

Вот те первые шаги, которые сделала Южная Русь по пути претворения в польское государственное тело. Высшая материальная культура, которою обладала Польша, неотразимо влекла за собою инкорпорированную Русь. И между тем претворение все-таки оказалось невозможным. Русь противопоставила себя Польше как представительница иной духовной культуры, не только не расположенной отречься от себя в пользу культуры чуждой, но и требующей к себе известного уважения. Латинское христианство столкнулось на нашей территории с христианством греческим. Возникшая было попытка в лице унии¹⁹ примирить эти два враждебно противопоставленных историей религиозно-культурных начала лишь ускорила ту страшную социальную катастрофу, жертвой которой сделалась Южная Русь.

Но мы все-таки не поймем событий, если не обратим внимания на то крайне напряженное состояние религиозных чувств и мыслей, которое мы наблюдаем в южнорусском обществе вслед за инкорпорацией, и не уясним себе, в чем заключается его источник.

Раскрыв настежь ворота влиянию Польши вообще, Люблинская уния раскрыла их вместе с тем и тому острому ветру религиозного свободомыслия, который дул с Запада и уже успел в самое короткое время расшатать в Польше ее старые католические устои. Польша в половине XVI в. готова была сделаться страной протестантской. Брожение религиозной мысли проникло и в Южную Русь. Зараза свободомыслия распространялась среди подольских панов, князей Волыни, проникая и на Украину: «Множество православных дворян охотно ринулось в пространый и широкий путь», «сиречь в пропасть ереси люторские и других различных сект», — как выражается известный московский изгнанник, князь Курбский, приютившийся на Волыни, о своих новых земляках. Один пан за другим отпадал в то или иное разное верие; как на непоколебимые опоры православия в это время всеобщего брожения умов современники указывают лишь на два крупных магнатских рода: Острожских и Вишневецких. Из различных сект на первых порах большим успехом пользовался в среде южнорусского дворянства кальвинизм: сначала Олыка на Волыни, затем Паниовцы на Подолье были центральными пунктами для южнорусских шляхетских последователей Кальвина²⁰. Возбужденная, но не привыкшая к умственной дисциплине мысль южнорусского человека того времени свободно переходила к крайностям. Скоро на смену кальвинизму явилось антитринитарианство, считавшее своим родоначальником сожженного Кальвином Сервета²¹, и

легко вытеснило своего предшественника почти отовсюду. Со своим отрицанием Святой Троицы, божественности Христа, благодати, предопределения это учение даже и не вмещалось в рамки религии христианской. Оно явилось с того же Запада, но на территории Южной Руси столкнулось с очень родственным ему направлением религиозной мысли, проникшим сюда с противоположной стороны, из Московской Руси. Здесь в половине XVI в. снова ожила было ересь жидовствующих²² в учении Феодосия Косого, Матвея Башкина и других и нашла себе в свободолюбивом и терпимом Литовско-Русском государстве тот приют, которого она не могла найти на родине. Приверженцы Феодосия Косого и его товарища Игнатия имели одно время большой успех на Вольни и соседнем Киевском Полесье. Но грубая оболочка, в которой являлось учение Косого, и социальные выводы, какие он делал из своих религиозных положений, вероятно, не пришлось по душе шляхетству: вместе с известными религиозными догматами он отрицал и данный общественный порядок с государственным строем, войной, властями и податями, классовым делением людей. Как бы то ни было, учение Феодосия уступает место менее крайнему направлению того же религиозного рационализма. В Южной Руси водворяется учение Фавста Социна, известное под названием социнианства или арианства²³. Ариане окончательно овладевают положением и удерживают его за собою до тех пор, пока их не смыла, уже к половине следующего века, все возрастающая тем временем и крепчавшая волна католической реакции: последнего видного представителя южнорусского арианства Юрия Немирича²⁴ мы находим уже у Хмельницкого, в его казацком лагере. Из недр католицизма, взволнованного до дна реформационным брожением, выдвинулись новые борцы за римскую церковь небывалой силы и значения — иезуиты. В год Люблинской унии они водворяются в Вильне, а вслед за тем появляются и в Южной Руси при панских дворах как ученые и интересные собеседники взрослых, жаждавших поучения, как искусные воспитатели подраставшего поколения: эти ловцы душ, пользовавшиеся всяким случаем, чтобы готовить почву для будущих католических всходов, вносили свою немалую долю в то общее религиозное брожение умов, которое овладело православным южнорусским обществом.

«Южнорусским обществом», сказали мы, — следовало бы точнее сказать: «южнорусским панством». Брожение умов не затрагивало народную массу: она оставалась православной. Правда, польское право предоставило теперь дворянству власть и над совестью своих подданных: *cujus regio, hujus religio* (чья власть, того и вера). Конечно, это право не вмещало в себе больше того, что пан-иновец мог обратить на территории своих владений православные храмы в католические костелы или арианские молитвенные дома, но ведь и этого было более чем достаточно. Пока, т. е. во второй половине XVI в., паны не злоупотребляли своей властью по причинам, указанным

выше; если и встречаются отдельные случаи панских увлечений в этом направлении, то в общем масса сельского населения все-таки оставалась неприкосновенной, со своим невежественным, выдвинутым ею из своей же среды «благочестивым попом», который не мог вести свое духовное стадо вперед, так как сам ничего не видел впереди.

Но иначе было с населением городов, — конечно, не тех украинских городков-крепостей, которые возникали лишь в целях защиты, а старых городов, какие все-таки были и на южнорусской территории (например, Киев, Луцк, Владимир, Львов). Мещанство этих городов, жившее, так сказать, на больших дорогах и поддерживавшее торгово-промышленные связи с мещанством иных территорий, своих и чужих, было гораздо восприимчивее ко всяким веяниям, чем сельское население, замкнутое в глуши своих поселков. Но веяния эти отразились на нем иначе, чем на дворянстве. Мещанство оказалось более устойчивым, менее падким на новинки, но это была именно устойчивость, а не косность. Возбуждение умов направилось здесь не на усвоение нового, а на пересмотр, критику и новое обоснование старого. Яснее стали старые язвы, и острее почувствовалась потребность в их исцелении. Просветительная деятельность, на которую так энергично напирала реформация и за которую ухватились теперь иезуиты, явилась и для православной среды неотложной необходимостью. Типографское искусство быстро распространилось по городам и панским имениям. Около православных типографий собирались кружки горячих приверженцев православия, сосредоточивавших все свои помыслы на том, чтобы обогатить свою веру всем, чем были богаты веры Запада. Навстречу просветительным стремлениям, которые исходили от горячих душ и энергических умов отдельных единиц, шла деятельная помощь со стороны братств, цеховых и церковных, которые возникли раньше в разнообразных интересах взаимопомощи и общественной нужды, а теперь единодушно готовы были направить свои силы и средства на то, чтобы поднять православие в уровень с требованием времени²⁵. Это движение отклонялось от своего первоначального направления и вместе с тем проявило необычайное напряжение и остроту, после того как снова выдвинулась мысль о соединении церковью и церковной иерархией, которые имели скрытую, но сильную опору частью в своих православных единомышленниках, частью в иезуитах и их сторонниках.

Сама по себе мысль религиозной унии в эпоху такого сильного брожения умов представлялась довольно естественной. С одной стороны, религиозная мысль уже была сдвинута со своих традиционных устоев, с другой — всем, кого возмущал такой разброд религиозных убеждений, должна была казаться соблазнительной попытка положить предел этому разброду умиротворением тех двух главнейших религиозных разногласий, которые разделили Польско-Литовское

государство на два враждебных стана. Стефан Баторий *, человек свободомыслящий в полном смысле этого слова, готов был не только поддерживать церковную унию, но и самих иезуитов, ценя в них деятельное орудие в достижении желаемого государственного и общественного объединения. Такой заведомый столп и опора православия, как князь Василий-Константин Острожский, серьезно думал о соединении церквей. Сильно выдающийся над уровнем своих православных современников по уму, образованию и талантливости Мелетий Смотрицкий после долгих поисков за истиной пришел в конце концов к оправданию унии ²⁶.

Но очевидно, что в конце XVI в. почва для такой крупной реформы, как подчинение православия папскому престолу, далеко еще не была подготовлена ²⁷. Религиозная уния, так называемая Брестская (1596), явилась в глазах массы православных ее современников как результат личных, своекорыстных усилий православных архиереев, слишком мало заинтересованных в православии самом по себе. Главные инициаторы дела — владимирский епископ, непосредственно перед тем брестский каштелян, Ипатий Потей ²⁸ (ученик кальвинистов, затем то католик, то православный), и луцкий епископ Кирилл Терлецкий ²⁹, имя которого украшает собою множество страниц тогдашней судебной хроники, иногда и очень скандальной, — тот и другой люди, несомненно, умные и энергичские, — внушали мало доверия к чистоте своих стремлений. Не больше тяжести на весах общественного уважения представляли собой и другие лица высшей православной иерархии, примкнувшие к унии. Было ясно, что влекло их к нововведению. Им была слишком тяжела и обидна зависимость от мирян ввиду высокого и вполне независимого положения духовенства католического. Церковные братства, движимые подъемом религиозного духа и по справедливости считая себя представителями «мира», все более и более присваивали себе контроль над действиями не только низшего, но и высшего духовенства; их поддерживали в этом отношении не только общественное мнение православной среды, но и авторитет константинопольских патриархов. Таким образом, епископ — глава местной церкви, пан и крупный землевладелец — по социальному своему положению был в зависимости от простых хлопков, шевцов, седельников и кожемяк. Конечно, эта зависимость не сейчас народилась на свет Божий, а была всегдашней принадлежностью западнорусской церкви с ее выборными порядками и активным участием мирян в церковных делах, но только теперь впервые все эти шевцы и кожемяки воспользовались своим правом указывать грешным епископам на их уклонения от прямых путей, предписываемых законом. В то же

* Сигизмунд-Август, последний из Ягеллонов, умер в 1572 г.; после одиннадцатимесячного правления Генриха Валуа вступил на престол Стефан Баторий (1575—1586).

время иезуит Скарга так блестяще и убедительно доказывал, что епископ есть прямой и непогрешимый посредник между Богом и людьми, за которым светские люди должны следовать как овцы за пастырем, всецело вручая ему дела своего спасения и, конечно, не допуская даже отдаленной мысли о контроле или критике. Разумеется, не без влияния на шаткую совесть всех этих Рагоз³⁰, Потеев, Терлецких оставалась и перспектива земных благ, связанных с благосклонностью правительства, и того политического влияния, каким широко пользовалось духовенство римского обряда.

Знаменитый Брестский собор, к которому обыкновенно приурочивается начало унии, в своей общей картине прекрасно отразил то, как стояло дело унии в сознании и настроениях тогдашнего южно-русского общества. Никакого единого собора не было вовсе, сторонники и противники унии собирались и совещались отдельно. Число сторонников унии было ничтожно. Но на собрание православных, кроме духовенства, явилась масса лиц из дворянства, депутатов и послов от отдельных воеводств и поветов, от городов, представители церковных братств. Из духовенства оказались на собрании православных не только священники и монахи, но и два епископа, в том числе и львовский, Гедеон Балабан³¹, который раньше, несомненно, стоял на стороне унии: очевидно, массовое настроение православной среды, враждебное унии, отразилось и на духовенстве.

Собрание сторонников унии провозгласило состоявшимся соединение церквей, собрание противников, гораздо более многочисленное, выразило самое полное и решительное отрицание якобы состоявшегося соединения, так как, по мнению его, соединение, не имевшее за собой ни одобрения константинопольского патриархата, ни согласия народа, лишено какого бы то ни было значения. Оба собора отлучили взаимно друг друга от церкви и разошлись.

Таким образом, в лоне западнорусской православной церкви произошёл раскол. Польское правительство, естественно, признало униатскую партию представительницей официальной православной церкви и передало в ее распоряжение все церковные имущества, которыми располагало, но у пастырей униатских не было паствы, а их богатые монастыри стояли запертыми, так как в них не было монахов. Православные остались без высшей церковной иерархии, следовательно, с дезорганизованной церковью, неспособною удовлетворять духовные потребности своей паствы, но вся народная масса и православное дворянство остались верны этой церкви, и в одном Киево-Печерском монастыре, который удалось отстоять православным от захвата со стороны униатов, насчитывалось до 800 монахов. Очевидно, проведенная на Брестском соборе религиозная реформа была несвоевременна и более чем неудачна. Проницательные люди даже католической партии понимали это; сами папские нунции в своих донесениях римской курии представляли поло-

жение дел в очень мрачных красках и, видимо, не возлагали никаких надежд на унию.

А между тем православие, лишенное своего митрополита и епископов, государственного покровительства, богатых имуществ, развернуло теперь особенную энергию, точно все, чего оно лишилось, было лишь негодным наростом, истощавшим его силы, и горячее нравственное убеждение, оставшееся теперь его единственной опорой, подняло уровень православной среды южнорусского общества на небывалую высоту. Прежде всего все православные отозвались на происшедшее энергическим и единодушным протестом в тех легальных пределах, какие допускались их сословным положением. Мещане и церковные братства вносили свои протестации против незаконных действий сторонников унии в судебные акты книги. Дворяне как представители сословия, пользовавшегося полнотой политических прав, заявляли свои требования об уничтожении унии и восстановлении православия на провинциальных сеймиках и на генеральных сеймах. Они вступали в соглашение с протестантским дворянством, чтобы сообща отстаивать свое дело. Но пока во главе польского правительства стоял фанатически настроенный Сигизмунд III (1587—1632), трудно было добиться чего-нибудь: он тотчас старался взять назад вынужденную обстоятельствами уступку. Однако вопрос о диссидентах составлял один из важнейших вопросов внутренней польской политики как во все его царствование, так и в царствование сына его, Владислава IV³², пока Хмельнитчина не дала крутой поворот и польской, и южнорусской истории.

Но не здесь — не в политических усилиях южнорусского православного дворянства, ряды которого тем временем все редели под воздействием католическо-иезуитской пропаганды, проявился тот духовный подъем православной среды, на который мы только что указали. Стихией этого подъема были братства.

Расширение деятельности братских союзов относится еще ко времени до унии. Общее возбуждение умов, охватившее южнорусское общество со второй половины XVI в., отразилось и на скромных братских организациях с их канунами и пирами, медами, свечами и похоронными обрядами. Львовское братство, еще лет за десять до унии³³, распространило свою деятельность далеко за первоначальные узкие и местные пределы, религиозные и благотворительные. Но только после унии всюду, не только по большим и малым городам или местечкам, появляются братства с иным, несравненно более широким кругозором задач. Просветительная деятельность в видах поднятия и укрепления православия — типография и книги, школа и проповедь, — вот та цель, какую ставят себе теперь братства; само собой разумеется, что они же несли целиком на своих плечах все попечения о православной церкви, оставленной без всякого содействия со стороны государства. Вся территория покрылась густой сетью этих церковных братств, которые захватывали

в свои союзы и население сельское. Они поддерживали постоянные сношения друг с другом и стояли в известном подчинении по отношению к братствам больших городов — «старшим», которые получали это право старшинства от восточных патриархов. Расширив свою деятельность в смысле задач, братства, естественно, стремились ее расширить и в смысле средств. Первоначальный, узко-корпоративный характер организации не годился для новой постановки дела. Братства стали привлекать в качестве своих членов лиц иных сословий вне ремесленного мещанства. Православная часть южнорусского дворянства охотно вступала в члены братских организаций на правах старших братчиков. Таким образом, не только увеличивались материальные средства братских союзов обязательными и необязательными взносами людей богатых, но — что было еще важнее — братства через своих старших панов-братий получали политический вес, какого они были совсем лишены в своем первоначальном, мещанском составе. «Мы (дворяне) в городе вообще не живем и по отдаленности не часто бываем, а потому поручаем надзор и возлагаем труды на младших панов-братий наших с тем, чтобы они во всем ссылались на нас, яко на старших, и мы, яко старшие младшим, должны им помогать, за них заступаться на каждом месте и во всяком деле», — так гласит один договор волынских панов со своими мещанскими собратьями. Даже крупнейшие православные магнаты, как Острожские и Вишневецкие, не брезгали собратством с кожемяками, пекарями, воскобойниками, шевцами: таково было настроение момента.

Во всех больших братствах, т. е. братствах крупных городов, находились люди энергические, умные, образованные, которые становились во главе местной деятельности. Они обыкновенно группировались около типографии; типографский станок, всего каких-нибудь полвека назад появившийся на нашей территории, завоевал себе не только полнейшее признание, но и фанатическую преданность. Два православных магната, Ходкевич и Острожский³⁴, внесли свою немалую долю участия в то, чтобы привить у нас книгопечатное искусство, но, конечно, лишь братства дали ему такое широкое распространение. Сначала книжная деятельность направлялась исключительно на издание необходимых церковных книг, списки которых были испорчены — большей частью невежеством, а случалось, и злым умыслом переписчиков; разноверия пользовались этим средством, чтобы проложить себе путь в сознание православной массы. Издание библии острожской типографией в 1581 г.³⁵ занимает первое место в ряду многих трудов этой категории. Стали появляться переводы тех богословских книг, которые до тех пор совсем не были известны православному русскому миру, — Курбский много поработал над переводами творений святых отцов³⁶. Но только уния дала толчок самостоятельной литературно-научной деятельности как отдельных лиц, так и братских кружков.

Религиозная уния вызвала в православной среде горячую потребность отстаивать правоту своего дела теми новыми средствами, какие были до тех пор почти недоступны, — путем гласности, обращения к общественному мнению. Все типографские станки, находившиеся в распоряжении православных, работали над тем, чтобы распространять новые и новые аргументы в опровержение унии и латинства, в защиту православия. Появилась целая полемическая литература, многие произведения которой дошли и до нас. Между ними первое место, несомненно, занимает «Апокрисис», автор которого (псевдоним Христофор Бронский, подлинное имя неизвестно) ³⁷ с замечательным искусством доказывает права мирян на участие в делах церкви и веры. Противники также не оставались в долгу: иезуит Скарга ³⁸ выступил самым рьяным оппонентом со стороны противной партии. В увлечении борьбой по пути захватывались и иные вопросы, не имеющие прямой связи с вопросами веры, как, например, вопрос о языке. «Еще не было на свете академии, — с язвительностью писал Скарга, — где бы философия, богословие, логика и другие свободные науки преподавались по-славянски. С таким языком нельзя сделаться ученым. На этом языке нет ни грамматики, ни риторики, да и быть не может. Вот откуда и невежество, и заблуждение...» На это православные могли ответить только грамматикой, и они отвечали: одна за другой появляется на свет сначала грамматика Зизания ³⁹, затем Мелетия Смотрицкого. Но более образованные и понимающие из православной среды не могли не чувствовать, как скучна стихия славянского языка по сравнению со стихией языка латинского, как слаба ее связь с сокровищницей широкого общечеловеческого знания. Ясно, что нужна была помощь языка высшей культуры, каким для православия мог быть язык греческий; следовательно, нужна школа, и не школа лишь простой грамотности, какая и заводилась всюду при братствах, а школа высшая, с греческим языком и известным, хотя бы неполным, циклом «свободных наук».

Братства больших городов начинают устраивать высшие школы в параллель тем латинским школам, которые при всякой возможности устраивали иезуиты. На южнорусской территории мы видим такие высшие школы во Львове, Луцке, Остроге, Киеве. Киевская школа несколько позже достигла значения центрального просветительного пункта для всей православной Южной Руси.

В массе православных людей, которых выдвинули теперь обстоятельства на арену общественной деятельности, конечно, встречаются личности выдающихся душевных свойств. Но всех заслоняет собою величавая фигура Иоанна Вишенского ⁴⁰, — эта до сих пор так слабо освещенная наукой, истинно библейская фигура монаха, который с отдаленного Афона метал настоящие громы, направленные против зол, истощавших силы его страстно любимой родины — Южной Руси. Только истинный и глубокий талант, соединенный с цельной

и горячей верой, мог сообщить ему, этому загадочному монаху, прозорливость, с какой он в столь неудобной смешанной стихии мертвого славянского и живого простонародного, не выработанного слова отыскал те звуки, какими он умел жечь сердца своих православных русских современников. Трудно передать впечатление потрясающей силы убеждения, какую звучат его речи, но зато очень легко представить себе, как они должны были действовать на умы тех, к кому они обращались. В его письмах с Афонской горы проходят пред нами в ярких чертах, полных жизни и выражения, ничтожные и уродливые личности епископов, предавших православие, легкомысленное панство с его щегольством и лакомством, с жаждой легких удовольствий, «римлянин», гордый своей наукой и светскою полировкой. Все это осыпается градом едких сарказмов. Иоанн Вишенский понимал,— а может быть, лишь остро чувствовал,— что его православная родина раскололась бесповоротно на две части и что верхняя ее часть если и держится еще внешним образом старых традиций, то внутренними условиями своего существования уже повернулась к латинскому Западу, окончательно завоевавшему ее блеском и соблазнами своей культуры. Все симпатии Иоанна Вишенского лежат на стороне тех, которые «из одной мисочки борщик хлебают, простой свитой покрываются и сами себе паны и слуги суть». Но настоящую опору всему, что было ему дорого, он видел не в бедных подданных, у которых «паны волочат дани пеньяжные, дани пота и труда, которых живо лупят, обнажают, мучат, томят, до речных судов безвременно зимой и летом в непогодное время гонят, которые день и ночь трудят на проклятых фольварках». За этих людей Иоанн Вишенский, очевидно, болел своей горячей душой. Но опору он мог видеть лишь в тех городских братчиках, которых владыки вместе с прочим шляхетством, «подлейшими от себе чинячи, уничтожали и ни за что быть вменяли, хлопами, кожейяками, седельниками, шевцами на поругание прозывали...» Это презрение глубоко возмущало демократическую натуру Иоанна. «Пытаю тебе,— взывает он к пану,— чим ты лепший от хлопа? Албо ты не хлоп такой же, скажи мне, албо ты не тая же материя, глина и перст, ознайми ми; албо ты не тое тело и кровь или ачей (неужели) ты от камня утесан?.. А егда показати не можешь, яко ты каменный, костяный или наветь и золотый, только такой же гной, и тело, и кровь, яко и всяк человек,— чим же ты ся лепшим показати можеши над хлопом?»

Очевидно, наш афонит принадлежал к числу тех, кому не надо было доказывать демократических идей, так как он носил их в своей крови и нервах. Паны, которые «в златоглавых подушках и китайчяных пелюхах роятся», с их «сластолюбивым чревом, потравами богато-утворенными, трапезами сребро-полумисными», возмущали его не только тем, что «лежачи и сидячи, смеючися и играючи пожирали труд и пот кровный своих подданных», не только велича-

нием гордости и презрением ко всему ниже их стоящему на общественной лестнице: не менее дика и противна была ему та легкость, с какой они меняли свои убеждения, переходя от одной веры к другой. «Ов бо зовется папезник; ов зась ныне з евангелия вылез — евангелиста; ов зась недавно выкрещен (анабаптист); ов зась субботник (жидовствующий)», — с презрением отзывается он о панских разномыслиях.

Его страстная натура, проникнутая так глубоко православными и вместе с тем демократическими взглядами, увлекала его дальше той цели, какую он должен был себе ставить. Он желал поднять и укрепить православие среди своих земляков; для этого необходимо было распространение грамотности, книги, школы: он хорошо понимал это, как и другие его современники. Но на этом просветительном пути православных со всех сторон подстерегали соблазны латинства «с поганскими науками», «с Аристотелями, Платонами и другими тим подобными машкарниками». Вероятно, из южнорусских современников Иоанна Вишенского далеко не он один останавливался в тяжелом раздумье перед этой дилеммой. Он решил ее соответственно требованиям своей цельной натуры: он целиком отвернулся от «поганских дискалов», от их философского учения «с их хитродилектическими силлогизмами и прочими злоковарными прелестями». Жизнь не пошла за ним в этом направлении. Другие его современники, и во главе их Петр Могила ⁴¹, приготовили почву для иного решения этого вопроса. Но тем не менее влияние писем с Афонской горы, вероятно, было огромное; не может бесследно рассеяться в общественной атмосфере такая пламенная речь, направленная на освещение и обличение самых чувствительных, самых больных мест данного общественного организма. Трудно поверить, чтобы этот потрясающий голос не сыграл своей и, может быть, очень важной роли в том общественном подъеме, охватившем Южную Русь, который, начавшись в одних общественных слоях и настроениях, перешел в иные слои и иные настроения. Но мы совершенно лишены возможности сказать об этом что-нибудь положительное.

Итак, между православными горожанами шла усиленная культурная деятельность. Она отражалась и на населении сельском, конечно, в тех его частях, которые не были подавлены злобой дня, материальной нуждой. Среди южнорусского шляхетства дело обстоит так. Одна часть дворянства — из тех, кто не ушел в разномыслие или вернулся в лоно старой церкви — принимала деятельное участие в братских делах, являлась политическим представителем интересов православия, поддерживала православную церковь материально, строила новые монастыри. Их много появилось после унии, и между прочими стал известен монастырь Почаевский ⁴². Но в то же время католический прозелитизм положительно свирепствовал среди южнорусского дворянства. Как делалось, что дети православных дворян оказывались католиками, об этом может дать некоторое понятие

один дошедший до нас любопытный документ: завещание некоего Загоровского, православного волынского пана ⁴³, который попал в плен к татарам и из Крыма делал свои распоряжения насчет детей и имущества. Загоровский горячо умоляет опекунов позаботиться, чтобы дети «не забыли своего русского письма, своего русского языка, честных и покорных русских обычаев, а главнее всего, своей веры», но вместе с тем он приказывает отослать их в Вильно к иезуитам, потому что «хвалят тамошнюю добрую методу преподавания», и выражает желание, чтобы дети оставались у иезуитов, «ни на минуту не выходя из школы», в течение семи лет, полагая, что только таким образом они могут как следует «отполироваться». Нетрудно представить себе, что успевала в течение семи лет сделать непрерывная иезуитская «полировка» из православного мальчика...

Оба магнатских дома, которые служили опорой православию в Южной Руси — Вишневецкие и Острожские — уже в начале XVII в. были католическими. В католицизм обратились сыновья Константина-Василия Острожского, а родная внучка этого общепризнанного столпа православия проявила столько фанатизма в преследовании православия и водворении католицизма в громадных владениях дома Острожских, которые она наследовала, и так усердно служила интересам иезуитов, что они ее почитали за святую. «Где тот бесценный камень,— восклицает в своем «Фриносе» ⁴⁴ Мелетий Смотрицкий от лица православной церкви,— который я между иными перлами, как солнце между звездами, носила в короне на главе моей, где дом князей Острожских, сиявший более всех других блеском своей старожитной веры? Где и другие драгоценные камни той же короны — роды князей Слуцких, Заславских, Вишневецких, Збаражских, Сангүшек, Черторыйских, Пронских, Бужинских, Масальские, Лукомские... и т. д., которых перечислять пришлось бы долго?.. Где и иные мои драгоценности, где древние, родовитые, сильные, во всем свете славные своим могуществом и доблестью Тышкевичи, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойские, Семашки, Гулевичи, Яролинские, Калиновские, Кирдеи, Загоровские, Боговитины, Павловичи, Скумины?..» В этом перечислении — почти все крупные владельцы Волыни и Киевщины. «Благочестивых князей» уже и в это, относительно раннее, время, когда писал Мелетий Смотрицкий, т. е. в 1610 г., не было на стороне православия. Вслед за тем «оскуде и иных благородных вельмож — все от восточного православия на запад уклонишася»; остались при благочестии и православной вере лишь кое-кто «от худых и неславных»: так писал митрополит Исаия Копинский в 1632 г.

Но «худые и неславные» шляхтичи все-таки были шляхтичи, а следовательно, имели если не политическую силу и значение, то по крайней мере голос, который мог сказать свое veto *. Таким обра-

* Запрещаю (лат.).

зом, в течение всего длинного царствования Сигизмунда III, несмотря на фанатическое настроение короля и огромное влияние клерикальной партии, мы не встречаем никаких сеймовых постановлений, т. е. законов, направленных против православия. Православие могло подвергаться угнетениям или оскорблениям лишь в тех или иных частных условиях, где перевес фактической силы был не на стороне православного населения.

При благоприятных же обстоятельствах православные сразу могли сделать очень крупный шаг в сторону возвращения утраченных прав. Так, в 1621 г. проезжавший в Москву иерусалимский патриарх Феофан по настоянию казацкого гетмана Сагайдачного, в котором нуждались поляки⁴⁵, в Киеве посвятил митрополита и епископов на все занятые униатами кафедры. Разрушенная было православная церковь, таким образом, опять восстанавливалась. Правда, ультракатолическое правительство Сигизмунда III не могло примириться с этим фактом: вновь поставленные православные епископы объявлены были самозванцами, вне закона. Но дело было сделано, и хотя епископы подвергались преследованиям, однако православный митрополит Иов Борецкий все-таки спокойно жил в Киеве, пользуясь охраной населения: Польское государство по-прежнему мирилось с такими противоречиями. Когда умер Сигизмунд III, престол перешел к его сыну Владиславу IV (1632—1648), человеку широких взглядов, и политические условия приняли оборот, еще более благоприятный для православия. Уже на избирательном и коронационном сеймах не только утверждены были православным все их вероисповедные права, но и постановлено поделить епархии, следовательно, и церковные имущества, между православными и униатами. В это время во главе православного движения уже стоял человек, именем которого отмечается новая стадия в развитии не только южнорусского, но и вообще русского просвещения. Это был Петр Могила.

Киевский митрополит Петр Могила (1633—1647), сын и племянник молдавских господарей, состоявший в родстве с несколькими магнатскими домами, человек не только европейского образования, но и обладавший светской полировкой,— Могила мог с успехом представлять собою интересы православия в шляхетской Речи Посполитой. Всем более или менее известна эта его роль, известны и его труды по исправлению богослужебных книг, его катехизис, требник и т. п., наконец, трогательное попечение о его любимом детище — Киевской Академии, или Коллегии, которую он из простой школы обратил в высшее просветительное учреждение, долгое время служившее образцом таких учреждений для всей России⁴⁶. Таковы его заслуги, но не в этих заслугах лишь надо искать данных для оценки того значения, какое имела личность Петра Могилы в истории русского просвещения.

Литературная борьба православия с унией, а в лице ее и с

католичеством, которое за ней скрывалось, ставя резко на вид потребность в подъеме православного просвещения, ставила вместе с тем и вопрос об источниках этого просвещения. Сначала общественное мнение православной среды явно склонялось к тому, чтобы остановиться исключительно на византийских источниках, отрезав себя совершенно от латинства и всего, что с ним связано; так думал Иоанн Вишенский, так думали и другие. Но, конечно, немного надо было сделать шагов вперед по этому пути, чтобы убедиться, что дальнейших перспектив уже нет: теперь даже не Греция, а лишь Афон, чуть ли не один, оставался хранителем всего запаса книжной мудрости, на какую могли рассчитывать православные деятели, между которыми были не только чуткие сердца, но и пытливые умы. Источники оказывались слишком скудными; недаром Мелетий Смотрицкий перешел в унию после того, как совершил свое путешествие на Восток для поисков за истиной. Петр Могила явился представителем реакции в пользу того, чтобы связать православное просвещение с латинскими источниками, с западной наукой: его сильная, энергичная личность много содействовала тому, чтоб дать этому новому направлению окончательный перевес. Киевская Могилянская Коллегия была устроена совершенно по образцу иезуитских школ; средневековая латынь была ее языком, на котором преподавались почти все науки, на котором разговаривали ученики; конечно, и программа преподаваемых наук была в общем та же, которая была принята в западных школах. Лучшие ученики отправлялись для завершения своего образования в Краковскую или Замойскую академию, во Львов, наконец, даже в Рим и итальянские университеты. Таким образом, этим новым своим поворотом православное просвещение тесно и непосредственно примыкало к Западу.

Такой поворот встречен был православной средой с большим недоверием, и его руководителям пришлось пережить не одну горькую минуту. «Было и такое время,— пишет Сильвестр Коссов⁴⁷, сотрудник Могилы, позже его преемник по кафедре,— что мы, исповедавшись, только и ждали, что вот начнут нами начинать желудки днепровских осетров или же огнем либо мечом отправлять на тот свет». Но ничего подобного не случилось, и общественное настроение скоро примирилось с переменой: она получила право гражданства. Очевидно, почва для этой перемены в более сознательных умах православной среды уже была совершенно подготовлена.

Петр Могила не только начал, но и утвердил дело южнорусского просвещения на новых основаниях. Но год спустя после его смерти налетевшая буря так страшно потрясла все общественное здание Южной Руси, что просветительные интересы надолго лишились обеспеченного крова, в каком они нуждаются по характеру своей природы.

Таковы были стремления, которые занимали умы православной южнорусской интеллигенции, состоявшей большею частью из духо-

венства, частью — дворянства и мещанства. Между тем внизу, в той народной массе, до которой доходили лишь отзвуки того, что занимало интеллигентные вершины, наступали с быстротой важные стихийные изменения условий, вскоре отразившиеся и на исторической сцене.

Сколь ни усердно «вынимали» татары Украину, население постоянно притекало к ней с севера и северо-запада. Со времени Люблинской унии сюда устремилась, как уже было сказано, мелкая малоземельная польская шляхта. Украинские же «пустыни» щедро раздавались магнатам, польским и русским.

Раздача эта повлекла за собою усиленный рост колонизации. Магнаты имели возможность устраивать на своих территориях замки или хотя бы замочки и снабжать их необходимым оружием и гарнизоном. Перспектива защиты привлекала и те элементы, которые иначе не решились бы подвергнуться риску украинской жизни. Были же это по большей части беглые крестьяне, которым удавалось порвать привязь, притягивавшую их на родине все теснее и теснее к земле и работе на панском фольварке. На Украине, а тем более на земле магната, их не могли достать руки старого владельца, законные права которого они нарушали своим уходом: магнаты слишком дорожили населением, чтобы быть особенно щепетильными относительно прошлого своих подданных. Яна ЗамоЙского⁴⁸ прямо укоряли на сейме, что он осадил свои украинские имения беглецами и гультаями. Но так поступали и другие. Для привлечения населения на свои земли паны назначали большие сроки «слободы», т. е. льготного времени, когда селившийся у них был совершенно свободен от всяких платежей и повинностей: 20, 30 и даже до 50 лет, — сроки, которые казались в начале поселения чуть-что не вечной свободой. Отказываясь от дани и работ новых подданных, пан все-таки извлекал выгоды, и немалые, из заселения своих земель: не имея пока возможности без барщинного труда заниматься земледельческим, он занимался скотоводческим хозяйством, а польское право предоставляло в его исключительную пользу устройство на своей территории млинов, корчм, мыта. Рост населения увеличивал и все эти выгоды, уже независимо от той богатой перспективы, которая открывалась с окончанием льготных сроков.

Таким образом, прилив населения на Украину, едва заметный в первые десятилетия после унии, затем начинает быстро повышаться к началу XVII в. и в первую же четверть этого столетия достигает своего апогея. Издание люстраций, тарифов, инвентарей и иных документов того же рода, которыми обогатилась за последнее время наша история, дает возможность ясно, на основании статистических данных, представить себе рост населения Украины в течение полувека, а следовательно, и картину тех изменений, каким она подвергалась в связи с этим ростом. Самой характерной чертой здесь, несомненно, является громадное увеличение числа

городских поселений, т. е. городов и местечек, которые в большинстве случаев отличались от поселений сельских лишь тем, что в них были замки или замочки. Вместо королевских городов с замками, которые все можно перечислить по пальцам, в первые же годы XVII в. мы имеем уже сотни городских поселений. Часть их появляется на землях староств, но значительное большинство — на землях частных лиц, особенно в воеводстве Брацлавском.

Итак, населенность Украины росла со сказочной быстротой: возле замков и замочков, которые появлялись как грибы после дождя, всюду белели хаты и раскидывались тучные поля, только что поднятые плугом. Увеличивалась и безопасность: татарам становилось все труднее прокрадываться между настороженными замочками. В то же время колонизационная волна, повышаясь понемногу, двигалась и вперед, в глубину дикой степи... На все это с торжеством указывают польские писатели, усматривая здесь благотворное культурное влияние Польши. И они правы, но односторонне. Факт необычайной быстроты культурно-хозяйственного подъема Украины налицо, но сама напряженная быстрота этого подъема как бы намекает на его нездоровый, искусственный характер. Не избыток производительных сил Польши находил свое плодотворное приложение на пустынных полях Украины, а честолюбие вельмож открывало здесь новые горизонты для своих притязаний. Пределы роста виделись ясно впереди и совпадали с льготными сроками... Но ложь того принципа, который руководил этим блестящим развитием, даже и не нуждалась для своего обнаружения в таких отдаленных сроках: угрожающие симптомы ее разрушительного влияния обнаружались гораздо ранее, на самых же первых порах.

Те вольные поселенцы, которые заняли землю в «пустыне», внешне превратившейся в панскую «влость», не могли примириться с тем, что из свободных собственников они нежданно-негаданно превращались в панских подданных. Вопрос шел не о притеснениях — о притеснениях со стороны пана пока не могло быть и речи, — вопрос шел о праве, которое различно понималось сторонами. Вольный поселенец, казак, который, не выпуская из рук оружия, обороняет свою землю и собственность, который постоянно соединяется с себе подобными не только для защиты, но и для наступательной борьбы со степными врагами, считает себя на привилегированном положении, присвоенном законом и обычаем военно-служилому сословию, и, конечно, не может допустить и мысли о зависимости от пана. Пан со своей стороны готов на всевозможные уступки, чтобы удержать земледельца, но за известным пределом уступки уже превращаются в самоотрицание, и он не может перейти этот предел. Он готов отказаться на неопределенное время от даней и платежей, повинностей и работ, но не может он отказаться от юрисдикции, не может допустить, чтобы люди, сидящие на его землях, обращались за судом и расправой к какой-то своей собственной власти, совер-

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карбева и И. В. Лучицкаго.

А. Я. ЕФИМЕНКО.

ИСТОРИЯ
УКРАИНСКАГО НАРОДА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

8 рисунковъ въ текстъ и 12 на отдѣльныхъ таблицахъ.

Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“

.. ❧ ❧ ❧ ..

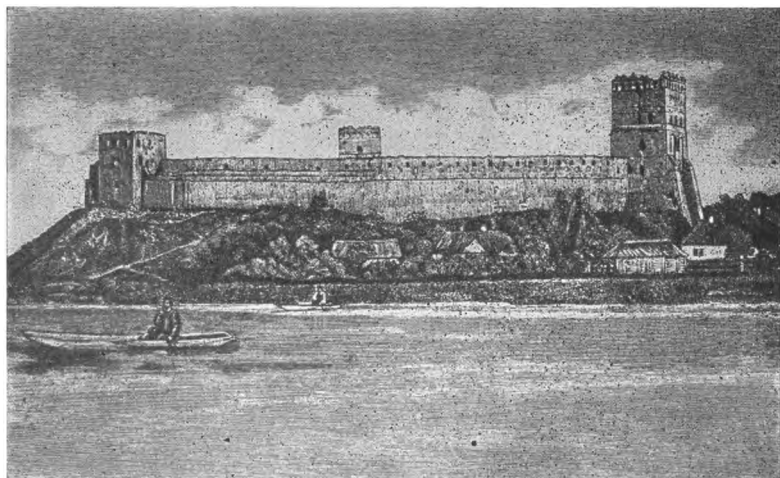
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.
1906.

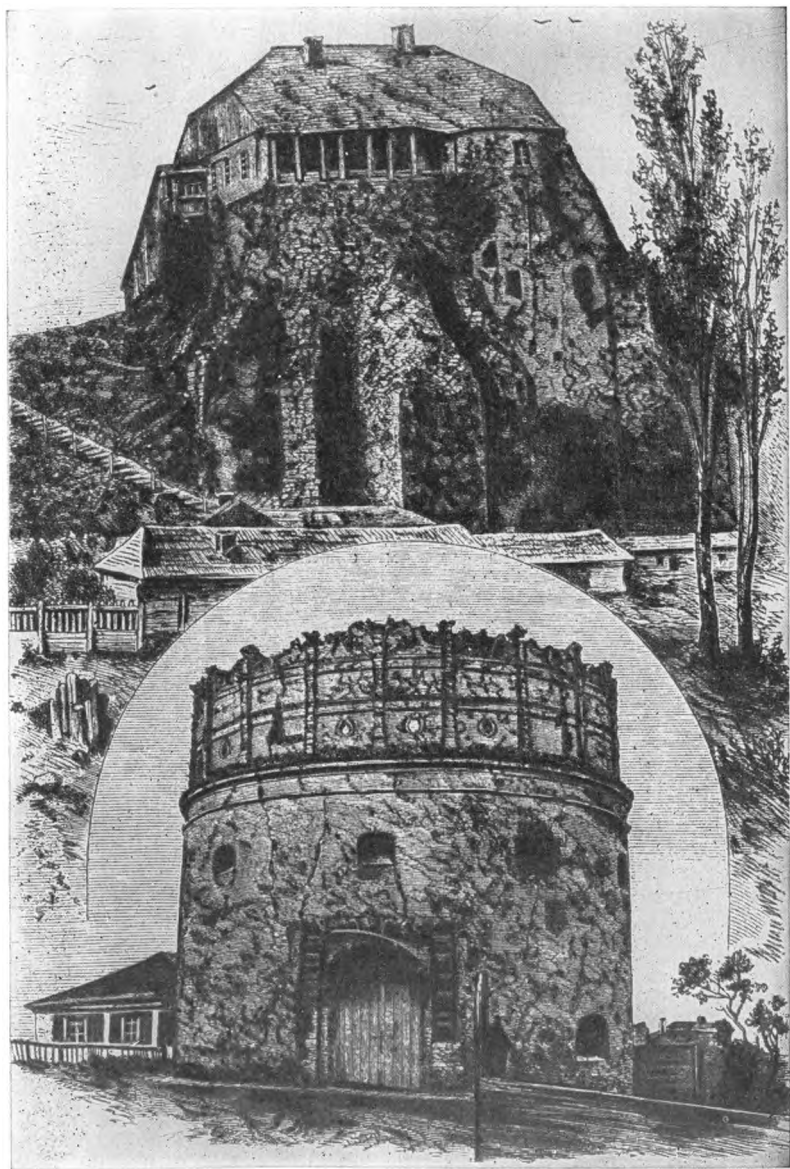
Титульная страница второго выпуска книги
А. Я. Ефименко «История украинского народа»

Великий князь литовский Витовт

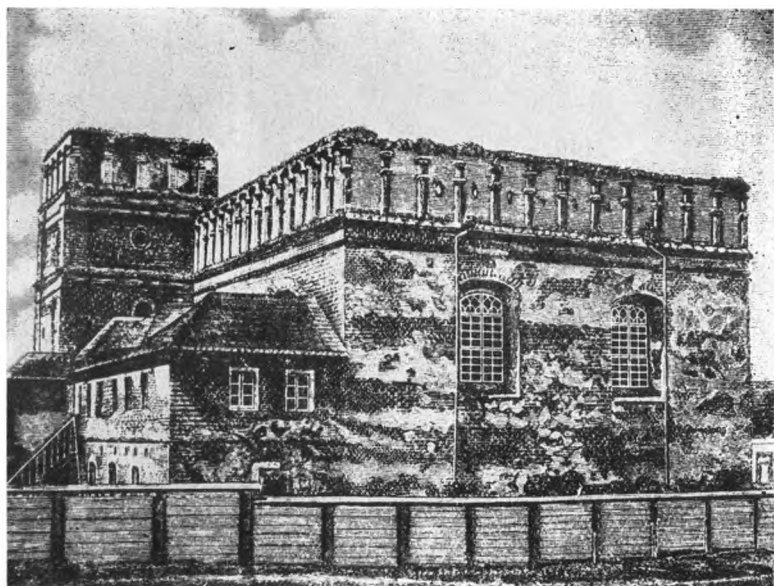
Большой замок князя Любарта Гедиминовича в г. Луцке

**Замок князей Острожских и башня
на Красной горе в г. Остроге**

**Киевский удельный князь Олелько,
Александр Владимирович. 1455 г.**

Малый замок князя Любарта Гедиминовича в г. Луцке

Константинъ Ивановичъ Князь Острожскій, Гетманъ Великого Князя отъ
 Литовскаго, защищая восточнаго Блаженства покровство —
 во Французъ прелачутии. Многие Церкви Божіе ради отроковъ угнана
 страню прелачутии, напоиши ради, отъ князей своихъ Острожскихъ
 и востанова Градъ Литовскаго. Вмѣстѣ, создавши, вторю Гипси —
 Мачю Пресвѣтѣ Богородици Пелерскіе, домъ, щедрѣмъ пребогатѣю —
 съ немже, яко ктитора Меминти, по преставленіи своемъ, слободѣ
 положеиъ быти 1533 году.

Надгробный памятник князя Константина Острожского

Петръ Могилѣ
Епископъ Митрополитъ Кіевскій
Святого Влѣдикоу
Е

Киевский митрополит Петр Могила. 1646 г.

Киевская Академия и ее студенты.
Копия с древней гравюры (1697—1702 гг.)

Князь Дмитрий Вишневецкий (казак Байда). 1563 г.

Гетман Петр Конашевич Сагайдачный. 1622 г.

Богданъ Хмельницкый
Гетманъ

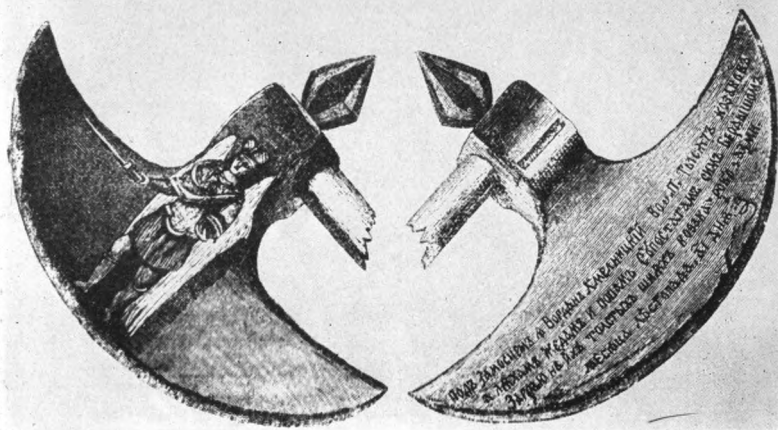
Портрет-апофеоз гетмана Богдана Хмельницкого

Киевский воевода Адам Кисель. 1653 г.

Богданъ Хмельницкій

Гетман Богдан Хмельницкий. 1657 г.
Бердыш гетмана Богдана Хмельницкого

Гетман Петр Дорошенко. 1676 г.

Гетман Иван Мазепа. По гравюре Норблена

Наказной гетман Павел Полуботок. 1724 г.

Памятник кошевого Ивана Сирка в дер. Капуловка

шенно игнорируя его верховные права. А между тем дело стояло именно так: казаки не только не хотели признавать какие-нибудь платежи и работы со своей земли, но упорно оставались «непослушными» по отношению к пану, так же как они были «непослушными» по отношению старост королевских городов, где они временно проживали и, случалось, даже приобретали прочную оседлость. Такое фальшивое положение в запутанных и неправильных условиях украинской жизни, вечно настороженной («яко на Украине» — обычное выражение того времени) могло тянуться неопределенно долгое время. Но логика жизни заставляла искать из него выхода. Она искала его — и не находила.

Итак, часть этих вольных поселенцев и промышленников, казаков, сидела на землях украинских старост, часть очутилась теперь на землях панских; наконец, еще часть держалась, постоянно или временно, вне района земель, притянутых к государству фактическим захватом, и имела свой центр за порогами, по недоступным почти для посторонних людей плавням и островкам, образуемым Днепром, задержанным в своем течении пересекающей его каменной грядой. В каком численном отношении стояли эти «низовцы» к тем казакам, которые жили по панским влостям и королевским старостам — сказать теперь невозможно, да едва ли можно было определить даже и в свое время: постоянное передвижение составляло основное условие жизни этой группы — не то земледельческой, не то промысловой, не то военной, не чуждой и хищничества, характеризующего «вольного добычника». Но каково бы ни было численное отношение, во всяком случае «низовцы» составляли как бы ядро казацкой группы; лишь существование Запорожья, обуславливающее возможность уйти туда, где уже не может иметь значения ни панская, ни старостинская власть, сообщало всем «непослушным» ту несокрушимую энергию сопротивления, которую они проявляли.

Когда, с какого времени люди перестали смотреть на «Низ», на Запорожье только лишь как на промысловые места и нашли его удобным для постоянного пребывания — насчет этого мы можем, конечно, делать догадки, но точных указаний со стороны документальных свидетельств не находим. Несомненно, однако, что в 90-х годах XVI в. некоторая часть казаков, тех, которые не были связаны семьей, уже держались на Низу постоянно, между тем как польский хроникер Бельский⁴⁹ свидетельствует, что в 70-х годах того же столетия казаки оставались на Запорожье для промыслов и набегов лишь с весны до осени, на зиму же возвращались на Украину, оставляя за порогами лишь сторожей при оружии. Может быть, эпоха, непосредственно следующая за Люблинской унией, которая оказалась для Украины решающей в других отношениях, оказалась решающей и в этом. Однако о Сечи в смысле того оригинального и по-своему благоустроенного, укрепленного города, какой мы находим в более позднее время — сначала на Чертомлыке затем на

Подпольной — пока еще не может быть и речи. Низовые казаки живут, по свидетельству Лясоты, посетившего их в 1594 г.⁵⁰, простым лагерем, укрываясь от непогоды «в шалашах, называемых ими кошами, которые сделаны были из хвороста и покрыты для защиты от дождя лошадиными кожами».

В то время, когда Лясота был на Запорожье, там жило около 3 тыс. казаков. Такая масса людей, разумеется, не могла держаться вместе без организации. Организация эта была очень несложна, но удовлетворяла потребностям этого упрощенного общества, не гражданского, так как оно исключало семью, а военного. Оно делилось на части, которые управлялись выборными полковниками, с подразделением на сотни с выборными же сотниками. Во главе всего этого «низового запорожского войска» стоял тоже выборный гетман. Наряду с этими властями, главное значение которых было военное, отправляло все функции законодательной, судебной, частью и административной власти войсковое вече, или коло, собственно, два кола: одно большое, общее, в котором могли принимать участие все, и другое, малое, с участием лишь одних «старших», — вероятно, должностных лиц. Вот и все. Все казаки, рассеянные по украинской территории, почитали за своих властей местных, конечно, выборных же атаманов, но, вероятно, смотрели на власти Низового войска как на свою высшую инстанцию.

В каком отношении были эти низовые казаки к государству? Вопрос запутанный, так как на него нельзя ответить, исходя из современных понятий государства, с его известными нам законченными формами. Казачество, по-видимому, стояло на той архаической точке зрения, которая признавала за вольными казаками-дружинниками полную свободу политического поведения. Казаки брали жалованье от московского царя за охрану его владений от татар и считали себя вправе уйти на Дон, когда государство теснило их на Днепре; они совершенно свободно вели договоры о службе немецкому императору, заключали союз с татарским ханом, делали нападения на молдавские, татарские, турецкие владения. И в то же время могли ли они порвать те кровные связи, которые привязывали их к Литовско-Польскому государству? Дело не в том лишь, что государство считало Запорожье составной частью своей территории, а в том, что на несомненной государственной территории была казацкая собственность и — что еще важнее — проживали временами они сами и всегда — их семьи. Конечно, государство должно было смотреть на казаков как на своих подданных, хотя своевольных и непослушных и притом так поставленных в их исключительных условиях, что сломать их непослушание представлялось делом большой трудности. Естественно было придти к мысли о том, как бы утилизировать эту силу в государственных видах.

Государство в лице короля Стефана Батория энергично приступило к разрешению этой задачи⁵¹. Но сама задача являлась умам

представителей государственной власти Литвы и Польши значительно раньше Батория, т. е. конца XVI в., и раньше делались кое-какие попытки к ее разрешению.

В каком направлении должно было идти разрешение этой задачи — подсказывалось обстоятельствами. Татары хищническим направлением своей политики вынуждали соседние с ними государства заботиться об устройстве постоянной и сильной пограничной стражи. Казак для такого рода службы был незаменим. Правда, он и так, независимо от побуждений или поощрений со стороны государства, частью по охоте, частью по необходимости постоянно подстерегал татар, не допуская их или преследуя. Но эта сторожка была частью случайная, частью корыстная, которая нередко была более заинтересована в том, чтобы догнать обремененного добычей врага, чем в том, чтобы не допустить его внутрь страны. Интересы государства требовали не такой, а правильно организованной стражи. Таким образом, привлекая тем или иным путем казаков на регулярную службу, государство разом достигало двух важных целей: с одной стороны, удовлетворяло такой насущной потребности, как правильная пограничная стража от татар, с другой — обуздывало своевольную казацкую силу.

Почти вслед за тем, как казаки появляются на Приднепровье — конечно, появляются лишь в смысле появления первых исторических о них свидетельств — начинаются и попытки со стороны правительства и его местных агентов организовать казаков в указанном смысле. Еще Сигизмунд Старый (1524) писал литовской раде, чтобы она «радила и мыслила мети по Днепру казаков, збирати и сукон, и пенязей на них колько сот коп послати, а тыи козаки по Днепру на перевозех * разложити, абы нам и Речи Посполитой земской служили и тых перевозов стерегли и боронили, колько им Бог милой поможет». В это время на Днепре действовал загадочный «Полюс, русак, славный козак» хроникера Бельского, т. е. не кто иной, как речичский державца Сенько Полозович, который собирал казаков и водил на татар независимо от правительственных распоряжений⁵².

Большой, хотя и незаслуженной, известностью в южнорусской истории пользуется предложение Остафья Дашкевича, черкасского и каневского старосты, на Пиотрковском сейме (1533), где он предлагал «содержать постоянно на Днепре две тысячи человек, которые бы на челнах защищали татарские переправы, а с ним еще несколько сот конницы для доставления им съестных припасов». Но из этого предложения «ничего не вышло», по свидетельству того же Бельского. Ничего не вышло и из других предложений, которые еще не раз повторялись до Батория.

Конечно, почин во всех этих предприятиях принадлежал не

* Вероятно, на обычных местах переправ татар с левого, иначе татарского, берега Днепра на правый, или русский.

центральной власти, которая была так далека в своем Вильне или Кракове от края и так чужда его интересам. Почин принадлежал местным представителям государства, в особенности старостам украинских городов. Между этими старостами нередко были люди выдающейся энергии, направленной на борьбу со степным врагом, и история сохранила нам несколько имен, частью русских, частью польских. Таковы черкасский и каневский старосты Остафий Дашкевич и Дмитрий Вишневецкий, староста хмельницкий Ланцкоронский, староста барский Претвич⁵³. Люди эти на своих опасных пограничных постах вели непрерывную борьбу с татарами и, конечно, понимали значение тех мер, какие они предлагали центральной власти. А между тем они сами, эти люди, одной рукой разрушали то, что пытались создать другой.

Дело в том, что интересы государства не всегда и не во всем гармонировали с интересами украинского пограничья. Польское государство было серьезно заинтересовано в том, чтобы не нарушать мира с татарским ханством и его могущественным турецким сюзереном, а между тем пограничье не могло существовать, не нарушая этого мира. Ввиду татарского хищничества, которое не признавало святости договора, и Украина вынуждаема была не довольствоваться лишь пассивным сопротивлением, а стремиться разорять самые гнезда хищников. Таким образом, пограничные старосты совершали наступательные походы в глубину степей на свой собственный страх и риск, не соображаясь с требованием общегосударственной политики. То же делали и большие пограничные паны. Подольские магнаты, например, постоянно вмешивались в дела Молдавии, которая стояла в вассальных отношениях к Турции, ставили и сменяли господарей, совершали военные походы так, как будто молдавские дела были предоставлены кем-то в их ведение. Одним словом, украинское пограничье жило до известной степени независимой от центра политической жизнью.

Естественно, что и старосты, и другие пограничные паны нуждались для своих политических предприятий в помощи казаков. Всякий такой политический предприниматель должен был скликать вольную дружину, и казаки доставляли самый значительный и по численности, и по качеству контингент этих дружин. Таким образом, местные представители государственной власти, стремясь, с одной стороны, к тому, чтобы обуздывать путем правильной организации казацкое своеволие, с другой — питали его и поддерживали. По шляхам, проторенным в глубину степей вместе с Вишневецкими и Дашкевичами, ходили казаки со своими собственными атаманами, причем еще до Люблинской унии им удавалось совершать такие рискованные предприятия, как, например, взятие Очакова (в 1545 г.)⁵⁴, а когда на службе у Потоцких и других подольских панов они поближе ознакомились с молдавскими делами, то начали и на свой риск заниматься молдавской политикой, выдвигая и под-

держивая своих собственных претендентов на шаткий престол молдавских господарей.

Стефан Баторий с той энергией, которая отличала все его действия, решился положить предел этому положению украинского пограничья: с одной стороны, оно было просто несовместимо ни с какой правильной политикой, с другой — прямо мешало его широким политическим планам, вызывая постоянное угрожающее положение со стороны Турции.

Но привести в исполнение свое решение было нелегко даже для такого энергического человека, как Стефан Баторий. Нет основания много останавливаться на влиянии его мероприятий, которым придается иными историками смысл решающих моментов в развитии украинского казачества, но нельзя и совершенно отрицать их значения. И до Батория были попытки, как уже было сказано выше, организовать из казаков правильную стражу на постоянном жалованье, под начальством «старшого», назначаемого правительством; были даже попытки переписать казаков в реестры. Но только Баторию удалось довести это дело до конца. Он привлек какую-то часть казаков на постоянную службу: со «старшим» своим, которым был при Батории королевский дворянин Ян Оришевский, помимо своей всегдашней сторожевой службы, принимали они участие в отдаленных московских походах⁵⁵. Чтобы отвлечь этих казаков от Запорожского Низа, Баторий отдал в их распоряжение трахтемировский замок, лежащий на Днепре выше Канева, чтобы они могли иметь там и сборное место, и арсенал; здесь же находился древний монастырь, при котором был устроен шпиталь, — приют для престарелых и изувеченных на службе. Само собой разумеется, что за этими казаками, внесенными в официальные реестры и получавшими от короля за свою службу жалованье деньгами и сукнами, признаны были права на ту землю, какою они фактически владели.

Можно признать, таким образом, что именно мероприятием Батория впервые проведена была через безразличную до тех пор казачью массу черта, которая отделила интересы одной части этой массы от другой. С тех пор реестровые, или городовые, казаки начинают противопоставляться низовым, или запорожским. Случалось, что вихрь общественного возбуждения — один из тех вихрей, которыми характеризуется последующая жизнь Украины, — все обращал в хаос, смешивая элементы, однако момент затишья снова выдвигал на вид раз намеченную рознь.

Но, приспособив таким образом на службу государству одну часть казацкой силы, Баторий ничего не мог сделать по отношению к остальной, гораздо более значительной части. Нельзя сказать, чтобы Баторий и не пытался ничего сделать. Он шлет приказ киевскому воеводе, князю Острожскому, чтобы тот, соединившись с татарами, прогнал с Днепра «низовых разбойников»; шлет грозные «универсалы» на Низ, чтобы казаки не смели своими нападениями

и походами нарушать мир, особенно походами в Молдавию; еще более грозные универсалы шлет пограничным старостам, чтобы они не смели позволять низовцам проживать в пределах их территорий и не допускали, чтобы на Запорожье вывозились съестные припасы, порох, селитра, свинец. Но все эти приказы были напрасны, так как поперек им стояла непреодолимая сила жизненных условий. Нельзя было прекратить сношений Украины с Запорожским Низом, так как, помимо всего прочего, сношения эти основывались на серьезных экономических интересах обеих территорий — интересах промысла и обмена. Нельзя было удержать казаков, ютившихся на недосыгаемом Запорожье с его лабиринтом островов, плавней и речек, от походов, в которых они черпали средства к существованию, тем более, что сами местные представители государства — пограничные старосты и паны — смотрели на эти походы такими же глазами военного авантюриста и добычника. Стефан Баторий попытался подойти к своей неразрешимой задаче еще так: запугать своеволие не словесной угрозой, а фактами. Когда в руки ему попал Подкова, которого казаки хотели посадить на молдавский престол⁵⁶, — человек, по-видимому, не лишенный достоинств и пользовавшийся большим уважением и влиянием, — он велел казнить его во Львове (1578), несмотря даже и на то, что шляхта сильно домогалась помилования. Несколько лет спустя король сделал один еще более рискованный шаг в том же направлении: он казнил Самуила Зборовского, который предпринял во главе запорожских казаков неудачный поход в Молдавию⁵⁷. Таким образом, он не остановился и перед опасностью навлечь на себя вражду могущественного магнатского дома Зборовских. Когда после казни Зборовского король послал на Запорожье с увещаниями своего дворянина Глубоцкого, казаки ответили тем, что утопили посла в Днепре⁵⁸.

Итак, во все время правления Батория, несмотря на его меры, низовцы так же не прекращали своих постоянных набегов на татар и походов в Молдавию, как не прекращали экскурсий на рыбную и звериную ловлю по рекам и речкам Днепровского Низа: и то, и другое было обычным условием их существования. Но тем не менее за этот период не слышно ни о каких больших военных предприятиях с их стороны. Зато смерть Батория развязывает им руки, и сдерживаемая энергия вырывается с необычайной силой: в одном направлении казаки разоряют Очаков, Тягинь, Белград и другие пограничные турецкие города и села, в другом — грабят и разоряют ужасный невольничий рынок Козлов (Евпаторию), через базары которого прошло столько злополучного русского люда... Татары в отместку производят опустошительный набег, проникают вглубь Червонной Руси, а Турция грозит снести Польшу с лица земли.

В этих-то трудных для Польши обстоятельствах появляется на свет первая сеймовая конституция (1590), относящаяся к Запо-

рожьё и озаглавленная в «*Volumina Legum*» * словами: «Порядок касательно низовцев и Украины». Упорядочить отношения к государству людей, «которые на Низу и за порогами проживают», казалось Варшавскому сейму так же необходимым, как и возможным. Стоило лишь поручить это дело коронному гетману, чтобы он очистил подозрительные места от своевольных людей, оставив там лишь тех, кто согласится подчиниться всем предлагаемым государством условиям службы, повиноваться назначаемым гетманом начальникам из шляхты, никого не принимать в свое товарищество без ведома и согласия этих начальников и т. п. Одним словом, в Варшаве представлялось, что нет никаких затруднений в том, чтобы обратиться к низовцам в правильно организованную, состоящую на службе государству пограничную стражу. Не более затруднительным представлялось упорядочение отношений и со стороны тех казаков-хуторян, которые проживали на Украине: старосты должны были строго следить за тем, чтобы никто не ходил с Украины на Низ и вообще в степь за добычей и особенно не переходил за границы соседних государств; должны были наблюдать за тем, чтобы никто не продавал своевольным пороху, селитры, оружия и съестных припасов и не получал от них добычи. Надзор за соблюдением этого порядка поручался двум «дозорцам», назначаемым специально для этой цели. В дополнение к этой сеймовой конституции еще было постановлено устроить, в видах укрощения своеволия, замок в урочище Кременчуг, где должен был иметь постоянное пребывание отряд войска в тысячу человек.

Жизнь не замедлила дать ответ на эти требования, предъявляемые государством. В том же 1591 г., когда появилась вышеупомянутая «ординация», вспыхнул бунт Косинского⁵⁹ и открыл собою новую роковую эру в украинской истории.

Что за личность Косинский, в чем непосредственные мотивы его поступков — все это загадки, ключ к которым уже утерян. Он был подляшский шляхтич, — шляхтичи были обыкновенным явлением в казацкой среде: не только неудачники или банниты **, как Зборовский, бежали на Низ, но и просто сыновья шляхетских семей шли туда, чтобы обучаться тонкостям «татарского танца». По-видимому, у Косинского были личные счеты с домом князей Острожских, при котором он состоял раньше в числе служебных дворян. Вообще, весь этот эпизод носит внешний характер войны казацкого гетмана Косинского с князьями Острожскими — одной из тех частных, домашних войн, которыми была богата общественная жизнь как Украины, так и самой Польши. Но из-за этого внешнего облика частных отношений всюду прорывается общий смысл происходящего. Ведя войну с Острожскими, шляхтич этот «до чего-то большего тянулся»,

* Своде законов (лат.).

** Баннит — изгнанник, лишенный всех прав.

по словам польского хроникера. А это большее было не что иное, как распространение казацкого присуда на всю украинскую территорию, упраздняющее действие на ней «панского права»: документы ясно и несомненно свидетельствуют о том, что Косинский требовал присяги «на послушество козацкому войску» не только селян и мещан, но и мелкой шляхты. Таким образом, уже это первое движение, открывающее собою казацкую эпопею, намечает тот основной мотив, который руководил всеми последующими движениями, пока Хмельницкий не воплотил идею в факт. Украина не хотела мириться с водворяющимся панским правом и чувствовала в себе силу на отпор, имея под рукой такое детище, как Запорожский Низ.

Едва только Косинский успел появиться с казацким отрядом зимой 1591 г. на Украине и овладел белоцерковским замком, относившимся к староству князя Януша Острожского, захватив деньги, а главное, документы, как вся Киевщина и Брацлавщина пришла в волнение. Косинский со своим отрядом скрылся в степи, а Украина вся кишела маленькими купами своевольных людей, которые «учиняли великие и неслыханные шкоды, кривды, грабежи и убийства, как в городах и местечках, так и в деревнях...». Опираясь на сочувствие населения, Косинский осенью 1592 г. снова появляется из степи, теперь уже во главе настоящего, хорошо вооруженного войска. Низовцы тем временем успели забрать в Киеве «пушки, порох и всякую стрельбу». Украина встречала казацкое войско с полным сочувствием: укрепленные местечки открывали ему ворота, православное духовенство встречало его со звоном и процессиями. Сопrotивление Косинский встретил лишь на Волыни. Укрепившись сначала в Острополе, имени князя Василия Острожского, на границе Волыни с Брацлавщиной, Косинский оставил это местечко, чтобы проникнуть на Волынь, и занял Пятку, тоже местечко Острожских. Острожские тем временем, располагая громадными средствами и не надеясь на местную свою милицию, привели людей из своих польских владений и наняли венгерскую пехоту. На помощь к Острожским пришло несколько приятелей, и в начале 1593 г. они общими силами обложили Пятку. Косинский намеревался прорваться вглубь Волыни, но потерял много людей, все пушки и знамена и должен был просить прощения у Острожских. Сохранился договор казаков с Василием Острожским; но Косинский, лишенный по этому договору гетманства, видимо, не считал себя им связанным. Он тотчас же отправился на Низ и снова набрал там охотников для похода на Украину, но был убит, и его случайная смерть пока положила предел дальнейшим волнениям.

В том же году состоялось сеймовое постановление, в силу которого «Низовцы и прочие люди», которые соединялись бы своевольно в купы, почитаются *pro hostibus patriae et perduelibus* (за врагов отечества и изменников), и против них может быть, без всяких

дальнейших обращений к праву, двинуто кварцянское украинское войско *.

Прошло каких-нибудь два года, и обстоятельства уже требовали применения этого постановления. Собственно говоря, смерть Косинского ничего собой не умиротворила. На некоторое, короткое, время брожение лишилось своего центрального пункта, но оно скоро его отыскало. По странной иронии судьбы, центральное место занял теперь человек, который только что на службе у князя Острожского принимал деятельное участие в войне с Косинским. Это был Наливайко — красавец Наливайко, имя которого сделалось у поляков надолго нарицательным для всех представителей буйного украинского своеволия⁶⁰.

Наливайко не был гетманом Низового войска, — наоборот, низовое казачество относилось к нему, благодаря его прошлому, подозрительно, если не враждебно. Около него ютилось главным образом своевольное казачество Брацлавщины, где искони мужик был «пышнейший, нижили пан»: Брацлавщина всегда кишела вольным людом, который не хотел знать ни панской, ни старостинской власти. С приставшей к нему своевольной дружиной Наливайко ходил искать «казацкого хлеба» в Молдавию, в Угорщину, но в 1595 г. уже был снова на Украине, на Волыни. Но, не желая войны с волынскими и киевскими панами, во главе которых стояли Острожские, он направился к Днепру, этому извечному казацкому шляху, чтобы оттуда двинуться в Литву «за стациями» (содержанием) для своего войска. Интересны те объяснения своих поступков, какие посылал Наливайко королю: трудно понять, искренняя ли вера в свою правоту или наивное лукавство, свойственное украинцу, звучит в этих жалобах на литовских панов, которые «обратились против нас без всякой вины с нашей стороны, только за чуточку хлеба, который мы поели в их имениях, а лучше сказать, и совсем не ели...». Как бы то ни было, литвины вытеснили войска Наливайка назад на Украину. А Украина между тем волновалась. Это был год Брестской унии, и спокойствия не было даже в глубине Волыни: там происходят постоянные «заезды» со стороны православных землян, направленные на сторонников унии. Из Запорожья «выгреблись» низовые казаки, и несколько отрядов хозяйничают в разных местах. Сам гетман низовых казаков Лобода⁶¹, человек, по-видимому, далеко не заурядных качеств, расположился в окрестностях Киева казацким лагерем, в котором были и казацкие жены и дети, однако воздерживался пока от общения с Наливайком. В атмосфере Украины носились замыслы «о Кракове, о разбитии королевской столицы, о гибели шляхетского сословия» — слова не только современника, но

* Кварцянское войско содержали на кварту (четверть доходов) с королевских имений. В описываемое время постоянно пребывало на Украине с так называемым польным гетманом.

и участника событий, знаменитого польского гетмана Жолкевского: его-то именно энергия и предотвратила на этот раз грозившую Польше опасность. Несмотря на жалкое состояние своего кварцяного войска, измученного походом в Молдавию, несмотря на совершенно неблагоприятное для похода время года, по снегам и весенней распутице двинулся Жолкевский в поход на своевольное войско Наливайка, стягивая по дороге отряды украинских панов, уговаривая Лободу и его низовцев. Но на гетманские убеждения низовцы ответили тем, что соединились с Наливайком. Началась погоня Жолкевского за казацким войском, которое, связанное в своих действиях женщинами и детьми, все отступало к Днепру и успело переправиться на левый берег: здесь оно чувствовало себя в безопасности, так как имело впереди московский рубеж и донскую степь. Но Жолкевский успел одушевить своей энергией и жолнеров, и тех украинских панов, которые теперь присоединились к нему в большом числе: они преследовали вместе и своих убежавших подданных, которых было много среди казаков. Войска Жолкевского успели не только догнать, но и обойти казаков и запереть их в очень невыгодной для них позиции, недалеко от Лубен, при урочище Солоница. Поляки могли теперь «потопить пожар в холопской крови» и широко воспользовались этой возможностью. Они соглашались на пощаду лишь под условием выдачи Наливайка с другими зачинщиками и всех подданных, бежавших из панских имений,— такие условия не могли быть приняты. После двух недель осады казацкого лагеря, полной всяких ужасов для осаждаемых, лишенных, с женщинами и детьми, не только съестных припасов, но и воды, лагерь был взят, и лишь небольшая часть осажденных успела спастись, прорвавшись; вся остальная масса осталась на месте и изрублена жолнерами. Наливайко с несколькими другими предводителями был оставлен в живых для того, чтобы покончить жизнь под топором палача на площадях Варшавы. Около имени его и казни сложилась целая легенда, которая из народных уст перешла и в писанную историю, пока не была в относительно позднее время разбита исторической критикой⁶²; ни история, ни народная поэзия не сохранили свидетельств о тех кровавых следах, какие оставила в душе южнорусского народа ужасная лубенская катастрофа.

Новое сеймовое постановление требовало сносить своевольников «до последней капли крови». У реестровых казаков за участие в бунте отняты были Трахтемиров и та доля самоуправления, какая за ними признавалась распоряжением Стефана Батория: вперед государство соглашалось признавать в них лишь обыкновенную пограничную стражу. Край был усмирен, спокойствие восстановлено настолько, насколько оно вообще могло быть восстановлено в тогдашней Украине.

Вслед за этим первым поражением, нанесенным Польским государством украинским антигосударственным элементам, настала эпо-

ха, когда Украина, по выражению одного польского историка, «сделалась добычею польского плуга». Конечно, на самом деле украинский плуг всегда был и оставался русским, но польские и ополяченные паны действительно много потратили средств и личной энергии, чтобы оживить край. Эпоха эта, т. е. первая четверть XVII в., отмечается чрезвычайным ростом населения и земледельческой культуры на Украине. Население это пока спокойно оставалось на своих хозяйствах, широко пользуясь льготными сроками, а для своевольных элементов, которые не могли ни в каких формах мириться с властью, навязываемой им государством, исторические обстоятельства приготовили отвлечение.

Полякам пришлось в это время вести трудные внешние войны, и они не пренебрегали тем, чтобы привлекать к участию «низовых разбойников», только что объявленных ими «банными». Начало XVII в. застаёт запорожцев в Молдавии, в обозе великого коронного гетмана Замойского⁶³, который снял с них банницию силою своих полномочий. Только что была закончена эта война, как гетман приглашает запорожцев в Лифляндию, театр войны поляков со шведами⁶⁴. За услуги казаков в обеих этих войнах им возвращают Трахтемиров и отобранные было права. Но, конечно, лишь московская самозванщина создала для Украины то сильное отвлечение, которое чуть не на целое десятилетие предохранило край от новых столкновений казаков с требованиями государства.

Как низовцы водили господарчиков-самозванцев в Молдавию, так повели польские паны, с Мнишками во главе, царевича-самозванца в Московское царство. Конечно, при этом был кликнут клич на охотников, и украинскому своеволию открыто было новое широкое русло еще до того, пока в войну вмешалось государство, и гетман сам повел казаков на православный Север⁶⁵. Достаточно известно, как показали здесь себя украинцы и какая доля участия в тяжелой эпопее «смутного времени» относится за счет низового казачества.

Конец междуцарствия, когда водворяющийся порядок вытесняет обратно на родину украинские своевольные элементы, снова выдвигает на сцену роковой вопрос: как быть дальше? Украинская вольница, не имея предоставляемого ей государством дела, ищет его сама и ищет его пока все-таки вне, в традиционных набегах на басурман — татар и турок. Но, очевидно, низовое казачество за это время усиленной деятельности в Московщине и Молдавии — куда украинские паны Потоцкие, Корецкие и Вишневецкие предпринимали в то же время большие походы, завоевывая государство для Могил — так выросло и окрепло, что эти набеги приобретают новый неожиданный характер.

Ряд морских походов, выходящих из ряду вон по своей дерзости и по своим результатам, прославил имя днепровских казаков по всей Европе, а на Турцию произвел потрясающее впечатление. Казаки не

довольствовались тем, что на своих челнах достигали Константинополя, жгли и грабили окрестные села, так что султаны из своих дворцов и садов могли видеть дым и зарево пожаров: они рискнули переплыть поперек Черное море, и беззащитные берега Малой Азии, до тех пор пользовавшиеся полною безопасностью, открыли для них новый источник добычи. Взятие и разорение Синопа (1613) — богатого, торгового малоазийского города, само по себе представляло крупное событие; за Синопом такой же участи подвергся и Трапезунд. Через три года (1616) взята была Кафа, причем было освобождено множество христианских невольников. Но эти казацкие подвиги, радуя и поднимая украинскую душу, конечно, должны были производить совсем иное впечатление на душу польскую и особенно на душу польских государственных людей. Нельзя было безнаказанно дразнить турок так, как дразнили их казаки своими набегами 1613—1616 гг. Турки приняли самые экстренные меры: турецкая флотилия сторожила в устьях Днепра; делались усиленные приготовления к постройке крепостей на низовьях реки; Ибрагим-паша приобрел себе крупную славу тем, что проник до самого Запорожья¹⁶⁶, хотя, конечно, результаты этого подвига ввиду условий запорожской жизни могли быть лишь самые скромные: небольшому числу низовцев, которых он застал на месте, ничего не стоило скрыться, а коши их были слишком незавидною добычею.

В то же время Турция, раздражаемая, с одной стороны, казаками, с другой — украинскими панами с их постоянным вмешательством в молдавскую политику, собирала против Польши военные силы, действительно страшные своею численностью. В 1617 г. турецкое войско впервые вступило в пределы Польши, в Подолье, и Польше предстояла грозная необходимость встать лицом к лицу со своей соседкой. Однако на этот раз гетман Жолкевский ценою уступок и обещаний, касающихся казаков и Молдавии, отвел грозившую было Польше беду. Но теперь уже он решил без отлагательств и энергично приняться за казаков, чтобы тем или иным путем, «*vi albo consilio*» * , по его собственному выражению, наложить узду на украинское своеволие.

Тотчас же начал Жолкевский усиленно стягивать украинских панов в определенный пункт, который назначен был у с. Ольшанка, для участия в «комиссии» по казацким делам⁶⁷. Это была оригинальная комиссия, имеющая мало общего с современными комиссиями. Украинские паны, теперь уже из-за своих подданных все заинтересованные в казацких делах, собрались со всеми военными силами, какими располагали. Сюда же были приглашены и уполномоченные от казацкого войска. Если бы переговоры не привели к желанному результату, — иначе говоря, казаки не согласились бы на предложенные им условия, — все собравшиеся панские отряды

* Силою или советом.— *Примеч. А. Я. Ефименко.*

под предводительством Жолкевского должны были быть двинуты против них.

Но Ольшанская комиссия не разразилась никакой катастрофой: все кончилось мирно и благополучно. В то время во главе запорожского войска стоял гетман Петр Конашевич (т. е. Кононович) Сагайдачный — человек, высокие достоинства которого одинаково признавались как русскими, так и поляками. Биографических данных о нем сохранилось немного: знаем, что он был родом русин из Галиции, учился в Острожском училище⁶⁸. Всюду, где он появляется, он господин положения — одновременно искусный полководец и умный дипломат, но прежде всего и всегда человек, глубоко и цельно преданный родине и ее интересам. Блестящие походы казаков на Черное море совершались под его руководством. Но во всех своих непосредственных сношениях с представителями польской государственности он держал себя и войско вполне лояльно, не давая никакого повода к репрессивным мерам. Так и в Ольшанской комиссии, являясь старшим представителем запорожского казачества, он согласился на все уступки, которых требовали поляки, включая сюда даже и ограничение войска одной тысячей. Это было невозможно, но он, очевидно, понимал, что фактическая невозможность так и останется невозможностью, какими бы формальными отрицаниями ее ни обставляли. И обстоятельства оправдали его расчеты самым блестящим образом. Едва кончилась комиссия, как помощь Сагайдачного с его войском неотложно понадобилась, чтобы спасти королевича Владислава, погибавшего под Можайском (1618)⁶⁹. Разумеется, теперь уже не было ни думы, ни речи о тысяче, и Сагайдачный повел в Московское царство ни больше, ни меньше, как 30 тыс. казаков. В результате этого похода не только спасен был королевич со своим войском, но Польше была возвращена Северская земля⁷⁰. Однако казацкий вопрос оставался все в том же положении, тем более, что казаки, не получив жалованья за московский поход, снова отправлялись по обычаю искать на юг казацкого хлеба. Понадобилась новая казацкая комиссия, которая и собралась в 1619 г. на р. Раствавица, ниже Паволочи. Здесь казакам предложены были еще более тяжелые условия: помимо прочих ограничений, они должны были уничтожить челны, на которых ходили в море, а главное, обещать повиноваться панам, на территории которых имели свою постоянную или временную оседлость. Хотя Сагайдачный стоял во время Раствавицкой комиссии под Белою Церковью со своим казацким войском, которое смело могло померяться силами с польским, но он, по-видимому, и не думал о сопротивлении силой. Большим усилием и терпением добивался он тех или иных уступок и ограничения панских требований, но в общем выражал полную готовность подчиниться всему, от чего нельзя было мирно уклониться. Когда в следующем же 1620 г. молдавские дела повлекли новые столкновения Польши с Турцией, то в сражении под

Цецорой ⁷¹, которое кончилось тяжелым поражением поляков, смертью Жолкевского и пленом Конецпольского, вовсе не было ни Сагайдачного, ни его войска: казаки должны были оставаться дома и исполнять постановление Раставицкой комиссии — выселяться из панских имений, если не хотели обращаться в панских подданных. Естественно, что они не спешили водворять новый порядок, который равнялся для них самоуничтожению, а цецорская трагедия показала, что им и незачем было спешить: Польша опять в них нуждалась, и больше прежнего.

В 1621 г. султан Осман II ⁷² выступил в поход, лично предводительствуя огромным войском в несколько сот тысяч с целью завоевать Польшу. Опасность была самая крайняя; помощь со стороны казацкого войска была теперь для Польского государства вопросом о том, быть ему или не быть? Сагайдачный не отказался придти на помощь, хотя и выставил при этом некоторые свои условия и привел под Хотин уже 30 тыс. казаков. Блестящей Хотинской победой, спасшей Польшу, были обязаны поляки лишь Сагайдачному и его казацкому войску ⁷³. Сам Сагайдачный умер от ран, полученных им под Хотином, в следующем же 1622 г.

Смерть этого замечательного человека заключила собой ту мирную эпоху казацко-польских отношений, которую можно назвать эпохой Сагайдачного. Несмотря на крайнюю напряженность положения, которое, казалось, каждый момент должно было бы разразиться взрывом, взрыва не происходило, а в то же время казаки, так стесненные юридически, фактически оставались при своих старых правах. Это было делом рук Сагайдачного. Но такого результата нельзя было добиться без общественных жертв, более или менее тяжелых. В жертву принесены были хлопы, панские подданные. Они также тянулись к казацкому положению, но казаки в видах собственного спасения должны были их отталкивать. В этом отношении Сагайдачный действовал с сознательной решимостью, вероятно, вытекавшей из искреннего убеждения в невозможности иного порядка. Как бы то ни было, в постановлениях Раставицкой комиссии есть один пункт, в силу которого запорожцы обязуются выключать из состава войска всех ремесленников, шинкарей, войтов, бурмистров, резников и т. п., о хлопах же нет ни слова, очевидно, потому, что вопрос о хлопах не возбуждал никаких сомнений ни одной, ни другой стороны. Но зато фактическая сила казацкого войска под управлением Сагайдачного, несмотря на комиссии и их постановления, не только не уменьшалась, а благодаря войнам сильно выросла. А под ее прикрытием осуществился факт такой огромной важности, как восстановление православной иерархии ⁷⁴. Впервые казачество выступило действительной опорой русской народности в одном из существеннейших ее интересов.

Все тяжелые противоречия украинской жизни, с которыми умела как-то ладить сильная рука, выступили ярко наружу, как только ее

не стало. Украина вступила в эпоху (1625—1638) потрясений, повторявшихся друг за другом в самые короткие промежутки, пока не наступил десятилетний отдых, за которым последовал страшный, окончательный взрыв, снесший не прививавшийся к украинскому населению общественный порядок ⁷⁵.

Смерть Сагайдачного застала украинское казачество в такой момент, когда ему нужнее, чем когда-либо, был талантливый и энергичный руководитель. К обычным трудностям, какими была обставлена общественная жизнь казачества, присоединились новые осложнения. Еще при жизни Сагайдачного низовое войско *in согроге* * было вписано в число членов Киевского церковного братства, следовательно, открыто признало свою обязанностью покровительство и защиту православной церкви. Стояло ли оно раньше совсем в стороне от церковных дел, как это утверждает Кулиш ⁷⁶, или нет, — во всяком случае, и при жизни Сагайдачного, и после его смерти оно заявляет себя в роли официального покровителя православия. Новый митрополит Иов Борецкий ⁷⁷, так удачно выбранный на свой высокий, а теперь и опасный пост, заявлял, что он держится лишь защитой «черкасских молодцов» (т. е. запорожских казаков): надо заметить, что со смертью Сагайдачного наступили усиленные гонения на членов восстановленной православной иерархии. В конце 1624 г. некоторые члены киевского магистрата с войтом Ходькой во главе начали запечатывать в Киеве православные церкви. Тотчас появляются в Киеве два низовых полковника с казаками для «обереганья христианской веры» и расправляются с ее оскорбителями. Конечно, польское правительство не могло смотреть благосклонно на это казацкое самоуправство. А на Запорожье между тем происходило кое-что, еще более неприятное и угрожающее государственным интересам Польши. Там появился некто Ахия, или царевич Александр, якобы окрещенный сын султана Магомеда и законный наследник турецкого престола. На Запорожье испекло этого нового самозванца, но оно готово было идти за ним к восстановлению при содействии болгар, сербов, греков и албанцев православной восточной империи. Одновременно казаки впутались в политику Крыма, где происходили тяжелые внутренние замешательства, вытекавшие из вассальных отношений ханства к Порте: они решились поддерживать вставших во враждебные отношения к Турции Магомеда и Шагин Гиреев ⁷⁸, — последний лично явился на Запорожье за помощью. В результате всех этих политических комбинаций оказались новые набеги на Крым и Турцию, сушею и морем. Кафа была занята, казацкие чайки снова появились под Константинополем, жгли и грабили его предместья и окрестные села и местечки. В следующем 1625 г. запорожцы повторили морской набег на черноморские берега, с большими силами и более широким планом, но потер-

* В полном составе (лат.).

пели неудачу: много казацких челнов было затоплено и захвачено в плен. В то же время Запорожье — и непосредственно, и при посредстве духовенства — находилось в постоянных сношениях с московским царем. Иов Борецкий не только имел с Москвой самые тесные связи, но, видимо, серьезно задумывался над вопросом о присоединении Украины к православному восточнорусскому царству. О сношениях знало польское правительство; конечно, такое положение дел, с его точки зрения, было непереносимо.

Еще в 1623 г. сеймовым постановлением назначена была новая военно-судная казацкая комиссия из русских землевладельцев с Фомой Замоиским⁷⁹ во главе. Но комиссары, как ни были лично заинтересованы в казацких делах, все-таки собирались неохотно, считая участие в такой комиссии «самой опасной и убыточной войной». Таким образом, комиссия не осуществилась. Но в следующем же 1624 г. Кантемир-мурза, по прозвищу Кровавый Меч, глава свирепой Буджацкой орды⁸⁰, сделал страшно опустошительный набег на Подолье и Червонную Русь. Для того чтобы перехватить его с добычей, коронный гетман Конецпольский собрал все силы, какими только он мог располагать. После расправы с Кантемиром силы эти, растянутые, уже могли быть легко направлены и в другую сторону, против казаков, тем более, что Польша в это время была свободна от иных политических осложнений.

А между тем на Запорожье окончательно взяла верх крайняя партия, которая не хотела слышать ни о каких уступках польскому правительству и выбрала в гетманы Жмайла⁸¹. Осенью 1625 г. Конецпольский⁸² двинулся из Подолья на Днепр; комиссары по дороге присоединились к нему со своими отрядами.

Конецпольский не уступал талантами и энергией своему предшественнику и тестю Жолкевскому, усмирителю Наливайковщины, но, кроме того, он был и одним из крупнейших местных землевладельцев, следовательно, был близко знаком с украинскими делами и лично в них заинтересован. Как все вообще местные люди, он предпочитал решать украинский вопрос мирно, не прибегая к насилию: и теперь он открывает свое движение против казаков ласковым увещанием, которое он посылает им «как человек рыцарский таким же рыцарским людям». Но могучее течение всецело увлекло Запорожье в противоположном направлении.

Однако запорожцы, народ опытный в военном деле, видели, что их войску, в общем плохо вооруженному и плохо дисциплинированному, хотя и превосходящему численностью, трудно взять верх над силами Конецпольского, который имел в своем распоряжении, кроме кварцянных жолнеров и комиссарских полков, еще и отряд немецкой пехоты. Обе стороны сошлись над р. Цыбульник недалеко от Крылова, но казаки старались выиграть время под разными предлогами. Однако выяснилось окончательно, что переговоры, сколько бы ни тянулись, не могут привести ни к чему. Казаки не хотели поступить-

ся своими вольностями, которые они считали законной наградой за свои услуги Речи Посполитой, а в вольности их входило и свободное пользование земельными имуществами, даже и находящимися на панских территориях, и право принимать на Запорожье всякого, кто бы ни пришел, включая, следовательно, и всяких политических авантюристов, право свободного выбора своих властей и, наконец, права свободы для православной церкви. Государство не могло согласиться на такое толкование казацких вольностей. Военные действия были открыты. Но прежде чем дело дошло до чего-либо решительного, казаки ночью выскользнули из лагеря, может быть, рассчитывая просто рассеяться пока в лугах и плавнях. Однако Конецпольский, который имел под рукой такого помощника, как Стефан Хмелецкий⁸³, своевременно заметил их отступление. Казаки, дойдя до Курукова озера (близ теперешнего Крюкова)⁸⁴, здесь остановились и укрепились в урочище Медвежьих Лозы, на старом городище. Начался энергичный штурм, где на первом плане со стороны нападающих действовали немцы, и не менее энергичный отпор. В конце концов казаки вынуждены были признать себя побежденными и принять, с некоторыми смягчениями, предлагаемые им условия. Куруковский договор 1625 г., иначе договор на Медвежьих Лозах, служил на последующее время той законной нормой казацко-польских отношений, на которой настаивала одна сторона и от которой стремилась уклониться другая. Вот к чему сводилась эта норма.

Казаки вперед не имели права предпринимать никаких походов, ни сухопутных, ни морских, без разрешения правительства, как не имели права и сноситься с соседними державами; следовательно, [они] совершенно лишались присвоенных ими себе политических прав и признавались за простых подданных Польского государства. В казацком реестре, т. е. в казацком звании, оставлялось лишь 6 тыс. казаков, которые и должны были исправлять обязанности пограничной сторожки: одна тысяча должна была постоянно жить и сторожить на Запорожье, остальные находиться на Украине в готовности исполнять распоряжение властей. Все не вошедшие в реестр обязаны были вернуться в то общественное положение, из которого они, предполагается, вышли, т. е. должны были обратиться или в королевских мещан, или в шляхетских подданных. Казаки признанные, т. е. вписанные в реестр, пользовались «казацкими вольностями», которые заключались в личной свободе, в праве судиться своим войсковым судом и в праве свободно заниматься звериным и рыбным промыслами, а также торговлей; кроме того, они получали от правительства денежное жалованье. «Старшого» назначало им государство. Наиболее трудный для решения вопрос земельных отношений куруковской комиссией разрешался так. Те казаки, которые имеют свои оседлости на землях королевских, остаются как были, те же, земли которых лежат на территориях шлях-

ты или духовенства, могут на них оставаться лишь с разрешения владельцев на правах подданных. Кто не желает подчиняться этому, тот обязан выселиться в течение 12 недель, возвратя владельцам «неправильно приобретенное» имущество. Если же на такое земельное имущество окажется законный документ — что, конечно, могло иметь место лишь в исключительных условиях, — то казак имеет право продать такое имущество и собрать сделанные посе­вы.

Огромное практическое затруднение представлял собою и шеститысячный реестр в то время, когда в войске числилось около 50 тыс. человек. Сам Конецпольский писал королю, что в казацкий реестр нельзя поместить даже наиболее заслуженных воинов, т. е. таких, которые рисковали жизнью за государство в течение 10, 20 и даже 30 лет, которые изувечены на службе. А польское правительство находило и цифру 6 тыс. рискованной для себя и согласилось на нее лишь после больших домогательств со стороны казаков, за которых в данном случае стоял и Конецпольский.

Но польская политика, всегда легкомысленная и полная противоречий, уже снова приготовила выход для украинских затруднений. Осенью и зимою 1625 г. новый старшбй, или гетман, назначенный правительством, Михаил Дорошенко⁸⁵, объезжал вместе с польскими комиссарами Украину, чтобы привести в исполнение постановление комиссии насчет реестра: надо было отделить реестровых от «выписчиков», которые переставали юридически быть казаками и переходили в посполство. Но едва ли успел пройти год по окончании этой важной с формальной точки зрения процедуры, которая должна была плохо ли, хорошо ли упорядочить сословные отношения Украины, как снова все пришло в хаос: запорожские выписные казаки опять понадобились Польше для новой войны со шведами⁸⁶, так как реестровые отказались идти против шведов на том основании, что «король польский и паны радные пожитки всякие отняли, на море ходить не велят, на службу против шведского короля подняться нечем». На Балтийском море появились даже несколько лет спустя казацкие челны, выстроенные на счет литовского магната Радзивилла, — и здесь запорожцы показывали над шведскими кораблями, как прежде над турецкими галерами, те же чудеса ловкости и искусства, возбуждавшие изумление современников. А между тем на Низу, опять предоставленному самому себе, все снова пошло по-старому. Течение было так сильно, что увлекло даже такого сторонника правительства, как Дорошенко.

В 1628 г. Дорошенко со своими реестровыми казаками предпринял самовольный поход в Крым на помощь Магомед- и Шагин-Гиреям, по дороге разрушил вновь построенный турецкий город Исланкермен на татарской переправе против острова Тавань и сам пал в битве с Кантемиром-мурзой, сторонником султана, осаждавшим Бахчисарай, где заперлись Гиреи. Казаки выбрали себе в гетманы Грицька Черного⁸⁷, освободили Гиреев и победителями воротились

на Запорожье. В то же время корсунский полковник Филоненко⁸⁸ вторгся в турецкие владения в Молдавии.

Правительство должно было проглотить пилюлю — принять нехитрые казацкие оправдания и объяснения, тем более, что в это время исправлял должность украинского региментаря, т. е. главного начальника местных военных сил, Стефан Хмелецкий — человек очень гуманный, прекрасно знакомый с положением дел на Украине и искренне расположенный к казакам, которые всегда видели в нем заступника и ходатая перед верховной властью. В то же время новый казацкий гетман Григорий Савич, или Грицько Черный, также действовал как убежденный сторонник правительства. Таким образом, на один момент водворилась было в казацко-польских отношениях гармония, результатом которой была блестящая победа Хмелецкого над Кантемировской ордой под Бурштыном (1629), где казаки сражались под польскими знаменами.

Но это был только момент. В следующем же году Украина вся опять принимает вид крайней враждебности «к панам-ляхам». Всюду распространяются слухи, что поляки хотят истребить православную веру, чтобы ввести насильственно римскую, что ляхи намерены вырезать всю Русь вплоть до московской границы и т. п. Некоторым поводом для этих слухов служили отдельные случаи безобразий и насилий, какие позволяли себе польские жолнеры, расквартированные на Украине со времени Куруковской комиссии. Открылись волнения прежде всего в окрестностях Киева, где казаки вместе с хлопами начали истреблять жолнеров. Грицько Черный принял было со своей стороны меры, чтобы успокоить волнение, но восставшие «жестокосердно его замучили». На сцену появляется гетман, выбранный на Низу, который становится во главе начавшегося движения, быстро принимающего характер казацкого восстания. Гетман этот — Тарас Федорóвич, по прозвищу Трясило⁸⁹; из 6 тыс. реестровых к нему пристали 4 тыс., 2 тыс. остались на стороне правительства.

Как только до коронного гетмана дошло известие о том, что запорожцы вышли с Низа «на влости», т. е. появились на украинской территории, он тотчас же послал в Киевщину нескольких ротмистров, в том числе коронного стражника Самуила Лаца⁹⁰, этого типичнейшего представителя беззастенчивого шляхетского своеволия. Вероятно, дикая энергия Лаца, для которой не существовало препятствий, сыграла немалую роль в том, что польский отряд, сравнительно очень малочисленный, оттеснил казаков за Днепр. Вообще, главной ареной настоящего восстания надо считать Заднепровье, владения князей Вишневецких, уже успевшие к тому времени из пустых обратиться в довольно заселенные местности. Центральным пунктом восстания был Переяславль, где инсургенты и укрепились.

Местный человек, Конецпольский прекрасно знал, что украин-

ские волнения все равно, что пожар — упустишь время, не потушишь, и сам со своим войском и панскими отрядами появился на Украине со всевозможной скоростью; в войске его были и «черкасы — лучшие люди», т. е. реестровые казаки, оставшиеся верными правительству. Обложение Переяславля, которое продолжалось три недели и кончилось тем, что осажденные изъявили покорность, составляет все содержание этого эпизода. Ближайшие подробности того, что и как происходило, нам неизвестны: не сохранилось почти никаких документов, мемуаров участников и свидетелей событий. Можно с уверенностью сказать, что «Тарасову ночь» надо отнести из области исторических фактов в область легенд⁹¹, но, с другой стороны, по-видимому, и торжество поляков не было очень решительным. «Переяславские пакты» настаивают лишь на соблюдении куруковского договора, даже вопрос о выдаче главного виновника, т. е. Тараса Федорoviча, не ставится резко, а обставляется условиями. Вероятно, на ходе событий сильно отразился раскол в казацкой среде, то, что «лучшие люди» ее не примкнули к восстанию. Таким образом, «переяславщина» не внесла ничего нового в казацко-польские отношения с формальной точки зрения, взаимные же неприязненные чувства, конечно, выростали и крепили после каждого столкновения.

В то время, когда составлялся переяславский договор, часть самовольных казаков опять ушла на море.

Владислав IV тотчас по вступлении своем на престол задумал новый поход в Московское царство (1632)⁹². Без помощи казаков трудно было осуществить с успехом такое предприятие. Правительство потребовало на помощь себе 15 тыс. казацкой силы, не стесняясь шеститысячным реестром. Поляновский мир, снова присоединивший к Польше области Чернигова, Новгород-Северска и Смоленска⁹³, был результатом участия в походе казаков.

В то же время помощь казаков была действительно нужна Польше и в другой стороне. Летом 1633 г. Кантемир со своею ордой снова опустошил Подолье; Конецпольский, правда, перехватил татар с добычею на обратном пути, но набег Кантемира оказался лишь предвестником большого турецкого нашествия под начальством Абазы, которому вверены были все военные силы Балканского полуострова и к которому присоединились молдавский и валахский господа⁹⁴. А когда Конецпольскому благодаря позднему осеннему времени и крайнему напряжению сил удалось задержать Абазу, турецкий султан начал лично готовиться к большому походу с целью завоевания Польши.

В этих трудных обстоятельствах Конецпольский призвал к себе на помощь реестровых казаков; те, хотя неохотно, но повиновались. Но гроза миновала, и опять, чуть не в десятый раз, заключен был между Польшей и Турцией вечный мир с тем условием, что Польша

заставит казаков прекратить морские походы, а Турция удержит татар от хищнических набегов.

Но тут начались волнения среди реестровых, призванных в Подолье гетманом: они кинулись на имения местных панов, начали их грабить, сменили свою старшину, убили некоторых из ее состава, а затем самовольно отправились домой. Все это находилось, по-видимому, в связи с морскими походами, которые тянулись себе своим чередом независимо от отношений Польского государства к Турции. Между тем вернулись казаки и из московского похода и, конечно, не увеличили собою мирных элементов украинской жизни. Всюду на Украине чувствовалось то острое недовольство, которое проявлялось неповиновением масс, множеством отдельных случаев разных насилий и самовольных расправ: постоянные симптомы приближающегося общего взрыва. Но Конецпольский тотчас же двинул за волнующимися реестровиками в Киевщину свои хоругви — и до общего восстания не дошло. Однако он решил, что настала неотложная необходимость осуществить одну меру, которая должна была дать решительный перевес на Украине государственности и польскому правовому порядку: необходимо было выстроить на порогах крепкий замо́к.

Местом для замка выбрано было урочище Кодак, выше порогов. Здесь заложен был в 1635 г. замок французским инженером Бопланом, который и оставил нам свое знаменитое «Описание Украины»⁹⁵. Комендантом замка был французский полковник Мариэт, в распоряжении которого состоял немецкий гарнизон.

Вновь, и так быстро, возникшая кодакская твердыня должна была сыграть роль поворотного пункта в развитии казачества — так велико было ее значение для хозяйственных и даже политических условий казацкого быта. Конечно, она не могла прямо помешать казацким челнам выходить в море, но она не допускала на Низ «липы» для этих челнов, которые спускались сюда с верхнего Днепра. Но еще важнее было то, что Кодак мог препятствовать доставке на Низ пороха и огнестрельного оружия, а главное, съестных припасов («липы», кроме верхнего Днепра, сплавливались еще из Волчьих Вод). Одним словом, Кодак держал в своих руках торговые сношения Запорожья с Украиной, которая посылала на Низ продукты сельского и лесного хозяйства, получая в обмен вместе с рыбой и восточные товары — добычу морских набегов. Низ без Украины не мог прокормиться одним своим промыслом. Таким образом, Кодак имел возможность властвовать над низовым казачеством угрозой лишения насущно необходимого — хлеба, горелки, пороха. Не пропуская товара, Кодак мог не пропускать и того вольного люда, который постоянно передвигался из Украины на Низ и обратно, пользуясь Днепром как главнейшим и удобнейшим путем сообщения. А затем кодакский комендант не позволял казакам промышленять в окрестно-

стях, считая окрестную территорию принадлежащей замку; всех сопротивляющихся его решениям он хватал и держал в оковах.

Нетрудно представить себе, сколько негодования, возмущения, злобы возбуждал в казацких сердцах Кодак с Мариэтом и его немцами. Необходимо было вырвать это ненавистное бельмо, этот сучок в глазу запорожского казачества. И — как это обыкновенно бывает в минуту большого, массового возбуждения — тотчас же нашелся человек, способный встать во главе дела, сосредоточившего в себе интересы данного момента. Этим человеком оказался некто Самуил Сулима⁹⁶, известный не только на Черном, но и на Средиземном море и даже в Риме, где он подарил папе Павлу V захваченную им турецкую галеру с 300-ми турок. Этот Сулима, во главе 6 тыс. нереестровых казаков, напал врасплох на кодакский замок, взял его и разрушил, истребил гарнизон и расстрелял Мариэту (1635).

Конечно, казаки знали, что такое дело не могло остаться безнаказанным, но они надеялись на шведскую войну, которая отвлекала великого гетмана: как раз в это время запорожские челны действовали против шведских кораблей на Балтийском море. Однако казацкие расчеты не оправдались. Война кончилась, и Конецпольский, конечно, готов был обратить свободные теперь военные силы против казаков. Чтобы отвлечь беду, более мирно настроенная часть казачества решилась захватить и выдать правительству Сулиму с четырьмя его главнейшими сподвижниками. Их судили и казнили, несмотря на то что многие влиятельные поляки сожалели об участии такого героя, как Сулима, и сам король склонялся к помилованию; только одному из осужденных, уже на эшафоте, объявлено было прощение — и этот один был Павло Михнович Бут, или Павлюк⁹⁷, который два года спустя выступает на сцену как руководитель нового восстания.

Выдача Сулимы с товарищами показывает, как глубоко пошел раскол внутри самой казацкой массы. Реестровые могли быть недовольны той или другой мерой правительства, особенно задержкой жалованья, и, случалось, увлекались на какую-нибудь крайность, вроде самовольного похода в Крым, но в общем они склонялись к тому, чтобы довольствоваться теми правами, какие давала им их казацкая служба, ставившая их по отношению к землевладению на шляхетское положение, а впереди обещавшая — путем военных заслуг — и настоящее шляхетство. Не могли бесповоротно примириться со своим положением лишь выписчики и вообще непризнанные правительством казаки. Часть их ввиду правительственных мер и ряда неудачных восстаний уже ушла в подданство, в крестьяне, тем более, что положение украинского крестьянина пока еще было более чем сносно, или осела в городах на мещанстве. Но положение той части, которая не примирялась с переходом в посполитые, становилось все труднее и необеспеченнее: земли их уже перешли на самом

законном основании в собственность панов; семьи их оставались на украинской территории в полном распоряжении панов и старост, которые всегда имели возможность выместить на них свое неудовольствие, а в то же время промысловый труд, рыбная и звериная ловли в связи с большим риском пребывания в дикой степи не представлял большой привлекательности, особенно если он не пополнился сухопутными или морскими экспедициями на соседние территории. Недовольство и склонность ко всякого рода крайностям, туманившим головы надеждой на какой-нибудь выход из неопределенности, были естественной стихией существования этой массы. Это был горючий материал, готовый вспыхнуть от малейшей искры. Правительство же, тратя столько энергии на то, чтобы тушить постоянно вспыхивавшие пожары, одновременно поддерживало склад этого материала, то и дело привлекая выписчиков в свои войска. То же делали и украинские паны, вербуя отсюда надворные казацкие отряды, с которыми они являлись на войну и с которыми еще гораздо чаще вели домашние войны друг с другом. Без таких войн на Украине землевладельцы даже не умели определить взаимного права на землевладение: на техническом украинском языке того времени вести такую соседскую войну называлось «граничитьсья», т. е. устанавливать межи, границы владений⁹⁸.

Итак, как ни странно существование в государстве массы людей без определенного общественного положения, без определенных прав и обязанностей,— в особенных условиях украинской жизни эта аномалия выросла и окрепла.

Реестровый казак и панский подданный, крестьянин, были теми элементами украинской жизни, которые уже улеглись, хотя пока еще и не совсем прочно, в государственные кадры; вольный казак торчал вне и постоянными судорогами общественного организма давал знать о своем существовании. Конечно, все эти три элемента в данный момент еще находились в известном соприкосновении, между ними происходил взаимный обмен; тем не менее могло казаться, что уже дело недалекого будущего их окончательное обособление, которое должно было сопровождаться отмиранием элемента, не вмещающегося в государственные рамки. Но это будущее не наступило.

После того, как реестровые казаки выдали правительству Сулиму, «разорили своевольный кош, овладели его арматой и сожгли морские челны», Украина в ближайшие годы уже не знала спокойствия. В среде самих реестровых рядовое товарищество волновалось против правительства и своей старшины. Общее брожение умов все росло. Все недовольные элементы украинской жизни сплывались, чтобы еще раз сделать вызов государству. Произошел новый взрыв, и взрыв еще небывалой силы.

К обычным слухам, которыми обыкновенно насыщалась атмосфера Украины перед грозой,— слухам о разрушении и осквернении

католиками церквей, истреблении жолнерами казацких жен и детей и т. п., — присоединился на этот раз новый, необычайный и многознаменательный слух о том, что новый король Владислав IV, так благосклонный к украинским казакам, бежал от панов из Польши в Литву и ждет себе помощи от украинского народа. Веридо или нет этим слухам Запорожье, но оно было готово к действию.

Летом 1637 г. явился из Запорожья на Украину новый самовольный гетман, только что упомянутый выше, — Павло Бут, или Павлюк. Он схватил и казнил реестровую старшину и начал действовать как полноправный господин Украины; его главным помощником был некто Скидан⁹⁹. Крайне любопытно, что Павлюк в качестве гетмана украинского войска совсем не взывал к террору, и в это время, на самом деле, мы еще совсем не наблюдаем тех ужасающих проявлений злобы и мести, какие наблюдаем 10 лет спустя. Конечно, шляхта волновалась, почувствовав себя на чужой и враждебной территории, но Павлюк не только не поднимал подданных против панов, а, наоборот, обращался к панам в своих универсалах с совершенно спокойными увещаниями не мешать тем своим подданным, которые обращены в подданство из казаков, присоединяться к казацкому войску. Казаков же он убеждал действовать заодно с ним, чтобы вместе защищать «веру христианскую и золотые вольности, которые мы кровью заслужили».

Но как ни старались восставшие держаться на своем условно легальном положении, поляки не хотели знать этой легальности: наоборот, чем дальше, тем больше они были склонны трактовать восставших не как казаков, «рыцарских людей», а как взбунтовавшихся хлопов, на которых шляхетская честь не позволяет смотреть как на воюющую сторону. Жолкевский и Конецпольский могли в своих частных сношениях обзывать казаков рабами или хлопами, но в сношениях официальных они придерживались тех приемов, какими обычно обставлялись отношения воюющих сторон. Потоцкий, польский гетман, который осенью явился на Украину во главе польского войска для усмирения нового бунта, иначе смотрел на дело. К коронному войску присоединилась часть реестровых казаков. Встреча враждующих сторон, сопровождавшаяся тяжелой, упорной, кровопролитной битвой, была под Кумейками¹⁰⁰, и снова лучшее вооружение, дисциплина и искусство польского войска с его иноземными отрядами взяли верх над численностью и отчаянной храбростью казаков. Казаки отступили к с. Боровица¹⁰¹, укрепились здесь и продолжали сопротивляться, однако поляки так их стеснили, что пришлось просить пощады. Казаки должны были выдать Павлюка и его товарищей; только Скидан успел уйти на Запорожье. Посредником в переговорах с казаками с польской стороны был русский и православный пан Адам Кисель¹⁰² — один из последних представителей того панства, у которого, по украинскому выраже-

нию, «русские кости обросли польским мясом». Он ручался, что выданных помилуют, но теперь уже брала верх та точка зрения, что с хлопам нечего особенно церемониться, и их казнили в Варшаве. Кизименка, предводителя отдельного казацкого отряда, также попавшегося в руки Потоцкому, последний распорядился казнить той позорной и мучительной казнью, которая позже вошла в обиход обоюдных казацко-польских отношений, — посадить на кол ¹⁰³.

Казакам пересмотренного и вновь избранного шеститысячного реестра приказано поодиночке присягнуть на статьях куруковского договора. И в то самое время, как происходила эта присяга, т. е. в начале нового 1638 г., состоялась сеймовая «ординация войска Запорожского». Ординацией этой уничтожались «на вечные времена все казацкие льготы, доходы, право на самосуд и на выбор старшины». Все участвовавшие в бунте обращаются в хлопов. Упраздняется должность «старшбого», т. е. гетмана, а место его должен заменить комиссар от правительства из лиц шляхетского сословия; комиссару подчиняются также назначаемые правительством есаулы и полковники из шляхтичей, и только низшие чины, сотники и атаманы могут быть выбираемы самими казаками.

Поляки торжествовали свою победу над «стоглавой казацкой гидрой», но она еще далеко не была придушена.

Только что настала весна и вскрылись реки, как снова все пришло в движение. Волнение открывалось не только на Украине, но и на Волыни, Подолье и даже в Червонной Руси — всюду по городам, монастырям и даже дворам православных шляхтичей расходились монахи и священники с воззваниями. По приглашению низовцев собирались на помощь им донцы. В апреле появился на Украине с Запорожья, сухим путем и водою, новый гетман Остранин ¹⁰⁴, который решил держаться Заднепровья, где происходило самое усиленное брожение населения; он укрепился со своим войском в Голтве ¹⁰⁵, городе князя Иеремии Вишневецкого, с очень выгодным для обороны местоположением. Коронное войско, в состав которого входили теперь значительная часть реестровых казаков и панские отряды, не успев удержать Острианина в степи, преследовало его, но понесло под Голтвой значительное поражение и отступило к Лубнам. Между тем Острианин знал, что к нему идут с разных сторон подкрепления, между прочим, Путивлец с донцами ¹⁰⁶. Он последовал за коронным войском, надеясь, что подкрепление присоединится к нему дорогою, но обманулся в расчете. При встрече с коронным войском Острианину ничего не оставалось, как поспешно уйти, и таким образом полякам уже нетрудно было справиться с подоспевшим тем временем Путивльцем. Снова казаки вынуждены были просить прощения в таких же униженных выражениях, как и под Боровицей. Прощение было им обещано под условием выдачи предводителей, но после того, как предводители были выданы, поляки напали врасплох на казацкий табор и перерезали казаков, не стесня-

ясь данным словом. Все это происходило в мае. Но в следующем месяце Острианин, усилившись подкреплениями, снова был готов померяться силами с поляками, но в битве под Жовнином был разбит и скрылся за московский рубеж¹⁰⁷. На место Острианина казаки выбрали себе старшим Гуню¹⁰⁸ и продолжали борьбу. Они окопались при впадении р. Старец в Днепр в очень выгодной для себя местности, где они могли бы очень долго выдерживать нападения коронного войска со всей его артиллерией и постоянно возраставшими силами, если бы не недостаток в съестных припасах и порохе. На выручку окопавшихся явился на лодках Филоненко¹⁰⁹ с припасами и подмогой, но ему удалось пробиться через атакующих лишь с большою потерей и в людях, и в припасах. Тогда осажденные убедились, что им опять-таки ничего не остается, как сдаться на милость польского гетмана, который лично руководил осадой на Старце. В конце того же 1638 г. состоялась «заключительная комиссия с казаками» на Масловом Ставе¹¹⁰. Казаки вынуждены были подчиниться всем пунктам сеймового постановления, изложенного выше. Казацкая артиллерия передана была в заведывание правительственного комиссара. Центром казацкого управления назначен был Корсунь, так как Трахтемиров тем временем уже оказался в руках коронного стражника Лаца как награда за его «труды» по усмирению восстаний¹¹¹.

Итак, вот к какому положению приведено было украинское казачество тяжелыми усилиями и жертвами 1637—1638 гг. В казацком звании, или реестре, теперь уже пересмотренном и наново составленном под наблюдением агентов правительства, было, как и раньше, 6 тыс. Но из этих старых прав и вольностей у этих 6 тыс. не оставалось уже почти ничего: это была пограничная стража, состоящая в полном распоряжении коронного гетмана и назначенной от него старшины. Она делилась на шесть полков в связи с теми территориями, на которых казаки могли исключительно иметь свою оседлость. Территориями этими были староства Белоцерковское, Каневское, Корсунское, Чигиринское, Черкасское, Переяславское. Здесь — и нигде в ином месте — за казаками признавалась земельная собственность «на вечном и наследственном», т. е. шляхетском, праве. Все, не вошедшее в реестр, теперь уже неминуемо должно было обратиться в поспольство: в мещан ли королевских городов или в панских подданных. Новые порядки, приводимые в исполнение под наблюдением агентов правительственной власти из шляхты, лично заинтересованной в деле, лишали самовольное казачество узурпированных было им прав на существование. Конечно, Степь, особенно Запорожье, Заднепровье, представляла еще достаточно таких диких мест, где люди могли жить свободно на собственный риск и страх, но новые порядки не допускали их вмешательства в общий строй гражданской жизни.

Плотина перехватила русло старой вольной украинской жизни

и остановила ее течение. Кое-как начал действовать прилаженный на Украине механизм того государственного и общественного строя, который принесла сюда Польша. Но плотина ли оказалась мало устойчивой, сила ли сдерживаемой стихии слишком великой, только всех приспособлений, со всей затраченной на них польским государством энергией, хватило лишь на 10 лет. Все было снесено ужасающей катастрофой 1648 г.

Глава 6

ХМЕЛЬНИТЧИНА И «РУИНА»

I

Украина и казачество — вот к чему сводится пока южнорусская история. Лишь на территории воеводств Киевского и Брацлавского сосредоточивается внимание историка, а на территории этой оно всецело поглощается одним общественным элементом, который сам становится в резкую оппозицию к государству и берет на себя представительство всех неудовлетворенных интересов южнорусской земли. Но жизненный пульс, который так лихорадочно бьется в Южной Украине, служит лишь показателем процесса, развивающегося далеко за ее пределами.

Хмельнитчина выяснила с наглядностью, какая широкая территория примыкала своими интересами к казацкой Украине: предел ее совпадал с этнографическими пределами Южной Руси. Та же Хмельнитчина — и с не меньшей наглядностью — очертила взаимные отношения элементов, составлявших южнорусское общество.

Конечно, Хмельнитчина лишь положила свои кровавые зарубки на те черты, которые уже были отмечены и выяснены всем предыдущим. Несмотря на кажущийся хаотический беспорядок, которым поражает наблюдателя южнорусская и в особенности украинская жизнь того времени, к концу первой половины XVII в. основные черты нового общественного строя, сформировавшегося под культурным воздействием Польского государства, уже успели сложиться и до известной степени окрепнуть даже и на Украине.

Шляхтич с дополняющим его хлопом — альфа и омега этого нового строя. Духовенство и мещанство — две остальные группы южнорусского общества — лишены существенного веса и значения. Мещанство южнорусских городов, большею частью новых, не отделяет своих интересов от интересов казачества: недаром современники отмечали тот факт, что в казацком лагере всегда можно найти ремесленников всякого рода; мещанство старых городов, вроде Киева или городов Волыни, не могло не чувствовать, как трудно процветать промышленной или торговой деятельности на такой вулканической почве, но оно слишком единодушно и энергично встало на защиту православия, которое находило поддержку в казачестве. Ду-

ховенство православного обряда — схизматическое, по польской терминологии — не имело или почти не имело никакой фактической силы даже и после того, как при вступлении на престол Владислава IV был формально произведен раздел епархий, церковей и монастырей между ним и духовенством униатским; симпатии же его, конечно, лежали всецело на стороне казачества. Но духовенство, как и мещанство, стояло в стороне от того социального процесса, который непосредственно питал собою казацкое движение. Две общественных силы — одна деятельная, другая страдательная — творили этот процесс: шляхетство и хлопство.

Южнорусское дворянство неудержимо стремилось к полному слиянию с дворянством польским. Оно быстро стягивалось в общую политическую жизнь государства, шумело на своих провинциальных сеймиках, ездило на сейм в Варшаву, принимало живое участие в политических интригах, рокошах и конфедерациях. Крупные интересы государства заслонили в его глазах относительно мелкие интересы родного края; Волынская и Киевская земли поглощались теперь наново Польшею — поглощались в душах и симпатиях их представителей. Понятие земли отождествлялось с той сословной группой, которая делила между собою обладание этой землею, и южнорусское дворянство быстро усвоило себе искусство польского шляхетства употреблять свое политическое влияние лишь на пользу своего сословия и отдельных его представителей, к ущербу и стеснению остальных общественных элементов. Естественно, что процесс денационализации южнорусского дворянства шел с поразительной быстротою. Кидая вместе с одеждою, бытовою обстановкою и языком внешний облик русского человека, оно одновременно расставалось легко и со своим традиционным мировоззрением, служившим под иным культурным влиянием — расставалось сначала для религиозного рационализма, а затем уже всецело для католицизма. К половине XVII в. ополячение дворян еще не завершилось; среди южнорусских дворян, и преимущественно более мелких, еще оставались такие, которые вместе с дворянством западнорусским поддерживали православные братства, представляли собой интересы православия на сеймах, хлопотали о поддержании признанных Люблинскою унией прав русского языка как официального языка соединенных южнорусских воеводств. Но слишком ясно было, куда направляется течение: ряды этих последних могикиан все редели, и являлось лишь вопросом времени, когда эти ряды должны были совсем рассеяться и исчезнуть. Хмельнитчина лишь ускорила то, что не затянулось бы и без нее.

Да оно и не могло быть иначе. Под поверхностью, на которой происходили эти явления, совершался тот глубокий социально-экономический процесс, с главными чертами которого мы уже познакомились выше. Он объединял в общую группу всех землевладельцев, враждебно противопоставляя эту группу земледельцам. Земледелец

превращался в хлопа, его земля — в волоку, на развалинах свободного крестьянского хутора возникал панский фольварк с барщинным трудом, продукты которого шли на рынок и обращались в деньги — вот схема новых хозяйственных отношений. Отношения эти уже вполне водворились на землях старого заселения. Теперь они завладевают и Украиной. Первая четверть XVII в.— та эпоха, когда новый хозяйственный строй развивается на Украине с необычайной быстротой и силою. Это было время Сагайдачного, вообще то мирное время, когда казачество, после первых попыток насильственной оппозиции с Косинским и Наливайком, пыталось найти *modus vivendi* * в каком-нибудь компромиссе. Десятилетие казацких волнений 20—30-х годов задержало было на некоторое время это хозяйственное превращение Украины, но подавление восстания соединенными силами местного дворянства и Польского государства снова открыло гладкое поле для дальнейшего движения в том же направлении. И, таким образом, следующее десятилетие, до рокового 1648 г., опять представляет оживленную картину хозяйственного развития Украины, за блестящими результатами которого незаметно было, во что она обходится народной массе,— незаметно было до тех пор, пока социальная катастрофа не раскрыла глаз на эту закулисную сторону дела.

Как увеличилось за это время население Украины и число населенных мест — об этом уже была речь выше; особенно поразителен рост городских поселений, хотя эти города и не представляли собою почти ничего специально городского, кроме городских стен. Весь этот прирост населения относится почти целиком к частным владениям: магнаты, местные русские и пришлые польские, тратили свои богатства на захват неистощимых ресурсов украинской почвы под охраной воздвигаемых ими городов и городков или местечек, замков и замочков. Для привлечения населения они не жалели льготных сроков «слобод». Но как ни продолжительны были эти льготные сроки, а все-таки им приходил конец, и есть основание думать, что ко временам Хмельнитчины изжиты были огромным большинством украинского населения уже эти сроки. Таким образом, украинская масса с присоединением и казацких выписчиков перешла на крепостное положение. Теперь уже могла и на Украине водворяться фольварочная система, выгоды которой были так хорошо известны панам; надо думать, что особенно благоприятен ее распространению был промежуток времени между подавлением последних казацких волнений и Хмельнитчиной. К сожалению, отсутствие точных цифровых данных позволяет нам говорить об этом лишь предположительно. Но веским доказательством в пользу такого предположения служит усиление хлебной торговли. В то время как Украина отпускала раньше лишь продукты промыслового труда, теперь она начина-

* Образ жизни (лат.).

ет отпускать в Данциг хлеб; одновременно сильно возрастает число мельниц. Трудно допустить, чтобы этот хлеб, на доставку которого паны составляют контракты с данцигскими купцами, к перевозу которого употребляют труд целых деревень, освобожденных от всяких иных повинностей,— чтобы этот хлеб выращивался не барщинным трудом на фольварочном поле. Во всяком случае, мы имеем несомненные данные из инвентарей панских имений, свидетельствующие, что в первой четверти XVII в., перед десятилетием казацких волнений, барщинный труд уже играл большую роль в повинностях крестьян Киевского Полесья и, следовательно, уже перебрался из соседней Волыни на территорию Украины.

Изменение хозяйственных условий украинской жизни прилекало на Украину евреев все в большем и большем числе. Сначала они ютятся только в Киеве и других городах края, обходя как-то, к большому огорчению и вечным жалобам местного мещанства, ограничительные законы. В частных имениях земли Волынской, в особенности в той ее части, которая составляет владения князей Острожских, они селятся еще в XVI в. С начала XVII в. они появляются на Украине по частным имениям и староствам, быстро и успешно приспособляясь к ее условиям. Евреи занимаются торговлею, производством поташа и селитры, корчмарством и всякого рода арендою. Мало-помалу они захватывают в свои руки все виды посредничества между паном и подданным, что было на Украине особенно удобно: в украинских латифундиях владельцы не могли стоять в непосредственных отношениях к своим подданным. Их умение извлекать доход и все обращать в деньги так красноречиво говорило за себя, что даже старосты передавали евреям управление староствами, предпочитая получать готовые доходы и проживать их в Варшаве. Легко понять, как увеличивалось общественное зло этим посредничеством людей, не связанных с народною массою никакою живою нитью взаимного понимания и сочувствия. Подавление казацких восстаний развязало руки хищничеству, и жгучая ненависть к «жиду», как бы втравленная с тех пор в душу украинца, показывает, как умело воспользовались евреи выгодами положения.

В данных условиях жизни общественная катастрофа была неизбежна для Южной Руси,— так смотрит на дело историк. Но не так понимали свое положение современники. Накануне Хмельнитчины еще никто не думал о ее возможности ни в том, ни в другом лагере. Паны русского и польского происхождения с евреями, которые успели сделаться им необходимыми, твердо верили в завтрашний день, наполняя всяческим добром свои храмины и житницы, не тревожимые уже теперь татарскими набегами, которые становились все реже. Народная масса со своим невежественным духовенством была спокойна, не показывая никаких признаков недовольства. Рестровые, или городовые, казаки дорожили теми личными и имущественными льготами, которые выдвигали их из рядов народной

массы, и, по-видимому, вовсе не были склонны рисковать своим положением. На Низу, конечно, происходило вечное брожение, но ведь там был всякий сброд, для удержания которого от вмешательства в правильное течение государственной жизни был снова отстроен Кодак, и содержалось на Украине кварцянское войско. И если справедливо, что никто не ожидал катастрофы, то, конечно, не больше других ждал и желал ее тот, на кого обстоятельства возложили поистине провиденциальную роль — сам Богдан Хмельницкий.

В 1648 г., т. е. в год катастрофы, чигиринскому сотнику Хмельницкому было уже под 50 лет. В эти годы человек обыкновенно выясняется и для самого себя, и для окружающих. По-видимому, вся тяжелая и длительная эпоха казачьих волнений 20—30-х годов прошла перед его глазами; доказательством его близости к театру совершающихся событий служит его подпись как генерального писаря под Боровицким договором 1637 г.

Все это время он оставался в тени, вероятно, держась в рядах той казацкой старшины, которая предпочитала пользоваться, в ладах с государством, преимуществами своего положения. Для того чтобы выбить этого уже пожилого человека из колеи, конечно, необходимо было то роковое стечение личных несчастий, жертвой которого сделался Хмельницкий, — притом таких личных несчастий, которые находились бы в тесной связи с общественными бедствиями. Ряд тяжелых обид, нанесенных маленьким шляхтичем, подстаростой Чаплинским, заслуженному и уважаемому Хмельницкому, обид и оскорблений, несмытых и вознагражденных, только потому мог иметь место, что за шляхтичем этим стоял его патрон, магнат Конецпольский. Лишение имущества, на приобретение и благоустройство которого нужны были долгие годы, коренилось в общей неясности и неустойчивости казачьих прав на землю перед лицом прав панских. К личным обидам и материальным утратам присоединилось еще, по-видимому, острое чувство оскорбленной страсти. Все это, нахлынувшее разом, всколыхнуло душу до тех глубин, где таились ее скрытые силы.

Конечно, у Богдана Хмельницкого были эти силы. Его энергия и предприимчивость проявлялись еще в молодости, в тех двух черноморских походах 1621 и 1629 годов, которые известны как совершенные под его предводительством. Да и обстоятельства его жизни, сколько мы о них знаем, способствовали развитию его природных сил и дарований. Учился он, по преданиям, сначала в Киевской братской школе, затем, как кажется, в иезуитском коллегиуме в Ярославле¹: латынь, по-видимому, была ему не чужда. После несчастной битвы при Цецоре, где был убит его отец, он находился в течение двух лет в плену в Константинополе. Не раз участвовал он в депутациях, посылаемых казаками на сеймы и к королю с разными ходатайствами. Все это, вместе взятое, дает основание предполагать,

что Богдан Хмельницкий был до известной степени подготовлен к той выдающейся политической роли, которую навязала ему судьба.

Случайное ли стечение обстоятельств руководило Хмельницким или сознательное понимание положения, только выбор момента, чтобы поднять знамя восстания, был чрезвычайно удачен. Само польское правительство в лице короля и его приближенных подготовило на этот раз почву для взрыва.

Король Владислав IV был страстно увлечен идеей о грандиозной войне с Турцией; с этой войной у него была связана надежда на усиление королевской власти и обуздание шляхетского самовольства. Но вся шляхетская Польша, за исключением самого малого числа приверженцев короля, сочувствовавших его планам, была поголовно возбуждена против военных замыслов короля. В этих обстоятельствах король видел в казачестве единственную надежную опору, — конечно, в том сильном украинском казачестве, с которым он когда-то так успешно действовал против турок под Хотинном. И не только как военная сила нужны были ему казаки: лишь они могли своими задирательными морскими набегами возбудить гнев турок и сделать желанную войну неизбежной для Польши.

И вот Владислав входит в тайные сношения с некоторыми лицами из казацкой старшины, в том числе и с Богданом Хмельницким. Факт этих сношений выяснен достоверно; в результате их оказался в руках старшины какой-то документ, грамота или привилегия, разрешавшая казакам строить снова морские челны и увеличить реестр до 12 тыс. Надо полагать, что таким разрешением и ограничивалась вся эта конспирация короля с казаками. Но как ни скромна была эта почва, а на ней легко могли вырасти самые фантастические предположения и слухи, особенно на Украине, столь стесненной и вместе с тем столь полной живых воспоминаний и представлений о самой неограниченной воле. Возбужденное воображение массы не довольствовалось слухами о том, что «окрестные короли велят Польскому королю Непр отпереть», как сообщал Печерский архимандрит в Москву; быстро сложилась и завладела умами легенда о том, что король есть враг панов, которые хотят его погубить, так что он вынужден бежать в Литву и ждать помощи от украинского народа. Если эта легенда могла найти доверие к себе лишь у темной массы, незнакомой с настоящим положением дела в высоких политических сферах, то и между самыми сведущими современниками передавался, например, рассказ о том, что король на жалобу Хмельницкого об обиде и несправедливости сказал: «*Vel non habes frameam, stupide?*» («Разве у тебя нет сабли, глупец?»).

Немного надо было, чтобы поднять Украину. И чигиринский сотник решил взять на себя это. Не только оскорбленный и ограбленный, но и преследуемый по подозрению в противогосударственных замыслах, Хмельницкий в конце 1647 г. бежал на Низ, где так легко было всякому укрыться от руки карающего закона. Полное

сочувствие и содействие низовцев было ему вполне обеспечено. На Запорожье всегда знали, что делается у крымских соседей. Но в Крыму было в то время настроение, крайне враждебное Польше: правящий класс был раздражен тем, что ему не были присланы обычные «упоминки», чернь страдала от голода вследствие неурожая трав и падежа скота и потому крайне нуждалась в набегах, чтобы пожить чем-нибудь у соседей. Хмельницкому нетрудно было понять выгоды, какие можно было извлечь из такого положения дел. Казачество в своих столкновениях с государством и прежде не раз думало о союзе с Крымом, но не было тех благоприятных обстоятельств, при которых мог бы осуществиться этот союз. Теперь эти обстоятельства были налицо. Хмельницкий поехал в Крым и вернулся обеспеченный помощью: глава Перекопской орды Тугай-Бей прикочевал к пределам Украины и готов был по первому знаку присоединиться к казакам. В ожидании удобного момента для начала действий Хмельницкий со своими сторонниками, частью из низовцев, частью из бежавших украинцев, укрепился на острове Буцке, или Днепровском. Надо думать, что еще оттуда рассылал он по Украине свои зазывные листы (которые, к сожалению, не дошли до нас в подлиннике), где он, обращаясь главным образом к реестровым казакам, призывал вместе с тем к восстанию и селян. ¹

На Украине, однако, пока все было тихо, но той тишиной, в которой опытные местные люди ясно ощущали приближающуюся грозу. Украинское шляхетство, урядники и владельцы усиленно просили великого гетмана, должность которого, за смертью Конецпольского, исправлял Потоцкий ², поспешить в Приднепровье. Делали и сами что могли: стягивали свои надворные отряды, забирали оружие в замках, чтобы им не завладели мятежники, обезоруживали подданных — один Вишневецкий отобрал в своей Лубенщине у крестьян несколько тысяч самопалов; то же делали и другие. Всем было ясно, что каждый город, каждая деревня поднимется, лишь только покажутся желанные гости с Низа.

Можно сказать с уверенностью, что беда на этот раз не застала местные власти врасплох, неподготовленными. Уже в начале нового, т. е. 1648 г., Потоцкий был на Украине и рассылал универсалы с предостережениями и угрозами. Он стянул с зимних квартир к Днепру кварцаное войско; в распоряжении его находились реестровые казаки, которые пока выражали полную преданность правительству; к нему явились некоторые крупные украинские магнаты со значительными отрядами. Потоцкий находился в Черкассах, а польный гетман Калиновский ³ — в Корсуни: в общей сложности у них было, по-видимому, больше 30 тыс. войска. Переговаривались с Хмельницким, переписывались с королем, который был решительно против всяких крайних мер по отношению к казакам, и ждали, пока пройдет Светлый праздник и установится весна.

Лишь презрением к хлопам и хлопской войне, которое воспитали

в себе Потоцкий и русские магнаты, можно объяснить то, что они решились отделить от войска и выслать навстречу неизвестному врагу два отряда, — один сухопутьем, другой Днепром. Хмельницкий между тем с татарами, которые, не соединяясь, подвигались за ним на некотором расстоянии, обошел Кодак и, приблизившись к устью Тясмина, в конце апреля стал табором при урочище Желтые Воды. Речной отряд состоял из реестровых казаков со своей старшиной и немецкую пехотой. Он должен был идти на одной параллели с отрядом сухопутным, но благодаря быстроте течения успел далеко его опередить. 4 мая у Каменного Затона реестровые казаки, плывшие на байдаках, взбунтовались, собрали «черную раду», перебили полковников и старшину — кто известен был своею преданностью правительству — и отправились в лагерь Хмельницкого. А между тем сухопутный отряд, в котором были лучшие силы войска, тоже приблизился к Желтым Водам. Произошла встреча врагов, тотчас же обнаружившая, как плохи были шансы смельчаков, зашедших в степь на розыски неприятеля: вслед за казаками речного отряда стали перебегать к Хмельницкому и русские драгуны из отряда сухопутного; а главное, пришлось убедиться в том, «чего никому и не снилось в польском лагере» — что с Хмельницким стоят татары; начались переговоры. В результате этих переговоров польское войско выдало пушки и отправилось назад. Но лишь только оно тронулось в обратный путь, как 8 мая при урочище Князьи Байраки его нагнали татары, окружили и при помощи казаков, которые, зашедши вперед, испортили дорогу, — частью перебили, частью взяли в плен. В главном лагере между тем несколько дней еще не подозревали о случившейся беде, не тотчас поверили и после того, как получили первые вести. Но когда все-таки пришлось поверить, начался страшный беспорядок, главным источником которого были, конечно, распри между гетманами, коронным и польным. Наконец решили отступить к Корсуню (на р. Рось), истребив все населенные места территории. Но лишь только польское войско успело наскоро окопаться между Корсунем и Стеблевым⁴, как явился Хмельницкий с татарами; русские из польского лагеря начали перебегать к Хмельницкому, туда же сходились со всех сторон окрестные люди и свозились съестные припасы; между тем распространился слух, что сам крымский хан с ордой приближается на помощь казакам. По настоянию Потоцкого войско стало отступать дальше, вглубь страны, к западу. Но собственная ли неосмотрительность и незнание местности или, может быть, измена и хитрость врага завели войско в какие-то лесные трупщобы, загроможденные нарочно поваленными деревьями, с болотами и рвами; здесь польское войско было окружено врагами и потерпело полнейшее поражение. Много было убитых, но еще больше взятых в плен, в том числе и оба гетмана. Все это была татарская добыча — вознаграждение за помощь. Корсунская битва произошла в половине мая, в

конце мая Хмельницкий уже стоял со своим войском под Белую Церковью. А между тем пришла на Украину и облетела ее с быстротой молнии весть о том, что король, покровитель казачества и украинского народа, умер и, конечно, как думала масса, умер не без содействия шляхты.

В течение каких-нибудь двух-трех недель вид Украины изменился как в феерии. Ни войска, ни короля; единственной опорой государственного режима оставалось несколько небольших гарнизонов, запертых по крепким украинским замкам, да Иеремия Вишневецкий, который собрал на Заднепровье из своих владений до 8 тыс. мелкой шляхты. Хлопство почувствовало, что ярмо ослабело, и тотчас же сбросило его совсем: Хмельницкий звал к себе в табор под Белую Церковь всякого, кто способен к войне, и украинский хлоп, с детства приученный к оружию, тотчас почувствовал, что он рожден казаком, а не подданным. Владельцы и все, кто пользовался их доходами от подданства, т. е. мелкая шляхта, как панская клиентела, и евреи спасались бегством за стены ближайших замков или во внутренние провинции; всякий хлоп сразу обратился во врага, всякая громада — в неприятельский отряд. Народ принялся очищать Украину путем поголовного избиения всех шляхтичей, католиков и евреев. Всюду складывались отдельные купы, которые по мере надобности соединялись в большие отряды, или «загоны», с опытными и энергичными предводителями, и делали свое страшное дело. Города и укрепленные местечки большею частью сами открывали ворота: русское и православное мещанство не только всюду было готово передать в руки истребителей укрывшихся за городскими стенами шляхтичей и евреев, но и само принимало участие в очищении. Немногие укрепленные пункты приходилось брать силою, — конечно, при содействии тех же мещан. Так взяты были отдельными загонами Тульчин, Ладыжин, Бершадь, Винница, Брацлав, Красное, Полонное, Немиров, Межирич, наконец, сильно укрепленный Бар, а в Заднепровье — Гомель, Стародуб, Новгород-Северский, Чернигов, Лоев, Любеч, Остер. Тут-то, по преимуществу — в раздражении от сопротивления и понесенных жертв, в опьянении успеха — и разыгрывались те зверские сцены, самое описание которых потрясает душу негодованием и скорбью за человека. Но при оценке этих ужасов — буде они подлежат оценке — мы не имеем права забывать, что крайние проявления человеческой злобы направлены были здесь темною массою против просвещенного класса, который воспользовался своим просвещением, чтобы придать утонченную форму такой чудовищной мысли, глубоко противной всем заветам христианской культуры: «*Rustica gens optima flens, pessima ridens*» («сельский люд лучше, когда плачет, хуже, когда смеется»). Мудреное ли дело, что украинский «*gens rustica*» лаконически ответил на своем простонародном диалекте таким дьявольским сарказмом: «шляхтич та жид тильки печені добрі». Да и теперь, на самом театре событий, против-

ная сторона не теряла случая платить «*rieknum za nadobne*» *. Горькой правдой звучали слова Хмельницкого, который, отвечая на обвинения в жестокостях, допущенных Кривоносом ⁵, начальником одного из загонов, указывал на пушие жестокости, которые позволял себе Иеремия Вишневецкий, иронически подчеркивая, что Кривонос и Вишневецкий совсем два разных лица, и что трудно предъявлять требования к какому-то простецу Кривоносу, раз их не выдерживает культурный Вишневецкий.

Действительно, Иеремия Вишневецкий ⁶, воевода русский, сделал со своей стороны все, что мог, чтобы усилить трагический колорит 1648 г. Человек выдающейся энергии и военных дарований, он очутился после Корсунской битвы единственной опорой власти на Украине. Сделав все, что мог, для подавления народного волнения в Заднепровье, он со своим отрядом под Любечем перешел Днепр и через Киевское Полесье и Житомир врѣзался в самую глубину степной Украины, — туда, где наисильнее бушевала буря народной ненависти. Свой путь он отмечал нечеловеческими жестокостями: он был убежден, что ужас — единственное чувство, которым должно действовать на презренных хлопков. И действительно, он добился того, что самое его имя «Ярема» возбуждало на Украине трепет. Его военные способности доставили ему, несмотря на малочисленность отряда, победу над встречными загонами; он выдержал столкновение с самим Кривоносом, который стоял во главе очень сильного загона, сложившегося из нескольких отдельных отрядов. Но все, чего он мог достигнуть, это — пробиться к западным пределам Украины.

В несколько недель, следующих за корсунским поражением, Украина была очищена. Все, кто не успел убежать, были немилосердно избиты. Заодно с шляхтой польской гибла и шляхта русская, православная, кое-кто лишь спасся по монастырям, особенно в монастыре Киево-Печерском. Число жертв этой категории нельзя определить даже и приблизительно, по полному отсутствию данных. Но еврейские писатели, которые оставили описание бедствий своего народа в эту тяжелую для них годину украинской социальной революции, отмеченную даже до сих пор в еврейском календаре одним днем скорби, указывают такие цифры: погибших евреев при взятии Немирова — 6 тыс., Тульчина и Бара — по 2 тыс., Полонного — 10 тыс., в общей сложности до 250 тыс. в 300 кагалах. Теперь, когда вырвались на свободу все страсти, заявил себя и религиозный фанатизм, до тех пор, по-видимому, совсем чуждый душе украинского народа; очевидно, его успели развить в течение последних десятилетий уния и иезуитско-католическое влияние. Католический монах с жидом подвергались утонченным истязаниям; синагоги или школы и костелы с католическими святынями осквернялись и истреблялись без пощады. Уже в первой половине лета 1648 г. были очищены

* По заслугам (пол.).

воеводства Киевское, Черниговское, Брацлавское и восточная часть Подольского. Взят был после долгой осады и крепкий Кодакский замок. На всей этой громадной территории оставался во власти государства один-единственный замо́к — неприступный Каменец-Подольский, где задержалась крупница польско-католического элемента. В августе волнение передалось на Волынь; началось очищение и здесь. Отдельные казацкие отряды взяли Кременец, Луцк, Острог, Владимир, Заславль и т. п., конечно, с содействием православных мещан; те же сцены поголовного избиения и всяких ужасов сопровождали восстание Волыни.

А между тем Хмельницкий все стоял под Белой Церковью. Конечно, он знал обо всем, что совершалось, и тем не менее все совершалось помимо его. Он мог управлять событиями не больше того, как может управлять рулевой челном, уносимым мощным течением. События были ему благоприятны; поднявшиеся хлопы стекались к нему, и он организовал из них сильное войско, без которого не мог обойтись; восстание хлопов ломало панскую силу, на которой держался весь старый режим, враждебный казачеству, а следовательно, и самому Хмельницкому. И в то же время Хмельницкий совсем не желал и не мог желать коренного истребления шляхетства, водворения на месте шляхетского землевладения, на котором держался данный строй, землевладения хлопского: это было противно всем его понятиям о людских отношениях, как было противно понятиям всякого другого, причастного к культуре человека того времени. Больше того: в данный момент Хмельницкий совсем не желал доводить дело до разрыва с Польшей.

Стоя под Белою Церковью, Хмельницкий сносится с Варшавой в самом почтительном тоне, делая объяснения и оправдания своим поступкам. Его требования — если это можно назвать требованиями — более чем умеренны, не выходят за пределы того, чем казацкое войско пользовалось до последних ограничений. Временное польское правительство принимало казацкую депутацию с ее инструкциями и жалобами, назначало комиссии для улажения недоразумений во главе с брацлавским воеводой Киселем ⁷, который благодаря своему православию выдвигался как естественный посредник в этом щекотливом деле; но в то же время обе стороны слишком ясно понимали, что среди той общей бури, которая свирепствовала по всему краю, нет места для мирных соглашений. Хмельницкий вел переговоры с Крымом о новой помощи; Польша созывала на Посполитое рушение шляхту угрожаемых земель и вообще стягивала к западным пределам Украины свои военные силы.

Но в Польше было междуцарствие и как результат его — безголовье. Только полным разбродом умов можно объяснить то, что начальство над войском поручено было не Вишневецкому, тому «Яреме», который казаков, по их собственному сознанию, «як бье, та й бье», а ничтожному триумvirату из местных русских магнатов

с дополнением из 26 комиссаров. «Дурні ляхи — выправили перину, дитину, латину», — говорили казаки, насмехаясь над изнеженностью и ленью Заславского, молодостью Конецпольского и ученостью Остророга⁸. Войска эти собирались под Глинянами, недалеко от Львова, и затем расположились лагерем под Константиновым, ожидая дальнейших распоряжений своего многоголового начальства, которое терялось в хаосе противоречивых соображений.

Хмельницкому же его положение было ясно: надо было загородить врагам дорогу на Украину. Он двигается навстречу, усиленно призывая через своего сына Тимоша на помощь татар и стягивая к себе загоны: к нему присоединился Кривonos после неудачной осады Каменца, Лисенко со своими страшными «вовгурівцями», Нечай и Морозенко⁹, имена которых прославлены народом в думах.

Огромное войско Хмельницкого состояло по преимуществу из хлопов; меньшее по численности, но также очень значительное — до 100 тыс., как говорят свидетели-современники, — польское войско представляло собою почти исключительно шляхту, которая, по-видимому, хотела импонировать хлопству своей блестящей внешностью. По крайней мере все современники обоих лагерей указывают на множество дорогих вещей, дорогую одежду, оружие, посуду и разные принадлежности домашнего комфорта, привезенные поляками более чем на 2 тыс. возах. Тем более поразительный эффект произвел пилявецкий скандал, потому что другим словом нельзя назвать то, что произошло. Войска сошлись под Пилявцами — местечком над р. Пилява¹⁰, и здесь 23 сентября без боя, при одной, и то неверной, вести о приближении татар панское войско кинулось в неуправляемое бегство, оставив в руках казацкого войска всю артиллерию и богатый обоз. Пилявецкие «донаживы» долго и широко обращались в украинском войске. Весь общественный гнев за обиду и позор обрушился на бедного князя Доминика Заславского, но он едва ли виноват больше, чем кто-либо другой из тех, кто, будучи званным, но не избранным, взял в руки власть: очевидно, мы имеем здесь дело просто с патологическим случаем коллективной нервной заразы.

Как бы то ни было, пилявецкий погром открыл казацкому войску путь внутрь Польши. Получив откуп со Львова¹¹, Хмельницкий вступил на территорию исконной Польши и стал под Замостьем¹², сильной польской крепостью; татары же распустили свои загоны под Краков, Люблин и даже за Вислу — в глубину Польши. А между тем теперь, когда государство снова было обезоружено, пламя народных волнений хлынуло из пределов Украины и Волыни и неуправляемой волной разлилось дальше по русским землям. Поднялась вся Галицкая Русь, до тех пор спокойная: православные мещане и крестьяне кинулись по примеру украинцев на замки, костелы и панские дворы; повторились те же сцены пожаров, грабежей и избиений. Оригинальный характер имело это движение на правом

Поднестровье, особенно в так называемом Покутье¹³. Здесь вместе с низшим классом поднялась и местная, православная и русская, мелкая шляхта и стала во главе восставших, образовав как бы старшину войска, организованного по казацкому образцу; главой этого войска был некто Семен Высочан¹⁴. Распространились народные волнения и на Литовскую, так называемую Белую Русь, проникая в нее одновременно из Северщины и из Волыни.

Шляхетский «народ» Польши был охвачен паникой; казалось, государство на краю гибели; но, к счастью для него, этой гибели совсем не хотел Хмельницкий. Ведя лениво осаду Замостья, он, по-видимому, лишь уступает энергическим настояниям окружающих; все его интересы сосредоточены на Варшаве, на выборе нового короля. «У этих хлопов ничего не значит величие республики»,— говорил о Хмельницком и его войске Кисель, который считался у своих польских современников экспертом по украинским делам. По словам Киселя, казаки говорили: «„А що то есть Речь Посполита? Мы сами Речь Посполита, але король — то у нас пан“». Хмельницкий не хочет и знать, будет ли Речь Посполитая именовать его гетманом; он пишется гетманом войска его королевского величества. Король у них, хлопов, что-то божественное».

Действительно ли король был «чем-то божественным» в глазах украинского хлопа или казака — дело темное, но что Речь Посполитая, т. е. польская республика, отождествлялась для них с ненавистной шляхетской олигархией — это несомненно. Вот почему Хмельницкий, посылая из-под Замостья в Варшаву свои условия, требует вместе с амнистией, уничтожением уни, возвращением отнятых вольностей и непосредственного подчинения казацкого войска королю. Вот почему он и относится с таким интересом к вопросу об избрании короля. По-видимому, он пользуется всей силой своего влияния, чтобы склонить чашу весов в пользу королевича Яна Казимира. И когда Ян Казимир был действительно избран, Хмельницкий, якобы повинувшись воле им самим поставленного монарха, оставляет осаду Замостья и мирно отступает со своими полчищами на Украину, к удивлению и радости поляков, к удивлению и горю украинцев. Очевидно, все политические виды и планы Хмельницкого пока еще держались в пределах старого неразрывного союза Украины с Польшей.

В последних числах декабря 1648 г. Хмельницкий совершил свой триумфальный въезд в Киев. Этот момент — кульминационный пункт всей его эпопеи. И странное дело! Хмельницкий как будто только теперь понял, на какую головокружительную высоту он был вынесен вихрем событий. При звоне колоколов киевских церквей, громе пушек и радостных кликах народа, выслушивая приветствия митрополита и духовенства, бурсацкие канты, посвященные восхвалению великого подвига освобождения Руси от лядской неволи,— Хмельницкий действительно мог впервые почувствовать, что он не

взбунтовавшийся подданный, слуга, порвавший узы связывавших его обязательств, а «гетман Божией милостию», «illustrissimus princeps» * своего народа. Все сошлось к тому, чтобы укрепить его в этом настроении. Народ, еще не потерпевший разочарований, слепо верил в его звезду; иерусалимский патриарх Паисий, случайно проезжавший через Киев, от лица всей Восточной православной церкви освящал его положение своим признанием и благословлял его на дальнейший подвиг; наконец — и самое важное — к Хмельницкому как к самодержцу явились послы от соседних держав: от московского царя, турецкого султана, от трансильванского князя, от господарей Молдавии и Валахии¹⁵. Нетрудно поверить в свое значение, когда в него верит все окружающее. И вот, когда в феврале явились в Переяславль к Хмельницкому польские комиссары с тем же Киселем во главе, они уже не нашли старого Хмельницкого, который переговаривался с Варшавой из-под Белой Церкви и потом из-под Замостья. Это был уже не тот человек, который, по его собственным словам — их передает в своем дневнике Войцех Мясковский, бывший в числе членов комиссии, — «воював за свою шкоду та кривду» и лишь случайно «доказав те, об чим и не мыслив», а человек, который хочет доказать «те, що умыслив», который хочет воевать «за віру православную нашу», хочет «выбить з ляцькой неволі народ руській весь». Правдоподобно, что в этих словах выразилась не зрелая мысль, не сложившийся план, а просто мечта, вырвавшаяся наружу в минуту волнения: но уже важно то, что такая мечта была. И мало того: Хмельницкий теперь понимал, что такая мечта осуществима лишь при участии посольства, черни, что было равносильно коренному потрясению польского общественного строя. Кисель вполне разумно и логично, со своей точки зрения, доказывал Хмельницкому, что он должен сделать так, «чтобы мужики пахали, а воевали одни казаки». Но Хмельницкий и без всяких доказательств сам ясно понимал, что это должно быть так. Только вместе с тем он не менее ясно понимал, что если государство справится с хлопами, то вслед затем оно ударит и на казаков. Понимая это и вместе с тем увлекаясь своим новым настроением, он готов был поднять «всю чернь по Люблин и Краков», образовать украинское княжество по Холм, Львов и Галич, загнать за Вислу «всіх дуків і князів, щоб не зосталось на Україні ні одного князя, ні шляхтюка». Но и в старом своем, казацком, настроении, как и в новом, демагогическом, Хмельницкий равно становился перед глухою стеною неразрешимой дилеммы. Логика жизни не преминула раскрыть те невозможности, которые пока закрывались светлым туманом иллюзий.

Как бы то ни было, польская комиссия ничего не могла добиться, несмотря на свои широкие полномочия, дипломатические способ-

* Сиятельнейший государь (лат.).

ности и ум Адама Киселя, на большую готовность к уступкам. Не чувствовалось почвы, на какой могли бы сойтись стороны, а атмосфера жгучей ненависти, которая окружала на Украине все польское, парализовала самое стремление искать этой почвы: даже жизни польских комиссаров постоянно угрожала опасность. С очевидной целью лишь как-нибудь отделаться от комиссии Хмельницкий предложил такие условия, на какие комиссары могли ответить лишь выражением недоумения, так как они выходили совсем из сферы их полномочий: вроде того, например, чтобы митрополит киевский занимал в польском сенате первое место по примасе и т. п. Единственно, на чем сошлись стороны, это — продолжение перемирия до Троицына дня, «до травы».

Тем временем неприятельские действия не прекращались ни с той, ни с другой стороны: кое-где еще продолжались ужасные сцены очищения — так был очищен в три дня Киев; польские отряды отнимали захваченные уже города; между прочим, возвращен был в это время государству сильный Бар. А между тем обе стороны усиленно готовились к новой войне. Сейм разрешил королю создать общее посполитое рушенье (земское ополчение всего государства). Чтобы уничтожить пагубное разногласие, сам король стал во главе войска, так что новый триумvirат предводителей из Фирлея, Лянскоронского и Остророга занимал подчиненное положение. Хмельницкий рассылал универсалы, вновь сзывающие всех, кто может владеть оружием, и снова полчища хлопов тянулись к Чигирину; шел на помощь к Хмельницкому и сам хан Ислам-Гирей¹⁶, в войске которого, кроме горных татар, степных ногайцев и диких буджаков, были кавказские горцы-черкесы; шел туда же и отряд румелийских турок; наконец, шли старые приятели запорожцев — донские казаки. Все это производило впечатление какой-то восточной орды, еще раз двинувшейся на завоевание Запада. Войска сошлись лишь во второй половине лета приблизительно на той же территории, что и в предыдущем году. Польское войско, руководимое Иеремией Вишневецким, героически выдержало обложение Зборова¹⁷ соединенными силами, украинскими и татарскими. Но когда на выручку Зборова явился король с шляхтой посполитого рушения, то под Зборовым снова чуть-чуть не повторилась пилявецкая катастрофа. Польское войско было спасено лишь изменой хана Ислам-Гирея, которому польское правительство обещало выплачивать задержанные «упоминки». Кроме того, в счет уплаты татарам дано было секретно согласие распустить свои загоны по землям, через которые шел их обратный путь — земли эти были исключительно русские.

Хмельницкий вынужден был заключить с польским государством так называемый Зборовский договор. Зборовским договором из состава Южной Руси выделялась казацкая Украина, которая должна была заключать в себе территории трех воеводств: Киевского, Черниговского и Брацлавского; воеводства Волынское и Подольское

оставались, как были до восстания. Лишь из состава населения этой Украины складывалось казачье войско с реестром в 40 тыс. Казацкий реестр мог пополняться равно живущими на владельческих землях, как и на королевских, которые теперь становились собственностью казачьего войска. Весь избыток населения, остающийся за реестром, возвращался в старое звание — мещанское или хлопское: владельцы могли вернуться на свои земли и вступить в свои права. Таким образом, на Украине водворялись одновременно два режима: казачий и шляхетский. Казачьему войску предоставлено было полное самоуправление; во главе его стоял гетман, который имел свою резиденцию в Чигирине и подчинялся королю; войско делилось по территориям на полки, полки на сотни * — с выборными полковниками и сотниками. Но параллельно на той же территории оставался и старый шляхетский режим, с той разницей, что все чины и должности, до воевод включительно, теперь по условиям Зборовского договора замещались лишь православным дворянством: на первый раз киевским воеводой назначен был тот же самый Адам Кисель. На территорию казачьей Украины не могли вступать коронные войска, не могли жить евреи, а отцы-иезуиты удалялись со своими школами из всех мест, где были школы русские; вообще охрана русских школ была внесена как одно из условий договора.

Конечно, положение казачьей Украины или, точнее сказать, украинского казачества, сравнительно с недавним прошлым теперь было блестящее. Если бы казачество могло всецело выделить свое дело из общей связи дел и интересов южнорусского народа, в частности хлопства, то оно могло бы быть довольным. Но, независимо от его хотения или нехотения, такое выделение было прямой невозможностью. Казачья Украина была страшна Польше тем, что за ней стояли остальные русские земли, на первом плане Волынь и Подолье, которые Зборовским договором совсем отрезались от Украины и всецело передавались снова под владычество польского права — это во-первых. Во-вторых, несокрушимость казачьей силы коренилась в питающем ее хлопстве — «правой руке казачества», по выражению самого Хмельницкого. И вот не успела казачья Украина вылупиться на свет Божий, как в ней обнаружилась страшная трещина.

Войсковые реестры очень растягивались в казачьем толковании; кроме казачьих семей, в них включались еще казачьи заместители, по два на каждого казака — конный и пеший; таким образом, число состоящих в войсковом реестре должно было в несколько раз превышать условленные 40 тыс., не говоря уже о том, что контролиро-

* Всего было 16 полков: Брацлавский, Уманский, Кальницкий, Чигиринский, Корсунский, Черкасский, Каневский, Киевский, Белоцерковский — на правом берегу, а на левом — Кропивинский, Переяславский, Прилуцкий, Миргородский, Полтавский, Нежинский, Черниговский.

вать действия гетмана и старшин, составлявших реестр, было невозможно. Но все-таки, несмотря на это, значительная часть людей, уже испробовавших казацкой воли и казацкого хлеба, должна была оставаться вне реестров и возвратиться в хлопство. Даже и тому, кто не мечтал о казачестве, а предпочитал оставаться хлеборобом, после краткого периода свободы была невыносима мысль снова сделаться подданным, снова поступить в «лядскую неволю».

Люди эти, которые уже порвали со своими обязательствами, могли быть возвращены к ним лишь силою. Но на казацкой Украине не было иной силы, кроме казацкой. Казаки должны были отсечь свою правую руку, наложить узы на своих братьев по старой доле и недавней воле. Было ли все это возможно?

И гетман Богдан в своем Чигирине среди всех проявлений могущества и величия чувствовал свое полное бессилие перед предстоящей ему задачей: перевести Украину на новое положение, т. е. прежде и главное всего устроить отношения землевладельцев к земледельцам. Видя безысходность положения, он пытается затянуть дело: не разрешает возвращения владельцев до утверждения сеймом договора, сам от себя не советует шляхтичам спешить с возвращением; тем временем он торопится ослабить украинских магнатов, особенно ненавистных ему Конецпольского и Вишневецкого, набирая в реестр население их имений и прямо отбирая у них земли, как бывшие королевщины, принадлежащие теперь войску. Но всякой отсрочке наступал конец, тем более, что шляхта, вынужденная на бездомное скитальчество, рвалась назад, в свои украинские местности, и осаждала казацкого гетмана просьбами о покровительстве. Из Варшавы была снаряжена комиссия с той же целью — водворения владельцев: надо было приступать к развязке. Кое-где при первом появлении панов хлопы произвели над ними снова кровавую расправу: Хмельницкий, представлявший в данный момент главу всей исполнительной и судебной власти в крае, вынужден был, рассматривая эти действия крестьян как преступление, казнить преступников. Это произвело свое устрашающее действие, но вместе с тем возбудило страшное неудовольствие народное против гетмана; на Запорожье появился было новый гетман¹⁸. Однако все, чего мог добиться Хмельницкий самыми крутыми мерами, это обеспечить личность панов от насилия, заставить же хлопов возвратиться к старым обременительным повинностям было совсем не в его власти. Все украинское шляхетство, возвратившееся в свои имения, находилось «в рабстве», по выражению Киселя, у казаков и хлопов по той причине, что за ним не было никакой фактической силы. Прежде всего владельцы заставляли свои имения в значительной степени пустыми; так, например, по сохранившимся гродским и земским книгам Житомирского повета, где записаны данные под присягою показания местного населения, из 100 крестьянских оседлостей на панских землях едва насчитывалось жилых два-четыре. Может быть, и не

езде было так, но везде крестьяне «хотели оставаться крестьянами только по имени и не хотели платить никаких податей». Казаки же со своими властями, к которым только и могли обращаться шляхтичи за содействием, были для них притаившимся пугалом, «шорох от которого слышен был по всей Украине», «шершнями, которых лучше не дразнить». Не могла же прибывшая шляхта в самом деле рассчитывать на то, что казак встанет с нагайкой над хлопом, чтобы погонять его на панщину. Таким образом, владельцы вынуждены были, надевая перед хлопством личину смирения, перед казацким урядом — лести и подобострастия, добиваться каких-нибудь соглашений со своими подданными, вроде, например, уплаты десятины. Под давлением казацкого уряда, который был заинтересован в том, чтобы отношения как-нибудь устроились, хлопы сходились и обсуждали нелегкий вопрос о том, как им жить с панами. В одном месте решали дать пану «плуг волів та чотыри мірки солоду; буде з его, абы не вмер з голоду»; в другом решали, что надо отдавать панам что-нибудь на поклон по большим праздникам и т. п. Никто из самых крупных магнатов не получал ни гроша из своих огромных маестностей, а менее состоятельные шляхтичи сами должны были, чтобы не умереть с голоду, работать наряду с хлопами. Конечно, с таким положением трудно было примириться. «Принимая во внимание унижение, перетерпеваемое нами в мире, похожем на рабство, лучше попытаться прибегнуть к оружию, нежели иметь подданных и не владеть ими», — так выражает Кисель в письме к королю настроения и чувства украинских землевладельцев-шляхтичей.

Тяжесть положения усиливалась общей хозяйственной дезорганизацией края. Уже два года, как поля лежали в запустении, а земледельцы или перековывали свои плуги и рала на копыя, или просто шли на войну с косами и цепами *. Старые запасы были истощены, новых не было. Правда, Московское государство выразило свое сочувствие единоверцам тем, что разрешило беспощинный вывоз на Украину хлеба. Но на приобретение хлеба нужны были деньги, а хотя в руках украинского народа теперь и обращалось много дорогих вещей из корсунской и в особенности пилявецкой добычи, из разграбленных имуществ шляхты, евреев и католических святынь, но вещи эти от обилия теряли свою ценность, повышая соответственно цену хлеба, и быстро уходили к московским и турецким купцам. В соседней Белоруссии между тем оказался неурожай. Обнаружилась сначала дороговизна, а затем и настоящий голод. Народ выкапывал и ел корни, ел листья и тащился со всех сторон на Заднепровье и далее, в пределы Московского государства, надеясь там найти пропитание. Явились и спутники голода, тяжелые

* «Одни с палками, другие с косами, с обожженными кольями, с топорами, цепами... О, позор! чем хлоп бил скот, с тем идет в бой», — так описывает один современный польский поэт Зборовскую битву.

повальные болезни: от моровой язвы 1650 г. «люди падают и лежат, как дрова, к Днестру, около Шаргорода и далее к Брацлавлю», — пишет один современник. Все это, конечно, не облегчало разрешения той тяжелой задачи, какую задавали условия украинской жизни ее руководителям.

Но если украинская сторона имела важные основания быть недовольной Зборовским договором, то, конечно, еще больше имела их сторона польская. Сейм, который утверждал договор, даже не имел духа выслушать его полностью. В атмосфере общего уныния и угнетения от понесенного позора раздавались успокоительные голоса духовных руководителей панской совести, которые с высоты своих кафедр проповедывали шляхте, что ей нечего стыдиться поражения от наглого хлопства, этих убийц, проклятых зверей, вероломных подданных, что в данном случае Господь Бог поступает так, как поступил бы какой-нибудь «вельможный, который, вздумав наказать за проступок своего сына, для лучшего вразумления не наказывает его сам и не поручает это достойнейшему, а кличет Стаська или Мацька, подданного своего, чтобы при нем отпорол сына; и совсем это не вредит в глазах света наказанному сыну, — продолжает красноречивый иезуит Цюцишевский, — потому что Стасек, хотя и бил, все-таки остается по-старому хлопом и Стасеком, а панский сын, хотя и битый, по-старому паном и сыном панским». Никакие договоры с хлопами, по мнению духовного отца, ничего не стоят, и нечего о них беспокоиться. Успокаиваясь на мысли, что все случившееся есть лишь проявление Божьего гнева, который, конечно, не преминет обратиться на милость, польское общество готово было видеть вокруг себя разные сверхъестественные знамения, предсказывающие поворот событий. Всюду обращались многочисленные рассказы о чудесах, не возбуждавшие никакого скептицизма: в Баре днем вышла из костела процессия мертвецов, замученных Кривоносом, с воплями об отмщении; в Дубне три распятия сами отвернулись на своих подставах от востока — казацкой стороны — к западу и т. д. Конечно, люди такого настроения не могли искать причин зла в реальных отношениях или думать об их улучшении. Возвращающиеся в русские земли шляхтичи были полны злобных и мстительных чувств по отношению к своим хлопам. Те, которые имели свои земли на Украине, должны были глубоко прятать эти чувства; но иначе стояло дело на Волыни или Подолье. Казаки далеко, а коронные войска близко — это меняло положение. Конечно, владельцы знали, что Зборовским договором обещана была всем полная амнистия, об осуществлении которой очень заботился король, что, наконец, расчет своей собственной выгоды побуждает быть на первый раз осторожным и сдержанным. Но шляхетская душа так рвалась к мести, что иные владельцы забывали все, и в опьянении своей вновь приобретенной власти позволяли себе жестокие расправы со своими хлопами. Народ, несмотря на близость коронного войска, глухо волновал-

ся; более отважные убежали и соединялись в шайки удальцов, которых на Подолье называли левенцами, а в Галицкой Руси — опришками. Панские расправы возбуждали глубокое негодование и в казацкой Украине. Глава Брацлавского полка, пограничного с Вольшью и Подольем, Нечай¹⁹, человек, пользовавшийся большою популярностью, а также уважением Хмельницкого, с которым состоял в свойстве, — не мог сдерживать негодования не своего лишь лично, но и подчиненных казаков, и позволял себе нарушать для защиты хлопов пограничную черту. Между тем из плена вернулись Потоцкий и Калиновский и вступили в свои гетманские обязанности со страстной жадной смыть позор, нанесенный им казаками: оба они стояли с кварцянским войском на Подолье, умирив пока мятежные шайки и расправляясь с хлопами, но в полной готовности к открытию настоящих военных действий. Общее настроение польского общества разрешилось тем, что чрезвычайный сейм, созванный в декабре 1650 г., снова объявил посполитое рушенье; чтобы отвлечь татар от союза с казаками, были посланы в Крым «упоминки» с обещанием новых и богатые подарки для мурз.

Хмельницкий имел в Польше своих агентов и прекрасно знал все, что там делалось: он не дозволил бы застать себя врасплох. Может быть, он и искренне считал возможным устроить свою казацкую Украину на старых, завещанных Польшей, основаниях, с казаками, панами и хлопами, иначе он не рассылал бы грозных универсалов о повиновении, не наказывал бы так жестоко хлопов за преступления и проступки против владельцев, которые особенно участились, когда казаки вышли летом в молдавский поход. Но в прочность мира с Польшей он уже не верил совсем, перестал верить еще и до Зборовского договора. Он завязывал на все стороны нити дипломатических сношений, пытаясь найти такую опору, которая позволила бы ему порвать с Польшей. Татары, волохи, венгры, даже отдаленные шведы — все могли пригодиться как временные союзники, но политическую устойчивость мог дать Украине лишь прочный союз или, вернее, патронат таких сильных соседей, как Московское и Турецкое государства. К Москве, с которой находилось в постоянных сношениях православное духовенство, с которой и сами казаки также сносились от себя до тех пор, пока польское государство не скрутило окончательно рук, — к Москве прежде всего и обратился Хмельницкий. Но московская политика всегда отличалась крайней осторожностью, а теперь, после столь неудачных для себя столкновений с Польшей, сопровождавшихся тяжелыми потерями больших территорий, обычная осторожность переходила в страх перед грозным соседом: соблазн был велик, но на казачество и прочность его симпатий трудно было положиться — и осторожная Москва, осыпая казацких послов ласковыми словами, обещаниями в будущем и подарками, не обнаруживала никакой готовности к существенной помощи. А помощь между тем могла понадобиться

каждую минуту. Невольно взоры Хмельницкого обратились к Порте: покровительство ее обещало по крайней мере одну несомненную и осязательную выгоду — татарскую помощь. Казачество в последние годы наглядно убедилось, какое огромное значение имеет в борьбе с Польшей именно помощь татар, которые всегда были под рукой. Но пока татары были союзниками случайными, они могли в каждый момент перейти на сторону врагов, лишь бы увидели в том выгоду, а затем погнали бы своих недавних друзей с арканами на шею на невольничьи крымские рынки. Покровительство Порты обеспечивало бы до некоторой степени казацкой Украине их постоянную и прочную помощь. И вот гетман начинает добиваться этого покровительства. В связи с его турецкими сношениями стоит и мысль вступить в родство с вассалом Порты, молдавским господарем, через женитьбу сына Тимоша на дочери господара Лупулла — Домне Розанде.

Поход в Молдавию, предпринятый летом 1650 г. сильным отрядом казацких «сватов», с Тимошем во главе и татарской ордой, удовлетворял разом несколькими целями: давал занятие собственным своим беспокойным элементам, бросал легкую и богатую добычу татарам, которые иначе пошли бы ее искать или в Москве, или на той же Украине, и, наконец, вынудил господара к формальному обещанию — выдать дочь за Тимоша. Султан, со своей стороны, покровительствовал этому союзу, видя в Хмельницком своего будущего вассала. В декабре того же года, в то время, как в Варшаве собирался чрезвычайный сейм по вопросу о войне с казаками, Хмельницкий получил грамоту султана Мехмета, в которой тот, отвечая на какие-то неизвестные нам просьбы о покровительстве и предложении дани со стороны казацкого гетмана, заявлял, что сердечно и любовно принимает «найизбраннейшего из монархов религии Иисусовой гетмана казацкого Богдана Хмельницкого под протекцию непобедимой Порты нашей», сообщая притом, что к крымскому хану послан «крепкий и строгий указ, чтобы он никогда своих очей и ушей не обращал на польскую сторону», а «чтобы тотчас своим быстролетным войском старался подать помощь, где бы только оказалось это нужным». Татарская помощь — это все, что пока было нужно Хмельницкому.

Еще не наступила и весна 1651 г., как военные действия уже были открыты на подольском пограничье, где накопилось особенно много горючего материала. Энергичный Калиновский, ожесточенный враг казаков, стоя теперь, за отлучкой Потоцкого, во главе кварцаного войска, готов был ухватиться за всякий, удовлетворительный с формальной стороны повод начать войну; не менее энергичный и не менее ожесточенный враг шляхетства Нечай был вполне расположен дать своему противнику сколько угодно таких поводов. Первые действия Калиновского, начатые еще в феврале 1651 г., были очень удачны: внезапным нападением на местечко Красное, где

держался Нечай со своими казаками, он совершенно разбил их, причем был убит и сам Нечай. Калиновский двинулся было в глубь «бужеского казачества», захватывая замки и опустошая страну между Бугом и Днестром. Но на территории Винницы польский гетман встретил достойного противника в лице полковника Богуна²⁰, одного из самых замечательных деятелей эпохи Хмельницкого не только по уму, энергии и военным дарованиям, но и по чистоте мотивов, которая как бы выделяет его из ряда остальных 80 отмеченных историю украинских деятелей Хмельнитчины. Посредством своей необыкновенной изобретательности — «фиглей», по выражению современников — он умел так ловко распорядиться своими небольшими силами, что кварцянское войско должно было оставить захваченную территорию и уйти под Каменец, где расположилось лагерем в ожидании дальнейшего. А дальнейшее не заставило себя ждать. Вся Польша снова готовилась к посполитому рушенью, и Калиновский получил приказ присоединиться к главному войску, которое собиралось у Сокаля²¹ под личным предводительством короля. Дворянское ополчение по обыкновению собиралось медленно, однако все-таки собиралось, воеводство за воеводством. Но за спиной шляхты, которая двигалась, чтобы дать отпор Хмельницкому, появилась и начала расти туча, которая грозила разрешиться своею домашнею Хмельнитчиною: в связи с крестьянским движением в Червонной Руси появился и на польской территории, в окрестностях Кракова, шляхтич Костка Наперский²², который прямо побуждал крестьянское население тамошнего Подгорья подниматься против шляхты, пользуясь благоприятной минутой.

Хмельницкий между тем собирал своих казаков под Зборовом и поджидал хана. Войско его было менее численно, чем в предыдущие походы: левобережные полки, Черниговский и Нежинский, он вынужден был под начальством Небабы²³ оставить на месте, чтобы охранять Украину от литовского войска. Собрав все свои силы — поголовное ополчение, кварцянское войско, иноземное — король решил перенести лагерь далее к востоку, на более удобное место, и двинулся в половине июня от Сокаля по направлению к р. Стырь. Туда же двинулся из-под Зборова и Хмельницкий, дождавшись хана. Встреча произошла во второй половине июня «під містечком та під Берестечком», по выражению одной украинской думы.

Берестечко есть тот поворотный пункт, с которого счастливая звезда гетмана Хмельницкого, поднявшаяся так быстро и так высоко, начала клониться к своему закату. Весь этот эпизод отмечен какой-то роковой печатью неудачи и несчастья, как бы отрицающей даже возможность уяснения истинных причин того, что произошло. Почему хан бежал со своими татарами с поля битвы, когда для этого не было никаких видимых оснований? Действительно ли он пришел на помощь Хмельницкому против своего желания, по приказу падишаха, и вероломным бегством хотел отомстить украинцам,

как утверждают одни? Или он испугался измены со стороны казаков, как утверждают другие? Или, наконец, на татар просто напал страх ввиду численного и мужественного неприятеля? Это одна серия загадок, а вот и другая. Куда исчезал Хмельницкий? Последовал ли он сам за татарами, чтобы уговорить хана вернуться, или он был ими увлечен насильственно, захвачен в плен? Все это различно рассказывается и объясняется современниками и, так сказать, до некоторой степени очевидцами событий. Несомненно одно: что казачье войско в критический момент перед лицом сильного неприятельского войска с королем во главе осталось не только без помощи союзников, но и без вождя. И все-таки положение еще не казалось окончательно безвыходным. Казаки быстро замкнулись в своем таборе, который окопали валами с трех сторон, примкнув четвертой стороной к болотам. Поляки ждали, что враги придут к ним с повинной головой, и действительно, казаки явились просить мира, но не иначе, как на условиях Зборовского договора. Очевидно, они не считали свое положение особенно опасным. И в самом деле, у них были съестные припасы и военные снаряды, было достаточно сил для обороны обширного табора, наконец, выбор Богун в качестве наказного гетмана давал осажденным опытного и искусного, в высшей степени энергичного вождя. Осаждающие же страдали от повальных болезней и недостатка съестных припасов, страдали вместе с тем и от безурядицы: даже присутствие короля не могло сдерживать в должных границах дворянское ополчение. Но неудача преследовала на этот раз украинское дело до конца. Богун задумал втихомолку вывести войско из табора, намостив через болото плотины из возов, походных шатров, конской сбруи, кожухов, наконец, человеческих трупов. Может быть, это ему и удалось бы, если бы в критический момент не дала себя знать та скрытая язва, которая уже точила украинский народ — язва взаимного недоверия между привилегированным и непривилегированным, казаком и хлопом. Когда часть войска уже успела выбраться из лагеря, вдруг между оставшимися хлопами распространился слух, что старшина с казаками кидают хлопов на жертву ляхам; началась паника, все разом кинулись к переправе, толкали друг друга, топили плотины и тонули сами. Напрасно Богун, вернувшись навстречу, убеждал успокоиться и не губить себя и других: ничто не помогало. Поляки ворвались тем временем в табор, и началось истребление. Этой катастрофой закончился несчастный эпизод Берестечской войны²⁴.

Поражение при Берестечке само по себе не имело большого влияния на фактическое ослабление казачьего войска. Главные казачьи силы успели скрыться на Полесье; преследованиям поляков подверглись по преимуществу хлопы, часть которых была истреблена в таборе, часть — по окрестным лесам. К тому же в польском лагере несмотря на победу обнаружилась дезорганизация: дворянское ополчение разошлось по домам, не обращая внимания ни на

присутствие короля, ни на убеждения, просьбы, угрозы; вслед за разбежавшейся шляхтой вернулся домой и король, так что лишь относительно небольшое войско двинулось под начальством гетмана Потоцкого вглубь края.

И в то же время положение Украины после поражения при Берестечке было очень незавидно. Литовский гетман Радзивилл разбил казацкое ополчение под начальством Небабы и занял Киев ²⁵; таким образом, опасность угрожала казацкой территории с двух сторон. А между тем авторитет Хмельницкого был глубоко потрясен; не только исчезла старая слепая вера в удачу вождя, но явилось даже сомнение в его личности: он ли, Богдан Хмельницкий, рассылал универсалы из-под Корсуня и Белой Церкви или кто-нибудь другой его именем? А когда сомнения в его личности рассеялись, на него посыпались всякие обвинения. В вину гетману ставилось и то, что татары, его постоянные союзники, возвращаясь из-под Берестечка, поувозили в Крым детей и женщин, защищать которых было некому. Чернь и казаки были одинаково возбуждены против Хмельницкого и вместе с тем друг против друга.

На р. Русив, в урочище Маслов Брод, собралась против Хмельницкого «черная рада» ²⁶; он явился на нее и обаянием своей личности разогнал тучу. Но неудовольствие бродило и прорывалось по всей территории. Одно спасало положение: это общая ненависть населения к ляхам, обуславливавшая единодушные чувств и действий. Польское войско двигалось медленно вглубь казацкой территории, сначала совершенно опустошенной Вольнью, затем богатой и плодородной Украиной. Но народная ненависть успела сделать голодной для ляхов даже и эту Украину, все истребляя на их пути: если они встречали хлеб на корню, то не находили ни полевых орудий, ни мельниц, чтобы им воспользоваться. Всюду войско наталкивалось на самое полное, самое упорное сопротивление; никто и нигде не просил о прощении или помиловании, при всякой встрече с украинцами слышались только язвительные насмешки и советы убираться назад за Вислу, к Кракову. Не в лучшем положении было и войско литовское, которое двигалось из разоренного и сожженного Киева навстречу войску польскому. И хотя соединившиеся войска представляли собою внушительную силу, но они чувствовали тем не менее, как опасно их положение в этой озлобленной стране. На пути умер Иеремия Вишневецкий, страстный противник всяких соглашений с казаками. Потоцкий и Радзивилл охотно готовы были уклониться от решительных действий, пойти на мир, хотя бы и очень далекий от тех иллюзий о полном подчинении Украины, с какими польское войско вступило в страну. Хмельницкий со своей стороны при содействии Богуна собрал под Белой Церковью рассеянные было казацкие силы и мог рассчитывать на татарскую помощь, но, видимо, также боялся поставить на карту, может быть, все свое будущее. В этих условиях нетрудно было придти к мирному соглашению,

чтобы разрешить как-нибудь положение на данный момент, хотя бы и без всякой веры в устойчивость этого разрешения. 17 сентября 1651 г. подписан был обеими сторонами Белоцерковский договор, положивший новую, хотя и недолговечную, зарубку на облитых кровью скрижалях украинской истории. Вокруг договаривающихся сторон бушевало такое море ненависти, озлобления, недоверия, что нелепо было бы верить в возможность укротить эту дикую стихию договором; никто и не верил. Однако договор состоялся, хотя как не утвержденный сеймом и не получил вполне законной силы, и состоялся на следующих условиях. Самостоятельность казацкой Украины, выделенной Зборовским договором из Польского государства, как бы в качестве вассального княжества, уничтожается договором Белоцерковским. Известная доля самостоятельности по этому договору остается лишь за воеводством Киевским, на территории которого должны впредь жить казаки; воеводства Брацлавское и Черниговское возвращаются на старое положение, входя в общий состав государства Польского. Казацкое войско уменьшается в числе до 20 тыс.; оно может набираться лишь в имениях королевских, не шляхетских; если же кто окажется вписанным в реестр из имения шляхетского или из территории воеводств Брацлавского и Черниговского, тот должен, если желает пользоваться казацкими правами, выселиться в Киевское воеводство. Казацкий гетман должен впредь повиноваться гетману коронному, а не королю непосредственно. Евреи имеют право жительства и аренды имений повсеместно, включая и Киевское воеводство. Коронные войска не могут располагаться только там, где располагается войско казацкое, т. е. в воеводстве Киевском.

Итак, казацкая гидра не была задушена, а только затиснута в пределах Киевского воеводства: слишком много достигнуто для одной стороны, слишком много уступлено — для другой.

То, что наступает на Украине после Белоцерковского договора, уже носит на себе следы как бы начинающегося политического разложения. Отдельные и значительные части территории не хотят знать ни Белоцерковского договора, ни вообще каких-либо обязательств к государству и замыкаются в молчаливом и пассивном, но несокрушимо упорном сопротивлении: в таком состоянии пребывали территории Побужья и Заднепровья, та и другая с сильным местным казачеством, которое теперь условиями Белоцерковского договора превращалось в зависимое посполитство или осуждалось на выселение. В других частях Южнорусского края дезорганизация выражалась иначе: начались массовые выселения за Днепр, в пределы Московского государства. После Берестечского поражения двинулись волынцы из своей опустошенной страны, затем поднепряне и бужане, которые сами потребляли свое имущество, чтобы не досталось врагам. Московское правительство принимало украинцев очень радушно: казна помогала им в первом обзаведении и им

разрешалось устраиваться на казацком положении. Волынцы, поселенные на Тихой Сосне, образовали первый слободской полк — Острогжский²⁷. В самое короткое время появилось на пространстве от Путивля до Острогжска много слобод, из которых в скором времени выросли города и большие местечки: Харьков, Сумы, Лебедин, Ахтырка, Белополье, Короча и т. п. Возникла новая Слободская Украина вместо пустешей старой. Стремление к выселению было так сильно, что даже военная сила не могла его сдерживать: переселенцы двигались также вооруженные и, отбиваясь от жолнеров, ружьями и даже пушками пробивали себе путь в новое отечество.

Кое-где на Украине вспыхивали бунты, прямо направленные против гетмана; стали появляться и новые претенденты на гетманское достоинство. С особенной силой проявились такие волнения в Северщине.

Ввиду политической дезорганизации, охватившей Украину, затруднительно было положение казацкого гетмана, но не менее затруднительно было положение и польской власти, которая не знала, с какого конца начать реализацию своих новых прав, и чувствовала себя в положении врага в неприятельской стране, которую надо было, несмотря на мирные трактаты, все-таки завоевывать. Представители государства обращались за содействием к гетману; мог или не мог гетман оказать это содействие, но он указывал на зачинщиков волнений, направленных против его власти, как на главную причину, в силу которой он не может привести в исполнение справедливые требования польского правительства. Поляки, вечно обманываемые той личиной покорности и верноподданнических чувств, какую так умело носил Хмельницкий в случае надобности, предлагали свое содействие, чтобы справиться с этими возмутителями общественного спокойствия. Таким образом, было схвачено и казнено несколько противников гетмана, представителей народной вражды к нему, как-то: Хмелецкий, Гурский, Гладкий, Мозыра²⁸. Но положение от этого не менялось к лучшему. Изменить его могло лишь крупное изменение внешних условий. И все помыслы Хмельницкого обращались на вопросы политики и дипломатии.

Он продолжал сношения с московским и константинопольским дворами, прося одновременно о протекторате и тут, и там. Но в то время, как правительство константинопольское очень благосклонно отнеслось к заявлениям Хмельницкого, московское все еще держалось строго выжидательной политики, не решаясь ни на какой обязывающий шаг.

А между тем Хмельницкий не мог ждать. Постоянное отвлечение необходимо было и для своих собственных беспокойных элементов и еще больше для татар: если бы Хмельницкий не указал им дела и добычи, они кинулись бы на Украину, что они и делали не раз в небольших размерах, так что самому Хмельницкому случалось

выкупать у своих союзников их ясыр, состоящий из казацких жен и детей.

К весне 1652 г. у Хмельницкого уже опять готов был план военного предприятия, тонко обдуманый и хорошо обставленный. Это был новый поход в Молдавию с целью заставить господаря Лупулла исполнить свое обещание о выдаче дочери замуж за Тимоша Хмельниченка. Конечно, гетман имел в виду в будущем Молдавское господарство, если не для себя, то для сына, — в связи, разумеется, с турецким протекторатом. Однако не одну эту цель преследовал молдавский поход. Хмельницкий хорошо знал, что поляки считают Лупулла своим союзником и не могут позволить казакам беспрепятственно направиться в Молдавию. И в самом деле, Калиновский, теперь великий коронный гетман, стянул свое кварцянское войско к горе Батог на р. Буг в окрестностях г. Ладыжин, чтобы загородить дорогу, а в войско прибыл из Польши цвет рыцарской молодежи, романтически настроенный ввиду посягательств неотесанного казака на руку молдавской красавицы, которой добивались сыновья польских магнатов. Продолжая разыгрывать свою роль верноподданного, Хмельницкий предупреждает письмом Калиновского, что его сын с отрядом казаков и татар, якобы вопреки его отцовской воле, идет в Молдавию. Обманув таким образом поляков, которые рассчитывали иметь дело лишь со слабым неприятелем, Хмельницкий напал на польский лагерь со значительными силами, казацкими и татарскими, и в самом конце мая или начале июня 1652 г. полякам нанесено было страшное поражение. По кровопролитию, по числу убитой шляхты из знатных домов Польши оно, по-видимому, превосходило все предшествовавшие битвы; лишь татары, больше всего дорожа ясыром, могли немногих спасти от истребления; был убит и сам Калиновский. Тимош Хмельницкий прошел в Молдавию и беспрепятственно вывез оттуда молодую жену на Украину.

Снова повторяются на Украине старые сцены — бегут в Польшу те владельцы, кто успел водвориться, бегут жолнеры со своих квартир, бежит в паническом страхе, кидая все и спасая лишь жизнь, все польское и еврейское, что решилось еще раз осесть на вулканической почве Украины. И снова Хмельницкий разыгрывал перед польским правительством и сеймом ту же комедию невинно пострадавшего, нечаянно вовлеченного в невольный проступок — комедию, которая теперь уже никого не обманывала. Искренне звучали те универсалы, которые он рассылал по Украине и Северщине, с запрещением причинять оскорбление панам или ущерб их имуществам: «нехай кожний з свого тишитися, нехай кожний свого глядить», — пишет он, желая заставить хлопков платить хотя бы «десятую копу» владельцам земель, среди которых уже теперь появляется и шляхта, признавшая над собой власть войска Запорожского. Но универсалы не могли укрепить узы общественности, которые начали ослабевать.

Поляки, делая вид доверия к мирному настроению казачьего гетмана, посылали к нему новую комиссию для переговоров и готовились к новой войне настолько энергично, насколько позволяла им их сила, истощенная бесплодной и бесконечной борьбой, безысходной неурядицей, целым рядом общественных бедствий, обрушившихся на Польшу в виде голода, мора, пожаров, наводнений.

С самым началом 1653 г. перед нами разворачивается картина не войны, а какого-то сплошного ужаса, более похожего на дикий горячечный бред, чем на действительность. На сцену выступает Стефан Чарнецкий²⁹, с одной стороны, горячий польский патриот, с другой — какое-то бесчеловечное чудовище: терроризировать Украину во что бы то ни стало, — вот единственный мотив, которым он руководствовался. Если нельзя было купить повиновения более дешевой ценой, то он готов был и на то, «чтобы не оставить русина и на лекарство» (собственное выражение Чарнецкого). Польское правительство вверило энергии и патриотизму коронного обозного небольшое войско, тысяч десять, и предоставило свободу действий. Нежданно-негаданно появляется он в Брацлавщине, на территории Бужского казачества³⁰, всегда отличавшейся духом закоснелого и непреодолимого упорства по отношению всего польского и шляхетского. С быстротою молнии кидался Чарнецкий из одного конца края в другой, вырезывал и выжигал село за селом, местечко за местечком. Истребляя без пощады все русское, он оставлял за собою пустыню. К счастью для края, он мог здесь встретить такого врага, как Богун, не уступающего ему по энергии и превосходящего его по находчивости. Богун успел-таки задержать Чарнецкого в его страшном движении; в битве под Монастырищем ранен был сам Чарнецкий, и войско его разбежалось, напуганное ложным слухом о приближающейся орде. Чарнецкий присоединился к главному войску, которое собиралось под Глинянами, неподалеку от Львова.

Король Ян Казимир, который лично стал во главе нового военного предприятия, теперь уже окончательно убедился в вероломстве казачьего гетмана и решил, не слушая никаких дальнейших его предложений, просьб, обещаний, еще раз напрячь все силы государства на попытку сломить упорство украинского народа. Тщетно Хмельницкий посылал послов в королевский лагерь, — их не слушали и задерживали как шпионов. Собственно, Хмельницкому нечего было особенно опасаться со стороны Польши: войска по обыкновению собирались крайне медленно, среди жолнеров то и дело вспыхивали беспорядки; Хмельницкий же был снова обеспечен татарской помощью. Но его отвлекали молдавские дела. В начале августа 1653 г. Тимош Хмельницкий отправился в Молдавию на выручку своей тещи господарши, которая, защищаясь от врагов враждебной партии молдаван, опиравшейся на валашского господаря и трансильванского князя Ракочи³¹, заперлась в сочавском замке³², на берегу Серета; это был уже второй поход — первый и очень удачный поход

весной того же года совершил молодой Хмельницкий, чтобы вернуть своему тестю престол, отнятый было теми же неприятелями. Но так как положение казацкого отряда, окруженного сильным неприятелем, приняло опасный характер, то Богдан Хмельницкий решил поспешить на помощь сыну несмотря на опасность, которая угрожала Украине со стороны польского войска, которое кое-как, наконец, сформировалось и готово было к наступлению. Хмельницкий двинулся в Молдавию, но на дороге встретил казаков, которые возвращались из-под Сочавы и везли с собой тело Тимоша, умершего от раны, полученной им на валу сочавского замка. Слепой случай положил предел всем широким планам Хмельницкого, связанным с покровительством Турции.

Но гетману некогда было отдаваться своим чувствам: польское войско двигалось на Поднестровье, чтобы не упустить в одно и то же время из виду и Украину, и Молдавию, политические интересы которой Польша всегда вводила в свои расчеты и планы. Уже во второй половине сентября польское войско расположилось лагерем недалеко от Каменца под Жванцем, на левом берегу Днестра, против Хотина. Хмельницкий, на помощь к которому теперь снова пришел сам крымский хан Ислам-Гирей, как всегда, прекрасно знал все, что делалось в неприятельском лагере, и не спешил с нападением: он выжидал, пока враги совсем ослабеют от недостатка съестных припасов и еще больше от холода, так как у них не было теплой одежды. И действительно, в войске был большой беспорядок. Когда же к польскому лагерю приблизились, окружая его, татары и казаки, войско начало просто разбежаться. И опять повторилась старая история: еще раз польское войско спасено было от полного истребления татарами, которые принудили казаков заключить мир. По Жванецкому договору, заключенному в декабре 1653 г., Украине возвращалось то положение, которым она пользовалась по Зборовским статьям. В награду за свое участие татары распустили загоны не только по Украине и Волыни, но и дальше на север, до таких мест Литовской Руси, которые больше двух веков не видели степных хищников. Только что Хмельницкий вернулся из-под Жванца в Чигирин, как в Переяславль прибыли московские послы, боярин Бутурлин с товарищами, с изъявлением готовности московского государя принять Украину под свое покровительство.

Шесть лет следила Москва с интересом за всем, что делалось у ее ближайших соседей, уклоняясь до поры до времени от всякого вмешательства и выжидая момент. Момент этот, по ее соображениям, наступил. Еще летом, когда поляки готовились к жванецкому походу, явились в Варшаву московские послы с большими зацепками насчет неправильностей в царском титуле, допускаемых как польским правительством, так и частными лицами, и неприличных речей о московском государе в польских книгах, — обычная тактика московской дипломатии, когда ей хотелось повернуть дело на «роз-

мирье»; сюда же присоединились требования насчет удовлетворения Украины и прав православной веры. 1 октября в Москве состоялся земский собор, на котором земля дала согласие на присоединение к Московскому государству украинского народа, вольного теперь, по мнению московского правительства, от присяги Польше. 8 января 1654 г. собрана была в Переяславле рада, на которой украинский народ изъявил свое желание отдаться под покровительство Московского государства. Так произошел великий акт соединения двух русских народностей со всеми его громадными последствиями для обеих соединившихся частей.

Взвешивал ли Хмельницкий важность того шага, который он делал? По всей вероятности, нет, если судить по его дальнейшему поведению. Он руководился потребностями момента. В данную минуту он совершенно изверился в договорах с поляками, в надежности крымских союзников, рассеялись прахом и его молдавско-валашские планы, а с ними и виды на турецкий протекторат. А бороться с Польшею без надежного союзника было теперь труднее, чем когда-либо: силы страны были истощены, тот народ, который еще недавно рвался неудержимо на борьбу, теперь, наученный горьким опытом, предпочитал возделывать свои поля, чем рисковать жизнью, и его приходилось чуть ли не силой гнать на войну. Хмельницкий кидается к Москве, совершенно игнорируя то, что союз с ней не может быть того же характера, условного и легко расторгимого, как союз с Крымом или Портой: не может, во-первых, в силу исторически сложившихся особенностей Московского государства, во-вторых, в силу того, что между Южной — Малой, и Северной — Великой Русью всегда существовали связывавшие их органические нити племенного родства, исторических традиций, наконец — и самое важное — общей религии, следовательно, общей стихии, на фоне которой складывалась культурная жизнь одного и другого общества. Политический союз в данных условиях мог произвести такую спайку, которую было легче создать, чем разрушить.

Итак, казацкая Украина в территориальном составе ее, определенном Зборовским договором, присоединилась к Московскому государству. Напрасно представители украинской стороны стремились удержать за актом присоединения вид договора — непреклонная настойчивость московских дипломатов сумела навязать ему характер милости. Московский воевода с сильным гарнизоном тотчас же водворился в Киеве. Однако московский государь подтвердил все «права и вольности» украинского народа (собственно говоря, украинского казачества), какие только были внесены на его рассмотрение, ограничив лишь несколько свободу дипломатических сношений гетмана с иностранными государствами; из численности войска, определенного Хмельницким в 60 тыс., московское правительство также не делало никакого вопроса; не воспользовалось даже на первый раз

предоставленным было ему правом собирать доходы с украинских имений, за исключением казацких и духовных (православного духовенства). И тем не менее на первых же порах оказалось много недовольных соединением в верхнем слое украинского общества; к числу недовольных принадлежали и лица высшего православного духовенства, руководители просвещения, принявшего, по инициативе Петра Могилы, западноевропейское направление, с митрополитом Сильвестром Коссовым³³ во главе: духовенство прежде всего опасалось зависимости от московского патриарха.

Не был доволен созданным им положением и сам Хмельницкий. Правда, новый союз тотчас дал украинскому делу огромный перевес над Польшей, несмотря на то что татары перешли на ее сторону. Одна московская армия выступила в Литву, другая появилась на Украине. Встреча двух враждебных сил, польско-татарской и московско-казацкой, в январе 1655 г. под Охматовым, или «на Дрыжи-поле»³⁴, по образному народному выражению — обе армии сильно страдали от холода, — хотя и имела исходом перевес поляков, но это была лишь случайность, не имевшая значения. Как бы то ни было, осенью того же года Хмельницкий снова стоял подо Львовом. Польского государства фактически почти не существовало, так как русские захватили Литву и Южную Русь по Львов и Люблин, а шведы — остальную Польшу. Если бы можно было закрепить это положение, южнорусский вопрос был бы решен окончательно: Хмельницкий видел ясно, что Польша, пока она будет самостоятельно существовать, не оставит своих притязаний на Украину. Но Московское государство не могло оценивать положение с этой, так сказать, южнорусской точки зрения и не считало нужным скрывать этого. Виленский договор, заключенный между Москвой и Польшей в августе 1656 г.³⁵, ясно осветил эгоизм московской политики и был настоящим ударом для Хмельницкого. Плененный перспективой польского престола, коварно развернутой перед ним польской дипломатией, Алексей Михайлович не воспользовался преимуществами, добытыми им при помощи казачества, и заключил мир, причем казацким депутатам не дозволено было даже и присутствовать при переговорах. Московское правительство не предало Украину Польше, как утверждали его польские и украинские недруги к великому огорчению и смущению украинского народа, — наоборот, независимость Украины от Польши была оговорена в трактате. Однако новое напряжение и трата сил опять-таки не дали никаких положительных результатов: снова Украина очутилась лицом к лицу с Польшей, которая по мере восстановления сил не преминула бы обратить их на новую борьбу, лицом к лицу с татарами, которые теперь в качестве врагов терзали ее постоянно.

И старый гетман, делая вид преданности московскому правительству, придумывал новые политические комбинации, которые лучше могли бы обеспечить будущность Украины, чем устроенный им союз

с Москвой. Вернейшее средство ее обеспечить в его глазах было все-таки если не уничтожить, то возможно больше ослабить Польшу. Таким образом, Хмельницкий вопреки своим обязательствам входит в переговоры со шведами, врагами Москвы, и с семиградским князем Ракочи, имеющим свои виды на Польшу, чтобы при помощи их добиться того, чего он добился при помощи Москвы. В то же время, привыкши в своем неустойчивом положении всегда оглядываться во все стороны, Хмельницкий не отвергает, по крайней мере, наружно, возможности соглашений и с поляками, которые, прошедши последние годы через тяжелые политические невзгоды и испытания, делаются более склонными к уступкам.

Среди тревог и волнений, несбывшихся планов и новых сомнительных комбинаций гетман заболел и умер в июле 1657 г. Руль выскользнул из властной руки, и дело украинского народа, которое эта рука умело проводила среди всех враждебных и разрушительных сил, напиравших на него не только снаружи, но и изнутри, теперь предоставлено было на произвол стихии.

II

Если смотреть на девять лет Хмельниччины исключительно со стороны политических событий, непрерывных опустошительных войн, ужасных очищений с их массовыми истреблениями, где люди гибли с продуктами их труда и творчества, то легко представить себе эту эпоху как первые шаги на пути «руины», того почти полного уничтожения, какому подверглась позже казацкая Украина. Но это ошибочно. Несмотря на страшное напряжение сил, на тяжелые жертвы, даже на признаки дезорганизации и разложения в сфере политических отношений, жизнь массы носила на себе отпечаток сильного развития. Тяжелым усилием украинский народ очистил свою территорию от всех чуждых элементов, которые, прицепившись к ней, затащили его в узы зависимых отношений, и вернул себе ту атмосферу свободы, в которой он вырос и сложился; опасность и борьба были в его глазах необходимым дополнением этой свободы. Возбуждаемый этим духом свободы, полно и сильно бьется жизненный пульс народа, быстро и легко залечиваются наносимые ему раны. Диакон Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария и оставивший в высшей степени интересное описание своего путешествия³⁶, летом 1654 г. ехал через Рашков и Умань на Киев, следовательно, перерезал ту территорию, которую наисильнее опустошали неприятели, и поляки, и татары. А между тем Павел приходит в восторг именно от кипучей жизненности страны. Правда, то там, то сям встречается местечко — «базар», по его выражению, — носящее следы недавнего разорения, но, вообще, базаров так много и лежат они в таком близком расстоянии один от

другого, не только на больших дорогах, но и в стороне от них, что путешественник только восклицает: «О, какая это благословенная страна!» Если в том или другом местечке попадаетесь разоренная или оскверненная неприятелем церковь, то она непременно поправляется, перестраивается или уже перестроена и ждет освящения от проезжего духовного владыки. Самые резкие следы тяжелых пережитых событий — конечно, в том, постоянно отмечаемом Павлом, факте — что в толпах народа, которые всюду выбегали навстречу патриарху, замечалось несоответствие в смысле малого процента взрослых мужчин. Но зато обилие детей, красивых белоголовых мальчиков, изумляло путешественников. «Умы наши поразились изумлением при виде огромного множества детей всех возрастов, которые сыпались как песок», — пишет он со свойственной ему восточной вычурностью; «в доме каждого человека по десяти и более детей, погодки и идут лесенкой один за другим» и т. д. Павел сообщает, что множество народа погибло в войнах и от моровой язвы, которая свирепствовала последние годы, и все-таки «они многочисленны, как муравьи, и бесчисленнее звезд», — добавляет он. — Подумаешь, что женщины у них родят три, четыре раза в год и всякий раз по три, по четыре младенца...» Наряду с этим Павел всюду отмечает материальное благосостояние, идущее рука об руку с крайней простотой жизненных потребностей и обстановки: множество домашней птицы и животных, особенно свиней, огромные и разнообразные посева, сады и огороды, рыбные пруды и мельницы с толчеями приводили описателя в удивление и в восторг. Но ничто так не характеризует данную эпоху, как те несомненные и яркие симптомы духовной культурности украинской массы, на которых с такой любовью останавливается внимание восточных путешественников. Многочисленные храмы, большею частью только что отстроенные, со времени освобождения отличаются красотой своей постройки и живописью своих икон: «Казацкие живописцы заимствовали красоты живописи лиц и цвета одежд от франкских и ляшских живописцев-художников и теперь пишут православные образа, будучи обученными и искусными; они обладают большою ловкостью в изображении человеческих лиц с совершенным сходством», — свидетельствует Павел. Прекрасное, стройное церковное пение вызывает повсюду у Павла восторженные похвалы. Помимо церковного благолепия, свидетельствующего «о набожности, богобоязненности, благочестии, приводящих ум в изумление», Павел указывает на шпитали, или странноприимные дома, которые «во всей стране казаков, в каждой улице и в каждой деревне выстроены для их бедняков и сирот, при конце мостов или внутри города, служащие им убежищем; на них снаружи множество образов; кто к ним заходит, дает им милостыню». Кроме того, он отмечает еще такую форму общественной благотворительности: «У казаков есть бесчисленное множество вдов и сирот, ибо со времени появления гетмана Хмеля и до

настоящей поры не прекращались страшные войны. В течение всего года, по вечерам, начиная с заката солнца, эти сироты ходят по всем домам просить милостыню, поя хором гимны Пресвятой Деве приятным, восхищающим душу напевом; их громкое пение слышно на большом расстоянии. Окончив пение, они получают из того дома милостыню деньгами, хлебом, кушаньем или иным подобным, годным для поддержания их существования». Но, конечно, самое ценное из всех указаний, какие дал нам любознательный диакон, есть то, какое он оставил насчет развития грамотности в украинском народе времен Хмельницкого. «По всей земле казаков мы заметили возбуждавшую наше удивление прекрасную черту,— говорит Павел.— Все они, за исключением немногих, даже большинство их жен и детей, умеют читать и знают порядок церковных служб и церковные напевы; кроме того, священники обучают сирот и не оставляют их шататься по улицам невеждами; после освобождения люди предались с большею страстью учению, чтению и церковному пению...» * Все эти факты, отмеченные очевидцем, и притом человеком совершенно посторонним, так красноречивы, что пояснять их излишне. Очевидно, мы имеем дело с народом, способным к здоровому, сильному развитию. Но народ этот лишился руководителя, который вел бы его дело силой личной талантливости, а исторические обстоятельства оставили его без той общественной группы, в которой вырабатывался бы и традиционно хранился опыт ведения государственного дела. Дело украинского народа оказалось брошенным на произвол стихии, игрушкой то слепых и бессознательных, то сознательно-враждебных сил.

Сознательно-враждебными силами были, конечно, те соседние государственные организмы, которые стремились к Украине как к привлекательной добыче. На первом плане — Польша и Москва, затем — Крым и позже — Турция. Крымские татары то и дело оказывались кому-нибудь нужными на Украине как союзники и, освоившись здесь еще при Хмельницком, дальше уже гостили почти безвыходно, собирая дань людьми. Но татары были только бедствием; не простым бедствием, а источником безысходной, терзающей край смуты было для Украины соперничество Московского и Польского государств. Не стремясь к этому и даже не желая, это

* Небезынтересно то сравнительное впечатление, какое вынес Павел из своего пребывания в земле казацкой и затем в Московии, где он пробыл два года. Вот как выражает он это впечатление: «С той минуты, как мы увидели Печерский монастырь, блеснувший в отдалении своими куполами, и как только коснулось нас благоухание этих цветущих земель, сердца наши раскрылись, и мы излились в благодарениях Господу Богу. В течение этих двух лет в Московии замок висел на наших сердцах, а ум был до крайности стеснен и подавлен, ибо в той стране никто не может чувствовать себя сколько-нибудь свободным, кроме разве коренных жителей. Напротив, страна казаков была для нас как бы наша собственная страна, и ее обитатели были нам добрыми приятелями и людьми вроде нас самих».

соперничество стихийной силой условий разрывало украинскую территорию на две части, разделенные Днепром: Левобережье, ближе зная Москву и имея больше оснований, с одной стороны, бояться ее силы, с другой — надеяться на ее помощь, решительно тянуло к московскому протекторату, Правобережье по тем же основаниям — к польскому. Мало того: соперничество это, разрывая Украину территориально, усиливало и внутреннюю ее смуту.

С тех пор, как Польша с ее панями была устранена, посполитый уже не противопоставлялся так резко казаку, как раньше. Будучи свободен от панского суда и произвола, земледелец мог даже предпочесть отдать десятую копу кому-либо, заступающему роль землевладельца, чем нести тяготы казацкой службы; к тому же ему был доступен переход в казаки. Но еще при Богдане Хмельницком обнаружилась — и чем дальше, тем больше росла — рознь в самой казацкой среде, между казацкой старшиной («значными») и простой казацкой чернью. «Значные», вместе с тем и более культурные люди своего общества, стремились к тому, чтобы водворить польско-шляхетский тип общественных отношений, — единственный, который представлялся им возможным; чернь относилась к этим стремлениям с глубокой враждебностью. Естественно, что все более влиятельное по положению, богатое, образованное видело в союзе с Польшей осуществление возможности закрепить за собою свою привилегированность: наоборот, чернь искала в самодержавной, демократической Москве гарантий для общественного равенства, в котором была заинтересована. Таким образом, соперничество двух соседних держав усиливало внутреннюю рознь Украины.

Было и еще одно условие, увеличивавшее анархию. Это была та роль, какую начало теперь играть Запорожье в украинских делах.

В период, предшествующий Хмельнитчине, не обнаруживается никакой розни или противопоставления между Украиной и Запорожьем, — наоборот, Запорожье служит необходимым дополнением Украины, которое поддерживает и питает ее свободные казацкие стремления тем, что дает гостеприимный приют всем недовольным и поддерживает всякое открытое проявление недовольства. Таким образом, в эпоху волнений Запорожье становилось во главе Украины, организовывало и заправляло движением. В мирное время оно находилось с Украиной в постоянных сношениях; Польское государство никак не могло добиться того, чтобы прекратить экономический обмен и вообще связь между этими территориями, поддерживаемую насущными потребностями обеих сторон — не только материальными, но и нравственными. Хмельнитчина, уничтожив старый режим, изменила и отношения между Украиной и Запорожьем. Украина начинала новую жизнь как политически самостоятельное гражданское общество; Запорожье продолжало свое существование в качестве военной общины, исключившей семью. При наличности тесных уз, связывавших эти два социальных организма, обнаружи-

лась между ними рознь тотчас же, как добытая свобода открыла возможность самоопределения. Запорожье не могло ценить мирных культурных интересов — самым своим строем оно побуждалось постоянно к деятельности, к вмешательству; борьба была для него необходимостью как естественная стихия его существования. Таким образом, Запорожье в жизни тесно связанной с ним Украины постоянно сообщало закваску новому и новому брожению. В той борьбе внешних и внутренних сил, о которой сказано выше, Запорожье обыкновенно становилось на сторону Московского государства и казацкой черни против Польши и «значного» казачества. Но в этом отношении Запорожье могло при случае и изменить позицию; одно, чему оно не изменяло никогда, это — борьба, постоянная готовность принять воинствующее положение. Нетрудно представить себе, каким ухудшающим элементом в жизни Украины являлось Запорожье теперь, когда и без того жизнь эта была предоставлена на произвол стихийных сил.

Все, что происходит после смерти Хмельницкого на политической сцене Украинской земли, имеет вид какой-то беспорядочной и бессмысленной игры случайностей. Не успеет появиться какой-нибудь факт и выяснить свое содержание, как исчезает под напором иных фактов, также, в свою очередь, быстро исчезающих. Сменяющиеся друг друга гетманы, возникающие и исчезающие партии, перекрещивающиеся влияния, походы, битвы и миры, политические договоры и компромиссы мелькают перед нами как в калейдоскопе. Все в конце концов рушится, унося с собою политическую цельность и самобытность Украины.

Богдан Хмельницкий перед смертью употребил свое влияние на то, чтобы обеспечить гетманство за своим сыном Юрием, болезненным и малоспособным, к тому же еще и несовершеннолетним: казацкая рада признала его наследником³⁷. Но власть успел перехватить, под видом опекуна и на виду у многочисленных соискателей, войсковой писарь Выговский³⁸, человек, наиболее близкий старому Хмельницкому и по своей опытности в делах управления, может быть, наиболее заслуживавший власти. Однако Выговский, хотя по происхождению и православный южнорус, все-таки был природный шляхтич, через женитбу связанный родством с некоторыми значительными домами Речи Посполитой. Все влекло его к Польше и отталкивало от Москвы, которая успела уже возбудить на Украине много враждебных чувств вмешательством во внутренние дела, притеснениями со стороны ратных людей, высокомерием воевод. Избрание Выговского вызвало бунт на левом берегу, в Полтавщине: полтавский полковник Пушкарь³⁹, любимец черни, не хотел признавать за Выговским гетманского достоинства. Пушкаря поддерживало и Запорожье. Выговский был вправе ожидать деятельного содействия московского правительства для подавления бунта, но оно, имея через своих воевод и агентов ближайшее понятие о том, что

делалось на Украине, видело, что бунтовавший Пушкарь со своими дейнеками (голотой) и запорожцами искреннее тяготеет к Москве, чем гетман Выговский, и под благовидными предлогами уклонялось от деятельного вмешательства. А между тем бунт все распространялся, и дейнеки усердно грабили «значных». Выговский зовет татар, всегда готовых на скорую помощь, и вместе с ними, а также наемными немцами, подавляет волнение. Но обращение Выговского к татарам, теперь уже постоянным союзникам Польши, было с его стороны как бы вызовом московскому правительству. Если Выговскому и раньше трудно было завладеть доверием Москвы, то теперь это сделалось уже невозможным. Обстоятельства толкали его туда же, куда влекли симпатии. Он решился на тот шаг, к которому его давно, настойчиво и умело, склоняли польские агенты, и между ними на первом плане известный Юрий Немирич⁴⁰ из панского украинского рода Немиричей, убежденный последователь социинанской секты, человек выдающегося ума и образования. В сентябре 1658 г. казацкая рада, руководимая Выговским, приняла так называемые «гадячские статьи», которыми утверждался на новых основаниях союз Украины с Польшей. Эти новые основания были основаниями федеративного союза. Украина, в составе воеводств Киевского, Черниговского и Брацлавского, присоединялась к Польше под именем княжества Русского, согласно формуле «как вольные к вольным и равные к равным». Русскому княжеству предоставлялись свой сейм и трибунал, следовательно, своя законодательная и судебная власть, самостоятельная администрация по образцу польской, полная свобода православной религии, обеспечение прав гетмана и казацкого сословия, право учреждать школы и типографии, открыть два университета и т. д. Немало шума вызвали «гадячские статьи»; Юрий Немирич сказал на сейме по этому поводу блестящую речь; Польша торжественно приняла заблудшую дочь в свои объятия. Все это было очень красиво — и совершенно бесплодно, — Украина продолжала неудержимо катиться по своей роковой наклонной плоскости. Как только разнеслась весть о новом союзе с Польшей, сейчас же поднялось Левобережье, где пользовались влиянием шурья Богдана Хмельницкого: Сомко и Золотаренко⁴¹, поднялось Запорожье со своим кошевым, знаменитым Сирком⁴². Не встретил Выговский сочувствия и поддержки даже на правом берегу, так что должен был бежать, спасая жизнь. Казацкая рада под Трахтемировом, на Жердевском поле, осенью 1659 г. высказалась за московский проекторат и объявила гетманом Юрия Хмельницкого.

Между тем московское правительство со свойственной ему настойчивостью не пропускало никакого случая, чтобы расширить и усилить свое влияние на дела протектируемой им страны. Измена Выговского дала ему опять такой случай. В новых статьях, навязанных казачеству, стеснилась политическая власть гетмана; воеводы с ратными людьми водворялись, кроме Киева, в Переяславле, Нежи-

не, Чернигове, Брацлаве, Умани; выбор гетмана должен был утверждаться царской властью. Для казачества эти новые ограничения были тем тяжелее, что были неожиданными: ввиду таких уступок со стороны Польского государства, как Гадячский договор, они рассчитывали на соответствующие уступки и со стороны государства Московского. Неудовольствию против Москвы дана была новая пища. Немудрено поэтому, что, когда в следующем, 1660 г., загорелась война из-за Украины между Москвой и Польшей, казачье войско с Юрием Хмельницким во главе в критический момент перешло на сторону поляков, и войско московское под Чудновым потерпело настоящую катастрофу⁴³, так что даже предводитель его, Шереметьев пошел в плен татарам. Чудновским договором между казачеством и Польшей восстанавливается, хотя и не вполне, сила договора Гадячского. Но все это опять не привело ни к чему. Если на правом берегу под давлением Польши признавались до некоторой степени и этот договор, и гетман Хмельницкий, то Левобережье и Запорожье не хотели одинаково знать ни гетмана, ни Польши. Здесь идет своя собственная борьба партий, из которых каждая всеми силами старается привлечь на свою сторону в высшей степени осторожную и недоверчивую благосклонность Москвы. Пока действуют еще родственники и свойственники Богдана Хмельницкого, но начинает выдвигаться одна личность, уже ничего не черпающая из ореола, каким отмечена в душах украинцев память об их первом руководителе: это ничтожная креатура Запорожья — Иван Брюховецкий⁴⁴. Между тем то польское войско с правобережными казаками появляется с целью насильственного подчинения на левом берегу, то московское с левобережными — на правом; татары грабят и тут и там; ошеломленный этой безурядицей, украинский народ ждет светопреставления. Слабый Хмельницкий, совсем неспособный руководить событиями на своем ответственном посту, окончательно теряет голову под гнетом общего негодования и постригается, отказавшись от власти, в монахи в начале 1663 г. Брошенную, таким образом, гетманскую булаву купил у польского правительства зять старого Хмельницкого — Тетеря⁴⁵, человек, не превышавший своего предшественника ни умственными, ни нравственными достоинствами, но несравненно более ловкий и изворотливый. Но Левобережье также не хотело знать его, тем более, что Тетеря всегда заявлял себя преданным сторонником Польши. Здесь, на левом берегу, положение временного, или наказного, гетмана занимал Сомко, человек, по-видимому, не совсем заурядный, но против него направлены были интриги и доносы со стороны других соискателей власти, и московское правительство не доверяло его преданности. Зато все более и более выигрывал в этом доверии Брюховецкий, который пользовался симпатиями Запорожья и левобережной черни. Он был достаточно умен, чтобы понять, каким путем можно было добиться власти, и достаточно лишен нравственного чувства, чтобы свободно перейти из роли пред-

ставителя и защитника интересов своей родины в роль предателя. Московское правительство приобретало в нем если не надежное, то в высшей степени полезное орудие своим видам. Оно решило помочь Брюховецкому захватить булаву. Единственным легальным средством, каким можно было осуществить избрание Брюховецкого в гетманы, являлось созвание «черной рады», т. е. такого избирательного собрания, где были бы не только представители казачества, а весь народ. Чернь, симпатизирующая Брюховецкому как предполагаемому врагу «значного» казачества, должна была дать ему перевес своей численностью; с другой стороны, суматоха и беспорядок, необходимо господствующие в таком огромном и неорганизованном сборище, при содействии московских ратных людей могли легко покрыть пробелы в формальной стороне избирательного процесса.

«Черная рада», собравшаяся в Нежине в июне 1663 г., действительно избрала в гетманы Брюховецкого; вместе с тем чернь грабила три дня «значных» казаков, явившихся на раду с приличной торжественности случая обстановкой. Первым делом Брюховецкого было обвинить в измене своих противников, во главе их бывшего наказного гетмана Сомка и нежинского полковника Золотаренка, и казнить их.

Итак, разделение Украины на две половины как бы закрепилось: на правой стороне сидел Тетеря, преданный сторонник Польши, на левой — Брюховецкий, не менее преданный сторонник Москвы. Но оба государства еще не могли примириться с этим *status quo* *, в особенности Польское. Собравшись с силами, потрясенными предыдущими тяжелыми войнами и внутренней анархией, оно предприняло снова чуть-что не крестовый поход для завоевания Левобережной Украины: двинулся сам король Ян Казимир лично и с ним, во главе двух других войск, жестокий Чарнецкий и Ян Собеский ⁴⁶, будущий герой польской истории,— оба военачальники, выдающиеся по опытности и способностям; татары явились на помощь, сама Сечь начала колебаться в пользу Польши. Зимой 1663—1664 гг. польские войска прошли по Левобережью: Ян Казимир направлялся было через Северщину на соединение с литовским войском, имея целью вслед за покорением Левобережной Украины двинуться на самую Москву. Но все это громкое предприятие свелось ни к чему: много было взято украинских городов и местечек, но удержать их за собой ввиду полной враждебности населения и отпора со стороны московско-казацкого войска было слишком трудно. К тому же татары ушли домой, так как Сирко с запорожцами напал на Крым, а на правом берегу снова начались волнения, при деятельном содействии того же неутомимого Сирка, и польские войска вынуждены были, не добившись ничего, возвратиться назад. Вслед за ними переправился

* Положение, существующее в данный момент или существовавшее в какое-либо время (лат.).

на правую сторону и Брюховецкий с казаками и небольшим отрядом московских ратных людей. Еще раз несчастный край делается ареною войны, еще раз проходит по нему жестокий Чарнецкий: и все остается без прочного политического результата, все лишь шаг дальше по пути «руины», бессмысленного стихийного истребления жизни, так много обещавшей, так богатой культурными задатками. Домашние неурядицы отвлекают от Украины польские войска, которые оставляют за собою лишь несколько гарнизонов в городах. Брюховецкий, заинтересованный своими левобережными делами, уезжает в Москву, заняв своими силами тоже некоторые пункты, кидает гетманство бессильный и ничтожный Тетеря, фактической силой на Правобережной Украине остаются татары. С их-то поддержкой и выдвигается новое лицо, которому удастся на некоторое время овладеть положением: это чигиринский полковник Петр Дорошенко ⁴⁷, с осени 1665 г. выступающий как правобережный гетман.

Дорошенко — один из тех немногих деятелей этой тяжелой эпохи, которые были выдвинуты наверх не случайной игрой стихийных сил, а естественным тяготением своих личных достоинств. Ум, способный захватывать широкие горизонты, природное красноречие, помогавшее ему увлекать за собой толпу, сильное честолюбие — все это делало из него политического человека, вожака массы. Но положение Украины было таково, что и он не мог вывести ее на спокойный, правильный путь.

Между тем личность и политика Брюховецкого, все выясняясь, возбуждали все большее и большее негодование Левобережной Украины. Строя все свои своекорыстные расчеты на милостях московского правительства, он решился «ударить государю челом всеми городами, землями и со всеми хлебными и со всякими доходами». Таким образом, Малороссия, т. е. Левобережная Украина, отдавалась непосредственно в подданство московскому государю, причем лишь казацкому сословию выговаривались разные льготы. Москва выразила свою благосклонность Брюховецкому тем, что дала ему боярское достоинство, а старшине, принимавшей участие в челобитной — дворянское; всем пожалованы были маестности (недвижимые имения). Все это проделал Брюховецкий во время своего пребывания в Москве осенью 1665 г. Нетрудно представить себе, какое впечатление произвели на Украине все эти новые и совершенно чуждые достоинства и отличия, какие привезли с собой из Москвы гетман и старшина, а главное, те результаты, какие вытекли из новых «статей», заключенных гетманом с московским правительством, хотя статьи эти не были рассмотрены и утверждены казацкой радой ⁴⁸. Московские воеводы начали водворяться один за другим в городах Левобережной Украины; явились стольники с целью произвести перепись жителей и их доходов. Перепись — как она ни безобидна сама по себе — всегда имела свойство возбуждать подозрительность и неудовольствие массы; а в данных условиях — тем

более. Ответственным лицом за все являлся гетман. А между тем пришли к концу долго тянувшиеся переговоры между Московским и Польским государствами и привели с собой Андрусовское перемирие *. По этому договору Левобережная Украина оставалась, как была, под властью Московского государства, Правобережная — Польского, за исключением Киева, который удерживался Москвою в своей власти на два года, а Запорожье — под общим покровительством обоих. Таким образом, случайный факт существования двух гетманств как бы закреплялся, получал устойчивость, и вместе с тем рассеивалась надежда на самостоятельное существование Украины: двум половинам трудно было и мечтать о том, чего не добилось целое. Это понимали более сознательные украинские умы и чувствовали менее сознательные. К наиболее сознательным из этих умов, несомненно, принадлежал правобережный гетман Дорошенко. Находясь постоянно в союзе с татарами, он тем не менее всеми силами старался о том, чтобы объединить Украину под покровительством Москвы. Андрусовское перемирие убедило его в том, как малоосновательны были его надежды на Московское государство. Но это не заставило его отказаться от стремлений к объединению, только все свои расчеты на осуществление этого объединения он строил теперь на турецко-татарской помощи. Дорошенко вступает в сношения с Брюховецким, стараясь втянуть его в свои планы, обещает ему гетманство над объединенной Украиной. Верил или не верил Брюховецкий этим планам и обещаниям, но ему ввиду общего неудовольствия и симпатий к Дорошенку было опасно оставаться в старом положении, тем более, что он даже и не извлекал из него выгод: доходы, которыми он раньше распоряжался, шли теперь в царскую казну, с воеводами были бесконечными недоразумения и неудовольствия. Как человек без чести и совести, он так же свободно повернулся спиной к Москве, которой обязан был всем, включая даже и семью (жену свою, московскую боярышню, он получил, по просьбе, из рук царя). Он воспользовался своею властью, чтобы обратиться в открытый бунт таившееся до тех пор народное неудовольствие против Москвы. В начале 1668 г. украинцы на Левобережье поднялись на великороссов, отказались платить подати, повыгоняли воевод и московских ратных людей; кое-где были и кровавые расправы, впрочем, незначительные. Брюховецкий отдался под покровительство султана. Но и эта, столь неожиданная и крутая, перемена фронта не спасла гетмана. На левом берегу появился Дорошенко, призванный казачеством, и Брюховецкий лишился не только гетманства, но и жизни, избитый до смерти своими же казаками. На один момент Дорошенко достиг цели своих стремлений, объединил Украину под своею властью, но только на момент. Сейчас же все опять поползло врознь. Северное Левобережье, прилегавшее непо-

* Начало 1667 г.

средственно к Московскому государству, не могло серьезно думать о турецком протекторате и со своим наказным «северским» гетманом, поставленным здесь Дорошенком, Демьяном Многогрешным⁴⁹, просило у московского государя прощения; Запорожье, выдвинувшее Брюховецкого и пристрастное к нему, несмотря ни на что, наперекор Дорошенку поддерживало некоего Суховеенка⁵⁰, к которому прикнули и южные полки — Миргородский, Полтавский и Лубенский: здесь все опиралось на помощь Крыма, и Суховеенко выступал как ставленник хана. Наконец, и на самом Правобережье не было единения: выдвинулся новый гетман — уманский полковник Ханенко⁵¹, которого поддерживала Польша. Итак, через год после убийства Брюховецкого и мелькнувшей было надежды на объединение Украины под сильной рукой Дорошенка, летом 1669 г. было несколько гетманов, из которых каждый опирался на часть территории и на иноземную политическую силу, не считая «закутных гетманишек», которые высказывали то и дело в общем хаосе, из какого не могла выбраться Украина.

Дорошенко окончательно приходит к убеждению в том, что турецко-татарский союз, на который он до сих пор смотрел лишь как на средство объединения Украины, должен быть целью его усилий, что Украина может достигнуть относительной цельности и самостоятельности, лишь поставленная в такой же протекторат Турции, каким пользовались Молдавия и Валахия. Свою незаурядную энергию он направляет на то, чтобы привлечь Турцию к деятельному вмешательству; усилия его увенчались самым неожиданным и блестящим успехом, однако не на радость ни Украине, ни самому Дорошенку.

Между тем северский гетман Демьян Многогрешный был признан московским правительством гетманом Левобережной Украины и понемногу расширил и утвердил свою власть над всею терри-ториею, включая даже и непокорную Полтавщину, которую поддерживали запорожцы, выходившие сюда на зимовку. Многогрешный был, по-видимому, недурной человек: прямой, некорыстолюбивый, преданный интересам родины. Но заурядному хорошему человеку трудно было изворачиваться, чтобы руководить положением края, терзаемого изнутри противоречивыми стремлениями и находящегося под постоянным давлением могущественной внешней силы, интересы которой шли вразрез с интересами страны, как они сознавались его представителями, а следовательно, и самим гетманом. Московское правительство не отступало от намеченной им политики: ни восстание против воевод, поднятое Брюховецким, ни угроза турецким протекторатом не вынудили его отказаться в чем-нибудь от приобретенных прав. Украинцам представлялось необходимым перешить вопрос о московских воеводах и ратных людях в украинских городах, но Москва даже не позволяла заводить о нем и речи.

На Правобережье шла неустанная борьба между гетманами при

постоянном вмешательстве поляков и татар. Левобережье под охраной Москвы было относительно спокойно. Но это внешнее спокойствие не обеспечивало спокойствия внутреннего. Общество находилось в полнейшем разброде даже независимо от той борьбы социальных элементов, на которую было указано выше. Взгляды и симпатии значительного большинства украинского общества влекли его к автономии, в которой оно было воспитано; интересы отдельных лиц тянули их к могущественной Москве. В более влиятельном, правящем, классе общества создавалась разлагающая атмосфера, где интрига, донос, подлаживание под виды московского правительства являлись могучими орудиями в руках бессовестного эгоизма, хищничества, властолюбия.

Наступил 1672 г. и принес с собою и на левом, и на правом берегу крупные перемены. Прежде всего, на Левобережье созрела интрига старшины против Многогрешного, который возбуждал неудовольствие окружающих своей вспылчивостью и раздражительностью. Несколько влиятельных лиц из этой старшины, преследуя свои личные цели, воспользовались тем, что гетман в своей несдержанности раздражал и представителей московского правительства, составили заговор, схватили Многогрешного и отвезли в Москву. Здесь они обвинили его в сношениях с Дорошенком и намерении отдаться под турецкий протекторат. Обвинения были малодоказательны; судебный процесс, несмотря на применение пытки, также не выяснил ничего, что подкрепляло бы обвинения, и тем не менее Многогрешный был осужден на смертную казнь, замененную пожизненной ссылкой в Сибирь. Передачей своего выборного гетмана на суд московского правительства казацкая старшина сделала важный шаг в сторону ограничения своих автономных прав. За этим последовал другой, не менее важный. Старшина боялась предоставить выбор нового гетмана обыкновенной раде, если б даже она и не была «черной», а обыкновенной казацкой радой: несмотря на все предосторожности и предварительную подготовку, все-таки могло случиться, что рада выдвинула бы на гетманство, например, Сирка, знаменитого запорожского кошевого, который своей постоянной героической борьбой с татарами и простонародным обликом возбуждал общие горячие симпатии массы. Такой выбор был бы одинаково неприятен как казацкой старшине, так и московскому правительству. Сирко проездом через Левобережье был захвачен и скованный отвезен в Батуриин, тогдашнюю столицу Левобережной Украины, а старшина постановила просить, чтобы государь разрешил совершить выбор гетмана собранием не всех казаков, а только «значных». Просьба была уважена. Мало того: так как народ все-таки мог воспользоваться тем, что он считал своим законным правом, и обратиться на раду, — выбор гетмана был не на украинской территории, а вне ее, между Конотопом и Путивлем. Выборы совершились «тихими гласы», так как были простой формальностью: гетманом зара-

нее был намечен генеральный судья Иван Самойлович⁵², «попович», как его прозывали обыкновенно, так как он был сыном священника. Выбор был удачен: целых полтора десятка лет держал Самойлович гетманскую булаву — большой срок для этого смутного времени.

Но все эти события бледнели перед тем, что совершалось на Правобережье. Замыслы Дорошенка получали неожиданное и блестящее осуществление: уже с конца предшествующего года султан Магомед IV⁵³ делал грандиозные приготовления к завоеванию «Лехистана»; но только летом 1672 г. огромная и пестрая 300-тысячная армия тронулась в путь под личным предводительством падишаха и лишь в августе вступила в границы Подолья. Польша была более чем не готова встретить опасность — она просто не хотела ничего знать, слышать о ней: ничтожный король Михаил Корибут-Вишневецкий⁵⁴ совсем не мог справляться с шляхтой, а та предпочитала думать, что грозящая со стороны Турции опасность есть выдумка коронного гетмана, нуждающегося в войне для своих целей; гетманом был в то время знаменитый впоследствии Ян Собесский. Но вот после недельной осады пал и Каменец, в неприступности которого шляхта была непреложно уверена, и вся польская территория оказалась настезь раскрытой перед ужасным врагом. О сопротивлении не могло быть никакой речи. Все укрепленные места сдавались один за другим без сопротивления или сносились с лица земли. Турецкое войско двигалось ко Львову, захватывая огромное пространство, и на этом пространстве стояло сплошное зарево, носились клубы дыма, раздавались жалобные стоны и дикие крики. В то же время Крымская орда ворвалась по всем трем шляхам и проникла в такие местности, которые до тех пор были недоступными для татар. Дорошенко стоял на Украине с ханом и рассылал универсалы о покорности султану. Наступающая осень задержала дальнейшее движение турецкой армии вглубь Польши, которая готова была принять мир на всяких условиях. В октябре 1672 г. был заключен так называемый Бучацкий договор. Подольское воеводство с Каменцем отходило к Турции, Украина собственно, т. е. воеводства Брацлавское и Киевское, признавались казацким владением под управлением Дорошенка и верховным покровительством Турции.

Дорошенко достиг цели своих стремлений, но лишь для того, чтобы убедиться, какую ошибку делал он, рассчитывая на Турцию. Очевидно, она не могла сгруппировать около себя разрозненные элементы Украины, прежде всего потому, что внушала к себе полнейшее недоверие и отвращение; вмешательство ее лишь ускорило тот прогресс политического разложения, на какой был обречен край. Турки и татары разоряли территорию в видах ее подчинения. Польша между тем, поумневшая от данного ей тяжелого урока, с доверием обратилась к Собесскому, предоставив ему дело залечивания нанесенных ран, и обнаружила ту энергию, к какой она была способна в период подъема общественного духа: она, естественно, не

хотела признавать вынужденного у нее Буцацкого договора и не думала отказываться от своих прав на казацкую Украину. В то же время и Москва с левобережными казаками, освобожденная происшедшими политическими переменами от обязательств Андрусовского мира, считала необходимым вмешаться в дела Правобережья, так как сами жители умоляли об этом вмешательстве. Вместо объединения и умиротворения являлась лишь усиленная смута. В этой смуте одно стремление начало могущественно, наподобие душевной эпидемии, овладевать людьми — стремление кинуть все, перебраться через Днепр и на левом берегу искать новой оседлости, новой родины, новой общности. Пустели села, пустели город за городом, местечко за местечком. Обозы, нагруженные «прочанами» и их пожитками, тянулись к Черкассам и Каневу; переправясь на левый берег, «прочане» тянулись дальше на восток, в слободские полки, где еще были незанятые земли. Тщетно Дорошенко пытался задержать это движение увещательными универсалами и страхом наказания в виде отдачи татарам; тщетно поляки со своей стороны стерегли людей, «словно рыболовы с удочками» — ничто не помогало. Самойлович терял голову, не зная, что делать с этой массой народа, истощенного, бесприютного и голодного, лишенного даже лошадей, поиздыхавших от бескормицы. Таким образом в 1674 г. переселились полки Уманский и Брацлавский, в 1675 г. — полк Корсунский. В том же году и Ханенко сдал свою гетманскую булаву в руки Самойловича и поселился доживать свой век в Козельце. Наконец, увидел и Дорошенко, что и ему нет иного выхода, как отдаться на милость московского правительства. Он пытался было выговорить себе некоторые права при посредстве Сечи и ее кошевого Сирка, но левобережный гетман всегда имел возможность держать в руках Запорожье запрещением вывозить туда хлеб, а сечевикам выходить на зимовку в Полтавщину, как это было в обычае. Наконец, после долгих колебаний осенью 1676 г. сдал Дорошенко Самойловичу и Москве Чигирин — центр опустевшей территории, передал свои «клейноты», т. е. знаки своего гетманства, чтобы сложить их у ног царя, и присягнул на вечное подданство, а с ним и все еще оставшиеся на местах жители Чигирина, Жаботина, Субботова, Медведевки, Черкасс и Крылова. Турецко-казацкая Украина перешла, таким образом, в зависимость от Москвы, Дорошенко же, прожив некоторое время на Левобережье, где он был доверчиво и задушевно принят Самойловичем, вызван был в Московское государство, где и оставался до смерти, как бы в почетной ссылке.

После отречения Дорошенка Правобережная Украина представляла собой следующее. Чигирин и его территории, бывшее гетманство Дорошенка, заняты были теперь московскими ратными людьми и казаками Самойловича; вероятно, села и городки этой территории были теперь уже почти пусты, оставался настояще заселенным и занятым лишь ее центр. Поднепровских казаков, сколько их еще

оставалось с полковником Гоголем⁵⁵, убедил Ян Собесский, теперь уже король, переселиться в Киевское Полесье, в Дымерское староство⁵⁶: страстный поклонник казачества, король вместе с великим коронным гетманом Яблоновским хотел воспользоваться этим случаем, чтобы завести новое казачество, искренне преданное Польскому государству, и сделать из него оплот для борьбы с мусульманским Востоком.

При деятельном покровительстве власти полесское казачество начало быстро возрастать в числе. Однако казачество это, ничем не связанное с территорией, совсем не имело того казацкого духа, который нравственно возвышал сословие, возлагая на него представительство угнетенных интересов народа и народности; таким образом, это полесское, или лесное, казачество легко вырождалось чуть ли не в разбойничьи шайки, которые жили на счет мирного населения и жестоко угнетали его. Но Польша, находившаяся с новым королем в подъеме своего общественного духа, не ограничилась тем, что отняла из турецкого подданства поднестривское казачество; как только страшная турецкая армия ушла обратно за Днестр, поляки начали занимать обратно и в течение нескольких лет заняли почти все города и городки Подолья. Турция увидела, что все ее усилия и блестящие приобретения свелись к очень немногому, а казацкая Украина после измены Дорошенко совсем выскользает из рук. Тогда Турция обратилась за помощью к тени великого первого вождя, поднявшего Украину. Из темницы вывели Юрия Хмельницкого, возложили на него титул гетмана и князя Малороссийской Украины, или Сарматии, и отправили его с войском на Украину.

Турция хотела восстановить казацкую Украину; здесь она должна была неизбежно столкнуться с Московским государством, которое приняло от Дорошенка подвластную ему территорию. Самойлович титуловался гетманом обеих сторон Днепра. Когда за первым, неудачным, так называемым Чигиринским, походом 1677 г. последовал в 1678 г. второй, Московское государство должно было заключить, что Турция серьезно желает добиваться своей цели. Но с видами московской политики совсем не согласовались жертвы на удержание за собой этого края. Наоборот, усиление Украины представлялось ей обстоятельством, не только невыгодным, но прямо вредным. Все же остальные элементы Малороссии, т. е. Левобережья, деятельно стремились к тому, чтобы удержать обе территории в единстве: «За кем Чигирин, за тем и Киев и все мы»,— говорили здесь. Таким образом, в то время как гетман Самойлович обнаруживал большую энергию, подымая для отражения нового турецкого похода к Чигирину не только казачество, но и посполство, боярин Ромодановский, главный начальник московских ратных людей, действовал так, как будто имел тайные инструкции погубить дело, на защиту которого он отправлялся. Как бы то ни было, Чигирин, последний оплот правобережного казачества, был совершенно унич-

тожен турками. Господином положения остался Юрась Хмельницкий, которого турки водворили в Немирове, некогда многолюдном, теперь жалком местечке со скудным, большею частью еврейским, населением. Хмельницкий пытался было, хотя и неудачно, распространить свою власть на ту часть украинской территории, которая осталась за Польшей, также на Левобережье. Все это, конечно, при турецко-татарской помощи. Собственной силы он не имел никакой: представлял собою лишь жалкое подобие гетмана, ничтожную марионетку, которая двигалась по сцене ровно до тех пор, пока не заблагорассудилось Константинополю убрать ее за негодностью, что и случилось довольно скоро. В 1681 г. был заключен между Россией и Турцией Бахчисарайский мир⁵⁷, по которому Правобережье к югу от Киева оставалось за Турцией. Но приднепровская полоса этой территории была уже теперь совершенно пуста: еще за два года перед тем сын гетмана, Семен Самойлович, согласно желанию московского правительства «согнал» жителей из всех городков, какие оставались населенными, на левый берег. Постановлением Бахчисарайского договора эта полоса так и должна была оставаться впредь незаселенною. После этого мира исчез и Хмельницкий — как говорят, жертвой мщения богатого еврея Оруна, торговца невольницами (на одичавшей Украине появляется теперь и торговля людьми), по жалобе которого он был будто бы отозван султаном и казнен. Турция передала свое украинское приобретение молдавскому господарю Дуге⁵⁸.

Мысль оставить незаселенной территорию, которая была истинной колыбелью украинского казачества, представлялась самым удобным выходом из затруднений международной дипломатии. Когда через пять лет после Бахчисарайского мира, в 1686 г., Россия заключила так называемый «вечный мир» с Польшей, — союз, направленный против Турции, — и снова державы делили между собой ту же злосчастную Украину, то Правобережье, опять признанное за Польшей, постановлено было оставить впусе, от местечка Стайки по р. Тясмин.

В какую-нибудь четверть века, протекшую со смерти Богдана, «руина» Правобережной Украины достигла своего апогея. Подольское, Брацлавское и большая часть Киевского воеводства — эти перлы польской короны — обратились в пустыню. Может быть, десятка два тысяч жителей еще и ютилось по окраинам этой пустыни, в редких и жалких поселениях по берегам больших рек, не считая большого турецкого гарнизона в Каменце, но они уже не составляли Украины. Дальше вглубь края пустыня делалась совершенно безлюдной. Роскошные нивы заросли бурьяном; нигде жилья человеческого, ни признака стад, которыми еще так недавно славилась Украина; одичавшие собаки вели ожесточенную борьбу за существование с волками; начали снова появляться даже и дикие кони, которые сделались было редкостью; расплодился дикие козы, лоси,

медведи. Лукьянов, великорусский путешественник⁵⁹, в пять дней езды через эту пустыню не встретил ни души. От Корсуня и Белой Церкви по направлению к Волини, по свидетельству Велички⁶⁰, можно было видеть лишь безлюдные замки, высокие валы, которые были приютом диких зверей, а повалившиеся стены, покрытые мхом и поросшие бурьяном, служили прибежищем гадов. Подолье со своим необычайным плодородием не могло прокормить даже 15 тыс. турецкого гарнизона в Каменце: доставали припасы из-за Днестра, из Молдавии. На огромной территории Барского староства совсем не было населения, кроме небольшого числа черемис (литовских татар), потерявших привычку оседлой жизни. Степную Украину с ее скудными обитателями снабжало хлебом Киевское Полесье. Прекратилось торговое движение, заросли дороги; лишь немногочисленные караваны верблюдов под сильным турецким конвоем ходили по одному проторенному пути между Каменцем и Шаргородом, где приютились восточные купцы. Настоящая, правильная гражданская жизнь начиналась лишь в полосе старого заселения, на территории земли Волинской и Киевского Полесья. Поддержкой Полесья с его казачеством, протежируемым королем, зарождалось в степи, на Фастовщине, новое украинское казачество, вожаком которого был энергичный и талантливый полковник Семен Палий⁶¹. А от Палия и его «палиивщины» начинали и в других пунктах запустелой Украины, всюду, где появлялись предприимчивые руководители, зарождаться и быстро расти новые казацкие полки, как-то: полки Самуся, Искры, Абазина⁶², видевших свой центр в знаменитом фастовском полковнике. Так быстро на плодородной почве Украины от тех же старых упорных корневищ выбивались новые и сильные побег.

Когда вместе с обязательным запустением Украины, постановленным дипломатией, водворилось спокойствие,— обнаружилось среди украинского народа неудержимое стремление переселяться обратно с левого берега на правый. Слабое движение в этом направлении проявилось еще при Юрии Хмельницком, который посылал на левый берег универсалы с зазываниями, и очень усилилось, когда Турция передала свою Украину молдавскому господарю Дуке, человеку тихого и мягкого нрава, который ничего не требовал от своих новых подданных, кроме признания своих верховных прав. Власти Левобережья оказывали всяческое противодействие этому новому колонизационному движению, но тем не менее оно не прерывалось, лишь ослабляясь или усиливаясь соответственно положению дел в Гетманщине.

А здесь, в «сегобочной» Украине, произошла также важная политическая перемена. Гетман Самойлович, который жил долгие годы в полном ладу с московским правительством, пользуясь его доверием, начал мало-помалу переходить от простых привычек выборного и зависимого казацкого старшины к замашкам самодержавного властителя. Его гордость и притязательность восстанавливали против

него знатное казачество; вслед за знатными рядовое казачество и посполство сваливали на него же свое недовольство возрастающими общественными тяготами. Для удовлетворения гетманского тщеславия нужна была пышность, пышность требовала средств: отсюда являлось корыстолюбие, возбуждавшее общие нарекания. Зло увеличивалось еще многочисленной родней гетмана, которая тоже желала жить соответственно высокому положению главы. Таким образом, когда расшатались внешние опоры, на которых держалась сила Самойловича, оказалось тотчас же, что внутри края ему опереться не на что. Дело в том, что в политических событиях 80-х годов политические интересы Московского государства опять столкнулись враждебно с интересами Малороссии (так начала теперь называться Левобережная Украина в отличие от Правобережной, или Украины в собственном смысле слова). Самойлович, как политический представитель Малороссии, был очень недоволен Бахчисарайским миром 1681 г.; вечный же мир между Россией и Польшей против Крыма и Турции⁶³ возбудил в нем большое раздражение: окончательная передача Правобережья в руки Польши не вознаграждалась в его глазах и тем обстоятельством, что Запорожье переходило теперь в исключительный протекторат Москвы. Самойлович не скрывал своего неудовольствия, которое разделялось многими, но в выражении его не переходил пределов, определяемых его положением, и, вероятно, это не повело бы ни к чему для него роковому, если бы не случайное стечение обстоятельств. Известно, как неудачен был поход в Крым князя Голицына, всесильного любимца царевны Софьи⁶⁴: надо было свалить на кого-нибудь вину за эти неудачи. Искупительной жертвой подвернулся Самойлович с его неудовольствием: все советы, какие он давал как сведущий человек, поставлены были ему в вину; его обвиняли в том, что он нарочно поджег степи, так как степной пожар был самой видной из причин неудачи похода, и т. п. Но главной причиной его гибели была, конечно, общая ненависть; сыграла ли в этом какую-нибудь роль интрига того лица, которое так неожиданно и с таким решительным успехом выступило его преемником, неизвестно. Лицом этим был Иван Степанович Мазепа, выбранный в гетманы на Коломакской раде 25 июля 1687 г.⁶⁵

Хмельницкий и Мазепа — начало и конец того краткого, но яркого, как метеор, пути, каким промелькнула политическая история казацкой Украины на общем фоне исторических судеб южнорусского народа. Зато из всех героев этой эпохи только эти два имени и сделались достоянием толпы не только на украинском Юге, но и далеко за его пределами. Но если популярность Хмельницкого понятна сама по себе, то популярность Мазепы, несомненно, заимствованная: она определяется, главным образом, тою связью, какой историческая личность Мазепы связана с личностью Петра Великого. Не то чтобы Мазепа был ничтожен сам по себе, — нет, он не был

ничтожностью, — но в его исторической роли, включая и последний ее акт — измену со всей ее якобы неожиданностью, странностью, загадочностью, — все-таки нет ничего оригинального, отмеченного печатью высшей индивидуальности. Все действия Мазепы — движения по проторенным, хотя, может быть, частью уже и заброшенным и заросшим травой тропинкам.

Стечение случайных обстоятельств сделало то, что для освещения личности Мазепы сохранилось очень мало документов: отсюда простор для произвола, с каким трактуется эта личность, с одной стороны, историками, с другой — поэтами и романистами, так как некоторые обстоятельства частной жизни Мазепы, в особенности его отношения к Матрене Кочубеевой⁶⁶, на их мрачном историческом фоне, дают благодарную тему и для художественного творчества. Но если свидетельства документов относительно и скудны, то их все-таки достаточно, чтобы дать общий очерк личности и деятельности этого последнего представителя политической самостоятельности Малороссии.

Мазепа был родом из Киевской Украины, с правого берега, православный русский шляхтич. Юность свою провел он на службе в Варшаве, при дворе короля Яна Казимира, который пользовался его услугами для поручений на Украину. Потом он оставляет придворную службу — кажется, поневоле; вслед затем мы видим его на службе у Дорошенка. Когда звезда правобережного гетмана начала клониться к закату, Мазепа очутился на Левобережье: тогда ему было уже лет сорок. Здесь он пристраивается ко двору Самойловича и, видимо, становится своим человеком. Он руководит воспитанием гетманских сыновей, исполняет политические поручения гетмана, наконец, занимает выборную должность генерального есаула. И тем не менее выбор его в гетманы на Коломакской раде является неожиданностью: в войске были люди, несомненно более заслуженные, а следовательно, и с большими правами на гетманство. Избирательная рада происходила в казацком лагере, окруженном московскими войсками, во главе которых стоял князь Голицын; достоверно известно, что Мазепа дал Голицыну 10 тыс. червонцев, — может быть, как подарок, обычный для тех времен и нравов, может быть, как взятку. Итак, выдвинулся ли Мазепа интригой и подкупом или приобретенной им популярностью — неизвестно, но если Мазепа и успел заручиться доверием к себе и уважением, то не среди массы: посольство встретило нового гетмана волнением, выразившим широко распространенное недовольство таким оборотом событий. Как бы то ни было, Мазепа взял управление тем крайне шатким и ненадежным кораблем, какой представляла собой Гетманщина, и взял ловкой и уверенной рукой.

Несомненно, новый гетман обладал достоинствами правителя. Он был не только умен от природы, но и образован, следовательно, мог охватывать широкие горизонты; был проницателен, находчив, крас-

норечив, обаятелен в обращении: все это признают за ним очевидцы-современники. Они не знали, что скрывается под этой привлекательной внешностью; но есть полное основание думать, что под ней укрывалась глубокая двойственность. Если она даже и не лежала в природе этого человека, то должна была явиться в силу условий. Мазепа был человек польской культуры: с польского Запада вынес он не только свое образование, в основе которого лежало прекрасное знание латыни, не только светскую полировку и более утонченные вкусы, но и взгляды, симпатии, идеалы. На грубое казацкое Левобережье он явился в те годы, когда человек живет лишь процентами с умственного и нравственного капитала, приобретенного ранее. Но эта грубая, низменная, с его точки зрения, среда обещала ему влияние, власть, почет, богатство и сдержала свое обещание, однако она требовала кой-чего в обмен, а именно приспособления. И чтобы приобрести власть, и чтобы удержать ее, Мазепе необходимо было приспособляться к нравам и понятиям окружающих; Мазепа приспособился. Однако двойственность его духовной природы, очевидно, не могла совершенно укрыться от окружающей его среды: отсюда та масса доносов, которая сыпалась на Мазепу, где выдвигались на вид между прочим его польские симпатии, в то время как гетман безусловно не проявлял их ни в каких подробностях своей правительственной деятельности.

Первое свидание Мазепы с Петром произошло при обстоятельствах, в высокой степени неблагоприятных для гетмана: последний явился в Москву в разгар борьбы юного царя с сестрой, после второго, также неудачного, похода в Крым⁶⁷, явился как креатура ненавистного Петру Голицына. И между тем с этого же первого свидания Мазепа приобрел доверие и уважение Петра, каким всецело и пользовался до того последнего момента, когда открытый переход на сторону врага сделал уже невозможным какие-либо сомнения. Мазепа со своей стороны сделал немало, чтобы укрепить и развить в молодом царе расположение и доверие к себе. Известна та важная роль, какую играли казаки со своим гетманом в первом и втором азовских походах, при занятии турецких городков на низовьях Днепра, при самом взятии Азова⁶⁸. На страстное желание Петра иметь флот Мазепа откликнулся тем, что устроил на Днепре флотилию из запорожских челнов и морских судов, на которых был предпринят поход (впрочем, неудачный) к Очакову⁶⁹. Вообще, Мазепа выказывал такую готовность содействия предприятиям и планам Петра, что можно предполагать в нем искреннее сочувствие личности и деятельности молодого царя-реформатора. Но надо заметить, что Мазепа в своих личных отношениях к Петру не переходил тех пределов, которые указывались ему его положением — политического представителя своей страны. Он защищал и отстаивал интересы этой страны, указывал Петру те политические меры, кото-

рые соответствовали этим интересам; вообще, держал себя как самостоятельный правитель гетманской Украины.

К тому же внутреннее состояние края было таково, что требовало усиленного внимания и усиленности мер. Выше было сказано о том довольно широко распространенном волнении, которое встретило вступление Мазепы в роль гетмана. Вместе с тем начались волнения на Запорожье, которые почти не прекращались все время гетманства Мазепы, то усиливаясь, то слабей. В течение нескольких лет (1692—1696) волновал Запорожье некто Петрик⁷⁰, который, идя по стопам своих предшественников, хотел овладеть властью при посредстве татар и народной «голооты», направляемой на зажиточный класс населения, но, очевидно, времена, благоприятные для таких движений, уже миновали. Гетманщина была достаточно населена и укреплена, чтобы дать отпор татарам, и все усилия Петрика не привели ни к чему. Недовольство Запорожья, помимо того, что оно вообще было приютом недовольных, питалось следующим обстоятельством: со взятием турецких городков на нижнем Днепре и с постройкой Новобогородской крепости (нынешний Новомосковск) на Самаре влияние московской и гетманской власти придвинулось слишком близко к пределам Запорожья.

Следуя традициям своих предшественников, Мазепа зорко следит за тем, что делается на правом берегу, и не упускает случая вмешиваться в дела «тогобочной» Украины. Он не раз, и усиленно, убеждал Петра принять под свое покровительство фастовского полковника Палия с его вновь народившимся казачеством; позже (1704—1705) Мазепа нашел опасным для себя тот престиж, которым украинский народ всюду окружал личность Палия, и по его нареканиям захваченный им вероломно Палий был заслан Петром в Сибирь.

По Карловицкому миру 1699 г. Турция уступила Польше Каменец-Подольск и, таким образом, навсегда удалялась с украинской сцены. Правобережная Украина всецело оставалась в распоряжении Польши. В том же году появилось сеймовое постановление, совершенно уничтожавшее казачество: новый король Август, курфюрст саксонский⁷¹, уже не покровительствовал ему, как покойный Собеский. Украинские казаки опять обращались в панских подданных. Но и это новое, еще слабое казачество все-таки не могло и не хотело подчиниться тому, что казалось Польше государственной необходимостью. Снова начались волнения, которые на более заселенном Поднестровье напоминали трагические дни Хмельнитчины. Но эти волнения влились в тот общий поток смуты, который с наступлением XVIII в. опять охватил Польшу, разбив ее на два военных лагеря: подразумеваем Северную войну⁷², по справедливости называемую историками «великой» — не только по величине захваченного ею района, по ее длительности, но и по огромным

результатам, какие она имела для России, а вместе с тем и для Малороссии.

Петр хотел приобрести себе порты на Балтийском море; Август польский желал с помощью Петра произвести внутреннюю реформу в видах усиления королевской власти. Русский и польский государи составили союз против Швеции и, полагаясь на свое фактическое превосходство над относительно слабой Швецией, уже делили было ее территорию. Но они не приняли в расчет энергию и выдающиеся военные способности молодого шведского короля. Карл XII⁷³ со свойственной ему необычайной быстротой наносит Петру и его союзникам поражение под Нарвой и под Ригой, а затем появляется в Польше, чтобы сделать эту страну на долгое время главным театром войны. Панская Польша тотчас же распадается на два неприятельских стана: саксонско-русский, который стоит за короля Августа, и шведский, которому Карл дает в короли Станислава Лещинского⁷⁴. Паны со всей бесцеремонностью независимых представителей своих земель-государств переходят то на одну сторону, то на другую; но шведская партия все растет в силе. В 1706 г. Карл XII принуждает Августа отказаться от престола, но панская партия, враждебная шведам и Станиславу Лещинскому, продолжает борьбу, опираясь на Петра.

Само собою разумеется, что украинское казачество в обеих своих половинах было втянуто в перипетии этой войны. Правобережные казаки воспользовались ею, чтобы, отдавшись под покровительство Русского государства, найти в нем хотя бы временную опору против посягательства панов на свою свободу. Левобережные казаки и запорожцы сражались под русскими знаменами и в Литве, и в Лифляндии, и на устьях Невы, страдая от холода, от непривычных условий, от дурного обращения русского и немецкого начальства, которое обучало их строевой службе. Но более всего пришлось казакам с их гетманом действовать в Польше, где им было поручено разорять имения панов шведской партии.

Не один раз предпринимали левобережные казаки, с гетманом и без него, свои опустошительные экскурсии на правый берег и далее в Польшу. В 1705 г. Мазепа во главе своего казачества прошел через Воынь к Львову и далее к Замостью,— по тому маршруту, которым шел полвека тому назад его великий предшественник Богдан Хмельницкий. Это пребывание его в Польше, и в особенности на Воыни, в Дубне, где он стоял лагерем, по-видимому, имело роковое значение в его дальнейшей судьбе. Здесь он по необходимости вступал в тесные сношения с польскою шляхтою — частью политические, частью лично дружественные, дышал той с юности привычной атмосферой польской культуры и политической свободы, составлявшей такую привлекательную сторону польской жизни. Нельзя, конечно, из одного этого обстоятельства объяснить ту перемену, которую обнаружил Мазепа три года спустя, но, по-видимому,

именно здесь надо искать ту психологическую почву, которая сделала возможным дальнейшее. Ближайшим же поводом, которым объясняется так называемая измена Мазепы, надо считать общее недовольство не только рядового казачества, но и старшины на беспрепятственные изнурительные походы и на притеснения со стороны великорусских ратных людей. Можно сказать также с известной уверенностью, что Мазепу уже начал страшить тот ни перед чем не останавливающийся дух реформаторской деятельности Петра, который мог страстным деспотическим натиском врѣзаться в привилегии и вольности гетманской территории. Трудно сказать, какие политические цели ставились Мазепой и его сторонниками, предпринявшими роковой шаг, но несомненно известно, что Мазепа и приближенная к нему старшина усердно изучали так называемые «гадяцкие пакты», т. е. Гадяцкий договор, которым Выговский надеялся создать федеративный союз Польши с Украиной.

Наступил и роковой 1708 г. Мазепа уже, несомненно, стоял в тесных сношениях с Карлом XII и Станиславом Лещинским; в заговоре участвовали многие лица из влиятельной казацкой старшины. Но когда из среды этой старшины появился донос, поданный генеральным писарем Кочубеем и Искрой, полтавским полковником, Петр так же мало поверил этим доносчикам, как и остальным. В июле Кочубей и Искра были казнены, в сентябре Карл XII из Литвы повернул на Украину; 24 октября гетман, лежавший до тех пор на смертном одре «от хирургических и подагрических недугов» и принявший елеосвящение, оставил свой Батурин⁷⁵ и на следующий же день переправился через Десну для соединения со шведским королем, который стоял лагерем на правом ее берегу.

Но с первых шагов стало ясно, что расчеты Мазепы ошибочны, что пример гетмана не увлек за собою края, даже и того чисто малорусского края, присоединенного при Богдане Хмельницком, который начинался по левую сторону Десны. Вместо казацкого войска, которого ждали шведы, Мазепа привел к ним лишь несколько тысяч казаков, да и те разбежались при первой возможности. Едва только в русском войске, которое вступило вслед за шведами в пределы Малороссии, стала известна измена Мазепы, как Меншиков⁷⁶ осадил Батурин, где заперлись сторонники гетмана, принудил его к сдаче и подверг самому варварскому опустошению. Судьба Батурина произвела ошеломляющее впечатление на население, и без того не расположенное брать сторону Мазепы и шведов. Таким образом, территория, на которую Мазепа мог смело рассчитывать, т. е. Запорожье и южная Полтавщина, была отделена от шведского войска широкой полосой спокойного населения. Видя такой неблагоприятный оборот дела, казацкие старшины один за другим спешили заявлять царю свои верноподданнические чувства; даже те, которые успели открыто перейти на сторону шведов, так колебались, что шведы держали их под строгим наблюдением.

Шведское войско расположилось в Гетманщине на зимние квартиры, имея центральный пункт сначала в Ромнах, а затем, когда русские вытеснили их оттуда, в Зенькове. Зима 1708—09 г. была необычайно холодная, и шведские солдаты не только страдали, но и гибли от невыносимой стужи. Весной Карл XII предпринял малоцелесообразный поход в Слободскую Украину: здесь шведам пришлось пострадать от разлива степных речек, преграждавшего пути, и вернуться ни с чем. Если к этому присоединить еще партизанскую войну, которую вело против шведов население, то легко представить себе, что шведские силы за время пребывания своего в Малороссии значительно уменьшились. Благоприятным для шведов обстоятельством было лишь то, что к ним присоединились запорожцы, руководимые своим кошевым Костем Гордеенком⁷⁷, заклятым врагом русских.

Шведы приступили к осаде Полтавы, сюда же стянули свои войска русские. Но еще прежде, чем произошло столкновение войск, решившее судьбу Карла и Мазепы, а вместе с тем и южнорусского края, Петр распорядился послать в Сечь великорусского полковника Яковлева и малорусского Галагана, «чтобы искоренить оное изменниче гнездо». Сечь была действительно разорена до основания⁷⁸.

27 июня 1709 г. — день Полтавской битвы, сделавшийся сюжетом не только исторических, но и поэтических описаний, — слишком известен, чтобы стоило на нем останавливаться. После тягостного, полного страха и лишений бегства Карл и Мазепа очутились 1 августа в Бендерах под покровительством Турции. Через три недели гетман умер: старческий организм не вынес потрясений последних дней. Убежавшие с Мазепой казаки выбрали, по желанию Карла, себе в гетманы Орлика, бывшего генерального писаря⁷⁹.

А в Малороссии уже был гетман с тех самых первых дней, как Мазепа открыто перешел на сторону шведов — гетман, по форме выбранный, на деле назначенный Петром. Это был стародубский полковник Скоропадский⁸⁰.

III

Время, непосредственно следующее за Хмельницким, представляет, между прочим, такое любопытное явление: центр тяжести южнорусской исторической жизни перемещается с одной территории на другую, с правого берега Днепра на левый. До тех пор, т. е. до второй половины XVII в., Левобережье находится в тени, лежит, так сказать, на периферии того цикла, какой проходит жизнь южнорусского народа, и лишь слабый и случайный луч исторического освещения скользит время от времени по этой территории. И понятно — Левобережье складывалось из двух, очень различных между собой частей — лесной и степной. Земли лесной полосы и вместе

с тем старого заселения, Стародубщина и Черниговщина, лишь по Деулинскому (1619) и Поляновскому (1634) перемириям отошедши от Москвы к Польше, снова соединились с общей массой южнорусских земель. Земли к югу от Сейма и Остра — бассейны Сулы, Псла — все это еще в конце XVI в. представляло собой пустынные «уходы» жителей Правобережья, укрывавшие лишь очень редкое и случайное население. Заметные успехи делает здесь колонизация лишь в первой четверти XVII в. Южную часть Северной земли, позднейшую территорию Нежинского полка, захватывают паны Пясочинские, Оссолинские, Кисели, Пацы и другие и колонизируют ее своими капиталами и усилиями. Посулье достается Вишневецким, под управлением которых менее чем в столетие возникает Лубенщина с ее городками, местечками, селами, хуторами, причем укрепленные городки перекидываются от Сулы на Псел и даже Ворсклу.

Тяжелые потрясения Хмельнитчины и следовавшей за нею «руины» вытолкнули массу населения с правого берега на левый. Нахлынувшая волна спокойно улеглась в намеченные кадры и быстро наполнила их собою, так что уже при гетмане Самойловиче чувствовалось переполнение и избыток населения двигался дальше, в верхние части бассейна тех же Сулы, Псла, Ворсклы, — в Слободскую Украину. Левобережье почувствовало себя самостоятельным организмом, способным к политическому существованию: возникают названия — «сегобочная» Украина, Малороссия, Гетманщина — в противоположность Правобережью, которое между тем потеряло самостоятельность и снова вошло в состав Польши.

Но жизненная стихия, которою жила Левобережная Украина, была пока еще совершенно однородна, если не тождественна, с тою, какою жила Украина Правобережная, и намечавшееся уже различие (в связи с различием их политических судьб) еще не шло вглубину: пока мы еще вправе говорить о внутренней жизни, внутреннем быте, внутренних отношениях Украины вообще.

Переворот такой силы, такого захвата, какой пережило южнорусское общество с Хмельницким во главе, нечасто встречается в истории. Польша уже значительно успела втянуть Южную Русь в свой строй: новые экономические отношения плотно охватили жизнь народной, земледельческой массы. Польский порядок и право в виде административных и судебных учреждений водворились по всей территории; польская культура, нравы, обычаи, язык — вплоть до религии — переработали высший класс и просачивались в среду городского населения. Оставался лишь один угол, свободный от польского влияния: это казачество. Оно всецело сохраняло пока старорусский строй жизни: господство выборного начала в управлении, самосуд, полное право земледельца на обрабатываемую им землю.

Страшный взрыв народного негодования, организованный рукой талантливого вождя, сразу и всецело снес польский общественный

порядок с территории Украины: почти все старые отношения «были скасованы казацкой шаблей». Но это не породило анархии. Очевидно, идеи старорусского строя были еще так живы в сознании массы, а казацество представляло такой живой пример его, что замена одного общественного порядка другим совершилась с быстротой перемены декораций. Украина зажила иной общественной жизнью, представлявшей в общих чертах переход к более простому, архаическому строю. Тип общественной жизни, сохранившийся в казацестве, распространился на всю территорию.

Прежде всего исчезла из общественных отношений сословная группировка: все стали равны по правам, отличаясь друг от друга лишь фактическим положением. Таким образом, отделились казаки, т. е. отбывающие военную службу, от неказачков, людей, которые не могли или не хотели ее нести; «товариство» отделилось от «посполства». Посполство, в свою очередь, естественно распалось на жителей городов, мещан, по преимуществу людей ремесла и торгового промысла, и жителей сельских, хлеборобов. Отбывая военную службу со всей ее тяготой во времена Хмельниччины и «руины», — времена, представлявшие сплошную войну, — казацкое товариство было свободно от иных общественных повинностей; повинности эти, естественно, должно было нести на себе посполство. Лишь одно православное духовенство составляло группу привилегированную, но и оно не замыкалось в сословие.

Это однородное общество, раскинувшееся на обширной территории обеих Украин, тотчас же распалось по естественным районам, какими шло заселение, на полки — деление, имевшее в виду прежде всего военные, но затем и административные цели. Полки, из которых каждый имел свой центр в хорошо укрепленном городе, делились на сотни, группировавшиеся также около городов или местечек. Сотни подразделялись на курени, заключающие в себе по несколько сел и хуторов, но это последнее деление имело значение только для казацкого населения сотни, — посполитые стояли вне его. Таким образом, казацкое население непосредственно управлялось атаманами, выбираемыми куренями, сельские посполитые — выборными же войтами, городские, сохранившие самоуправление по старому образцу — ратушами, а в больших городах, пользовавшихся Магдебургским правом — магистратами. Но сотни и полковники представляли собой в своих сотнях и полках общую власть, компетенция которой простиралась на все население данного района в полном его составе.

Во главе управления стоял, как мы уже знаем, гетман. Это был прежде всего гетман Войска Запорожского, следовательно, военачальник, но он сосредоточивал в своих руках и все остальные функции верховной власти — политическую, административную, судебную, бесконтрольное распоряжение финансами. Помощниками его была генеральная старшина: обозный, т. е. начальник войскового

обоза, судья, хорунжий, бунчужный, и на первом плане — писарь, так сказать, государственный канцлер; но специальная обязанность этих членов — объем их власти — все это было, по-видимому, лишено сколько-нибудь точных определений. Вообще, на всей этой организации правительственной власти лежит резкий отпечаток технического несовершенства: она отражает на себе такое архаическое состояние общества, когда общество это еще стремится устроить свои отношения с властью исключительно на основаниях доверия и произвольного усмотрения.

Даже выбор гетмана, с его почти неограниченной пожизненной властью, не был обставлен точными определениями. Выбор принадлежал раде, но неизвестно было, какого состава рада могла представлять собою народ. Отсюда те злоупотребления, какими обставлялся почти каждый гетманский выбор: сила, державшая в руках узел данного положения, выдвигала как избирательную то раду казацкой старшины, то раду казацкой массы или казацкого лагеря, то, наконец, «черную раду», т. е. общенародную сходку. По-видимому, не менее запутанно стоял вопрос о выборе полковников и сотников с их такой же широкой и неопределенной властью; по крайней мере здесь наряду с выборами мы очень рано видим примеры простого назначения то со стороны гетмана, то даже прямо со стороны московского правительства. Полковник и сотник дополнялся штатом полковой и сотенной старшины, соответствующей, лишь в сокращенном виде, старшине генеральной.

Недостатки правительственной организации, предоставлявшие обширное поле злоупотреблениям, в конце концов тяжело отразились и на условиях народной жизни. Но пока до поры до времени масса украинского народа широко пользовалась завоеванной ею свободой.

Если права народа на самоуправление, на выборы гетмана и остальной старшины «вольными голосами» оказывались в значительной степени фиктивными, то во всяком случае права его на выбор непосредственной власти атаманов и войтов были вполне действительными. «Громада» жила теперь той полной жизнью, которая еще сохранялась в казачестве, но от которой остальная масса уже должна была отказаться в пользу государства и его привилегированных представителей. Громада сама выбирала себе и священника, с которым заключала условия, определявшие их взаимные права и обязанности. Свой народный суд являлся естественным и необходимым дополнением этой свободы.

Казацкий самосуд, выражавшийся формулой «Где три человека казаков, то два третьего судят», продолжал традицию тех народных судов — судов копы или громады — которые обречены были на гибель под давлением зависимых отношений массы к владельцам. Как ни скудны дошедшие до нас сведения об этом предмете для рассматриваемого периода, но тем не менее документы дают ясные

указания на эти суды с их судными мужами и их исконной процедурой «опыта», «пильного шуканья», «вывода», «очистительной» присяги. Кроме этого суда громады, мы еще видим в данный период суд ратушный, или казацко-мейский (местский — от слова «место», т. е. «город»), также с участием «добрых, сторонних, зацных людей». Кроме того, «посполитое (т. е. обычное) право» не препятствовало каждому обращаться за судом ко всякому значительному представителю общенародной власти: таким образом, судит сотник, судит полковник, судит гетман или заменяющий его генеральный судья. Но пока в этот первый период незаметно следов какого-либо прочного разграничения властей и их судебных компетенций. Конечно, такой архаический строй суда представлял большие практические неудобства, но, надо думать, что он все-таки обеспечивал население от «похлебства судей» и взяток — этих страшных язв позднейшего правосудия. Однако долго держаться он не мог: требования все усложнявшейся жизни зывали к писанному праву, к постоянным судебным учреждениям с точным распределением компетенций, с последовательностью инстанций. Писанное право в его единственных доступных южнорусскому обществу источниках было: Литовский Статут ⁸¹, Право Магдебургское ⁸², Саксонское Зерцало ⁸³, — кодексы, возникшие в обществе резко сословного типа.

Но ни в чем так красноречиво не выразилась добытая малорусским народом свобода и полнота жизни, как в новых отношениях его к земле. Из общественного строя упразднился землевладелец, и земледелец сделался истинным хозяином и господином земли. Исключения были невелики и немногочисленны: остались земли за православными духовными учреждениями, монастырские и кафедральные, и за несколькими частными владельцами, по преимуществу в Северщине, где небольшое число представителей православного русского шляхетства сразу стало на сторону народного движения и тем сохранило за собою свои земельные имущества.

Условные и ограниченные права на землю посполитых превратились в безусловные; как посполитые, так и казаки могли теперь пополнить свои земельные хозяйства из запаса владельческих угодий; а главное, в полном распоряжении громад оказалась вся масса пустых земель и всяческих угодий, изъятых до тех пор из свободного пользования господским правом панов Вишневецких, Пясочинских и т. п. Нечего и говорить, что волочная система и связанное с нею фольварочное хозяйство, следы которых, кроме Правобережной Украины, находим и в Северщине, были снесены до конца. На открывшемся земельном просторе население могло расположиться с такими удобствами, о каких только смел мечтать земледелец; ничем не стесненная жизнь могла раскинуться в свойственных ей формах ⁸⁴.

Масса, поскольку мы можем судить о ее жизни по крайне скудным дошедшим до нас данным, устроилась на отвоеванной ею терри-

тории в крупных хозяйственных единицах, для которых встречаются (на северном Левобережье) названия «подымья», затем «пляща», «грунта» — если усадебный центр расположен был в близком соседстве с другими такими же центрами, «хўтора» — если она лежала обособленно. Не то чтобы население жило большими родственными семьями (архаическая семья, разложившаяся раз, уже не возрождается), но на «грунте заможного» хозяина, который обладал не только избытком земельных угодий, но и хозяйственным инвентарем, селились «лезные» (бобыли), не имевшие средства, несмотря на земельный простор, обзавестись собственным хозяйством. Такой «лезный», который вынужден был довольствоваться хатой и клочком земли, уступленным ему хозяином — посполитым или казаком, назывался подсосудком: хозяин вступал со своими подсосудками в договор относительно помощи в работе и вознаграждении за эту помощь, но у нас не сохранилось никаких сведений, как определялись эти отношения.

Но эти земледельческие хозяйства складывались и иначе — при участии не более слабых экономически подсосудков, а равноправных «сябров». Эти сябринные отношения получались или тем же путем, как и в архаическом дворнице, т. е. путем семейного раздела, или путем договора: посторонние люди соединялись для совместного владения и хозяйничанья на общей земле.

Конечно, хозяйства казаков в общем были сильнее хозяйств посполитых: в казаках оставались более состоятельные, те, кто благодаря этой состоятельности мог справиться с казацкой службой, и на казацком звании лежал известный оттенок привилегированности. «Як осели люде, тогда можнейшие пописались в казаки, а подлейшие остались в мужиках», — таково наивное показание одного современника начала XVIII в. о том, как устраивались общество и земельные отношения после Хмельниччины. Может быть, уже и в это время отдельные казацкие хозяйства складывались для составления одной конной службы, но об этом мы ничего не знаем положительного.

Финансовая сторона жизни украинского общества также приняла более упрощенный вид. Значительное большинство населения, какое представляла собою казацкая масса с их семьями, сябрами и подсосудками, пользовалась полной свободой от всякого прямого обложения, так как они несли на себе военную повинность со всеми ее расходами. Мало того, казакам предоставлены были важные привилегии по отношению к двум главнейшим промыслам, непосредственно связанным с земледелием — «млинарству» и винокурению: казак имел право на своей земле занять греблю для постройки млина, а также имел право курить горелку. При тогдашнем экономическом состоянии общества это были привилегии огромного финансового значения.

Лишь посполство, городское и сельское, несло на себе обязан-

ность удовлетворять все «общенародные нужды», за исключением военной. Но посольство, представляемое домохозяевами, за которыми опять-таки укрывались домохадцы, подсосудки, «лезные», не было численно, а главное, оно после такого подъема и напряжения, какое вызвала эпоха Хмельницкого, было не так настроено, чтобы спокойно переносить излишние «тягости». Надо думать, посольство городское в своих финансовых отношениях к власти придерживалось традиций старого, польского, режима, но с посольством сельским, только что сбросившим с себя владельческое иго, приходилось устраивать отношения наново. Устраивать их было, видимо, нелегко, так как нечего было и думать на первый раз о какой-нибудь определенной и постоянной норме обложения. Сколько можно судить, финансовые отношения устраивались на основаниях договора, обоюдного соглашения между громадами и их войтами, с одной стороны, и казацкой властью — с другой. Отсюда частный и случайный характер обложения посполитых: посполитые платят то натурой — хлебом, овсом, сеном и т. п., то «работизной»; лесные и промышленные хозяйства Северщины, «верховья вотчины» (т. е. барты), рудни, буды и гуты (заводы для выделки железа, поташа и стекла), майданы дегтярные (селитряные майданы были распространены на юге, в степной полосе) платили медом, возками руды и т. п. Важным подспорьем войскового скарба были в эту эпоху млины. В силу исконного обычая, корень которого надо искать в глубокой древности, помол считался государственной регалией; после Хмельничны, при плохом состоянии финансовых ресурсов общенародного скарба, размерные пожитки с млинов, эта войсковая «третья мерочка», выступила чуть ли не на первый план, если судить по частоте упоминаний, какие выпадают на ее долю в современных документах. Но, конечно, все эти посполитые «дачки» натурой и «работизной» и «третья мерочка» представляли собой настолько неудобный вид государственных фондов, что государство должно было стремиться к тому, чтобы разделаться с ним. Иное дело таможенные и вообще торговые пошлины, которые взымались деньгами. По старым традициям торговля, даже и внутренняя, а особенно внешняя, должна была расплачиваться за все. Конечно, Хмельничина и смута последующей эпохи не были особенно благоприятны для развития торговли, и на правом берегу она замирала с общим уменьшением населения и упадком производительности; но иначе стояло дело в Левобережье, в Малороссии: значительный прирост населения и относительное спокойствие покровительствовали торговому обороту, который благодаря новым тесным отношениям с Московским государством получил особую энергию в этом направлении. Торговая деятельность питалась главным образом Северщиной с промышленным направлением ее производительности. Здесь быстро выросли в качестве важных торговых центров города Стародуб, южнее Нежин и Кролевец — на пограничье лесной полосы со степной. Еще до

Хмельниччины начали приезжать на Левобережье купцы из Польши и Пруссии для закупки на месте продуктов. Теперь все эти продукты нашли себе большой сбыт и в Великороссии: степная Украина сбывала свой хлеб и кожи в Польшу, а скот, выкормленный на барде — в Великороссию, Силезию и Пруссию. Также до Хмельниччины в Нежине водворились греки, которые взяли на себя посредничество в торговле между Севером и Югом: сюда доставлялись товары из Константинополя и других местностей (бакалея, пряности, шелк) для обмена их на произведения московского Севера. Усиленный и правильный обмен внутри страны определялся естественными условиями края: степная полоса нуждалась в произведениях лесной, и обратно. Затем, вся территория снабжалась соленой и вяленой рыбой и крымской солью из Запорожья, которое этим путем добывало все необходимое для своих обитателей. Наконец, существовали постоянные правильные торговые сношения Малороссии со Слободской Украиной и Доном. Любопытно, что в этих внутренних торговых сношениях играл, по-видимому, значительную роль натуральный обмен: например, деревянная посуда менялась на хлеб, причем ржи давалось столько, сколько ее может войти в данный сосуд, гречи вдвое более и т. п.

Как бы то ни было, торговые пошлины составляли главный фонд войскового скарба, и на первом плане пошлины таможенные — «индукта» и «эвекта» (т. е. ввозная и вывозная), а за таможенными и остальные, которыми была опутана тогдашняя торговля: «померное», «ваговое», «покуховное», «мостовое» и т. п. Но, по-видимому, даже и эти пошлины не были обременительными: по крайней мере, в одном доносе на Самойловича в Москву гетман обвиняется в том, что он не повышает торговых пошлин, слишком низких.

Итак, украинский народ в данную эпоху не только пользовался личной свободой и полным правом распоряжения главнейшим орудием своего труда — землей, но и содержание государства не лежало на нем тяжелым гнетом. Защита, управление, суд — все это народ первое время отправлял по возможности натурой, не тратясь на содержание отдельного, правящего класса и дорогих учреждений. При этих условиях украинский народ имел возможность уделять кое-что на дела просвещения и благотворительности — и делал это.

Выше мы имели случай сослаться на замечательное свидетельство современного чужестранца, диакона Павла Алеппского, который отметил чертами, полными выразительности, тот подъем духовной культуры, который он наблюдал, проезжая по правобережной Украине непосредственно после освобождения. Его показания подтверждаются свидетельствами документов и для Украины левобережной. Всюду появляются при церквях школы и старческие шпитали, обеспеченные не только подаванием, но и недвижимой собственностью. Не только по городам и местечкам, но и по селам возникают церковные братства для хлеборобов и цехи для всяких ремесленни-

ков и торговцев, преследующие религиозно-нравственные цели. В менее благоприятном положении находилось в это время высшее просвещение: посполитые, отказавшись от «послушенства», лишили тем самым доходов земельные имущества, которые обеспечивали существование таких образовательных учреждений, как киевская академия или черниговские латинские школы.

Это упрощенное общественное состояние, обеспечивавшее своей простотой значительную степень социального равенства,— не только сословного, правового, но и экономического,— не могло долго держаться. Не могло оно удержаться и в силу внешних причин: соседние сильные государственные организмы, втягивавшие Украину в свои сферы, должны были деятельно влиять на переработку ее строя. Не могло удержаться и в силу причин внутренних, о которых пока у нас только и будет речь. Молодое, малокультурное, но с сильным тяготением к европейской культуре, украинское общество не могло выбиться из цикла социальных идей, навязываемых этой культурой, выросшей на почве сословного господства, а формы и отношения уже вытекали из этих идей, как следствие из причины.

Процесс образования сословных отношений обнаружил в своем развитии значительную энергию. Надо сказать прежде всего, что несмотря на радикальный характер переворота, связанного с именем Хмельницкого, в новое украинское общество все-таки успели перейти известные остатки старых сословных отношений. Еще Хмельницкий подтвердил своими универсалами права некоторых монастырей на принадлежавшие им земельные имущества и «послушенство» подданных, живущих на монастырских землях; подтвердил права на земли и некоторым лицам из северской шляхты, которую «Бог всемогущий до Войска запорожского наклонил» (шляхте остерской и любечской). Но если можно было универсально закрепить за владельцами землю, то нельзя было пока закрепить «послушенство» подданных, по крайней мере в его старых формах: подданные или уходили в казаки, или оставались лишь под условием легких обязательств, в определении которых, по-видимому, участвовали и казачьи власти*. Но тем не менее зачатки зависимых отношений уже были налицо.

Казачье товариство, почти отождествившееся во времена Хмельнитчины со всей народной массой, всегда давало отслой в виде «значных», старших: эпитеты «старшего и меньшего» постоянно сопутствуют слову «товариство». «Старшбе» составляли более богатые, энергичные, образованные, опытные люди; из них выбирались должностные лица, уряд. Как это обыкновенно наблюдается в аналогичных условиях, должности быстро начинают сосредоточиваться в руках известных семей, которые, раз овладев положением, уже

* В одном универсале времен Хмельницкого обязательный платеж владельцу со стороны зависимого населения определяется «десятой копой».

имели шансы укрепить его за собой. Для вознаграждения должностных лиц, кроме гетмана, за их труды служили на первое время главным образом млины: судя по высоте, влиятельности «ранга» или уряда, на него полагался доход того или другого количества млинов, т. е. войсковые части этих доходов, войсковые «мерочки». К доходам от млинов скоро присоединились и доходы от посполитого населения, все эти натуральные дани, «дачки» и отсыпи, которые, будучи сами по себе таким неудобным фондом общенародного скарба, могли удобно представлять собою жалованье. Таким образом, завязывался и здесь узел зависимых отношений.

Итак, процесс нового развития сословной зависимости в украинском обществе после революционного периода имел два исходных пункта: во-первых, остатки старой шляхты с призванными казацкой властью правами, шляхты, к которой присоединилось небольшое число казацкой старшины, нобилитованной Яном Казимиром при заключении Гадячского договора, а также возведенной в дворянское достоинство московским правительством при Брюховецком, — все это стремилось, преодолевая противодействие со стороны массы, к осуществлению своих прав и находило себе сочувствие и содействие в местной казацкой власти; во-вторых, тот общераспространенный факт, что должностные лица получали в качестве жалованья доход с сельского посполитого населения, которое попадало таким путем в отношение личной зависимости к представителям должностной группы. Конечно, оба эти обстоятельства получили свое глубокое значение лишь в связи с тем, что представления общества о лучшем и высшем строе связывались неразрывно с понятием зависимости одной части общества от другой.

Поступательное движение в указанном направлении обнаружилось одновременно по всей линии общественных отношений. Та часть земельных имуществ, принадлежащих посполитым, которая была отделена на содержание уряда, называлась «ранговыми маестностями». Но гетманы вообще пользовались правом раздавать доходы посполитых земель, кому им заблагорассудится, — конечно, под предлогом нужд и польз общественных, — лицам, «заслуженным в войске». До Мазепы они пользовались этим правом лишь очень скупой, с большой осмотрительностью, но Мазепа открывает собою новую эру щедрой раздачи доходов с посполитых не только лицам заслуженным, но даже их женам и вдовам в целях поддержки «подупалых» домов таких лиц. Эти «державцы» (по снова воскресшей старой терминологии), конечно, стремились превращать свои права на доходы в права на распоряжение как личною своих «подданных», так и их землями. Но до XVIII в. державцы, несмотря на все усилия, не сделали в этом направлении больших успехов: в народной массе еще было слишком живо представление о добытой ею свободе, и в отдельных случаях выступавших наружу пререканий между державцами и посполитыми гетманы, в том числе и Мазепа,

так много сделавший для развития сословной зависимости в украинском обществе, становились обыкновенно на сторону посполитых. Но если бы эти новые владельцы, перерабатывающиеся из казацкой старшины, не имели иных средств, чтобы создать себе шляхетское положение, они не скоро достигли бы желанных результатов.

Иные средства были налицо, и казацкая старшина широко ими воспользовалась. Свободных земель было много, и не только гетманы, но даже полковники в своих полках давали разрешение на захват земли под новое поселение в «вольном степу», в «вольном лесе» и т. д. Особенно ценились такие уголья, где можно было бы «греблю загатить и млин построить», и гетманские универсалы не скупятся на разрешения заимки таких угодий войсковой старшине. Разрешая заимку, гетман обыкновенно дает вместе с тем и разрешение осадить «слободу». Разрешение «закликать слободу» давалось с таким ограничением: чтобы люди, призываемые на слободу, «не были господа из жилищ оселых», но люди «вольные, легкие, жилища и притулиса своею слушного и жадного желающие» (т. е. «лезные») или же «люди посторонние, из иных сторон захожие», а не «тутешние, старинные». Людей «лезных» и заграничных на Левобережье было, благодаря политическим условиям украинской жизни, в изобилии, и они охотно стекались на панские слободы, привлекаемые многолетними сроками льготы (до 15 лет). Поселившиеся на слободах уже были, с самого начала и без пререканий, подданными тех панов, на землях которых они садились, хотя положение их на первое время было лучше положения всех остальных посполитых.

Параллельно с заведением слобод на диких, пустых землях, приобретаемых то прямой заимкой, то уступкой, вольной или вынужденной, со стороны громады, шла скупля уже занятых земель, мужичьих и казачьих. Чем дальше, тем больше росла эта скупля, приобретая прямо характер азартной погони за продажной землей: скупались клочки, отдельные уголья, млины, к которым тянули их берега, целые хутора, пляцы или доли их. Гетманская власть стремилась ограничить продажу целых имуществ, казачьих или посполитых, так как таким путем исчезали отдельные единицы тягла или службы; но вне этого условия гетманы совершенно благосклонно относились к скупле земель войсковой старшиной.

Казак или мужик, продав свою оседлость, уходил или на слободу, или просто на «вольное поле», пока еще было такое поле, а его подсосудки, оставшись на проданной, теперь панской, земле, обращались в подданных. Но казак или посполитый не всегда уходил: иногда он оставался на проданной земле «под протекцией» владельца. «Протекцианты» являются новой общественной разновидностью, и по мере роста общественной тяготы число их все увеличивается. Казак «от тяжелых и дальнопутных походов», мужик от все растущих повинностей, «дачек» и «работизн» спасались под «протекцию»

сильного урядника, который избавлял их от общенародных повинностей тем, что брал за себя их земли; эти «протекциальные» люди, конечно, тоже переходили в число подданных. Так разлагалось еще недавно совсем простое общество на панов и мужиков. Все, что упомянуто выше, относится к тем, так сказать, «легальным» средствам, какими пользовалась казацкая старшина, чтобы выбиться из казацкого «товариства» в фактическое шляхетство в расчете, что факт шляхетского владения повлечет за собою и признание шляхетских прав. Но надо сказать, что казацкая старшина в своих целях широко пользовалась и такими средствами, за которыми нельзя было признать правового характера ни с какой точки зрения, хотя обычная мораль данной среды, видимо, смотрела на противозаконные действия своих членов сквозь пальцы. Надо сказать, что казацкая старшина, несмотря на свою склонность к взаимным доносам, интригам и подсиживанию, держалась очень солидарно во всем, что касалось ее отношения к чрезвычайно для нее важному и щекотливому вопросу о землях и подданных.

Из нелегальных способов, к каким прибегала казацкая старшина для указанных целей, часто встречаются по документам факты насильственного обращения в посполитые тех казаков, владения которых находились перемешку с землями посполитых, уже подпавших под власть того или другого лица казацкой старшины: казак, сидящий между посполитыми, обреченными на подданство, крайне мешал экспроприации посполитых и округлению земельного владения. Часто встречаются жалобы на то, что влиятельный чин уряда разными притеснениями и насилиями сгоняет в районе своих владений старое население с их земель: посаженные на освободившиеся земли подсосудки уже не предъявляют никаких прав собственности на земельные владения и легко обращаются в панских подданных. Скупля земель нередко сопровождалась если не прямым насилием, то сильным давлением, равняющимся насилию, если пан покупал землю у своих посполитых или сотник у казаков своей сотни. Захваты вольных земель также практикуются влиятельными лицами в широких размерах. Вообще по всей территории Левобережья мы можем наблюдать в бесконечно повторяющихся вариациях одну картину с такими общими чертами: сильный казацкий урядник приобретает тем или иным способом какое-нибудь владение — сельцо, хутор, млин или даже долю в млине (полшеста, сутки в млиновом камне и т. п.), права на такие-то доходы с посполитых — и, смотришь, через десятка два лет уже создается из этого зернышка земельное владение, хотя сначала еще и разрозненное, чересполосное, но более или менее значительное; очевидно, дело не обходилось без злоупотреблений.

Любопытно следить по завещаниям, какого рода недвижимое имущество оставляют после себя в разное время отдельные лица казацкого уряда. Сначала, непосредственно после Хмельницкого —

это пасеки, рыбные станы, строения; позже появляются млины с небольшим количеством земельных угодий; наконец, уже при Мазепе — села, хутора, пляцы, леса, озера, — сначала разрозненные и разбросанные, а затем уже до некоторой степени объединенные в округленные владения. На этих округленных земельных владениях жило, конечно, население, тем или иным способом приведенное в зависимость от владельца.

В течение своего продолжительного гетманства Мазепа всеми силами своего ума и опытности содействовал разложению общества на привилегированных и зависимых. Кроме множества универсалов на земельные владения и разных привилегий, выданных им отдельным представителям казацкой старшины, Мазепе принадлежит одна общая мера, сильно содействовавшая выделению казацкой старшины в особое сословие. Этой мерой было образование бунчукового, «значного» и войскового товариства, к которому причислялись дети старшины генеральной, полковой или сотенной, а также лица, оставшиеся без урядов; таким путем привилегированность не связывалась, как раньше, лишь с занятием должности, а делалась принадлежностью целой группы, раз и навсегда выделившейся из рядового казачества.

Казацкая старшина со своей стороны принимала все меры к тому, чтобы расширить и углубить черту, отделявшую ее от остальной народной массы. Начались со стороны отдельных представителей старшины попытки доказать, что они «не здешней простонародной малороссийской породы»; в ряды старшины принимались с распростертыми объятиями шляхтичи с Правобережья, сообщавшие известный оттенок привилегированности целой группе, и даже гетман Самойлович считал для себя выгодным женить сына на бедной шляхтянке; наконец, образованность, соединенная со светской полировкой, явилась — особенно со времени Мазепы, прилагавшего большие попечения о ее распространении — как могущественное средство отделить себя от народа в качестве привилегированного сословия. Положение у власти, образованность или заменяющий ее лоск известной культурности, наконец, материальная обеспеченность — все это давало возможность казацкой старшине вести «благородную жизнь», которая со своей стороны как бы представляла наглядный патент на привилегированность. Так, еще в первый период после Хмельнитчины уже обнаружилась в однородном общественном составе трещина, которой предстояло быстро расти и расширяться в настоящую пропасть. Это глубокое изменение общественного строя влекло за собой и иные изменения. Посполитые ввиду угрожающего подданства «вламывались» изо всех сил в казаки, казаков же, наоборот, казацкая старшина тянула в посполитые; другие посполитые уходили в подсосудки, против чего Мазепа издал запретительный универсал; наконец, и казаки, и посполитые в стесненных обстоятельствах уходили в протекцианты к сильным людям,

чтобы, закрывая глаза на будущее, угрожающее потерей и свободы, и земельной собственности, воспользоваться временными выгодами положения. Происходило брожение, угрожающее интересам порядка. Чтобы положить предел этому брожению, Мазепа задумывал было общую перепись, так как московская перепись тяглого населения 1666 г. и старые казацкие компуты, очевидно, были недостаточны; но он не мог привести эту мысль в исполнение.

Все усложняющиеся столкновения интересов зывали к постоянным и более приспособленным судам⁸⁵. Из первоначального хаотического состояния судебного дела выдвигаются более или менее правильно действующие суды — генеральный, суды полковые и сотенные; параллельно снова входят в силу отброшенные было Литовский Статут и немецкие правовые кодексы: выдвинутые снова на сцену расчленением общественного организма, они в свою очередь влияют своими положениями на дальнейшее развитие этого расчленения.

Первоначальная простота финансовых отношений уже не удовлетворяет общественным потребностям. Доходы с посполитых все больше и больше переходят к казацкой старшине, а следовательно, уменьшаются доходы общенародного скарба, расходы же растут. То народное воодушевление, когда хватался за оружие каждый, давно прошло, и теперь казачество уже начинает смотреть на постоянные войны как на тяжелую повинность, от которой старается по возможности отделаться; в силу этого гетманы видят себя вынужденными обращаться к найму военной силы, заводят охотничьи, компанейские полки, сердюков и т. п., требующие денежных трат, даже и при том условии, что содержание их лежит на посполитых в качестве натуральной повинности. Уже первые гетманы должны были ввиду таких расходов завести «оранды», т. е. отдачи на откуп винной, дегтярной и табачной торговли. Аренды эти были так ненавистны народу, что при Мазепе был серьезно поставлен вопрос об их уничтожении, и был даже сделан опыт отмены их на год, но финансовые потребности вынудили их восстановление.

По мере того как казацкая старшина становилась в положение привилегированного класса, утверждались монастыри и другие духовные учреждения во всем объеме своих прав на земельные имущества и тем вновь приобретали утраченное было ими благосостояние. Навстречу этому благоприятному условию шли большие заботы о просвещении со стороны казацкой старшины и Мазепы во главе ее. Мазепа покровительствует тому, чтобы старшина посылала сыновей учиться за границу, старается изо всех сил поднять значение Киевской Академии, устраивает типографии, ведет деятельно корреспонденцию с учеными людьми. Между духовными писателями и учеными этого времени выдвигаются имена Иннокентия Гизеля, Лазаря Барановича, Иоанникия Голятовского, св. Дмитрия Ростовского⁸⁶: они были вместе с тем и общественными деятелями, частью

прямо вмешиваясь в политические дела своего времени, частью стремясь влиять на общество поучением и проповедью. Подъем высшего духовного просвещения в Малороссии начинает отражаться и на Северной Руси: с конца XVII в. на несколько десятилетий «черкасы» (по московской терминологии) берут в свои руки все высшие духовные и просветительные учреждения.

Такова в общих чертах картина внутреннего быта Малороссии от освобождения до конца гетманства Мазепы. Дальше начинает действовать новый фактор — влияние севернорусского государства, и начинает действовать со значением условия, определяющего весь дальнейший ход развития южнорусского общества левобережной Украины.

IV

Настоящий очерк внешнего и внутреннего состояния Украины после Хмельницкого умышленно игнорировал такую важную часть нашего исторического целого, какую представляет собой история Запорожского Низа. Дело в том, что теперь, т. е. со времен Хмельниччины, историку становится не только более удобным, но даже необходимым излагать этот предмет отдельно.

Загорожье в его истории имеет свою исключительную судьбу. Легенда — не как продукт народного творчества, а как измышление увлекавшихся исследователей — облекла раннюю историю Запорожья густым туманом, в котором совершенно укрываются истинные очертания предмета: точно дело идет не о XVI — XVII вв. со всем свойственным им обилием документальных свидетельств, а о какой-нибудь эпохе рун или иероглифов. Объяснить это явление нетрудно. Увлекаясь оригинальными формами запорожской жизни, так причудливо выступавшими на фоне просвещенного XVIII в., исследователи этой жизни, естественно, стремились видеть в ней остаток, переживание какого-то архаического жизненного уклада. И с известной точки зрения они, конечно, правы: все, что нас так поражает в запорожском обществе, его строй, понятия, нравы и обычаи, — все это вынесено украинским казачеством из глубин древнерусской жизни и взлелеяно им на степном раздолье окраин, где постоянная внешняя угроза обеспечивала личности известную свободу от притязаний государства.

Тем не менее Запорожская Сечь как самостоятельный социально-политический организм есть порождение относительно позднего времени, главным образом, эпохи, следующей за переворотом 1648 г.

Когда польское правительство в конце XVI в. стало вводить казацкую регистрацию, то оно вместе с тем требовало от зарегистрированного им украинского казачества, чтобы оно держало постоянную

сторожу на Запорожском Низу. С этих пор эпитет «запорожский» стал постоянно прикладываться в польском языке к казацкому войску, признаваемому правительством, и сохранился даже до того позднего времени, когда украинское казачество фактически совсем обособилось от запорожского, или низового.

Несомненно, что украинское казачество, выросшее по хуторам и пасекам Украины, по ее звериным и рыболовным угодьям, с очень ранней поры начало пользоваться Запорожским Низом, ценя в нем не только промысловое богатство, но и его недоступность, с одной стороны, для татар, с другой — для старост и иных властей своего же государства, всегда готовых наложить руку на свободу народной массы. По крайней мере еще в конце XV в. упоминаются казаки, приплывавшие в Киев с рыбой с Низа. Но и в конце XVI в. на Низу все-таки нет прочной оседлости. Польский хроникер Бельский⁸⁷ имел точные сведения о положении дел на Низу от своего дяди Оришевского⁸⁸, который долго жил за порогами в качестве казацкого гетмана, т. е. польского начальника над казацкой сторбжей. Он сообщает, что казаки занимаются на низовьях Днепра ловлей рыбы, которую там же и сушат на солнце. Живут они там только летом, на зиму же расходятся в ближайшие города, как Киев, Черкассы и другие, спрятав предварительно на каком-нибудь днепровском острове в безопасном месте свои лодки и оставив там несколько сот человек «на курене», чтобы стеречь оружие. К той же эпохе, т. е. к концу XVI в., относится путешествие на Запорожье двух лиц, которые в разное время с разными целями ездили туда, причем от обоих осталось описание их пребывания на Низу; во-первых, это был магнат и авантюрист Самуил Зборовский⁸⁹, убежавший в 1579 г. от смертной казни на Запорожье, чтобы во главе тамошнего казачества поискать счастья в военных предприятиях, во-вторых, силезский шляхтич Лясота⁹⁰, отправленный римским императором Рудольфом II в 1594 г., чтобы привлечь казаков на службу ввиду войны с Турцией. Ни тот, ни другой, ни Зборовский, ни Лясота, также не нашли здесь прочной оседлости: шалаши, крытые звериными шкурами, очевидно, не могли быть постоянными жилищами. О каком-нибудь укреплении тоже нет речи. Казацкое войско располагалось на том или другом из своих островов — Зборовский застал его на Томаковке и Чертомлыке, Лясота на Базавлуке, — подвижным лагерем («кошем»), а затем расходилось: оставались обязательная сторбжа и, может быть, некоторое количество «сиромах», стоявших в открытой вражде с законами своего государства, которым некуда было идти, негде искать более гостеприимного крова.

Известный польский ученый Яблоновский⁹¹, так серьезно работавший над вопросами топографии и заселения украинской территории, полагает, что в конце XVI и в начале XVII в. число постоянного населения Запорожского Низа не превышало 500 человек. Можно отнестись, конечно, с известным недоверием к этой цифре, особенно

если принять во внимание, что к Запорожскому Низу относились земли по Самаре и другим степным речкам, впадающим в Днепр с левой стороны, где тоже могли проживать казаки, но что постоянное население Запорожья все-таки было ничтожно — это несомненно. Те тяжелые столкновения украинского казачества с государством, какие оно пережило в 20—30-е годы XVII в., должны были сразу сильно поднять цифру постоянного населения запорожской территории. Но во всяком случае до Хмельнитчины у запорожского казачества нет истории, отдельной от истории остальной Украины; по крайней мере, мы лишены возможности выделить в общем потоке событий какие-нибудь особо окрашенные течения, имеющие своим источником специальные интересы запорожской жизни.

Хмельнитчина и события, вытекающие из нее, положили известную грань между Запорожьем и остальной Украиной. По мере того, как Украина все определеннее разделялась на две половины и каждая из половин втягивалась в орбиту соседнего государства, Запорожье решительнее выступало в качестве особого социально-политического организма. Ярким выразителем нарождающейся политической самостоятельности Запорожья является Сечь — впервые возникший на Низовой территории настоящий город, опорный пункт прочной оседлости. Если у низовых казаков бывали и раньше сечи (что можно допустить, судя по тому, что слова «сечевцы», «сечевики» появляются еще в начале XVII в.), то это были лишь слабые укрепления, вызываемые к существованию случайной потребностью и исчезающие вместе с ней. Все изыскания о последовательном ряде сечей, или сечевых городов, должны раз навсегда отойти в область мифологии, в которой нечего делать историку⁹².

Есть один документ, который должен быть положен в главу угла научной постановки этого вопроса, действительно темного и запутанного, но лишь в силу тех ненужных загромождений, какими обставили его не по разуму усердные исследователи. Этот документ 1672 г. есть подробное описание Сечевого города, представленное запорожцами в приказ малороссийских дел: из описания этого видно, что город Сеча стоял в устьях Чертомлыка и Прогноя, над речкою Скарбною; был окружен валом в шесть сажен высоты и рвом, имел башни с бойницами и еще земляной городок за рвом; был снабжен в обилии и пушечным нарядом, боевыми и съестными припасами; всего же меры имел в окружности 900 сажен. А самое интересное, что мы узнаём из этого документа, — что «строил тот город Сечу кошевой атаман Лутай⁹³ с казаками тому 20 лет». Таким образом, 50-е годы XVII в. — вот тот момент, когда явилась на свет Старая Сечь, или первый Сечевой город, который сделался фундаментом самостоятельной политической истории Запорожья. К территории Запорожского Низа относилась в это время еще и другая крепость — Кодак, при посредстве которой поляки держали до 1648 г. в своих руках Запорожье. Те «люди малые и то из войска

переменные, которых в дело почитать нечего», какими изображает запорожцев Богдан Хмельницкий Москве по поводу присяги по Переяславскому договору,— снабдив свою территорию городами, обнаруживают деятельное стремление ограничить ее от соседних территорий и вообще придать ей политическую самостоятельность.

Странную аномалию представляет собой это запорожское общество, которое стремится к политическому существованию, не будучи в то же время обществом гражданским: Сечь, политический центр Запорожья, не допускала семьи. Но жизнь делала к этой аномалии свои поправки. Чем дальше, тем больше покрывается территория Запорожья «становищами» и «седлищами», где казаки начинали уже проживать с семьями. Если в половине XVII в. еще возможно было бы говорить о запорожцах, что «на Запорожье живут их же братья (украинские) казаки, которые переходят туда для промыслов, а иной и потому, что здесь пропыется да проиграется, жены же их и дети все живут по городам» (т. е. на Украине), то в конце века, при Мазепе, уже дело, очевидно, стояло иначе. Левобережный гетман делает формальные препятствия к тому, чтобы запорожцы являлись «на зимовлю» в Украину, и разрешает лишь ограниченному их числу приходиться к родственникам и свойственникам. Очевидно, такие ограничения были возможны лишь при том предположении, что старые, так сказать, кровные связи Запорожья с Украиной уже ослабели.

Но связи экономические не ослабевали до конца этого периода, собственно даже и не связи, а полнейшая экономическая зависимость Запорожья от Украины и Московского государства. Корень этой зависимости заключался в отсутствии сельскохозяйственного промысла на низовой территории: «Не сеем, не брем»,— пишут о себе запорожцы. Таким образом, они нуждались даже в предметах первой необходимости — хлебе и горелке, уже не говоря о дегте, о железе и свинце, об одежде, о неводе и челне,— по крайней мере в большом морском челне, на котором можно было бы пуститься в море. Все должны были они приобретать обменом, а в обмен они могли предлагать лишь рыбу и соль. Рыба ловилась в чрезвычайном изобилии по «луговым и полевым» речкам, впадающим в Днепр, главным образом Самаре, также в самом Днепре, где на порогах производилась ловля осетров; доставлялась рыба еще и с Дона обозами. Соль добывали запорожцы на крымских соленых озерах и вели торговлю с Украиной этим предметом такого общего и широкого спроса. От рыбной и соляной торговли запорожцы были, по их собственному выражению, «сыты, пьяны и одежны», однако не вполне: из Сечи нередко слышатся жалобы, что там «голодно». А главное — запорожцы, как люди в «оборонах», постоянно нуждались в предметах, относящихся к вооружению,— предметах относительно большой ценности. Население же, которым пополнялось Запорожье, состояло по преимуществу из беглых «мужиков», людей

бедных, которые являлись сюда, не имея «ни самопалов, ни одежды, ни борошна», которые нуждались в том, чтобы Запорожье и одело их, и накормило, и вооружило. При этих условиях запорожцы никак не могли обойтись «без жалованья». Жалованье — частью от мало-русского гетмана, частью от царя — составляло вечно больное место запорожской жизни. Обычай получать жалованье от гетмана утвердился с Брюховецкого, который первый начал высылать туда запасы хлебом и деньгами; позднейшие гетманы продолжали эти высылки ежегодно, задерживая их лишь в случаях запорожской «шатости». Высылались всегда мука, пшено, деньги, иногда ветчина и иные предметы, — по специальным просьбам из Сечи. Московское жалованье состояло из свинца и пороха, опять же денег и всегда сукон, а нередко и соболей. Но кроме того, запорожцы постоянно добывались от гетмана и царя какого-нибудь источника доходов в виде, например, перевоза на Переволочне, очень прибыльного, или дохода с мельниц на Ворскле и т. п.

Экономическая зависимость Запорожья от Украины была так велика, что в случае непослушания или иной какой-либо «шатости» со стороны запорожцев левобережному гетману достаточно было задержать жалованье и положить препятствие к сообщению с Запорожьем, чтобы низовцы смирились. В минуту крайнего затруднения они нередко хватались еще за мысль о союзе с Крымом, так как крымские ханы со своей стороны не прочь были предложить запорожцам и хлебное жалованье, и разные льготы в торговом обмене, лишь бы обратить этих беспокойных соседей из врагов в друзей. Но экономические выгоды от союза с крымцами не могли выдержать никакого сравнения с тем, что получали запорожцы от Украины; к тому же брали свое и традиционные представления о казаке как об исконном враге басурманской веры, цель существования которого есть борьба с басурманством. Таким образом, политическая самостоятельность, о которой мечтали на Запорожье горячие головы, оказывалась лишь совсем не осуществимой иллюзией, но тем не менее в этот фазис своего существования запорожцы не переставали гоняться за этой тенью: полная бесконтрольность речей и поступков постоянно питала эту иллюзию, все возраставшую и возрождавшуюся вновь из пепла, в какой ее нередко обращала суровая действительность.

Есть основания думать, что в эту эпоху еще ни запорожцы не привыкли смотреть на себя, как на единое политическое тело, ни соседи — видеть в них определившийся социально-политический организм. Это обнаруживается, между прочим, из того, как они себя называют в обращениях к московскому или гетманскому правительству: «Верные слуги, войско запорожское днепровое, кошевое, верховое, низовое, будучи на полях, на лугах, на полянах и на всех урочищах днепровых и полевых, и морское». В таком же роде были обращения к запорожцам гетманского и московского правительства.

Очевидно, ни сами запорожцы, ни их соседи не представляли себе войска иначе, как собранием каких-то механических частиц, разбросанных на огромной Низовой территории. Понятие о политическом единстве, о центральном политическом органе, представляющем собою территорию, еще, очевидно, было очень слабо. Однако оно уже не могло не зародиться, так как была налицо одна общепризнаваемая власть — власть атамана, выбранного «на кошу», которым теперь была — как место постоянной оседлости — Сечь.

Кошевой атаман выбирался, как и сменялся, общеказацкой радой, где все решалось силою большинства. Но кроме этой рады, имела большое влияние «атаманская порада», т. е. собрание куренных атаманов с кошевым во главе. По-видимому, уже в эту эпоху курень был единицей самоуправления, как это мы наблюдаем в более позднее время. Кроме кошевого, компетенция которого, как и гетманская, не поддается точному определению, видим еще на Запорожье, как и в Гетманщине, писаря, с теми же широкими, канцлерскими, полномочиями, и судью, т. е. сборщика судебных пошлин в войсковую скарбницу. Упоминаются еще полковники, вероятно, выбираемые для отдельных военных предприятий.

В начале рассматриваемого периода, когда Запорожье еще не противопоставляло себя так решительно Украине, были попытки со стороны низовцев взять в свои руки избрание гетмана: они требовали, чтобы гетман Левобережной Украины выбирался или на Запорожье, или по крайней мере в Лубнах, издавна состоявших в самой тесной связи с Запорожским Низом. Но дальнейший ход событий, отделив Запорожье от Украины, дал иное направление запорожским стремлениям.

Все запорожские власти были выборными, притом не на определенный срок, а «до войсковой ласки»: рада могла сместить их в каждый момент без всякой вины с их стороны, исключительно по своему усмотрению. Самодержавие рады не хотело знать никаких стеснений или ограничений. Свобода слова, т. е. высказывания политических мнений, на Запорожье была такая: «Живучи на Украине, не смеют и рта раскрыть, а как только заберутся в Сечь, откуда у них плодятся речи и рассказы, возбуждающие к бунтам! Иной мелет спьяна, а иной хотя не пьян, дьявольский сын, да без пьянства горечью дышет, собака, и не токмо что на гетмана и на панов, но и на самих монархов с желчью слова говорят; те бездушники-запорожцы никогда и нигде не могут быть постоянными, понеже ни Бога, ни государя, ни власти гетманской не боятся», — пишет о них Мазепа. Свобода слова соответствовала и свободе действий, поскольку она могла иметь место при наличности той привязи, на какой постоянно держали Запорожье самые условия его существования.

Иллюзия политической свободы, которою тешило себя Запорожье, вытекла прежде всего из взаимных политических отношений

соседних держав. По Андрусовскому перемирию 1667 г.⁹⁴ Запорожье было объявлено в одинаковой зависимости как от Польши, так и от России: это межеумочное положение, с одной стороны, оторвавшее Запорожье от остальной Украины и противопоставившее эти две территории, а с другой стороны, создавшее для Запорожья какую-то особую форму двойной (а следовательно, неполной зависимости), больше всего благоприятствовало тенденции Запорожья сложиться в особое социально-политическое тело. Когда позже Запорожье стало в исключительную зависимость от государства Русского, то русское правительство уже застало готовым положение, с которым ему пришлось выдерживать борьбу.

Эта переходная эпоха в истории Запорожья, когда оно, впервые отделившись от Украины, пробовало самостоятельно свои силы, прекрасно отразилась в личности Сирка. Сирко — очень интересная и типичная фигура своего времени и среды: он не направлял событий, не руководил ими, но в нём как в фокусе сосредоточивались все главнейшие мотивы запорожской жизни, которые он воплощал с той полнотой, к какой способны иные личности, выдвигаемые толпой как герои⁹⁵.

Целую четверть века — третью четверть XVII в. — Сирко представлял собою Запорожье то в качестве полковника, то в качестве кошевого, которого непостоянные запорожцы лишали достоинства только для того, чтобы снова и снова поставить во главе войска. Припомним, какое это было тяжелое время для Украины, эта третья четверть XVII в. Правобережье все глубже и глубже скатывалось в пропасть «руины»; Левобережье пробовало привязь, которою оно было прикреплено к сильному соседу, и лишь убеждалось, что привязь становится все короче, все прочнее. Постоянные волнения и тут, и там давали низовым казакам возможность вмешиваться всюду, и Сирко, как настоящий сын Запорожья, широко пользовался этой возможностью. Но во всех его действиях, — где он неизменно проявлял и беззаветное мужество, и выдающиеся воинские дарования, бескорыстие, справедливость, — совсем не видно никакой определенной политической программы. Ясно, что этот человек, а следовательно, и общество, во главе которого он стоял, руководились лишь настроением данного момента. В борьбе соседних государств из-за Украины он как будто тяготеет в сторону московского правительства, но не выдерживает и этого направления, особенно после того, как ему нанесено было Москвой тяжелое оскорбление захватом и пленом, имевшим целью положить конец его притязаниям на левобережное гетманство. Таким образом, Сирко во главе Запорожья является на помощь то одному гетману, правобережному или левобережному, то другому, то действует за Суховия и Ханенка против Дорошенка, то становится на сторону Дорошенка; является во многих случаях сторонником московского правительства, но выступает временами как его противник в союзе и с польским королем,

и с крымским ханом, и с турецким султаном. Впрочем, последняя перемена фронта — в пользу басурманства — со стороны Сирка представляется явлением редким и исключительным: в общем он всегда готов на борьбу с неверными, и это направление его деятельности представляется наиболее постоянным и наиболее богатым настоящими подвигами, достойными эпического богатыря. Эпоха для геройской борьбы с басурманским Востоком была самая подходящая: татары, вечные и ненасытные разорители Украины, теперь широко пользовались для своей наживы «руиной» Правобережья и нестроением Левобережья; только Сирко, вечно стоящий настороже, вечно готовый на реванш, клал известный предел их хищничеству. Необходимо еще напомнить, что к концу третьей четверти XVII в. на Правобережье водворились турки, которые решились преградить запорожцам выход в море городками на низовьях Днепра и обнаруживали намерение завладеть самою Сечью. Вот при этих-то обостренных отношениях к мусульманскому Востоку и развернулась легендарная фигура Сирка. Лишним трудом было бы перечислять, сколько он совершил более или менее удачных походов, и сухим путем и на челнах, сколько предупредил нечаянных и разорительных нападений, сколько отбил пленных и иной добычи; достаточно сказать, что он в видах отместки за нечаянное, но все-таки неудачное вторжение янычар в Сечевой город организовал и блестяще выполнил вторжение казаков внутрь Крыма, в самое гнездо хищников. Эпизод «избиения тум», сопровождавший этот поход — буде его не сочинил малорусский летописец Величко, — прекрасно дорисовывает собою эту типичную фигуру, несомненно варварскую, но в то же время полную беззаветной любви к родине и наивной детской веры *. Это были последние проявления деятельности Сирка: он умер в 1680 г.

Шесть лет спустя после смерти Сирка так называемый вечный мир между Россией и Польшей, ставивший в число своих условий передачу Запорожья в исключительную зависимость от Русского государства, положил известную грань в исторической жизни запорожского общества. Та полная неопределенность политического направления, представителем которой является Сирко, исчезает. Не то чтобы запорожская «шатость» обратилась в постоянство, ясную политическую программу и последовательность действий, но она пере-

* Вот этот эпизод: Сирко вывел из своего нападения на Крым массу пленных и между прочим «тум» — метисов, рожденных в Крыму от смешанного сожительства христианских невольниц с татарами. Но доброй Сирко предложил «тумам» возвратиться назад, кто пожелает, а затем велел казакам догнать вернувшихся и перебить их. Потом поехал сам посмотреть, исполнен ли в точности приказ, и обратился к трупам с такими словами: «Простите нас, братья, а сами спите тут до страшного суда Господня вместо того, чтобы размножаться вам в Крыму между басурманами на наши христианские молодецкие головы и на свою вечную без крещения гибель».

менила свой характер. Теперь мы наблюдаем на Запорожье постоянно два настроения, две партии: одна партия — сторонников московского правительства, другая — его решительных противников. Все запорожские «шатости» определяются взаимными отношениями, этих партий, их борьбой, тем, которая из них берет верх в то или другое время.

Конечно, положение Запорожья было такое, что московская сторона получала естественное преобладание. Но в то же время чем дальше, тем больше накоплялось поводов и причин для неудовольствия московским и гетманским правительствами, действовавшими в этом случае вполне солидарно; тем сильнее становилась оппозиция данному положению. Дело в том, что гетманское правительство при содействии Московского государства начало мирное поступательное движение на запорожскую территорию. Сначала, еще до Мазепы, занята была городками р. Орель; при Мазепе начался захват Самары, и вот именно этот-то захват Самары составлял самое больное место в отношении Запорожья с Гетманщиной: запорожцы чрезвычайно дорожили Самарой как своим наиболее ценным промысловым урочищем, а между тем на Самаре появились непосредственно одна за другой две крепости, из которых Новобогородская была значительной крепостью.

Мазепа начал раздавать самарские земли людям из Гетманщины под тем предлогом, «что нигде нет таких мест для селитряных майданов, как на Самаре». Запорожцы посылали в Москву жалобу за жалобой за нарушение своих исконных прав, но не получали никакого удовлетворения. Когда русскими войсками при самом энергичном содействии тех же запорожцев захвачены были турецкие городки по Днепру — Кизикермен, Тавань, Шагинкермен, русские заняли их своими гарнизонами, не обращая никакого внимания на притязания запорожцев, которые считали все земли заднепровских гирл своею собственностью; позже городки были, к пущему негодованию запорожцев, разорены ввиду условий мирного договора с Турцией *, по которому вся территория нижнего Днепра должна была оставаться пустыней. Но ничто не произвело на Запорожье такого удручающего впечатления, как возведение русскими после разорения турецких городков новой, своей собственной крепости в урочище Каменный Затон, при впадении р. Конка в Днепр, — можно сказать, в виду Сечевого города. Это была не только обида, но и угроза. Русские гарнизоны в центре запорожской территории, в самарских крепостях и особенно в Каменном Затоне представляли собой конец политической самостоятельности Запорожья, которая только что начала оперяться.

Противникам Московского государства, готовым на открытую борьбу с ним, не было иного выхода, как союз и покровительство

* Константинопольский мир 1700 г.

Крыма, поэтому запорожская оппозиция Москве всегда представляла собою вместе с тем крымскую партию. Именно во главе этой крымской партии стоял Петрик⁹⁶, который в течение пяти лет волновал Запорожье (1691—1696); он и его сторонники надеялись с помощью Крыма одолеть Москву, полагая, что «в Малой России им не для чего будет воевать, потому что она сама в себе кого надобно повоюет: винокурники, пастухи, овчары и голытьба всех своих начальников и панов побьют». Но расчеты Петрика не оправдались. Даже на самом Запорожье он не встретил такого широкого сочувствия, на какое надеялся: неудовольствие Запорожья против Москвы лишь позже достигло кульминационного пункта. Кроме устройства Каменного Затона⁹⁷, накоплению неудовольствия много способствовала Северная война, когда запорожцы должны были ходить на далекий Север и там оставаться в суровых и непривычных условиях под командой русского начальства, которое не находило нужным считаться с независимым духом низового казачества. Все это способствовало накоплению на Запорожье массы горючего материала, который своим взрывом должен был снести все соображения и расчеты, предписываемые осторожностью. Представителем духа крайней ненависти к московскому правительству, выражавшейся между прочим в той поддержке, какую давали запорожцы донскому бунтовщику Булавину⁹⁸, является в это время кошевой Гордиенко⁹⁹, человек, одаренный умом и энергией: он руководил Запорожьем в эту критическую для него эпоху. Запорожье почти единодушно примкнуло к своему давнему врагу Мазепе, лишь только тот перешел на сторону шведов.

В конце апреля того же знаменитого 1709 г. полковник Яковлев во главе трех полков русских войск сел на суда под Киевом, чтобы добраться Днепром до порогов; конное войско следовало за судами по берегу. Вступление русских войск на запорожскую территорию сопровождалось такими действиями, которые предвещали жестокую и окончательную расправу. Но когда войско, перешедшее пороги и подкрепленное еще гарнизоном и военными снарядами Каменного Затона, придвинулось к Сечи, то оказалось, что она окружена со всех сторон водой: на Днепре стояло половодье, которому, надо полагать, помогли запорожцы, успевшие затопить окрестности Сечевого города и с той стороны, которая была доступна. Ни стрельба из пушек через воду с воздвигнутых русскими шанцев, ни попытки атаки Сечевого города в лодках не привели ни к чему. Но 14 мая явился на выручку Яковлева из его затруднительного положения охочекомонный полковник Галаган¹⁰⁰,— человек, близко знакомый с запорожскими обычаями и «войсковыми секретами». Он обещал запорожцам помилование, если они положат оружие. Запорожцы поверили его присяге: безоружные сечевики были беспощадно побиты, все сечевые строения и даже зимовники, окружавшие город, совершенно уничтожены. Вслед затем царь Петр, который был чрез-

вычайно обрадован разорением «проклятого гнезда», объявил присоединенными к Гетманщине, к Миргородскому полку, запорожские земли от Орели до Самары. Отдельным запорожцам давалась пощада лишь под тем условием, чтобы они выбирали себе оседлость, и селились на правах посполитых людей.

Глава 7

УКРАИНА В XVIII В.

I

В жизни как отдельных лиц, так и целых обществ бывают критические моменты, когда жизненная волна, до тех пор неопределенно колебавшаяся туда и сюда, сразу вступает в известное русло. Таким моментом была в жизни малорусского общества измена Мазепы. Трудно сказать, имел бы этот факт такое решающее значение, если бы не было Петра с его необычайной энергией, ясным пониманием выгод своего государства, со страстным стремлением идти кратчайшим путем, напролом к достижению этих выгод, но в данных условиях измена Мазепы действительно составила эпоху в истории левобережной Украины.

До сих пор в Малороссии Мазепа заслонял собой Петра: «От Богдана до Ивана не було гетмана»,— говорит народное присловье того времени, приравниванием к Хмельницкому свидетельствуя о гетманской самостоятельности Мазепы. С удалением этого, несомненно, очень способного гетмана внушительная фигура Петра встает перед Малороссией лицом к лицу.

Враждебная Великой России политическая комбинация не удалась; неприязненные ей элементы уничтожены, рассеяны, приведены в бездействие. Если она не удалась при таком исключительно благоприятном условии, как появление в центре территории победоносного шведского войска с его героическим вождем,— трудно было предположить, чтобы она могла удалась в другой раз. Петр мог смотреть на Малороссию как на территорию, окончательно и бесповоротно присоединенную к Великой России; так же должна была смотреть на себя и сама Малороссия. Дальнейшие задачи малорусской политики были Петру ясны: с одной стороны, надо было сливать Малороссию с Великой Россией, лишая край политической самостоятельности и самобытных учреждений, с другой — привлекать материальные, экономические силы малорусского общества к участию в осуществлении тех общегосударственных предприятий, планами которых была полна голова Петра.

Но край еще был слишком взволнован пронесшейся бурей, а русские силы слишком заняты и отвлечены военными действиями,

чтобы Петр мог сразу решиться на крутые меры. Еще в конце 1708 г., в самый разгар смуты, как только Мазепа открыто перешел на сторону шведов, Петр разрешил раде из верной ему старшины, собравшейся в Глухове, выбор нового гетмана. Этот якобы выбор (на самом деле лишь назначение) пал на человека, совершенно неспособного к самостоятельному и ответственному положению. Гетманом сделался старый стародубский полковник Иван Ильич Скоропадский¹, личность которого современники охарактеризовали такой пословицей: «Иван носит плахту, а Настя (его жена) булаву».

Следуя обычаю, который практиковался начиная от Богдана Хмельницкого с его Переяславскими статьями, при вступлении всякого нового гетмана в отправление своих обязанностей, Скоропадский тотчас после Полтавской победы также подал государю свои «просительные» статьи². В первом пункте этих статей новый гетман ходатайствовал, как было принято, о подтверждении государем старых войсковых «вольностей, прав и порядков». Петр подтвердил этот пункт «генерально», с разъяснением, что он это делает «по своей монаршей милости». Генеральное подтверждение, по мысли Петра, очевидно, не обуславливало подтверждения всех отдельных частных, из которых складывались эти права и вольности. Мягкий и снисходительный тон решений на статьи, представленные Скоропадским, маскировал, но не скрывал истинных намерений Петра. Так, например, охотно соглашаясь на строгие запрещения всяких самовольств, какие дозволяли себе великороссияне в Малороссии, в виде постоев и подвод, государь решительно отклонял просьбы о том, чтобы наказные гетманы не состояли под командой великорусских генералов, чтобы была ограничена власть великорусских воевод и т. п. Мало того, на одно выражение статьи, что казаки служат «лишь за казацкую вольность», сделал внушительное замечание, что того «писать не надлежало»: малорусский-де народ должен быть признателен за благодеяние, оказанное ему защитой от шведов, Мазепы, польских, татарских и турецких нападений.

Но ни в чем так ярко не выразилась новая политика Петра, как в том, что он приставил к гетману в качестве «очей и ушей государевых» великорусских чиновников, сначала одного, потом двух, которые должны были, с одной стороны, наблюдать за поведением гетмана и старшины, с другой — разведывать подробности о доходах малорусской территории. Учреждение этих могущественных «министров» при гетмане, без ведома которых тот не мог сделать никакого сколько-нибудь важного шага, было первым значительным ограничением гетманской власти, а следовательно, и политической самостоятельности Малороссии.

Измена Мазепы повлекла за собою некоторые существенные изменения в наличном составе малорусского общества и его настроениях. Удалились за пределы Русского государства запорожцы и увлекли за собою более беспокойные элементы украинской массы;

сношения с Запорожьем, постоянным очагом недовольства и смуты, сенсационных слухов и скороспелых самозванцев, теперь уже не волновали больше ни посольства, ни казачества. Петр, несмотря на свое всегдашнее горячее покровительство всякой промышленной деятельности, запретил Украине, в политических видах, ездить на юг за солью, рыбой и звериной добычей. Подвергся изменениям наличный состав привилегированной группы, старшины: более крайние приверженцы Мазепы или бежали, или ушли в ссылку в Сибирь и Архангельск; кто успел вовремя выразить раскаяние, должен был вести себя так, чтобы постоянно свидетельствовать своими поступками преданность русскому государю; в момент смуты выдвинулись в передние ряды новые люди, создавшие себе положение именно этой преданностью, искренней или притворной. В то же время русские вельможи впервые начали получать земли в Малороссии. Меншиков получил от Скоропадского местечко Ямполь и Почеп с волостью, к которой бесцеремонный покоритель Батурина примежевал ни больше, ни меньше как две соседних сотни, Мглинскую и Бакланскую с частью Стародубской; крупный кусок получил и Шафиров³. Таким образом, великорусский элемент вводился непосредственно в состав малорусского общества.

Теперь открылась русскому правительству широкая возможность влиять на организации правящей группы, а следовательно, и на самоуправление. Слабый гетман, вечно напуганный возможностью быть заподозренным в измене и сочувствии изменникам, не смел ни в чем проявить противодействия. Другой властью, не менее значительной, чем гетман, были 10 полковников, из которых каждый в своем полку представлял собою гетмана в миниатюре, но вследствие происшедшей катастрофы состав их был подобран вполне благоприятно видам и намерениям правительства. Остались на местах те, как полковник стародубский Скоропадский, назначенный гетманом, черниговский Полуботок⁴ и наказные, нежинский и перяславский, Жураховский и Тамара, сразу заявили свою преданность русскому правительству, или кто, как Апостол⁵, полковник миргородский, достаточно своевременно и умело успел выразить раскаяние; остальные были смещены и заменены новыми, согласно желаниям Петра. Но и по водворении спокойствия Петр продолжал назначать полковников помимо гетмана: так, он наперекор планам Скоропадского отдал киевское полковничество Танскому⁶. Начали появляться среди полковников и чужеземцы: серб Милорадович⁷, «македонский кавалер», сделан был как «человек непоколебимой верности» полковником прилуцким; великоросс Толстой⁸, зять Скоропадского, за которого тот, по желанию государя, выдал свою дочь,— полковником нежинским. Но подбор полковников еще не обеспечивал полного влияния на общественное настроение и ход дел,— надо было соответственно организовать и низшую, полковую, старшину, непосредственно соприкасающуюся с народной массой;

сотники в этом отношении были наиболее влиятельной группой. Петр делал опыты непосредственного назначения сотников: так, назначенный им сотник Лисовский несколько лет терроризировал обывателей Новгорода-Северского, своего сотенного города, не обращая никакого внимания не только на полковое начальство, но и на самого гетмана. Очевидно, такие опыты не могли практиковаться в широких размерах; надо было принимать иные меры. В 1715 г. гетман получил царский указ, которым определялся порядок выбора на все полковые должности, а следовательно, и на должность сотников. Известно, что сотники выбирались казацкими громадами, причем нередко на выбор оказывала давление власть полковника, превращая выбор в простое назначение. Указывая на эти злоупотребления полковников, действующих «по своим страстям» и «из взяток», Петр приказывал, чтобы вперед выборы делались радой из полковой старшины, которая должна была представлять гетману и состоящему при нем русскому «министру» двух или трех кандидатов. При таком порядке выборов люди «подозрительной верности» могли бы, разумеется, проходить лишь в виде редкого исключения. Таким образом, русское правительство обеспечило себе прочное влияние на состав правящей группы, а следовательно, и на направление общественных дел.

Но при всем том Петр, самодержец по привычкам, бюрократ по взглядам, не мог мириться со строем малорусского общества: с одной стороны, оно было для него слишком демократично, с другой — представляло слишком большое преобладание личности над учреждением. В предыдущем очерке мы указывали на то, как патриархально организованы были малорусское управление и суд, как гетман, с канцелярией «при боку», совмещал все функции правительственной деятельности, так что даже финансы не отделялись от частного гетманского хозяйства, как полковники повторяли собой гетмана, а сотники — полковника. Такая простота организации, конечно, имела свои положительные, как и отрицательные стороны, но Петр мог видеть только отрицательные. И вот Петр пользуется первым предлогом, какой ему доставила небрежность Скоропадского, чтобы издать указ об учреждении в Глухове Генеральной Войсковой канцелярии (1720)⁹, которая с тех пор и начала свое существование, как самостоятельный орган местного управления; вслед затем была учреждена Судебная канцелярия¹⁰, которая должна была положить предел господству старого патриархального суда. В непосредственной связи с учреждением Судебной канцелярии стоит универсал Скоропадского, вызванный также царским указом о переводе «правных книг Саксона, Статута, Порядка¹¹ с польского диалекта на наше русское наречие»: если старый патриархальный суд мог обращаться, мог и не обращаться к писанному праву, то судебное учреждение, какое имел в виду Петр, могло действовать только при помощи писанного права — не иначе. Конеч-

но, настаивая так на введении правильно действующих учреждений, Петр имел в виду, кроме интересов порядка, и то, что деятельность учреждения несравненно доступнее контролю, чем деятельность лица.

В то же время Петр следил за всякой возможностью направить силы и средства Малороссии в общегосударственное русло. Выше было упомянуто, что великорусские чиновники, состоящие при гетмане, обязаны были с особенной тщательностью разведывать все, касающееся доходов страны. Но наложить руку на эти доходы пока еще не представлялось возможным: это задело бы кровные интересы правящего класса, к тому же доходы эти были невелики, случайны, не приведены в известность и — что еще важнее — носили в известной степени натуральный характер. Однако, если затруднительно было прямое пользование доходами края, то возможно было косвенное.

Само собою разумеется, что малорусские казаки принимали участие в походах и вообще всех военных предприятиях Петра, — так было и раньше. Но расквартировка великорусских войск в Малороссии, т. е. бесплатное содержание драгунских полков (сначала шести, затем восьми и даже десяти), имело вид нового тяжелого налога. «Консистенские дачки», т. е. поборы на содержание этих солдат или консистентов, начинают играть видную роль в общественной жизни.

Но одно из этих мероприятий, отмеченное резкой печатью Петровского ни перед чем не останавливающегося своевластия, залегло неизгладимым темным пятном в народной душе. Подразумеваем так называемые канальные работы. Когда к концу второго десятилетия было уже меньше надобности в казаках как в военной силе, Петр задумал употребить их на государственные работы, на рытье каналов. Канал между Волгой и Доном, куда прежде всего были затребованы казаки, оказался неосуществимым, но зато в Ладожский канал ¹² было много уложено не только казацкого труда, но и казацких жизней. В 1720 г. Скоропадский получил указ о высылке на ладожские работы 10 тыс. казаков, не считая обозных людей; после полугодовой работы не возвратились домой 3 тыс.; в следующем году опять было вытребовано на Ладогу такое же количество казаков, и снова приблизительно 30 % сделалось жертвой. Такая страшная смертность обуславливалась не только тяжестью непривычной работы под постоянной угрозой батога, плохим питанием, суровым и нездоровым климатом, но и трудностями далекого пути, полного лишений, так как казаки должны были добираться до места работы на свои собственные средства: лишь во второй поход оказана была им некоторая помощь в пути, но по незначительности своей и она не уменьшила смертности. Между тем Петр придумал и еще употребление для казацких сил — постройку крепостей. После того, как была отстроена крепость киевская ¹³, он потребовал казаков в Персию,

с которой шла новая война¹⁴, на р. Сулак для постройки пограничной крепости Св. Креста. Это предприятие было не менее пагубно, чем каналные работы: в высшей степени нездоровый, лихорадочный климат каспийского побережья производил огромную смертность, а оставшиеся в живых возвращались, по выражению современников, «в виде египетских мумий». Не удивительно, что не только сами малороссы — естественно, недовольные, — но и иноземцы, наблюдавшие описанные события, говорили, что Петр нарочно придумывал меры для ослабления края, для уменьшения его казацкого населения. Конечно, нельзя считать это мнение за имеющее основание: Петр здесь, как и в других случаях, просто не думал о жертвах, если их требовало то, что он считал за государственное благо.

Но все-таки нельзя не видеть, что в известных случаях царь готов был противопоставить интересы малорусской территории интересам Великороссии и насильственно подчинить первые вторым. Это особенно бросается в глаза по отношению к промышленности и торговле, которые играли в заботах Петра также первенствующую роль. Есть несколько запретительных наказов, которые были направлены к тому, чтобы перехватить старые пути малорусской торговли, тянувшие к южным балтийским портам и к Силезии, и привлечь малорусский товар к Азову, Архангельску, Петербургу. Конечно, запрещения под страхом смертной казни отправки товаров по путям, проторенным веками, и приказ отправлять их в места отдаленные и совершенно неизвестные мог вести лишь к полному упадку торговой и промышленной деятельности. У нас нет специальных исследований этого предмета, и мы не можем сказать с определенностью, насколько губительно отразилась эта мера Петра на дальнейшем развитии малорусской торговли и промышленности, несомненно обнаружившей признаки упадка, но самое важное из этих запрещений, т. е. запрещение торговых сношений с балтийскими портами, было позже отменено, так что Малороссия продолжала отпускать свои сырые продукты в Данциг и Кенигсберг.

Русское правительство в лице Петра стремилось стать в определенные отношения и к внутренней жизни края, к тому социальному процессу, которым прежде всего определялась эта жизнь. Главнейшие черты этого процесса уже отмечены выше. Еще недавно однородное, малорусское общество раскололось на привилегированных и непривилегированных. Привилегированная казацкая старшина уже успела до известной степени замкнуться в обособленную группу. Она утверждала свою привилегированность, расширяя разнообразными средствами свою земельную собственность и постепенно со всех сторон стесняя посполитых и отбирая у них права, которыми те еще недавно пользовались; вместе с посполитыми затягивалась в зависимость и более слабая часть казацкой группы. При Мазепе, сознательно стремившемся к тому правовому порядку, прототип которого он видел в польском общественном строе, процесс этот

сделал особенно большие успехи. Сам Мазепа был озадачен этими успехами и, опасаясь, «дабы посольство пререканий не чинило», начал сдерживать старшину в ее необузданной погоне за маетностями и крестьянскими повинностями. Но посполитые еще слишком живо представляли себе объем своих недавних прав, чтобы «не чинить пререканий», хотя в легальной форме: в начале XVIII в. суды завалены жалобами посполитых на владельцев. К этому времени личность посполитого еще была совершенно свободна, но уже начались посягательства на его землю, правда, пока робкие, неуверенные: конечно, речь идет о тех посполитых, обывателях свободных войсковых сел, составлявших ранговые маетности, часто переходившиеся в собственность «державцев», которые сидели на своих собственных, а не на панских землях. Владельцы стремятся придать праву собственности этих посполитых условный характер: стремятся ограничить право посполитых распоряжаться своей землей, закладывать ее и в особенности продавать в случае своего ухода (который продолжал оставаться свободным), ограничиваясь на первый раз тем, что требуют от посполитого, чтобы он ничего не предпринимал по отношению к земле без ведома и согласия владельца. Но пока посполитые не хотят знать этих притязаний. Однако еще какой-нибудь десяток лет, и Генеральная Войсковая канцелярия считает возможным издать приказ, чтобы посполитые не смели никому продавать земель «без ведома державского» и чтобы никто не смел покупать таких земель. Практика жизни боролась еще некоторое время с этой новой правовой нормой, но на ее стороне были интересы правящего класса, и скоро она утвердилась окончательно, сделавшись исходным пунктом дальнейших изменений в том же направлении.

Правительство Петра следило за тем, что делалось внутри малорусского общества, но его интересовало не положение посполитых. Государство, державшееся на крепостных отношениях, не могло искренне заботиться о защите посполитых от набрасываемых на них уз зависимости. Правда, политические соображения удерживали русское правительство от того, чтобы прямо помогать правящему классу малорусского общества в порабощении массы, но косвенно оно это делало, особенно тем, что вводило великорусский элемент, а следовательно, великорусские правовые понятия и отношения в малорусскую среду. Но, не вмешиваясь непосредственно в отношения старшины и посполитых, Петр считал необходимым вмешательство в другие стороны того же процесса: прежде всего он стремился предупредить скопление маетностей как источника силы и значения в руках правящей группы малорусского общества, затем он хотел прекратить обращение казаков в подданство, чтобы государственный ресурс не ускользал в пользование той же самой старшины. В эту сторону направлял Петр деятельность слабого старого гетмана, но только после смерти Скоропадского вышло наружу противоречие

между стремлениями русского правительства и малорусской старшины и повлекло к открытой коллизии.

Обыкновенно малорусские историки приписывают смерть Скоропадского тому удручающему впечатлению, какое произвел на него манифест Петра об учреждении Малороссийской коллегии, появившийся в мае 1722 г.¹⁵ Так это или нет, во всяком случае верно то, что не прошло и двух месяцев после обнародования манифеста, как гетман умер. Смерть эта была вполне «современной», так как Коллегия упраздняла гетманскую власть как высшую власть края. Во главе управления становился бригадир Вельяминов¹⁶ с шестью штаб-офицерами и капитаном гвардии, вместо прокурора; гетману по отношению к Коллегии оставалось лишь право совета. В то же время управление Малороссией переведено было из Коллегии иностранных дел в ведение правительствующего Сената, чем Петр открыто заявил, что он не желает признавать даже за Малороссией значения самостоятельного политического организма. Вообще после заключения Ништадтского мира (1721)¹⁷ Петр видел свои руки развязанными и приступил к Малороссии с решительными мерами. Учреждением Малороссийской коллегии он, с одной стороны, прямо брал в руки правление краем, с другой — вводил Малороссию в общую систему русских коллегияльных учреждений, с той разницей, что Малороссийская коллегия находилась не в столице, а в Глухове.

Но Малороссия еще не была достаточно подготовлена к новому порядку, как его понимал Петр. Это обнаружилось тотчас же после смерти Скоропадского.

Конечно, Петр меньше всего думал о новом гетмане, но тем не менее этот гетман явился, хотя и не настоящий, а временный. Когда Скоропадский умер, Петр был в отлучке, и Сенат увидел себя вынужденным передать наказное гетманство черниговскому полковнику Павлу Полуботку¹⁸. Полуботок был человек иного типа, чем Скоропадский. Хищный и настойчивый приобретатель, человек энергический, Полуботок умел преследовать свои цели. В данном положении его интересы как гетмана, хотя и временного, совпадали с его интересами как члена известной сословной группы, и он вступил в упорную борьбу с водворяющейся Малороссийской коллегией и ее президентом бригадиром Вельяминовым.

Малороссийская коллегия, плод воли и фантазии Петра, задуманный и осуществленный с задними политическими целями, была учреждением новым, без ясно выработанной программы действий, без точно определенных функций. Ее первой, заявленной громко, обязанностью было заботиться «о прекращении возникшего в судах и войске беспорядка», иначе говоря, служить высшей апелляционной инстанцией для местных судов. Не названной же открыто, но тем не менее ясно подразумеваемой обязанностью нового учреждения было сокращать, где и как возможно, местную автономию; впрочем, Сенат, вручая наказное гетманство Полуботку, прямо заявил, что как

Полуботок, так и генеральная старшина «должны во всех делах, советах и в рассылке универсалов иметь сношения с бригадиром Вельяминовым»; в особенности же строго запрещалась самостоятельная рассылка универсалов.

Как только Коллегия водворилась, она начала, конечно, согласно данным ей инструкциям преследовать две ближайшие цели. Первой целью было забрать в свои руки финансы Малороссии, второй — ставить препятствие усилению старшины. Между сборами теперь, как и раньше, первое место принадлежало сборам с винокурения, к которым относились покуховное и показанщина. Покуховное, заменившее собой винную аренду, в размере двух рублей от куфы (бочки), проданной враздробь, составляло главный доход, шедший на содержание войска. Кроме винокурения, облагались еще табаководство и пчеловодство в виде медовой и табачной десятины. Затем важным ресурсом скарба были хлебные сборы в виде войсковой части с мельниц, или «мерки» (дополнительный сбор с мельниц носил название поколющины и покабанщины). Индукта и эвекта (ввозная и вывозная пошлины) существовали по-прежнему и по-прежнему отдавались на откуп. Сверх этих общих сборов были еще сборы «на булаву» и на «кухню» с гетманских маетностей — не только денежные и хлебные, но и натуральные, в виде всяких продуктов и изделий, и такого же характера сборы ратушные с маетностей, приписанных к ратушам. Старшина, кроме доходов с ранговых и собственных маетностей, имела еще доходы случайные и неопределенные от «поклонов», весильных (свадебных) куниц и т. п., но характер этих доходов, имевших источником традицию, а не правовую норму, открывал такое поле злоупотреблениям и вымогательствам, что Скоропадский формально запретил самый распространенный из них, так называемый «ралець», или «на ралець» — подношения старшине на Рождество и Пасху.

Малороссийская коллегия решила взять в свое ведение все общие сборы, а также гетманские и ратушные. Производство сбора пока было поручено сборщикам из «их же, малороссийских людей», но для наблюдения над этими сборщиками приставлялись Коллегией добрые люди, по одному на полк; все сборы должны были поступать в Коллегию, которая уже имела их распределять «по пунктам Богдана Хмельницкого» и представлять в сенат приходные и расходные книги. Для увеличения доходов Коллегия — конечно, не по своей инициативе — решила привлечь к обложению общими сборами доходы с имущества всей привилегированной группы, т. е. казачьей старшины, церковей и монастырей, пользовавшихся до сих пор льготами даже по отношению к покуховному сбору.

Но то, что так легко осуществлялось на бумаге, не так-то легко было осуществить на деле. Не только гетман и генеральная старшина, но и старшина полковая и сотенная, — одним словом, весь состав местного управления, — был заинтересован в том, чтобы не допус-

кать замены старого порядка новым. При этом условия затруднения и препятствия для Коллегии, конечно, росли на каждом шагу. Прежде всего, она не могла добиться того первого и насущно необходимого, без чего нельзя было приступить к действиям — необходимых сведений и данных. Между генеральной старшиной с Полуботком во главе и Вельяминовым шли бесконечные пререкания, которые разрешались тем, что президент Коллегии, забывая необходимую дипломатию, кричал: «Я вам указ! Что вы такое предо мной? Ничто! Вот я вас согну — так, что и другие треснут. Государь указал переменить ваши давнины и поступать с вами по-новому...» Малороссийская коллегия обменивалась бумагами с Генеральной Войсковой канцелярией, шли приказы и отписки в полки и сотни; наконец, шли от обеих властей края взаимные жалобы в Петербург, а дело не двигалось. В такой бумажной борьбе между старшиною и Вельяминовым проходил год наказного гетманства Полуботка. В то же время из Малороссии посыпалась депутация за депутацией к Петру с просьбой разрешить выбор нового настоящего гетмана, «понеже без гетмана впредь во всяких делах управляться с великою есть нуждою и трудностью», но Петр оставался совершенно глухим к просьбам и ходатайствам, лишь раз отозвавшись в том смысле, что «не надлежит докучать в сем деле», так как он «имеет старание приискать в гетманы весьма верного и надежного человека»: об избрании вольными голосами уже не было и речи.

Может быть, старшина в своей борьбе с Коллегией и успела бы что-нибудь выиграть упорством своего пассивного сопротивления. Но у русского правительства, а следовательно, и у Коллегии, было в руках страшное оружие, создаваемое самим внутренним положением общества, тем развивающимся социальным процессом, который все резче противопоставлял привилегированных и непривилегированных как две враждебные стороны. Коллегия выступила с заявлением своей готовности стать на защиту непривилегированных, и этого было достаточно, чтобы сломить сопротивление старшины.

Наказной гетман прямо заявлял в Петербурге, что Вельяминов рассылал по полкам своих офицеров внушать посольству, чтобы оно не боялось ни своих владельцев, ни старшины. Было это так или нет, но народная масса действительно волновалась: в Коллегию сыпались жалобы на владельцев; появилось множество «ищущих казачества», т. е. казацких прав, якобы неправильно отнятых старшиной; были случаи и открытых насилий по отношению к лицам привилегированной группы. Чтобы оказать давление на посольство, Полуботок и генеральная старшина решили разослать по всем полкам универсал, обращенный к «легкомысленному посольству», которое не хочет отдавать владельцам надлежащего послушания, с угрозой брать таких непослушных подданных в тюрьму и по рассмотрению вины нещадно наказывать публично. Вельяминов воспротивился рассылке такого универсала на том основании, как он объ-

яснял потом в своем доношении царю, что после такого универсала «прочая старшина станет посольству против прежнего чинить немалые тягости без всякой вины», и советовал свидетельствовать тех, кто «чинит своим владельцам противности и по свидетельству учинять штраф, кто чему достоин будет, а не всем бы такой страх объявлять». Однако Полуботок с генеральной старшиной не только не воспользовался советом бригадира, но вопреки его прямому запрещению все-таки разослал универсал. Это уже было формальным нарушением ясно выраженной монаршей воли.

Может быть, именно это нарушение и было ближайшей причиной вызова Полуботка в Петербург, может быть, вся та совокупность отдельных мелких фактов, которая свидетельствовала о противодействии старшины с Полуботком во главе намерениям Петра, а может быть, Петр просто хотел удалить энергичного человека из Малороссии на то время, когда по смыслу новой инструкции от апреля 1723 г. Коллегия должна была окончательно водвориться на правах, еще более расширенных против ее первоначального положения, — ей теперь предоставлялось давать приказания полковникам помимо генеральной старшины. Полуботок с генеральными судьей Чарнышем и писарем Савичем прибыли в Петербург на вызов царя в начале августа 1723 г.

Но Полуботок явился не как обвиняемый, с оправданиями или просьбами о снисхождении и милости: наоборот, он явился с заявлением своей солидарности с остальной малорусской старшиной. Он привез с собою челобитную с настойчивой просьбой об отмене вводимых Вельяминовым налогов, а в готовый бланк вписал уже в Петербурге просьбу об уничтожении Малороссийской коллегии. В то же время в Малороссии шла деятельная агитация по поводу составления новых челобитных, которые доказали бы Петру, что желания наказного гетмана и генеральной старшины разделяются всей территорией, по крайней мере всей ее привилегированной частью. Вскоре подоспели в Петербург так называемые «коломацкие челобитные»¹⁹, названные так от р. Коломак, где малорусские войска осенью 1723 г. стояли лагерем. Одна из этих челобитных заключала в себе просьбу о выборе нового гетмана, другая — просьбы об отмене сборов, о сохранении старого суда и об освобождении от воинского постоя. Подписей под этими челобитными было так много, что они действительно представляли собой почти всю наличную старшину, которая подписывалась не только за себя, но и за товариство, т. е. рядовое казачество. Добившись такого результата, как «коломацкие челобитные» (с подписями, между прочим, и полковников Апостола, Милорадовича, Танского, Галагана, Маркевича), Полуботок мог бы считать свое дело выигранным, если бы имел дело не с Петром, но на Петра эта угроза Малороссийской коллегии, а вместе с тем и всем его планам, произвела действие, как раз обратное тому, на какое рассчитывали. До сих пор сдержанный

и снисходительный, он пришел в бешенство и тотчас велел арестовать Полуботка с товарищами. Неожиданный арест и сопровождавший его обыск раскрыли некоторые тайные нити, при посредстве которых Полуботок приводил в действие механизм задуманных им мер воздействия на Петра. Все это, само по себе довольно невинное дело, в данных обстоятельствах выросло до размеров крупного политического преступления. В Малороссию послан был майор Румянцев расследовать на месте, действительно ли челобитные есть выражение желаний всего казачества. По донесениям Румянцева выходило, что казацкая масса не знает о вымыслах старшины и не хочет ни выбора гетмана, ни уничтожения Коллегии. Таким образом, над Полуботком скоплась грозная туча тяжелых обвинений. Наказной гетман с товарищами сидел в строгом заключении в Петропавловской крепости, а дело его было передано в так называемый Высший суд. И хотя судебное следствие почти совсем рассеяло обвинения, выяснив, что гетман в своих действиях не выходил из пределов законности, подсудимые остались в крепости. Здесь Полуботок и умер год спустя после своего ареста (в декабре 1724 г.); через месяц с небольшим умер и Петр, а вместе с ним закончилась полоса напряженной политики, натягиваемой из всех сил энергичной рукой Петра, властно и уверенно распоряжавшейся средствами своего государства. Преемники Петра, не обладая ни его умом и энергией, ни его уверенностью в своем деле и положении, тотчас же ослабили напряженность этой политики, не меняя в существенном ее характера.

В момент смерти Петра политическое положение Малороссии было такое. Три малорусских члена Малороссийской, иначе Глуховской, коллегии, заменивших собою отставленную генеральную старшину, беспрекословно подчинялись Вельяминову. Коллегия теперь заняла фактически такое положение, какое ей желал отвести Петр. Не было противодействия, хотя бы и пассивного, так как в полках Стародубском, Черниговском и Нежинском полковниками были уже русские, в других исполняли обязанности полковников великорусские коменданты. Только в трех полках, Миргородском, Лубенском и Прилукском, оставались полковниками местные люди испытанной верности, однако тоже вызванные в Петербург по делу о «коломацких челобитных»: Апостол, Галаган и Маркевич²⁰.

Благодаря мерам, принятым Коллегией, сборы как денежные, так и хлебные возросли почти в четыре раза; военный постой был усилен — кроме драгунов, расположены были еще и гренадеры; около половины наличного числа казаков заняты были обороной границ от татарских нападений и постройкой крепости Св. Креста²¹. Положение края было тяжелое; Малороссия имела право вздохнуть с облегчением, когда до нее дошла весть о смерти Петра.

Старшину тотчас же выпустили из крепости. Едва Верховный тайный совет, учрежденный Екатериною²², открыл свою деятель-

ность, как занялся малороссийскими делами и постановил отменить новые подати и возвратиться в этом отношении к старым порядкам, а Коллегию оставить лишь как апелляционную инстанцию; местные суды должны были оставаться также на старых основаниях. Перемена лиц на троне не меняла нового, мирного настроения по отношению к Малороссии. Император Петр II ²³, заступивший Екатерину I, собственно Меншиков, который стоял за его спиной, в первое же заседание в Верховном тайном совете также занялся делами Малороссии и определил «к удовольствию тамошнего народа постановить гетмана и прочую генеральную старшину во всем по содержанию пунктов, на которых сей народ в подданство Российской Империи вступил». Малороссийские дела были снова возвращены из ведения Сената в ведение Иностранной коллегии.

Все вернулось, по-видимому, к допетровскому status quo, но только по-видимому. Пережитое не проходит бесследно ни для отдельного человека, ни для общества. Каких-нибудь пять-шесть лет спустя после смерти Петра Анна Иоанновна ²⁴ заявляет в письме к князю Шаховскому ²⁵, тогдашнему малороссийскому министру: «При блаженной памяти дяди (Петра I.— *Ред.*) самая перемена в правлении малорусском от народа с великою благодарностью принята, только старшине — грабительства и других злых намерений ради — то было противно». Но пока русское правительство не считало удобным бороться с тем неудовольствием, какое чувствовалось в верхнем, стоящем на виду, слое малорусского общества, тем более, что угроза новой турецкой войны заставляла придавать особое значение этому неудовольствию; может быть, и Меншиков, в данный момент богатейший малорусский землевладелец, находил для себя более выгодным именно такое направление малорусской политики. Он, как известно, принимал большое участие в назначении нового гетмана: временщик был корыстолюбив, а Даниил Апостол богат и поддерживал такие тесные сношения с Меншиковым, что даже сын Апостола воспитывался при меншиковском дворе.

Назначенный Петербургом на гетманство семидесятилетний миргородский полковник Даниил Апостол был возведен в гетманское достоинство 1 октября 1727 г. при соблюдении обычных приемов выбора «вольными голосами». Даны были гетману и «решительные статьи», хотя они больше напоминали своим содержанием милостивый манифест, чем статьи старых гетманов. Восстановлена генеральная старшина в полном ее составе. Однако при гетмане все-таки оставался русский «министр» для совета при делах гражданских, а в делах военных гетман подчинен был фельдмаршалу. Таким образом, русское правительство, и отказавшись от напряженной политики Петра, продолжало свое поступательное движение в раз принятом направлении.

Русское правительство, как сказано выше, отказалось от новых налогов, которые начала было собирать Коллегия, отказалось и от

самой Коллегии, взявшей в свои руки финансы страны. Но оно не могло отказаться от вмешательства в финансовые дела Малороссии, лишь надо было найти приличную и удобную форму такого вмешательства. Это щекотливое дело поручено было Наумову, который руководил избранием гетмана и затем должен был остаться в Малороссии в качестве министра. Но все старания Наумова добиться чего-нибудь путем соглашения со старшиной и духовенством были напрасны. Однако дело было слишком важное для того, чтобы правительство остановилось перед неудовольствием старшины,— и вот в «решительных статьях» является такой пункт, разрешавший положение новым способом: постановлено было для предупреждения гетманского произвола при сборе и расходовании учредить подскарбиев, одного из великороссиян, а другого из малороссиян. Таким образом, владея в лице подскарбия своим органом финансового управления, правительство имело всегда сведения о приходах и расходах страны, а следовательно, в случае надобности могло распоряжаться ими по своему усмотрению. Но пока оно ничем не пользуется и заботится не об увеличении, а об уменьшении сборов. Так, помимо уничтожения новых налогов, введенных Коллегией, были уничтожены Анной Иоанновной при восшествии ее на престол десятины с табака и меда, сборы с мостов, перевозов и гребель. Затем уменьшена была тяжесть военного постоя: он был ограничен шестью драгунскими полками. Пользование казацкими силами для государственных работ продолжалось и теперь, но в менее обидной для национального самолюбия форме: в 1731 г. 20 тыс. казаков и 10 тыс. крестьян отправлены были «на линию», т. е. для сооружения в качестве защиты от татарских набегов земляного вала с башнями между Днепром и Донцом.

Таким образом, гетманство Апостола представляет собою картину мирных отношений, как внешних, так и внутренних, вполне соответствующую мягкому характеру гетмана и его преклонным летам. Это не значит, конечно, что под этой мирной поверхностью не кипела та социальная борьба, которая представляла собой основную черту, характеризующую собою южнорусскую историю прошлого века: наоборот, податливость гетмана и мирное настроение петербургской политики лишь обостряли процесс, решительнее склоняя его в пользу старшины.

Крутые меры Петра, принизив старшину в политическом отношении, не коснулись ее богатств, основы ее общественного значения. Введение же в среду малорусской старшины великорусского элемента только благоприятствовало той бесцеремонности приемов, с какими старшина выступала по отношению к посполитым и рядовому казачеству. Отправляя Кокошкина полковником в Стародубский полк, Петр I дал ему в самых энергичных выражениях наставление насчет того, как он должен воздерживаться от взяток и иных притеснений своих полчан, но именно этот повышенный тон наставле-

ний и заставляет подозревать, что Петр сильно сомневался в исполнении своих инструкций. И действительно, малорусские чины из великороссиян, за небольшим исключением, действовали в Малороссии тем бесцеремоннее, что они не могли не видеть в «черкасах» людей иной, а следовательно, низшей породы. Члены Коллегии и «министры» при гетманах из корыстных расчетов охотно прикрывали всякие самоволия и насилия старшины,— тем охотнее, что сами не видели в этих самоволиях и насилиях, направленных против посполитых, ничего преступного.

Как бы то ни было, но старшина при Апостоле уже имела вид обособившегося высшего сословия. Кроме богатства, этому обособлению содействовало и образование: старшина времен Апостола, составившаяся из детей мазепинской старшины, по большей части получила образование если не в Киеве, то в иных «латинских школах»²⁶. Богатство же, соединенное с образованием, отражалось на всех особенностях бытовой обстановки и придавало членам этой группы тот культурный облик, который являлся как бы патентом на благородство. Но этот внешний вид благородства не освобождал тем не менее от необходимости иметь настоящий патент, т. е. что-нибудь что давало бы привилегированности юридическое основание: только такое основание обеспечивало и земельные приобретения, на которые опиралась привилегированность.

И вот именно с этого момента, с гетманства Апостола, начинаются стремления казацкой старшины выдвинуть себя в ряды русского дворянства,— стремления, которые только через 100 лет привели к окончательному результату. Первой попыткой в этом направлении была просьба Апостола императорскому правительству «об уравнинии малороссийских чинов с русскими табельными».

И по размерам своих земельных владений, и по отношениям к посполитым казацкая старшина была теперь высшим сословием в настоящем смысле этого слова: от времен гетманства Апостола сохранились документы, которые позволяют судить об этой стороне с положительностью. Дело в том, что в 1726 г. и в 1729—1730 гг. были произведены ревизии для точного определения количества владельческих земельных имуществ и проверка владельческих прав: сведения этого рода равно были необходимы как для императорского, так и для гетманского правительства. Первая ревизия, «офицерская», была произведена по распоряжению из Петербурга, вторая — самим Апостолом. Результаты второй ревизии, известной под именем «генерального следствия о маетностях» (полки Переяславский, Черниговский, Киевский, Гадяцкий и Прилукский)²⁷, обнародованы и дают возможность точно, статистически, определить процентное отношение посполитских земель, захваченных уже к началу 30-х годов XVIII в. частным владением.

Всего в частном владении находилось 23 279 дворов (считая и спорные), или 70 % общего числа их, в том числе значительный

процент (а именно 8274 двора, или 25 %) монастырских, и только 12 % свободных войсковых.

Вот сводная таблица маетностей и дворов, составленная по таблицам В. Мякотина и Н. Василенка:

Посполитые	Прилукский полк		Гадячский		Киевский	
	маетностей	дворов	маетностей	дворов	маетностей	дворов
Частновладельческих	51	2995	31	2066	34	702
Монастырских	12	618	5	215	118	4364
Спорных	—	—	—	—	12	614
Свободных войсковых	31	1455	—	—	10	614
Ратушных	—	—	—	—	—	—
Ранговых	8	278	5	704	21	702
Отписных на государыню	6	164	—	—	—	—
Замковых	—	—	29	2673	—	—
Оставшихся до указа	—	—	3	60	—	—
Итого	108	5510	73	5718	195	6996

Для того чтобы понять причину легкого сбыта крестьянами и казаками своих земельных участков, а также причину жадного стремления панства к закреплению труда, нужно знать, какое существовало в описываемую эпоху соотношение между стоимостью главных факторов сельского хозяйства — земли, хлеба и наемного труда. По собранным, пока скудным, данным можно видеть, что между 1730 и 1760 гг. в западной части Полтавщины цены на эти предметы были такие: день пахотной земли, или три четверти десятины, стоит 33 к., следовательно, одна десятина — 45 к.; годовой взрослый рабочий мужского пола получал платы 2,5 р.; четверть ржи стоила 80—90 к. Таким образом, за четверть хлеба можно было приобрести на вечность две десятины земли, а годовой рабочий зарабатывал денег на покупку 5,5 десятин*.

Эти цифры наглядно показывают, какие широкие размеры приняло земельное владение казацкой старшиной. По отношению к внутреннему содержанию землевладельческих прав, к тому, насколько владельцы успели отвоювать эти права у посполитых, дело стояло так. Посполитые из больших собственников, еще недавно распоря-

* При этом позволяем себе высказать желание, чтобы проживающие в Петербурге украинцы, кому дорого прошлое, разработали те богатые и разнообразные статистически-экономические данные, между прочим, и цены на земельные угодья и рабочий труд, которые заключаются в замечательном памятнике XVIII в., так называемой Румянцевской описи Малороссии²⁸, главная часть которой ныне хранится при Академии Наук.

жавшиеся своей землей, закладывая ее и продавая, теперь уже теряют это право и в случае ухода должны оставлять в пользу владельца не только землю, но и все возведенные на ней постройки: они могут захватить с собой лишь свое движимое имущество. По

Переяславский		Черниговский		Итого		В проц. дворов
магностей	дворов	магностей	дворов	магностей	дворов	
56	937	244	6526	416	13 226	40 %
30	1052	70	2025	235	8274	25 %
20	449	8	716	40	1179	5 %
42	1203	10	750	93	4022	12 %
6	336	6	103	12	439	1,5 %
11	153	20	561	65	2398	7 %
—	—	—	—	6	164	0,5 %
—	—	—	—	29	2673	8 %
—	—	—	—	3	60	—

165 4130 358 10 681 899 33 035

отношению к посполитым несобственникам, посаженным владельцами на скупленных землях, владельцы начинают хлопотать о лишении их права свободного перехода. Апостол, несмотря на свою большую податливость, отстраняет такие домогательства как противные «правам и вольностям» народа. Но он допустил обложить сбором на содержание полковых и сотенных канцелярий одних казаков, освобождая в интересах владельцев от этого сбора посполитых. Такой сбор, наложенный исключительно на казаков, являлся нарушением господствовавшего до сих пор принципа обложения. Этот специальный сбор на канцелярские надобности есть одно из проявлений забот Апостола о том, чтобы внести какую-нибудь правильность и закономерность в анахронизм патриархальных порядков, каких держалось малорусское общество. Патриархальный строй уже отжил свой век вместе с тем общественным единством, которое до известной степени характеризует собою Малороссию первой эпохи после Хмельниччины. Теперь, когда общество явно разбилось на отдельные группы с противоположными интересами, сделались необходимыми организованные учреждения, которые гарантировали бы личности известную необходимую степень правового порядка. За отсутствием этих учреждений общество погружалось в правовой хаос, на который действительно и слышатся теперь жалобы со всех сторон. Образуется стихия той мутной воды, в которой ловят рыбу сильные хищники. По отношению к одной стороне общественной

жизни это положение вещей обнаруживается с особенной силой и яркостью: подразумеваем суд.

Суд сделался в руках старшины могучим орудием для самых решительных бескровных побед над народной массой. Судебные несправедливости, соединенные к тому же с корыстолюбием судей, были тем слабым местом малорусской общественной жизни, которое давало русскому правительству наиболее удобный повод для вмешательства в эту жизнь. Когда умный и энергичный Полуботок взял на себя обязанности наказного гетмана, он, понимая положение, тотчас же принял некоторые меры для улучшения суда. Но все предпринятое им вменено было ему в Петербурге за самовольство и превышение власти и послужило лишним обвинительным пунктом. Но зато Апостол взял на себя эту нелегкую задачу и сделал, что мог, для ее разрешения.

В каком положении находился суд в XVIII в. до реформы Апостола — вопрос очень мало выясненный. Чтобы представить себе этот предмет, — хотя предположительно, но с известной степенью вероятности, — надо припомнить те данные предыдущей историей элементы, из каких он мог сложиться. Элементы эти: право громады судить каждого из своих членов и право каждого свободного человека искать суда там, где ему заблагорассудится (кроме исключительных преступлений, выделенных законом или обычаем из общего порядка, а также исключая мещан, которые имели суд, организованный по Магдебургскому праву). Верховное право суда, принадлежащее громаде, ясно выговорено Переяславскими статьями в таких выражениях: «Где три человека казаков, два третьего судят», повторяемых другими гетманскими статьями. Но как осуществлялось это право, мы имеем лишь намеки документов, восстанавливающие картину известного нам из более ранней исторической эпохи копного суда. Право же в тяжёбных делах искать себе вольного суда выражалось обращением к лицам, облеченным властью, а следовательно, и силой, необходимой для осуществления правосудия; такими лицами были гетман или заменяющий его генеральный судья, полковник, сотник, атаман. Но, как можно предполагать, право обращаться к этим лицам за судом быстро приняло характер обязанности, хотя, по-видимому, долго держалась известная свобода в выборе лица. Все эти лица были заинтересованы в том, чтобы привлекать к себе тяжущихся, так как обращение к такому суду, имевшее характер частной сделки, обыкновенно сопровождалось «выкладами» или «накладами» (то, что в более раннем праве называлось «закладами»): истец «накладывал» на ответчика известную сумму денег, т. е. вносил их судье, которому они служили вознаграждением за труд; при выигрыше тяжбы их уплачивал ответчик. При нареканиях на корыстолюбие судей наклады всегда упоминаются рядом со взятками, но это не был вид вымогательства, а известная особенность, необходимо сопровождавшая тяжёбный процесс в данных условиях, при

отсутствии постоянного официального суда. Естественно, что лица, облеченные властью, очень дорожили этой стороной своей деятельности. Сам Апостол, который больше, чем кто-нибудь другой, понимал недостатки старых порядков и желал нововведений, тем не менее лично для себя не мог отказаться от обычая и судил без соблюдения форм судопроизводства тех, кто к нему обращался, возбуждая тем сомнения и возражения со стороны русского «министра».

Как скоро суд этот потерял свой первоначальный, добровольный, характер, то его единогласность и безапелляционность сделались неиссякаемым источником злоупотреблений: полковники и сотники наживали себе состояние не только накладами, но и вымогательствами всякого рода, против которых не было никаких гарантий. Реформа Апостола, предпринятая с одобрения русского правительства, имела в виду бороться против этих зол тем, что утверждала инстанции и судебному персоналу придавала характер коллективности: в том же смысле думал преобразовать суд и Полуботок.

Новые судебные учреждения Малороссии должны были теперь представлять собой такую последовательность восходящих инстанций: суды сельские, сотенные, полковые и, наконец, суд генеральный. Генеральный суд, несмотря на стремление Петра преобразовать его устройством Судебной канцелярии, продолжал существовать лишь по имени: его составлял генеральный судья, без всякого определенного содержания своей деятельности. Решительными пунктами, данными Апостолу, Генеральный суд получал вид коллегии из трех малорусских и трех великорусских членов с гетманом в качестве президента. Он представлял собою высшую инстанцию для местных судов, но и на его решения можно было бить челом императору в Коллегию иностранных дел. В полковых судах должны были принимать участие, кроме полковника и полкового судьи, вся полковая старшина, в сотенных, кроме сотника и атаманов — «значное» войсковое товариство, т. е. более влиятельные из казаков. Таким образом, восстанавливался до известной степени принцип старого, народного, «громадского» суда. Суды по селам также должны были вершиться атаманом или с участием «трезвых и рассудных людей» из сельских обывателей.

Новые суды неотложно требовали писанного права. А между тем те права, которыми пользовались по традиции малорусские суды, т. е. Литовский Статут, Магдебургское право (Порядок) и Саксон, представлялись невразумительными по языку, устарелыми и вообще не соответствующими данным формам жизни, противоречащими друг другу и все вместе противоречащими праву русскому, которое вторгалось, помимо непосредственного жизненного влияния, и путем указов. Насущной задачей являлся перевод, а затем свод этих прав, так сказать, их кодификация. В этих целях Апостол образовал комиссию, которая работала еще долго спустя после смерти Апостола:

в результате ее пятнадцатилетних трудов был свод «Прав, по которым судится малорусский народ», оставшийся, однако, без практического применения²⁹.

Смерть Апостола в самом начале 1734 г. вернула политическое положение Малороссии к тому моменту, который она пережила со смертью Скоропадского. Правительство Анны Иоанновны решило следовать политике Петра и, пользуясь случаем, упразднить гетманство. Старшина, со своей стороны, понимала всю важность момента и спешила захватить гетманскую власть в свои руки, чтобы затем побудить правительство к скорейшему разрешению нового выбора. Таким образом, между «министром» и другими представителями русской власти в Малороссии и старшиной произошла некоторая борьба за власть, впрочем, не разрешившаяся никакими серьезными столкновениями, вроде того, какое имело место 12 лет тому назад: как только правительство заявило свою волю, старшина отступила беспрекословно.

Теперь Малороссия снова была переведена из Коллегии иностранных дел в ведение Сената. Управление было вручено коллегии из шести членов, — трех великороссиян и трех малороссов³⁰. Заявлялось открыто, что это «шестиглавое» правление учреждается до выбора нового гетмана, но по секрету сообщалось, что правительство не желает нового гетмана и что с гетманством все кончено. Старший из великороссийских членов Коллегии играл роль правителя Малороссии; правители эти то и дело сменялись, одни — оставляя по себе добрую память, как Барятинский, Румянцев, Неплюев, особенно Кейт, другие — дурную, как Леонтьев, но каждый из этих генералов фактически заменял собой упраздненного гетмана. О выборе нового гетмана не было и помина: на стороже у этого щекотливого предмета стало наводящее ужас «слово и дело»³¹, с которым в царствование Анны Иоанновны познакомилась и Малороссия. Вообще все это время, от смерти Апостола до конца царствования Анны Иоанновны, было тяжелым временем для нашей территории. Война польская, а затем длительная война с Турцией (1736—1739)³² из года в год требовали от Украины сил для новых походов под Азов, Очаков, в Крым, Молдавию; приходилось доставлять не только воинов, но и всякого рода материалы, съестные припасы, волов, работников. В то же время Миних требовал десятки тысяч людей, необходимых для сооружения задуманной им грандиозной «украинской линии»³³. И, наконец, самое тяжелое — Малороссия должна была в течение четырех лет содержать на зимних квартирах чуть не всю великорусскую армию. Такой обременительный постой сопровождался бы обидами и притеснениями обывателей даже и при лучших условиях, а здесь во главе армии стоял грубый солдат Миних, который относился к Малороссии и особенностям ее строя и учреждений с полным непониманием, крайним недоброжелательством и презрением. Известно его классическое изречение, публично произ-

несенное, о малорусских правах и законах: «Шельма писал, а каналья судил». В довершение всего на Украину проникла из-за Днепра как результат войны моровая язва.

От невозможности удовлетворить все требования разбегались села, жители которых укрывались в Польше или по слободам сильных людей, в особенности из великорусских генералов. Какую картину разорения представлял собою край, свидетельствует, например, следующий отрывок из письма Волынского к Бирону³⁴ (от 1737 г.): «Не осталось столько земледельцев, сколько хлеба им и для самих себя посеять надобно, и хотя и причтено то в их упрямство, что многие поля без пашни остались, но ежели по совести рассудить, то и работать некому и не на чем, понеже сколько в прошлом году волов выкуплено и в подводах поморено, ныне сверх того из одного Нежинского полка взято в армию 14 000 волов, от майора Шипова можете обстоятельно увидеть, какова стала Украина и сколько малороссиян поморено».

Только один внутренний вопрос малорусской жизни выступил на сцену за это тяжелое время — вопрос о казаках, и понятно: требования, с какими обращалось теперь правительство к малорусскому обществу, имели в виду прежде всего казаков. Поэтому выяснение сил и средств этой группы и ее организация, соответственная предъявленным к ней требованиям, сделались насущным интересом данного момента. Все, что до сих пор обнаруживало русское правительство по отношению к казакам, это была забота, чтобы казаки не переходили в посполитые, выраженная особенно в указах Петра Великого. Правда, в статьях первых гетманов, по старому обычаю, идущему от польских времен, всегда упоминалось число реестровых казаков, но русское правительство, по-видимому, не придавало этой стороне никакого значения, и после Мазепы пункт о числе казаков уже не вводится более в гетманские статьи. Но военные затруднения, наступившие после смерти Апостола, осветили этот вопрос с иной стороны: если раньше, при первых гетманах, была заинтересована в большом количестве казаков Малороссия, то теперь было в этом заинтересовано русское правительство. Однако теперь число это уже нельзя было определить выше 20 тыс. выборных (реестровых по старой терминологии), цифра указа Анны Иоанновны 1735 г. *: очевидно, сама жизнь уменьшила численно эту общественную группу переводением части ее в посполитые. В том же 1735 г., когда появился упомянутый указ, была произведена князем Шаховским³⁵, тогдашним правителем Малороссии, попытка организовать казацкую службу.

Мы не имеем точных сведений о том, в чем состояла эта попыт-

* По статьям Хмельницких, Богдана и Юрия, число реестровых казаков было определено в 60 тыс., Брюховецкого, Многогрешного и Мазепы — 30 тыс.

ка; по-видимому, она не вводила ничего нового, а лишь упорядочивала то, что существовало и до нее. Это доказывают и самые вновь появившиеся термины: казак-«выборный» и казак-«подпомощник». Казак-выборный — то же, что и реестровый, т. е. казак, служащий лично и внесенный в казацкие компуты, казак-подпомощник — тот член казацкой группы, который не служит лично, а вносит средства на вооружение и содержание выборного. Таким образом, казак-выборный содержался на средства своих родственников и подпомощников, на «складку». Следовательно, вся казацкая группа разбита была на маленькие союзы, состоявшие частью из родственников, частью из посторонних, связанных взаимной ответственностью. В центре каждого из таких союзов стоял казак-выборный. Вероятно, реформа князя Шаховского именно имела в виду упорядочить отношения выборных к подпомощникам, а вместе с тем упорядочить и самую службу. Казак должен был являться «по указной форме во всякой воинской исправности, и в умундировании в дву достойных лошадях». Подпомощники должны были «подпомогать казаков в лошадях, ружьи и в платье, харчах и в прочих воинских потребностях». Выборные казаки, находясь постоянно на службе, — если не на войне, то на форпостах, охраняя границы от татар, — освобождались от «сустентации консистентов», т. е. от военных постоев, но подпомощники не были свободны от этой тяжелой повинности, хотя несли ее в размере вдвое меньшем по сравнению с посполитыми. По-видимому, отношения выборных и подпомощников не были совершенно свободными от постороннего вмешательства: по крайней мере, слышатся часто жалобы на то, что старшина — собственно сотники — за деньги освобождает от службы богатых и заставляет служить бедных. Несмотря на заботы правительства о приведении малорусского казачества в лучший вид, Миних дает такой отзыв об их вооружении: «Половина их на телегах едут, и отчасти плохолоудны, отчасти худоконны, большую часть их мы принуждены возить с собою как мышей, которые напрасно только хлеб едят». Он сравнивает их с запорожцами (беглыми, как он выражается), из той же Украины, которые имеют и хороших людей, и сами люди добрые, бодрые, хорошо вооруженные; с 3—4 тыс. таких людей можно было бы разбить весь гетманский корпус. Очевидно, новое направление народной жизни, которое вело посполитых к порабощению, не было благоприятно и для свободной, т. е. казацкой, части малорусского народа.

Личная благосклонность к Малороссии и ее народу императрицы Елизаветы Петровны (1744) ³⁶ как бы отклоняет еще на два десятилетия течение малорусской политической жизни от принятого ею направления, но жизненная стихия, чуть-чуть поколебавшись, снова вступает в свое русло. Женское чувство Елизаветы не довольствуется тем, что она в угоду своему любимцу Разумовскому ³⁷, сыну бедной казацкой вдовы с. Лемеш, Черниговской губ., окружает себя

малорусским духовенством, осыпает дарами и почетом малорусских депутатов, являющихся ко двору, побуждает Сенат изыскивать средства облегчить малорусский народ в податях с целью дать ему оправиться от тягостей предшествовавших войн и постоев. Она готова возратить Малороссии все ее «старые права и вольности», но от этой формулы остался лишь намек на ее бывшее содержание. Елизавета стремится излить свою благосклонность на всех — и на старшину, которую желает высвободить из зависимости от великорусских чиновников, и на посполитых, которым возвращает право перехода, ограниченное было распоряжением местной власти. Путешествие Елизаветы в Киев (1744) было наглядным выражением ее малорусских симпатий. Оно взволновало край: близость всемогущей верховной власти побудила, с одной стороны, скрывавшиеся до тех пор неудовольствия выразиться в жалобах, иногда коллективных, как, например, прошение сотников Черниговского полка, направленное против полковой и генеральной старшины; с другой стороны, патристические стремления и чувства нашли удобный момент, чтобы просить о восстановлении гетманской власти, с которой единственно связывалось представление о старых правах и вольностях. Елизавета дала и на это свое согласие. Но именно на этом пункте яснее всего обнаружился призрачный характер всех этих восстанавливаемых наново «старых прав».

Правда, выбор гетмана «вольными голосами» уже давно отошел в область преданий: хотя форма избрания и сохранялась, но ни для кого не было тайной, что гетманы назначались из Петербурга. Однако назначение падало на таких лиц, на которых мог бы пасть и выбор. Мазепа, Скоропадский, Апостол — все это были старые местные люди, которые знали положение своей родины, дорожили ее интересами и защищали их по мере своих сил и разума. Теперь было иначе.

Гетманом назначен был брат фаворита, Кирилл Григорьевич Разумовский (1751)³⁸, — форма выбора имела на этот раз значение лишь театральной декорации. Новый гетман имел с Малороссией общего лишь то, что родился здесь и здесь прожил первые годы своего детства. Но затем он воспитывался в Петербурге и за границей, и его истинной родиной, родиной его сердца, куда стремились все его помыслы, был петербургский двор с его роскошью и великолепием. Несомненно, что молодой гетман не знал Малороссии и не делал усилий для того, чтобы узнать ее. За него делал эти усилия его ментор Теплов³⁹, который приехал вместе с ним: но приобретенные знания Теплов употребил не на дело созидания или поддержки местной жизни и ее самобытных учреждений, а на дело их разрушения; его «Записка о непорядках в Малороссии» позже, при воцарении Екатерины, с успехом сыграла свою разрушительную роль. Не имея сознательных симпатий к родине, им управляемой, Разумовский не имел и определенной программы своих действий, никакого

руководящего принципа. То он выступает как противник политической самостоятельности Малороссии, с успехом добиваясь, например, переведения малорусских дел снова из ведения Коллегии иностранных дел в Сенат — делает он это исключительно из личных враждебных отношений к президенту Коллегии; то является защитником ее прав и самостоятельности, например, в вопросе о выборе сотников вольными голосами. В общем Разумовский, действуя под влиянием старшины, обыкновенно старался отклонять введение общеимперских установлений, охраняя по возможности старое *status quo*. Однако ни это противодействие, ни благосклонное отношение Елизаветы к проявлениям малорусской самобытности и самостоятельности не помешало уничтожению индукты и эвекты (1753), т. е. таможен и таможенных сборов, отделявших Великороссию от Малороссии: таким образом, было уничтожено существеннейшее препятствие к слиянию территорий. Одним словом, несмотря на кажущееся изменение политики великорусского двора по отношению к Малороссии, в существенном жизнь не отступала от принятого ею направления. Не отступала она и по отношению к тому внутреннему социальному процессу, на котором мы постоянно останавливали внимание читателя.

Вышеупомянутый указ Елизаветы, разрешавший посполитым право перехода, явился результатом следующего обстоятельства. Еще в предыдущее царствование в связи с военными затруднениями момента, появилось распоряжение (1738), строго запрещавшее эмиграцию казаков и посполитых в Великороссию и в «другие, к тамошним краям лежащие места». Хотя распоряжение это касалось главным образом Слободской Украины, хотя оно, очевидно, не затрагивало переходов внутри страны, но страстное желание старшины, заправлявшей Генеральной Войсковой канцелярией, и вообще всей старшины и владельцев держать в руках посполитых помогло им перетолковать не совсем ясные выражения этого распоряжения в смысле запрещения переходов вообще. Указ Елизаветы 1742 г. направлен именно против этого пристрастного толкования. Таким образом, посполитые пока сохранили юридическое право свободного перехода, но фактически этот переход должен был часто принимать вид убега — посполитый был теперь социально слишком слаб по сравнению с владельцем, чтобы пользоваться открыто своим правом. В своих домогательствах, жалобах и просьбах владельцы выдвигают в качестве правовой опоры, как исконное право Малороссии, Литовский Статут, который возник на почве польско-шляхетских отношений и совершенно лишал посполитство не только земли, но и личной свободы. Землю посполитых владельцы уже успели перевести в свою собственность; дело стояло лишь за личной свободой, за свободой перехода. Этот последний шаг уже был подготовлен, но его нельзя было сделать разом. Последней переходной ступенью был универсал Разумовского (1761), в силу которого посполитые, оставляющие

своего владельца, уже не имели права захватывать свою движимость, якобы нажитую на владельческой земле, и, кроме того, должны были получать от владельца письменный отпуск. Конечно, все это ограничивало крестьянские переходы почти до полного их уничтожения. Так ничтожна была эта жалкая крупица свободы, которую оставило посольству царствование Елизаветы, хотя все-таки еще оставило. Внутренние процессы малорусской жизни двигались по тому же объединительному направлению, по какому вела эту жизнь сознательно политика русского правительства. И хотя воля Елизаветы и Разумовского и была как бы направлена к тому, чтобы охранить старые формы жизни от изменений, но сам же Разумовский написал в одном письме своем к Воронцову: «Украина, можно сказать, совсем переродилась, и совсем не то правление, не такие правители, не те, почитай, люди и, следовательно, не те уже и мысли в них пребывают». Достаточно сказать, что образованнейший человек своего времени, Яков Маркевич, оставивший нам свой любопытный «Дневник»⁴⁰, сам хлопочет перед русским правительством о назначении его полковником: настолько изменились понятия о праве. Реформы Екатерины нашли уже достаточно подготовленную почву.

Вступление на престол Екатерины II⁴¹ открывает собою заключительный фазис в истории самостоятельного существования Малороссии.

Патриархальные учреждения малорусского общества, своеобразная форма его быта, «смешение воинского правления с гражданским» — все это казалось просвещенной императрице неразумным варварством. Покончить с этим варварством представлялось ей не только выгодным с точки зрения правильного государственного расчета, но и необходимым с точки зрения ее либеральных идей и принципов.

Обстоятельства сами шли навстречу Екатерине II. Между малорусской старшиной открылась агитация в пользу того, чтобы просить правительство о наследственном гетманстве в роде Разумовского. Неизвестно, откуда исходила эта агитация: от самого ли гетмана или его недалевидных доброжелателей, а может быть, и от коварных друзей, между которыми на первом плане называли его бывшего ментора Теплова. При известном настроении правительства легко было придать этому делу политическую окраску. На гетмана, несмотря на всю его известную и искреннюю преданность престолу, пала тень. Будучи прежде всего царедворцем, гетман поспешил просьбой об отставке предупредить дальнейшую немилость. Просьба была принята благосклонно: гетман удалился, упразднение гетманства и учреждение на его месте снова Малороссийской коллегии⁴² уже не имели теперь, как прежде, временного характера. Екатерина не скрывала своих намерений насчет того, чтобы «век и имя гетманов исчезло, не токмо б персона какая была произведена в оное

достоинство». Учрежденная указом 1764 г. новая Малороссийская коллегия должна была состоять из четырех великорусских и четырех же малорусских членов; для уравниения между собой этих членов малороссы жаловались «табельными чинами»⁴³, которых так добивалась старшина со времен Апостола. Президентом Коллегии был назначен граф П. А. Румянцев⁴⁴, который с той поры в качестве «главного малороссийского командира» заправлял делами Малороссии в течение 25 лет, заправлял с такими обширными полномочиями, которые приравнивали его власть к власти гетманской: лишь введение Учреждений о губерниях положило известные ограничения этой власти. Румянцев был умным толкователем и надежным исполнителем планов Екатерины, касающихся Малороссии, — тем более надежным, что в его характере было много терпимости и спокойной осторожности.

Но и Екатерина, хотя более увлекающаяся, первое время своего царствования все-таки считала «непристойным» прибегать к резким мерам для уничтожения особенностей Малороссии, решенного ею в принципе. Наоборот: она допустила правящему классу малорусского общества провести такую крупную реформу, как введение судов по Статуту — подкоморских, гродских и земских⁴⁵. Реформа эта должна была ей представляться враждебной интересам государственного объединения, так как, с одной стороны, она была лишним шагом в развитии малорусских особенностей, с другой — этой реформой усиливалось значение старшины, получавшей теперь особые, шляхетские, суды, между тем как сама Екатерина видела в «беззаконном и корыстолюбивом своеволье этих маленьких тиранов» главную причину «сокровенной ненависти тамошнего народа против здешнего». Она допустила эту реформу, очевидно, лишь потому, что результатами ее явилось отделение «воинского правления от гражданского». Разумность этой реформы заслоняла в глазах Екатерины ее практическую невыгодность.

Вообще молодая императрица еще не потеряла веру во всепобеждающую силу разума и надеялась, что разумность задуманных ею преобразований покорит и уничтожит предубеждения малороссов. Но интересный эпизод со знаменитой Комиссией наглядно доказал ей, как неуместен был в данном случае такой оптимизм.

14 декабря 1766 г. был обнародован манифест о созыве депутатов в «Комиссию для сочинения проекта нового уложения и для советов о способах к достижению общенародного благоденствия». Тотчас же за обнародованием манифеста Румянцев разослал по Малороссии разъяснительные циркулярные листы, написанные «не в предложении точных мер, но в совет», и дышавшие искренностью убежденного человека, призванного к делу водворения «общественного благоденствия и народного счастья». Естественно было предположить, что малороссы, с их исконной привычкой к общественной самодеятельности, сочувственно откликнутся на призыв. Но вышло

не то. «Ослепленные любовью к своей землице», по ироническому замечанию Румянцева, малороссы находили, что их «законы и так весьма хороши», и что им нужно только «подтверждение старинных прав и вольностей»; вместо сочувствия и поддержки начинаниям правительства они обнаруживали «изумительное своеволие, доходившее до коварства». Край был взволнован «кривотолкованиями»; началась неурядица в выборе депутатов: жители уклонялись от участия в выборах, собрания расстраивались. Когда энергия Румянцева преодолела эти первые препятствия и собрания для выбора депутатов и составления наказов открыли свои действия, обнаружили дальнейшие затруднения. Наказы составлялись в духе, идущем вразрез с видами правительства. Шляхетство (так титуловался теперь высший класс малорусского общества, между прочим, и в циркулярах Румянцева), казачество, духовенство, частью горожане — все стремились к старине, «к умоначертаниям прежних времен», к договорным статьям Богдана Хмельницкого. Новые горизонты, открываемые императрицей, ее обещания «возвести малороссийский народ на высшую степень счастья» нисколько не пленяли малороссов, которые, по словам того же Румянцева, были убеждены, что «нигде нет ничего хорошего, ничего полезного и ничего прямо свободного, чтобы им годиться могло, и все, что у них есть, то лучше всего». Из всех наказов исклечение составляет лишь наказ черниговского шляхетства: благодаря усилиям предводителя Безбородька, он был составлен в духе желаний Екатерины и тем возбудил общее неудовольствие остальных украинцев. —

Румянцев увидел себя вынужденным сменить роль просвещенного руководителя и советчика на роль начальника, который должен силою подавлять «желания, несходственные с общим добром». Лично и через своих агентов, как русских, так и из местных людей, питающих «великое желание к чинам, а особливо к жалованью», он вмешивался в выборы, кассировал их, не допускал наказов с содержанием, «вовсе до них (составителей) не надлежащим» или очищал эти наказания «от закоренелых предрассуждений». При помощи таких предупредительных мер были выбраны от Малороссии 34 депутата: по 11 человек от шляхетства и казачества, 10 — от горожан и два — от Запорожья.

Не шло гладко и дальше. Екатерина надеялась, что когда малорусские депутаты явятся перед многолюдным собранием Комиссии, то сами устыдятся своих «вздорных вожелений» и откажутся от своих домогательств; что казачество из вражды к шляхетству станет на сторону правительства. Но шляхетство, даже в лице таких передовых по уму и образованию своих представителей, как лубенский депутат Григорий Полетика⁴⁶, не только не стыдилось своих требований, но с достоинством поддерживало их; казачество неуклонно следовало за шляхетством; и даже горожане, во время выбора депутатов и составления наказов воздерживавшиеся от неприятных пра-

вительству заявлений, хлопоча лишь об уменьшении податной тяготы, были увлечены на заседаниях Комиссии общим патриотическим настроением.

Комиссия, как известно, не достигла никаких практических результатов и была распущена после кратковременного существования (1767—1769), но это не значит, что она прошла бесследно. Не прошла она бесследно и для Малороссии. Одним из ближайших ее результатов было то, что Екатерина изменила свои оптимистические взгляды на малороссов и их настроения и пришла к убеждению, что по отношению к малорусским делам надо иметь, как она выражалась, «лисий хвост и волчий рот».

Румянцев был достаточно умным и гибким человеком, чтобы приспособиться к этой политике. Он взял на себя миссию подготовить Малороссию к принятию общерусских порядков и успешно с ней справился. Полтора десятка лет после созыва Комиссии прошли для Малороссии совершенно тихо, без всяких реформ или каких-нибудь крупных и заметных мероприятий со стороны правительства, но в то же время шла деятельная подготовка, направляемая умелою рукою Румянцева. Он выдвигал на ответственные посты умелых и способных людей, расположенных сделаться сторонниками новых порядков, и в то же время употреблял все усилия, чтобы приручить шляхетство — ту привилегированную массу, которая упорно держалась за старину, между прочим, и из страха за свою привилегированность. Он не только сумел рассеять этот страх, но и успел внушить уверенность, что вернейший путь к сохранению этой привилегированности есть правовое объединение с русским дворянством. Он сам деятельно расчищал путь к этому объединению. Дети малорусского шляхетства, как недворяне, не допускались к определению в Кадетский корпус, «так как в Малой России дворян нет», по заявлению Сената. При Румянцеве они были допущены, причем Румянцев доказывал, что у них не следует требовать документов о благородстве происхождения, так как «в прежние времена господствовавшей здесь простоты... затмилось благородство многих фамилий, хотя многие из них от польского шляхетства пришли». В тех же видах Румянцев пользовался разными случаями, чтобы производить отдельных представителей казацкой старшины в тот или другой чин табели о рангах. И, наконец, он доказывал петербургскому правительству, что пожалование малороссийского шляхетства «классными чинами, к которым оно, это шляхетство, имеет ревность», необходимо, так как оно «возбудит патриотизм к общему отечеству».

Когда период затишья, наступивший после закрытия Комиссии, сменился в начале 80-х годов периодом усиленных реформ, тотчас же обнаружился результат деятельности Румянцева: высший класс малорусского общества, еще недавно стоявший во главе оппозиции мерам правительства, теперь с полной готовностью пошел им

навстречу. К тому же и самый характер реформ, появившихся в виде указов, требовал лишь подчинения.

В 1782 г. было введено в Малороссии Положение о губерниях; в 1783 г. издан указ, запрещающий вольные крестьянские переходы; в том же году казацкие полки преобразованы в регулярные⁴⁷. Этих трех указов было достаточно, чтобы преобразовать традиционный строй территории в общерусский; историческая Малороссия перестала существовать. Малороссия была разделена на три наместничества с полным штатом общерусских губернских учреждений, заменивших старую полковую администрацию и статутные суды. Указ о воспрещении крестьянских переходов ввел в Малороссию настоящее крепостное право в той его типичной форме, которая уже два века как утвердилась в Великой России, положив свой отпечаток на весь ее социальный строй. Преобразование казацких полков в регулярные, карабинерные уничтожило казачество — ту основную стихию, из которой развилось малорусское общество.

Высший слой малорусского общества — прежняя казацкая старшина, теперь уже шляхетство — несомненно выигрывал от этих реформ. Учреждения о губерниях предполагали существование дворянства, и шляхетство само собой должно было заступить его место; в силу тех же самых Учреждений оно получало особый, сословный суд, в то время как статутными судами, по существу сословными, на самом деле пользовалось не только казачество, но частью даже и посольство. Прикрепление крестьян являлось увенчанием долгих усилий, какие само шляхетство делало в этом направлении. Наконец, при преобразовании казацких полков в регулярные на место уничтоженных «чинов национальных» казацкая старшина получила чины табельные⁴⁸, к которым она так давно стремилась. Оппозиция уничтожилась сама собой. Русское дворянство, вылупившееся из казацкой старшины, не имело оснований быть недовольным своим положением, особенно после дворянской грамоты 1788 г., так что легко примирилось даже и с тем, что ранговые имения⁴⁹ в значительной массе проскользнули мимо него и ушли к екатерининским вельможам: Румянцеву, Безбородьку⁵⁰, Завадовскому, Стрекалову⁵¹.

При таких обстоятельствах закончила Малороссия свое самостоятельное существование. В заключение мы имеем возможность представить, как малорусское общество само понимало свое положение и как понимали его другие, посторонние люди: эпоха Екатерины оставила некоторый материал как для одного, так и для другого.

Как понимали свое положение малороссы, главным образом по отношению к своим desiderata *, это видно полнее всего из наказов депутатам в Екатерининскую Комиссию. Наказы составлялись отдельно каждым сословием: шляхетством, духовенством, казачеством, горожанами. Таким образом, все общественные группы имели воз-

* Желаниям, нуждам (лат.).

возможность высказаться относительно своих нужд и желаний, кроме поспольства: представляя теперь лишь пьедестал возведенного на нем общественного здания, оно, конечно, могло иметь нужды, но, вынужденное к обязательному молчанию, уже не могло выражать желаний.

В эпоху Екатерининской Комиссии и наказов шляхетство в последний раз явилось в роли политического руководителя и представителя своей страны. В чем заключалась эта роль, об этом уже была речь выше: оно энергично представляло стремление всего малорусского общества к тому положению, «на каком Богдан Хмельницкий со всем малороссийской нации корпусом под державу великороссийскую приступил». Но это не значит, конечно, чтобы шляхетство желало возвратиться к той простоте общественных отношений, какая характеризует собой времена Хмельницкого. Наоборот: те же наказания показывают с полной отчетливостью, что привилегированный класс малорусского общества держал в голове, как свой идеал, положение польского шляхетства со всей полнотой его державных прав. Правда, имея в голове столь широкий идеал, оно на практике вынуждено было ограничиваться такими скромными домогательствами, как уравнивание малороссийских чинов с великороссийскими; но все-таки любопытно, что оно не только возрождало в душе польско-шляхетские традиции, но и смело формулировало их, отчасти в наказах, отчасти в речах и мнениях депутатов. Так, Полетика объяснял Комиссии, что малорусскому шляхетству после высочайшей власти должно принадлежать все правление дел в Малороссии, т. е. право устанавливать, отменять и поправлять свои законы, затем внутреннее самоуправление, основанное на свободном выборе старшины исключительно из своей среды и на полной независимости в деле податного обложения; далее, неприкосновенность личности и жилища, разные привилегии экономического характера, каким всегда пользовалось шляхетство польское, и, наконец, право свободного выезда в чужие края. Правительство запретило депутатам такую принципиальную постановку вопросов, так как «Комиссия не должна ни в чем ином упражняться, кроме того, для чего учреждена», так что малорусское шляхетство вынуждено было ограничиться обсуждением лишь частных вопросов, касающихся нужд и желаний своего сословия. Но все-таки даже и в постановке этих частных вопросов заметно влияние того же польско-шляхетского идеала. Конечно, лишь этим влиянием объясняется та уверенность, какую высказывает шляхетство в своих правах на полную свободу от каких-либо налогов или повинностей, личных или имущественных, земельных; той же свободы оно домогается и для своих посполитых. Посполитский рублевый вклад с жилой хаты, которым Румянцев заменил «консистентские дачи», вызывает крайние нарекания со стороны шляхетских наказов и депутатов.

Из этого же идеала исходили все заявления малорусских членов

Комиссии насчет недостатков во внутреннем управлении, т. е. администрации и суде. Не к казацкому строю времен Хмельницкого стремилось оно,— хотя и толковало постоянно о Переяславских договорных статьях,— а к тому исключительному господству шляхетского сословия, какое было до Хмельницкого, включая в сумму своих desideratorum * и шляхетские сеймы. Руководствуясь той же точкой зрения, просило шляхетство о свободе для себя торговли и промышленности, собственно свободного винокурения и беспошлинной торговли вином, как главнейшей, если не единственной в данный период, важной отрасли промысловой деятельности Малороссии.

Но любопытно, что относительно землевладения — этой существеннейшей шляхетской привилегии и основания всей привилегированности — высший класс малорусского общества ничего не заявляет и ни о чем не просит, кроме простого подтверждения своих земельных приобретений. Оно и понятно: он опасался затрагивать этот щекотливый предмет, хорошо сознавая, какого сомнительного характера были в значительной массе эти его приобретения, основанные на захвате ранговых маетностей и общественных земель, на противозаконной скупке казачьих грунтов, на разнообразных видах экспроприации казачества и посполства. Здесь ему действительно нужна была только санкция государства, которая дала бы легальные основания тому, что было их лишено, сделала бы устойчивым и твердым шаткое и сомнительное. По тем же соображениям не касалось шляхетство никакими заявлениями, ни просьбами и отношений своих к посполитым, хотя отношения эти составляли самое больное место в жизни шляхетства как такового. По совершенно правильному расчету, все должно было придти само собой, раз государство дало бы законное укрепление фактическим приобретениям — и все действительно пришло.

Симпатичной чертой шляхетских наказов являются ходатайства малороссов перед государством о содействии расширению образовательных средств для юношества обоого пола, чтобы оно могло получить высшее образование дома, на родине, а не за границей, куда имеют возможность посылать своих сыновей лишь очень состоятельные люди,— дочери же остаются совсем без образования. Вопрос о высшем образовании выдвинут был малорусским шляхетством и до наказов — в прошении, поданном Екатерине при восшествии на престол: еще тогда шляхетство просило об учреждении двух университетов и нескольких гимназий с типографиями при них.

Усиленно ходатайствовало о просвещении малорусское духовенство, которому также предоставлено было право на гласное обсуждение своих нужд и желаний,— особенно замечательны с этой точки зрения «киевские пункты»; оно просит поддержки не только для

* Желаний, нужд (лат.).

своих просветительных учреждений, Киевской Академии и Черниговского Коллегиума⁵², но и для дела книгопечатания и книжного обращения. Помимо этой стороны, все симпатии духовенства направлены к старине еще гораздо интенсивнее и гораздо осмысленнее, чем у шляхетства: оно лучше знало свою историю и не без основания видело в этой старине — не только до подчинения киевского митрополита московскому патриарху, но и некоторое время после этого подчинения, пока имела фактическую силу жалованная грамота 1688 г.⁵³ — нечто вроде потерянного рая. Современное положение представлялось духовенству в самом мрачном свете, и оно довольно откровенно выразило свое недовольство этим настоящим: недаром Екатерина была так предубеждена против малорусского духовенства, с его «честолюбием и зараженностью развращенными правилами духовенства римского». По отношению к частным желаниям можно сказать коротко, что белое духовенство стремилось к шляхетскому положению и домогалось всего, чего домогалось и шляхетство, включая сюда свободу своих подданных от податей и повинности и даже свободное винокурение; черное же духовенство, т. е. монастыри, больше всего жаждало утверждения за собой прав привилегированных крупных поземельных собственников.

Наказы мещанства, собственно городов — так как каждый город излагал свои нужды и желания особо — есть не что иное, как сплошной вопль. И вопль этот имел, по-видимому, вполне серьезные основания: положение городов, действительно, представляется крайне непривлекательным. Большие и старейшие из них — Киев, Чернигов, Стародуб, Нежин, Переяславль — продолжали пользоваться от польских времен Магдебургским правом, предоставлявшим городским общинам полную автономию, но и эти привилегированные города находились не в лучшем положении, чем остальные. Жалкий внешний вид, скудная численность населения (лучшие из городов Малороссии — Глухов, Чернигов, Лубны — считали число дворов сотнями), ничтожные торговые обороты и промышленная производительность, — все свидетельствовало о глубоком упадке городской жизни. Может быть, общие причины этого упадка лежали глубже, чем указывали их составители наказов, но и те причины, на которых они останавливаются, очень вески. Причины эти группируются по преимуществу около одного условия: вмешательства военного, шляхетско-казацкого, элемента, парализовавшего городскую жизнь. Шляхтичи и казаки жили в городах, но пользовались своим управлением и судом и не хотели знать городской общины. Они занимались торговлей и промыслами, следовательно, пользовались всеми преимуществами городской жизни, совершенно уклоняясь в то же время от вытекающих из нее обстоятельств, «считая себя одни шляхетством, а другие казачеством», как выражались горожане в своих жалобах. Таким образом, все повинности, кроме специально-городских, еще рублевый оклад и тяжелые натуральные по постоям и

подводам, а в военное время и доставке работников, скота и провианта,— все это несли одни мещане, не защищенные в то же время по отношению к своим специально-городским занятиям от конкуренции других сословий; по отношению же торговли они терпели еще и от конкуренции великорусских торговцев. Вследствие слабого развития городских занятий, т. е. промышленности и торговли, мещане находили большое подспорье в земледелии, но при общем грандиозном расхищении земель казацкой старшиной ушли в частную собственность и городские земли. Одним словом, положение городского сословия было такое, что оно не только не имело никаких видов на процветание, но уменьшалось даже в численности: мещане стремились к переходу в другие сословные группы, не страшась даже «подданства»: так тяжело приходилось иногда городскому обывателю.

Казацкие указы ярче всего свидетельствуют, как глубоки были изменения, происшедшие в малорусском обществе в течение последнего столетия его истории. Казацкая группа, еще недавно центральная часть общественного организма, по отношению к которой остальные группы были лишь придатками, теперь сама обратилась в ненужный придаток, обреченный на отмирание. Выше было указано, что в 30—40-х годах столетия численность выборных казаков определялась в 20 тыс. В 1764 г. в прошении Екатерине при восшествии ее на престол старшина указывала, что едва ли найдется 10 тыс. годных к службе — так быстро шел упадок казачества. Казак, т. е. одновременно воин и свободный земледелец, делался социальной ненужностью: постоянно растущее регулярное войско упраздняло его как воина, все растущая общественная дифференциация, делившая общество на землевладельца и крепостного мужика, упраздняла его как свободного земледельца. Земля ускользала у него из рук, а в прямой зависимости от этого увеличивалось казацкое оскудение. Сохранившиеся указы мало говорят о скупле казачьих грунтов старшиной — скупле, которая шла в самых широких размерах, несмотря на запретительные указы правительства, но до нас дошли сведения, что казацкое начальство прямо заставляло казачество выпускать из наказов все, затрагивающее этот щекотливый предмет. Вообще, все заявления казаков о своих нуждах и желаниях звучат как отголосок, как эхо пережитого прошлого, отошедшего в вечность. Казаки напоминают о том, что они «издревле пользовались шляхетскою честью и правами», толкуют о своих казацких вольностях, которые состоят в праве вольного выбора старшины, свободном пользовании своими «добрами» (т. е. земельными имуществами), в свободе винокурения и пинкования, в свободе от податей и прочих повинностей, исключая военную, особенно от мужицких работ. Они точно забыли, что пользование шляхетской честью и правами сделалось принадлежностью привилегированной группы, которая совсем не была расположена делиться с другими

своими прерогативами; что просьбы о вольном выборе старшины теперь, когда правление Малороссии находилось в руках русского генерала, есть неуместный анахронизм; что неуместна и просьба о свободе от податей и повинности, так как правительство, не находя интереса в военной службе казаков, не могло не смотреть на них лишь как на разновидность податного сословия, тем более, что и фактически, по словам самих казацких наказов, «смещение казаков с посполитым народом свойством и грунтами было бесконечное и непрерывное». Одним словом, казацкие наказы годились только на то, чтобы сдать их в архив, как сдано было вскоре и само казацкое сословие.

Итак, все сословные группы малорусского общества выражали большое недовольство своим положением. Но в то время как недовольство шляхетства, а отчасти духовенства, было доступно смягчению, для недовольства классов непривилегированных — в особенности посполства, лишенного даже возможности высказаться, — не было никакого выхода.

Но сословное самосознание, выражавшееся в наказах, по необходимости ограничивается известной стороной положения, по преимуществу материальной, экономической, отчасти правовой. Есть другие стороны, где общество забывает о своем сословном расчленении и сознаёт себя как единое целое, противопоставляющееся другим таким же, заключенным в себе единицам. Одно литературное произведение (по-видимому, того же десятилетия, как и наказаы) свидетельствует о национальном самосознании малорусского общества и о том, как оно проявлялось по отношению к Великороссии; произведение имеет вид диалога и называется «Разговор Малороссии с Великороссией»⁵⁴. Главное содержание этого «Разговора» — историческое: Малороссия вспоминает здесь свою историю, но с задней целью — доказать Великороссии путем ссылки на свои исторические заслуги права на признание своей исторической индивидуальности и вместе с тем отклонить постоянно всплывавшие на вид недоразумения и нарекания в политической «шатости». Существеннейший же пункт, который хочет установить Малороссия, есть то положение, что между Великой и Малой Россией «разность только в приложенных именах», зависящая от того, что «твои (великороссийские) пределы пространнее моих, а мои обширностями поменьше твоих», во всем же остальном «мы с тобою равны»; и что Малороссия поддалась не Великороссии «как обществу, а лишь государю» как «общему повелителю» одной и другой страны*.

Посторонние наблюдатели, оставившие нам свои суждения о Малороссии этой заключительной эпохи ее существования, — великороссы, и приговоры их составлены под давлением национальных и государственных пристрастий. Односторонность этих суждений,

* Киев. Старина. 1882. № 2—4.

конечно, находится в тесной связи с их официальным или официозным характером. Такова записка Теплова «О беспорядках, которые происходят ныне от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии», составленная для высшего правительства; такова записка Румянцева «О усмотренных в Малой России недостатках и неурядицах, о исправлении которых Малороссийской Коллегии трактовать должно». Мы не знаем побуждений, которые руководили автором «Замечаний, до Малой России принадлежащих», появившихся в свет несколько позже, в самом конце столетия, однако по духу и симпатиям относящихся к екатерининской эпохе, но автор этот — не менее крайний представитель государственных и объединительных тенденций, чем Теплов и Румянцев. Между этими тремя произведениями записка Теплова имеет, несомненно, выдающееся значение как по широте и основательности взглядов автора, так и по тому влиянию, какое она имела на политику Екатерины.

Все три произведения относятся отрицательно к особенностям малорусской жизни и ее самобытным стремлениям. Выражаясь менее сдержанным языком автора «Замечаний, до Малой России принадлежащих», малороссы, проявляющие такие стремления, есть люди «неблагомыслящие и казацким запорожским духом напоенные», «привыкшие к казацкому неурядиству, или своеволиям», «ничего не знающие и неблагодарные», а сами стремления «пахнут Мазепинским духом». Авторы не видят в малорусской жизни ничего, кроме беспорядков, недостатков и неурядиства. Но надо заметить, что Теплов подходит в своих суждениях довольно близко к истине, указывая на то, что действительно составляло коренное зло общественного строя Малороссии. Ясными чертами рисует он процесс, на котором и мы останавливали выше внимание читателя: как старшина и другие владельцы, мирские и духовные, позахватывали земли путем займа, скупки и разных злоупотреблений своею властью и обратили не только свободных посполитых, но и казаков в своих подданных. Для подтверждения этих положений он приводит цифровые данные, извлеченные им из ревизий. По так называемой офицерской ревизии, произведенной после смерти Скоропадского по указу Петра I великорусскими офицерами и отличающейся между всеми ревизиями наибольшей достоверностью цифр, сумма посполитских дворов — 44 961. В промежуток до гетманства Разумовского роздано из этой суммы не более 3000 дворов, а застал Разумовский свободными только 4000 дворов; остальные со всем своим естественным приростом исчезли, по донесениям старшины — убежали в Польшу, а на самом деле, конечно, переведены из свободных во владельческие. Казаков же, по словам Теплова, в его время было «списковых», т. е. всех занесенных в списки, от 15 до 20 тыс., а выборных, конечно, гораздо меньше: между ними значительное количество безгрунтовых, т. е. безземельных. Неточность ревизий,

«которые малороссийскими людьми чинятся», происходящая от того, что «ревизоры интерес в том имеют, чтобы число дворов утаивать», не позволяет Теплову ближе воспользоваться материалом этих ревизий. Затем Теплов указывает на недостатки «Малороссийского права», в котором первое место занимает Статут Литовский, «этот слабый и конфузный польский статут», по выражению резкого автора «Замечаний». Законы этого статута, по мнению Теплова, «для республиканского правления учрежденные, весьма несвойственны уже стали и не приличны малорусскому народу, в самодержавном владении пребывающему»; к тому же Статут становится постоянно в противоречие с «указами государевыми», а вместе с тем с Порядком Саксонским и Магдебургским правом, также признанными в Малороссии за действующее право. Все это дает повод к развитию ябедничества, относительно которого автор «Замечаний» свидетельствует, что «нигде и никакой народ к сочинению ябед и к продолжению тяжб, часто пустых и неосновательных, так не склонен и не жаден, как малороссийский». То же утверждает и Теплов: ябеда у малороссов, говорит он, в таком «кредите и почтении», что самые знатные отцы готовят к ябеднической профессии своих сыновей, проводя их через латинские школы в войсковые канцеляристы.

Малороссийские суды, градские, земские и подкоморские, заведенные с восшествием на престол Екатерины II, находят себе порицание как у автора «Замечаний», так и у Румянцева, который видит в этих судах затруднения, часто безвыходные, происходящие от разнообразных правлений и смещения воинских, гражданских и земских дел: по существу шляхетские, суды эти в действительности не только принимают на разбирательство казачьи дела, но и судебные уряды,— конечно, низшие, вроде возных,— выбирают людей «казачьей и поселянской породы». Затем оба автора указывают на бедность и общее запустение городов, на свободу винокурения, истребляющую лес и хлеб с ущербом для государственных доходов и народного здоровья, на низкий уровень промышленности и плохое состояние путей сообщения и т. п. Общее заключение, к которому приходит автор «Замечаний», очень печальное. «Малороссия,— пишет он,— в добронравии, в просвещении, в общежитии, в хозяйстве, в торговле, в рукоделии и во всем благоустройстве от всех прочих губерний (великороссийских) отстала и во всем их хуже». Развивая свою общую мысль, автор указывает между прочим на склонность местного простого народа к «лености и праздности» и на то, что «у малороссийских крестьян нет к своим господам того усердия и той верности, какую великороссияне имеют». Упрек едва ли справедливый: малорусские крестьяне не могли успеть воспитаться в духе верности и усердия к господам в течение немногих лет своего

закрепощения, необходимость которого так убедительно доказывал Теплов в своей записке *.

Наряду с социально-политическими переменами, какие пережило малорусское общество в течение XVIII в., естественно, шли и глубокие перемены культурные. Но мы не можем останавливаться на этой стороне предмета как выходящей из рамок поставленной нами задачи: коснемся лишь некоторых черт его, — тех, которые подводятся под термин «просвещение» в собственном смысле этого слова.

Начиная с Петра Могилы, почти в течение столетия южнорусские просветительные влияния господствовали над Северной Русью, и ими, конечно, в значительной степени подготовлено было то сближение с Европой, которое сделалось главным содержанием Петровских реформ. Киевская Академия была в течение этого времени «рассадником российских иерархов», а вместе с тем и руководителей просвещения. Как сильны и продолжительны были эти влияния, видно из того, что еще в 1754 г. императрица Елизавета приказывала Св. Синоду⁵⁶, чтобы он представлял в архиереи и архимандриты не одних малороссиян, но и из природных великороссиян. Конечно, это течение встречало в великорусской среде противодействие. Противодействие это сначала опиралось на соображение, что «люди казацкого рода», как «любопытательные и лукавнии человеци», должны уступать место москвитянам, умеющим «хранить отеческую веру непрременную»; позже, после Петра Великого, оно имело уже под собой более солидную почву в том факте, что Великороссия умела создать свои собственные просветительные учреждения. А между тем в самой Малороссии происходили — и происходили с чрезвычайной быстротой — изменения, которые имели своим результатом то, что просветительные влияния, направлявшиеся с Юга на Север, со второй половины столетия приняли обратное течение,

* Как обессилена была экономически народная масса, еще и до своего закрепощения, об этом красноречиво говорят цифры так называемой Румянцевской описи⁵⁵, т. е. общей подворной переписи Малороссии, производившейся в 1767—1768 гг. по распоряжению Румянцева. Вот несколько любопытных статистических данных, полученных на основании материала этой переписи. В Кролевецком уезде посполитых, частновладельческих и монастырских 1590 дворов, из них безземельных — 449 дворов, или 28 % общего числа; нищих, т. е. имеющих одну — семь десятин земли — 622 двора, или 39 %; грунтовых — 519 дворов, или 32 %, и подсоседков — 291 хата. В уезде Суражском: из числа 4384 посполитых дворов — безземельных 1515 дворов, т. е. 34 %; нищих (одна — пять десятин) — 995 дворов, т. е. 20 %; грунтовых — 1874 двора, т. е. 46 %. Степень обезземелений казаков видна из следующих цифр. В Кролевецком уезде из 1873 казачьих дворов безземельных — 334 двора, или 18 %; нищих — 598 дворов, или 32 %; грунтовых — 941 двор, или 50 %. В Суражском уезде: из 221 казачьего двора безземельных и огородников — 33 двора, или 15 %; нищих — 26 дворов, или 11 %, и грунтовых — 162 двора, или 74 % (Червинский Г. Материалы для оценки земельных угодий. Кролевецкий уезд. Чернигов, 1887; Филимонов. Румянцевская опись Суражского уезда 1767 г. Вятка, 1888).

направляясь с Севера на Юг. Малороссия частью остановилась в своем культурном развитии, а в некотором отношении даже двинулась назад.

Несомненно, регресс замечается в следующем. Выше было указано, какое широкое распространение имели среди массы малорусского народа школа и грамотность. Церковь, школа и шпиталь — три члена как бы единого учреждения, находившегося на попечении местного братства, — существовали повсеместно. В связи с их распространенностью выросла и особая социальная группа так называемых «мандрованных дьяков», складывавшаяся из недоучившихся студеев высших школ, — группа, которая доставляла школе преподавателей, а народной массе — посредников между ней и книжной наукой и искусством. Сама высшая школа не отказывалась от такого посредничества: она ставила вертепные драмы, устраивала публичные диспуты и диалоги на народном языке, чтобы сделать их доступными «и простому во множестве стекающемуся народу». Но по мере того, как расширялось и крепло крепостное право, все это отмирало само собой за ненужностью, как умирала и сама народная школа: то, что было удовлетворением нормальной потребности человека свободного, сделалось излишней и даже вредной роскошью для крепостного. Таким образом, регресс в области просвещения шел вполне параллельно с указанным выше развитием крепостного права*.

Но задержка культурного развития малорусского общества шла и в ином направлении, хотя в тесной связи с тем же социальным процессом. Малорусское шляхетство, на пути своего обращения из казацкой старшины в русское дворянство кидаясь во все стороны за дворянскими генеалогиями, старалось из всех сил доказывать, что оно «не здешней простонародной малороссийской породы». Культурное родство с крепачами кидало подозрительную тень на его привилегированность, и оно старалось рассеять эту тень. Отказаться от

* Вот «Статистические сведения об украинских народных школах и госпиталях в Малороссии в XVIII веке» А. М. Лазаревского:

<i>Полки</i>	<i>Число школ</i>	<i>Шпитали</i>
Нежинский	217	162
Лубенский	172	107
Черниговский	154	124
Переяславский	119	52
Полтавский	98	42
Прилукский	69	53
Миргородский	37	29

Сведения взяты из ревизских полковых книг 1740—1747 гг. семи полков. Книги Стародубского и Гадячского полков утеряны. И в приведенных сведениях есть пробелы, например, не показано число школ в г. Глухове и т. п. (Основа. 1862. Май).

К 1804 г., т. е. ко времени введения нового школьного устава, не осталось и следов от этих школ (*Ефименко П.* Народное образование в Черниговской губернии // Черниг. Зем. Сб. 1887. № 5—8).

языка своих крепостных, от национальной одежды, «начать не только говорить, но и петь и плясать по-русски», — по выражению одного современника, — все это было для нарождающегося дворянства делом простого расчета, так как «благородная жизнь» имела даже известную долю юридической силы среди генеалогических доказательств.

Но были и другие соображения, которые влекли высший слой малорусского народа к усвоению развивающейся великорусской культуры. Масса южнорусского юношества ехала теперь на Север, чтобы получить там образование, особенно техническое, в разных школах, которые начали заводиться с Петра Великого. Учреждения о губерниях, введенные Екатериной, потребовали бюрократов, которые опять-таки могли получать практический навык по своей специальности лишь в Великороссии.

Культурное объединение привилегированного слоя южнорусского общества с обществом севернорусским остановило дальнейшее поступательное движение самостоятельного малорусского просвещения. Его орган, литературный язык, развивавшийся из церковнославянского на народной южнорусской основе, вместо того, чтобы идти дальше по пути слияния с языком народным, прекратил свое естественное развитие *. Уже с 30-х годов начинается заметное влияние великорусского языка ** ; со времени же Екатерины это влияние приобретает характер господства. Высшая просветительная власть края — киевские митрополиты Гавриил Кременецкий и в особенности Самуил Миславский (1783—1796)⁵⁹ прилагали все усилия к тому, чтобы сделать складывающийся севернорусский литературный язык с его великорусской народной основой также и господствующим языком южнорусского общества. Сам член Российской Академии, следовательно, специалист по разработке русского языка, Миславский старался всеми силами ввести «великорусский слог» как в Киевскую Академию, так и в другие подведомственные ему местные просветительные учреждения. Приглашались учителя с Севера, местные студенты отправлялись на Север для изучения языка; преподавателям строго рекомендовалось «изъяснять свой предмет на российском языке с наблюдением выговора, какой наблюдается в

* Кроме летописей, диаприушей, проповедей и вообще книг религиозно-содержания и других произведений прозаических, а также стихотворений (например, виршей монаха Климентия⁵⁷, богатых бытовыми чертами), до нас дошли от первой половины XVIII в. несколько стихотворных драм, написанных на этом, т. е. славяно-малорусском, языке, из которых лучшие: «Владимир», трагикомедия Феофана Прокоповича, «Трагикомедия о тщете мира сего» Варлаама Лашевского, «Воскресение мертвых» Георгия Конисского, «Милость Божия... Украину через Богдана Хмельницкого свободившая» неизвестного автора. Но во второй половине столетия уже нет значительных произведений на этом языке⁵⁸.

** Юридическому и вообще деловому малорусскому языку нанес удар еще капитан Вельяминов, на что Полуботок жаловался Петру I.

Великороссии». Издавались руководства для малороссов, указывающие им особенности великорусского языка, дабы они не могли отговариваться неведением.

Прошло еще немного времени, и привилегированный слой малорусского общества, научившийся от своих русских учителей и французских гувернеров употреблению слов «национализм» и «патриотизм», уже связывал с этими понятиями не язык или самобытную культуру, а только лишь мысль о своих сословных прерогативах *, и непроходимая пропасть залегла между культурным классом и закрепощенным народом.

II

После разорения Чертомлыцкой, или Старой, Сечи полковниками Яковлевым и Галаганом ⁶⁰ Петр отдал приказ «вооруженною рукою воспрещать запорожцам селиться вновь в Сечи или в других прежних их жилищах». Запорожцы удалились на низовья Днепра и отдались под покровительство крымского хана. Тот принял их очень охотно и отвел под центральное поселение урочище Алешки на Кардашинском лимане Днепра, несколько ниже Кизикерменя ⁶¹; промысловые же уголья их могли раскидываться на огромном пространстве от Буга с Ингулом до Самары. Дело в том, что вследствие своей прутской неудачи ⁶² Петр должен был срыть Каменный Затон и Новобогородицкую крепость, согласиться на проведение границы между Самарой и Орелью ** и вообще не «вступаться более в запорожцев».

Запорожцы перенесли на новое место все свои старые общественные и политические учреждения, имели свои выборные власти, даже особого малорусского гетмана, состоящего под турецким протекторатом, в лице Орлика ⁶⁴, выбранного малорусской эмиграцией в преемники Мазепе, пока этому гетману не пришлось удалиться в Швецию после заключения мира между Россией и Турцией. Но тем не менее запорожцы не могли сжиться с новой родиной.

Прежде всего постоянно и горько заставляло вспоминать о поки-

* Когда в начале царствования Александра I герольдия ⁶³ начала делать затруднения для перехода старшины в дворянство, представители малорусского привилегированного класса пришли в большую тревогу. Более образованные из них, как, например, Полетика-сын, Чепа и другие, принялись изучать исторические документы, гетманские статьи, сеймовые конституции, историю русского и иностранного дворянства в целях почерпнуть аргументы для утверждения своих дворянских притязаний. Их деятельность увенчалась успехом, и по поводу ее они с гордостью говорили о своем «патриотизме», о «бескорыстном к отечеству соревновании», о том, «как приятно трудиться на пользу отечества» (сохранилась переписка этих «патриотов», как они сами себя называли).

** Прутский мир 1711 г., Адрианопольский 1713 г.

нутых живописных берегах Днепра самое положение новой Сечи среди камышей и песков. Это была настоящая «земля Агарянская»⁶⁵, где незначительная полоса плавней примыкала к песчаным кучугурам и солончакам: а у малоросса вообще, у запорожца в частности, была сильно развита восприимчивость к природе и ее красотам. Затем Запорожье, хотя и обособленное политически от остальной Украины, все-таки было связано с ней, в особенности с Малороссией, многочисленными кровными связями, которые порывались теперь внезапно и решительно. И, наконец, те материальные выгоды, какие представляла запорожцам «крымская протекция», не перевешивали собой материальных же невыгод, вытекавших из разрыва с Россией,— невыгод, какие запорожцы начали теперь живо чувствовать.

Выгоды, которые давала запорожцам крымская дружба, были ясны: это свободное добывание соли в крымских озерах и ловля рыбы на лиманах. Но и соль, и рыба служили предметом вывоза в Малороссию, а на торговлю с ней был наложен Петром запрет: Малороссии был запрещен ввоз рыбы из Запорожья, соли и прочего, например, волошских орехов и других произведений Юга, как и вывоз на Запорожье хлеба, табаку, горелки. Конечно, на пограничной линии, проведенной по равнине дикой степи, не особенно трудно было торговцам обходить и самые строгие запреты: но контрабандная торговля все-таки не торговля. К тому же чем дальше, тем больше начали выясняться следующие обстоятельства. Хотя Крым и принял запорожцев в свою «протекцию» с полной готовностью, но тем самым не могла быть сразу потушена взаимная антипатия и вражда, воспитанная веками. Крым относился к своим новым подданным с крайней подозрительностью. Запорожцам запрещено было укреплять и вооружать Сечь; они должны были делить теперь свои «степные угодья и пожитки» с дикими ногайцами, которые доходили кочевьями до самых днепровских порогов; наконец, Крым приписывал запорожцам все разбой в степях и нарушения границ, возлагая ответственность в виде тяжелых штрафов и уголовных наказаний на Сечь, хотя виноватыми бывали наряду с запорожцами и ногайцы, и просто вольные добытчики. В качестве вознаграждения за протекцию запорожцы должны были поставлять военную помощь хану, который старался отсылать своих ненадежных союзников подальше, например, в Кабарду, на Сулак; они вынуждены были даже участвовать в устройстве Перекопской линии⁶⁶, хотя запорожцам, которые, как и их братья — малорусские казаки, считали себя «против шляхты», казались унижением их достоинства земельные работы, приличные, по их мнению, лишь посполитому, а не вольному званию. В конце концов и вольное добывание соли стало подвергаться ограничениям под тем предлогом, что под видом запорожцев пользуются льготой и малорусские казаки. Таким образом, все больше и больше теряла под собою почву крымская партия с Горди-

енком во главе, стоявшая в тесной связи с малорусской эмиграцией и Орликом, который после Ништадтского мира⁶⁷ снова переселился из Швеции в Турцию. Начинает брать верх партия сторонников Москвы, руководимая Малашевичем⁶⁸. Из года в год тянутся на Север слезные прошения, направляемые через гетманов и других лиц к государю, о прощении и разрешении возвратиться «на первобытное место». Но прошения эти встречают у Петра лишь постоянный и крутой отпор. Да он и не мог действовать иначе: «первобытное место», территория Старой Сечи, находилась теперь за пограничной линией, и разрешить что-либо запорожцам значило объявить войну Турции, что не входило в его расчеты; отдельным же лицам он охотно давал разрешения возвращаться и селиться в Малороссии. Но вот Петр I умер, и Малороссия перестала ощущать тяжесть его железной руки; появился гетман Апостол, запорожцы почувствовали, что дальше ждать незачем и что надо действовать самим, и действовать решительно. В мае 1728 г. в Алешкинской Сечи, после 19 лет ее существования, произошел настоящий государственный переворот, положивший ей конец: партия сторонников Москвы появилась на челнах около Алешек, захватила кошевого Гордиенку, разбила лавки, разграбила и разогнала греческих и армянских торговцев, а затем запорожцы двинулись Днепром, с войсковыми клейнодами и имуществом, на Чертомлык, на место Старой Сечи, где и водворились было. Но не помогла и решительность: русское правительство все-таки не соглашалось принять запорожцев, и они через два года были опять вынуждены обратиться к крымской протекции. Теперь им отведено было для центрального поселения устье р. Каменка, выше Кизикермена⁶⁹, где им пришлось прожить еще четыре года. А между тем русское правительство, которое задумало укрепить южную границу возведением линии крепостей и редутов от Самары до Северного Донца (так называемая Старая Украинская линия), уже и само было непрочь привлечь запорожцев в видах охраны этой линии. Обе стороны лишь выжидали удобного момента. Такой момент наступил в 1733 г., когда русское и крымское правительства вмешались в дела польских партий и встали, таким образом, во враждебные отношения друг к другу. Запорожцы должны были вместе с татарами выступить открыто против русских, но вместо этого они покинули свое местопребывание и двинулись снова вверх по Днепру, чтобы устроиться на старых местах. Место для нового поселения, для так называемой Новой Сечи, они выбрали в восьми верстах от Сечи Старой, на правом берегу Днепра, на урочище Базавлук, почти окруженном глубокою речкой Подпольной. Первое время пребывания запорожцев на месте нового поселения русское правительство делало вид, что не имеет никакого дела до запорожцев, которые продолжают все-таки оставаться в пределах Турецкого государства; да и самим запорожцам приходилось лавировать, чтобы не навлечь открытым разрывом мщение, которое до-

лжно было обрушиться на отдельных членов запорожского общества, оставшихся по торговым и промышленным делам в Крыму и Турции. Но в конце 1734 г. уже был открыто объявлен переход запорожцев в подданство России: они уносили с собой назад и свою обширную территорию, которая, впрочем, принадлежала Запорожью лишь по праву захвата, не подтвержденному никакими трактатами, или «по неразграничению оной», выражаясь языком тогдашних документов. Когда год спустя началась турецкая война, запорожцы принимали в ней самое деятельное участие, оказывая помощь русской армии, главным образом в качестве партизан и разведчиков. Нисская конвенция, закончившая войну, окончательно определила границу между Россией и Турцией: на Левобережье эта граница (так называемая граница 1740 г.) шла по прямой линии от истоков р. Конские Воды до истоков р. Берда. Таким образом, запорожские владения вошли формально в состав Русской империи.

Запорожский Кош в последние 40 лет своего существования — эпоха Новой Сечи — выяснил окончательно свой строй как со стороны своеобразной красоты своих форм, так и со стороны глубоких недостатков своего содержания в смысле неприспособленности к новым течениям жизни. Многое, что выяснилось и определилось только теперь, в эпоху Новой Сечи, приписывается историками Запорожью и более ранних фазисов его существования: дело в том, что только строй Запорожья этой последней эпохи определяется документами ясно, как в общем, так и в частности.

Запорожье эпохи Новой Сечи представляет собой совершенно обособленный от остальной Южной Руси социальный организм. Это не значит, конечно, что Запорожье не знало никакой политической зависимости. Наоборот: зависимость от Русского государства начала обнаруживаться с первого момента, и чем дальше, тем сильнее давала себя знать. Как только появилась Новая Сечь, появился при ней и Новосеченский ретраншемент⁷⁰, в котором пребывал постоянно русский гарнизон; такие же гарнизоны находились в форпостах, расположенных по течению Днепра от устья Орели до Новой Сечи; киевский генерал-губернатор был вместе с тем и «главным командиром по запорожским делам». Таким способом гарантировало себя русское государство от запорожских «шатостей». В то же время, с самого первого момента вступления запорожцев снова в русское подданство, начался покровительствуемый правительством захват русской колонизацией запорожской территории, — захват, который имел своим последствием уничтожение Запорожья. Но и до самого этого последнего момента русское правительство все-таки не вмешивалось во внутреннюю жизнь этого своеобразного общества.

Территория запорожских владений, или «вольностей Коша Запорожского», в эту последнюю эпоху существования Запорожья занимала приблизительно две теперешних губернии, Екатеринославскую и Херсонскую, за исключением той части, которая лежит между

Бугом и Днестром. Конечно, границы эти были довольно неопределенны *. В главных пограничных пунктах, через которые шли пограничные сношения, у запорожцев были паланки, т. е. военно-административные посты, местопребывание, так сказать, областной запорожской старшины. В правильном соответствии с количеством политических границ и соседней паланок этих было пять: в Переволочной со стороны Малороссии; у крепости Козловской со стороны полков слободских; на р. Кальмиус со стороны казаков донских; против Очакова на Бужском лимане со стороны Турции и ногайцев; на Буге в запорожском Гарде со стороны Польши. Таким образом, обширные запорожские пустыни были разделены по управлению между центром, т. е. Сечью, и пятью округами, или паланками. Но пустыни эти начали усиленно привлекать к себе колонизацию из Малороссии и Польши, и Запорожье покровительствовало этой колонизации, видя в ней источник силы и развития; скоро обнаружилась недостаточность пяти округов с пограничными центрами для потребностей растущего населения. Уже в 1736 г. пришлось учредить шестой пост в Прогноях, на Кинбурнском полуострове; впрочем, устройство этой паланки обуславливалось не столько успехом колонизации, сколько необходимостью дать защиту людям, приходящим для добывания соли на тамошних озерах и рыбы на лимане. Увеличение населения вызвало перераспределение старых и устройство новых округов, так что общее число паланок в конце рассматриваемой нами эпохи было уже восемь **.

Население этого огромного пространства плодородной земли, богатой не только водой, но и лесом, пастбищами, рыбными и звериными ловлями, было крайне ничтожно. Конечно, мы не имеем точных цифр, но некоторые приблизительные статистические данные дошли до нас. По показанию одного современного документа, всего запорожского населения, перешедшего из крымского поддан-

* Вот как шли приблизительно границы Запорожья: от Крылова до Переволочной Днепром отделялись запорожские владения от Гетманщины; от Переволочной до Бахмута по Орели и Северскому Донцу шла граница слободских полков; от Северского Донца по Кальмиусу до его впадения в Азовское море граница владения донского казачества; от Берды к устью Конских Вод на Бужский лиман и вверх по течению Буга до Запорожского Гарда — граница самых беспокойных соседней Запорожья — ногайцев; дальше до устья Синиха и на Крылов запорожские владения соприкасались с воеводством Польши.

** Паланки эти следующие: на правом берегу Днепра — Кодацкая, которая шла от Никополя до Крылова, а в ширину до Тясмина и Виси, и Ингульская, или Перевеская, по Ингульцу (теперешние Херсонский и Александрийский уезды); на левом берегу — паланка Самарская, по обоим берегам Самары, Орельская — по рекам Орель, Богата и другим до Самары, и Протовчанская — между Самарскою и Кальмиусскою по рекам Протовча, Терса, Терновка и другими; на Буге — Буго-Гардовская, на Кальмиусе и Берде — Кальмиусская, и, наконец, Прогноинская — на Кинбурнском полуострове.

ства в русское, было тысяч тридцать; перед уничтожением Сечи другой документ исчисляет население запорожской территории в 100 тыс.; мы не имеем оснований подвергать обе эти цифры в качестве приблизительных большим сомнениям.

Запорожское население в рассматриваемую эпоху делилось на казаков и подданных, или посполство, которое не имело казацких прав и не несло казацких обязанностей. Посполство держалось лишь в паланках Кодацкой, Самарской, Орельской и Протовчанской, где были в небольшом количестве городки, села и хутора, средним счетом от 15 до 20 населенных мест на паланку (не считая зимовников) *. В остальных паланках, кроме постов, где жила старшина с казаками, были лишь зимовники и промысловые станы. В селах и хуторах перечисленных выше четырех паланок вместе с посполством жили и женатые запорожцы: семейная жизнь не лишала их казацких прав, но изгоняла их из Сечи, из куренного товариства. Мы не знаем, как относилось количество женатых запорожцев к остальной казацкой массе, но, по-видимому, процент их был невелик.

Но главная масса казацкого населения запорожской территории сосредоточивалась в Сечи, откуда постоянно расходилась на военную и промысловую добычу для того лишь, чтобы снова туда же возвратиться.

Новая Сечь, как уже было сказано выше, имела свое главное прикрытие в глубоком, судоходном протоке Днепра, носившем название р. Подпольной, которым она была окружена с трех сторон. Но она имела и искусственные укрепления, которые отделяли Кош от предместья, с одной стороны, и от паланки — с другой. Паланка представляла собой самую внутреннюю, защищенную часть Новой Сечи, как бы вдвинутую вглубь маленького полуострова, образуемого Подпольной: здесь находилась сечевая церковь, жили старшина и духовенство, помещались казна и канцелярия. Предместье, или Крамной базар, заключало в себе лавки и шинки, мастерские ремесленников, жилища приезжих торговцев, а также базарных атаманов и кантаржея, т. е. хранителя мер и весов.

Собственно Сечь, или Кош, представляла собою обширную площадь, вокруг которой было расположено 38 больших деревянных зданий вроде казарм, вместимостью на несколько сот человек каждая: это были курени, казацкие общежития. Но значение куреней было гораздо шире. На курени делилось все запорожское войско: курень был основной единицей самоуправления и вообще всей запорожской организации. Всякий, кто не только был в действительности казаком, но хотя бы лишь числился таковым — состарившийся

* Зимовник — хозяйственный хутор неженатых запорожцев, где проживали с хозяйственными целями один или несколько казаков-товарищей с молодиками и наемными рабочими.

или больной, неспособный к службе, женатый, следовательно, имевший прочную оседлость где-нибудь далеко, в паланке,— всякий должен был принадлежать к одному из сечевых куреней. Курень имел свою долю в пользовании угодьями запорожской территории: имел свою собственность в виде куренных дворов, лавок на базаре, и, следовательно, свои доходы, которые шли на покрытие расходов по содержанию казаков, получавших от куреня пищу, одежду и вооружение — одним словом, все необходимое; имел своего выборного куренного атамана, который пользовался в своем курене не только нравственным авторитетом, но и широкой юридической властью, административной и судебной.

Во главе центральной власти, заправлявшей делами запорожского общества, стоял кошевой, который выбирался всем «товариством» на год. Он пользовался как бы неограниченной властью, военной, административной и судебной: ему до самого падения Сечи принадлежало даже право жизни и смерти, как ни старалось русское правительство положить этому предел. Но эта неограниченность была лишь кажущейся: на самом деле над действиями кошевого деспотически тяготело общественное мнение, ближайшим выразителем которого были куренные атаманы — без их совета и согласия он не мог ничего предпринять. Всякий его шаг, сделанный наперекор общественному мнению, вызвал бы неизбежную бурю общественного негодования, и кошевой не только был бы тотчас же сброшен со своего достоинства, но мог бы подвергнуться и другим тяжелым неприятностям, даже смерти от побоев рассвирепевшей толпы. Кроме кошевого, звание войсковой старшины принадлежало еще судье, писарю и есаулу, которые выбирались вместе с кошевым. Судья был главным помощником кошевого не только в судебных разбирательствах, но и в других делах: ему поручались обязанности «наказного кошевого». Должность войскового писаря имела высокое значение: он не только составлял, но и подписывал все бумаги, хотя подписывал не своим именем, а известной формулой, служившей для обозначения войска. На войсковом есауле лежала обязанность приводить в исполнение решения и наблюдать за порядком, как в мирное время по всей запорожской территории, так и во время войны в лагере. Кроме центральной войсковой старшины, была еще старшина паланочная: в каждой паланке для заведывания делами выбирался полковник, соответствующий кошевому, есаул, писарь. Для приведения в исполнение военных предприятий — к которым приравнивались депутации в Петербург — выбирались специально походные полковники, а к ним приставлялась полковая походная старшина по тому же шаблону. Одним словом, правительственная организация запорожского казачества была крайне проста.

Верховная власть на Запорожье принадлежала самому войсковому «товариству» и его органу — «общей войсковой раде». Общая войсковая рада при обычных условиях собиралась раз в год, на

1 января: к Рождеству съезжалось в Сечь казачество из зимовников и с рыбных ловель для участия в этой раде. Все праздники перед выборами старшина угощала собравшееся товариство, между которым было значительное число «сиромах» — людей, «не имеющих у себя не точию лошадей или какого скота, но ниже на плечах платья», как характеризует их один русский офицер, проживавший в Сечи и наблюдавший войсковую раду в 1749 г.⁷¹ Во избежание излишнего пьянства и вытекавших из него беспорядков кошевой с судьей запечатывали на это время винные погреба и шинки. 1 января после обедни войсковая старшина со знаками своего достоинства в руках становилась около церкви в ряд до старшинству, куренные атаманы помещались тут же, образуя вместе с остальной старшиной круг. Вне этого круга теснилось рядовое товариство, наполняя собою площадь, так что остальные, не нашедшие себе места в паланке, взлезали на курени и на колокольню, толпились на валу и по реке. Рада открывалась тем, что метали жеребьи на промысловые угодья, собственно на рыбные ловли: все речки и озера запорожской территории, представлявшие собою интерес в качестве рыболовных угодий, делились таким способом между куренными. По окончании жеребьевки на звук литавр из куреней и из жилищ предместья еще прибывал народ, и приступали к выборам — труднейшей стороне запорожского самоуправления. Случалось, что выборы протекали «без худости, споров и бесчинств», но, по-видимому, такие «благополучные войсковые рады» не были обычным явлением. Случалось, что прибывшие во множестве сиромах производили буйства и драки между собой, так как разные курени выставляли и поддерживали своих кандидатов; в таких случаях доставалось и самому кошевому, который с помятыми ребрами спасался с рады в свое жилище и запирался там; случалось, что разбушевавшаяся толпа в конце концов кидалась на шинки и лавки предместья, и рада заключалась битвой с базарными, которые тоже не позволяли застать себя врасплох. Кроме кошевого, судьи, писаря, есаула с войсковыми служителями — довбишем и пушкарем, на этой же общественной раде выбирались полковники «до паланок», чем и заканчивались ее функции.

Но как ни привлекательна картина хаоса, какой представляла собой, например, запорожская рада 1749 г. по дошедшему до нас ее описанию русского офицера, все-таки, надо думать, ее стихийной неурядицей заправлял дух разумения и любви по отношению к своему обществу: иначе нельзя объяснить тот факт, что некоторые выдающиеся личности, умело руководившие трудным делом запорожского самоуправления, из года в год выбираются в кошевые: припомним Сирка, Гордиенка, Малашевича, Калнышевского.

Кроме общей войсковой рады, бывали рады куренные для выбора куренных атаманов и других куренных дел, рады паланочные (по отдельным паланкам), походные — в лагере, в военное время. Вооб-

ще, можно сказать, что без участия товарищества, особенно его старших членов — «значных», «стариков», не вершились на Запорожье никакие общественные дела.

Любопытно, что к числу этих общественных дел, вершившихся товариществом, запорожцы присоединяли и дело церковное: они упорно оберегали свою церковь от вмешательства внешнего духовного авторитета. До самого падения Старой Сечи им это удавалось вполне: признавая номинально власть московского патриарха, Запорожье в действительности имело дело лишь с «великим Киево-Межигорским Свято-Преображенским монастырем»⁷², который почитало за своего патрона и который поставлял на запорожскую территорию духовенство согласно желаниям и требованиям запорожцев, получая от них взамен богатую милостыню. Русское правительство принуждало Новую Сечь считаться с иерархическим порядком православной церкви и согласно его требованиям подчиняться власти киевского митрополита. Но, делая некоторые уступки этим требованиям, Запорожье не забывало само и не упускало случая напоминать другим, что запорожские церкви «искони древних времен ведущимся порядком построены войском, содержатся от оного и в главном и совершенном ведома войска находятся»: оно продолжало получать свое духовенство от Межигорского Спаса и заставляло это духовенство подчиняться «звычайной перемене», т. е. обычаю годового выбора. Каждый год в сентябре приезжали из Межигорского монастыря монахи; из них запорожцы выбирали себе до следующего года новое духовенство, если старое не приходилось по вкусу. Количество духовного персонала, потребное Запорожью, теперь уже не было ничтожным: на территории Запорожья находилось 14 постоянных церквей, кроме церквей походных, был даже и собственный монастырь, Самарский⁷³. На содержание церквей шла известная часть войсковых доходов, но главное свое богатство — а церкви эти были очень богаты, особенно же сечевая Покровская, — они почерпали в пожертвованиях отдельных запорожцев, которые, не имея семей, отдавали обыкновенно одну часть своего имущества, иногда и значительную, куреню, другую — церкви, на «честное» погребение и на помин души. Церковное благолепие и даже роскошь были одной из насущнейших духовных потребностей настоящего сечевика. При сечевой церкви, согласно общему южнорусскому обычаю, содержалась на счет войсковых доходов и школа, где учились грамоте и церковному пению «молодики» — мальчики, или привезенные сюда родичами на воспитание, или сироты, случайно подобранные. Церковному пению, которое высоко ценилось на Запорожье, учились при школе и взрослые казаки.

Обособившись в качестве военного братства от остальной жизни южнорусского народа, Запорожье развило в себе некоторые стороны этой жизни до такой своеобразности, которая придает этому социально-политическому организму черты полной исключительности.

А между тем несомненно, что Запорожье есть плоть от плоти того же украинского казачества, которое сохранило и развило в себе на просторе степей, вдали от государственного гнета, исторические основы старорусской жизни. Это проявляется во всем строе запорожского самоуправления, — проявляется особенно в суде.

Запорожье даже и в описываемую, последнюю, эпоху своего существования совсем не знало писанного закона. Круговая порука, связывавшая членов куреня, чрезвычайно облегчала и упрощала дело правосудия: курень зорко следил за поведением товарищей, так как нес за каждый их проступок всю тяжесть ответственности — материальной, если не уголовной. Взятие на поруки и очистительная присяга являлись такими деятельными элементами правосудия, при посредстве которых получало свой быстрый и простой исход множество дел. Если же дело становилось на тяжёлый путь, то тяжущимся предоставлялось право искать правды там, где им заблагорассудится: у паланочного полковника, куренных атаманов, войскового судьи, наконец, у самого кошевого, — в последнем случае с некоторым риском, так как тяжущиеся могли отведать и «киёв» (палок), если кошевой усматривал, что его побеспокоили без достаточного повода. В более значительных делах уголовного характера, где нельзя было прекратить ход правосудия вмешательством куреня, выступало на сцену «собрание Коша» — судебная сходка, или рада, соответствовавшая старорусской cope. Такая сходка и постановляла приговор, и приводила его в исполнение. Дознание производилось в случае надобности и «под пристрастием» (под пыткой). Военным, лагерным строем жизни Запорожья обуславливалось то, что уголовные наказания были суровы: секвестр, или тюремное заключение в пушкарне, сыром и холодном погребе, где заключенные томились голодом и холодом, привязывание к позорному столбу, кии, наконец, смертная казнь при посредстве виселицы, острой пали и тех же киёв, которыми должны были бить осужденного все присутствующие на сходке казаки. Утверждение смертного приговора, как и его отмена, входило в прерогативы власти кошевого. Значение куреня в деле правосудия, суровость уголовных наказаний — а может быть, и иные причины — делали то, что преступность в запорожском обществе, по-видимому, не была значительной. Наичаще упоминаемые преступления — нарушение соседних государственных границ наездами и грабежами, гайдамачество, — имели значение преступлений политических, на которые правосудие то смотрело вслед за общественным мнением сквозь пальцы, чуть ли не благосклонно, то взыскивало с особенной суровостью, смотря по обстоятельствам случая. Грабеж в данных условиях имел не столько характер посягательства на чужую собственность, как проявление молодечества. Вообще преступлений против собственности, значительность которых так характерна для современного общества, было мало на Запорожье. Путе-

шественник или торговец, снабженный перначем *, мог чувствовать себя безопасным в запорожских пустынях; в самой Сечи можно было оставить деньги на улице, не опасаясь их лишиться. Дело в том, что тип запорожской жизни и сложившийся под его влиянием характер запорожца были неблагоприятны развитию преступлений этой категории. В идеал запорожца, — конечно, сложившийся исторически в связи с формами быта, — входило своеобразное презрение к богатству, не презрение аскета, а презрение человека, не видящего разумного смысла в сбережении и накоплении. Для чего стал бы копить человек бессемейный? Энергия характера побуждала запорожца приобретать, но все приобретенное прогуливалось в несколько часов или дней в Сечи в одной гомерической пирушке, в которой принимал участие всякий встречный и поперечный. Горелка буквально лилась; встречные лавки откупались, и товары предоставлялись всем желающим. Все это продолжалось до тех пор, пока в кишени не оставалось уже ничего, и тогда герой дня сбрасывал с себя шелк и бархат, успевшие превратиться в грязные лоскутья, и оставался снова как был, в одной просаленной рубашке и шароварах, готовый опять запрячься в работу. Таким представляется нам запорожец не только по народным преданиям, но и по свидетельствам достоверных современников. При подобном отношении к собственности преступления против нее не могли быть значительными. Иначе, конечно, стояло дело насчет преступлений против личности, но масса их улаживалась куренями и куренными атаманами, и только небольшая часть, наиболее тяжелых, выступала на суд Коша. При отсутствии семьи нередки были, как и можно было ожидать, преступления против половой нравственности, к которым запорожское правосудие относилось с большой суровостью.

Описанный тип запорожца с его презрением к собственности мог, конечно, развиваться лишь на почве своеобразного запорожского специального строя, носящего на себе черты глубокого архаизма. До самого своего уничтожения Запорожье не имело института частной земельной собственности. Вся территория считалась общей собственностью войска, которою каждый его член мог пользоваться, как только хотел. Известным ограничениям подлежало лишь пользование рыболовными угодьями: выше уже было сказано, что угодья эти — лиманы, плавни, степные речки — делились по жребию между куренями, причем ежегодно совершался новый передел. Самая эксплуатация этих угодий также имела общественный характер. Многочисленные «тафы» (рыболовные артели) являлись на эти угодья — из которых самые ценные были на Днепре ниже порогов до устья и по лиману, на Буге близ устья Синюхи, на косах Бердянской, Белосарайской и Кальмиусской, — и сообща организовывали промы-

* Пернач — полковничья булава.

сел, откладывая часть улова на курень и войсковую старшину. Вообще, рыболовство стояло на первом плане среди хозяйственных занятий Запорожья.

Такой же общественный характер имело и звероловство в тех его отраслях, где оно было более значительным. На первом плане стояла ловля лисиц по берегам Буга: ею занимались артели «лисичников», которые платили в войсковой скарб и на церковь десятину лисицами.

Характер зарождающейся частной собственности представляли собой те отрасли хозяйства, которые известны под общим именем хозяйства сельского: земледелие, собственно хлебопашество, скотоводство и пасечничество.

«Заможный» (состоятельный) запорожец, один или в товариществе с приятелем, выбирал подходящее место где-нибудь в балке, на берегу речки или в речной долине и строил там себе зимовник. Для хозяйственных работ «господарь» приглашал еще двух-трех казаков и человек десять молодых или рабочих со стороны, нередко и бродяг без роду и племени, как это ни преследовалось администрацией Коша. Хозяйство зимовника состояло из хлебопашества и скотоводства. Посевы озимого хлеба были не в обычае: сеялись просо, овес, ячмень, гречиха, горох, также кукуруза, которую разводили на огородах вместе с огурцами, капустой, тыквой, луком и чесноком. Дело в том, что главную свою потребность в хлебе запорожцы удовлетворяли не собственным хозяйством, а царским жалованьем; недостающее шло из Малороссии. Сеяли хлеб около зимовника до тех пор, пока земля не истощалась; тогда зимовник передвигался на другое место. Собранный хлеб хранился в ямах. Тот же зимовник служил и для скотоводства, которое в данную эпоху еще имело для запорожского хозяйства гораздо большее значение, чем земледелие. Всюду в высокой траве лугов, на степных курганах чернелись пастушьи «коши», т. е. войлочные кибитки, около которых паслись целые табуны лошадей, огромные стада рогатого скота и овец. Как обширны были эти хозяйства у запорожцев, видно между прочим из таких цифр: при одном внезапном набеге татар у полковника Колпака было уведено 1200 овец, 127 лошадей и 300 голов рогатого скота, у другого казака взято было 250 лошадей и 70 волов, еще у одного казака — 5000 овец и т. д. Вот эти-то зимовники с их обширным скотоводческим и относительно незначительным земледельческим хозяйством и составляли тот зародыш частной земельной собственности на запорожской территории, который не успел развиться лишь за недостатком времени. Выше было сказано, что зимовники передвигались с места на место по мере того, как истощалась посевами земля вокруг. Но в описываемое время встречались такие зимовники у богатых казаков, особенно

у старшины, которые не так-то легко было передвинуть *. Такой зимовник представлял собой настоящий хутор со множеством солидных хозяйственных построек, включая и мельницы — при таких хуторах производились уже и посевы озимых хлебов, — с обильным хозяйственным инвентарем. Конечно, если запорожское общество допускало появление на своей территории этого уже в полном смысле слова недвижимого имущества, оно вынуждаемо было дать ему и необходимую правовую охрану, а отсюда — один шаг до признания права частной собственности и на землю, по крайней мере в пределах фактического, трудового, ее захвата.

С таким же характером и значением были и зимовники-пасеки, число которых было, по-видимому, также не ничтожным: меда и воска, несмотря на большое внутреннее потребление, оставалось еще и на внешний отпуск.

Крайне любопытной чертой запорожской общественной жизни является большое значение, какое имела для нее торговля. Казалось бы, это военное общество, представлявшее собою как бы один постоянный лагерь, с архаическими формами своего быта, с низким уровнем материальных потребностей, с презрением к сбережению и накоплению должно было стоять совсем в стороне от интересов торговли, так тесно связанных с интересами мира и культуры. Но это противоречие лишь кажущееся. На Запорожье действительно не было той торговли, которая характеризует собой общество, развитое экономически, — торговли внутренней: внутри своей территории запорожцы могли обходиться такими элементарными видами обмена, которые почти не нуждались даже в деньгах. Вся торговля Запорожья — исключительно внешняя, и причина ее возникновения и развития — в естественных условиях, в положении края. Захватив в свои руки значительнейшую часть такой важной водной артерии, как Днепр, запорожцы тем самым втягивались в торговое движение между Турцией и Русским Севером, которое пользовалось этим путем. Турция запрещала иноземным кораблям плавать по Черному морю, и суда с южными товарами — турецкие, греческие, крымские — сами поднимались в Сечь. Суда эти привозили вина, бакалею, восточные ткани, деревянное масло, дорогое оружие, а забирали частью товары русские и малорусские — железо, меха, кожи, полотна, коровье масло, частью запорожские — рыбу и икру. Территориальным же положением Запорожья, близким соседством его с соляными крымскими озерами, обуславливается то, что Запорожье

* Вот описание такого зимовника на р. Орель: три хаты, одна из них с комнатами, два амбара с рубленным погребом и конюшнями, четыре двора частокольные из доброго резанного дерева, досчатые; вблизи двукольная мельница со всеми принадлежностями. Инвентарь зимовника: 127 разного рода лошадей, быков и волов — 240, коров — 54, овец — 1200, остальной скотины не считано. Хлебного запаса в муке — 13 бочек, пшена — четыре бочки, жита — два больших засека и т. д.

сделалось посредником в этой крайне важной отрасли торговли, снабжавшей солью население огромного района. По отношению к соляной торговле Крым был в зависимости от Запорожья, которое могло не пропустить ватаг, шедших из Русской и Польской Украины за солью, через свою территорию, и требовал от чумаков пропускных билетов от Коша. С Кошем сносился он по всем соляным делам, извещал его о том, что соль, «сделав свое выстояние, села изобильно», извещал о состоянии пути и т. п. Запорожцы устраивали для чумаков перевозки и мосты не только в пределах своих владений, но даже и крымских, давали проводников и военный конвой от ногайцев. Одним словом, соляная торговля вся шла при деятельном участии Запорожья.

Но запорожцы не ограничивались торговым посредничеством. Богатая естественная производительность их дикого края направляла их энергию на то, чтобы пускать часть добытого в торговый обмен. На первом плане стояла рыба. Скушчики из Малороссии и Польши, турки, греки, армяне сами приезжали к ним за рыбою. Но благодаря обилию соли запорожцы могли заготавливать ее впрок, и соленую рыбу, икру, рыбий жир сами отвозили в Очаков или развозили по ярмаркам Русской и Польской Украины. Кроме рыбы, отводили они на ярмарки скот, в особенности лошадей, так как лошади запорожских степей пользовались доброю славою, особенно в Польше; шли также из Запорожья на Украину овечья шерсть и смушки. Обратно из Малороссии на Запорожье везли прежде всего водку, затем хлеб и вообще съестные припасы, рыболовные сети и нить для неводов, табак, полотна и простые сукна: все это двигалось или по тем же извечным шляхам чумацкими валками (обозами), или спускалось по Днепру до порогов, через которые уже переводили суда и плоты искусные запорожские лощмана.

Несмотря на относительно обширные размеры запорожской торговли, она, по-видимому, до последнего момента существования Сечи сохраняла по своим приемам очень упрощенный характер. Такой вполне достоверный свидетель, как академик Зуев, говорит по этому поводу: «Когда надобно бывало запорожцам менять рыбу на нужные для пищи вещи, то они о цене никогда не договаривались, а надобно вино, мука, крупа или другой какой хлеб, то даст бочку рыбы и за то получает равную того либо другого съестного запаса». С какими ограничениями надо принимать это свидетельство — вопрос темный; а что надо принимать его с ограничениями, видно из того, что на Запорожье имела обращение русская монета, причем вытекали торговые затруднения из ее недостатка, так как русское правительство умышленно затрудняло вывоз на Запорожье серебра и золота. Но если свидетельство Зуева применить лишь к торговле внутренней, все-таки оно переносит наше воображение во времена, очень далекие от современного экономического строя и понятий. Кроме самóй Сечи, другим торговым средоточием на запорожской территории был

Никитин перевоз (Никополь), где переправлялись через Днепр все правобережные чумаки.

Торговое посредничество и непосредственное участие во внешней торговле оставляло в руках запорожцев много ценностей, денежных и иных. Но обычай поддерживал низкий уровень материальных потребностей и полное равенство. Пища была в высшей степени проста, и не только в куренях, но и зимовниках, где господарь-казак ел вместе со своими работниками; презрение к изысканной одежде, как уже было сказано выше, входило в жизненный идеал запорожца. Хорошее, дорогое оружие составляло главный, если не единственный вид роскоши, какой позволял себе богатый запорожец.

Тот излишек, который оставался в руках запорожца за приобретением ценного оружия и промысловых орудий, шел, как уже было сказано, на кутежи, в которых принимали участие все окружающие, и на религиозные надобности. Если все-таки была потребность копить, оставалось только зарывать деньги в землю: отсюда, может быть, многочисленные, до сих пор обращающиеся в малорусском народе предания о запорожских кладах. Последние годы перед падением Сечи замечается как бы некоторый поворот: старшина начинает обнаруживать благодаря постоянным сношениям с Петербургом и вообще русскими наклонность к большей изысканности в образе жизни и обстановке: все это, конечно, в связи с зарождением частной собственности и расширением земледельческих хозяйств. При таком полукommunalном хозяйстве, какое велось на Запорожье, общее богатство народа не может быть связано с богатством войскового скарба общественной казны. В самом деле, доходы скарба в эту эпоху, видимо, более чем достаточны. Царское жалованье, которое продолжало выдаваться на Запорожье в виде денег, свинца и пороха, муки и крупы по расчету наличного количества казаков, теперь уже не составляет предмета таких постоянных забот и просьб, как это было раньше, в эпоху предыдущую. Сечь получала теперь значительный доход от многочисленных шинков, оставляя за собой как регалию право продажи напитков, но, кажется, не чувствовала себя в зависимости и от этого источника, так как всеми силами старалась не распространять, а уменьшать число шинков. Важный источник дохода составляли сборы с мостов, перевозов и конвоирования торговых людей. Наконец, все растущее оседлое население Сечи, т. е. подданные или посполство, вместе с женатыми запорожцами уплачивали в войсковой скарб подымную подать в размере 1 р.—1 р. 50 к. от хаты; судебные штрафы, конечно, также составляли доход казны. Часть добычи от звероловства и рыболовства тоже шла, по-видимому, на содержание старшины. Нельзя упускать и того, что каждый казак давал присягу, что все, добытое им на войне, он предоставит в курень для общего раздела на войсковое товариство.

Такое перечисление, конечно, дает нам лишь самое незначитель-

ное понятие об общественном хозяйстве Запорожья, тем более, что о расходах мы знаем еще меньше, чем о доходах. Главным расходом было, конечно, самое содержание войска, затем устройство мостов и перевозов, наконец, оборона границ от нападения со стороны степных хищников.

И в этот последний период существования Запорожья оборона от степи все-таки составляла самую насущную задачу жизни, главную повинность запорожского казачества. Степь в данное время представляла собой ногайские орды * с их дикими нравами и беззащитным хищничеством, которое делало невозможным мирную соседскую жизнь с ними. Почти до последнего момента своей жизни Запорожье организовывало сторожу, устраивало посты и объезды, бекеты (пикеты) и редуты с «фигурами» из смоляных бочек, которые зажигались в случае опасности, передавая таким образом весть о ней по всей линии.

Значение ногайцев опиралось, конечно, лишь на силу Крымского ханства, которое, в свою очередь, черпало ее из могущества Порты. Война 1736—1739 гг.⁷⁴ со взятием Очакова, с блестящими, хотя слишком дорогими и бесплодными по результатам победами Миниха показала наглядно, какого страшного противника имеет теперь Турецкая империя в Русском государстве: запорожцы, только что перешедшие, к началу кампании, в русское подданство и еще не успевшие устроиться как следует, сильно пострадали от этой войны, в которой принимали самое деятельное участие, сохранив лишь половину своего товариства, да и ту «голодную, босую и голую». В следующем большом столкновении России с Турцией, которое имело место 30 лет спустя ** и окончилось знаменитым миром в Кучук-Кайнарджи⁷⁵, Русское государство обнаружило такое развитие внешних и внутренних сил, что Турция оказалась для нее очень слабым противником. Высокая Порта вынуждена была, между прочим, признать независимость Крымского ханства и тем передать его под русское влияние. Ногайцы же, которые перешли в течение этой войны в подданство России, сначала были передвинуты правительством из Заднепровья на Левобережье, в северную часть теперешней Таврической губ.⁷⁶, а затем и совсем удалены от соседства Крыма и Запорожья за Дон. Этим было подорвано значение Запорожья для русского государства как сторожевой линии от Степи. Но не это было ближайшей, непосредственной причиной насильственного уничтожения Запорожья: этой причиной были пограничные споры.

* В это время ногайцы разделялись на три орды: Едисанская кочевала в нынешнем Одесском уезде, две другие — Едичкульская и Джамбуйлукская — кочевали по степям Левобережья, доходя почти до границ Полтавской и Харьковской губерний. Общая их численность не превышала 50—60 тыс.

** Первая Екатерининская Турецкая война 1768—1774 гг.

Пограничные споры и столкновения между Россией и Запорожьем, которые тянулись почти все время существования последнего Коша Запорожского, служили простым выражением того, что Запорожье с архаическими формами его быта, покоящимися на безграничном земельном просторе, не могло существовать бок о бок с Русским государством, которое быстро развивало свою культуру и требовало новых и новых земель для своего растущего населения. Всего несколько лет спустя после возвращения Запорожья в подданство России, в 1741 г., русское правительство отдало для поселения возвращавшимся беглецам запорожскую территорию около устьев р. Тясмин и на Днепре около устьев Орели, — и Кош на первый раз снес это нарушение своих прав без возражений, как снес и возведение нескольких русских укреплений со стороны польской границы. Но лет десять спустя, с начала 50-х годов, дело приняло угрожающий оборот. На территории Запорожья появились сербские выходцы с Военной Границы⁷⁷, которых русское правительство приняло в свое подданство, чтобы поселением их образовать на запорожских землях свою собственную Военную Границу. Одна часть их расположилась в северо-западных степях Запорожья, вдоль границ польских, с центром в крепости Св. Елизаветы (Елизаветград), и образовала так называемую Новосербию⁷⁸; другая часть была поселена по левой стороне Днепра, между р. Северский Донец, Бахмутом и Луганью и образовала Славянсербию⁷⁹. В то же время поселенные на северной границе Запорожья от Малороссии ландмилицейские полки⁸⁰ начали доходить своими захватами до р. Самара. Охваченное на своих собственных землях цепью военных поселений и шанцев, Запорожье разом почувствовало, что оно «убрано в мешок», и правительству остается лишь «завязать этот мешок».

Надо было как-то защищаться от надвигающейся грозной опасности, но о защите силой, конечно, не могло быть и речи. Запорожье начало действовать на легальном пути, доказывая свои права ссылками на историю, на документы и т. п., смазывая, конечно, тяжелый ход петербургского правосудия личными хлопотами при посредстве нарочных deputаций, взятками и подарками вельможам. Оно обнаружило во всем этом немало настойчивости, терпения; такую меру защиты, как усиленные хлопоты о заселении своих земель при посредстве слобод и заведения новых зимовников, нельзя не назвать даже мерой умной политической предусмотрительности. Но фактическое положение было для Запорожья в высшей степени неблагоприятно, и его шаткие права не могли устоять против натиска силы, облеченной в доспехи «государственной необходимости». В ответ на бесконечные запорожские жалобы и просьбы из Петербурга учреждались пограничные комиссии, не приводившие ни к чему, назначались описания земель, которых запорожцы так боялись, что всеми способами старались сами их отклонить. А между тем фактический захват их территорий шел в самых широких размерах. Года три-че-

тыре спустя после появления Новой Сербии, новая линия поселений — уже не сербских, а своих выходцев из Польской Украины, Молдавии и Великороссии (раскольников) — под именем Ново-Слободского казачьего полка⁸¹ выдвинулась далеко за черту поселений сербских и захватила прекрасные земли по обеим сторонам речек Самоткань и Домоткань, издавна занятые запорожскими зимовниками. Наступление неуклонно продолжалось и по другим линиям запорожского пограничья. Видя, что все их просьбы, хлопоты, комиссии ни к чему не приводят, запорожцы в отчаянии постановили на общей войсковой раде 1763 г. поручить полковнику Гардовой паланки силою не допускать захватов. Приказ был приведен в исполнение. В Петербурге это было сочтено за бунт. В видах водворения благоустройства и порядка в следующем же 1764 г. была учреждена Новороссийская губерния⁸², которая охватывала все новые поселения на Запорожской территории по одну и другую сторону Днепра. Централизация пограничных властей и учреждений сделала для Запорожья отстаивание «своих вольностей» еще затруднительнее, а наступление на них — решительнее. Местные пограничные власти, во главе которых теперь стоял новороссийский губернатор, выдвигали проект за проектом в целях оживления степей и укрепления южной границы государства; проекты эти предполагали запорожские владения пустыми, — о запорожских же правах совсем умалчивали. Наступившая турецкая война⁸³ ускорила конец. Указом 1770 г. было повелено возвести вместо старой Украинской, уже ненужной, новую Днепровскую линию крепостей, которая должна была проходить по середине территории Запорожья, и тотчас же приступлено к постройке некоторых из намеченных укреплений. Запорожье видело, что «его вольности» в глазах русского правительства не существуют. На один момент оживились было надежды запорожцев, когда в 1774 г. новороссийским генерал-губернатором назначен был Потемкин⁸⁴: Потемкина наивные запорожцы считали своим, так как он записан был в братчики Кущевского куреня, — баюство, которое позволяли себе некоторые русские вельможи, а с ними заодно и знаменитый математик Эйлер⁸⁵. Но именно этот-то братчик Потемкин задумал и нанес Запорожью окончательный удар.

В качестве представителя местной власти Потемкин видел теперь, как несовместимы ее интересы с существованием Запорожья. Запорожская свобода мешала водворению на соседних территориях порядка, который утверждался на полицейско-крепостническом строе; кроме Новороссийской губернии, которая напирала на запорожские земли с севера, вновь учрежденная Азовская губерния⁸⁶ требовала такого же расширения на счет запорожских земель с юго-востока. Потемкин быстро и легко переменял фронт. Еще недавно он был так благосклонен к Запорожью, что обменивался с кошевым самыми любезными письмами и подарками, посылал поклоны «товариству и всем серомахам» своего куреня; несколько

месяцев спустя он стоял во главе врагов Запорожья. Враги эти ставили запорожцам в вину все. Обвиняли их в том, что они не несут никаких податей и службы государству, хотя дело было после турецкой войны, когда, по общему признанию даже и тех же врагов, сечевики «оказали отличные опыты мужества и храбрости»; обвиняли в том, что, «одичав в своих ущельях и порогах, они приобькли к праздности, холостой и беспечной жизни и сделали себе из нее закон», чем подают соблазнительный и вредный пример остальным соседним русским гражданам; обвиняли, наоборот, и в том, что они заводят у себя хлебопашество и «тем расторгают самое основание зависимости от престола, помышляя, конечно, составить из себя посреди отечества область, совершенно независимую, под собственным своим неистовым управлением» *. Вообще, мотивировка запорожских преступлений может служить прекрасной иллюстрацией к известной крыловской басне. Русскому государству существование Запорожья, с одной стороны, было не нужно, с другой стороны — очень неудобно, и оно видело себя вынужденным его уничтожить — вот и все.

Еще последняя запорожская депутация была в Петербурге, теснясь в приемных вельмож и толкаясь по канцеляриям, как Потемкину дан был высочайший указ занять Сечь и Запорожье, занять по возможности без насилия и кровопролития. Потемкин поручил это дело Текелию ⁸⁷. Корпус Текелия, разбитый на пять отрядов, разом вступил на запорожскую территорию с разных сторон: один из этих отрядов, под личным предводительством Текелия, 5 июня 1775 г. занял самую Сечь. Все это было сделано так внезапно, так неожиданно для запорожцев, что действительно обошлось без всякого кровопролития. Сечевая крепость со всеми ее сооружениями и постройками уничтожена; кошевой ** и писарь отправлены в Петербург, остальная старшина арестована; имущество конфисковано; запорожцам предложено на выбор возвращаться ли на родину, у кого она была, или селиться в Новороссийской губернии в качестве людей свободного сословия, городского или сельского, или, наконец, записываться в пикинеры ⁸⁸. Но добрая половина запорожского казачества предпочла сама себе устроить выход из этого положения. Воспользовавшись оплошностью русского начальства, обманутого смиренным видом запорожцев, они в одну ночь на заранее подготовленных челнах уплыли вниз по Днепру в турецкие пределы.

* Подлинные выражения манифеста, обнародованного Екатериной по поводу уничтожения Сечи.

** Запорожская войсковая старшина осуждена была на пожизненное тюремное заключение ⁸⁹. кошевой Калнышевский — в Соловецкий монастырь, где он и умер в 1803 г., оставшись там добровольно после освобождения, которое последовало за два года до смерти; писарь Глоба умер в сибирском Туруханском монастыре в 1790 г., а судья Головатый — в 1796 г в Тобольском Знаменском (Киев. Старина. 1882. № 8; 1887. № 6).

Запорожское наследство было поделено между русскими вельможами: территорию обеих Сечей в количестве 100 тыс. десятин получил князь Вяземский, столько же — князь Прозоровский; когда выделены были крупные куски лучших земель влиятельнейшим, остальное раздавалось порциями от 1,5 тыс. до 12 тыс. десятин направо и налево всем желающим.

Была и еще одна причина, которая ускорила падение Запорожья, впрочем, и само по себе совершенно неизбежное: это вмешательство запорожцев в волнения южнорусского народа Правобережной, т. е. Польской, Украины, роль, какую играло Запорожье в так называемом гайдамачестве⁹⁰.

После того, как с началом XVIII в. Правобережье окончательно вошло в состав Польского государства и затихло здесь смятение, сопровождавшее Северную войну, Украина еще раз переживает то, что переживала после Люблинской унии — усиленную польскую колонизацию⁹¹. Но характер колонизации был теперь иной. Потомки старой украинской шляхты, выброшенные из своей родины и разкиданные по всему лицу Польской земли, шли теперь назад, на Украину, чтобы восстановить свои утраченные права — шли со смешанными чувствами страха и ненависти; скудное и, следовательно, бесильное население встречало их с чувством глубокой, хотя и затаенной злобы. Нелегко было шляхте разыскивать свои вотчины на территории, изборожденной пронесшимися над ней социальными бурями, не оставившими во многих случаях даже следов от существовавших поселений. Но зато раз шляхтич был восстановлен в своих вотчинных правах, он приобретал в людях, живущих на его землях, подданных, находящихся в его неограниченной власти: иных отношений не признавало польское право, принесенное теперь опять на Украину шляхтой. Вся беда в том, что людей этих было слишком мало: многие владельческие территории стояли совсем пустынными, как показывают дошедшие до нас люстрации. Надо было во что бы то ни стало добывать «живой реманент» (инвентарь). Магнатам, располагавшим большими средствами, это было нетрудно: они привлекали себе подданных из других частей Польши и даже из-за границы. Остальной шляхте приходилось зазывать население на «слободы». Давались очень длинные сроки свободы от всяких обязательств, от 15 до 30 лет, дальше на юго-восток, в Киевщине, даже и еще более долгие. Практиковались разнообразные способы и приемы для заманивания населения и переманивания его от соседей; около этого дела, как около выгодного «гешефта», нагревали себе руки люди, падкие на наживу, особенно евреи; владельцы устраивали охоты и облавы на беглого хлопа. Как-никак, а правобережная Украина заселялась; истекали и сроки свободы: к половине столетия изжиты были и самые длинные из них. Обременению подданного

теперь был один предел — страх перед тем, что он сбежит за границу, в дикую вольную степь, запорожскую или татарскую. Чем дальше от границы, тем положение хлопа становилось тяжелее, достигая чуть не крайних пределов физически выносимого: например, в Подольском воеводстве в половине столетия повинности хлопов, по дошедшим до нас статистическим сведениям, в переводе на рабочие дни превосходили в среднем 100 годовых дней, иногда достигали 200 и даже выше. На Волыни положение хлопа, конечно, было еще хуже, в Киевщине и Брацлавщине — несколько лучше. Между паном и хлопом по-старому стояли евреи, которые путем откупа известных доходов, на первом плане питейного, затем мытного и иных, со свойственной им ловкостью выжимали из посполитого все, что оставалось не выжатого прямым обложением в пользу пана. Положение народа по сравнению с эпохой до Хмельницкого еще крайне ухудшалось тем обстоятельством, что украинское панство сплошь сделалось польским и католическим; старый православный дворянин теперь уже был социальной невозможностью, нелепостью. Таким образом, южнорусский язык сделался «хлопской мовой», православие — «хлопскою вірою»; тем самым украинский народ погружался на дно социальной пропасти, без выхода и просвета.

Украина представляла собой в описываемую эпоху совокупность нескольких самодержавных магнатских государств, в промежутках между которыми были рассеяны владения простой шляхты. Между местными магнатами на первом плане стояли Потоцкие и Чарторыйские, за ними шли Любомирские, Ржевусские и Яблоновские: на огромных пространствах их владений, разбитых на «ключи», также находила себе приют масса шляхты, «приятели», «резиденты» и «слуги» панского двора, официалисты, исполнявшие при магнате и его огромном хозяйстве разнообразные обязанности, наконец, «державцы» (как бы арендаторы), простые или заставные, внесшие свой капитал в магнатскую кассу под земельное обеспечение, и вообще всякого рода «интересанты». Окружив себя этой шляхтой, составлявшей политическую силу, обставив себя роскошью и церемониалом двора, магнат в своем укрепленном зámке среди рабски зависимого населения чувствовал себя владетельным государем. Для полноты престижа ему необходимо было еще войско, и он непременно устраивал себе это войско. В качестве пехоты, служившей гарнизоном для зámков и иных укреплений, привлекалось относительно небольшое число немцев или поляков, конница же, более необходимая и потому более численная, набиралась из местного украинского населения. Известное число податных домов должно было поставлять для панского двора одного человека как бы на казацкую службу: человек этот освобождался от всех податных обязательств, получал от двора обмундировку, содержание и даже жалованье. Таким образом, получались надворные казацкие отряды, которые были в высшей степени полезны панам своим умением догонять и разыски-

вать в поле неприятеля — будь то татарин или свой брат, вольный добытчик. Обеспеченность с некоторым ореолом привилегированности среди безвыходно тяжелого положения остальной массы, и даже отдаленная приманка шляхетства, которым, случалось, одарялись выдающиеся по заслугам личности за свою службу, — все это гарантировало до известной степени преданность такого надворного казака своему пану. И казаки эти обнаруживали преданность ровно до того момента, пока не захватывал их взрыв народного возбуждения, смешивая с массой в общем чувстве ненависти и злобы. Такой момент повторялся в течение XVIII в. два раза⁹².

Однако эти моменты были лишь обострением того длительного явления, которое под именем гайдачества держало под своим гнетом жизнь края в течение всего столетия. Лишь только наступала весна, как на территории правобережной Украины все нерусское и неправославное ее население приходило в тревогу: укрывали ценное имущество и сами уходили под защиту замков с их гарнизоном или по крайней мере прятались на ночь в степи, поодиночке, скрываясь друг от друга из опасения, чтобы другой, даже и близкий, не выдал гайдамакам в случае пытки. А по краю рассеивались гайдамаки небольшими отрядами, и при полном сочувствии и помощи местного хлопского населения с успехом овладевали селами и панскими усадьбами, убивали людей, жгли и грабили шляхетское и еврейское добро; в особенности привлекали гайдамаков католические костелы с чудотворными иконами, и ни одна из этих святынь не избежала гайдамацкого нападения. В иные годы, когда гайдамаков было особенно много, они организовали нападения по образцу татарских набегов; пробирались в таких случаях вглубь края, пользуясь приемами описанной выше татарской тактики, и, если надо было овладеть каким-нибудь одним, более важным, пунктом, соединялись около этого пункта в большой «загон». Такое организованное предприятие имело непременно во главе своей какого-нибудь опытного ватажка, который «закладывал кош» в недоступном для польского войска месте, например, в Черном лесе * или в запорожской степи.

Вообще можно сказать с уверенностью, что, если б Украина не имела под боком политически самостоятельного Запорожья с его дикой степью и воинственными обитателями, выделявшими из себя умелых и опытных организаторов гайдамацких предприятий, конечно, гайдачество не приняло бы таких размеров. Но несправедливо было приписывать его сознательному содействию и руководительству, по инсинуациям поляков. Наоборот, кошевые власти, имея известную политическую опытность и понимание, старались изо всех сил препятствовать организации гайдамацких куп на запорожской территории. Но они не могли бороться с темными инстинктами

* Черный лес — северная, возвышенная часть нынешнего Александрийского уезда Херсонской губ., покрытая в то время лесом⁹³.

рядового товариства, воспитанными исторической традицией,— инстинктами, которые влекли запорожца, с одной стороны, к положению вольного добычника, с другой — направляли энергию этого добычника против тех элементов, от которых так страдала народная украинская масса. С этим ничего нельзя было поделать, и запорожское казачество постоянно выдвигало из своей среды гайдамацких ватажков.

На этом общем фоне гайдамачества, которое сделалось хронической болезнью правобережной Украины, выделяются отдельные моменты, когда движение принимало характер народного восстания, бунта,— всегда при каких-нибудь политических осложнениях и непременно с уверенностью в сочувствии и помощи России.

В 1734 г. русские войска вступили в Украину, чтобы поддержать вновь избранного короля Августа III⁹⁴ против его соперника Станислава Лещинского⁹⁵; от русских вышел приказ надворным казакам действовать против шляхетской партии Лещинского. Народ истолковал это обращение к казакам в таком смысле: «Дана воля грабить жидов и убивать ляхов». Все три украинских воеводства разом поднялись. Начались обычные сцены убийств и грабежей шляхетских и еврейских домов, костелов и вообще католических святынь, впрочем, не сопровождавшиеся особенными жестокостями. Между тем украинская шляхта отказалась дальше поддерживать Лещинского и признала королем Августа III; тогда русские войска принялись усмирять восстание. Началась повсеместная расправа с мятежниками; впрочем, шляхта сдерживалась в своей мстительности страхом лишиться «живого реманента», на приобретение которого было потрачено столько усилий.

Волнения 1768 г., или Колиивщина⁹⁶, со своим центральным пунктом в Уманской резне, была значительно меньше по размеру захваченной им территории, но гораздо интенсивнее по своим проявлениям. Колиивщина захватила лишь Киевское и Брацлавское воеводства, не коснувшись Волыни и Подолья.

Русские войска теперь опять были на Украине на помощь королю Понятовскому против барских конфедератов⁹⁷. С появлением их тотчас же разнесся слух, что русская царица хочет освободить украинских хлопов и что, следовательно, надо резать поляков и евреев. Подготавливалось это движение и организовывалось в монастырях и скитах, разбросанных по берегу и островам Днепра, по монастырским хуторам и мельницам в лесах Киевщины. Участие православного духовенства, и в особенности игумена Мотренинского монастыря Мельхисидека Значко-Яворского⁹⁸,— вероятно, преувеличенное поляками — является отражением высшей политики, взволнованной диссидентским вопросом. Но едва ли участие Мельхисидека или других лиц православного духовенства могло дойти до подделки «Золотой грамоты», или манифеста Екатерины, одним словом, како-

го-то документа, который несомненно был в руках у вожаков восстания.

Восстание вспыхнуло и распространилось с необычайной быстротой. Появился ничтожный гайдамацкий отряд и напал сначала на Жаботин, затем Смелу, дальше Лысянку. С каждым днем, если не часом, он все рос, все увеличивался в числе, так что, когда он подошел к Умани, в нем было уже до 20 тыс.; а в то же время мелкие загоны рассыпались по Украине, на север до Киевского Полесья, на юг до Дашева, Кальника, Балты, и встречали сопротивление лишь в надворной, немецкой или польской, пехоте: надворные казаки почти все перешли на сторону поднимающегося народа. Шляхта и евреи, кто не успел убежать, спрятались в Умани, большом торговом и укрепленном городе Потоцких. Во главе подступавшего к Умани гайдамацкого войска стоял запорожец Железняк⁹⁹. Защита Умани лежала на сильном надворном казацком отряде, начальником которого был сотник Гонты¹⁰⁰, выдвинувшийся своими заслугами и милостями своих патронов на шляхетское положение. Переход Гонты с казаками на сторону мятежников решил судьбу Умани и массы укрывавшихся в ней шляхты и евреев. Ужасы Уманской резни, подробно описанные разными лицами и в прозе, и в стихах, переносят нас во времена Хмельнитчины в самых резких ее проявлениях. Укрощение восстания опять выпало на долю русского войска с генералом Кречетниковым¹⁰¹ во главе. Региментарь польских войска Браницкий и его помощник коронный обозный Стемповский¹⁰² взяли на себя более легкое дело — судей и вершителей правосудия, призванных «гасить украинский пламень в хлопской крови». Деревня Сербы недалеко от Могилева, где вершил правосудие Браницкий, и в особенности Кодня около Житомира, где заправлял Стемповский, были свидетелями такой беспримерной и бессмысленной мести, выступавшей под вывеской правосудия, что несколько следующих поколений украинского народа повторяло как проклятие: «Бодай тебе не мынула святая Кодня!» Надо сказать к чести польского имени, что значительнейшие из украинских магнатов, на первом плане сам «королек Руси» Салезий Потоцкий¹⁰³, наиболее пострадавший материально, отнеслись с большим порицанием к действиям Стемповского.

Хлопские бунты 1789 г.¹⁰⁴ были, по-видимому, лишь выдумкой шляхты, политической уткой, выпущенной для того лишь, чтобы замутив воду. По краю пошли слухи о том, что всюду ходят «филипоны» (раскольники), подстрекающие хлопков к бунту от имени русского правительства, и что готовится новая Колиивщина. Заурядное убийство одного шляхтича с семьей приняло размеры потрясающего события, преддверия новой Уманской резни. Украинская шляхта была охвачена тревогой; учреждены были военные суды, наготовлены виселицы, но бунтов не было. Их не было бы, если даже допустить и полную готовность украинской массы повто-

речь 1768 г.: некому было взять на себя организацию, так как Запорожье уже не существовало¹⁰⁵.

Явление, совершенно аналогичное украинскому гайдамачеству, встречается и в другой области, заселенной южнорусским народом.

Выше, при изложении событий эпохи Хмельницкого, было сказано, что движение народной украинской массы отозвалось и на Галицкой Руси, особенно на так называемом Покутье¹⁰⁶. На том же Покутье, населенном украинскими горцами, или гуцулами, встречаемся мы в течение XVIII в. с местными гайдамаками, которые носят здесь название опришков¹⁰⁷.

Гнет польского права, налегший на Галицкую Русь с XV в., совершенно придавил народную массу; только горцы, сохранившие благодаря своему положению остаток былой свободы, сохранили вместе с тем склонность и способность к протесту против своих притеснителей. Кроме естественных территориальных условий края с его неприступными горами и непроходимыми лесами, куда можно было укрываться от властей, благоприятствовало населению и его пограничное положение между Венгрией и Волощиной (Молдавией): преследователи не имели права переходить границ, за которые свободно ускользали преследуемые. Вообще гуцулы, энергичные и смелые, искони веков привыкшие обращаться с оружием — в видах легкой наживы на счет своих притеснителей — охотно примыкали к предприимчивым людям, «ватагам», которые брали на себя организацию партий, действовавших не только у себя дома, но и по соседним территориям и даже за границей, в Молдавии и Венгрии. Выработались такие понятия и нравы, что каждый гуцул считал чуть-что не своей обязанностью побывать в опришках, хотя бы в течение нескольких недель. В основе организации опришков лежал тот же принцип казацкого братства. Получившие особую известность «ватаги» до сих пор воспеваются карпатскими горцами в их думах и песнях. Польша с ее дезорганизацией не могла никак справиться с этим явлением; только раздел ее, присоединивший Галицию к Австрии, положил ему конец¹⁰⁸.

Глава 8

УКРАИНА РОССИЙСКАЯ И АВСТРИЙСКАЯ В XIX в.

Казачество есть, несомненно, самое характерное явление южно-русской истории: в нем, как в фокусе, отразились все положительные и отрицательные стороны малорусской народности; с ним связан был расцвет политической жизни; им питалось по преимуществу поэтическое творчество украинского народа.

Предоставленная самой себе, малорусская жизнь снова и снова принимала формы казацкой организации. Разогнанные и разбежавшиеся запорожцы осели в виде казаков черноморских, или кубанских, задунайских, азовских¹. Массовые переселения, тянувшиеся через XVII в. из Украины на восток, в пределы Московского государства, дали существование обширной Слободской Украине², которая оказалась заселенной опять-таки казаками, получившими название слободских.

Слободская Украина занимала собою всю Харьковскую и части Курской и Воронежской губерний. Она раскинулась по татарским «шляхам», по «перевозам и перелазам», которыми пробирались татары в своих хищнических набегах и походах на Московское государство через «дикое поле»³, отделявшее Татарию от Московии и закрывшее собою следы какой-то древней культуры.

К тому времени, как направилась сюда малорусская колонизация, Московское государство уже успело захватить эту территорию и организовать на ней целую систему сторож и станиц, а для прикрытия сторож и станичников выдвинуло в степь городки: Белгород был центральным пунктом для всей этой великорусской степной окраины.

Первый крупный опыт массового переселения черкас — как обыкновенно называли в те времена московские люди малоруссов — относится к тому тяжелому для Украины времени, когда после смерти Сагайдачного ряд неудачных казацких восстаний, следовавших одно за другим, убедил украинцев, что они напрасно губят себя в непосильной борьбе с Польским государством. В 1638 г. в Белгороде появились с семьями и имуществом черкасы с гетманом Яцком Острианином⁴ во главе и просили у государя разрешения поселиться и устроить город на Чугуевом Городище⁵: их было в общей слож-

ности около тысячи человек. Однако этот первый опыт не удался. Воеводское ли управление не понравилось малороссам, или, может быть, были подстрекательства со стороны Польши, только чугуевские черкасы спустя три года после своего появления убили гетмана Острина и убежали назад. Выстроенный ими и заброшенный Чугуевский город был заселен московскими служилыми людьми и сделался опорным пунктом новой линии станиц и сторож, заменявшихся постепенно городами.

Новые массовые переселения связаны уже с эпохой Хмельницкого и следовавшей за ней «руины». Все судорожные движения, потрясавшие несчастный организм Польской Украины, давали отложения на пустынном приволье вновь возникающей Украины Слободской. Уже первая крупная неудача украинско-польской борьбы в битве под Берестечком дала первое значительное и организованное передвижение населения с полковником и старшиной во главе на берега Тихой Сосны, где явившиеся черкасы устроили по указанию московского правительства г. Острогжск и образовали первый из слободских полков — Острогжский; одновременно появляется и г. Сумы⁶, около которого, «на диком шляховом поле», поселились черкасы, составившие новый полк. Эта же первая переселенческая волна дала начало и иным населенным местам, в том числе Харьков и Ахтырке, которые тоже приобрели значение центральных пунктов для двух новых полков. Новое усиленное движение можно отнести к гетманству бесталанного Юрия Хмельницкого. И, наконец, третий подъем колонизационной волны совпадает с той эпохой, когда патриотизм ли, или честолюбие Дорошенки вызвали вмешательство Магомета IV, и Правобережная Украина в виду предстоящего ей турецкого подданства⁷ почти совсем запустела. К этому времени относится заселение южной части Слободской Украины, территории ее пятого полка — Изюмского.

Последнее массовое переселение малороссов в пределы Слободской Украины, пополнившее собою уже занятую территорию, относится к 1711 г., когда русское правительство окончательно отказалось от своих притязаний на Правобережье в пользу Польши⁸, которая теперь снова водворяла на залитой кровью украинской почве свое господство и право.

Итак, запустевшая Правобережная Украина в короткий промежуток от 1652 по 1711 г. дала существование целому краю, выросшему на пустынном просторе «дикого поля». Украина левобережная по мере роста своего населения и ухудшения жизненных условий для массы также давала сюда своих выходцев, так что правительство в XVIII в. сочло необходимым даже вмешаться в это дело и запретить переселения. Среди массы малорусского населения Слободской Украины было вкраплено, особенно по окраинам и в Чугуевском уезде, а также по городам, население великорусское, по преимуществу из служилых людей, позднейших однодворцев⁹.

Малороссы шли сюда не только с женами и детьми, со скотом и другим имуществом, но и со своим собственным жизненным укладом. Московское правительство не мешало им устраиваться «по их черкасским обыкновениям», иначе говоря, предоставляло им полное самоуправление: вмешательство воевод мы наблюдаем лишь в том, что они руководили постройкою городских укреплений. И не мудрено: государству было слишком выгодно иметь такой непроницаемый оплот от татарского хищничества, как сплошное черкасское население. Даже то, что вновь заселенная территория получила название Украины Слободской, уже показывает, как широко переселенцы пользовались льготами.

Легко предположить, что население, вышедшее сюда главной массой из Правобережья с его крайней необеспеченностью жизни, чувствовало себя хорошо в новых условиях. Край был богат всем, что ценил в силу своих исторических сложившихся привычек украинский человек: тучным черноземом, лесом, текучей водой; татарские набеги уже начали терять свою прежнюю интенсивность; к тому же хозяйственная заботливость московского правительства, которое возводило на угрожаемом пограничье валы и рвы с укреплениями, облегчала защиту.

Этим можно объяснить, почему смуты в соседних областях, т. е. в Левобережной Украине и на Дону, слабо отзывались в Украине Слободской: сохранились лишь известия о некоторых волнениях во время бунта Брюховецкого¹⁰. Правительство не раз давало жалованные грамоты слободским полкам как выражение своего благоволения за соблюдаемую ими верность. Но такое положение не могло быть устойчивым: между стремлениями Русского государства, особенно со времен Петра I, и тенденциями казацкого общественного строя было слишком много внутреннего антагонизма.

Правда, самоуправление слободских полков не имело того вида политической самостоятельности, какой гетманская власть придавала общественному строю Левобережья. Не имея над собою не только собственного гетмана, но и генеральной старшины, слободские полки находились сначала в ведении Разряда, потом Специального Приказа, далее Белгородского разряда, позднейшей Белгородской губернской канцелярии, в военном же отношении подчинялись белгородскому воеводе¹¹. Но тем не менее внутри полков слободским казакам предоставлялось жить «по их черкасским неотъемленным от них обычклым вольностям». Весь известный нам строй казацкой общности перенесен был сюда во всех своих подробностях, не подвергаясь никаким ограничениям: даже и в судебных делах, как и во всех иных, им предоставлено было «исправу чинить в правду по старым своим казацким обыкновениям». Наряду с этими правовыми стояли и самые широкие льготы экономического характера: слобожанам разрешено было «всякими промыслами их промыслять и товары торговать» (включая и важную отрасль торговли торской,

т. е. славянской, и бахмутской солью)¹², беспощинно «угодьями владеть и вино курить и шинковать безоброчно», в особенности же «заимки занимать» и «заводить пасеки и всякие грунта». Все это рассматривалось как государево жалованье за казацкую службу: известная часть казаков должна была служить конно, а «доставные помогать в службе по их обыкновению».

По-видимому, допетровское государство не касалось — по крайней мере не касалось прямо — казацких порядков; но их не могло обойти беспощадное строительство Петра. Петр мог производить самые крутые перевороты, как бы даже не замечая того, что он делает, и не стесняясь притом выражать уверенность, что он свято хранит старые права и вольности.

Прежде всего он обложил было рублевым окладом казацких подпомощников, т. е. тех казаков которые служили не лично, а материальной помощью казакам выборным. Потом он отменил этот сбор, но зато декретировал целый ряд крутых мер: установил определенное число выборных казаков для каждого полка — для всех пяти полков 3,5 тыс. человек; ограничил право выбора полковников, которые должны были утверждаться, а в случае неутверждения и прямо назначаться государем, причем налагались ограничения и на выборы прочей полковой старшины, а также сотников; приказал судебные дела уголовного характера перевести в распоряжение Белгородской и Воронежской губернских канцелярий. Легко представить себе, какой крупный ущерб нанес Петр казацкому самоуправлению, которое уже затем, и при более благоприятных условиях, не могло возвратиться к старой норме. К тому же немало пострадала Слободская Украина при Петре и в экономическом отношении: азовские походы¹³, нашествие Карла XII с расквартированием русских войск¹⁴, обязательное участие в походе на север с их тягостной и непривычной обстановкой — все это составило перелом в жизни слободского казачества. С этих пор история Украины Слободской идет рука об руку с историей Украины Левобережной к одному общему исходу, с теми же временными ослаблениями в энергии движения, с теми же легкими уклонениями от его прямолинейности.

Царствование Анны Иоанновны было для Слободской Украины так же тяжело, как и для Левобережной. Вместе с малорусскими казаками гибли и слободские на усиленных работах по устройству Украинской линии между Днепром и Донцом¹⁵; одинаково участвовали в походах в Польшу, в Крым, под Очаков. Но все это отходило на задний план перед тем ударом, какой нанесен был Слободской Украине так называемой реформой Шаховского.

В 1732 г. была произведена перепись слободских полков; одновременно в г. Сумах водворился князь Шаховской и образовал здесь «Комиссию Учреждения Слободских полков»⁶⁶ при участии гвардейских штаб-офицеров; казацкая старшина призывалась в Комиссию лишь в затруднительных случаях в качестве экспертов.

Официально обнародованной целью Комиссии было «охранить верных подданных от непорядков и все происшедшие непорядки исправить», но, конечно, больше веса лежало в краткой оговорке указа насчет того, чтобы «и Наш (т. е. государственный) высокий интерес опущен не был»: в преследовании государственного интереса насчет всяческих «прав и вольностей» Анна шла по следам своего дяди.

Реформа, произведенная Шаховским и его Комиссией, не ограничивала казацкого самоуправления и не упраздняла его, а дробила данную общественную форму, представлявшую известную законность, в куски и из получившегося мусора стремилась вылепить нечто по образу и подобию разрушенного, но приспособленное к иным, вне стоящим, целям.

Главное управление краем принадлежало теперь канцелярии «Комиссии Учреждения Слободских полков». Она должна была вводить новый порядок, быть высшей судебной инстанцией и вместе с тем состоять органом финансового управления: население было обложено поголовной податью в размере 21 к. с души мужского пола. Выборные казаки всех пяти полков составляли один полк драгунский, который состоял под управлением русских офицеров. Остальные казаки и подпомощники, не вошедшие в драгунский полк и не назначенные для его будущего укомплектования, а также все казацкие подсусудки и захребетники¹⁷, были разделены на дворы по 50 душ в каждом, и на каждый такой «присяжный» двор была положена одна порция и две рации, что составляло в переводе на деньги около 9,5 р. Эти дворы раздавались вместо жалованья русским офицерам и казацкой старшине, приравненной к ним чинами: конечно, члены этих дворов должны были состоять «в подданстве» у своего начальства «и всякие работы по примеру крестьян несть», т. е. нежданно-негаданно попадали в крепостную зависимость. Во главе каждого полка стояла теперь полковая канцелярия, в которой заседала полковая старшина; канцелярии эти имели значение по преимуществу судебных мест, но должны были судить не по казацким «обыкlostям», а лишь по Уложению и указам. Старинное право черкас на вольную займку земель и угодий было уничтожено. Вот в общих чертах реформа князя Шаховского, которая все перевернула в казацком строе Слободской Украины. Недовольство было общее и крайнее. Слобожане кидали насиженные места и бежали на Дон и куда глаза глядят; вслед им летели строгие указы о сыске и возвращении. Канцелярия Комиссии подняла дело о государственном преступлении, содержанием которого было разглашение о раскассировании драгунского полка; к делу этому Комиссия привлекла казацкую старшину и обывателей со всех концов края. Расследование, служившее для канцелярии чувствительным источником доходов, было прекращено только Елизаветой.

Императрица эта и на малороссов слободских распространила то расположение, выражениями которого она осыпала малороссов ле-

вобережных. Она уничтожила нововведения князя Шаховского и возвратила полкам их прежнее устройство. Но сила вещей брала свое, и прежнее оказывалось все-таки не совсем прежним. Подушная подать, которою было обложено население, не была отменена, а шла на содержание русских войск, расквартированных в крае, и, конечно, это не было единственным ограничением казацких прав и вольностей, какое оставила после себя произведенная ломка.

В конце царствования Елизаветы был устроен из казацких подпомощников гусарский полк, и на содержание его население было обложено новою податью. Затем, кроме участия в военных походах и охраны Украинской линии, на обязанность слободских полков возложено было прикрытие вновь формирующейся Славяносербии¹⁸. Командировки для этого прикрытия, сами по себе не особенно затруднительные, приобрели чрезвычайно тягостный характер в силу отношения сербских офицеров к слободским казакам: пользуясь превосходством сил, сербы захватывали казаков и распоряжались как своими батраками для всякого рода черных работ.

Однако всем этим в совокупности еще не объясняется то недовольство и жалобы на «народные изнеможения», которые слышатся в Слободской Украине конца царствования Елизаветы. Чтобы правильно понять их, надо иметь в виду тот процесс внутреннего, социального, разложения, который происходил здесь совершенно аналогично тому, как он происходил в Украине Левобережной. Более тесная зависимость от государства и близость с населением великорусским, всюду в обилии вкрапленным среди малороссов, способствовали тому, что разложение казацкого общества на привилегированных и непривилегированных и обращение последних в крепостную зависимость от первых совершалось здесь быстрее, легче, так сказать, незаметнее, чем в Малороссии. Однако дело не могло обойтись без недовольства, глухого брожения, протеста, который, случалось, принимал и активные формы. Но как бы то ни было, к тому времени, как выступила со своею реформаторскою деятельностью Екатерина, почва оказалась и здесь уже вполне подготовленной.

Екатерина приступила к реформе слободских полков в духе общерусских государственных учреждений почти сейчас же по вступлении своем на престол: эта реформа послужила для нее как бы подготовкой к аналогичной, лишь более широкой, более трудной, реформе Гетманщины. Уже в 1765 г. подготовительные работы были закончены, и на свет явилась Слободско-украинская губерния, включавшая все пять полков, обращенных в провинции, с губернским городом Харьковом во главе. Центральным органом для управления губернией была губернская канцелярия, для провинций — провинциальные канцелярии. Введение новых порядков поручено было Щербинину, хорошо знакомому со Слободской Украиной и ее строем: он обнаружил в порученном ему трудном деле много

осторожности и осмотрительности, но, конечно, нельзя было произвести незаметно такую решительную ломку. Выборные казаки обратились в регулярное войско, в гусары¹⁹, все гусары, все остальные члены казацкого сословия, т. е. подпомощники и подсоседки, переходили в податное состояние под именем войсковых обывателей. От всех старых казацких прав и вольностей оставалось одно только право винокурения, которым продолжали с известным ограничением пользоваться слобожане; право словесного суда по местным обычаям ограничено было только мелкими тяжёбыми делами. Податное население было обложено 95 к. с души с тех, кто пользовался правом винокурения, и 85 к.— без этого права: впрочем, населению предоставлялось самому раскладывать эту подать не по душам, а по имуществу — способ, более соответствовавший местным понятиям и привычкам.

Как ни мягко проводились реформы, как ни отвыкло слободское население смотреть на себя как на «иноземцев» по отношению к Русскому государству — взгляд, который еще высказывался в начале XVIII в., — но оппозиция чувствовалась всюду. Ко вновь испеченным гусарам остальное население относилось как к чему-то совсем чуждому и даже враждебному; взыскание податей возбуждало не только неудовольствия и недоразумения, но, случалось, и настоящие волнения, которые приходилось усмирять вмешательством военной силы; местная казацкая старшина не только не кидалась на предлагаемые ей чины, как это делала позже умудренная опытом старшина левобережная, но выказывала к ним равнодушие, если не пренебрежение. Среди этой же, слободской, старшины проявились некоторые слабые следы и сознательной оппозиции вводимым порядкам; о ней свидетельствует дело изюмского полковника Краснокутского²⁰. Краснокутский проживал по своим делам в Петербурге и, зная о замышлявшихся реформах, посылал письма на родину, убеждая старшину горячо, «с употреблением слез», «приятъ бодрость и смелость» и выслать депутатов хлопотать о том, чтобы все было по-старому, на основании старых прав; буде же не вышлют, то «пушай Бог взыщет слезы бедного народа на наших; ибо старшиновать умели, а при худом случае и перстом двинуть не хотят». Письма эти получили некоторое распространение в Слободской Украине, читались, переписывались, излагались «в иных терминах» и циркулировали по местным канцеляриям и ратушам Харьковского и Изюмского полков в качестве документа «для народного объявления». Дело дошло до Харькова и здесь получило свое официальное определение под названием «разгласительных и вымышленных к народному возмущению писем». Краснокутский вследствие своей старости был милостиво лишен чинов и сослан в Казань; другие лица, обличенные в распространении писем, подверглись публичному наказанию плетьюми и палками. Итак, слободское казачество перестало существовать еще раньше запорожского и левобережного.

После разорения Сечи часть запорожцев, как сказано выше, сбежала в Турцию, часть разбрелась и осела среди украинского населения, остальные обратились в пикинеров: пикинерские полки²¹ набирались из охочих людей для охраны образовавшейся с 1764 г. Новороссийской губернии, в состав которой вошла, кроме поселений Новой Сербии²² и земель Украинской линии, еще и порядочная часть Гетманщины, ее сотни по Орели, Ворскле и частью Днепру. Но рассеявшиеся запорожцы оставили после себя пустое место, появление которого давало себя чувствовать. Южная граница Русского государства сделалась еще более открытой, следовательно, более доступной нападениям, менее защищенной; «греческий прожект»²³ Потемкина крайне нуждался для своего осуществления в такой боевой силе, как уничтоженное казачество. И вот не успели запорожцы приспособиться к новым условиям жизни, как их снова начали скликать в казацкое войско: русское правительство задумало восстановить казачество, конечно, теперь уже лишенное политических прав.

Запорожцы, убежавшие в Турцию, не отозвались на амнистию и не вернулись, но оставшиеся в русских пределах охотно откликнулись на призыв своих бывших старшин Белого, Головатого, Чепеги²⁴, которым Потемкин поручил новую организацию. В 1787 г. издан был именной указ, которым возрождалось запорожское казачество под именем «верных», или «черноморских», казаков: тотчас же по своем восстановлении казаки, разделенные на конных (сухопутных) и пеших (морских), оказали важные услуги Русскому государству в войне с Турцией²⁵. Они рассчитывали получить для поселения, согласно сделанному им обещанию, вновь отвоеванную Очаковскую область и уже расположились было селениями и хуторами (они заняли опустевшие села выселившихся молдаван) по низовьям и рыболовным лиманам Днестра и Буга, на Тилигуле, Березани в соседстве с так называемыми бужскими казаками * : немногочисленное бужское казачество был сброд людей разных национальностей, поселенный за несколько лет перед тем по правому берегу Буга, на территории Вознесенска²⁶, для защиты пограничной линии. Но правительство не сочло возможным оставить здесь черноморцев по причине ли политических соображений, или просто под давлением того факта, что на их богатые земли были притязания со стороны влиятельных людей.

Уже в 1788 г. «верные» казаки были поражены вестью, что правительство желает их выселить на Таманский полуостров. Конечно, они могли рассчитывать, что их не стеснят одной Фанагорией²⁷, а позволят пользоваться и «окрестностями оной», т. е. всем прикубанским краем, только что отошедшим к России вместе с

* Они образовали здесь три паланки: Кинбурнскую, Поднестрианскую и Березанскую.

Крымом, — на эти еще неизвестные, дикие и опасные, места у них не могло быть пока конкурентов, — но все-таки переселение представлялось крайне тягостным. Пришлось кидать места, близко знакомые, почти родные, с устроенной уже оседлостью и хозяйством, для того, чтобы наново обживать пустыню с нездоровым климатом, с опасным соседством, которое готово было следить из-за Кубани за каждым шагом пришельцев, видя в них опасных и непримиримых врагов. Но ни о каком сопротивлении не могло быть и речи: в 1792—1794 г. черноморцы переселились на отведенные им места и заняли, кроме приморской территории, также и прикубанский край до слияния Кубани с Лабой. Местность была удобная для поселения — со старой запорожской точки зрения: здесь были в изобилии и богатые рыболовные угодья, и соляные промыслы, и лес, и степные равнины. Но все-таки казакам пришлось сильно бедствовать первые годы. Однако благодаря тому, что они сейчас же применили к своему общественному устройству принципы самоуправления в той их традиционной форме, какая была выработана запорожским товариществом, они кое-как справились с трудностями. Войсковой судья Головатый, отправленный во главе депутации в Петербург хлопотать о правах переселяемых казаков, как-то сумел отстоять казацкую автономию в некоторых существенных ее пунктах. Впрочем, может быть, государство на первое время и не хотело накладывать свою властную руку на внутреннее устройство казаков, обеспечив себе лишь верховный надзор: слишком важно было, чтобы они были довольны новым местом и приспособились к своей новой обязанности пограничной сторожки от закубанских горцев — натухайцев, шапсугов, абасегов и проч. Основания, на каких держалось общественное устройство кубанских казаков первое время их существования, изложены в одном документе 1794 г., который называется «Порядок общественной пользы». Войсковое правительство по этому документу состояло из кошевого атамана, войсковых судей и писаря, которые выбирались на войсковой раде, но утверждались из Петербурга. Это войсковое правительство и было государственным органом для верховного управления войском. Кубанское войско делилось так же, как и запорожское, на 40 куреней, даже с теми же старыми запорожскими названиями, и каждому куреню принадлежало широкое право самоуправления. 40 куреней имели свои центральные пункты в войсковом коше, т. е. в городе Екатеринодаре²⁸; но екатеринодарские курени служили лишь «ради собрания войска и прибежища бездомовных казаков». Казаки семейные жили в «куренных селениях», «где какому куреню по жребию принадлежать будет». Такой же порядок был и в Запорожской Сечи, по крайней мере в последний период ее существования, с той разницей, что «бездомовные» имели там преобладание над домовными, между тем как в Кубанском войске было обратное. Курень избирал ежегодно куренного атамана, которому вместе с товариществом принадлежала не только админист-

ративная, но в известных пределах и судебная власть над казаками своего куреня. В видах охраны порядка и безопасности кубанская территория делилась, как и запорожская, на пять округов, или паланок, управлявшихся своим окружным начальством, которое состояло из полковника, писаря, есаула и хорунжего: лица эти ежегодно назначались войсковым правительством.

Из всего этого видно, что кубанское войско воспроизводило, конечно, в стесненном и урезанном виде, схему общественного строя, выработанного Запорожьем.

Отчасти продолжался преданием и дух старых общественных отношений: почти до половины XIX в. кубанское казачество жило и управлялось обычаем, по крайней мере, внутри куренного товарищества. Но простота запорожского строя не могла удержаться в Кубанском войске: несменяемая войсковая старшина тотчас же дала привилегированный отстой, и таким образом дворянство зародилось вместе с возникновением войска. Жизнь нового общества сразу попала в такие противоречия, которые неизбежно должны были обратить казацкий общественный строй в мертвую форму. Однако и эта мертвая форма все-таки препятствовала развитию на Кубани крепостного права, и малорусские крепаки бежали сюда и находили гостеприимный приют, несмотря на указы и иные запретительные распоряжения центральной власти. Кубанцам слишком нужны были люди: их всего пришло на Кубань, полноправных казаков, с небольшим двадцать тысяч, расположившихся на пространстве около 30 тыс. квадратных верст. Эти малые силы истощались в постоянных стычках с закубанскими горцами, в походах, куда их требовало правительство, особенно во время войны с Персией и Турцией²⁹, истощались до такой степени, что вся нелегкая борьба с природой, деятельность хозяйственная сбрасывались на руки женщин, детей и стариков. Правительство само признавало всю тягость их положения и, противодействуя бегству крестьян на Кубань, покровительствовало переселению малорусских и слободских казаков: по его собственной инициативе произведено было в 1808 и 1820 годах два крупных переселения из Полтавской и Черниговской губ., давших Кубанскому войску около 50 тыс. казаков с семьями: для переселения выбирались предпочтительно те семейства, где было более незамужних женщин, так как Черноморье страдало от несоответствия числа мужчин с числом женщин.

Вся короткая внутренняя история Кубанского казачьего войска, которая представляет период времени не больше 50 лет*, есть история ограничительных мер по отношению к казачьему самоуправлению. Ограничения начались с царствования Павла, после того как в войске открылся мятеж³⁰: бунтовщики хотели, отчасти путем

* От 1792—1794 гг., т. е. переселения черноморцев на Кубань, до 1842 г., до издания «Положения о Черноморском войске».

насильственных действий по отношению к местному своему начальству, отчасти путем обращения к верховной власти, добиться полного восстановления запорожских порядков. С тех пор кошевые атаманы уже не были выборными, а прямо назначались Петербургом; за мятеж Павел лишил кубанцев названия «верных», а вместе с тем велел вывести из употребления некоторые старые названия лиц и учреждений, связывавшие Черноморское войско с Запорожской Сечью: уничтожить звания войсковых судей и писаря, а «войсковое правительство» обратил в «войсковую канцелярию», к которой придал «особу» по назначению от правительства; войско разделил в военном отношении на 20 полков. Александр I отменил некоторые из распоряжений своего отца; но деление на полки осталось. Оно легло в основание дальнейших изменений и сделалось для Кубанского войска как бы исторической зарубкой: «до полков», «после полков» — две эпохи короткой истории кубанского казачества. Главнейшее ограничение, истекавшее от правительства Александра I, было подчинение кубанцев администрации Таврической губернии³¹.

Однако как ни были значительны эти ограничения, они почти не затрагивали той основной общественной клеточки, какую представлял собою курень. Окончательные преобразования, которые не обошли и этой основной клеточки, имели место лишь при императоре Николае I. В это царствование был определенно выдвинут принцип, что «для блага империи, сохраняющей целость и могущественное величие свое под благотворною сенью самодержавия, не должны быть терпимы в оной отдельные самостоятельные части или федеральные соединения провинций на особых правах». Возможное объединение Кубанского войска с империей создано было «Положением» 1842 г., где вместе с целым рядом новых учреждений, сближавшим войсковое управление с общерусским строем, был и курень преобразован в станицу, отличающуюся от общерусской волости лишь своим сословным характером.

Также 50 лет существовала и Сечь Задунайская³², — другой, еще более прямой отпрыск старого Запорожья, ближе и полнее сохранивший старые традиции, чем Черноморье.

Итак, часть запорожцев после разорения Сечи «посідала на лодочки, та и махнули за Дунай», полагая, что «добре буде запорожцам и під турком жити»; есть основание думать, что переселение совершилось не сразу, как описывают народные песни и предания, а в несколько приемов. Но потому ли, что турецкое правительство не обнаружило достаточно гостеприимства или просто потому, что все удобные, по запорожским привычкам, места для поселения по устьям Дуная уже были заняты некрасовцами *, — только запорожцы не задерживаются в Турции, а в 1785—1788 гг. переселяются в пределы Австрии. Правительство Иосифа II отвело им землю на так

* Раскольниками, вышедшими с Дона³³.

называемой Военной границе³⁴, устроенной для защиты от нападения со стороны Турции в Банате и комитате Бачском, при впадении в Дунай Тиссы. Но, по-видимому, казаки не могли приспособиться к австрийскому режиму, и скоро мы их видим снова в турецких пределах. Они селятся на Дунае в Сейменах, между Силистрией и Гирсовой³⁵; отсюда они должны были ходить для рыбных промыслов на гирла Дуная, по преимуществу на Килийское, и к морю. Естественно, что они не могли считать Сеймены желанным пунктом для прочной оседлости и потому даже не устраивали здесь настоящей Сечи. Они стремились к дельте Дуная, которая уже была давно захвачена и до известной степени культивирована некрасовцами, или липованами. Индифферентизм турецкого правительства манил казаков возможностью управиться с липованами собственными силами, и они воспользовались этой возможностью. В 1812—1815 гг. открылась между запорожцами и некрасовцами настоящая война со всеми ужасами ожесточенного взаимного истребления. Казаки были сильнее. Сначала они утвердились в Катирлезе, рыболовном становище в углу при впадении Георгиевского гирла Дуная в Черное море, и предполагали было даже устроить здесь Сечь. Но пункт этот, как и вся вообще дунайская дельта, был лишен удобной в сельскохозяйственном смысле земли, и запорожцы с завистью смотрели на главный населенный пункт липован при Дунавце, соединявшем Георгиевское гирло с Разинским лиманом³⁶. Местность с. Дунавец представляла с запорожской точки зрения огромные преимущества: очень удобная в промысловом отношении, она имеет достаточно земли не только для поселения, но и для хозяйства. Отнять или не отнять у некрасовцев Дунавец значило для запорожцев жить или не жить на устьях Дуная. Но так же дело стояло и для самих некрасовцев; и вот, когда запорожцы после двух лет ожесточенной борьбы овладели таки Дунавцем, их враги совсем покинули Дунай и выселились в Малую Азию³⁷. Таким образом, казаки остались полными господами дунайской дельты.

Дунавец, или Большие Дунавцы, и есть именно настоящее место Задунайской Сечи. Никаких укреплений, кроме невысокого вала и сухого рва, в Сечи этой не было, но отделенная плетнем паланка для кошевого, церковь и 40 куреней все-таки воспроизводили внешний облик Днепровской Сечи. В куренях жили неженатые казаки, и вообще, согласно старым традициям в Сечь запрещен был вход женщинам; казаки женатые, жившие в нескольких селениях, принадлежавших задунайскому товариству, назывались турецким именем «райи» и в последние дни существования Сечи приобрели большое влияние на дела. В каждом курене считалось по тысяче человек, но, может быть, эта цифра была только номинальной. Кроме традиционных кошевого, есаула, писаря, куренных атаманов и проч., в Задунайской Сечи был еще драгоман — официальный переводчик, которого Сечь содержала на свой счет: кошевой, если даже и знал

турецкий язык, не имел права объясняться иначе, как через драгомана. Выборы на общественные должности производились также на большой раде, которая собиралась 1 октября. Управление и суд сохраняли старый запорожский характер: турки не вмешивались во внутренний строй сечевого товариства. Они не только не требовали от казаков никакой подати, но выдавали хлебное и денежное жалование по 300 левов (170 р.) и по 2000 ок (око — три фунта) муки на курень; в случае военного похода казакам выдавалось вооружение, которое отбиралось назад по миновании надобности: но это не значило, чтобы казаки не имели права носить оружие в мирное время, — наоборот, они почти все и всегда были вооружены. Земля, отнятая у некрасовцев, также была признана владением Сечи, которой она могла распоряжаться по своему усмотрению, даже без платежа десятины с земледельца, скотоводства и рыбных ловель по Дунаvcу, лиманам и плавням вокруг Сечи. Условия местности, согласовавшиеся с запорожскими привычками, выдвигали рыболовство на первый план в сечевом хозяйстве. Но дележа рыболовных урочищ — как на Днепре — здесь не происходило: рыба ловилась сообща, главным образом по взморью. Каждый курень имел по два-три и более куренных рыболовных завода; отдельные казаки имели свои собственные, частные заводы. Несметное обилие всякой дичи в дунайской дельте делало из охоты за нею также важную отрасль сечевого хозяйства. Продукты рыболовства и охоты находили сбыт в Галаце и Браилове³⁸. Землею также все казаки могли пользоваться свободно, так как количество ее далеко превосходило потребности. Земледелием занималась по преимуществу райя: собственного скотоводства не было, а пастбища отдавались в аренду соседям. Когда не было работы дома, сечевая голода ходила на отхожие заработки, в числе же этих заработков стояло, к сожалению, на первом месте хождение «на добычу», т. е. на грабеж, делавшее соседство Сечи крайне тягостным как ее русским, так и турецким соседям. Трудно было поддерживать дисциплину в этом крайне разношерстном обществе: Задунайская Сечь по своему территориальному положению была удобным приютом для беглого и бродячего лода, не уживавшегося под государственным режимом соседних территорий, в особенности русской. Как ни трудна была дорога из Украины на Задунайскую Сечь, но малорусские люди, теснимые крепостным правом, все-таки ее находили: надо сказать, что задунайцы со своей стороны были не прочь выводить к себе родичей, а для этого подсылали на Украину эмиссаров, подбиравших и смакивавших молодцов, годных для казацкой жизни. Разумеется, при таких условиях прием в Сечь был упрощен до последней крайности. Вообще, можно сказать, что хотя Задунайская Сечь и воспроизводила близко внешним своим складом Сечь Запорожскую, но все-таки в ней ясно виден упадок как казацкой организации, так и военного духа. Из беглого крепака не вырабатывался хороший казак.

Большое число русских беглых между задунайцами определило собой и окончательную судьбу Задунайской Сечи. Их тянуло назад, на родину, и кошевой Гладкий³⁹, явившийся выразителем этого стремления, повернул в удобный момент руль управляемого им маленького общества, чтобы вывести его на иной путь. Гладкий был человек с умом и энергией, направляемыми беззастенчивым эгоизмом. Беглец из русской Украины, явившийся в Сечь, он скрыл от задунайцев свое прошлое, свое семейное положение и добился при посредстве райи⁴⁰ звания кошевого. Он задумал воспользоваться властью, чтобы вернуться в Россию и вместе с тем создать себе положение. Случай представился: в 1828 г. открылась война России с Турцией⁴¹. Турки всегда пользовались военной службой казаков также и против единоверцев — русских и греков; объявлен был и теперь фирман, призывающий сечевиков на войну. Конечно, казакам, собравшимся и вооруженным, нетрудно было присоединиться к русским войскам, готовым вступить на сечевую территорию, но Гладкий знал, что дело не так просто, что значительное большинство казаков совсем не соблазняется этой перспективой. И он, не задумываясь над неизбежными последствиями своих действий, отправил на помощь туркам, в Силистрию⁴², значительный отряд, куда входили по преимуществу казаки, не сочувствовавшие его планам, а сам со своими сторонниками в количестве 500 человек — под видом доставки сечевых пожитков для безопасности в Адрианополь⁴³ — переправился через Дунай и явился в русский лагерь в Измаил. На Гладкого посыпались всякие блага, чины, знаки отличия, дворянское достоинство, богатство; но судьба коварно покинутых им задунайцев была очень печальна. Сечь была уничтожена турками, войско раскассировано, много народу как из казаков, так и из райи, — стариков, женщин, детей, — варварски умерщвлено; все, что не успело убежать в Россию и уцелело от истребления, разбежалось по Добрудже и рассеялось среди местного ее населения.

Выведенные Гладким казаки с присоединившимися к ним беглецами из разоренной Сечи составили Дунайское казачье войско, принимавшее деятельное участие в турецкой войне. Когда окончилась война, наступил вопрос о поселении этого люда. Дунайцы стремились к тому, чтобы присоединиться к Кубанскому войску, но Гладкий смотрел на это дело со своей точки зрения: соединение лишало его того исключительного положения, которым он пользовался в качестве атамана своего самостоятельного войска. Его стараниями дунайцы получают для поселения землю на западной стороне Азовского моря между Мариуполем и Бердянском и называются с тех пор войском Азовским.

Азовцы были так недовольны этим оборотом дела, что долго не хотели обзаводиться прочной оседлостью на отведенной им территории; были даже такие, что бежали назад в Турцию. В самом деле: поселение внутри края лишало их возможности развернуть те быто-

вые казацкие особенности, которые оправдывались лишь окраинным положением и связанной с ним опасностью. Поэтому, как только азовцы примирились со своим положением и осели прочно, они уже не обнаруживали и стремления к старой казацкой организации, тем более, что в их немногочисленный состав вошли соседние крестьяне и мещане. С присоединением переселенцев из Черниговской губ. Азовское войско образовало четыре станицы и один посад Петровский ⁴⁴, где было войсковое управление с наказным атаманом во главе. Земли азовцам было отведено достаточно, и они обратились в простых сельских обывателей и земледельцев; но обязанности свои государству они отбывали крейсерской службой у восточных берегов Черного моря. Однако мысль о переселении на Кубань не оставляла азовцев; возвращалось к ней постоянно и само правительство. Наконец, переселение состоялось, но состоялось лишь в начале 60-х годов: азовцы были переселены за Кубань между Анапю и Сухум-Кале ⁴⁵, переселены не в полном своем составе, а разрозненными партиями. В то же время объявлено было уничтожение Азовского войска, и азовцы обращены в податное состояние.

Так разошлись в общей массе обитателей Российской империи остатки оригинального запорожского товариства, — разошлось казачество слободское. Но мы еще не знаем окончательных судеб той центральной казацкой массы, на которой сосредоточивается главный интерес южнорусской истории, т. е. казачества собственно украинского, или левобережного.

Реформы Екатерины II, которые дали малорусскому обществу иной правовой строй, лишили казачество необходимых условий для самостоятельного существования; в 1783 г. казацки полки были обращены в регулярные, т. е. казачество делалось сословием казенных поселян, из которого набирались легкие кавалерийские полки — карабинеры, с 1777 г. — по общим правилам рекрутского набора. Но жизненное явление с сильным и продолжительным существованием не может так быстро и бесследно исчезнуть. До сих пор казаки составляют особую группу среди сельского люда губерний Полтавской и Черниговской. Но теперь казачество отличается от крестьянства разве только несколько большею культурностью и экономической состоятельностью. Однако, прежде чем оно окончательно перешло в теперешнее состояние, оно обнаруживало еще не раз и после екатерининских реформ некоторые признаки своей сословной жизненности. Главнейшим из этих признаков был, конечно, тот «воинственный дух», на который напирал малорусский генерал-губернатор князь Репнин, когда хлопотал о восстановлении казачества ⁴⁶; затем известная степень самосознания, которая проявилась, например, в 1812 г. при следующих обстоятельствах.

Известно, каких исключительных по своей тяжести жертв потребовал от Русского государства этот памятный год. Желая поднять энергию казацкого населения, чтобы иметь военную силу в возмож-

но большем числе и скорее, тогдашний малороссийский генерал-губернатор князь Лобанов-Ростовский⁴⁷ заявил, что он выхлопочет у государя не только полное освобождение казаков от рекрутских наборов, но и новое устройство, «близко похожее с древним состоянием малорусских воинов». Обещание это вызвало такие результаты, каких, вероятно, не ожидало и само правительство. Казачество быстро сформировало 15 конных полков, ставя одного воина с 25 ревизских душ или 10 работников; оно снабдило набранных воинов лошадьми и сбруей и доставляло им провиант и фураж около двух лет, пополняя в то же время убыль в людях, лошадях, вещах. Все это представляло собой такую затрату, размеры которой исчисляются десятками миллионов.

Эти жертвы оказались напрасными, так как по нераспорядительности местного начальства казаки даже не попали на театр военных действий; но население было разорено и долго не могло оправиться. Правительство не сочло возможным исполнить обещаний, данных князем Лобановым-Ростовским. Некоторые льготы по указу 1816 г., служившие как бы залогом дальнейших преобразований в том же направлении, через несколько лет были отменены, и казачество снова возвращено на общее положение казенных поселян.

Наступил 1830 г.— год польского восстания⁴⁸,— и принес с собою новый момент, благоприятный малорусскому казачеству, которое не могло забыть «неисполненный обет правительства». Пораженный неожиданностью и силой восстания, император Николай I сделал запрос князю Репнину как малороссийскому генерал-губернатору насчет того, не обнаружит ли казачество и теперь готовности на поддержку государству, как оно ее обнаружило в 1812 г.? Князь Репнин был горячий приверженец идеи восстановления казацкого сословия. Обращение правительства было для него как нельзя более кстати. По инициативе Репнина менее чем в месяц Полтавская и Черниговская губернии выставили восемь конных полков, по тысяче каждый. Вместе с тем изготовлен был генерал-губернатором и представлен на высочайшее усмотрение проект «об обращении малорусских казаков к первобытному их состоянию». Но польское восстание было подавлено, а проект Репнина отложен как несоответствующий «благу империи, в которой не должны быть терпимы федеральные соединения провинций на особых правах». Во исполнение обещаний правительства даны были казачеству некоторые временные облегчения по отбыванию рекрутской повинности и обнародован новый «Устав об управлении малорусскими казаками». Уставом этим казаки выделялись в особую сословную группу, и для наблюдения за ее интересами устроены главная хозяйственная и попечительные конторы, которым уже были подчинены казачьи волостные правления; но тотчас же после своего обнародования устав этот был подвергнут изменениям, которые лишали его значения, приданного князем Репниным, в смысле охраны самостоятельности

казацкого сословия: с 1834 г. казаки подчинены общегражданскому управлению.

В том же 1834 г. был удален от должности генерал-губернатора и князь Репнин, навлекший на себя своими гуманными заботами о казаках и вообще о положении низшего сословия неопределенные и ничем не оправдываемые подозрения в сепаратизме; настоящей же причиной немилости было, конечно, неудовольствие местных сильных людей, между которыми на первом плане стоял «более русский, чем сами русские», князь Кочубей⁴⁹, интересы которых шли вразрез с защищаемыми князем Репниным интересами казачества и посольства.

Если князь Репнин, чистокровный русский вельможа, вполне преданный правительству, мог быть подвергнут таким странным подозрениям, то тем более должны были казаться подозрительными казаки, которые своим усердием и готовностью на жертвы доказывали свои стремления к старым правам и вольностям. По отношению к ним принята была такая мера. Когда казаки вернулись из польского похода, два полка их отправлены были на Кавказ, но не на Кубань, к черноморским землякам, а на Терек, где издавна жили казаки великорусские; отправлены они были под предлогом войны с черкесами, но оставлены на месте и поселены там по преимуществу во Владикавказском округе⁵⁰. Так как у этих казаков не было семей, то приказано было набрать в государственных селениях Полтавской и Черниговской губерний 500 девушек и отправить их по этапу, чтоб перевенчать с казаками. Этот «дивочий набор» происходил в 1832—1834 гг.

Очень любопытны те следы, какие оставило казачество в Правобережной Украине среди тамошнего, т. е. польско-украинского, общества. Как известно из сказанного выше, казачество перестало существовать на Правобережье, лишь только территория была снова присоединена к Польше в начале XVIII в.: правовой строй Польского государства исключал эту общественную форму. Но традиционное пристрастие украинского пана к казакованью, не искорененное всей тяжелой эпопеей казацких войн и гайдамацких волнений, нашло себе выражение в устройстве надворных казацких милиций. По мере изменения условий милиционеры превращались в простую дворовую челядь, казак выродился в «казачка». Но параллельно — и уже не в сфере общественных фактов, а в сфере общественных идей и настроений, — совершался иной процесс, который может послужить интересным материалом для общественной психологии. Казачество, отошедши фактически в область отдаленного предания — и, конечно, с тем большей легкостью, — заняло важное место в идеологии польско-украинского общества первой половины XIX в. Это явление, несмотря на кажущуюся его странность, имеет свои серьезные основания.

Русско-Польская Украина в составе земель Киевской, Волын-

ской и Подольской по второму отделу отошла к Русскому государству⁵¹. Польское общество, т. е. дворянство, шляхетство, привыкшее к неограниченной широте в пользовании правами политической свободы, очутилось под режимом самодержавного монархизма. Положим, режим этот не представлял пока особенной суровости. С 1797 г. и суд, и школы пользовались польским языком как официальным языком края; поветовые чины избирались самим шляхетством. Следовательно, ни шляхетское самоуправление, ни вообще польский элемент края не могли жаловаться на стеснения: не могли в такой мере, что не представляется особенно парадоксальной выказывавшаяся в печати мысль, что никогда ополячение края не шло так успешно, как после присоединения его к России. Но память о недавнем блестящем политическом прошлом была еще столь свежа, что шляхта не могла примириться со своим скромным настоящим. Однако поперек дороги всякой мечте о возврате этого прошлого стояла суровая действительность в виде массы русского украинского народа, нисколько не расположенного к политическим идеалам и стремлениям своих панов. Самая необузданная фантазия должна была смириться, очутившись между двумя такими фактами, как Русское государство, с одной стороны, и масса русского украинского православного народа — с другой. Конечно, мог быть еще выход — во внешних политических комбинациях. Надежда на такой выход и мелькнула было в образе Наполеона. Мечта о восстановлении Польши путем вмешательства этого властелина Европы обратилась к 1810 г. в полную уверенность. Когда Наполеон вступил со своим войском в пределы России, навстречу ему летели из Польской Украины не одни лишь тайные симпатии и горячие пожелания удачи: масса шляхетства бежала за границу, чтобы присоединиться к неприятелю, самые щедрые пожертвования сыпались туда же, постоянно пересылались французам известия о движениях русских, перехватывались русские транспорты и т. п.

Не стоит распространяться о том, чем кончилась эта наполеоновская эпопея, оставившая в польско-шляхетских сердцах вместе со страстным культом великого человека самые широкие разочарования. Надеждам на внешнюю помощь нанесен был жестокий удар. Тем напряженнее стало искание выхода на иных путях, лежавших в стороне от внешней политики. На помощь явилась всегда готовая к услугам история.

Свободное толкование исторических преданий, свидетельств и документов помогало горячим душам создать образ украинского казака, преданного польским интересам. Этот фантастический казак представлял собою не только боевую силу, столь необходимую для решения политической задачи в интересах Польши: еще более нужен он был как связующее звено между польским шляхтичем и украинским хлопом. Если до сих пор хлоп не только отворачивался от своего пана в трудную минуту, но и готов был схватить его за

горло, то вперед, конечно, он пойдет за родным ему казаком всюду, куда того повлекут его польские симпатии. Этим путем упразднялись трудности, в каких очутилось украинское общество. На добрую половину задача решалась сама собой; вся беда в том, что решение это было совершенно фантастическое. В создании этого фантастического решения принимала деятельное участие поэзия: так называемая украинская школа⁵², которая дала польской литературе несколько даровитых представителей, усердно разрабатывала эту тему. Увлекались казакофильством и политические деятели, особенно среди многочисленной польской эмиграции, оторванной от родной почвы. Были попытки и практического его применения: эмир Ржевуский⁵³ скакал на своих чудных конях, вывезенных из Аравии, по степям Украины во главе казацкой дружины, набранной из крепостных, перереженных по-казацки; Садык-паша, Михаил Чайковский⁵⁴, кликал из Турции клич, на который сползлся сброд различных национальностей, до еврейской включительно, предназначенный к формированию казацких полков. Пылкие и благородные сердца вроде Мицкевича⁵⁵, увлеченные страстным патриотизмом и слепую верою, готовы были видеть во всей этой игре возрождение казачества, казачества польского, долженствующего служить связью с русским народом Украины и оплотом восстановления политической самостоятельности Польши. Но фантазмагории разлетались, а действительность все отчетливее вырисовывалась в своих резких и жестких очертаниях.

Польское восстание 1830—1831 гг. отозвалось сильно и на украинской территории; всюду шляхта складывалась в отряды повстанцев. Народная масса не шевелилась, но не шевелилась только потому, что так хотело русское правительство, из соображений ли лояльности, или из страха перед народным движением: дай правительство лишь намек, и пань еще раз были бы истреблены своими крепостными. После подавления восстания правительство изменило политику по отношению польского элемента южнорусской территории. Все старые льготы, какими пользовался польский язык, школа, шляхетское самоуправление, были уничтожены. Личность Бибикова⁵⁶, предназначенного в качестве генерал-губернатора Юго-Западного края к водворению новых порядков, придала этим порядкам ту законченность, которой, конечно, не было бы без его энергии и неукоснительной прямолинейности. В 14 лет своего правления (1838—1852) он сделал край неузнаваемым: революционные элементы, подготовлявшие новое восстание, были уничтожены, подрезаны все местные корни, питавшие польско-католическую культуру, территория снова сделалась русской, хотя, конечно, совсем иначе русской, чем до своего претворения в политический организм Польши. Введение инвентарных правил⁵⁷, регулировавших отношения владельцев к крепостным в видах установления точных пределов эксплуатации крестьянского труда, стянуло узел, привязывавший

украинскую массу к Русскому государству, а крестьянская реформа⁵⁸ закрепила его окончательно. Когда восстание 1863 г.⁵⁹ достигло Юго-Западного края и местная шляхта начала волноваться, у крестьянской массы не было иного взгляда на этот факт, кроме того, что паны снова хотят обратить народ в крепаков. Из этого взгляда вытекало соответствующее поведение. Крестьяне истребляли, где было возможно, отряды повстанцев, а главное, всюду собирались в купы, являлись к владельцам, связывали их и отвозили в город, к русским властям. Из души украинского хлопа было вытравлено всякое понимание и сочувствие по отношению к пану и, конечно, не обращением к прошлому, к казачеству, можно было привести к взаимному пониманию эти два существа, разъединенные совокупностью всего, что только способно разъединять людей: национальностью, социальным положением, религией. Ко времени последнего польского восстания 1863 г. казакофильство уже исчезло из среды украино-польского общества, выродившись в совсем нелепую и безобразную балагульщину*. Взамен ему выступило хлопманство — впрочем, очень скромно, с самым малым числом представителей, — которое выдвигало на место фантастического казака реального хлопа, требуя для него от шляхетства всей полноты человеческого отношения.

Но в исторически сложившихся условиях жизни Правобережной Украины хлопманство оказывалось столь же беспочвенным, как и казакофильство. Одно, как и другое, предполагало в своей дальнейшей практической разработке возрождение украинской национальности. А для украинского шляхетства национальность эта, которую оно бесследно утратило в самих себе и которую в данный момент видело лишь погребенной в социальных недрах хлопской массы, — национальность эта не существовала. Украинско-польское общество не могло даже и представить себе серьезно, что украинская национальность может занять какое-нибудь место в ряду прочих правоспособных, культурных национальностей, к каковым со справедливой гордостью причисляла себя национальность польская. Вопрос о возрождении украинской народности — этот щекотливый вопрос, в силу тех осложнений, какими его опутала история, — выдвинулся впервые не в Украине Правобережной, и даже не в Левобережной, где для его постановки было гораздо более основания, а в Украине Слободской.

Слободская Украина, как уже сказано выше, пережила, лишь в более короткое время и при несколько измененных условиях, тот же самый социальный процесс, как и Украина Левобережная. Каза-

* Балагульщина состояла в том, что шляхетские представители ее, ставшая в оппозицию к принятой утонченности манер, рядились в народные костюмы, напивались и воспроизводили в словах и действиях демократичную простоту в самых грубых и непривлекательных ее проявлениях⁶⁰.

чество и тут и там одинаково утратило в течение XVIII в. свое старое значение центрального общественного элемента, к которому все остальное было лишь придатком. На его место выступило панство, захватившее вместе с землей всю полноту гражданских, если не политических, прав, панство, которое опиралось на массу безземельного и бесправного «подданства». К концу царствования Екатерины II новый строй получил признание и утверждение со стороны государства, а вместе с тем и ту законченность форм, какой он был лишен до тех пор. Фактически панство поставлено было в положение русского дворянства, хотя пока еще без окончательного уравнивания с последним в правах, наступившим позднее; подданство прикреплено к земле; вместе с тем все общественные учреждения подведены под один тип русских общегосударственных учреждений. Таким образом, XIX в. не нашел уже существенных отличий между Украиной Левобережной и Слободской. Обе они составляли провинции Российской империи, с которой сливались всей совокупностью своих учреждений: все это была одна крепостная Россия. Под покровом политической нивелировки укрывалась в обеих провинциях одна и та же украинская народность, пока еще одинаково живая и жизненная. Стихия этой народности проникала не только в крепостное подданство, к которому примыкали остатки казачества, но и население городов, т. е. мещанство и купечество, частью духовенство, на которое направлялись особенные усилия в видах его денационализации, и, наконец, панство, которое само направляло на себя такие же усилия, чтобы возможно ближе подойти к русскому дворянству. Так как панство это почти сплошь вышло из казацкой старшины и все его геральдические притязания были сплошной выдумкой, чтобы удержать за собой землю и привилегированное положение, то понятно, какой интерес представляло для него отделиться от народа культурно — языком, одеждой, обстановкой: «благородный образ жизни» (т. е. отличающийся от простонародного) был одним из веских аргументов, которые выдвигались перед герольдией ищущими дворянства.

Навстречу стремлениям украинского высшего сословия, левобережного и слободского, к тому, чтобы отделиться от своего народа, шли сознательные стремления государства к культурному ассимилированию южнорусских областей. Элементарная школа, еще недавно столь же необходимая каждой украинской громаде, как и церковь, с которой почти составляла одно целое, исчезала: детям крепачков всякая школа была вредной роскошью, панские дети не нуждались больше в науке «дьяка», а учились у выписных русских и иностранных учителей; для промежуточных сословий были устроены Екатериной II и Александром I «народные училища»⁶¹. Средняя школа, представителем которой была семинария, все более и более утрачивала свой старый национальный характер: на это направлены были деятельные попечения духовного начальства, которое проводило

предписываемую ему программу действий. То же самое происходило и с высшей школой, которую для Левобережной Украины представляла собой Киевская Академия⁶², для Слободской — Харьковский Коллегиум⁶³.

Таким образом, хотя к началу XIX в. стихия украинской народности как в Малороссии, так и в Слобожанщине еще жила повсеместно в языке, в формах быта, в исторической традиции, но культурный рост народности был приостановлен. Просвещение сошло со своего старого естественного пути и вступило на новый, искусственно проложенный соединенными усилиями государства и местного дворянства, заинтересованного в своем объединении с дворянством русским. Тем самым украинская национальность, лишенная связей с общечеловеческой культурой, была обречена на умирание. Гибельный процесс начался и быстро развил свою опустошительную силу: в стороне от его разрушительного действия осталась лишь масса крепостного люда, который особенными условиями своего положения был огражден от всяких посторонних влияний, но зато же и всецело лишен возможности быть представителем национальной культуры. И малорусскую народность не спасло бы от гибели даже и то, что Котляревский своей «Энеидой» (1798) успел положить талантливое и знаменательное начало малорусской национальной литературе, в настоящем смысле этого слова. Делу спасения украинской народности, ее выведению на широкую арену общечеловеческой деятельности, общечеловеческой мысли, общечеловеческих идеалов послужило то же самое просвещение, которое было для нее в известном отношении столь губительно в силу своего одностороннего и искусственного направления. Еще в конце XVIII в. высший класс малорусского общества обнаруживал деятельное стремление к тому, чтобы обзавестись университетом.хлопоты о том, чтобы открыть университет в Полтаве или Чернигове, или даже в обоих этих городах, возобновлялись неоднократно, но не приводили ни к каким результатам; также бесплодны были и домогательства слободского шляхетства об университете в Сумах, — Харьков, другой большой город Слободской территории, имел для высшего образования не только духовенства, но и лиц светских сословий, Коллегиум, основанный епископом Епифанием Тихорским⁶⁴ еще в 1726 г. Но в политику правительства не входило пока заботиться об устройстве «средоточия просвещения полуденной России»; ему представлялось более удобным, чтобы просвещение это пользовалось уже существующими в Великой России средоточиями. Однако стечение исторических случайностей дало делу неожиданный оборот. Гуманное направление первых лет царствования Александра I совпало с тем обстоятельством, что среди харьковского дворянства нашелся очень образованный человек исключительной энергии, в высшей степени заинтересованный в деле местного просвещения и вместе с тем пользовавшийся личной благосклонностью молодого императора. В

подвижном уме Каразина⁶⁵, о котором идет речь, сложился широкий, можно сказать, грандиозный план нового университета в Харькове. Благодаря популярности, которую приобрел Каразин удачными хлопотами о грамоте 1801 г., подтверждающей права и привилегии слободско-украинского дворянства, ему удалось расположить в пользу своего плана харьковское дворянство и заставить его сделать крупное пожертвование. Пришли на помощь будущему университету горожане; оказались иные, случайные, денежные ресурсы. Надо сказать, что это новое, большое и трудное, дело создания южнорусского просветительного центра встретило в харьковском обществе благодарную и отчасти подготовленную почву: помимо прочих благоприятных условий, припомним, что всего лишь несколько лет прошло со смерти Сковороды⁶⁶, который долгое время жил в Слободской Украине, по преимуществу в Харькове и его окрестностях, и учил среди ее населения всех слоев, представляя собою настоящий «ходячий университет». Новый университет в Харькове — правда, очень суженный против первоначального плана и в программе и в средствах, — получил высочайшее утверждение в 1804 г. и открыт в следующем году. Возникший университет выступил очень скромно, в соответствие со скромной жизнью тихого провинциального города, каким был в то время Харьков; но тем не менее он сыграл видную роль в деле южнорусского просвещения — в частности, в том, что называется возрождением украинской народности. Независимо от своих талантов и энергии профессора университета все-таки создавали среду, которая являлась проводником культурных идей, связывала — плохо ли, хорошо ли — местную непосредственную жизнь с тем, что вырабатывала Западная Европа в сфере науки и философской мысли, в сфере общественных настроений.

Наряду со свободомыслием вообще, которое имело своим главным источником Францию, в Харьков рано проникли идеи славянской взаимности или единства, связанные с идеей возрождения отдельных славянских народностей. Лишь к 20-к годам XIX в. относится появление в среде западных и южных славян первых знаменательных трудов в области науки и литературы, имевших своим непосредственным источником эти идеи, а уже значительно раньше вышеупомянутый Каразин представлял правительству Александра I свой проект всеславянского государства; на Юге существовали масонская ложа «Соединенных славян»⁶⁷ и затем также общество того же имени, входившее в заговор декабристов. Очевидно, идеи славянского возрождения находили восприимчивую почву, благодаря тому наглядному пособию, какое заключалось в самом положении южнорусской народности. Как бы то ни было, уже к 30-м годам XIX в. около Харьковского университета сложился кружок людей, который выступил с сознательной мыслью работать на поприще науки и литературы для возрождения украинской народности, т. е., с одной стороны, для того, чтобы раскрывать путем научного труда

стихию этой народности, с другой — путем литературного творчества на народном украинском языке вводить ее в общую международную культурную связь. Всего 10 лет спустя после открытия университета в Харькове начинаются попытки периодических изданий — появляется «Украинский Вестник», «Украинский Журнал», «Харьковский Демокрит»⁶⁸, пока еще не обнаруживающие определенного направления. Но уже «Украинский Альманах»⁶⁹, напечатанный в 1830 г., ясно отражает на себе стремление своих составителей работать для культурного украинского возрождения. С тем же характером является через год новый альманах «Утренняя Звезда»⁷⁰, а «Украинский Сборник»⁷¹, который начиная с 1835 г. должен был иметь характер правильного периодического издания, был уже всецело посвящен украинской народности, и первое произведение, которым он открылся, была «Наталка-Полтавка»⁷². С таким же исключительно малорусским характером являются позже, в 40-х годах, «Снип» издателя Корсуна⁷³, частью «Молодик» издателя Бецкого⁷⁴, «Южнорусский Сборник» издателя Метлинского⁷⁵. Между 1833 и 1838 годами шло в Харькове одно научное издание, которое очень сильно отразилось на подъеме интереса к изучению украинской народности: подразумеваем «Запорожскую Старину» И. И. Срезневского⁷⁶, посвященную думам и их историческому объяснению. Срезневский являлся вместе с тем и главной силой литературных изданий, т. е. «Украинских Сборника» и «Альманаха». Этот юный, в высшей степени энергичный и даровитый, великоросс вырос в Харькове и страстно полюбил свою новую родину: он был, несомненно, самым выдающимся в ряду харьковских деятелей 30-х годов: из остальных на первом плане стоит Вадим Пассек⁷⁷. Позже, в 40-х годах, когда Срезневский вернулся из-за границы, где он изучал славянские наречия и литературу и занял кафедру в Харьковском университете, он своими лекциями также много содействовал воспитанию в учащемся юношестве симпатий к местному и народному элементу в науке и общественной жизни. Одновременно и в том же направлении работал в университете профессор Метлинский: далеко уступая Срезневскому как ученый и профессор, Метлинский превосходил его той настойчивостью, с какой он направлял внимание юношества именно на украинскую народность и ее изучение. Сам украинский поэт и страстный собиратель малорусских песен, Метлинский и своим личным примером указывал пути, по которым должны были идти его ученики.

Таким образом, в Харьковском обществе начиная с 20-х годов, через 30-е и 40-е, образовалась такая атмосфера, которая направляла внимание соприкасающихся с ней людей на изучение украинской народности и на духовную работу на почве ее языка и исторического предания. Вероятно, эта атмосфера заставила даровитого Гулака-Артемовского⁷⁸ после первых его русских литературных опытов обратиться к малорусскому языку; и, конечно, только она дала нам

Квитку⁷⁹. Совсем пожилым человеком, русским литератором с длинной, хотя и не особенно значительной карьерой позади, осмелился Квитка, подкрепляемый сочувствием местной среды, выступить на новый путь — литературного творчества на языке малорусском и, к счастью, еще успел дать несколько произведений непреходящего значения. Та же атмосфера, в центре которой был университет, успела приготовить для будущего такого важного для Украины деятеля, как Костомаров⁸⁰, уже не говоря о многих лицах меньших размеров и значения.

А между тем на южнорусской территории возник новый просветительный центр: подразумеваем университет Киевский. Он появился на свет в 1834 г. по инициативе генерал-губернатора Бибикова и тогдашнего министра народного просвещения графа Уварова⁸¹. Уже самые эти имена свидетельствуют ясно, что он возник из соображений по преимуществу политического характера. В самом деле, после восстания 1830—1831 гг. закрыты были Виленский университет и Кременецкий лицей⁸², поставленный на такую высоту его основателем Тадеушем Чацким⁸³, — учреждения польские. Необходимо было дать что-нибудь взамен.

Киевскому университету вручалась миссия утверждать значение Русского государства и народности в обширном районе Юго- и даже Северо-Западного края. Конечно, университет, как университет, не мог ограничить свою деятельность официальной программой. Просветительный центр, устроенный на исконной южнорусской территории, не мог не натолкнуться на иные задачи, стоящие в стороне от требований официальной программы. Уже первый ректор университета Максимович⁸⁴, одной стороной своих взглядов как бы совершенно удовлетворявший официальным политическим требованиям, другой — выдвигал нечто такое, что, по меньшей мере, не вмещалось в программу этих требований. С переселением в Киев, где, впрочем, он оставался недолго, для Максимовича открывается новая сфера литературной и научной деятельности, всецело посвященная Украине. Еще раньше он предпринял издание «Сборника малороссийских народных песен»⁸⁵; теперь он вкладывает все свои незаурядные силы в изучение истории, археологии, этнографии, топографии Украины, ее языка и словесного творчества, воплощая в своем лице, по словам одного биографа, целое ученое историко-филологическое учреждение для изучения Киевской Руси. В то же время он издает «Киевлянин»⁸⁶ и позже «Украинец»⁸⁷, первые научно-литературные издания, появившиеся в Киеве, которые он также посвящает почти исключительно местному изучению. И что еще важнее и знаменательнее: он, ученый по образованию, положению, личным вкусам, составляет книги для народа — «Букварь», «Книгу Наума о великом Божьем мире» и перекладывает псалмы на украинский язык. Очевидно, само положение украинской народности подсказывало южно-

русским деятелям кое-что такое, до чего севернорусским надо было доходить длинным путем накопления мысли и исторического опыта.

Конечно, идеи славянской взаимности, единения, возрождения проникали в Киев по тем же путям, как и в Харьков. Максимович, еще в бытность свою в Москве, был горячим приверженцем этих идей, и, без сомнения, он не оставался в этом отношении одиноким, когда перенес свою деятельность на родину, в Киев. Но на южно-русской почве в связи с ее особенными условиями идеи эти должны были претерпевать такие изменения, которые отклоняли их далеко от родственного им по происхождению московского славянофильства⁸⁸. Жизнь скоро дала любопытный образчик этой эволюции идей. В 1846 г. в Киеве при участии профессора местного университета Н. И. Костомарова устроилось тайное общество, или братство, которое избрало своими патронами славянских первоучителей Кирилла и Мефодия⁸⁹. Кирилло-Мефодиевское общество было вполне незначительно по своим размерам и влиянию, да и не имело оно времени приобрести ни больших размеров, ни заметного влияния: уже в марте следующего 1847 г. все его действительные члены — Гулак⁹⁰, Костомаров, Белозерский⁹¹, Шевченко, Кулиш⁹² и некоторые другие сделались жертвами доноса, были арестованы и подверглись тяжелым наказаниям, мало соответствовавшим официально признанной степени их виновности*. Но более чем незначительное по внешним проявлениям своей деятельности, общество это в высшей степени любопытно с другой стороны — со стороны тех идей, которые оно собой представляло. На программной канве единения и возрождения славянских народностей мысль этих южноруссов, питавшаяся впечатлениями от положения своей родной народности, вышла такие узоры: уничтожение крепостного права вместе с упразднением вообще всяких сословных привилегий и преимуществ; религиозная свобода и веротерпимость; полная свобода мысли, научного воспитания и печатного слова. Общеславянское будущее представлялось этим молодым украино-славянистам лишь в виде обширной федерации славянских народностей. По отношению к задачам практическим ставилось на первом плане просвещение украинского народа, издание для него полезных книг, основание сельских школ при содействии образованных помещиков. Одним словом, в идеалах членов Кирилло-Мефодиевского братства можно усмотреть нечто такое, что стоит совсем в стороне от идей панславизма⁹⁴ и на первом плане наряду с западным или западническим либерализмом — ясное влияние идей христианского социализма в духе Ламеннэ⁹⁵. Ученые мечтатели были рассеяны далеко от своей родины, но идеи их остались. На украинской почве идеи эти подверглись

* В докладе графа Орлова⁹³ императору Николаю I Кирилло-Мефодиевское общество названо «ученым бредом трех молодых людей» (Гулака, Костомарова, Белозерского).

новым изменениям. От панславизма остался лишь как политический идеал федеративный строй, с равенством всех входящих в него народностей, с полнотой гражданских прав внутри народности; от христианского социализма — лишь атмосфера гуманности, где внимание привлекается ко всем труждающимся и обремененным; и, наконец, на первом плане, с полным господством и преобладанием в мыслях и чувствах, выступила украинская народность с ее подавленными историей интересами, с требованиями для нее самостоятельного культурного развития, которое обеспечило бы народной массе дальнейшее участие в общечеловеческой жизни. Конечно, лишь уничтожение крепостного права сообщило этому построению ту необходимую устойчивость, без которой оно имело бы совершенно утопический, беспочвенный характер.

Эта новая фаза развития руководящих идей в умах культурных южнорусских людей носит название украинского народничества, или украинофильства. Случайность подарила Украине человека, который силой своего гения вдохнул живую душу в то, что, может быть, иначе осталось бы мертвою схемой. Незначительный член Кирилло-Мефодиевского братства, однако подвергшийся такой каре, которая превосходила кару всех остальных его членов, человек этот, Тарас Шевченко, сыграл такую роль в деле возрождения украинской народности, какая редко выпадает на долю одного человека. Язык, на котором писал Шевченко, не мог быть языком некультурным или несамостоятельным; историческое предание, которое трепетало напряженной жизнью в его пламенных стихах, не могло не находить живых нитей в душе южнорусского человека; та народная душа, которая сообщала его поэзии все эти бесконечные оттенки и переходы чувств и мыслей, то глубоко нежных, то утонченно изящных, то бесконечно скорбных, то потрясающих душу мстительным гневом, непримиримой ненавистью, — эта душа не могла не быть душой богато одаренного народа, блестящая будущность которого не нуждалась в особых утверждениях.

Когда освобождение крестьян расчистило поле для деятельности в пользу народа, тотчас же появился литературный орган, всецело посвященный интересам украинской народности. Орган этот — «Основа»⁹⁶ (1861—1862); около него сгруппировались все представители тогдашнего украинофильства. Во главе их стояли те же старые члены Кирилло-Мефодиевского общества: Костомаров, Шевченко, Кулиш и Белозерский как издатель — все люди не только выжившие, но и выстрадавшие те идеи, с которыми они теперь являлись. К ним примкнули молодые украинцы, в которых было живо национальное чувство. Издавалась «Основа» не на Юге, а в Петербурге: случалось и раньше, что работа для украинской народности шла в северных центрах, — укажем хотя бы на примере Бодянского⁹⁷, который столько лет и так плодотворно работал в Москве для

созидания южнорусской истории *. В краткое время своего существования «Основа» успела сделать очень много как для уяснения теоретической стороны украинофильства, так и его ближайших практических задач: кроме того, на страницах ее появилось, даже и помимо стихотворений Шевченко, много литературных произведений, составляющих до сих пор украшение малорусской литературы. Но реакция в настроении русского общества, наступившая с польским восстанием, отразилась и на «Основе», которая прекратила свое существование. С тех пор украинское народничество, когда-то так дружно группировавшееся около «Основы», подверглось опять дальнейшему развитию, разбившему его на несколько отдельных течений. Но после этого в пределах Русской Украины оно не имело уже возможности представить себя и свои взгляды на суд общественного мнения в каком-либо собственном периодическом издании. Такое представительство выпало на долю Галиции.

Первый раздел Польши, по которому Галиция отошла к Австрии (1772), застал русскую народность края в состоянии полного пригнетения: дело ее казалось проигранным всецело и окончательно. Народная масса находилась в рабстве и не могла проявлять никакой духовной жизни; русское мещанство было малочисленно, бесправно и бессильно; те единичные представители шляхты русского происхождения, которые не утратили еще русской веры, уже не имели с народом ничего общего, кроме этой веры: ни языка, ни национальных традиций или симпатий. Кроме того, русская вера в Галиции была сближена с католичеством своим униатским обрядом, так что высшее духовенство, выбиравшееся преимущественно из монахов-базилиан, было больше католическим, чем православным; низшее же духовенство — бедное и невежественное, так как было лишено всякой поддержки, материальной или духовной, со стороны государства — выделялось из рядов своей крепостной паствы лишь тем, что пользовалось благом личной свободы, да и то не вполне: семьи священников не были освобождены от панщины юридически, а фактически и сами священники притягивались к панщине самоуправством шляхты, на которую негде было искать ни суда, ни расправы **. Остатки самостоятельной духовной жизни тлели лишь во Львовском Ставропигиальном братстве ⁹⁹ да в православном Манявском ските ¹⁰⁰, но что могли значить они перед лицом польской культуры, которая заливала край во всех уголках и во всех проявлениях его интеллектуальной жизни? Таким образом, русская народность Галиции была стиснута тесными узами зависимости экономической, пра-

* В «Чтениях Московского Общества Любителей Истории и Древностей» за 1846—1847 гт. (с перерывом в 10 лет) напечатан им целый ряд малорусских памятников ⁹⁸.

** Только рескриптом 1774 г., т. е. два года спустя после присоединения к Австрии, были освобождены от панщины священники и их семьи.

вово́й, культурной и, казалось, обречена бесповоротно на гибель. Но тем не менее она не погибла.

Австрия, получив этот кусок Польши, тотчас заметила, что здесь рядом с поляками, естественно ей враждебными на первых порах, живут русские, столь же естественно враждебные этим ее врагам, т. е. полякам. Разумеется, политическая мудрость должна была воспользоваться положением, чтобы через покровительство русским ослаблять поляков. Кроме того, русские могли рассчитывать в случае надобности на помощь России, и Австрии приходилось считаться и с этим условием. Одним словом, присоединение к Австрии открывало для русской народности некоторые перспективы, до тех пор закрытые. А личные свойства наследника Марии Терезии, императора Иосифа II¹⁰¹, человека просвещенного и гуманного, придали этим перспективам неожиданный захват в ширину и глубину.

Помимо дипломатических соображений, вся деятельность Иосифа II в ее общем направлении и характере была в высшей степени благоприятна подъему русской народности из того принижения, в каком она находилась.

Стремясь к освобождению крестьянства от крепостной зависимости, Иосиф II издал ряд указов, которые значительно изменили к лучшему положение русского хлопча в Галиции: введение инвентарей ограничило панщину и вообще экономический произвол помещика по отношению к крепостному; крестьянин освобожден был от доминиального (владельческого) суда и подчинен общей государственной юрисдикции; возвращены были народной массе некоторые важные личные права, как, например, право вступать в брак без разрешения владельца, право приобретения в собственность и передачи по завещанию земельного имущества, право приписки к городским обществам и цехам, право поступать в учебные заведения наравне с лицами других сословий и проч. Таким образом, если русский хлоп и не приобретал общественной полноправности, то все-таки в значительной степени освобождался от власти своего пана-поляка, а такое изменение общественных отношений не могло пройти бесследно. Не меньшее значение имела для галицкой русской народности другая сторона правительственной деятельности Иосифа II, — именно то противодействие, которое он направлял на католицизм и католическое духовенство. Как противовес исключительным притязаниям католической религии выдвигалось значение других вероисповеданий, и между прочим православного в обоих его обрядах; предпринятая правительством Иосифа секуляризация церковных имуществ и добытые таким образом средства обращены в просветительный фонд, которым пользовались граждане всех христианских вероисповеданий. Из всего этого русская национальность Галиции извлекла для себя огромные выгоды. Униатское духовенство вышло из того состояния приниженности, в каком оно находилось раньше: жалованье от государства дало ему известную материальную незави-

симость, а просвещение поставило его в положение духовного руководителя своей паствы. По отношению к просвещению заботы правительства Иосифа II были особенно заметны. Кроме семинарии в Вене¹⁰², основана была русская семинария во Львове¹⁰³ с хорошей библиотекой и большим количеством казенных стипендий. Затем открыт был (1784) Львовский университет¹⁰⁴, при котором на шести кафедрах богословского факультета преподавание должно было идти на русском языке. Вслед затем австрийское правительство назначило особые фонды на устройство сельских школ при церквях и на издание учебников для этих школ.

Таким образом, галицко-русская народность одним поворотом исторического колеса получила такие благоприятные условия для своего развития, о каких еще незадолго перед тем едва ли смела и мечтать. Но она не сумела ими воспользоваться. И не мудрено: национальное самосознание, пригнетенное в течение столетий, не могло окрепнуть сразу, чтобы возвыситься на степень руководящего начала общественной жизни. Так, например, русины не сумели извлечь для своей народности ничего из законов о языке, этом существенном содержании всякой национальности. Для них самих так же, как и для внешней им среды, русский язык представлялся или в виде языка церковнославянского — языка богослужебных книг, т. е. мертвого, неспособного к развитию, или же в виде языка простонародного, «хлопской мовы», на которой было неприлично изъясняться человеку, стремящемуся к культурному положению, к обособлению от хлопской массы. Польская культура, а вместе с нею и польский язык продолжали оставаться для русинов единственными проводниками образованности. Все новые благоприятные условия послужили лишь к тому, чтобы расчистить поле борьбы внутри той единственной культурной группы, которая признавала себя за русинскую: началась борьба униатского духовенства с православным, черного с белым.

А между тем и внешние условия изменились к худшему. Император Франц¹⁰⁵ совсем не был намерен идти по стопам Иосифа II. Он снова заключил конкордат с папой и вообще стремился восстановить в прежней силе значение католической религии. По отношению к Галиции эта перемена политики имела такие результаты. Католическое духовенство, взяв снова полное преобладание над духовенством униатским, воспользовалось своим влиянием, чтобы парализовать все просветительные меры Иосифа II в пользу русинской народности. Русские кафедры Львовского университета были закрыты, а вслед за тем и самый университет перенесен в Краков (1805—1809), во Львове же остался лишь лицей с богословским факультетом, где преподавание велось уже на латинском языке. Когда в 1817 г. началось дело преобразования народных школ, для этой цели была сформирована школьная комиссия, в состав которой наряду с 11-ю немецкими членами входили католический архиепис-

коп и униатский митрополит. Эти духовные представители комиссии подняли спор о том, на каком языке, русском или польском, должно происходить преподавание в русинских народных школах. Комиссия пришла к заключению, что польский язык как единственный настоящий язык края должен быть принят и во всех народных школах, простонародный же, русинский, язык, который представляет не что иное, как отклонение того же польского языка, не может быть допущен в правительственные школы, где могут учиться и дети лиц высших сословий, для которых было бы оскорбительно обучаться на мужицком жаргоне. По отношению же к церковнославянскому языку, необходимому для русинов как языку их вероисповедного культа, им предоставлялось право заводить для обучения этому языку частные школы, без пособия из государственных фондов. Таким образом, снова нанесен был тяжелый удар делу возрождения галицко-русской народности.

Как это ни странно на первый взгляд, но тем не менее несомненно, что просветительные европейские влияния — немецкие на первом плане — легче проникали в отдаленную Малороссию и вообще в Южную Русь, чем в соседнюю Галицию. Объясняется это социальным положением русинской народности. Ее единственной культурной группой, как уже сказано выше, было духовенство, а духовенство всюду представляет собой среду, плохо проводящую все новое и чуждое. Даже такие толчки, как реформы Иосифа II, не разбудили его от вековой спячки. В то время как на Украине уже появился Котляревский, а вслед за ним Артемовский-Гулак и Квитка, не упоминая о писателях меньшего таланта и значения, — в Галиции даже передовые люди своей народности с презрением относятся к простонародному языку, языку «скотопасов», по выражению одного выдающегося из галицких патриотов Зубрицкого¹⁰⁶. Но дух времени тем не менее делает свое вечное, неотвратимое дело. Философские идеи Гердера¹⁰⁷, влияние немецкого романтизма с его тяготением к старине и народности в поэзии не могли не проникнуть и в галицкое общество при его близком знакомстве с немецким языком как языком его государственности; идеи славянской взаимности и возрождения завладевают умами передовых людей славянских народностей, живущих в пределах той же Австрийской монархии; польские ученые начинают интересоваться галицко-русским народом, в особенности его песенным творчеством, и появляется сборник песен Вацлава Залесского¹⁰⁸, в то время как польские поэты украинской школы обращаются к истории украинского русского народа, причем Падурра¹⁰⁹ пользуется даже украинским языком, хотя и извращает его на польский лад; наконец — и это самое главное — в Галицию проникают какими-то путями произведения русских украинцев, и прежде всего «Энеида» Котляревского. Польское восстание 1830 г., сильно отозвавшееся в Галиции, откуда шла на помощь масса польской молодежи, послужило и для русинов тем толчком,

который сообщает творческую работу косной мысли. Революционное движение, всегда столь обаятельное для молодости, захватывало вместе с поляками отчасти и русинов, но вместе с тем резко выдвигало вперед вопрос о взаимных отношениях народностей, польской и русской, и о дальнейшей постановке этих отношений. Вскоре после польского восстания уже начинают обнаруживаться первые ясные следы национального самосознания среди галицких русинов, прежде всего среди учащейся молодежи, львовских студентов-богословов.

Три ласточки, открывшие весну возрождения галицко-русской народности, эта «русская троица» — были Шашкевич, Вагилевич и Головацкий¹¹⁰, причем все преимущества талантливости, а вместе с тем ясности и стойкости убеждений находятся на стороне Маркиана Шашкевича. К этим трем присоединились еще студенты и священники, и образовался кружок человек из двадцати, решившихся посвятить свою деятельность восстановлению народного языка в его естественных правах. Первым шагом в этом направлении была церковная проповедь на «хлопском» языке, несмотря на то, что такое появление «хлопского» языка на церковном амвоне производило впечатление общественного скандала. Затем появился альманах «Днестровая Русалка» (1837)¹¹¹. Этот альманах, совершенно невинный по существу и посвященный главным образом народным песням, встревожил австрийское правительство, не желавшее в силу своей тогдашней, крайне реакционной, политики никаких проявлений народной жизни, и отметил собой начало новой эры в истории Галицкой Руси. Точас же появились подражания, частью литературные, частью научные, работы этнографические, касающиеся русской народности, исследования грамматики местного языка.

Однако движение это на первых порах не было особенно значительным. Так как носителем народности была народная масса, а масса эта была хлопской, т. е. неравноправной, неспособной и, следовательно, презираемой, то общественная психология здесь, как и всюду, не могла выбиться из уз, налагаемых этим основным фактом. Среди самого духовенства, несмотря на его патриотическое настроение, принятым языком был язык господствующего класса, т. е. польский. Проповеди говорились по-польски; по-польски писались стихотворения с патриотическим содержанием; церковные книги печатались латинским шрифтом. Крутой поворот в этом отношении принес 1848 г., изменив существенно положение хлопской массы, он изменил и положение вопроса о русинской народности в Галиции.

Волна революционного движения потрясла всю западную половину европейского материка. В Австрийской империи движение это отозвалось чувствительнее, чем где-либо: восстала Венгрия, восстали славянские народности Австрии, подготовленные предыдущим умственным движением, с чехами во главе, и образовали из своих пред-

ставителей общий федеративный сейм в Праге. Правительство поспешило навстречу народным требованиям. По отношению к Галиции эта поспешность была тем усиленнее, что Австрия рассчитывала найти в русинах в эту трудную минуту противовес беспокойным полякам. Неожиданные дары, захватившие русинов врасплох, посыпались на них как из рога изобилия. Разом уничтожено было крепостное право в тех его остатках, какие задержались от реформ Иосифа II, и народу Галиции была дана «конституционная свобода», т. е. русская народность одновременно получила полноту не только гражданских, но и политических прав. Был восстановлен Львовский университет, и на кафедрах богословия, русской словесности, русской истории вновь началось преподавание на русинском языке. Русский же язык был введен в семинариях, духовных училищах и даже тех гимназиях, где преобладание по численности принадлежало русским ученикам. Сельские школы были переданы в ведение униатских консисторий и этим путем также превращены в русские. Весь этот неожиданный поворот событий возбуждал крайнее негодование господствующей национальности края — поляков. Они готовы были считать начинающееся движение выдумкой русинов, столкнувшихся с правительством назло полякам. Они кричали, что русинов «выдумал» граф Стадион (губернатор края)¹¹², что если русинская народность и существовала когда-нибудь, то уже давно выродилась и исчезла, что русинский язык есть только наречие языка польского и т. п. Возбуждаемые этим противодействием, русины воспользовались предоставляемым конституцией правом сходок и собраний и устроили из представителей русинской интеллигенции «Русскую раду»¹¹³, которая имела большое значение в развитии национального самосознания. С «Головной Русской радой», имевшей место во Львове, находились в связи 34 рады, учрежденные в менее значительных городах и селах. Члены Головной рады в целях содействия просвещению и издания книг созвали «Собор русских ученых и любителей просвещения народного» и основали «Матицу»¹¹⁴ — общество для издания полезных книг для народа. Общим усилием галицко-русской интеллигенции при содействии правительства устроен был Народный дом¹¹⁵, где помещались русская библиотека, музей, русская книготорговля, народный клуб. На фонды этого дома содержалась первая галицко-русская газета «Галицкая Зоря»¹¹⁶. Направление этой газеты может служить ясным указателем того настроения, которое господствовало в это время среди галицких русинов. Они выставили такую программу, которая долго потом была программой передовой части галицко-русской интеллигенции: прежде всего «добро и счастье народа» в демократическом смысле этого слова, причем особенно подчеркиваются, как первенствующая субстанция этого добра и счастья, права веры и религиозного обряда; затем «развитие и поднятие народности во всех ее частях»: совершенствование языка, введение его в школах, высших и низших,

издание газет и полезных книг на народном языке, поднятие галицко-русского языка на один уровень с другими полноправными языками государства и т. д.; наконец, охрана конституционной свободы и прав и стремление искать улучшения лишь на путях, не выходящих за пределы этих конституционных прав. На практике «Галицкая Зоря» не отождествляла народного добра с вопросом веры и церковного обряда, а на понятном языке разъясняла народу его конституционные права и разные стороны аграрного вопроса, который встал теперь перед галицким народом, получившим в надел землю за выкуп, равнявшийся трети ее стоимости, но со спорной постановкой сервитутных прав (прав пользования общими угодьями).

Итак, «Галицкая Зоря», орган Львовской, или «Головной Русской рады», вполне отражала в себе настроение галицко-русского общества, неожиданно захваченного таким исключительным историческим моментом, какой представлял 1848 г. С одной стороны, газета эта свидетельствует о быстром и высоком подъеме национального самосознания, силой верного инстинкта связавшего дело народности с делом народа, с принципом демократическим, но с другой стороны, она же дает доказательства, как слабо развиты, мало опытны были русины в политическом отношении, как неясно пока понимали они основные задачи своей общественности. Дальнейшие события отчетливее обнаружили все эти недостатки галицко-русского общества.

Прошло полтора года, и политика австрийского правительства сделала крутой поворот в сторону реакции. Реакция эта захватила и Галицию. Конечно, всегда легче не дать, чем взять обратно, и приобретенные русинами институты продолжали существовать, служа опорой для дальнейшего развития в духе национальной самостоятельности; но движение тормозилось с разных сторон. Вот тут-то и обнаружили русины указанные выше отрицательные стороны своей общественной психологии. Они раздражали поляков неуместной заносчивостью, сами шли навстречу реакционным мерам австрийской политики, тратили свои и без того незначительные силы на предметы маловажные, вроде «очищения обряда» (религиозного) или употребления той или иной азбуки, не замечая из-за этих деталей существенной стороны вопросов; наконец, разбились на партии, которые проводили время во взаимной вражде и борьбе. Характеристика этих партий в их взаимных отношениях показывает, как неясно было еще в эту эпоху национальное самосознание русинов.

На первом плане выступает теперь партия лояльная, или Св. Юра, Святоюрская¹¹⁷. Ее составляло главным образом униатское духовенство, в особенности высшее, с митрополитом во главе. Святоюрская группа по принципу держалась заодно с правительством и таким путем захватила в свои руки более влиятельные учреждения, просветительные и иные, в том числе и Народный дом. Ставя выше всего интересы униатского обряда, эта партия относилась

с подозрительностью ко всем проявлениям свободной мысли и пользовалась возможностью их преследовать. Остальная часть галицкой интеллигенции, не разделявшая с этой ультрамонтанской группой ¹¹⁸ ее исключительных симпатий, разбилась опять-таки на две партии. Одна из них, получившая позже название старорусской ¹¹⁹, установилась на такой точке зрения, что дальнейшее развитие галицкой народности возможно только при содействии России и через усвоение русской культуры и русского литературного языка. Другая партия полагала, что правильное национальное движение возможно только на своих собственных исторических основах и путем развития своего собственного языка и возведения его на степень языка культурного: партия эта получила название народовцев ¹²⁰. Впрочем, выяснили обе партии окончательно свои принципы и программы лишь позже, а пока действовали ошупью. Первая направила все свои усилия на то, чтобы усвоить общий язык русской гражданственности, но она не могла достичь этого, так как литературный язык следует в своем развитии за развитием общественной жизни, а галицкая жизнь была слишком не похожа на жизнь России. В своем стремлении достичь недостижимого галичане этой группы сочиняли смешной и нелепый искусственный язык, который противники не без основания обзывали «язычием», и на этом так называемом «твердом языке» писали торжественные оды, представлявшие с точки зрения русского литературного языка пародии на Ломоносова и Державина. В то же время обе группы тратили свои скудные силы на смешные мелочи, вели борьбу с графом Голуховским ¹²¹, наместником Галиции и представителем правительственной реакции, из-за того, употреблять ли кириллицу или так называемый гражданский шрифт; враждовали между собой бесконечно из-за того, как следует писать: «русский» или же «руський», так что значение буквы «с», удвоенной или просто смягченной, выросло до знамени двух партий, разделявших общество.

Но вот пришли 60-е годы, и опять наступила перемена к лучшему. Неудачи в Италии снова повернули Австрию ¹²² на путь политического либерализма, и она опять зажила свободной жизнью конституционного государства. В то же время до Галиции достигла та волна украинского литературного движения, которое имело свой кульминационный пункт в «Основе». Особенно сильное значение имело для галичан знакомство с произведениями Шевченко. Умственная и общественная жизнь галицкого общества начала выходить из своего прозябания, и это отразилось с особенной силой на народовцах — молодой русской партии, или украинофилах, как еще называли их по терминологии, заимствованной из Российской Украины. Появилось несколько литературных органов этого направления: «Вечерницы», «Мета», «Нива», «Русалка» ¹²³ и т. п. Направление это сначала было поверхностным, несоразмерно увлекалось декоративной стороной украинской истории и народного быта, но постепенно

приобретало более глубокий характер в своем стремлении слить развитие национального самосознания с реальными интересами народной массы. Конституционная жизнь открывала широкое поле для развития практической деятельности в пользу народа — в отстаивании его интересов политическим путем, в содействии ему путем устройства читален и библиотек, обществ трезвости, вспомогательных касс, потребительных товариществ и т. п. Таким образом, народовцы все определеннее и тверже становились на положение политических руководителей народа, развивая в то же время литературный язык на местных народных основах. А между тем произошли некоторые изменения внутри старорусской партии, или москвофилов, как их называли противники. Ранее они не отделяли себя резко от партии народовцев: одни и те же лица, случалось, участвовали в литературных органах обеих партий, как в «Правде», так и в «Слове»¹²⁴, писали, как, например, Гушалевиц¹²⁵, поэтические произведения на языке народном, прозаические — на твердом и т. п. Но со второй половины 60-х годов старорусская партия строже устанавливается на своем принципе единого общерусского народа и единого языка и находит средства расширить свою деятельность в этом направлении, представляя теперь уже решительную оппозицию партии народовцев. Когда молодая партия народовцев основала в 1868 г. просветительное общество «Просвіта»¹²⁶, во главе которого стоял профессор Огоновский¹²⁷, вслед за ней и старая устроила такое же просветительное общество имени М. Качковского¹²⁸. В руках этой партии оказались те старые значительные учреждения, которыми распоряжалась раньше партия Святоюрская, как-то: Ставропигийский Институт¹²⁹, Народный дом, Галицко-русская Матица и т. п.; ей принадлежало несколько литературных органов, газет и журналов; в рядах ее числились писатели и ученые с известными именами, раньше принадлежавшие частью или всецело иному, народовческому, направлению, как-то: Я. Головацкий, профессор Наумович, Зубрицкий, Устианович¹³⁰, Гушалевиц и др. Партия, кроме деятельности чисто литературной, также начала развивать и деятельность практическую среди народа, устраивая в параллель своим противникам также сельские читальни и иные учреждения просветительного характера.

Как ни ослабляли галицкие партии свои силы враждой и междоусобной борьбой, все-таки за это время, с 1848 по 70-е годы, они успели оттеснить польскую культуру, еще недавно господствовавшую среди русинов. Конечно, это не лишило польскую национальность господства в той русской части Галичины, где она представляла собою все крупное землевладение. Мало того: с 70-х годов австрийская политика перестала поддерживать русинов в их борьбе с польским элементом и передала их, таким образом, в распоряжение господствующей национальности, представляющей собой в галицком сейме подавляющее большинство. Но зато, с другой сторо-

ны, развитие национального самосознания, в связи с усиленными заботами галицкой интеллигенции о культурном подъеме крестьянской массы, позволили выдвинуть эту массу на арену политической деятельности. В 1873 г. создано было впервые в Галиции «народное вече»¹³¹, и таким путем крестьянство было привлечено к участию в общей духовной жизни народности.

Рост национального самосознания захватывает галицких русинов вплоть до того общественного фундамента, какой представляет собою крестьянство; в верхней, культурной, части общества духовная энергия в этом направлении развивается все с большей и большей интенсивностью. Эта интенсивность наблюдается, впрочем, лишь в той части галицкой интеллигенции, которая выше охарактеризована под именем народовцев. Вместо старых литературных органов, не стоявших на высоте современных требований, у народовцев с начала 80-х годов являются «Діло», «Зоря», «Батьковщина»¹³² — газеты, твердо и определенно стоявшие на «национально-демократических» принципах, благодаря которым и сама партия постепенно приобретает новое название национально-демократической партии. «Прогресив», просветительное общество, о котором была речь выше, выделяет из себя в 1873 г. «Общество имени Шевченко»¹³³ с целью содействия литературе и науке изданием трудов оригинальных и переводных. С 1892 г. это Общество под именем «Наукового Товариства имени Шевченко» поставило своей исключительной задачей развитие науки на местном языке. С этого недавнего времени Товариство успело развить так широко свою деятельность, что, несомненно, недалеко то время, когда австрийское правительство увидит себя вынужденным к учреждению местной академии наук по примеру других славянских и неславянских областей Австро-Венгрии; уже и теперь оно выдает Товариству денежную субсидию.

Где есть жизнь — там развитие, где развитие — там дробление, и национально-демократическая партия уже успела выдвинуть из себя новую влиятельную фракцию, которая стремится к тому, чтобы вывести дело галицкой народности из рамок национальной исключительности и связать его с европейским радикальным течением общественной мысли и жизни. Новые настроения выдвигают и новых лиц, между которыми первенствующее место принадлежит крестьянскому сыну Франку¹³⁴, совмещающему в себе таланты поэта и публициста с настроениями практического деятеля. Но перед волнующимся океаном современности, над которым реют неясные тени будущего, прекращается дело историка.

Южнорусская народность вне пределов России живет не только

в Галиции; небольшое число русинов есть еще в Буковине и Венгрии, или Угорщине *.

Воеводство, или герцогство, Буковина, лежащее на юг от Галиции, составляет особую провинцию Цислейтании с центральным пунктом в Черновцах, с собственным областным сеймом и управлением. Буковинские русины имеют общее происхождение с галицкими, но уже в XV в. Буковина вошла в состав Молдавии, с которой вместе перешла под власть Турции и, отделившись таким образом от остальной Червонной Руси, образовала некоторые особенности. Самой заметной из этих особенностей является православный обряд, который был сохранен буковинскими русинами в его старой неприкосновенности. Занятая во время турецкой войны русскими войсками, Буковина была уступлена Екатериной Австрии после мира в Кучук-Кайнарджи. В настоящее время здешним русинам приходится отстаивать свою народность как от немцев, язык которых есть официальный язык области, — а следовательно, и ее администрации, университета и средних школ, — так, одновременно, и от румын, стремящихся расширять свою национальность на счет русинской. Но самая потребность отстаивать национальность, пробуждение национального самосознания явились у буковинских русинов очень недавно. Оно связывается с талантливой личностью Федьковича (1834—1887)¹³⁵. Гуцул (буковинский горец) по происхождению, Федькович развил свой незаурядный талант влиянием, с одной стороны, немецкой, а с другой — украинской литературы. Влияние Шевченко было так сильно, что до известной степени подчинило себе Федьковича, несмотря на несомненную силу и оригинальность его поэтического дарования. Уровень культурной мысли на Буковине был так низок, что, когда Федькович начал писать свои стихи и повести в начале 60-х годов, его произведения находили признание и оценку в Галиции и на Украине, но не на родине. Однако такова власть живого и талантливого слова: оно разбудило пригнетенную русскую народность Буковины к интеллектуальной жизни. В 1870 г. появляется здесь первая газета «Зоря Буковинская»¹³⁶, и с этих пор подъем национального самосознания на Буковине идет очень энергично. В настоящее время буковинские деятели в области науки, литературы и общественной жизни идут рука об руку с галицкими, и газета «Буковина»¹³⁷ занимает почетное место в ряду периодических изданий на южнорусском языке.

Значительно хуже стоит дело возрождения русинской народности в Угорщине, несмотря на ее численное превосходство над Буковиной. Причиной этого служит тот материальный и духовный гнет, под каким с давних пор держат мадьяры эту отрасль южнорусского племени.

* В восточной Галиции русинов считается 2,85 млн, в Угорщине — около 600 тыс., в Буковине — 250 тыс.

Угорская Русь занимает северо-восточную часть Венгрии; центральными пунктами ее являются Пряшев¹³⁸ и Ужгород. Когда и как забросили исторические судьбы эту горсть русского народа за Карпаты — неизвестно. Надо думать, что венгры, занявшие в X в. Тиссо-Дунайскую равнину, уже нашли русское население по ту сторону Карпат. В XIV в. один из литовских князей Кориатовичей¹³⁹ переезжает из Подолья в Венгрию и получает в удел от венгерского короля русскую Угорщину; этот факт связывается с устройством в Мункачеве¹⁴⁰ православного духовно-просветительного центра. Но православие подверглось здесь такому же натиску со стороны католицизма, как и в Галиции, и натиск этот привел к таким же результатам: в половине XVII в. угорско-русское духовенство приняло унию. Только обнаруженный при Марии Терезии¹⁴¹ угорскими русинами австрийский патриотизм доставил им в 1773 г. независимую мункачевскую русско-униатскую епархию, из которой потом выделилась епархия пряшевская. Но некоторым интересом и участием к делам своей веры и обряда и исчерпываются проявления самостоятельной духовной жизни угорских русинов. Даже духовенство их, единственная культурная группа, всегда отличалось крайне низким уровнем просвещения: это объясняется, с одной стороны, оторванностью этой веточки южнорусского племени от остальной его массы, с другой — хищным характером мадьярской национальности, среди которой она заброшена. Духовенство не сумело отстоять даже прав церковнославянского языка, уже не говоря о местном русинском, и с начала XIX в. в семинариях преподавание ведется на латинском языке. Однако 1848 г. был поворотным пунктом и в истории Угорской Руси. Два новых условия принес он с собой: уничтожение крепостного права и ближайшее непосредственное знакомство с русскими людьми, — известна роль русского государства при усмирении революционного движения в Венгрии¹⁴². К этим условиям присоединилось и влияние соседней Галиции. Но только одно из галицких направлений нашло отголосок и сочувствие в Угорщине: это так называемое старорусское, или москвофильское. Украинофильское же, стремившееся к тому, чтобы развивать культуру на основе местного народного языка, встретило в Угорщине самое враждебное отношение. Угорские русины твердо стали на том, чтобы примкнуть к языку и духовной культуре, выработанной русской государственностью. Но, разумеется, они лишь растрчивали свои скудные силы на преодоление тех трудностей, какие представляет собой духовная работа в стихии чуждой речи: никакое творчество в этих условиях не было возможно. Оттого литературная деятельность угорских русинов поражает своей скудостью и бессилием и, наконец, совсем замирает: следующее же поколение, дети этих самих старорусских деятелей, кидает безнадежное дело и под давлением господствующей национальности омадьяривается. В то время как в Галиции работа народолюбивой партии — культурное движение на националь-

ной основе — все растет и усиливается, здесь, в Угорщине, замирают и те жалкие проявления, какие возникли было после 1848 г. Однако мадьяризация могла захватить только культурный класс: для простонародной массы усвоение мадьярского языка представляло слишком большие трудности, так что угорские русины в массе продолжали оставаться при своем собственном русинском языке. Но язык этот в данных условиях погружал народ в полнейшее разобщение со всякими просветительными влияниями, в полнейшее невежество, которое отражалось и на материальной стороне народного быта. Видя себя поставленным в необходимость бороться с обеднением народа, мадьярское правительство пришло к тому, что само начало издавать учебники для школ на местном языке и газету для народных учителей¹⁴³. С половины 90-х годов под влиянием Галиции начинается в Угорщине чувствительный поворот к тому же народническому направлению, которому Галиция обязана таким значительным подъемом своей национальной культуры; но суждено ли этому новому направлению вырасти и окрепнуть — покажет будущее.

Невыносимый экономический гнет, которому наравне с гнетом культурным подвергаются русины галицкие от поляков, угорские — от мадьяр, толкает тысячи крестьянского люда из Прикарпатья и Закарпатья искать счастья за океаном. Таким образом, есть уголки в Америке, где можно теперь слышать южнорусскую речь и даже читать газету на народном языке. В Монт-Кармеле уже в течение нескольких лет правильно выходит такая газета под названием «Свобода»¹⁴⁴.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

А. Я. ЕФИМЕНКО: ОЧЕРК ЖИЗНИ И НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Среди выдающихся российских и украинских ученых конца XIX — начала XX в. одно из самых почетных мест принадлежит Александре Яковлевне Ефименко — историку, этнографу, педагогу. Несомненный исследовательский талант, глубина исторического анализа, широкий диапазон творческих интересов, блестящий стиль изложения материала — все это снискало ей заслуженную славу не только среди ближайших друзей и единомышленников, научных критиков и оппонентов, но и среди всей общественной аудитории. Об этом красноречиво свидетельствует, например, выступление в 1910 г. профессора С. Ф. Платонова в стенах Бестужевских женских курсов на торжественном вечере, посвященном 40-летию научной деятельности А. Я. Ефименко: «В рядах замечательных русских женщин прошлого столетия Вы занимаете, конечно, одно из самых почетных мест, а среди ученых русских женщин Вам, разумеется, принадлежит первенство. Природа одарила Вас с изумительной щедростью: она дала Вам исключительную логическую способность и склонность к юридическому мышлению, дар художественного представления и превосходный стиль. Она дала Вам необыкновенное трудолюбие и столь же необыкновенную сдержанность и скромность. Богатые силы Вашей природы недолго таились в юном прозябании. Вы очень рано вышли на поле научной работы и общественного служения. В настоящую минуту, после 40-летней ученой работы, Ваше имя стало известным всей интеллигентной России, а Ваши печатные труды служат коренным пособием для русских историков. Трудовая жизнь дала Вам ученую славу. Но и теперь, в пору богатой жатвы, Вы та же, какой были в пору первых Ваших ученых посевов. Ваши духовные силы так же велики, как и Ваша выдержанная скромность» (Цит. по: *Юбилей А. Я. Ефименко // Ист. вестн. 1910. Т. 122. С. 1208*). Эти слова тем более весомы, что сказаны человеком, не всегда и не во всем соглашавшимся с научными воззрениями А. Я. Ефименко и часто выступавшим с критикой ее взглядов и концепций.

Александра Яковлевна Ефименко (урожденная Ставровская) прошла насыщенный встречами с интересными людьми, раздумьями

над историческим прошлым и современными ей событиями жизненный путь. Родилась она в апреле 1848 г. в суровом Архангельском крае (с. Варзуга, Кольского уезда), в семье мелкого государственного служащего. Жили неприхотливо, если не сказать бедно. С раннего детства Александра познала цену напряженного труда — сперва физического, а затем и умственного. В 1857 г. поступила в Архангельскую женскую гимназию, которую с отличием окончила в 1863 г. С тех пор и началась ее многолетняя педагогическая деятельность. Пытливый ум молодой девушки усваивал знания, стремился дать объяснение явлениям окружающей действительности. Не довольствуясь материалом из существующих книг и учебных пособий, она все более и более углубляется в изучение неопубликованных документов, знакомится с представителями народностей Севера, изучает их быт и обычаи.

Вскоре Александра встретила с человеком, который стал ее мужем, верным другом, единомышленником, учителем. Это был Петр Саввич Ефименко — ссыльный с Украины, в недавнем прошлом — активный участник Харьковского-Киевского тайного общества, затем — студент Московского университета. Народник по своим идейным воззрениям и этнограф по научным интересам, П. С. Ефименко отличался большой работоспособностью, широтой кругозора, нежным и любящим сердцем. Академик АН УССР Д. И. Багалей характеризовал Петра Саввича как человека, у которого было особое умение привлечь к научной работе способных учеников и направить их усилия в определенное русло. Особенно ценны были его библиографические указания и консультации в отрасли этнографии и украинской истории (Багалей Д. И. *Харківська доба діяльності Олександри Яковлевни Єфименкової (1879—1906) // Збірник науково-дослідчої катедри історії української культури. X., 1930. Т. 10. С. 7.*)

В 1870 г. молодые люди обвенчались в холмогорской церкви, на всю жизнь соединив свои судьбы. Слабое здоровье мужа, постоянная слезка полицейских чинов, тяжелое материальное положение и другие беды и неурядицы преследуют молодую семью, но несмотря на что, Александра Яковлевна много и упорно работает. В Архангельске она изучает архивные материалы, исследует местные наречия, продолжает знакомиться с обычаями народностей Севера. В «Архангельских губернских ведомостях», в других газетах и журналах печатаются ее статьи, в которых она заявляет о себе как о талантливом ученом, способном не только накапливать архивный материал, но и обобщать, анализировать его, делать самостоятельные выводы. Появление нового имени не прошло незамеченным в научной и общественной среде. В прессе публикуются первые отклики и рецензии на труды А. Я. Ефименко, где высоко оценивается ее вклад в разработку истории коренных северных народностей

(Марков П. Г. А. Я. Ефименко — историк Украины. К., 1966. С. 16—17).

В течение длительного времени супружеская чета ходатайствовала перед властями о разрешении оставить Архангельскую губернию и выехать в центральные области России. Наконец разрешение было получено. В 1873 г. П. С. и А. Я. Ефименко прибыли в Воронеж, где прожили около года. Продолжая и здесь заниматься исследовательской работой, Александра Яковлевна на основе собранного ранее документального материала подготовила и передала в журналы целый ряд статей, в которых развивала свои взгляды на историю брачных отношений и семьи. К наиболее значительным ее достижениям в то время относится труд «Артели в Архангельской губернии», опубликованный в первом выпуске «Сборника материалов об артелях России» (СПб., 1873). Появление этой работы не случайно: хорошо известно, что именно тогда в народнической среде утвердилось мнение об артельной организации сельскохозяйственного производства как о главной и определяющей форме перехода к новому строю. Вопреки этому мнению Александра Яковлевна показала: артели, равно как и другие общественные и экономические организации, в условиях развития капитализма были лишь орудием для обогащения зажиточных крестьян, а также раскрыла причины, обусловившие возникновение этой формы жизненного уклада и организации производственного процесса в крестьянской среде русского Севера.

Научные работы А. Я. Ефименко, написанные и изданные в 70-е годы, послужили своеобразной прелюдией к фундаментальной монографии «Крестьянское землевладение на крайнем Севере», опубликованной в 1882—1883 гг. в журнале «Русская мысль», а затем вошедшей в сборник трудов Александры Яковлевны под названием «Исследования народной жизни» (М., 1884. Вып. 1). Выходу в свет монографии предшествовала огромная подготовительная работа. «Принадлежа к самым крайним поклонникам народа и его общины,— писала А. Я. Ефименко в своей книге,— я не убоялась на два года всецело погрузиться в изучение архивных документов, чтобы почерпнуть себе желаемое знание у самих его источников» (с. 14—15). К своему удивлению, она убедилась, что представления о структуре крестьянского землевладения, господствующие в то время в историографии, далеки от реальностей жизни: «Через два года я вынырнула, но увы, читатель, вынырнула с полнейшим убеждением, что наша поземельная община вовсе не исконная форма нашего землевладения, как я до тех пор была глубоко и всецело убеждена, она — продукт относительно позднего времени, с одной стороны — заключительное звено длинного исторического процесса, с другой — плод внешнего воздействия» (с. 15). В результате анализа новых архивных материалов — так называемых «веревных книг» — А. Я. Ефименко пришла к выводу: первоосновой «древнейшей фор-

мы русского землевладения» была ее «долевая» организация, и только со временем в зависимости от конкретно-исторических условий возникало общинное и подворно-участковое землевладение. Тем самым автор более рельефно определила пути решения этой важной научной проблемы. Выводы А. Я. Ефименко вызвали острую полемику в научной сфере. Н. Рожков, М. Покровский поддерживали воззрения молодого ученого, В. Сергеевич, М. Владимирский-Буданов, напротив, резко критиковали их, но все исследователи независимо от своих взглядов высоко оценивали научную сторону монографии Александры Яковлевны.

Новая страница в жизни и научном творчестве А. Я. Ефименко началась после переезда ее в 1874 г. вместе с мужем на Украину — сперва в Чернигов, а потом, уже в 1879 г., — в Харьков. Родина Петра Саввича стала второй родиной и для его жены, пронесшей чувство любви к украинской земле через всю свою дальнейшую жизнь.

Переезд П. С. и А. Я. Ефименко на Украину совпал по времени с усилением самодержавной реакции и ужесточением национального угнетения украинцев. Известный царский указ от 18 мая 1876 г. о запрещении печати на украинском языке неукоснительно проводился в жизнь жандармами, цензорами, министерскими чиновниками. Преследовалось все передовое, инакомыслящее. Такая общественная атмосфера не могла, конечно, не сказаться на разносторонней деятельности А. Я. Ефименко, и тем не менее с первых же дней проживания в Харькове она активно включилась в научную жизнь, найдя в среде местной интеллигенции единомышленников, которые поддержали семью Ефименко в трудное для нее время. Петр Саввич и Александра Яковлевна принимали самое деятельное участие в организации краеведческого исторического кружка, в работе историко-филологического общества, существовавшего при Харьковском университете (Багалій Д. І. Указ. соч. С. 8).

Гостеприимный дом супругов Ефименко стал местом, где собирались и обсуждали важные научные проблемы и вопросы общественной жизни многие представители харьковской интеллигенции. О радушии хозяев свидетельствуют воспоминания, записки их современников. Но, конечно же, этими собраниями не ограничивалась сфера активной общественной деятельности Александры Яковлевны. В Харькове она выступала перед большими аудиториями с лекциями о жизни и творчестве Т. Г. Шевченко, И. П. Котляревского, Г. С. Сковороды, как и прежде, оказывала помощь в научном творчестве своему мужу, который активно сотрудничал с рядом харьковских периодических изданий. Показательной реакцией А. Я. Ефименко на политику царизма в национальном вопросе стала ее статья «По поводу украинофильства», опубликованная в 1881 г. в журнале «Неделя». Автор решительно выступила в защиту прогрессивных представителей украинской интеллигенции, поскольку

ку украинофильство «всегда было протестом жизни против излишней государственной регламентации, протестом местной и областной самобытности против... обезличивающей централизации» (Ефименко А. Я. *По поводу украинофильства // Южная Русь: Очерки, исследования и заметки. СПб., 1905. Т. 2. С. 295*). Появление указанной статьи в «Неделе» вряд ли можно считать случайностью. Еще в начале 1881 г. в журнале «Слово» была опубликована статья Александры Яковлевны «Малорусский язык в народной школе», в которой декларировался тезис о необходимости преподавать в украинских школах на родном языке, «очистить этот простой, чисто педагогический, вопрос от той грязи, которою его закидали в последние годы до потери всякого образа и подобия» (Ефименко А. Я. *Малорусский язык в народной школе // Южная Русь... Т. 2. С. 210*). Вполне естественно, что смелые мысли А. Я. Ефименко о распространении сферы применения украинского языка, поддержка ею украинской интеллигенции вызвали гневную реакцию со стороны шовинистически настроенных издателей, профессоров, министерских чиновников.

Но несмотря на все нападки и инсинуации недоброжелателей, именно в 80—90-е годы наиболее ярко проявился самобытный научный талант А. Я. Ефименко. Своим учителем в исследовании истории Украины Александра Яковлевна всегда считала Владимира Бонифатьевича Антоновича, отмечая в прекрасном историографическом эссе «Литературные силы провинции», что В. Б. Антонович «в современной малорусской исторической литературе... своими исследованиями занимает, несомненно, первое место» (Ефименко А. Я. *Литературные силы провинции // Южная Русь... Т. 2. С. 310*). Популяризуя далее в этом эссе стиль исторического письма В. Б. Антоновича, его методику изложения материала, А.-Я. Ефименко указывала: «В исследованиях г. Антоновича всегда сохраняется полное равновесие и гармония между идеей и фактом. Он никогда не дает вам никакой готовой идеи, не открывает никаких горизонтов, ничего не предпосылает своему исследованию, кроме необходимых исторических сведений. Всегдашний общий план его работ такой: за необходимыми предварительными историческими сведениями и разъяснениями идет группировка сырого материала, время от времени поддерживаемая ссылками на того или другого писателя, чаще польского,— и ничего больше. Но голые факты под искусной рукой историка укладываются в такой ясной перспективе, так логично и стройно, что идея явления вырисовывается перед вами с самой отчетливой наглядностью. Поэтому, несмотря на видимую сухость изложения, на полное отсутствие со стороны автора стараний заинтересовать читателя, подействовать на его фантазию, чувство,— исследования г. Антоновича читаются очень легко и при той рельефности, какая дается искусной группи-

ровкой фактов, несмотря на свою сухость, могут действовать и на чувство, и на воображение» (с. 310—311).

В цитируемом эссе Александра Яковлевна дала оригинальные характеристики и другим украинским историкам: М. А. Максимовичу — человеку «больших знаний и научной добросовестности», который, однако, «часто не видит леса из-за деревьев своей учености»; П. А. Кулищу, который, «наоборот, слишком третирует деревья, гоняясь за образом того фантастического леса, который создает ему его настроенная на предвзятый лад фантазия, так что его сочинения, изобилующие и новыми фактами, добываемыми им из малоизвестных в России польских источников, и нередко поражающие свежей, оригинальной мыслью, теряют через слишком произвольные приемы автора значительную долю научного значения»; Н. И. Костомарову, который «больше преследует цели хорошего рассказчика явлений» (с. 310). По-видимому, А. Я. Ефименко глубоко изучила труды, творческие приемы и манеру письма этих крупнейших украинских историков XIX в., прежде чем выносить на суд читателей свои оценки. В контексте замечаний, высказанных в эссе, Александра Яковлевна стремилась выработать собственный взгляд на исторический процесс на Украине, внести посильный вклад в разработку нового для нее предмета исследования.

Как любой уважающий себя ученый, исследование истории Украины А. Я. Ефименко начинает с глубокого изучения источниковой базы: она штудирует и делает многочисленные выписки из сборников документов «Архив Юго-Западной России», «Акты Южной и Западной России», «Акты Виленской археографической комиссии», «Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край» и др. (Бі л і к. *Огляд головних праць Олександри Яковлевни Ефименкової // Збірник науково-дослідчої катедри історії української культури. Т. 10 С. 27*). В совокупности с архивными материалами и творческим наследием украинских историков эти публикации стали для А. Я. Ефименко надежным подспорьем при написании ею статей и крупных обобщающих монографий по истории Украины. В отличие от своих предшественников (да и современников), А. Я. Ефименко не ограничивалась «узкой» тематикой. Диапазон ее творческих интересов, как мы уже отмечали, был необычайно широк и свидетельствовал о больших потенциальных возможностях автора. В течение 80—90-х годов в журнале «Киевская старина» Александра Яковлевна опубликовала большинство своих трудов, благодаря которым заполнились многие яркие и вместе с тем малоисследованные страницы истории украинского народа.

Немало научных разработок А. Я. Ефименко помещено также на страницах журналов «Слово», «Детское чтение», «Неделя», «Русская мысль», «Вестник Европы» и др. Уже первая работа «Из истории борьбы малорусского народа с поляками», посвященная

такой форме социального протеста трудового населения, как гайдамацкое движение, свидетельствовала, что на научном горизонте Украины появился исследователь, способный по-новому осмыслить этот сложный вопрос. Критический подход к архивным документам и мемуарной литературе дал автору возможность правильно определить крестьянство как основную социальную силу гайдамащины, раскрыть причины поражений гайдамацких восстаний. «Это совсем не легкое дело,— писала она,— выдвинуть ту первичную организационную клетку, которая обладала бы достаточной органической силой, чтобы ассимилировать из окружающего подходящие элементы» (Ефименко А. Я. *Из истории борьбы малорусского народа с поляками // Южная Русь... Т. 2. С. 36*). В тех исторических условиях в качестве определенного организационного элемента в гайдамацком движении выдвинулось запорожское казачество с его огромным опытом борьбы против угнетателей. Александра Яковлевна подчеркивала в своей статье, что «без участия запорожского казачества гайдамаччина не была бы возможна, по крайней мере в той форме более или менее правильного движения, которая так для нее характерна» (с. 37).

В последующие годы журнал «Киевская старина» опубликовал работы А. Я. Ефименко «Копные суды в Левобережной Украине» (1888), «Архиерейский подарок» (1888), «Два наместника» (1889), «Двенадцать пунктов Вельяминова», «Бедствия евреев в Южной Руси XIX века» (1889), «Турбаевская катастрофа» (1891), «Очерки истории Правобережной Украины» (1894—1895) и ряд других. В зависимости от предмета конкретного исторического исследования автор касалась многих важных проблем общественно-политической жизни украинских земель периода феодализма, анализируя централизаторскую политику царизма на Левобережной и Слободской Украине, раскрывая социальную направленность деятельности судебных органов того времени, освещающая положение крепостных крестьян и т. п. Как правило, ее выводы хорошо аргументированы и говорят о глубоком понимании сущности происходивших в то время событий. «Просто это дело об ищущей свободы девке,— писала она, например, в статье «Архиерейский подарок»,— но в нем, как солнце в малой капле воды, отражаются кое-какие характерные черты эпохи. Перед нами представители высшей духовной иерархии, интеллигентные люди своего времени, которые не гнушаются тем не менее дарить и принимать в дар живого человека, беззащитно отрывая его от родины, родных, всех привычных условий жизни... Перед нами судебно-административные учреждения того дореформенного типа, который являлся представителем идеи, что не учреждения существуют для общества, а общество для них, для наполнения бесконечно глубоких карманов их служителей» (Ефименко А. Я. *Архиерейский подарок // Южная Русь... Т. 2. С. 180*).

А. Я. Ефименко хорошо уловила новые тенденции во внутрен-

ней структуре господствующих сословий в XVIII в. В восьмом номере журнала «Вестник Европы» за 1891 г. вышла из печати ее работа «Малорусское дворянство и его судьба», сразу же привлекавшая внимание широкого круга исследователей. Впервые после А. М. Лазаревского Александра Яковлевна предприняла попытку раскрыть в украинской историографии истоки и генезис формирования дворянского сословия. По ее мнению, процесс перерождения казацкой старшины в дворянство после Освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого был не случайным, а закономерным, объективно обусловленным явлением, адекватно отражавшим социально-экономические реалии того времени — неутолимую жажду обогащения, захват земельных угодий, «переверстывание» вольных казаков в зависимых крестьян: «Насилие, захват, обман, вымогательство, взяточничество — вот содержание того волшебного котла, в котором перекипала более удачливая часть казачества, превращаясь в благородное дворянство» (Ефименко А. Я. *Малорусское дворянство и его судьба // Южная Русь... Т. 1. С. 162*). Казацкая старшина использовала для достижения своей цели выгодные административные должности, судебные рычаги власти и т. п. Поэтому не вызывает особого удивления тот факт, что, по словам А. Я. Ефименко, «первый ком снега вырос в снежную гору, задавившую все посполитские вольности. Тоненькая ниточка зависимости, первоначально связывавшая пана с посполитым, обратилась в мертвую петлю» (Там же. С. 167—168).

Александра Яковлевна понимала, что в своих предыдущих трудах она реконструировала только один аспект исторического процесса, и поэтому стала уделять более пристальное внимание изучению истории классовой борьбы крестьянско-казацких масс Левобережной Украины. Так появилась уже упоминавшаяся статья «Турбаевская катастрофа», посвященная восстанию крестьян 1789—1793 гг., вспыхнувшему на Полтавщине против помещиков Базилевских. Используя широкую источниковую базу (Д. И. Багалей не случайно указывал на этот труд как на образец «блестящего использования архивных материалов»), А. Я. Ефименко сумела правильно раскрыть причины, характер и социальную направленность восстания, определенные противоречия в повстанческом лагере, свидетельствовавшие о новых тенденциях в крестьянской и казацкой среде: «Между тем, происходили изменения и внутри турбаевской громады, перемещение сил и настроений» (Ефименко А. Я. *Турбаевская катастрофа // Южная Русь... Т. 2. С. 156*). Написанный живо и эмоционально, исторический очерк о Турбах отличался также свежим взглядом на многие другие исторические вопросы.

В середине 90-х годов А. Я. Ефименко продолжает активно работать над историей Украины. В 1894—1895 гг., как мы уже отмечали, журнал «Киевская старина» опубликовал ее большой труд «Очерки истории Правобережной Украины», где в обобщенной популяр-

ной форме изложены главнейшие вехи исторического прошлого одного из крупнейших регионов украинских земель — Правобережья. Акт Люблинской унии 1569 г., развитие казацкого сословия, борьба народных масс против польско-шляхетского угнетения в конце XVII — XVIII вв., гайдамацкое движение и другие вопросы — все это нашло отражение в книге. Уже в это время А. Я. Ефименко заявила о себе как о замечательном знатоке истории братств на Украине, народного суда и др. (Ефименко А. Я. *Церковные братства в Южной Руси // Харьковский календарь. 1883*; Е е же. *Копные суды в Левобережной Украине // Киев. старина. 1885. № 10*; Е е же. *Народный суд в Западной Руси // Рус. Мысль. 1893. Кн. 8—9*). Важно подчеркнуть и то, что в реконструкции вопроса о функционировании судебных органов автор не ограничилась отечественной документальной базой, а широко использовала также труды по истории немецкого, польского и чешского права (Багалій Д. І. *Олександра Яковлевна Єфименкова (1848—1918) // Записки історично-філологічного відділу Української Академії наук. К., 1919. Кн. 1. С. 111*).

В этот же период А. Я. Ефименко возвращается к изучению древних форм крестьянского землевладения, но уже на материалах Украины. В 1892 г. она публикует монографию «Дворищное землевладение в Южной Руси», в которой на основе разработанной и примененной в своих более ранних исследованиях методологии показывает, что в XIV — XVI вв. на украинских землях крестьянское землевладение формировалось главным образом путем заимки земли (так называемой «займанщины»). Сопоставляя фактический материал, автор пришла к выводу, что в этой сфере аграрных отношений существовало много общего с аналогичными процессами, происходившими на Севере России, и, таким образом, можно говорить о единых тенденциях социально-экономического развития в регионах, существенно отличавшихся друг от друга.

А. Я. Ефименко обращается также к истории украинской культуры. Сквозь призму жизни, деятельности, философских и общественно-политических воззрений таких ее выдающихся представителей, как Г. С. Сковорода, И. П. Котляревский, Т. Г. Шевченко и другие, Александра Яковлевна осветила исторические условия, в которых развилось и приобрело широчайший общественный резонанс их творчество, раскрыла главные вехи поступательного культурного процесса на Украине (Ефименко А. Я. *Южная Русь... Т. 2. С. 236—276, 316—358*).

Во время пребывания в Харькове Александра Яковлевна не ограничивает свою научную деятельность только подготовкой и публикацией книг, статей, заметок, а принимает самое живое участие во всех научных мероприятиях, происходивших в то время в России. Начиная с 1884 г. (в этом году в Одессе состоялся IV археологический съезд), она проводит активную работу на авторитетных фору-

мах российских историков, археологов, этнографов: готовит доклады, участвует в общенаучных дискуссиях и обсуждениях выступлений своих коллег и т. д. (Марков П. Г. *Указ. соч.* С. 22—23). В доме супругов Ефименко, как и прежде, можно часто встретить известных людей — историков, философов, литературоведов. Как вспоминал академик Д. И. Багалей, «харьковская жизнь семьи Ефименко была очень простой, начиная с помещения и кончая мебелью (и теперь припоминаю скрипящий диван в их комнате), одеждой (волчья шуба П. С. Ефименко). Но эти квартиры, в которых проживали Александра Яковлевна и Петр Саввич, привлекали к себе всех, кто имел наслаждение познакомиться с ними. Из близких знакомых А. Я. Ефименко могу напомнить о Борисе Григорьевиче Столпнере, своеобразном еврее-философе, автодидакте, самоуке, что был близок Александре Яковлевне своими философскими взглядами, которыми увлекалась и она. П. С. Ефименко принимал участие в харьковской громаде того времени, в которую входили ранних шестидесятых годов и знаменитый А. А. Потенция, а в мое время — П. С. Ефименко, исследователь старозаимочного землевладения А. Л. Шиманов, Микола Федорович Сумцов, Я. С. Станиславский, я и другие» (Багалей Д. И. *Харківська доба діяльності Олександри Яковлевни Ефименкової (1879—1906)*. С. 13).

Значительным творческим успехом А. Я. Ефименко в предреволюционное время явилось издание в Петербурге сборника трудов в двух томах «Южная Русь», в котором были собраны опубликованные ранее 24 авторские работы по самой разнообразной тематике и направленности. Весь гонорар за этот сборник автор передала украинцам — студентам вузов Москвы и Петербурга (Марков П. Г. *Указ. соч.* С. 24; Багалей Д. И. *Харківська доба діяльності Олександри Яковлевни Ефименкової (1879—1906)*. С. 12).

Однако не одни лишь творческие удачи сопутствовали Александре Яковлевне на ее жизненном пути. Продолжал болеть Петр Саввич... Вспоминая об этом периоде жизни Ефименко, Г. Хоткевич позже писал: «П. С. ... был уже тяжело больной. Сам не писал ничего, однако, как в шутку говорила А. Я.—„это мой архивариус“. Он подбирал А. Я. материалы для ее трудов и был не кое-какой помощник» (Хоткевич Г. *Ефименкова // Збірник науково-дослідчої катедри історії української культури. Т. 10. С. 38*). Вскоре судьба нанесла многодетной семье Ефименко еще один удар: после тяжелой болезни скончались дочери Петра Саввича и Александры Яковлевны — Вера и Александра (Марков П. Г. *Указ. соч.* С. 24). Трудным оставалось материальное положение, — ведь, по существу, единственным кормильцем семьи была Александра Яковлевна. И тем не менее она продолжала упорно и много работать: подбирала документальный материал, изучала историографическое наследие, создавала популярные исторические очерки, которые в

гечение 1901—1902 гг. были опубликованы в Москве. Революционные события 1905—1907 гг. в России А. Я. Ефименко восприняла сочувственно. Как вспоминал Г. Хоткевич, в доме на Чернышевской, где тогда жили Ефименко, часто укрывались революционно настроенные молодые люди (Хоткевич Г. Указ. соч. С. 41). Более того, в работе подпольных студенческих кружков активно участвовал младший сын П. С. и А. Я. Ефименко — Петр, впоследствии известный советский археолог, академик АН УССР.

Новый этап в биографии супружеской четы Ефименко наступил в 1907 г., после ее переезда в Петербург. Прибыв в столицу по приглашению руководства Высших Бестужевских женских курсов для чтения лекций по истории Украины, Александра Яковлевна сразу же подготовила блестящий лекционный курс, приступила к проведению практических занятий. По словам современников, на лекции нового преподавателя собиралась многочисленная аудитория, привлекаемая эмоциональностью и яркостью изложения материала в сочетании с глубиной анализа исторических фактов, оригинальностью идей, концепций ученого, логичностью и убедительностью выводов.

В 1908 г. семью Ефименко постигло новое несчастье — умер Петр Саввич... В Петербурге он продолжал тяжело болеть, часто впадал в беспамятство. Как свидетельствовала одна из слушательниц курсов, Александра Яковлевна «после бессонной ночи приходила... на курсы, от нас снова шла к нему (т. е. к Петру Саввичу.— В. С.), и так день за днем, всю зиму. Лицо было измученное, усталое, но во время лекций оно оживало, забывались будто бы усталость и горе, и мы с увлечением слушали ее преподавание. Не раз после лекций она говорила: „Если б вы знали, как мне тяжело, поскольку каждый раз, когда еду с курсов, не знаю, застану ли его в живых!“» (Н. Б. *Світлій пам'яті дорогої вчительки Олександри Яковлівни Єфименкової // Збірник науково-дослідчої катедри історії української культури. Т. 10. С. 45*). А. Я. Ефименко тяжело переживала невозможную утрату, и только в работе находила утешение. С неиссякаемой энергией продолжает она свою преподавательскую деятельность, поддерживает тесные контакты со многими слушательницами курсов, стремится глубже познакомить их с историческим прошлым Украины. «А. Я. увлекала молодежь, вела за собой, давала возможность нам, сознательным, распространять свои знания, и в этом большая ее заслуга. Глубиной своей натуры, красотой и чистотой своего существа притягивала А. Я. к себе и вела к намеченной цели» (Н. Б. *Указ. соч. С. 46*). Александра Яковлевна выступила инициатором создания на Бестужевских курсах украинского кружка и библиотеки, часто организовывала лекции и встречи с интересными людьми. Одновременно она продолжала активную научно-исследовательскую деятельность, видя свою главную задачу в подготовке учебника истории для народных училищ и средних

учебных заведений (написанный ею учебник в различных вариантах выходил в свет в 1912—1914 гг.).

Признанием выдающихся заслуг А. Я. Ефименко перед исторической наукой стали присвоение ей в 1910 г. Харьковским университетом (по ходатайству Высших Бестужевских женских курсов) ученой степени доктора истории и избрание на профессорскую должность. В том же году состоялось чествование ученого в связи с 40-летием ее научной деятельности. Выступившие на торжествах коллеги, друзья, ученики и последователи отмечали достижения А. Я. Ефименко в разработке главнейших вопросов исторического прошлого русского и украинского народов, высоко отзывались о ее личных качествах — скромности, сдержанности, большом трудолюбии, широте интересов и т. п. (*Юбилей А. Я. Ефименко*).

На Высших Бестужевских женских курсах А. Я. Ефименко работала еще несколько лет, а в декабре 1917 г. вместе с дочерью Татьяной отправляется на Украину и вскоре поселяется на хуторе Любочка Волчанского уезда, на Харьковщине (Марков П. Г. *Указ. соч. С. 32*). Брала свое прожитые годы, здоровье было подорвано материальными лишениями, однако, несмотря на болезнь, Александра Яковлевна продолжает много и напряженно работать, сосредоточив внимание на создании учебника по истории для средних и начальных школ, а также популярных очерков для широких слоев народа. В феврале 1918 г. А. Я. Ефименко направила рукопись своей новой работы Д. И. Багалею, изложив в сопроводительном письме главные методические принципы, которыми руководствовалась в процессе создания учебника — популярность, доступность, сочетание сведений по истории края с историей Украины и страны в целом. Учебные пособия А. Я. Ефименко были опубликованы в Харькове в 1919 г. (Ефименко О. Я. *Початковий підручник українсько-московської історії для шкіл народних; Ефименко А. Я. Начальное руководство по украинской и великорусской (русской) истории*).

В это же время Александра Яковлевна завязывает интенсивную переписку с редакцией журнала «Внешкольное образование», настаивая на необходимости уделять больше внимания изучению истории, причем «теснейшим образом» увязывать исторический опыт с процессами и явлениями, вызванными революционными событиями. «...Украиноведение в данный момент,— указывала она,— есть неотложная, острая потребность, настоящий духовный голод украинской жизни. В ряду пунктов программы этого украиноведения украинская история занимает необходимо одно из виднейших мест... Всюду и всеми отдается исключительное внимание украинской истории. Но надо сказать правду — без сорама казка,— что подданные вновь народившейся державы совершенно не знают своей истории. Не знают до анекдотического и не только народные массы, а и украинские интеллигенты. Да и как бы оно могло быть иначе. Ведь весь

этот верхний культурный слой украинской народности приобрел свое образование в средней или высшей русской школе. С украинской историей приходилось знакомиться по учебникам русской истории, тщательно профильтрованным Ученым комитетом Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения]. В этих учебниках учащиеся находили и украинскую историю: в кратких — по несколько десятков строк, в пространных — по несколько страниц. Из этих строк и страниц учащиеся узнавали о Люблинской и Брестской униях, о казаках и Богдане Хмельницком, как воссоединителе, об измене Мазепы, реформах Екатерины — и все... И вот на таком-то утлом фундаменте приходится наспех создавать широкое ознакомление населения с его родной историей...» (Цит. по: Багалій Д. І. *Передмова редактора // Єфименко О. Я. Історія українського народу. Х., 1922. С. VI*). Подготовкой новых учебников А. Я. Ефименко как раз и стремилась внести свой вклад в дело «широкого ознакомления» украинских трудящихся с возможно более полно освещенными и нефальсифицированными событиями прошлого.

Деятельная натура А. Я. Ефименко была полна новых планов и творческих замыслов, — годы и повторяющиеся время от времени рецидивы болезни не парализовали ее энергию. Однако этим планам не суждено было сбыться. События гражданской войны не обошли стороной и далекий хутор на Харьковщине. В ночь с 17 на 18 декабря 1918 г. напавшие на хутор бандиты зверски убили Александру Яковлевну и ее дочь Татьяну. На высокой ноте оборвалась жизнь выдающегося историка, этнографа, педагога... Чтобы полнее прочувствовать тяжесть этой потери для отечественной науки, вспомним ту характеристику профессиональных и личных качеств А. Я. Ефименко, которую дал академик Д. И. Багалей: «Александра Яковлевна была человеком с необычайно развитым умом, с выдающимися способностями к анализу и синтезу, с блестящим, ярким, художественно-историческим талантом изложения, с высокими мыслями и склонностями в сторону философии, с кристально чистыми душой и сердцем, с чрезвычайно повышенной этикой и постоянным поиском правды и добра, составлявших для нее основу исторических событий. Она не находилась на почве теории исторического материализма и руководствовалась народническим подходом к историческим явлениям, однако, изучая экономику и социальные отношения, представила много данных и для современного марксистского освещения украинского и русского исторического процесса. Всю свою жизнь она посвятила своим родным народам — русскому, из которого сама вышла, и украинскому, с которым почти слилась, и память о ней сохранят, я уверен, длительное время оба эти народа» (Багалій Д. І. *Харківська доба діяльності Олександри Яковлевни Єфименкової (1879—1906). С. 15*).

В творческом наследии А. Я. Ефименко особое место занимает «История украинского народа» — синтетическое, обобщенное изложение исторического процесса на Украине с древнейших времен и до XIX в. Об истории создания этого труда автор говорит в предисловии к первому его выпуску. По словам Александры Яковлевны, она считала своим долгом откликнуться на программу, обнародованную в 1896 г. журналом «Киевская старина» и предполагавшую создание монографии, не только рассчитанной на узкий круг специалистов, но и отвечающей «интересам и потребностям большой публики» [Вып. 1. С. 1.— Здесь и далее в квадратных скобках ссылки даются по кн.: Ефименко А. Я. *История украинского народа*. СПб., 1906. Вып. 1 и 2].

Несколько лет напряженной работы завершились выходом в 1906 г. в издательстве акционерного общества «Брокгауз-Ефрон» обоих выпусков книги.

Конечно, приступая к созданию этого труда, А. Я. Ефименко уже имела большой опыт научной деятельности. К этому времени ею было подготовлено и увидело свет множество работ — больших и малых, строго научных и популярных. Тем не менее ей пришлось осуществить дополнительные исторические изыскания, исследовать ряд важных вопросов, которыми она раньше практически не занималась. В процессе работы над рукописью оказалось, что программа, опубликованная в «Киевской старине», не всегда соответствовала собственным представлениям автора о периодизации истории и об интерпретации тех или иных фактов. В «формальных пределах, принятых мною за обязательные, — указывает ученый в предисловии, — я сохранила за собой свободу группировки материала и его освещения» [Вып. 1. С. 1].

Далее А. Я. Ефименко излагает методологические принципы, положенные в основу ее книги: приоритет внутренней истории над внешней, сопоставление исторического развития различных ветвей восточного славянства, применение метода сравнительно-исторического анализа. Наконец, Александра Яковлевна посчитала необходимым особо подчеркнуть, что она стремилась к объективным, взвешенным оценкам и характеристикам исторического процесса на Украине: «Как в житейской практике, так и в литературе и науке существуют некоторые предрассудки, пускающие часто глубокие корни в общественном самосознании. К числу таких предрассудков принадлежит недоверие к беспристрастию южнорусских историков и писателей вообще, склонность рассматривать их труды под углом зрения предполагаемой национальной исключительности, односторонних местных пристрастий. Здесь не место вдаваться в критику этих предрассудков. Скажу лишь, что автор настоящего труда, посвященного южнорусской истории, как по своему великорусскому

происхождению, так и по симпатиям, обнаруженным в изучении севернорусского юридического фольклора, должен стоять вне подозрений в южнорусском национальном субъективизме» [Вып. 1. С. 2]. Эти принципы не всегда согласовывались с методическими и методологическими началами, применяемыми другими исследователями, поэтому уже готовая рукопись вызвала жаркие дискуссии и противоречивые оценки у членов конкурсного жюри, созданного редакционной коллегией «Киевской старины» (Багалій Д. І. *Передмова редактора. С. VII*).

Структура книги А. Я. Ефименко построена в традициях характерного для второй половины XIX в. членения материала. Первая глава посвящена доисторической эпохе и славянским племенам, населявшим Украину в древности, вторая и третья — истории Киевской Руси и периоду феодальной раздробленности, четвертая и пятая — положению украинских земель в составе Великого княжества Литовского и шляхетской Польши, шестая и седьмая — характеристике времен «хмельнитчины», так называемой «руины» и реконструкции хода развития украинских земель в XVIII в., и, наконец, восьмая — положению на Украине в XIX в. Основное внимание автора сосредоточено на раскрытии важнейших вех исторического процесса на украинских землях с древнейших времен и до середины XIX в. Сейчас можно спорить и даже не соглашаться с принципами, положенными в основу авторской периодизации истории, с терминологией, названиями отдельных глав и т. п., однако главное состоит в том, что в книге систематически, последовательно изложен материал в рамках определенных исторических периодов, в доступной научно-популярной форме освещены сложнейшие вопросы экономического развития, показано хитросплетение политических событий, затронуты те или иные проблемы этнокультурной ситуации на Украине.

Безусловно, современный читатель заметит, что не все вопросы раскрыты с достаточной глубиной, имеются определенные диспропорции в распределении фактического материала и его изложении (это касается, например, лагун в освещении эволюционного развития базиса феодальной общественно-экономической формации, в частности, того его среза, который характеризовал качественные грани перехода от общинно-родового строя к феодальному и далее от феодального к капиталистическому), слишком мало внимания уделено показу развития различных сфер культуры украинского народа, общественно-политической мысли, антифеодальной борьбы крестьянско-казацких масс и др. Но не эти и подобные им недостатки определяют место «Истории украинского народа» в творческом наследии А. Я. Ефименко, как и в целом в украинской историографии второй половины XIX — начала XX в. Автор вслед за М. С. Грушевским (Грушевский М. С. *Очерк истории украинского народа. СПб., 1904*) подготовила научно-популярный курс,

в котором с соответствующих научных и идеологических позиций изложила этапные вехи развития украинского народа.

Ярко и красочно в книге описаны страницы доисторической эпохи, первые века существования славянского мира и т. д. Читатель познакомится с увлекательными зарисовками из жизни первобытного населения, племен эпохи неолита, а затем скифов, готов, гуннов... В канву авторского повествования естественно вплетаются сюжеты, впервые раскрывающие выход на историческую арену древних славян, освещающие их расселение, занятия, вероисповедания, обычаи, взаимоотношения с соседями. Нельзя, конечно, не отметить, что с точки зрения современной историографии выкладки А. Я. Ефименко нередко наивны, упрощенны, а в некоторых случаях просто неверны. Так, вряд ли можно согласиться с ее объяснениями обстоятельств появления и исчезновения тех или иных археологических культур или племен, их локализации и развития. Вопреки существовавшей уже в то время теории, объясняющей возникновение Киевской Руси внутренними факторами, А. Я. Ефименко придерживается тезиса о норманском происхождении Руси [Вып. 1. С. 23] и подчинении варягами славянских племен.

Не только профессионал-историк, но и широкий читатель может сегодня с чем-то спорить, с чем-то не соглашаться в интерпретации А. Я. Ефименко исторического процесса периода Киевской Руси и феодальной раздробленности («удельной смуты»), но тем не менее посвященные этим проблемам страницы читаются с неослабевающим интересом, как, например, правдивый, на наш взгляд, и динамичный рассказ о принятии христианства на Руси и о значении этого фактора в упрочении древнерусской государственности, о распространении среди восточных славян культурных достижений западных и восточных цивилизаций. «...Церковь с ее иерархией, обрядами, письменностью,— пишет автор,— объединяла фактически около известных общих и важных интересов. А кроме того, с христианством явился из Византии целый цикл новых понятий и взглядов, общественных и политических, соответствующих высшим формам культурной жизни...» [Вып. 1. С. 27].

Красочно, с привлечением фольклорного наследия А. Я. Ефименко описывает Русь периода феодальной раздробленности, стремясь при этом показать причины, обусловившие новые тенденции в жизни единого в прошлом политического организма, осветить внутренние процессы в Киевской, Переяславской, Черниговской, Галицко-Волынской землях (княжеские междоусобицы, развитие городов, торговли), изменения в социальной структуре, роль вечевых традиций, борьбу с кочевниками и т. п. От пристального внимания ученого не ускользнули сложные этнические процессы в среде древних славян: например, тогда «дифференцировались две русские народности, причем степень и характер первоначальных, так сказать,

исходных различий этих народностей между собой в настоящее время уже ускользает от научного определения» [Вып. 1. С. 42].

Наиболее сложным, по мнению автора, оказалось исследование истории украинских земель в последующий период, который она называет «совершенно темным». Тем не менее привлечение широкого круга документальных источников и специальной литературы дало возможность А. Я.Ефименко реконструировать достаточно полную, а главное, правдивую картину социально-экономической и общественно-политической жизни Украины в составе Великого княжества Литовского. Принципиальным исходным моментом авторских наблюдений есть тезис о том, что «внимательное дальнейшее углубление в факты, проникающее за поверхность явлений, открывает скрытые связи и позволяет с уверенностью заключить, что мы имеем дело не с двумя разными обществами, а с двумя фазами развития одного и того же общественного организма» [Вып. 1. С. 105]. Руководствуясь этим тезисом, ученый стремится проследить характер взаимосвязей между удельным периодом и XIV — XVI вв. в истории юго-западных земель Руси. Это — одна из наиболее ценных и, так сказать, самостоятельных глав книги. Применение сравнительно-исторического метода исследования дало Александре Яковлевне возможность раскрыть процесс вхождения части украинских земель в состав феодальной Литвы. Автор правильно указывает, что наряду с местными, традиционными общественно-политическими структурами постепенно, но неукоснительно центральная власть Вильно вводит те или иные новации, «направляя понемногу разнообразие областной жизни в одно общее русло» [Вып. 1. С. 106]. Это касалось и административно-судебных учреждений, и различных правовых норм, распоряжений и т. п.

Значительная часть этой главы посвящена исследованию хозяйственных и социальных процессов на украинских землях в XIV — XVI вв. Читатель ознакомится с основными направлениями развития экономики края (земледелия, торговли и т. д.), с утверждением в городах норм Магдебургского права. Интересны наблюдения над процессом формирования феодального землевладения и возникновения различных категорий зависимых крестьян. Вопреки бытовавшему в специальной литературе мнению о юридическом оформлении крепостного права как о главном и определяющем факторе прикрепления крестьян к земле, А. Я. Ефименко утверждает, что «закрепощение явилось не результатом какого-либо законодательного акта, а простым и мало-помалу сложившимся следствием двух главных причин: одной общей, о которой уже шла речь (усиление общественного значения высшего класса через превращение его права держания земли в право собственности на нее), и другой, частной. Эта вторая, частная причина заключается в смешении вольных, „похожих“ людей с „непохожими“ — извечными отчичами» [Вып. 1. С. 119].

Как заметную веху в истории украинского народа А. Я. Ефименко совершенно справедливо выделяет Люблинскую унию 1569 г., вследствие которой бóльшая часть украинских земель вошла в состав шляхетской Польши. Однако тезис о том, что «южнорусский народ» (так автор определяет этническую принадлежность украинцев) лишь с этого времени выходит на общественную арену в качестве «исторического деятеля», нуждается в корректировке: ведь известно, что до середины XVI в. украинская народность прошла уже длительный путь своего развития, в процессе которого интенсивно кристаллизовались ее основные черты. И все же наблюдения ученого во многом справедливы. Действительно, со второй половины XVI в. в развитии общественной жизни на Украине наблюдается ряд изменений качественного характера: дальнейший рост производительных сил, интенсивное заселение ранее пустынных территорий, неуклонное формирование феодального землевладения и уменьшение крестьянской запашки, организация фольварочного хозяйства и т. п. Показывая сложность этих явлений, автор, с одной стороны, говорит о постепенном «претворении» Украины в «польское государственное тело», а с другой — подчеркивает, что это «претворение все-таки оказалось невозможным», поскольку «Русь противопоставила себя Польше как представительница иной духовной культуры, не только не расположенной отрезаться от себя в пользу культуры чуждой, но и требующей к себе известного уважения» [Вып. 1. С. 167].

Безусловно правильным было и акцентирование авторского внимания на важности религиозного фактора во взаимоотношениях Украины и Польши (распространение католичества, введение униатства и т. п.). Сквозь призму творчества И. Вишенского, деятельности братств, подвижничества П. Могилы А. Я. Ефименко показывает остроту противоречий между православными и католиками, накаленность общественной атмосферы накануне Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. под предводительством Богдана Хмельницкого.

В общеисторическом контексте рассматривается и такой интереснейший вопрос, как возникновение украинского казачества. По мнению Ефименко, это был закономерный этап в развитии общественных отношений, освоении украинским этносом южных степных территорий и защите родины от татарских вторжений. Стремление господствующих сословий распространить свою власть на колонизованные земли неминуемо приводило к столкновению вольных поселенцев с феодалами: «Вольный поселенец, казак, который, не выпуская из рук оружия, обороняет свою землю и собственность, который постоянно соединяется с себе подобными не только для защиты, но и для наступательной борьбы со степными врагами, считает себя на привилегированном положении, присвоенном законом и обычаем военно-служилому сословию, и, конечно, не может допустить и мысли

о зависимости от пана» [Вып. 1. С. 183]. В отличие от бытовавшего в то время в научной литературе мнения о казачестве как об исключительно военном сословии людей, автор справедливо указывает на «земледельческий», «промысловый» и вместе с тем «военный» характер «вольного добычника» [Вып. 1. С. 184].

О Запорожской Сечи ученый говорит как о «настоящем своеобразном политическом организме», подчеркивая тем самым качественно новую ступень в развитии украинского казачества. Правда, в трактовке этого вопроса А. Я. Ефименко не всегда была последовательной: признавая, что Запорожская Сечь возникла в XVI в., она в то же время утверждает, будто бы Сечь «как самостоятельный социально-политический организм есть порождение относительно позднего времени, главным образом эпохи, следующей за переворотом 1648 г.» [Вып. 2. С. 280]. Вряд ли это так. Ведь хорошо известно, что, несмотря на дискриминационные меры правительства Речи Посполитой, Кош Войска Запорожского проводил вполне самостоятельную и независимую политику, направленную на обеспечение охраны территории Украины от вторжений ордынцев, вел переговоры с иностранными государствами, предпринимал шаги по возобновлению деятельности православной иерархии, развитию братств, просвещения и т. п. (Г о л о б у ц к и й В. А. *Запорожское казачество*. К., 1957. С. 128, 173). Не случайно часть исследователей усматривает в военно-политической организации Запорожской Сечи элементы, присущие государственному образованию.

Глубокий и проникательный исследователь, А. Я. Ефименко не могла не отметить тот факт, что возникновение Запорожской Сечи имело для украинского народа воистину историческое значение: впервые за много веков своего существования крестьяне сумели вырваться из оков феодальной зависимости и получили «возможность уйти туда, где уже не может иметь значения ни панская, ни старостинская власть», и это «сообщало всем „непослушным“ ту несокрушимую энергию сопротивления, которую они проявили» [Вып. 1. С. 184]. В качестве примера проявления мощной политической силы казачества А. Я. Ефименко отмечает восстание 1591—1593 гг. под предводительством К. Косинского: «...Уже это первое движение, открывающее собой казацкую эпопею, намечает тот основной мотив (введение казацких порядков.— В. С.), который руководил всеми последующими движениями, пока Хмельницкий не воплотил идею в факт. Украина не хотела мириться с водворяющимся панским правом и чувствовала в себе силу на отпор, имея под рукой такое детище, как Запорожский Низ» [Вып. 1. С. 191]. Развивая свою мысль, А. Я. Ефименко приводит многочисленные примеры крестьянско-казацких восстаний конца XVI—20—30-х годов XVII в., вспыхивавших в различных районах украинских земель.

Но главным результатом предыдущего этапа исторического развития Украины Александра Яковлевна считает Освободительную

войну 1648—1654 гг. под предводительством Б. Хмельницкого, рассматривая эти события как закономерное явление, обусловленное соответствующими социально-экономическими и общественно-политическими причинами (усилением крепостничества, ростом барской запашки, национально-религиозной дискриминацией украинцев и т. п.). Читатель заметит, что в книге отсутствуют эпически-красочные описания военных сражений, характеристики состояния вооруженных сил обеих сторон и т. п., зато содержатся ряд интересных авторских наблюдений над эволюцией взглядов Хмельницкого относительно социальной политики или над его планами окончательного разрыва Украины с Польшей, описание связей гетмана с другими государствами.

Конечно, не со всеми оценками и выводами Ефименко можно согласиться. Некоторые ее взгляды обусловлены объективными причинами (отсутствием соответствующих документов), другие являются результатом субъективного восприятия автором событий Освободительной войны. Например, она уделяет недостаточно внимания отношениям Хмельницкого с правительством Русского государства, формы и интенсивность которых хорошо известны (Шевченко Ф. П. *Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. К., 1959*); рассматривая политический срез событий 1648—1654 гг., по нашему мнению, слабо раскрывает мощные объединительные тенденции среди различных категорий повстанческого лагеря, социальную направленность борьбы крестьян и рядового казачества и т. п. Вряд ли правомерно также при оценке внешнеполитической платформы гетмана выдвигать в качестве равноценной альтернативы вхождения Украины в состав России возможность «покровительства» со стороны султанской Турции (Вып. 2. С. 232, 240—241]: ведь многочисленные факты красноречиво говорят, что, несмотря на определенные политические соображения, вызванные соответствующей конъюнктурой момента, гетман в течение всего хода войны никогда всерьез не рассматривал возможность изменения своей ориентации на Россию (Голобуцкий В. А. *Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. К., 1962*; Крип'якевич І. П. *Богдан Хмельницький. К., 1954*).

Безусловно, А. Я. Ефименко хорошо понимала, что развитие событий Освободительной войны шло по своему естественному пути. Независимо от субъективистских планов и устремлений тех или иных групп господствующих сословий и даже отдельных выдающихся личностей, Переяславский акт 1654 г. был исторически предопределен: «...Между Южной, Малой, и Северной, Великой Русью всегда существовали связывавшие их органические нити племенного родства, исторических традиций, наконец — и самое важное — общей религии, следовательно, общей стихии, на фоне которой складывалась культурная жизнь одного и другого общества. Политический

союз в данных условиях мог произвести такую спайку, которую было легче создать, чем разрушить» [Вып. 2. С. 241].

В сложном конгломерате общественных сил, сложившемся в середине XVII в. на Украине, автор стремится дифференцировать отдельные группы и категории не только по их социальному статусу (отметим, что Александра Яковлевна хорошо показала поляризацию феодализирующейся старшинской верхушки и основной массы крестьян и рядового казачества), но и по политической ориентации. Согласно ее наблюдениям, часть казацкой старшины усматривала в заключении союза с Польшей возможность закрепить свое привилегированное положение, низшие же слои населения Украины и Запорожье всегда ориентировались на Москву [Вып. 2. С. 246—247]. Далее А. Я. Ефименко показала весь трагизм ситуации, которая сложилась на Украине во второй половине XVII — начале XVIII в. Непрерывающиеся военные действия, опустошительные вторжения татарских орд, постоянные старшинские междоусобицы — все это привело многие районы украинских земель в состояние экономического упадка.

Характерной чертой реконструкции автором исторического процесса того времени является его заметная персонификация. Основные вехи истории А. Я. Ефименко рассматривает сквозь призму деятельности гетманов И. Выговского, Ю. Хмельницкого, П. Дорошенко, И. Самойловича и др. Значительное место отводится характеристике личности И. Мазепы (что вполне понятно, ведь уже в XIX в. деятельность последнего вызывала среди историков споры). А. Я. Ефименко стремится к объективным оценкам политического портрета этого деятеля, отмечая его ум, проницательность, красноречие и в то же время говоря о нем как о крупном феодале, проводившем ярко выраженную крепостническую политику; наряду с описанием подобострастного отношения к Мазепе представителей власть имущих и покровительства ему со стороны царского правительства автор указывает и на резко отрицательную реакцию крестьянско-казацких масс на его избрание гетманом. Ученый стремится разобраться в психологии Мазепы, выяснить мотивы, которыми он руководствовался во время перехода на сторону Карла XII, и, конечно же, не удерживается от сравнительного анализа деятельности двух столь известных гетманов: «...Если популярность Хмельницкого понятна сама по себе, то популярность Мазепы, несомненно, заимствованная: она определяется главным образом той связью, какой историческая личность Мазепы связана с личностью Петра Великого. Не то чтобы Мазепа был ничтожен сам по себе, — нет, он не был ничтожностью, — но в его исторической роли, включая и последний ее акт — измену со всей ее якобы неожиданностью, странностью, загадочностью, — все-таки нет ничего оригинального, отмеченного печатью высшей индивидуальности» [Вып. 2. С. 260, 262]. В то время как Б. Хмельницкий сумел поднять на борьбу с иностранным

господством весь народ, планы И. Мазепы не были поддержаны широкими слоями населения Украины.

При освещении исторического процесса следующего периода (XVIII — начало XIX в.) А. Я. Ефименко раскрыла новые тенденции в хозяйственном и политическом развитии Украины. В социально-экономической сфере это был период, с одной стороны, дальнейшего резкого усиления феодального угнетения крестьян, расширения круга форм земельной собственности казацкой старшины, усиления ее желания выдвинуться в ряды русского дворянства, а с другой — ускорения процесса обнищания крестьян и рядового казачества, их обезземеления, утраты ими почти всех своих прав и, наконец, узаконения крепостничества: «Прикрепление крестьян являлось увенчанием долгих усилий, какие само шляхетство делало в этом направлении» [Вып. 2. С. 317]. А. Я. Ефименко отмечает, что несмотря на определенную специфику, общим закономерностям развития украинских земель было подчинено и Запорожье: отношения частной собственности, поляризация общественных интересов различных групп населения, все более выраженное ограничение прерогатив и функций казацкой рады и повышение власти старшины — таковы главные черты жизни запорожской общины последних десятилетий ее существования.

Не менее разительные изменения происходили в общественно-политической жизни Украины. По справедливому замечанию А. Я. Ефименко, они были связаны с дальнейшим наступлением царизма на автономное устройство Левобережья, ликвидацией традиционных государственных структур, возникших еще в годы освободительной войны. Длительность этого процесса не отрицает его закономерности, что хорошо подметила Александра Яковлевна: «Петр, самодержец по привычкам, бюрократ по взглядам, не мог мириться со строем малорусского общества: с одной стороны, оно было для него слишком демократично, с другой — представляло слишком большое преобладание личности над учреждением» [Вып. 2. С. 293]. Аналогичных взглядов придерживались и другие российские монархи, которые смотрели на общественное устройство Украины (равно как и других казацких областей — Дона, Яика) как на нечто аномальное и не отвечающее существующему абсолютистскому режиму.

А. Я. Ефименко предприняла также попытку показать состояние культуры на Украине во второй половине XVII — XVIII в., но, в отличие от предыдущих сюжетов, в этой части книги даже хорошо известный материал излагается, к сожалению, фрагментарно (справедливости ради следует отметить, что автор предупреждает об ограниченности своего подхода к освещению этой проблемы), поэтому соответствующие краски, которыми она рисует развитие культурного процесса на украинских землях, вряд ли можно признать полностью отвечающими историческим реалиям.

Анализируя авторские концепции, выводы, характеристики и т. п., следует, безусловно, учитывать обстановку, в которой создавалась «История украинского народа». Наступление царизма на все передовое, инакомыслящее, усиление национального угнетения украинцев — всему этому была свидетельством А. Я. Ефименко. Вот почему изложение ею отдельных вопросов и оценка некоторых явлений и событий исторического прошлого, связанных с политикой самодержавия на Украине, так эмоциональны, а нередко — запальчивы. Некоторая односторонность наблюдается при освещении сложного и многогранного процесса перехода от феодального к буржуазному способу производства: читатель, например, не найдет здесь интересных его сведений о декабристском движении, характеристики деятельности тайных обществ и организаций, ярких примеров, показывающих общественно-политические связи восточнославянских народов. А ведь, несмотря на реакционную политику самодержавия, на Украине в этот период имели место заметные успехи в развитии культуры, науки, просвещения, наблюдались сложнейшие этносоциальные явления, суть которых заключалась в конституировании этнической общности буржуазной эпохи — нации.

Критически анализируя книгу, можно, конечно, и дальше множить примеры несоответствий взглядов автора современным оценкам тех или иных страниц истории Украины, не всегда обоснованных аналогий, терминологических новаций (или, наоборот, анахронизмов) и т. д., однако непредвзятый взгляд на это сочинение позволяет легко уяснить главное: перед нами — один из лучших научных трудов А. Я. Ефименко, на строго фактической основе и в то же время в популярной, живой, эмоциональной форме освещающий сложный, многогранный и противоречивый исторический процесс на Украине со времен палеолита вплоть до XIX в.

В советской историографии встречаются самые разноречивые оценки взглядов А. Я. Ефименко. Одни исследователи считают ее историком народнического направления, другие — буржуазно-демократического, третьи — демократически-просветительского. Однако никто из них не отрицает выдающегося вклада Александры Яковлевны Ефименко в сокровищницу научной мысли, в изучение истории Родины...

* * *

Книга, предлагаемая вниманию читателей, написана А. Я. Ефименко между 1896 и 1906 гг. Взяться за этот труд ее побудил, как мы уже отмечали, конкурс, объявленный в 1896 г. редакцией журнала «Киевская старина» на лучшую обобщающую научно-популярную работу по истории Украины. Именно рукопись, представленная Александрой Яковлевной в редакцию журнала, и была удостоена премии. Отдельные фрагменты книги увидели свет еще до ее изда-

ния в полном виде. Так, части первой и второй глав в 1901—1903 гг. публиковались в популярном периодическом издании «Журнал для всех» (Ефименко А. Я. *Из истории Южной Руси. I. За пределами истории // Журнал для всех. 1901. № 9. Стб. 1095—1109; 1902. № 6. Стб. 738—748; Е е ж е. Очерки истории Южной Руси. III. Откуда пошла Русская земля // Журнал для всех. 1903. № 7. Стб. 735—848*). Полностью книга впервые была издана в Петербурге в 1906 г. в серии «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время» (под редакцией Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого). В 1922 г. два выпуска работы А. Я. Ефименко, переведенной Б. П. Щербаненко на украинский язык, были опубликованы в Харькове под названием «Історія українського народу». Д. И. Багалея написал для этого издания вступительную статью и примечания, а также еще одну главу (с. 140—207), в которой освещались исторические, политические, культурные события, состояние экономики Украины во второй половине XIX — начале XX в.

В. А. СМОЛИЙ,
доктор исторических наук

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст труда А. Я. Ефименко «История украинского народа» публикуется по изданию 1906 г. без каких-либо сокращений и смыслового редактирования. Полностью сохранен авторский стиль изложения. Вместе с тем при подготовке настоящего издания к печати были устранены имеющиеся в оригинале разночтения, типографские погрешности, раскрыты некоторые сокращения и т. д.; орфография и пунктуация по возможности приближены к нынешним нормам.

В «Примечаниях» читатель сможет кратко, в наиболее общей форме ознакомиться с современными гипотезами и концепциями по поводу ряда затрагиваемых в книге вопросов, чему, на наш взгляд, должны способствовать и отсылки к новейшей литературе, содержащей, как правило, достаточно полную библиографию той или иной проблемы. Значительная часть примечаний носит справочный характер: в них даются краткие биографические сведения о персонажах, уточняются даты, факты, раскрываются в случае необходимости конкретные обстоятельства описываемых в книге событий и т. д.

Примечания 4—7, 9—11 к главе 1 и 96 к главе 7 подготовлены редактором настоящего издания С. А. Васильченко.

От автора

1. В современной белорусской историографии высказывается мнение не о «поглощении Западной Руси» Литвой, а об их добровольном объединении, заложившем основу нового государственного образования — Великого княжества Литовского. Собственно литовские земли занимали едва десятую часть территории княжества, так что доминирование в нем славянского (старобелорусского) языка и культуры представляется вполне естественным (*Ермалович А. I. Па слядах аднаго міфа. Мінск, 1989. С. 83—85; и др.*).
2. *Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России: В 4 т. М., 1822. (4-е изд. К., 1903); Маркевич Н. А., История Малороссии: В 5 т. М., 1842 — 1843.*

Глава 1

1. «Голубиная книга» — апокрифическое стихотворное произведение, упоминающееся с конца XII — начала XIII в. Сохранилось во множестве вариантов; построено преимущественно в форме вопросов и ответов,

опирающихся на христианскую символику и затрагивающих структуру мироздания, происхождение человека, иерархию духовных и предметных ценностей.

2. *Немецкое море* — устаревшее название Северного моря.
3. Речь идет о Кирилловской палеолитической стоянке, открытой в 1898 г. известным археологом В. В. Хвойко в Киеве, в районе современной ул. Фрунзе (бывшей Кирилловской, откуда и название древнего памятника). Нижний культурный слой стоянки датируется поздним палеолитом (ок. 20 тыс. лет тому назад).
4. Погребальный обряд как следствие формирования представлений о загробной жизни возник не в неолите (о чем говорит А. Я. Ефименко), а еще в раннем палеолите. Наиболее древние раннепалеолитические захоронения на территории Украины относятся к позднеашельскому времени (датировка ашельской эпохи в целом — 300—150 тыс. лет тому назад). Ошибка автора вызвана тем, что при ее жизни такие погребения еще не были открыты археологами.
5. Вновь ошибка: первые курганы на Юге Украины появляются не в неолите, а позже, в медном веке. Примерно 5 тыс. лет тому назад в Северном Причерноморье в условиях воспроизводительного пастушеского скотоводства и распространения металлических (медных) орудий, резко повысивших интенсивность труда, возникают предпосылки для накопления имущественных излишков и сосредоточения их в руках отдельных, наиболее предприимчивых членов рода. Таким образом, налицо уже симптомы разложения первобытно-общинного уклада; зарождающаяся родо-племенная верхушка, естественно, нуждалась в атрибутике своей власти над сородичами. В частности, таким идеологическим атрибутом был курган — памятник, выделяющий из общей массы «рядовых» могил заупокойную обитель представителя скотоводческой знати (курганы были характерны для всех степных народностей эпохи меди-бронзы и раннего железа; особенно впечатляют грандиозные так называемые «царские» курганы скифской аристократии, о которых говорит ниже А. Я. Ефименко). Население же неолитической эпохи еще не знало таких социальных явлений и хоронило всех своих покойников в обычных бескурганных (так называемых «грунтовых») могильниках.
6. Автора можно понять так, что древние люди украшали свою посуду орнаментом, движимые исключительно «эстетической потребностью». На самом же деле и в неолитический, когда впервые появляется керамика, и в более поздние периоды первобытной истории узоры на сосудах носили прежде всего глубокий сакральный смысл: «правильно расположенные ямки, черточки, полосы, желобки и т. п.» в символической, нередко очень трудной для нашего понимания форме отражали религиозные представления населения тех эпох, выполняли какую-то магическую функцию и т. д.
7. По автору, в эту «переходную эпоху» одновременно использовались и медь, и бронза. В действительности же с начала изготовления первых медных изделий прошло не менее 2 тыс. лет, прежде чем в обиходе древних племен, населявших нынешнюю Украину, стали обычными бронзовые вещи. Медный век (или энеолит) на территории нашей республики датируется IV — III тыс. до н. э., сменивший его бронзовый — II — началом I тыс. до н. э. Вслед за бронзовым наступил ранний железный век, в котором жили упоминающиеся ниже скифы и сарматы.
8. Сведения автора устарели. В настоящее время археологам известно множество памятников бронзового века на территории Украины, причем значительная часть их — автохтонного (местного) происхождения. Установлено, что расцвет бронзолитейного дела во второй половине бронзового века (середина II — начало I тыс. до н. э.) вызвал значительные изменения в общественном производстве, определив новое направление

хозяйственного развития племен, обитавших на территории нынешней Украины. В связи с общим ростом производительных сил и другими прогрессивными сдвигами в социально-экономической и духовной сферах в бронзовом веке начали формироваться древнейшие этнические массивы. В частности, по данным археологии, сравнительного языкознания и ономастики, именно с этого времени стала определяться прародина славян: многие ученые локализуют ее на территории между Одером на западе и Днестром на востоке.

9. К вытеснению из Северного Причерноморья киммерийцев сарматы не имели никакого отношения — это событие связано с именем скифов (подробнее о «скифо-сарматском народе» и киммерийцах см. в примечании 11 к данной главе). Неправомерно, далее, называть киммерийскими «многочисленные курганные насыпи» на Юге Украины: на самом деле эти курганы оставлены племенами так называемых ямников, катакомбников и срубников (эпоха меди-бронзы), для которых как раз и характерны упомянутые автором детали погребального обряда. Киммерийские же захоронения в Северном Причерноморье крайне немногочисленны.
10. Здесь неточность: «массу золотых вещей» скифы получали (путем торгового обмена) не из далекой Средней Азии, а из расположенных в Северном Причерноморье греческих городов-колоний, ювелиры которых стремились учитывать вкусы своих заказчиков (об этом свидетельствуют, в частности, драгоценные изделия с «изображениями фантастических зверей», т. е. выполненные греками в так называемом скифском зверином стиле). Конечно, какая-то небольшая часть изделий из золота, бытовавших в Скифии, имела, как о том можно судить по результатам археологических исследований, азиатское или местное (скифское) происхождение, но по уровню исполнения и художественным достоинствам с греческими мастерами сравниться не мог никто (пример чему — великолепная пектораль (нагрудное украшение и одновременно знак власти), найденная в 1971 г. в кургане Толстая могила на Днепропетровщине).
11. Современная наука в состоянии достаточно полно ответить на эти вопросы. И скифы, и сарматы — родственные североиранские народности, но полностью отождествлять их нельзя. Выходцы откуда-то из глубин Азии, кочевники-скифы в VII в. до н. э. вторглись в Северное Причерноморье, изгнали отсюда киммерийцев (народ, по своему происхождению связанный с упоминавшимися выше срубниками (см. примечание 9 к данной главе); достигнув уровня военной демократии, конные киммерийцы нападали даже на переднеазиатские страны), обрушились, пройдя через Кавказ, на Переднюю Азию и после 28-летнего пребывания там возвратились в южноукраинские степи. Надолго обосновавшись здесь, скифы вступили в торговые отношения с севернопричерноморскими греческими городами-колониями, наживая на торговле рабами, скотом, хлебом и т. п. несметные богатства. За несколько столетий прошли путь от общества военной демократии до государственного образования с обостренными внутрисоциальными противоречиями. В период своего наивысшего могущества Скифия занимала практически всю южноукраинскую степь и часть Лесостепи.
- В V в. до н. э. из-за Дона на запад начинают продвигаться савроматы (позже их стали называть сарматами), по уровню социально-экономического и духовного развития стоявшие ниже скифов. Постепенно нарастая военное давление, сарматы в конце III в. до н. э. отнесли основную массу скифов с мест их обитания за Дунай, на территорию нынешней Румынии, в нижнее Поднепровье и Крым (в низовьях Днестра и в Крыму вплоть до IV в. н. э. существовала так называемая Малая Скифия). Сарматский период в Северном Причерноморье длился до IV в. н. э. Сарматы подразделялись на несколько племенных группировок; одна из них, известная под именем «аланы», во II в. н. э. захватила политическое

господство в южноукраинских степях. Конец самостоятельному существованию сармато-аланов положили вторжения готов и гуннов (см. примечания 12 и 15 к данной главе).

О ясах см. примечание 5 к главе 2.

12. *Готы* — восточногерманские племена, к рубежу н. э. переселившиеся из Скандинавии на южное побережье Балтийского моря. В первые века н. э. начали продвижение на юго-восток, тесно связанное с общим военным наступлением германцев по всей линии Рейна, римского пограничного вала и Дуная, от Северного до Черного моря, — наступлением, служившим, по Энгельсу, прямым доказательством все большего роста населения, которое стремилось к расширению своих владений (Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 146). К началу III в. готы достигли Северного Причерноморья, смешавшись здесь с местным, в основном скифо-сарматским, населением. В это же время начинают военные походы в пределы Римской империи. В 375 г. готский разноэтничный союз племен, объединенных остготским конунгом Германарихом, был разгромлен гуннами (см. примечание 15 к данной главе).
13. Речь идет об упомянутом в одном из древнескандинавских саг («Херверсага», XIII в.) городе над Днепром — Данпарстаде; некоторые исследователи относили существование этого города к IV в. и отождествляли его со столицей готов, впоследствии — Киевом. Современная наука считает гипотезу о готском происхождении Киева лишенной каких бы то ни было оснований.
14. *Иордан* — готский историк VI в., уроженец Нижнего Подунавья. В своем труде «Гетика» (современный перевод: *Иордан*. О происхождении и деяниях готов. М., 1960) излагает в сокращении не сохранившуюся до нашего времени «Историю готов» Кассиодора (ок. 487—ок. 578) — одного из приближенных короля остготов в Италии. В «Гетике» содержатся первые конкретно-исторические сведения о племенных названиях, союзо-племенных группах и территориальном расселении славян.
15. *Гунны* — народ, образовавшийся во II—IV вв. в результате смешения севернокитайского племени хунну и племен, присоединившихся к нему в ходе его постепенного продвижения на запад от исконных мест обитания. В последней четверти IV в. это продвижение превращается в массовую экспансию, признаваемую историками за начало великого переселения народов. Подчинив в Северном Причерноморье часть аланов (см. примечание 11 к данной главе), гунны разгромили здесь готский союз племен (см. примечание 12 к настоящей главе) и в начале V в. вторглись во владения Римской империи. Наибольшего территориального расширения и мощи разноэтничный гуннский союз племен достиг под предводительством Атиллы (434—453), войска которого опустошали Германию, Галлию, Италию. После смерти Атиллы союз племен, созданный гуннами, распался.
16. Автор имеет в виду союз племен, созданный гуннами (см. предыдущее примечание), называя при этом угорские племена финнами, что в строгом смысле неточно: финны и угры (венгры), говорящие на языках родственной финно-угорской группы, нетождественны в этническом отношении. Разделение их общей языковой прасловы на обско-угорскую и прибалтийско-финскую группы произошло за несколько тысячелетий до н. э., а процесс формирования отдельных этносов в пределах указанных групп начался не ранее, чем за несколько веков до н. э.
17. По данным современной науки, курганный погребальный обряд еще не свидетельствует об этнической однородности культивировавших его племен. Однако в XV—XI вв. до н. э. значительная часть современной территории Северной Украины, Южной Белоруссии и Восточной Польши действительно была заселена группой племен, близких между собой по

культуре и, вероятно, по этническому составу. Эту группу ряд ученых отождествляют с древними праславянами и прабалтами.

18. Экспедиционные исследования и теоретические выводы современной науки позволяют считать прародиной славян со 2 тыс. до н. э. территорию между Одером на западе и бассейном среднего Днепра на востоке. Ее северной границей было Левобережье Припяти, южной — рубеж Лесостепи и Степи. Археологическим соответствием славянам является так называемая зарубинецкая культура, оставленная оседлым земледельческим населением лесостепной полосы Восточной Европы (рубеж III — II вв. до н. э. — II в. н. э.), а также памятники пшеворской культуры в верхнем течении Вислы (II в. до н. э. — IV в. н. э.). На смену зарубинецкой культуре в лесостепной полосе современной территории Украины во II в. н. э. пришла черняховская культура. Данные антропологии указывают на близость антропологического типа черняховцев и летописного восточнославянского племени полян, что свидетельствует о непрерывной традиции заселения данной территории. Соседями славян на юго-западе, между Карпатами и Нижним Подунавьем, во II — V вв. были фракийские племена карпов, гетов и даков. Очевидно, фракийскими по происхождению были и племена, населявшие Прикарпатье. На протяжении II — VII вв. они испытывали интенсивное культурное влияние восточных славян и, надо думать, постепенно ассимилировались восточнославянским этническим элементом, который составил основу летописного племени хорватов.
19. Вопрос о происхождении этнонима «Русь» тесно связан с проблемой образования Киевской Руси. Спор историков о том, кто такие русы и где их следует локализовать, длится уже свыше 200 лет. Выдвигались гипотезы как о южном, так и о северном происхождении понятия «Русь», а также о том, что термин «Русь» первоначально имел социальный характер и обозначал только знать, а не народ. Современные историки склоняются к мысли о южном происхождении русов (*Пархоменко В. О.* До питания про норманське завоювання і походження русів. К., 1938). Как полагает Б. А. Рыбаков, союз славянских племен Среднего Поднепровья принял имя одного из народов, вошедших в его состав — Рос или Рус, известного с VI в. за пределами славянского мира (*Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. М., 1980. С. 285). Имя Рос было обозначением одной из этнических групп сармато-аланского происхождения, обитавшей в пределах северо-восточного Причерноморья, Приазовья, Северного Кавказа. После периода длительных аваро-славянских войн VI — VII вв. в Среднем Поднепровье сложилось крупное объединение племен под названием Русь. Это название, как можно предполагать, отражало тот факт, что часть кочевников, в частности аланов и болгар, переселившихся на земли восточных славян, была ими ассимилирована, и именно в аланских племенах, осевших в Южном Поднепровье, следует искать генезис имени Руси. Репликой слова Рось-Русь (Аорси) М. Ю. Брайчевский считает загадочную землю славян Артанию (Арсанию), упоминаемую в арабских источниках (*Брайчевский М. Ю.* Походжения Руси. К., 1968. С. 171).
20. *Ибн-Даста* (в современной терминологии Ибн-Руста) — арабский географ второй половины IX — начала X в., по происхождению иранец. Автор «Книги драгоценных ожерелий» — ценного источника по истории Ближнего и Среднего Востока и Восточной Европы (издание в переводе: *Ибн-Даста, Асу Али Ахмед Бен Омар.* Известия о хозарах, бургесах, болгарях, мадьярах, славянах и русах / Пер. и коммент. Д. А. Хвольсона. СПб., 1869).
21. *Константин VII Багрянородный (Порфирородный)* (905—959) — византийский император с 913 г. Автор трактата «Об управлении империей», написанного в форме поучения сыну и наследнику Роману II. Книга

является ценным источником по истории славян и других соседей Византийской империи: печенегов, ромеев и прочих (издание в переводе: *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Пер. Г. Г. Литаврина. М., 1989).

22. Язык русов-полян неправомерно отождествляется здесь с языком дружины князя. Этническую принадлежность Рюрика, призванного, согласно летописи, на княжение в Новгород, современная наука считает не идентифицированной. По одной из распространенных ныне гипотез, Рюрик был выходцем из поморских славян — непосредственных соседей скандинавов (ср.: *Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории*. К., 1987. С. 20—21).
23. Имеется в виду «Стратегикон» — приписываемый византийскому императору Маврикию (582—602) трактат по военному делу, созданный на рубеже VI — VII вв.; важный источник для изучения быта и общественных отношений древних славян, аваров и др. (издание в переводе: *Маврикий. Тактика и стратегия*. СПб., 1903).
24. Анализ славянских археологических культур на территории Украины и обширную литературу вопроса см.: *Брайчевський М. Ю. Походження Русі*. К., 1968.
25. Сопоставление мнений о времени возникновения Киева и его первоначальной истории см.: *Брайчевський М. Ю. Коли і як виник Київ*. К., 1963; *Рыбаков Б. А. Город Кия // Вопр. истории*. 1980. № 5. С. 31—47; *Толочко П. П. Происхождение Киева (К 1500-летию Киева)*. К., 1980; *Боровський Я. С. Походження Києва: Історіогр. нарис*. К., 1981; *Котляр М. Ф. Древняя Русь и Киев в летописях, преданиях и легендах*. К., 1986; и др.

Глава 2

1. *Прокопий Кесарийский* (ок. 500— после 565) — византийский писатель-историк и политический деятель, автор известных произведений «История войн Юстиниана», «О постройках Юстиниана», «Тайная история». Несколько книг «Истории войн...» посвящено византийско-готским войнам в период с 550 по 554 гг.; содержит множество сведений о славянах (издание в переводе: *Прокопий Кесарийский. Война с готами*. М., 1950).
2. *Аль-Масуди* — арабский историк, географ и путешественник (к. IX в.— ок. 956), автор семи историко-географических трудов, из которых сохранилось (в сокращенной переработке) сочинение с общегеографическими сведениями и историко-географическим описанием различных стран и народов, в частности Восточной Европы (издание в переводе: *Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней* / Пер. Н. А. Караулова / Сб. материалов для описания местности и племен Кавказа. 1908. Вып. 38).
3. Дир упоминается в произведении Аль-Масуди (см. предыдущее примечание) как самый выдающийся из славянских князей, владеющий многими городами; в его столицу приезжали мусульманские купцы.
4. «Червенские грады» — область между Западным Бугом, Саном и Вепром, то есть южная часть древнерусско-польского пограничья. Основу населения составляли представители восточнославянских племен хорватов и волянян. В конце X — первой трети XI в. «червенские грады» были предметом спора между Киевской Русью и Польшей.
5. *Ясы* — древнерусское название ираноязычных аланских племен, предков современных осетин, *касоги* — древнерусское название адыгов, обитавших в Прикубанье; в X в. входили в состав Хазарии.
6. *Лев Диакон* — византийский историк второй половины X в., автор «Истории», охватывающей внутренние события и внешнюю жизнь Византии-

ской империи преимущественно 956—976 гг. и содержащей ценные факты и сведения по истории Древней Руси (издание в переводе: *Лев Диакон. История* / Пер. М. М. Копыленко. М., 1988).

7. О процессе христианизации Руси см. новейшие исследования: *Брайчевский М. Ю.* Утверждения христианства на Руси. К., 1988; Запроведения христианства на Руси: Ист. нариси. К., 1988; и др. Комплексное исследование языческих воззрений и обрядов накануне крещения Руси см.: *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988.
8. Массовое оборонительное строительство, начатое Владимиром за пределами «внутренней» Руси, было вызвано усилением печенежской угрозы со стороны Среднего Поднепровья. Тактика обороны от кочевников-печенегов, постоянно сменявших места обитания и поэтому неуловимых для княжеской дружины, приобрела пассивный характер. Этой тактике наиболее полно соответствовали защитные линии так называемых Змиевых валов (см. ниже), которые на самых опасных участках дополнялись системой крепостей. Начало строительства последних летопись зафиксировала при Владимире Святославиче под 988 г.: «И рече Владимир: се не добро, еже мало городов около Киева. И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне». Среди крепостей, воздвигнутых для защиты Руси от печенегов, летопись упоминает Белгород на Ирпени (ныне с. Билогородка), Василев на Стугне (ныне г. Васильков) и Переяслав на Трубеже. Кроме них, были построены и другие крепости, от которых до нашего времени сохранились многочисленные городища: Треполь, Витачев, Иван, Чучин, Заруб, Родень, Торческ, Юрьев и др. Защитные линии Змиевых валов — мощных земляных валов и рвов — проходили вдоль левого берега Роси и Стугны, составляя на Левобережье единую систему с валами Переяславщины, доходившими до р. Супой, а на Правобережье — с фланговой группой валов в междуречье Ирпени — Тетерева. В свое время высказывались разнообразные мнения о времени сооружения Змиевых валов: одни исследователи датировали их появление скифским периодом (VII—VI вв. до н. э.), другие — более поздним временем, в частности, II—V вв. н. э. Результаты недавних исследований, проведенных Институтом археологии АН УССР, позволяют утверждать, что общая хронология указанных оборонительных сооружений определяется в пределах к. X—XII вв., и что основная часть их была возведена при княжении Владимира Святославича, а затем Ярослава Мудрого (сопоставление мнений, обобщение материалов археологического изучения Змиевых валов, а также подробные карты их местоположения см.: *Кучера М. П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья. К., 1987). Упомянутое А. Я. Ефименко письмо Бруно из Кверфурта к императору Генриху II, написанное в начале 1009 г. и содержащее упоминание о части Змиевых валов на Стугне, издано у нас в переводе (*Яковенко Н.* «Я привів тебе туди, де кінчається моя земля...» // Київ. 1985. № 12. С. 117—118).
9. Анализ новейшей научной литературы, посвященной проблеме взаимоотношений Киевской Руси с кочевым миром, см.: *Мавродина Р. М.* Киевская Русь и кочевники (печенег, торки, половцы): Историогр. очерк. Л., 1983.
10. Межгосударственные отношения Руси и Польши в X—XIII вв. исследованы с современных научных позиций в кн.: *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII вв. К., 1988.
11. Наиболее полную библиографию по проблемам древнерусской письменной культуры см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1987. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.).
12. «Русской Правде» посвящена обширнейшая литература, в определенной

мере подытоженная в новейшей работе М. Б. Свердлова «От Закона Русского к Русской Правде» (М., 1988). Академическое издание текста памятника см.: Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. 1 (Тексты); М., 1947. Т. 2 (Комментарии); М., 1963. Т. 3 (Факсимильное воспроизведение текстов). Новейший историко-правовой комментарий «Русской Правды» см.: Российское законодательство X — XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 49—63, 80—126.

13. Речь идет о неудачном походе на Царьград князя Владимира Ярославича, сына Ярослава Мудрого, в 1043 г. Русские суда были разбиты бурей; выбравшиеся на берег дружинники вместе с воеводой Вышатай пытались пробиться на родину, но большинство их погибло в бою с византийскими отрядами, а 800 человек попали в плен и были ослеплены. Оставшаяся на море часть войска во главе с князем сумела отбить атаку византийских кораблей и уйти от преследования.

Глава 3

1. О новейших воззрениях на проблему истории Киевского княжества см. в работах украинских ученых: *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII — XIII вв. К., 1980; *Рычка В. М.* Формирование территории Киевской земли (IX — первая треть XII в.). К., 1988.
2. Туровское княжество существовало в IX — XIV вв. в земле дреговичей (бассейн Припяти) с центром в г. Туров (ныне поселок городского типа в Гомельской обл.). В конце IX — начале X в. присоединено к владениям киевских князей, с 1157 г. при туровском князе Юрии Ярославиче приобрело политическую независимость; после смерти Юрия Ярославича распалось на княжества-уделы — Туровский, Пинский, Слуцкий и Клецкий, зависимые от галицко-волинских князей, а с первой трети XIV в. вошедшие в состав Великого княжества Литовского. Об истории Переяславского княжества см.: *Коринный Н. Н.* Переяславская земля в X — первой половине XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1984.
3. История Черниговского княжества более подробно освещена в таких новейших работах: *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X — XIII вв. М., 1975; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв.
4. Вопросы образования и истории Галицко-Волинского княжества основательно разработаны в кн.: *Пацуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950; *Крип'якевич І. П.* Галицко-Волинське князівство. К., 1984; *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волинской Руси IX — XIII вв. К., 1985.
5. Ярослав Мудрый умер в 1054 г.
6. Роспись великих киевских князей за период с 882 до 1246 г. см.: Літопис руський за Іпатським списком / Пер. Л. Махновця. К., 1989. С. 521—522.
7. Генеалогические таблицы древнерусского княжеского рода (князей киевских, новгородских, полоцких, черниговских, волинских и других) см.: *Толочко П. П.* Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. К., 1987. Приложение, табл. 1—6.
8. *Тмутаракань* — древнерусский город на Таманском полуострове (поблизости от его местоположения находится современная станция Таманская). Возник на месте античного города Гермонасса как центр Тмутараканского княжества, существовавшего в X — XI вв.; в начале XII в. Тмутаракань была присоединена к Византии.
9. Олег Святославич (ум. 1115) был сыном великого князя киевского Святослава Ярославича. В 1076 г. получил в удел Владимир-Волинский, в 1077 г. изгнан оттуда великим князем киевским Изяславом Ярославичем.

- чем; бежал в Тмутаракань, затем в союзе с половцами пытался овладеть Черниговом. С 1083 по 1094 г. — тмутараканский князь. Вновь заключив союз с половцами, отвоевал Чернигов у Владимира Мономаха. За разжигание княжеских междоусобиц назван в «Слове о полку Игореве» Олегом Гориславичем.
10. Речь идет о сыновьях тмутараканского князя Ростислава Владимировича — Василько и Володаре Ростиславичах. Василько был теребовльским (1092—1124), а Володарь — перемышльским (1092—1124) князем. Братья вели совместную борьбу за независимость удельных княжеств Галицкой земли от великого князя киевского. В 1097 г. на Рожном поле они победили войско Святополка Изяславича, а в 1099 г. под Перемышлем — войско венгерского короля, союзника Святополка.
 11. Речь идет о восстании горожан Киева в 1068—1069 гг., поводом для которого послужил отказ князя Изяслава Ярославича, потерпевшего поражение в битве с половцами, выдать народу оружие для отражения неприятеля.
 12. «Черные клобуки» (кара-калпаки) — древнерусское название племенного объединения, сложившегося около середины XII в. из остатков печенегов, торков, берендеев и других восточных народов, осевших на землях по Роси и среднему Днепру. Являясь вассалами древнерусских князей, «черные клобуки» охраняли южные границы Руси и участвовали в походах киевских князей, постепенно переходя от кочевого скотоводства к земледелию. В XIII в., после монголо-татарского нашествия, частично смешались со славянским населением, частично откочевали в степи.
 13. О развитии феодальных отношений в древнерусском государстве (в концепции современной историографии) см.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества Древней Руси. Л., 1983.
 14. Речь идет о кратком (тринадцатидневном) княжении на киевском столе Игоря, брата киевского князя Всеволода II Ольговича 1139—1146), после смерти которого началось восстание горожан, направленное против злоупотреблений княжеских тиунов.
 15. «Правда Ярославичей», или «Устав Ярославичей», была принята на съезде сыновей Ярослава Мудрого либо во время его правления, либо ко времени съезда Ярославичей в Вышгороде в 1072 г. (сопоставление мнений см.: *Правда Русская. Т. 2 (Комментарии). С. 245—254.*)
 16. *Соляной путь* — сухопутный торговый путь, соединявший Киевскую Русь с крымским побережьем Черного моря. Имел два ответвления, одно из которых начиналось в Переяславе, другое — в Ромнах. Поблизости от устья Ворсклы оба ответвления соединялись, отсюда путь шел до Переволочной по левому берегу Днепра, затем — до Каменского перевоза по правому и далее — опять по левому берегу; вблизи современной Каховки дорога поворачивала на Перекоп в направлении Корсуня (Херсонес), Суража (Судак) и Кафы (Феодосия). *Залозный путь* — один из древнейших сухопутных торговых путей, соединявших Киев с Тмутараканью, Малой Азией и странами Востока. Около Канева сближался с Греческим путем («из варяг в греки»). Этимология названия неясна.
 17. *Лот* — мера массы (веса); равнялся 12,8 г. Монетная гривна представляла собой слиток серебра стандартного веса, который колебался между 140—204 г.
 18. Проблемам денежного обращения в Древней Руси посвящены следующие работы советских исследователей: *Ильин А. А.* Классификация русских удельных монет. Л., 1940; *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму. К., 1971.
 19. Противоречивые мнения о социальных и классовых отношениях в древнерусском обществе, сохраняющиеся до настоящего времени, наиболее полно представлены в кн.: *Юшков С. В.* Очерки истории феодализма

- в Киевской Руси. М.; Л., 1939; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI — XIII вв. М., 1955; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества Древней Руси. Л., 1983.
20. «Киево-Печерский патерик» — сборник сказаний об истории Киево-Печерского монастыря и его первых монахах-подвижниках. Формирование памятника относится к первой трети XIII в.; в первоначальном виде текст Патерика не сохранился. Известен в нескольких редакциях; наиболее древний из списков (а всего их сохранилось около 200) датируется 1406 г. Первая печатная редакция относится к 1635 г. (издана в Киево-Печерской типографии). Академическое издание памятника: Киево-Печерский патерик / Подготовка текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси, XII век. М., 1980.
 21. Антоний Печерский (983—1073) — древнерусский церковный деятель, родом из Любеча (теперь Черниговская обл.); один из основателей древнейшего монастыря на Руси — Киево-Печерского. Феодосий Печерский (ум. 1074) — церковный писатель, один из первых игуменов Киево-Печерского монастыря, создатель первого на Руси «общежительного устава» как основы внутренней жизни монастырей.
 22. Список киевских митрополитов X — XIII вв. см.: Літопис руський за Іпатським списком / Пер. Л. Махновця. С. 523. О структуре и роли церкви в политической системе древнерусского государства см.: Свідерський Ю. Ю. Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X — XIII ст. К., 1983; Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. К., 1987; Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X — XIII вв. М., 1989.
 23. Точка зрения автора устарела: о распространении школ в Киевской Руси свидетельствуют летописи, «Жития святых», граффити на стенах церквей, наконец, археологические находки, в частности, берестяные грамоты, орудия письма, церы (дощечки с углублением для воска, которые использовались в процессе начального обучения грамоте). Решительный пересмотр вопроса о распространении грамотности на Руси позволяет утверждать, что в начале XIII в. количество грамотных достигало в древнерусских городах 10 % всего населения (Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. ред. Э. Д. Днепров. М., 1989. С. 33—34).
 24. Иларион (сер. XI) — киевский митрополит, оратор и писатель, церковно-политический деятель. Безусловно принадлежащими его перу в настоящее время считаются произведения «Слово о законе и благодати», «Молитва» и «Исповедание веры». Кроме того, сохранился ряд религиозно-нравоучительных сочинений, по отношению к которым авторство Илариона пока не доказано. Кирилл Туровский (ум. до 1182) — туровский епископ, церковный деятель, автор поучений, торжественных «Слов» и молитв. Из большого числа произведений, приписываемых Кириллу, несомненно ему принадлежат «Притча о душе и теле», «Повесть о белоризце и о мнишестве», восемь «Слов» на церковные праздники, 30 молитв и два канона. Творчество Кирилла Туровского считается одним из наивысших достижений древнерусской литературы XII в.
 25. Автор имеет в виду один из эпизодов феодальной борьбы в Галицко-Волынском княжестве после смерти Романа Галицкого, когда часть галицких бояр пригласила на княжеский стол сыновей Игоря Святославича Черниговского, изгнав княгиню-вдову с малолетним сыном, будущим Даниилом Галицким. Князя Игоревичи, не имевшие опоры в Галицко-Волынской земле, пытались удержаться путем репрессий, убив около 500 знатных бояр — сторонников изгнанной княгини, однако этим только

- усилили противодействие им. В 1211 г. несовершеннолетний Даниил был торжественно возведен на княжение, а Игоревичей «мести ради» бояре повесили.
26. Описанный в «Слове о полку Игореве» поход новгород-сиверского князя Игоря Ольговича в 1185 г. на половцев современная наука не связывает с планами чернигово-сиверских князей о расширении влияния в Тмутаракани, а расценивает его как авантюристический.
 27. *Бродники* — воинственное население берегов Азовского моря и нижнего Дона (вероятно, древнеславянского происхождения), ослабленное вторжением половцев. Упоминаются в древнерусских летописях под 1147 и 1216 гг., а также в византийских и венгерских источниках. Отряды бродников принимали участие в междоусобной борьбе князей; в 1223 г. в битве на Калке выступили на стороне монголо-татар.
 28. *Тиверцы* — один из восточнославянских племенных союзов на территории между Днестром, Прутом и Дунаем; с первой половины X в. — в составе Киевской Руси. В XII — XIII вв. земли тиверцев входили в Галицко-Волынское княжество; впоследствии потомки тиверцев стали частью населения Молдавского княжества. *Улучи (уличи)* — восточнославянская группа племен, населявшая низовья Днепра, Побужье и берега Черного моря; со времени княжения Игоря (912—945) — в составе Киевской Руси. С середины X в. под натиском печенегов, вероятно, отошли на север, ближе к Киеву, после чего летописные сообщения о них прекращаются.
 29. *Болоховская земля* — древнерусская историческая область, возможно, входившая первоначально в состав Киевской земли; была расположена в верховьях Южного Буга и бассейне рек Горынь, Случь и Тетерев. Главные города — Болохово, Бакота, Губин, Кобуд, Городец, Божский, Деревич и Дядьков. По летописным известиям, эта земля как целостная территориальная единица существовала только в XII — XIII вв.; последний раз упоминается под 1257 г. Болоховские князья, которые вели длительную борьбу против Галицко-Волынского княжества, во время монголо-татарского нашествия признали власть пришельцев с обязательством уплаты ежегодной дани зерном. Вопрос о выборности правления в Болоховской земле остается дискуссионным.
 30. *Изяслав Мстиславич* (ок. 1097—1154) — князь владимирово-волынский (с 1134), переяславский (с 1143), великий князь киевский (с 1146).
 31. *Рюрик Ростиславич* (ум. 1212) — сын великого князя киевского Ростислава Мстиславича, князь черниговский, великий князь киевский (с перерывами в 1173, 1180—1181, 1194—1200, 1203, 1205—1206, 1207—1210 гг.). До вокняжения на киевском престоле держал удел в Овруче (1167) и Новгороде (1171—1172). Воюя за Киев, использовал помощь половцев; окончательно проиграв борьбу за киевский престол, обострившуюся в 1205—1210 гг., получил в удел Чернигов, где и умер.
 32. *Владимир II Мономах* — великий князь киевский с 1113 г., умер в 1125 г.
 33. Роман Мстиславич княжил в Киеве с 1200 по 1205 г.
 34. *Ятвяжская земля*, иначе Судовия — территория обитания древнепрусского племени ятвягов (судва), этнически близкого к литовцам и впервые упоминаемого во II в. н. э. Располагалась в области между средним течением р. Неман и верховьями р. Нарев. Начиная с X в., древнерусские князья совершали неоднократные походы на ятвягов; в 40—50-х годах XII в. ятвяги были подчинены Галицко-Волынскому княжеству и Мазовии. С 1283 г. их земли захватил Тевтонский орден; часть ятвяжских территорий вошла в состав Великого княжества Литовского.
 35. *Подляшская земля* — историческая область по берегам Западного Буга (теперь преимущественно на территории Польши), охватывавшая Дорогичинскую, Мельникскую и Бельскую земли. С раннего средневековья ее северная и южная части были заселены восточнославянскими, централь-

ная — ятвяжским племенами. Первоначально — в составе Галицко-Волынской Руси, с XIV в. — под властью литовских князей как отдельная земля (позже — воеводство) Великого княжества Литовского. По Люблинской унии 1569 г. отошла к Польскому королевству. Южная часть Подляшья этнически тяготеет к Украине.

36. *Берладник* — прозвище Ивана Ростиславича, одного из галицких князей (ум. 1162), данное по молдавскому городу Берладу (теперь г. Бырлад в Румынии). До 1144 г. — звенигородский удельный князь; изгнан галицким князем Владимиром за попытку завладеть Галичем. Служил с собственной дружиной как наемник при дворах многих князей: киевского, черниговского, смоленского, суздальского. Умер в Греции, в Фессалониках, предположительно от яда. Представлял собой первый пример служилого князя без вотчины.
37. *Мстислав Мстиславич Удалой* (ум. 1228) — сын тмутараканского и черниговского князя Мстислава Владимировича (у А. Я. Ефименко неточно — Ростиславича) Храброго, галицкий князь (с 1219 г.). В союзе с владимир-волыньским князем Даниилом Романовичем и половецким ханом Котяном изгнал венгерских захватчиков из Галицкого княжества.
38. *Плано Карпини Джованни да* (ок. 1182—1252) — итальянский путешественник, монах-францисканец. В 1246—1247 гг. с дипломатической миссией папской курии совершил поездку в Монголию, проезжая через Киев, низовье Волги, Среднюю Азию. Оставил дневник путешествия с описанием, в частности, Киева непосредственно после нашествия Батыя (издание в переводе: *Плано Карпини Джованни дель*. История Монголов. М., 1957).
39. *Темник* — в монголо-татарском войске начальник тьмы, т. е. 10 тыс. воинов. Подчинялся непосредственно хану; играл огромную роль в государстве (как, например, темники Ногай и Мамай).
40. *Холм* — центр Забужья, исторической области на Левобережье Западного Буга (теперь г. Хелм в Польше). Основан в XIII в. галицко-волыньским князем Даниилом Галицким; до 1340 г. входил в состав Галицко-Волынского княжества, впоследствии — в составе Польского королевства (как центр Холмской земли Русского воеводства).
41. *Миндовг (Миндаугас)* — великий князь литовский (ок. 1230—1264). Объединил под своей властью литовские земли, подчинил древнерусские города Новгородок (Новоградок), Слоним, Волковыск. Поддерживал договорные отношения с галицко-волыньским князем Даниилом, вел успешную борьбу с Ливонским и Тевтонским орденами. Первым из литовских правителей принял в 1251 г. христианство по католическому обряду. Убит в результате заговора феодальной знати.
42. Время коронации Даниила Галицкого точно не установлено; в сопоставлении с другими датированными событиями его относят к 1253—1254 гг. Коронация происходила в Дорогичине — центре удельного княжества в Берестейской земле, входившей в состав Галицко-Волынского государства (теперь — город в Брестской обл.).
43. *Шварн (Свормир) Данилович* (ум. 1268) — галицкий и холмский князь (с 1264), сын галицко-волыньского князя, затем короля Даниила Романовича, зять Войшелка, старшего сына литовского князя Миндовга. После смерти Миндовга (1264) Войшелк утвердился на литовском престоле, который вскоре передал усыновленному им Шварну. Княжение Шварна в Литве не было продолжительным, так как в борьбе за власть восторжествовала партия бояр-язычников, противников христианизации Литвы, которую проводили Миндовг и Войшелк. Вторым сыном Даниила Галицкого был упомянутый здесь Лев Данилович (ум. 1301) — перемышльский (с 1264), затем галицко-волыньский (с 1268) князь. В 1272 г. перенес столицу Галицко-Волынского княжества во Львов, основанный

около 1256 г. Даниилом Галицким и названный именем Льва Даниловича.

44. *Юрий I Львович* (1262— не позже 1316) — галицкий король с 1301 г., сын Льва Даниловича. *Андрей Юрьевич*, *Лев Юрьевич* — средний и младший сыновья Юрия I Львовича, унаследовавшие Галицкую землю с 1316 г.; правили раздельно в Галиче и Владимире, погибли в борьбе с татарами, вероятно, около 1324 г.
45. *Болеслав Тройденевич* — сын мазовецкого князя Тройдена, зять последнего галицко-волинского князя из династии Даниловичей — Юрия II. После смерти последнего принял православие под именем Юрия III и правил Галицко-Волинским княжеством в 1336—1340 гг. Отравлен боярами. По другой гипотезе, Юрий II и Болеслав Тройденевич — это одно и то же лицо, племянник последних Даниловичей — Андрея и Льва; княжил между 1324 и 1340 гг. После его смерти началась борьба за Галицкое княжество между претендентами — польским королем Казимиром III и волинским князем Любартом Гедиминовичем, длившаяся около 40 лет.

Глава 4

1. Конкретно-исторические обстоятельства перехода Волинской, Подольской, Киевской и Чернигово-Сиверской земель под власть Литовского государства с точки зрения современной историографии изложены в кн.: *Шабунько Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К., 1987.
2. *Ланноа (Ланнуа) Гильбер* (1386—1462) — бургундский рыцарь, дипломат. Участвовал в походах и посольствах в Мазовию, Ливонию, Литву, Новгород, Псков. В 1421 г. проехал через Украину, Молдову и Крым. Свои наблюдения над местной политической жизнью, бытом и нравами описал в произведении «Путешествия и посольства».
3. *Троки (Тракай)* — город в Литовской ССР. Известен с 1321 г., в XIV—XV вв. — резиденция великих князей литовских, имевшая значение второй столицы Великого княжества Литовского наравне с Вильно; центр Троцкого воеводства. С конца XVIII в. — уездный город Виленской губернии.
4. *Гирей* (Гераи) — династия крымских ханов, правившая непрерывно со времени отделения Крымского ханства от Золотой Орды (1443) до его ликвидации и присоединения к России в 1783 г. С 1475 г. — вассалы турецкого султана.
5. Здесь ошибка: Витовт вмешался не в распри Тохтамыша с Тамерланом (Тимуром), а в междоусобицы золотоордынского хана Тохтамыша и хана Заволжской Орды Темир-Кутлуя. В 1398 г. Тохтамыш был разбит последним и бежал в Литву, а в 1399 г. вместе с великим князем литовским Витовтом, своим союзником, потерпел сокрушительное поражение от Темир-Кутлуя на р. Ворскле.
6. *Едигей* (Идигу; 1352—1419) — эмир Белой Орды, с 1396 г. — самостоятельный правитель междуречья Волги и Яика, основатель Ногайской Орды (см. примечание 9 к главе 5); с 1399 г. — фактический глава Золотой Орды. Организовал несколько походов на Северо-Восточную Русь; в 1416 г. захватил и разграбил Киев, однако княжеского замка, обороняемого киевлянами, взять не смог.
7. До XIV в. Русь представляла одну митрополию с местопребыванием митрополита сначала в Киеве (до XIII в.), затем — во Владимире-на-Клязьме и с XIV в. — в Москве. По настоянию Ольгерда константинопольский патриархат в середине XIV в. признал равнозначными права московского митрополита Алексия и киевского митрополита Феодорита

- (1352), затем Романа (1354; ум. 1362). Преемником Романа стал Киприан, освященный в 1376 г., которому после смерти Алексия в длительной борьбе удалось добиться соединения в своих руках всей русской митрополии. Со смертью Киприана в 1406 г. митрополия вновь разделилась на Московскую и Киевскую. Это разделение окончательно утвердилось в 1458—1459 гг., когда в Киев был рукоположен Григорий Болгарин, а собор московских епископов провозгласил самостоятельность московской церкви и избрал в митрополиты Феодосия. Киевский митрополит посвящался константинопольским патриархом.
8. *Свидригайло* (Швитригайла; ум. 1452) — великий князь литовский (1430—1432), младший брат польского короля Владислава Ягайла. Низложенный с великокняжеского стола, в 1432—1440 гг. продолжал борьбу за власть, опираясь на украинские и белорусские земли Великого княжества Литовского, где пользовался широкой популярностью. С 1440 г. — удельный князь Волынской земли со столицей в Луцке.
 9. Устаревшая полонизированная форма имени волыньских князей Чорторийских (от поселения Чорторийск). В упомянутом заговоре ведущую роль сыграли князь Александр Васильевич Чорторийский и киевский боярин Скобейко.
 10. *Густынская летопись* — украинская летопись начала XVII в., выдающийся памятник украинской историографии. Известна в списке 1670 г., составленном М. Лоцицким, иеромонахом Густынского монастыря (от с. Густынь, теперь Черниговской обл.). Содержит изложение исторических событий от времени Киевской Руси до 1597 г.
 11. *Василий I* (1371—1425) — великий князь московский (с 1389), сын Дмитрия Донского.
 12. *Копыль* — город в Белоруссии (теперь Минской обл.), известный с XIV в. Вместе со Слуцком составлял до конца XVI в. особое удельное княжество князей Олельковичей (Слуцких). В начале XVII в. перешел в собственность Радзивиллов.
 13. Витовт (Витаутас) умер в 1430 г.
 14. Казимир Ягайлович (Казимир IV Ягеллончик) избран на великое литовское княжение в 1440 г. в тринадцатилетнем возрасте; король Польши с 1447 г. Умер в 1492 г.
 15. На Флорентийском вселенском соборе представителей греческой и латинской церквей (1438—1445) была предпринята попытка (в 1439 г.) заключить первую унию православных и католиков под верховенством папы римского. От русской церкви сторонником унии выступал киевский митрополит Исидор (изгнан из Киева в 1441 г.; выехал в Москву, где также не нашел поддержки; бежал в Италию, умер в Риме в сане константинопольского патриарха). Преемник Исидора на Киевской митрополии Григорий Болгарин подчинялся греческому патриарху и признавал себя православным. Не нашла поддержки идея унии и у других восточных иерархов: александрийского, антиохийского и иерусалимского.
 16. Глинские представляли влиятельную силу в Московском государстве. В частности, сам князь Михаил Львович с 1526 г. стал приближенным Василия III, выдав за него свою племянницу Елену Васильевну, будущую мать Ивана Грозного.
 17. *Острожский Константин Иванович* (ум. 1530) — князь, первый гетман Великого княжества Литовского, выдающийся военный и политический деятель, отец киевского воеводы и религиозно-культурного деятеля, князя Василия (Константина) Острожского. В битве на р. Ведроша в 1500 г. (теперь около с. Алексин Смоленской обл.) был взят в плен, из которого бежал в 1507 г.
 18. Об уставных земских грамотах (иначе — областных привилегиях) существует и другое мнение, а именно, что они отражают элементы права удельных княжеств, зафиксированного со времен великого князя Витовта

(1392—1430). По собственному праву, отраженному в областных привилеях, жили наиболее развитые земли, расположенные на окраине Литовско-Русского государства. Их географическое положение создавало возможности для более легкого выхода из состава Великого княжества Литовского, что вынуждало правительство сохранять традиционные порядки и обычаи, избегая недовольства местного населения (*Папуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 80). Что касается Киевского и Волынского областных привилеев, то даты, указанные автором, не совсем точны: Волынский привилей сохранился в подтверждениях 1501 и 1509 гг., Киевский — 1507 и 1529 гг.

19. *Михалон Литвин* — анонимный автор сочинения «О нравах татар, литовцев и москвитян» (ок. 1550), сохранившегося в отрывках, изданных в 1615 г. в Базеле (издания в переводе: Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. К., 1871; Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. К., 1890. Вып. 1).
20. Автор несколько упрощает схему политико-административного деления Великого княжества Литовского. Накануне Люблинской унии 1569 г. административная структура, отражавшая в основных чертах традиционный состав территориальных единиц, охватывала 11 воеводств — Виленское, Троцкое, Киевское, Волынское, Брацлавское, Полоцкое, Витебское, Подляшское, Берестейское, Мстиславское, Менское и Жемайтскую землю.
21. А. Я. Ефименко преувеличивает влияние польского права на формирование сословных прав класса феодалов Великого княжества Литовского. Боярское сословие приобрело замкнутый характер и особые привилегии не вследствие внешних воздействий, а в результате естественного развития отношений, свойственных феодальному обществу. Это подтверждается, в частности, и тем, что ко времени соединения Великого княжества Литовского и Польского королевства в Люблинской унии 1569 г. польская шляхта и литовско-русское боярство значительно отличались друг от друга по объему и сфере сословных прав и обязанностей.
22. *Гизо Франсуа (1787—1874)* — французский историк и политический деятель, профессор в Сорбонне. Один из создателей домарксовской теории классовой борьбы, в которой нашли отражение политические интересы буржуазии. Идеи Гизо оказали заметное влияние на историческую науку во многих странах.
23. Советская историография определяет феодализм прежде всего как общественно-экономическую формацию, при которой основой производственных отношений являлись собственность феодала на землю как средство производства и неполная собственность на работника производства. Вассальная иерархия господствующего класса, опирающаяся на иерархическую структуру землевладения, была наиболее характерным политическим институтом «классического феодализма», развившегося в странах Западной Европы, в первую очередь во Франции и Германии.
24. Дискуссионный ранее вопрос о природе феодального строя в Литовско-Русском государстве и о том, вписывается ли последний в модель феодальной системы Западной Европы, сейчас решается историками положительно: перед нами один из вариантов феодальной формации, особенности которого обусловлены конкретными обстоятельствами исторической жизни данного государства.
25. «Устава на волоки» издана в 1557 г.; определяла размер волоки в 16,8 га.
26. Автор здесь и далее преувеличивает последствия волочной померы на Украине, где она в действительности затронула только незначительную часть волынских земель, находившихся в непосредственном владении королевы Боны (Кременецкое и Ковельское староства), а также отдель-

ные имения в северо-западной части Волыни на границе с Холмской землей.

27. *Вервь* — территориальная сельская община в Древней Руси, связанная круговой порукой в ответственности за преступление, совершенное на ее территории. Упоминается в «Русской Правде».
28. *Магдебургское право* — система феодального городского права, сложившаяся в XIII в. в немецком г. Магдебург и распространившаяся в странах Центральной и Восточной Европы, в том числе в Литве, на Украине и в Белоруссии. Юридически закрепляло права горожан на самоуправление, налоговый и судебный иммунитет, льготы в отношении ремесла и торговли. На Украине первыми городами, добившимися права на самоуправление, были Львов (1356), Каменец-Подольский (1374), Санок (1396), Луцк (1432) и др.
29. *Михалон Литвин* — см. примечание 19 к настоящей главе.
30. *Покутье* — юго-восточная часть Галиции между реками Днестр и Черемош, с одной стороны, и Черногорьем в Карпатах — с другой; центром Покутья считается Коломыя (ныне — райцентр Ивано-Франковской обл.).
31. Гданьск, город и порт в Польше, в дельте р. Висла.
32. Ныне Калининград, город и порт на Балтийском море.
33. *Поташ* — соединения калия, добывавшиеся из древесной золы. Употреблялся в мыловарении, при производстве стекла, крашении тканей.
34. *Бершадский Сергей Александрович* (р. 1850) — русский историк, профессор Петербургского университета. Исследовал положение евреев в Великом княжестве Литовском, издал множество материалов из книг великокняжеской канцелярии — Литовской метрики.
35. *Лунский* — лондонский.
36. Этот общеземский (т. е. адресованный всем территориальным единицам («землям») Великого княжества Литовского) привилей датируется 1447, а не 1457 г.
37. Новейшее исследование истории братств, а также обширную библиографию вопроса см.: *Исаевич Я. Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI — XVIII ст. К., 1966.
38. Литовскому Статуту как выдающемуся памятнику культуры и правовой мысли литовского, белорусского и украинского народов посвящена огромная литература, в определенной мере подытоженная академическим изданием: *Первый Литовский Статут / Подготовлен С. Лазуткой, Э. Гудавичюсом.* Вильнюс, 1983—1985. Ч. 1—2 (работа над следующими томами продолжается). Новейшее издание текста третьей редакции Литовского Статута (1588) см.: *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментары.* Мінск, 1989.
39. Действие Литовского Статута отменено на Левобережной Украине в 1781, на Правобережной Украине — в 1842 г.
40. Современная наука считает, что язык Литовских Статутов (редакций 1529, 1566 и 1588 гг.) — старобелорусский.
41. Библия Франциска Скорины (до 1490 — не позднее 1551), выдающегося просветителя и белорусского первопечатника, издана им в Праге на протяжении 1517—1519 гг. О языке изданий Скорины, а также о других аспектах его жизни и деятельности см.: *Францыск Скарына і яго час: Энциклапедычны даведнік.* Мінск, 1988.
42. *Пересопницкое Евангелие* — орнаментированная рукописная книга, перевод Евангелия на староукраинский язык. Рукопись создана в 1556—1561 гг. архимандритом Пересопницкого монастыря (Пересопница — теперь село Ровенской обл.) Григорием и сыном санацкого протопопа Михаилом Василевичем; в настоящее время хранится в Центральной научной библиотеке Академии наук УССР.
43. Речь идет об Острожской библии, выдающемся памятнике украинского

печатного искусства, изданной Иваном Федоровым в Острожской типографии в 1581 г. Являлась полным научно отредактированным переводом канонического древнегреческого текста библейских книг на церковнославянский язык. Ученый редакторский кружок возглавлял первый ректор Острожской академии, известный писатель-полемист Герасим Данилович Смотрицкий. Текст Библии сопровождался стихотворным предисловием Г. Смотрицкого на староукраинском языке. Фототипическое издание Острожской библии см.: Библия, сиречь книги Ветхаго и Новаго завета по языку словенску. М.; Л., 1988.

44. Сведения автора устарели: первое виленское издание Франциска Скорины датируется 1522 г.
45. Городельский привилей 1413 г. явился актом возобновления Кревской унии 1385 г. между Великим княжеством Литовским и Польским королевством. Традиционно считается исходным пунктом оформления сословных прав литовского боярства. Согласно этому привилею, литовская знать католического вероисповедания получила гарантированные права собственности и приоритет на политическое верховенство в государстве по сравнению с православными. Привилей спровоцировал недовольство отодвинутых на второстепенные позиции белорусских и украинских феодалов и стал косвенной причиной феодальных войн в Великом княжестве Литовском в 30-х годах XV в.
46. См. примечание 15 к настоящей главе.
47. Окончательное разделение Московской и Киевской митрополий (см. примечание 7 к данной главе) произошло в 1459 г. после Московского собора, принявшего решение избирать отдельного митрополита в Москве без санкции константинопольской патриархии. Первым после раздела киевским митрополитом Великого княжества Литовского был Григорий Болгарин, рукоположенный в Константинополе в 1458 г.; его власть распространялась на Брянскую, Смоленскую, Перемышльскую, Туровскую, Луцкую, Владимирскую-на-Вольни, Полоцкую, Холмскую и Галицкую епархии. Его преемником стал смоленский епископ Мисаил, родом из князей Бабичей-Соколинских, правивший Киевской митрополией с 1474(?) по 1477 г. Иосиф Солтан (Болгариневич) был киевским митрополитом в 1498—1501 гг. По инициативе великого князя Александра предпринял попытку возобновить заключенную на Флорентийском соборе унию (см. примечание 15 к данной главе), однако не нашел сторонников.
48. Константинополь, столица Византии, был взят турками в 1453 г.
49. См. примечание 7 к данной главе.
50. Резиденцией киевского митрополита в Литовско-Русском государстве был Новагрудок (ныне — город Гродненской обл.).
51. Опустошительный набег на Киев крымского хана Менгли-Гирея произошел в 1482 г.
52. Людовик Венгерский (Лайош Великий; 1326—1382) был королем Венгерского королевства с 1342, Польши — с 1370 г.
53. *Владислав Опольский* (ум. 1401) — силезский князь, вассал Людовика Венгерского; держал на ленном праве Галицкое княжество в 1372—1378 гг. как последний номинально независимый правитель.
54. *Ядвига* (ок. 1374—1399) — польская королева (с 1384), дочь короля Венгрии и Польши Людовика Венгерского. В 1386 г. обвенчана с великим князем литовским Ягайлом, что скрепило Кревскую унию 1385 г. — соглашение о династическом союзе Польского и Литовско-Русского государств.
55. Холмская земля (см. примечание 40 к главе 3) принадлежала в 1340—1377 гг. Великому княжеству Литовскому, в 1377—1387 гг. — Венгерскому королевству; с 1387 г. стала отдельной административно-территориальной единицей Русского воеводства в составе Польши.
56. Бэлзская земля (Бэлзское удельное княжество на Вольни) с центром

- в г. Бэлз (ныне — поселок Львовской обл.) возникла в процессе дробления Руси около 1170 г.; в XIII — первой половине XIV в. находилась в вассальной зависимости от галицко-волинских князей, в 1340—1377 гг. — во власти Литовского княжества, с 1388 г. — вассал мазовецкого князя. Присоединена к Польше как отдельное воеводство в 1462 г.
57. О битве на Ворскле см. примечание 5 к настоящей главе.
 58. *Белгородская Орда* — см. примечание 9 к главе 5.
 59. Молдавское княжество (Молдова) возникло в первой половине XIV в. как вассал Венгрии. В ходе восстания 1359 г. провозгласило независимость. Охватывало исторические области Молдовы, Бессарабии и Буковины со столицей в Сучаве (XV в.), затем в Яссах (XVI в.). С 1456 г. — данник Турции.
 60. Люблинская уния 1569 г. провозгласила объединение Польского королевства и Великого княжества Литовского в одно федеративное государство — Речь Посполитую. При этом от Великого княжества отторгались и передавались Польше Волинская, Киевская и Подляшская земли, притязания на которые со стороны польских феодалов были постоянным яблоком раздора в отношениях Литовско-Русского и Польского государств.
 61. Основателем первой династии польских князей и королей Пястов (ок. 960—1370) был легендарный крестьянин-колесник Пяст.
 62. Кошицкий привилей, изданный Людовиком Венгерским в 1374 г., считается исходным пунктом формирования шляхетских вольностей в Польше; уравнил рядовую шляхту в правах и привилегиях с высшими феодалами, признал безусловный и неотторжимый характер шляхетского землевладения.
 63. Едлинский привилей датируется 1430 г.; в 1434 г. его действие было распространено на Галицкую Русь и Западную Подолию (Русское и Подольское воеводства), а с 1462 г. — на Бэлзское княжество (Бэлзское воеводство).
 64. Автор преувеличивает: Едлинский привилей не предусматривал специальных правовых ограничений для православного боярства.
 65. Галицкая епископия была возведена константинопольским патриархом в сан митрополии по инициативе Юрия I Львовича в 1303—1304 либо в 1305—1306 гг. Состояла из Владимирской, Перемышльской, Луцкой, Туровской и Холмской епархий. Упразднена в 1347 г., в период правления в Галицкой Руси владимирского князя Дмитрия-Любарта. По решению патриаршего собора галицко-волинские епископы были присоединены к Киевской митрополии.
 66. Сигизмунд I Старый (1467—1548) был королем польским и великим князем литовским с 1506 г. Галицкая митрополия титулярно возрождена Петром Могилой (см. примечание 41 к главе 5), носившим титул «митрополита киевского, галицкого и всея Руси, экзарха константинопольского престола».
 67. *Вислицкий Статут 1347 г.* — феодальный кодекс законов, изданный Казимиром III для Малой Польши. Действие Статута в 1434—1462 гг. распространилось на Галицкую Русь и Западную Подолию.
 68. *Длugoш Ян* (1415—1480) — выдающийся польский историк, дипломат и церковный деятель. Его труд «История Польши», доведенный до 1480 г., считается вершиной средневековой польской историографии.

Глава 5

1. *Острожский Василий (Константин) Константинович* (1526—1608) — князь, киевский воевода (с 1559), крупный религиозно-культурный деятель; был женат (с 1552) на Софии — дочери краковского кастеляна, великого коронного гетмана Яна Тарновского. Унаследовал от нее часть землевладений Тарновских в Малой Польше и на западноукраинских землях (г. Ярослав и др.).
2. Сигизмунд II Август (1520—1572) был королем польским с 1548 (формально с 1530) г., великим князем литовским — с 1529 г.
3. Автор преувеличивает: в середине XVI в. волынские королевские замки были вполне боеспособны. Строительство каменных оборонительных сооружений на Волыни предположительно было начато в конце XIII в. по инициативе волынского князя Мстислава Даниловича, сына Даниила Галицкого. В частности, в конце XIII — первой трети XIV в. в Луцке и Кременце вместо прежних деревянных укреплений начинают возводиться мурованные замки-цитадели нового типа. Их отличительной чертой стало наличие трех фортификационных башен как основы оборонительной системы, которые располагались так, что обеспечивали не только прямой, но и фланговые обстрелы на подступах к цитадели. Центральную роль в обороне играла надвратная башня-донжон, что соответствовало традициям европейского военно-инженерного строительства того времени и подтверждало знакомство с ее достижениями. Все три башни Верхнего Луцкого замка (Надвратная, Стыровая и Владычья) вначале были трехъярусными; после модернизации конца XIV — первой половины XV в., начатой в княжение Любарта Гедиминовича (ум. 1385), были замурованы старые зубцы-мерлоны и надстроено еще по одному ярусу в башнях, а замковые стены подняты на 3—4 м и оборудованы бойницами, приспособленными для распространившегося к тому времени огнестрельного оружия. Значительные работы проводились здесь и в середине XVI в., когда замок приобрел в основном те очертания, которые сохраняются и поныне. Около середины XV в., вероятно, было начато и сооружение внешней оборонной системы — так называемого Нижнего, или Окольного, замка, имевшего четыре деревянных и четыре каменных башни (до нашего времени не сохранился). Одновременно со строительством в Луцке началось и сооружение Кременецкого замка — одной из наиболее типичных цитаделей того времени с мощными стенами и тремя башнями, первая из которых («Черленая») была возведена между 1290 и 1340 гг. Замок также перестраивался во второй трети — середине XVI в.; до нашего времени сохранились только отдельные фрагменты его сооружений. Во Владимире-Волынском, третьем главном городе Волыни, каменный замок сооружен не был. Сохранилось описание деревянного замка середины XVI в., из которого явствует, что это было крупное по размерам фортификационное сооружение с пятью башнями, стены которого состояли из 70 городен с трехъярусными бойницами. Представление об оборонительных сооружениях Волыни было бы неполным без учета многочисленных замков, принадлежавших крупным феодалам. В частности, мощные каменные цитадели, не говоря уже о деревянных, были построены в XV — XVI вв. князьями Острожскими в Остроге и Дубно, Заславскими в Заславе, Вишневецкими в Вишневецце, Чорторийскими в Клевани, Корецкими в Корце и т. д.
4. Брацлавское воеводство как самостоятельная политико-административная единица выделилось из Волынской земли в 1566 г. По отношению к Киевской земле термин «воеводство» употреблялся и ранее, до политико-административной реформы, проведенной в Великом княжестве Ли-

товском в 1564—1566 гг. Официально указанный термин полностью вытесняет понятие «земля» только в XVII в.

5. *Менгли-Гирей* (Менгли-Герай; ум. 1515) — крымский хан (с 1468), вассал Турции (с 1475). Совершил несколько опустошительных походов на украинские земли (1480, 1482 и др.).
6. *Чамбул* — отряд татарской конницы.
7. Автор цитирует отрывок из труда польского историка и географа Матвея Меховского (1456—1523), впервые изданного в 1517 г. под названием «Трактат о двух Сарматиях». Полумифические представления о сказочных богатствах Украины, земли, текущей молоком и медом, со времени опубликования трактата стали одним из общих мест во многих компилятивных сочинениях западноевропейских географов и историков. Трактат Меховского издан в переводе: *Матвей Меховский*. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.
8. См. примечание 19 к главе 4.
9. Ногайской степью в строгом значении этого понятия называется полупустынная территория в Предкавказье, в междуречье Терека и Кумы. Автор в данном случае имеет в виду территорию обитания Малой Ногайской Орды — татарского феодального государственного образования, возникшего в процессе дробления Золотой Орды. Во второй половине XVI в. Малая Ногайская Орда перекочевала из Поволжья и Приазовья в южноукраинские степи, где распалась на Белгородскую (Буджацкую), Едисанскую, Джамбулуцкую и Едичкульскую орды, состоявшие в вассальных отношениях к Крымскому ханству. В 1770 г. ногайцы, подчиненные Крыму, перешли под протекторат России. После Крымской войны 1853—1856 гг. эмигрировали из украинских степей в Турцию.
10. «Подем» (иначе — «Диким Подем») со второй половины XV в. назывались полупустынные незаселенные степи Северного Причерноморья между Днестром и Доном. Термин вышел из употребления в конце XVIII в. после заселения степей.
11. *Лясога Эрих* (ок. 1550—1616) — посол австрийского императора Рудольфа II в Запорожскую Сечь (1594). Автор дневника (1573—1594), содержащего важные сведения об устройстве, расположении Сечи, образе жизни запорожского казачества конца XVI в.; отрывки из дневника, касающиеся Украины, в новейшее время изданы в журнале «Жовтень» (1984. № 10).
12. Звенигородский замок и город Звенигород (вблизи теперешнего г. Звенигородка Черкасской обл.) был разрушен во время татарских набегов второй четверти XVI в., вероятно, в 1541 г.; впоследствии не восстанавливался как расположенный в особо опасном месте на татарских шляхах. Белоцерковский замок и город вокруг него основаны на старом городище в середине XVI в.
13. Современную точку зрения на состояние экономики, правовое положение, административное устройство и особенности быта украинских городов см.: *Сас П. М.* Феодальные города Украины в конце XV —60-х годах XVI в. К., 1989.
14. *Дашкович Остафий* (*Евстафий*) (ум. 1536) — крупный украинский феодал, административный и военный деятель. Как черкасский и каневский староста (с 1514), руководил обороной южных границ Украины от крымских татар, широко привлекая для этой цели казачество. Связи Дашковича с казаками послужили основанием для ошибочной гипотезы о том, что он являлся первым запорожским атаманом (гетманом).
15. Проблематика возникновения запорожского казачества рассмотрена в новейшее время в кн.: *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. К., 1957.
16. О волочной помере см. примечания 25—26 к главе 4.
17. Ратненское старство располагалось на северо-западе Волыни, являясь

хозяйственно-административной единицей в составе Холмской земли Русского воеводства. Центр староста — г. Ратно (теперь Волынской обл.).

18. Современная историография более осторожно оценивает приток польского этнического элемента на Правобережную Украину. Исследования показывают, что его процент в составе землевладельцев (особенно собственников земли, а не арендаторов или мелких временных держателей) был незначительным (*Яковенко Н. М.* Склад шляхти — землевласників Київського воєводства напередодні Визвольної війни українського народу 1648—1654 рр. // *Феодалізм на Україні*. К., 1990).
19. Речь идет о Брестской (Берестейской) церковной унии 1596 г.
20. *Кальвин Жан* (1509—1564) — деятель Реформации, родоначальник кальвинизма как одного из направлений протестантизма. Под знаменем кальвинизма осуществлялись нидерландская (XVI в.) и английская (XVII в.) буржуазные революции. Последователи кальвинизма на Украине в конце XVI — начале XVII в. имели религиозные центры и школы в Олыке (теперь Ровенской обл.) и Панивцах (теперь Хмельницкой обл.).
21. *Сервет Мигель* (1509 или 1511—1553) — испанский мыслитель, врач, ученый. Выступал с критикой основных догматов христианства, обличал папство, призывал очистить христианство от ложных идей. Обвинен в ереси Ж. Кальвином; сожжен в Женеве, отказавшись отречься от своих взглядов.
22. *Ересь жидовствующих* — религиозное течение, возникшее в конце XV в. в Новгороде под влиянием проповедей еврея Схари, по сообщениям летописей, якобы прибывшего из Киева в Новгород в 1471 г. Приверженцы движения отрицали монашество, церковную иерархию и обряды, подвергали критике основной догмат православия о троициности божества, отвергали поклонение иконам. Ересь жидовствующих явилась отражением реформационных идей, распространявшихся в Западной Европе. Сопровождалась публичными сожжениями и казнями еретиков в Новгороде и Москве.
23. *Социн Фауст* (1539—1604) — деятель Реформации в Польше, итальянец по происхождению. Один из основателей социнианства (иначе — антиринитаризма) — рационалистического движения в протестантской богословской науке, отвергавшего догмат о Троице, требовавшего веротерпимости и признания свободы воли. Социнианство получило широкое распространение на Украине и сопровождалось открытием протестантских школ в имениях волынских шляхтичей Чапличей, Гойских и Сенют, киевских Немиричей и др. В Киселине на Волыни с 1638 г. действовала протестантская школа высшего типа с преподаванием теологии. В целом, по неполным данным, в Русском и Бэлзском воеводствах было 63 реформационных общины, на Волыни — 27 (преимущественно социнианских), на Киевщине и Брацлавщине — семь, на Западной Подолии — шесть. Прекратили свое существование в середине XVII в.
24. *Немирич Юрий* (нач. XVII в.—1659) — украинский магнат, политический деятель, покровитель социнианского движения на Украине. В 1655 г. присоединился к Освободительной войне украинского народа, исполнял дипломатические функции. После смерти Б. Хмельницкого — сторонник И. Выговского, лидер пропольской ориентации, предполагаемый автор Гадячской конституции 1658 г., согласно которой на Украине должно было создаться Великое княжество Русское, соединенное на федеративных принципах с Польским королевством и Великим княжеством Литовским. Погиб от рук восставших казаков и крестьян в г. Свидовец (теперь Черниговской обл.).
25. О просветительской деятельности братств см.: *Исаевич Я. Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI — XVIII ст.
26. *Смотрицкий Мелетий Герасимович* (ок. 1578—1633) — выдающийся

- украинский ученый-филолог, писатель-полемист, церковный деятель. Автор первого теоретического курса грамматики украинского языка, изданной в 1619 г. под названием «Грамматики словенския правильное синтагма». Автор ряда полемических произведений, в том числе одного из наиболее ярких в потоке полемической литературы — «Тренос». Умер в сане архимандрита Дерманского монастыря на Волыни, приняв в конце жизни униатство.
27. обстоятельный анализ с позиций современной науки религиозной и политической ситуации на Украине накануне заключения Брестской унии см.: *Плохий С. Н.* Папство и Украина: Политика римской курии на украинских землях в XVI — XVII вв. К., 1989.
 28. *Потий Ипатий (Адам) Львович* (1541—1613) — украинский и белорусский церковный деятель, писатель, проповедник; владимирский епископ (с 1593), один из инициаторов и организаторов Брестской церковной унии (1596), с 1599 г. — киевский униатский митрополит. Автор полемических произведений, направленных против православных и протестантов. Происходил из южнобелорусской шляхты.
 29. *Терлецкий Кирилл Семенович* (ум. 1607) — пинский и туровский (с 1572), затем луцкий и острожский (с 1585) епископ, экзарх константинопольского патриарха на Руси (с 1588). Один из инициаторов и организаторов Брестской церковной унии 1596 г. Скандально «прославился» вооруженными войнами с соседними феодалами, многочисленными судебными тяжбами и аморальным образом жизни. По происхождению — галицкий шляхтич.
 30. *Рагоза (Рогоза) Михаил* (ум. 1599) — архимандрит Минского Вознесенского (с 1579), затем Слуцкого Троицкого (с 1582) монастыря, киевский митрополит (с 1588), один из организаторов и инициаторов унии 1596 г. По происхождению — минский шляхтич.
 31. *Балабан Геден (Григорий)* (1530—1607) — львовский епископ (с 1565). В период подготовки Брестской унии — один из ее инициаторов, однако на самом соборе в Бресте (Берестье) в 1596 г. — уже ее противник. Организатор типографий и школ в Стрятине (1596) и Львове (1585). Находился в оппозиции к Львовскому братству. Происходил из крупной галицко-волынской шляхты.
 32. Владислав IV Ваза (1595—1648) был королем Польши с 1632 г.
 33. Львовское Успенское братство упоминается с 1463 г. Новое направление его деятельности как центра просвещения и отпора наступлению католицизма связано с организацией им в 80-х годах XVI в. школы и типографии.
 34. *Ходкевич Григорий* (ум. 1572) — белорусский военный и политический деятель, великий гетман литовский; основатель типографий в Заблудове (1568), первыми печатниками которой были бежавшие из Москвы Иван Федоров и Петр Мстиславец. *Острожский Константин Константинович* (см. примечание I к данной главе) — основатель Острожской академии (с середины 70-х годов XVI в.) и Острожской типографии (с 1578). Деятельность академии и типографии широко освещена в работах дореволюционных и советских ученых; среди новейших исследований см.: *Исаевич Я. Д.* Першодрукар Иван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975; *Мицько І. З.* Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576—1636). К., 1990.
 35. См. примечание 43 к главе 4.
 36. *Курбский Андрей Михайлович* (1528—1583) — князь, русский государственный деятель, писатель-публицист, просветитель. Опасаясь репрессий Ивана IV Грозного, в 1564 г. бежал в Великое княжество Литовское. Поселившись в полученной во владение Ковельской волости на Волыни, сосредоточился на писательской и публицистической деятельности. Автор обличительных посланий к Ивану Грозному, «Истории о великом князе

Московском», посланий и писем антикатолической и антиреформационной направленности. В его имени Миляновичах существовал скрипторий, где переписывались рукописи и переводились сочинения восточно-христианских писателей, собранные в сборнике «Новый Маргарит». Вопрос личной причастности Курбского к деятельности организованного им переводческого кружка остается дискуссионным.

37. Автор «Апокрисиса» — первого антиуниатского полемического произведения, изданного в конце 1597 — начале 1598 г. в острожской типографии, — назвал себя вымышленным именем Христофор Филалет, что в переводе с греческого означает Христоносец Правдолюб. Псевдоним предположительно принадлежал стороннику князя Острожского протестанту Мартину Броневскому. Ведущие идеи произведения созревали в среде прогрессивной украинско-белорусской интеллигенции, составлявшей ученый кружок при дворе князя.
38. *Скарга (Павеньский) Петр* (1536—1612) — польский церковно-политический деятель, теолог-иезуит, писатель-полемист, проповедник. Был идеологом контрреформации в Польше, одним из инициаторов и пропагандистов Брестской церковной унии 1596 г. Первый ректор иезуитской коллегии (впоследствии — Виленский университет) в Вильно.
39. *Тустановский Лаврентий Зизаний* (ум. после 1634) — украинский педагог, ученый, церковный деятель, переводчик, брат одного из наиболее ярких писателей-полемистов Стефана Зизания. Сын Хомы Куколя из г. Рогатин. Преподаватель (до 1592) Львовской братской школы, позже — Брестской и Виленской братских школ. Автор первого на Украине букваря «Наука ку читаню и розуминю писма словенского» и грамматики («Грамматика словенска»), изданных в Вильно в 1596 г. «Грамматика» Зизания принадлежит к наиболее ранним оригинальным лингвистическим трудам восточных славян. Автор предпринял первую попытку осмыслить строение церковнославянского языка на уровне грамматических теорий своего времени, нормализовал правописание восточнославянской письменности.
40. *Вишенский Иван* (между 1538—1550 — после 1620) — выдающийся украинский писатель-полемист. Родился в г. Судова Вишня на Львовщине, жил в Луцке и Остроге. В 70—80-е годы XVI в. переселился на Афон (Греция), окончил жизнь аскетом-пустынником Афонского монастыря в келье над Эгейским морем. Сохранилось 16 произведений Ивана Вишенского в форме преимущественно «посланий» или «писаний», адресованных всему народу или конкретным лицам.
41. *Могила Петр Симеонович* (1596—1647) — выдающийся украинский церковно-политический деятель, богослов, писатель; архимандрит Киево-Печерского монастыря (с 1627), киевский и галицкий митрополит (с 1632), основатель Киевского коллегиума (1632), названного в его честь Киево-Могилянским. Как меценат способствовал реставрации Софийского собора, строений Киево-Печерского монастыря и других культовых сооружений. По происхождению молдаванин, сын господаря Валахии и Молдовы Симеона.
42. *Почаевская Успенская лавра* — монастырь, основанный, согласно легенде, в XIII в. на горе около Почаева (теперь Тернопольской обл.). Первые документальные упоминания относятся к началу XVI в. С 1713 г. — униатский монастырь. В 1597 г. Анна Гойская подарила монастырю икону Богородицы, которую верующие считают чудотворной. В начале XVII в. при монастыре основана типография. С 1720 по 1831 г. здесь размещалась резиденция протоархимандрита василианских монастырей Русской провинции. После подавления польского восстания 1830—1831 гг. монастырь передан православному духовенству; в 1833 г. получил наравне с Киево-Печерским монастырем титул лавры, т. е. право непосредственного подчинения Синоду, а не местным архиереям.

43. Речь идет о широко известном завещании брацлавского кастеляна Василия Петровича Загоровского, составленном 11 июля 1577 г. Текст завещания многократно публиковался (см., в частности: Українська література ХІV — ХІVІ ст. (Бібліотека української літератури). К., 1988. С. 167—184).
44. В современном произношении «Тринос», иначе «Тренос» (в переводе — «Плач») — одно из наиболее ярких полемических произведений Мелетия Смотрицкого (см. примечание 26 к настоящей главе), изданное им в 1610 г. в Вильно под псевдонимом Феофил Ортолог. «Тренос» построен в форме монолога оплакивающей свою судьбу православной церкви-матери, преданной и брошенной детьми. Яркий арсенал художественно-публицистических приемов и блестящее стилистическое мастерство обеспечили произведению чрезвычайно сильный идейно-эмоциональный эффект. «Тренос» проникнут национально-освободительным пафосом, отчетливо проступающим под религиозной оболочкой.
45. Посвящение православных иерархов (митрополита и нескольких епископов) произошло в Киеве 6—9 октября 1620 г. Стало возможным отчасти и благодаря тому, что польское правительство, готовясь к войне с Турцией, остро нуждалось в казачьей армии. Посредником между правительством и Запорожской Сечью стал гетман реестрового казачества Петр Конашевич Сагайдачный (см. примечание 68 к данной главе). В сражении с турецкой армией под Хотинем в сентябре 1621 г. приняло участие не 20 тыс. казаков, как предполагал сейм, а свыше 40 тыс.; именно их решительные действия обеспечили победу польской армии (см. примечание 73 к данной главе).
46. Обширную дореволюционную и советскую библиографию работ по истории Киево-Могилянской академии см. в новейшем исследовании: *Хижняк З. И.* Киево-Могилянская академия. К., 1988.
47. *Косов Сильвестр* (ум. 1657) — украинский церковно-просветительный деятель, писатель-полемист, по происхождению — белорусский шляхтич. Был первым префектом Киево-Могилянского коллегиума (с 1632), мстиславским епископом (с 1634). В 1647 г. избран киевским митрополитом. К идее объединения Украины с Россией относился недоверчиво и осторожно.
48. *Замойский Ян* (1542—1605) — польский государственный деятель, дипломат, коронный канцлер (с 1578), великий коронный гетман (с 1580). Инициатор создания на территории своих владений в г. Замостье Замойской академии (1594), привлекавшей шляхетскую и мещанскую молодежь Галицкой Руси и Волыни.
49. Речь идет о хронике Йоахима Бельского (ок. 1540—1599), польского историка; создана на основе «Всемирной хроники» Марцина Бельского, отца Йоахима. Изложение событий доведено до 1597 г.; широко освещена история Древней Руси, поданы ценные сведения о казачестве и казацко-крестьянских восстаниях 90-х годов ХVІ в.
50. См. примечание 11 к настоящей главе.
51. *Стефан Баторий* (1533—1586) — польский король (с 1576). По его инициативе в 1578 г. было учреждено реестровое казачье войско в составе 600 человек, которое получило официальное наименование Низового, или Запорожского. Реестровые казаки подчинялись черкасскому и каневскому старосте князю Михаилу Вишневецкому; их непосредственным начальником был «старший реестра» Ян Оришовский. Запорожскому войску определялось денежное содержание, передавался во владение г. Трахтемиров над Днепром со старинным Зарубским монастырем (где располагались запорожский шпиталь и арсенал), а также жаловались войсковые знаки отличия: малиновый прапор (хоругвь) Польского королевства и литавры.
52. *Полоз Семен Федорович* (ум. 1517) — господарский дворянин (привдор-

ный слуга) великого князя Александра; родом из мстиславских бояр. С 1495 по 1502 г. — киевский клочник (ответственный за сбор определенных великокняжеских податей в Киевской земле), в 1503 г. — черкасский, в 1510—1517 гг. — овручский наместник. Некоторое время был киевским городничим, организовывая оборону и укрепление киевского замка. Владел крупными земельными выслугами под Киевом и в Киевском Полесье. Играл заметную роль в борьбе с набегами татарских отрядов на Украину, привлекая для этой цели казачество. С его именем связано первое упоминание (1508) о казаках в хронике Бельского (документальные свидетельства относятся к более раннему времени).

53. *Дашкович Остафий* — см. примечание 14 к настоящей главе. *Лянуко-ронский Предслав* (ум. 1531) — подольский магнат, хмельникский староста (с 1520); организатор походов 1518 и 1528 г. на татар, осуществленных с участием казаков. *Вишневецкий Дмитро Иванович* — легендарный казак-князь, воспетый в народной думе под именем Байды; возглавлял казацкие походы на Крым в 1556—1557 гг.; с 1558 по 1561 г. пребывал на службе у Ивана Грозного; попал в плен к туркам во время феодальной войны в Валахии, в которой принимал участие как один из претендентов на княжеский стол, казнен в Стамбуле в 1563 г. *Претвич Бернад* — королевский дворянин и ротмистр, родом из Силезии; барский староста (с 1548), талантливый организатор обороны южных границ Украины от татарских набегов.
54. *Очаков* — древняя украинская крепость Дашев на территории Киевского воеводства Великого княжества Литовского; в 80-х годах XV в. захвачена татарами, с 1538 г. принадлежала туркам. Зámок в Очакове должен был не допускать выхода казаков в море; неоднократно подвергался нападению с их стороны (1523, 1526, 1688 и др.). В 1791 г. по условиям Ясского мирного договора перешел к России. Ныне — райцентр Николаевской обл.
55. Речь идет об участии отрядов Войска Запорожского в военных действиях Стефана Батория против Русского государства в 1579—1580 гг. под Полоцком, Велижем, Усвятом и Великими Луками во время Ливонской войны.
56. *Подкова Иван* (казнен 1578) — один из руководителей борьбы молдавского народа против Турции. Предводительствуя отрядом запорожских казаков, захватил Яссы и в 1577 г. провозгласил себя молдавским господарем. В 1578 г. под натиском турок был вынужден отступить в Подолию; предательски схвачен в Немирове и казнен во Львове польским правительством. По преданию, погребен казаками в Каневском монастыре.
57. *Зборовский Самуил* (казнен 1584) — польский магнат. Согласно свидетельству польского историка-геральдиста того времени Бартоша Папроцкого, бежал на Запорожскую Сечь после того, как в 1573 г. был осужден на изгнание за проступок при королевском дворе. Во время Ливонской войны в 1582 г. послан королем Стефаном Баторием на Сечь с миссией, о которой рассказывается ниже. По свидетельству Папроцкого, на Сечи Зборовский якобы был избран атаманом и возглавлял казацкий поход в Молдову. Обвиненный в государственной измене, казнен по приказу короля.
58. Глубоцкий был казнен реестровыми казаками в 1585 г.
59. Терминологическое определение автора, разумеется, устарело. Восстание Крыштофа Косинского (1591—1593), охватившее как запорожское казачество, так и значительные массы крестьянства, нанесло чувствительный удар по феодальному строю на Украине и открыло, как справедливо отмечает далее А. Я. Ефименко, эпоху вооруженной национально-освободительной борьбы украинского народа против польского владычества.
60. *Наливайко Северин* (казнен 1597) — предводитель народного восстания

1594—1596 гг., накануне восстания — сотник придворной хоругви (отряда) в войске князей Острожских. Есть предположение, что Наливайко происходил из ремесленников Каменец-Подольского либо Гусятина, однако более вероятно, что род Наливайко-Бирковских — это мелкие бояре-вассалы Острожских. В пользу последнего свидетельствует зафиксированное в источниках землевладение нескольких поколений Наливайко на землях Острожского княжества, а также то, что брат Северина — Демьян Наливайко был активным деятелем ученого кружка, группировавшегося при дворе князя Константина Острожского, и настоятелем Острожской соборной церкви.

61. *Лобода Григорий* (убит 1596) — реестровый гетман Войска Запорожского в 90-х годах XVI в. Присоединился к восстанию Северина Наливайко осенью 1594 г.; стоял на умеренных позициях, выражая интересы казацкой старшины. Когда повстанческое войско в конце мая 1596 г. было окружено в урочище Солоница рядом с Лубнами, Лобода вступил в секретные переговоры с полным гетманом Станиславом Жолкевским. Убит казаками по подозрению в измене.
62. Автор говорит здесь о народной легенде, согласно которой Северин Наливайко был сожжен панами на медленном огне в нарочно изготовленном для этого медном быке. Существовала и другая легенда, по которой герой был посажен на раскаленного металлического коня, а на голову ему надели раскаленный железный обруч. В действительности же Наливайко, как свидетельствует хроника Бельского, был четвертован в Варшаве; части тела казненного по средневековому обычаю повесили на площади для устрашения народа.
63. Речь идет о походе в Молдову 1600 г. для поддержки в борьбе за молдавский престол ставленника Польского королевства Иеремии Могилы. В походе принимали участие отряд казаков под предводительством реестрового гетмана Войска Запорожского Самойла Кошки.
64. В Ливонском походе 1602 г. официально принимало участие якобы 2 тыс. казаков (именно до такой численности был увеличен реестр Войска Запорожского по решению польского сейма 1601 г.), фактически же, как свидетельствуют источники, запорожский отряд под предводительством Самойла Кошки насчитывал около 4 тыс. человек. Ливонский поход был одним из эпизодов польско-шведских войн за обладание Лифляндией, или Ливонией (территория современной Северной Латвии и Южной Эстонии).
65. Запорожское казачество активно использовалось правительством Речи Посполитой для борьбы с Русским государством в событиях Смутного времени и польской интервенции 1604—1612 гг. Так, под началом Лжедмитрия I, осаждавшего в 1604 г. Новгород-Сиверский, было двенадцатитысячное запорожское войско; в Тушинском лагере Лжедмитрия II под Москвой в 1608 г. насчитывалось около 13 тыс. казаков. С началом польской интервенции в военных действиях на территории России принимало участие около 30—40 тыс. запорожцев в отрядах украинских князей и магнатов Романа Ружинского, Константина, Адама и Михаила Вишневецких, Михаила Ратомского и др. Современная историография подвергает эти цифры сомнению, поэтому вопрос требует дополнительного исследования.
66. Султанская флотилия, возглавляемая Ибрагимом-башой, поднялась от Очакова к Запорожской Сечи поздней осенью 1616 г., когда казаки уже разошлись «на волость». Небольшой сторожевой отряд, заметив турецкую армаду, скрылся. Таким образом, баше в виде трофея досталось несколько мелкокалиберных пушек, оставшихся на Сечи, и с десяток казацких челнов, которые и были с триумфом привезены в Стамбул.
67. Ольшанская комиссия проходила 28 октября 1617 г. в урочище Сухая Ольшанка под Белой Церковью. Целью комиссии было предупредить перерас-

- тание отдельных народных волнений в организованное восстание. Реестровая старшина Войска Запорожского во главе с гетманом Петром Конашевичем Сагайдачным под угрозой открытой войны со шляхетским ополчением Киевского воеводства, собранным к месту комиссии, была вынуждена подписать декларацию о сокращении казацкого реестра, запрещение выхода в морские экспедиции и походов на соседние государства, об исключении из реестра мещан и крестьян.
68. Петр Конашевич Сагайдачный (ум. 1622) был гетманом украинского реестрового казачества (предположительно с 1610). В соответствии с современной гипотезой, родился в с. Кульчицы (теперь Львовской обл.) в семье мелких галицких шляхтичей Кульчицких.
 69. Летом 1618 г. запорожские отряды во главе с Сагайдачным выступили в поход на помощь войску королевича Владислава, терпевшему неудачи под Можайском, и соединились с ним в сентябре этого же года. Приход запорожского войска, несмотря на неудачную попытку осады Москвы, ускорил подписание Деулинского перемирия (см. следующее примечание).
 70. По Деулинскому перемирию, заключенному 1 декабря 1618 г. сроком на 14,5 лет, Россия уступала Речи Посполитой Смоленскую, Черниговскую и Новгород-Сиверскую земли.
 71. Сражение под Цецорой (селение на р. Прут под Яссами) происходило 17—29 сентября 1620 г. Шестидесятитысячное турецкое войско, усиленное двадцатитысячным отрядом татар Белгородской Орды, нанесло решительное поражение полякам. Во время отступления погиб коронный гетман Станислав Жолкевский; его голова, насаженная на копье, была отправлена султану в Стамбул.
 72. *Осман II* (1605—1622) — турецкий султан (с 1618). Убит янычарами, недовольными поражением Турции в Хотинской войне.
 73. В сражении под Хотином (теперь райцентр Черновицкой обл. на р. Днестр) запорожское войско насчитывало, согласно одному из официальных списков, 41 520 человек и состояло из трех конных и 10 пеших полков, а также артиллерии и обоза. Битва завязалась 3 сентября безуспешной атакой основных турецких сил на казацкие отряды, которые султан считал наиболее опасными. 9 сентября, пока шел бой в польском лагере, запорожцам удалось ворваться в турецкую ставку, вызвав панику и бегство из лагеря самого султана. И хотя военные столкновения продолжались до начала октября, перевес польской стороны был обеспечен именно решительными действиями казаков в первые дни войны.
 74. См. примечание 45 к данной главе.
 75. Новейшее исследование причин, течения и результатов казацко-крестьянских восстаний кануна Освободительной войны 1648—1654 гг. см.: *Щербак В. О. Антифеодальні рухи на Україні напередодні Визвольної війни 1648—1654 рр.* К., 1989.
 76. *Кулиш Пантелеймон Александрович* (1819—1897) — украинский писатель, этнограф, историк; член Кирилло-Мефодиевского общества (см. примечание 89 к главе 8). В работах по истории Украины («История воссоединения Руси», «Отпадение Малороссии от Польши и др.), написанных в поздний период жизни, обнаружил резкую перемену взглядов: уже с враждебных позиций оценивал народные движения, отрицал положительную роль Запорожской Сечи в истории Украины, усматривая в ней только разрушительное стихийное начало, преувеличивал роль государственно-образующих элементов (правительства, высших классов и др.).
 77. *Борецкий Иов* (Иван Матвеевич; ум. 1631) — церковный и политический деятель, педагог, киевский митрополит (с 1620). Родился в с. Бирча (теперь Львовская обл.), преподавал во Львовской братской школе, в 1604—1605 гг. был ее ректором. С 1615 г. — первый ректор Киевской

- братской школы. Автор полемического антиуниатского произведения «Протестация». Стронник идеи объединения Украины с Россией.
78. Магомет и Шагин, сыновья Саадат-Гирея, члены крымской ханской династии, претендовали на ханский престол. Подняв восстание, были разбиты ханом Селямет-Гиреем (1608—1610). После неудачной попытки завладеть государством после смерти Селямет-Гирея (1610) эмигрировали из Крыма в Белгородскую Орду. Шагин пытался искать помощи также на Запорожье.
 79. *Замойский Томаш* (1594—1638) — сын Яна Замойского (см. примечание 48 к настоящей главе), подольский (с 1618), затем киевский (с 1619) воевода, великий коронный канцлер (с 1635).
 80. О Буджацкой Орде, а также о Белгородской, или Малой Ногайской Орде см. в примечании 9 к данной главе. Буджак — историческая область, охватывавшая часть современной Одесской обл. между устьями Дуная и Днестра.
 81. *Жмайло Марко* — гетман запорожского казачества, избранный на Сечи осенью 1625 г. в связи с приближением коронного войска, отправленного в карательную экспедицию на Украину; возглавил восстание. В начале ноября вследствие разногласий, возникших в осажденном повстанческом лагере у Коруковского озера (см. примечание 84 к данной главе), был лишен гетманской булавы, переданной полковнику реестрового казачества Михаилу Дорошенко. Дальнейшая судьба Жмайло, как и более подробные биографические сведения о нем, неизвестна.
 82. *Конецпольский Станислав* (ок. 1592—1646) — польский военный и политический деятель, краковский кастелян, сандомирский воевода, польный (с 1616), затем великий коронный гетман (с 1632). На Украине возглавлял подавление народных восстаний 1625, 1630, 1637—1638 гг.
 83. *Хмелецкий Стефан* (ум. 1630) — польский военный деятель, талантливый организатор борьбы с татарскими набегами, киевский воевода (1630).
 84. Коруковское озеро и расположенное поблизости урочище Медвежьи Лозы находились около поселения Крюков на правом берегу Днепра, напротив Кременчуга.
 85. *Дорошенко Михайло* (погиб 1628) — гетман реестрового казачества 1625—1628 гг. Избран вместо Жмайло в осажденном лагере восставших у Корукова озера; подписал Коруковский договор. Погиб во время похода в Крым, придя туда на помощь Шагин-Гирею (см. примечание 78 к данной главе).
 86. Речь идет о возобновлении польско-шведской войны за земли на побережье Балтики (ср. примечание 64 к настоящей главе), прерванной Митавским перемирием 1622 г. Военные действия продолжались с 1626 по 1629 г.
 87. *Черный Григорий Саввич* (казнен 1630) — гетман реестрового казачества (1628—1630), участник похода в Крым под предводительством М. Дорошенко (1628). В начале восстания Тараса Федоровича (см. примечание 89 к данной главе) казнен казаками по подозрению в измене.
 88. См. примечание 109 к данной главе.
 89. *Федорович (Трясило) Тарас* — гетман запорожского казачества (с 1629), в 20-е годы XVII в. — корсунский полковник. Возглавил восстание, начавшееся в марте 1630 г. Повстанцы заняли Черкассы, Корсунь, Канев, после чего в апреле военные действия были перенесены на Переяславщину, о чем рассказывается ниже. После заключения Переяславского договора, подписанного по настоянию казацкой старшины 8 июня 1630 г., Федорович с 10 тыс. казаков, требовавших продолжения борьбы, ушел на Запорожье. Впоследствии, очевидно, перешел к донским казакам; последний раз упоминается в 1636 г., когда приезжал в Москву с прошением о разрешении перехода части запорожцев на службу Русскому государству.

90. *Лаш-Тучапский Самуил* (ум. 1649) — коронный стражник, организатор обороны южных границ Украины от татар. Владел крупными имениями на Правобережной Украине, был активным участником подавления народных восстаний; «прославился» необузданным своеволием в мелких феодальных войнах с соседями и пренебрежением к нормам порядка и закона.
91. Речь идет о народных преданиях, отразившихся в поэме Т. Г. Шевченко «Тарасова ніч», в которой описан разгром казаками Золотой роты — отборной шляхетской хоругви из окружения гетмана Конецпольского.
92. Русско-польская (Смоленская) война 1632—1634 гг. была начата Россией осенью 1632 г. за возврат потерянных по Деулинскому перемирию 1618 г. (см. примечание 70 к данной главе) Смоленской, Черниговской и Новгород-Сиверской земель. Завершилась капитуляцией окруженной под Смоленском русской армии под командованием М. Шеина.
93. Поляновский мир 14 июня 1634 г. подтвердил условия Деулинского перемирия.
94. Абаза-паша руководил турецкими отрядами, вторгшимися в октябре 1633 г. на территорию Украины под Каменцем-Подольским, но быстро отбитыми коронными войсками.
95. *Боплан Гийом ле Вассер де* (ок. 1600—1673) — французский военный инженер, картограф. Пребывая в 1630—1648 гг. на службе у гетмана Станислава Конецпольского, руководил постройкой крепостей в Кодаке, Бродах, Баре; составил подробную карту Украины. Автор записок об истории, географии, народных обычаях Украины (издание в переводе: *Боплан Гийом ле Вассер де*. Опис України. К., 1990).
96. *Сулима Иван Михайлович* (в тексте неточно — Самуил) (казнен 1635) — гетман запорожского казачества (1635). Пришел на Запорожье между 1615 и 1621 гг., принимал участие в морских казацких походах 1621, 1628, 1633 гг.; в 1635 г. возглавил поход на Азов, возвращаясь из которого захватил и разрушил едва достроенную крепость Кодак. Был предательски выдан польскому гарнизону и четвертован в Варшаве.
97. *Павлюк (Бут) Павло Михнович* (казнен 1638) — гетман запорожского казачества (1637); принимал участие в разрушении И. Сулимой в 1635 г. крепости Кодак; руководитель народного восстания 1637 г. После капитуляции повстанцев под Боровицей (см. примечание 101 к данной главе) попал в плен; казнен в Варшаве.
98. Автор преувеличивает: понятие «граничиться» отнюдь не означало «вести соседскую войну». Процедура, юридические принципы и техника межевания на Украине в описываемый период стояли на высокой ступени правового сознания и регламентировались соответствующими подзаконными актами.
99. *Скидан Карпо Павлович* (погиб 1638) — полковник запорожских казаков, один из руководителей народного восстания 1637—1638 гг.; вел военные действия на Левобережной Украине. Ранен в бою под Жовнином, попал в плен, где, вероятно, был казнен.
100. Битва под Кумейками (в 15 км ниже Канева) произошла 6 декабря 1637 г.
101. *Боровица* — укрепленное поселение к югу от Черкасс (теперь — рядом с одноименным селом Черкасской обл.); сюда отступили повстанцы после поражения под Кумейками. После ареста Павлюка 14 декабря здесь были приняты выставленные правительством требования (так называемый Боровицкий договор).
102. *Кисель Адам Григорьевич* (1580—1653) — украинский магнат, видный дипломат и политический деятель; черниговский подкоморий (1634—1639), брацлавский (с 1639), затем — киевский (с 1646) каштелян, брацлавский (с 1648), затем — киевский (с 1649) воевода. Комиссар

- польского правительства в переговорах с Богданом Хмельницким в Переяславе (1649), Зборове (1649), Белой Церкви (1651).
103. Автор, очевидно, имеет в виду Богдана Кизима, возглавлявшего двухтысячный повстанческий отряд во время народного восстания 1637—1638 гг. Схвачен в плен и посажен на кол в Киеве вместе с сыном Кизименко.
 104. *Острянин Яков (Остряница Яцько)* (убит 1641) — один из руководителей народного восстания 1638 г. Перед восстанием — полковник реестровых казаков (1633), гетман Запорожской Сечи, избранный в 1638 г. после подавления восстания Павлюка. Потерпев поражение под Жовнином (см. примечание 107 к данной главе), отступил с частью повстанцев на Слободскую Украину, поселившись на Чугуевском городище. Убит в стычке рядового казачества со старшиной.
 105. *Голтва (Говтва)* — теперь райцентр Полтавской обл.
 106. Путивлец (Мурка) вместе с атаманом Репкой возглавлял отряд из 500 донских казаков, пришедших на помощь Острянину в мае 1638 г. В бою на подступах к Лубнам отряд был разбит, сам Путивлец ранен и взят в плен; убит позже, в августе, во время военных действий Дмитра Гуни (см. примечание 108 к данной главе).
 107. Битва под Жовнином (при впадении Сулы в Днепр) произошла 10 июня 1638 г.; закончилась поражением Якова Острянина. Преследуя отступающих по правому берегу Сулы, польская конница атаковала новые позиции повстанцев. Потеряв надежду на успех, Острянин с приближенной старшиной и несколькими сотнями казаков переправились через Сулу и ушли на территорию Русского государства. По пути к нему присоединились другие казаки с семьями, так что в Белгород вместе с Острянином пришло свыше 1 тыс. человек.
 108. *Гуня Дмитро Тимошевич* (даты жизни неизвестны) — один из руководителей народного восстания 1637 г. После поражения под Боровицей часть восставших во главе с Гуней и Скиданом (см. примечание 99 к данной главе), прорвав окружение, вышла на Сечь, где Гуня был избран гетманом. С весны 1638 г. поддерживает восстание Якова Острянина. После поражения под Жовнином отступил в устье Сулы, где выдержал осаду в лагере на р. Старец. Капитулировал из-за отсутствия продовольствия; с частью казаков вышел из окружения и отступил в пределы России. В последний раз упоминается в 1640 г. как руководитель похода донских и запорожских казаков против Турции.
 109. *Филоненко* — корсунский полковник (1628). Во время восстания — полковник запорожского казачества; возглавлял двухтысячный отряд запорожцев, который пришел на помощь Д. Гуне, осажденному в лагере на р. Старец. Вместе с Гуней вырвался из окружения и ушел в Запорожье. Более подробные биографические сведения неизвестны.
 110. *Маслов Став* — урочище поблизости Мироновки (теперь райцентр Киевской обл.).
 111. Трахтемировский монастырь был окончательно опустошен и разрушен во время подавления народных восстаний на Правобережной Украине в 1664—1665 гг.

Глава 6

1. Богдан Хмельницкий обучался в иезуитском коллегиуме во Львове; гипотеза о его учебе в Киевской братской школе малодоказательна и современной наукой не разделяется.
2. *Потоцкий Николай* (1595—1651) — польский магнат, польный, а с 1646 г. — великий коронный гетман. В Корсунской битве 1648 г. был

- захвачен в плен и выдан крымскому хану; командовал польско-шляхетским войском в битве под Берестечком (1651).
3. *Калиновский Мартин* (погиб 1652) — польский магнат, черниговский воевода (с 1635), польный (с 1645), а затем — великий коронный (с 1651) гетман. Во время Освободительной войны 1648—1654 гг. принимал участие в военных операциях в Виннице (1651), под Берестечком (1651) и др. Погиб в бою под Батогом.
 4. Корсунская битва произошла 16 мая 1648 г. в урочище Горохова Диброва, иначе Крута Балка, в 10 км от Корсуня.
 5. *Кривонос Максим* (ум. 1648) — один из героев Освободительной войны 1648—1654 гг., сподвижник Богдана Хмельницкого. Полковник Черкасского полка, участник Корсунской и Пилявецкой битв. Умер во время осады Замостья осенью 1648 г. от морового поветрия.
 6. *Вишневецкий Иеремия* (1612—1651) — украинский магнат, вольнский князь, внук похороненного в Киево-Печерском монастыре киевского кастеляна Михаила Вишневецкого, племянник киевского митрополита Петра Могилы. Вопреки завещанию матери, Раины Могилянки, в 1631 г. принял католичество; с 1646 г. — русский воевода. Во время Освободительной войны 1648—1654 гг. занял резко антинародную позицию, санкционировал жестокие расправы над восставшими, «прославившие» его как палача украинского народа. Умер от дизентерии в лагере под Паволочью летом 1651 г.
 7. *Кисель Адам* — см. примечание 102 к главе 5.
 8. *Заславский Владислав Доминик* (ок. 1617—1656) — украинский магнат, вольнский князь, сандомирский (с 1645), а затем — краковский (с 1649) воевода. Во время битвы под Пилявцами 1648 г. был одним из трех региментарей (командующих) войска Речи Посполитой; за изнеженность иронически назван Б. Хмельником «перыной». *Конецпольский Александр* (1620—1659) — польский магнат, сандомирский воевода (с 1656). Сын коронного гетмана С. Конецпольского (см. примечание 82 к главе 5), один из трех региментарей в 1648 г. Б. Хмельницкий в связи с неопытностью Конецпольского в военных делах назвал его «дытшой». *Остророг Николай* (ум. 1651) — польский магнат, третий региментарь в битве под Пилявцами; за склонность к ученым занятиям назван Б. Хмельником «латыной».
 9. Личность упомянутого здесь Лысенко не идентифицирована. Известен переяславский полковник Иван Лысенко, но он упоминается в Летописи Самовидца под 1679 г. *Нечай Данило* (погиб 1651) — один из героев Освободительной войны 1648—1654 гг., брацлавский полковник, участник Пилявецкой и Зборовской битв. Погиб при нападении отрядов М. Калиновского на крепость Красное. *Морозенко Станислав* (погиб 1649) — корсунский наказной полковник, сподвижник Б. Хмельницкого. Погиб при осаде Збаража.
 10. Ныне село Хмельницкой обл.
 11. Осада Львова войском Б. Хмельницкого длилась три недели: с 26 сентября по 16 октября 1648 г. Размер взятой контрибуции составлял 20 тыс. злотых.
 12. Осада Замостья длилась около месяца; снята 24 ноября 1648 г.
 13. *Покутье* — см. примечание 30 к главе 4.
 14. *Высочан Семен* (погиб 1666) — один из героев Освободительной войны 1648—1654 гг., руководитель восстания, вспыхнувшего осенью 1648 г. в Прикарпатье. Организовал пятнадцатитысячное повстанческое войско. Опираясь на помощь прибывших казацких отрядов, взял крепость Пнев (теперь Ивано-Франковской обл.). Действуя в тылу польско-шляхетского войска, оказал значительную помощь армии Б. Хмельницкого. Впоследствии с частью восставших отступил на Брацлавщину; с 1659 г. — казацкий полковник.

15. *Трансильвания (Семиградье)* — историческая область в Восточных Карпатах. Первоначально — часть Венгерского королевства, с 1541 г. — вассальное княжество Турции. Ныне — автономная область на севере Румынии. *Молдова* — см. примечание 59 к главе 4; *Валахия (Волочина)* — историческая область в юге современной Румынии, с XIV в. — феодальное княжество, с XVI в. — под протекторатом Турции.
16. *Ислам-Гирей III (1604—1654)* — крымский хан (с 1644). Союзник Б. Хмельницкого в годы Освободительной войны 1648—1654 гг.; неоднократно предавал казаков: под Зборовом (1649), Берестечком (1651), Жванцем (1653).
17. *Осада Збаража* (теперь райцентр Тернопольской обл.) длилась с 29 июня по конец июля 1649 г. Сама битва происходила под Зборовом (в 120 км от Збаража) на р. Стрипа 5 августа, куда Б. Хмельницкий переместил войско из-под Збаража. Зборовский договор был подписан 8 августа.
18. В феврале — марте 1650 г. на Запорожье вспыхнули волнения, вызванные крепостнической политикой старшины. Повстанцы объявили Б. Хмельницкого низложенным и избрали гетманом своего предводителя Худолия. Волнения были вскоре подавлены, а Худолий по приказу Хмельницкого казнен.
19. *Нечай Данило* — см. примечание 9 к данной главе.
20. *Богун Иван* (погиб 1664) — один из героев Освободительной войны 1648—1654 гг., винницкий (кальницкий) полковник, участник битв под Збаражем (1649), Винницей (1651), Жванцем (1653) и др. После смерти Б. Хмельницкого стал на сторону И. Выговского (см. примечание 38 к настоящей главе).
21. Ныне райцентр Львовской обл.
22. *Наперский Костка (Бзовский Шимон)* (ок. 1620—1651) — организатор и руководитель антифеодального восстания 1651 г. польских и украинских крестьян в Подгалье (Южная Польша); установил связь с Б. Хмельницким. После разгрома восставших казнен.
23. *Небаба Маргын* — один из героев Освободительной войны 1648—1654 гг., черниговский полковник. Погиб в 1651 г. под Лоевом в бою с войском гетмана Великого княжества Литовского Януша Радзивилла.
24. Событие, о котором говорит А. Я. Ефименко, произошло 30 июня 1651 г., когда под влиянием ложных слухов часть восставших поддалась панике. Этот день оказался последним в героическом сражении под Берестечком, длившимся с 18 июня. Казацкий лагерь на болоте, о котором рассказывалось выше, оборонялся с 20 по 30 июня. Несмотря на разгром лагеря, значительной части казаков во главе с И. Богунем удалось вырваться из окружения.
25. Войско гетмана Великого княжества Литовского Я. Радзивилла заняло Киев 25 июля 1651 г.
26. То есть казацкий совет с участием низов, неимущего казачества (голоты).
27. Упоминутый здесь Острогожский (иначе Рыбинский) полк основан как административно-территориальная единица на Слободской Украине в 1652 г. крестьянами и казаками Черниговского полка. Занимал территорию по правому берегу среднего течения Дона до рек Белая и Айдар. Полковой центр — г. Острогожск (ныне райцентр Воронежской обл.).
28. Документальных свидетельств об участии бывшего корсунского полковника Гурского и Смелецкого в антигетманской оппозиции не сохранилось. *Гладкий Матвей* — миргородский полковник, герой битв под Корсунем (1648), Пилявцами (1648). Воспротивился выполнению условий Белоцерковского договора 1651 г., по которому шляхте возвращались имения на Украине, а казацкий реестр сокращался с 40 до 20 тыс.; пытался стать гетманом; в 1652 г. казнен по приказу Б. Хмельницкого. *Мозыря Лукьян* — корсунский полковник, посол Б. Хмельницкого в

- Польшу и Россию; возглавлял выступление, направленное против Белоцерковского договора; в 1652 г. казнен по приказу Б. Хмельницкого.
29. *Чарнецкий Стефан* (1599—1665) — польский военный деятель, коронный гетман (1665); участник битв под Желтыми Водами (1648), Зборовом (1649), Берестечком (1651), Батогом (1652). Возглавлял польское войско в карательных походах на Украину 1653—1654 и 1663—1664 гг.
 30. Имеются в виду казаки Винницкого (Кальницкого) полка, расположенного над Южным Бугом.
 31. Речь идет о Дьерде II Ракоци — трансильванском князе в 1648—1660 г. В союзе со шведами в 1657 г. совершил неудачный военный поход против Польши; низложен по требованию турецкого правительства. Смертельно ранен в бою со ставленником Турции Борчаем.
 32. Сучава (ныне город на территории Юго-Восточной Румынии) была древней столицей Молдавского княжества. Оборона Сучавского замка казаками длилась почти два месяца. После смертельного ранения, полученного в одном из боев Тимошем Хмельницким 12 сентября 1653 г., казаки оставили Сучаву и отступили на Украину.
 33. См. примечание 47 к главе 5.
 34. Битва под Охматовом (теперь Черкасской обл.) в долине р. Багва («на Дрыжиполе») происходила 19—22 января 1655 г. В ходе битвы перевес получила польская армия, хотя казачье войско и не было разгромлено.
 35. На мирные переговоры России и Польши, происходившие в Вильно в августе — октябре 1656 г., представители Украины не были допущены. Соглашение о перемирии было подписано без учета выдвинутых Б. Хмельницким предложений об установлении границы между Украиной и Речью Посполитой по Западному Бугу.
 36. *Павел Алеппский* (правильнее Халевский; ок. 1627—1669) — арабский писатель; сопровождал своего отца, антиохийского патриарха Макария в его путешествиях. Дважды (1654, 1656) посетил Украину, в 1654 г. встречался с Б. Хмельницким. Оставил записки со сведениями по истории, географии, экономике, культуре Украины (издание в переводе: Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским: В 5 кн. М., 1896—1900).
 37. *Хмельницкий Юрий* (*Хмельниченко Юрась*) (ок. 1641—1685) — младший сын Богдана Хмельницкого, гетман Украины в 1659—1663 гг. Низложен старшинской радой, постригся в монахи под именем Гедеона. Захваченный в плен татарами, был повторно провозглашен гетманом (1677—1681) уже как подданный турецкого султана; в третий раз провозглашен в 1685 г. Через полгода после третьего провозглашения казнен турками в Каменце-Подольском.
 38. *Выговский Иван Остапович* (казнен 1664) — генеральный войсковой писарь Б. Хмельницкого (с 1648), гетман Украины (1657—1659). Придерживался пропольской ориентации, открыто выступил против России. Инициатор Гадячского договора 1658 г. с Польшей, по которому Украина под названием «Великого княжества Русского» наравне с Польским королевством и Великим княжеством Литовским входила в федеративное государство Речь Посполитую. Лишенный гетманства, бежал в Польшу. Расстрелян по подозрению в тайных сношениях с казачеством Левобережной Украины.
 39. *Пушкарь Мартын* (погиб 1658) — один из героев Освободительной войны 1648—1654 гг., полтавский полковник (1648—1658). После смерти Богдана Хмельницкого вместе с запорожским кошевым атаманом Барабашем возглавил восстание (1657—1658) против гетмана И. Выговского. Погиб в бою с отрядами Выговского под Полтавой.
 40. *Немирич Юрий* — см. примечание 24 к главе 5.

41. *Сомко Яким Семенович* (казнен 1663) — прилукский полковник (1652), наказной гетман Левобережной Украины (1660—1663). *Золотаренко Василь Никифорович* (казнен 1663) — нежинский полковник (с 1658); вел борьбу с Я. Сомко за гетманскую булаву. Сомко и Золотаренко были казнены в Борзне после избрания на Нежинской «черной раде» гетманом Левобережной Украины Ивана Брюховецкого (см. примечание 44 к данной главе), ложно обвиненные в тайных сношениях с правобережным гетманом Павлом Тетерей.
42. *Сирко Иван Дмитриевич* (ум. 1680) — кошевой атаман Запорожской Сечи (с 1663). Принимал участие в Освободительной войне 1648—1654 гг., позже — винницкий полковник (1658—1660). Прославился героическими походами на Крымское ханство и причерноморские турецкие крепости (1669, 1675, 1679).
43. Русское войско и левобережные казацкие полки, потерпевшие поражение в начале сентября под Любаром на Волины, отступили к Чуднову в расчете на помощь правобережных полков Юрия Хмельницкого, которые подошли к Слободищу (за 25 верст от Чуднова). Однако войско Ю. Хмельницкого попало в окружение, и гетман начал мирные переговоры с противником, 17 октября подписав Слободищенский трактат, предусматривающий ликвидацию Переяславского договора. Русское войско вынуждено было капитулировать, а его военачальник, воевода Борис Васильевич Шереметев, был отдан татарам как пленник и провел в крымской неволе 20 лет.
44. *Бруховецкий Иван Маргынович* (убит 1668) — гетман Левобережной Украины (1663—1668); избран в Нежине на «черной раде» как ставленник Запорожской Сечи благодаря своей лицемусной позиции якобы защитника интересов низов. Использовал гетманскую булаву для личной наживы и ликвидации казацкой старшины, в которой видел возможных соперников. Проводил угодливую политику по отношению к русскому правительству, предавая интересы украинского народа и способствуя расширению царской власти на Украине. Убит казаками, принявшими сторону П. Дорошенко (см. примечание 47 к данной главе).
45. *Тетеря (Моржковский) Павло Иванович* — переяславский полковой писарь (с 1648), переяславский полковник (с 1653). После смерти Б. Хмельницкого поддерживал И. Выговского. В 1663—1655 гг. — гетман Правобережной Украины, избранный после отречения Ю. Хмельницкого. Придерживался пропольской ориентации; потерпев поражение, отрекся от булавы и бежал в Польшу.
46. *Собесский Ян* (1629—1696) — польский военный деятель, великий коронный гетман, с 1674 г. — король Речи Посполитой под именем Яна III. Отличился в войнах с турецко-татарскими агрессорами, разбил турецкую армию под Хотином (1673) и Веной (1683). Широко использовал казачество, ведя по отношению к нему политику протекционизма.
47. *Дорошенко Петро Дорофеевич* (1627—1698) — прилукский полковник (с 1657); после смерти Б. Хмельницкого поддерживал И. Выговского, затем Ю. Хмельницкого и П. Тетерю; после 1658 г. — чигиринский полковник, генеральный эсаул (с 1663), черкасский полковник (с 1665). В 1665 г. избран гетманом Правобережной Украины. Придерживался протурецкой ориентации, в 1669 г. подписал договор о переходе Украины под протекторат Турции. После длительной борьбы с русскими войсками капитулировал в 1676 г.; по требованию царского правительства эмигрировал в Россию. Был воеводой в Вятке (1679—1682); последние годы жизни провел в с. Ярополче под Москвой. Похоронен там же.
48. Речь идет о Московских статьях 1665 г., сформулированных царским правительством в ответ на челобитную гетмана И. Брюховецкого (см. примечание 44 к данной главе). Ограничивали по сравнению с Переяславскими статьями автономию Украины: согласно Московским статьям

увеличивались русские гарнизоны в Киеве, Чернигове, Переяславе и Нежине; кроме того, воеводы вводились во многих других городах, а также в Кодаке на Запорожской Сечи; полицейские и финансовые функции воевод расширялись.

49. *Многогрешный Демьян Игнатович* — гетман Левобережной Украины (1668—1672), избранный на старшинской раде в Новгороде-Сиверском; перед этим — черниговский полковник. Подавлял выступления против централизаторской политики царского правительства; прославился стремлением к личному обогащению. Низложен в 1672 г. с гетманства по обвинению в сношениях с правобережным гетманом П. Дорошенко и сослан в Иркутск. Находился там в тюрьме, после освобождения в 1688 г. пребывал на военной службе в Иркутске. В 1696 г. постригся в монахи. Последний раз упоминается в документах в 1701 г.
50. *Суховий Петро* — кошевой атаман Запорожской Сечи (с 1668), претендент на гетманскую булаву.
51. *Ханенко Михайло Степанович* — уманский полковник (1660—1669), гетман Правобережной Украины (1670—1674); придерживался пропольской ориентации. В борьбе против П. Дорошенко в 1673 г. потерпел поражение; впоследствии сдался левобережному гетману Ивану Самойловичу (см. следующее примечание).
52. *Самойлович Иван* (ум. 1690) — черниговский полковник, генеральный судья (1669—1672), гетман Левобережной Украины (1672—1687). Вел активную борьбу с правобережным гетманом П. Дорошенко; после успешного похода на Правобережье в 1674 г. провозглашен гетманом Правобережной Украины. Возглавлял казацкие походы против татар и турок в 1677, 1678, 1687 гг. Отличался корыстолюбием и властным характером; был обвинен недовольной старшиной в предательских сношениях с Крымом. В 1687 г. арестован царским правительством и сослан в Тобольск, где и умер.
53. *Магомет IV* (1642—1691) — турецкий султан (с 1648); низложен в 1687 г. вследствие военных неудач в Западной Европе. Умер в тюрьме.
54. *Корибут-Вишневецкий Михал* (1633—1673) — польский король (с 1669), сын Иеремии Вишневецкого (см. примечание б к данной главе).
55. *Гоголь Остап (Евстафий)* — уманский и подольский полковник, наказной гетман Правобережной Украины (1674—1679). Активный участник Освободительной войны 1648—1654 гг. на Подолье.
56. Дымерское староство с центром в г. Дымер (теперь райцентр Киевской обл.) организовано как административная и хозяйственно-территориальная единица в составе Киевского воеводства во второй половине XVII в. на землях, принадлежавших до Освободительной войны 1648—1654 гг. князьям Корецким.
57. Бахчисарайский мирный договор 1681 г. завершил войны 70-х годов XVII в., которые велись между Россией, Турцией и Крымским ханством за обладание украинскими землями. По условиям договора заключалось перемирие сроком на 20 лет, на время которого граница между Россией и Турцией устанавливалась по Днепру, а земли между Днепром и Южным Бугом должны были оставаться незаселенными. Одновременно Турция признавала права Русского государства на Киев с прилегающей территорией и владения Запорожской Сечи, оставляя под своей властью южную Киевщину, Брацлавщину и Подолье. За татарами сохранялось право кочевать по Югу Украины.
58. *Дука Константин* — валахский господарь, которому в 1678 г. турецкое правительство передало во временное управление Правобережную Украину; в 1679 г. попал в плен к полякам.
59. *Лукьянов Иван* — русский монах; путешествовавший в начале XVIII в. через Украину в Иерусалим. Оставил записки, опубликованные в 1863 г.

в журнале «Русская старина» под названием: «Путешествие в Святую Землю священника Иоанна Лукьянова».

60. *Величко Самойло Васильевич* (ум. ок. 1728) — украинский историк, один из наиболее ярких представителей украинской историографической прозы конца XVII — начала XVIII в., традиционно именуемой «казацкими летописями»; автор произведений «Сказаніе о войні козацькой з поляками» и «Повіствованія літописная», известных под условным названием «Летопись Самийла Величко». Происходил из казацкого рода, учился в Киево-Могилянской академии; с 1690 г. — канцелярист Генеральной войсковой канцелярии. Летопись издана в XIX в. (Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке: Составил Самоил Величко, 1720: В 4 т. К., 1848—1864), а также в переводе на современный украинский язык (не полностью) в журнале «Київ» за 1986 (начиная с № 10) — 1987 гг.
61. *Палий (Гурко) Семен Филиппович* (40-е годы XVII в.—1710) — организатор Фастовского (Белоцерковского) полка, возникшего на основании королевского универсала 1684 г. о «правах и вольностях» казакам с разрешением заселять территорию Поросья вокруг Корсуня, Черкасс, Лысянки и др. В 1702—1704 гг. как руководитель освободительного движения на Правобережье возглавлял крестьянско-казацкое восстание против шляхетской Польши и турецко-татарских агрессоров. По представлению Мазепы послан в 1705 г. в Сибирь; освобожден в 1708 г.
62. *Самусь Самойло Иванович* — богуславский полковник с 80-х годов XVII в. (см. предыдущее примечание), наказной гетман Правобережной Украины в 1693—1699 гг. Участник восстания С. Палия, после подавления которого перешел на Левобережную Украину. Более широкий биографических сведений не сохранилось. *Искра Захар* — корсунский полковник. *Абазин Андрей* — брацлавский полковник. Оба — участники восстания С. Палия. Абазин после ранения в бою взят в плен и казнен в 1703 г. Искра, как и Самусь, после подавления восстания перешел на Левобережную Украину; его дальнейшая судьба неизвестна.
63. *Вечный мир* — договор 1686 г. между Россией и Польшей, подтверждавший условия Андрусовского перемирия 1667 г. (см. примечание 94 к данной главе); закрепил за Русским государством Левобережную Украину с Киевом, владения Запорожской Сечи, Сиверскую землю с Черниговом и Стародубом, Смоленск с окрестностями. При этом Польша получала компенсацию за Киев в размере 146 тыс. р., а Брацлавщина и южная Киевщина должны были оставаться незаселенной нейтральной зоной. За исключением Подолья, остальная территория Правобережной Украины — Галиция, Волынь, северная Киевщина — признавалась собственностью Польши. Подолье же до 1699 г. пребывало под властью Турции, а затем также было включено в состав Польши.
64. *Софья Алексеевна* (1657—1704) — русская царевна, правительница Русского государства в 1682—1689 гг. при двух царях — ее малолетних братьях Иване V и Петре I; свергнута Петром I и заточена в Новодевичий монастырь. Фаворитом Софьи был князь Василий Васильевич Голицын (1643—1714), руководитель неудачных Крымских походов 1687, 1689 гг. После свержения Софьи сослан в Архангельский край.
65. *Мазепа Иван Степанович* (1644—1709) — гетман Левобережной Украины (1687—1708). Стремился к отделению Украины от России; во время Северной войны заключил тайные соглашения со шведским королем Карлом XII и польским королем Станиславом Лещинским (см. примечания 72—74 к данной главе). После Полтавской битвы (1709), в которой выступал на стороне шведов, вместе с Карлом XII бежал в турецкую крепость Бендеры на территории Молдовы, где и умер.
66. *Кочубей Матрена Васильевна* — дочь генеральной судьи Василя Кочубея, казненного И. Мазепой вместе с полтавским полковником Иваном

- Искрой в 1708 г. за попытку сообщить Петру I о намерениях Мазепы. Любовница И. Мазепы; с 1707 г. — замужем за его сторонником Чуйкевичем. Вместе с мужем впоследствии сослана в Сибирь; после возвращения умерла в монастыре.
67. Второй Крымский поход был осуществлен весной 1689 г.; в нем принимали участие русская армия численностью 112 тыс. человек под командованием князя В. В. Голицына и украинские казацкие полки численностью около 40 тыс. человек. Поход завершился безуспешной осадой Перекопской крепости, расположенной на перешейке, соединяющем Крымский полуостров с материком.
 68. Азовские походы русской армии и флота во главе с Петром I происходили в 1695 и 1696 гг., во время русско-турецкой войны 1686—1700 гг. Их главной целью был захват Азова — турецкой крепости, закрывавшей выход из Дона в Азовское море. В первом походе осада Азова продолжалась несколько месяцев и окончилась неудачей. Подготовка ко второму походу началась осенью 1695 г. со строительства морского флота; поход состоялся в апреле 1696 г. В конце мая — начале июня Азов был блокирован с моря и суши и в середине июля взят.
 69. Речь идет о походе в низовья Днепра в апреле 1696 г., предпринятом одновременно со вторым Азовским походом с целью отвлечь силы крымских татар и овладеть Очаковом.
 70. *Петрик (Иваненко) Петро Иванович* — политический авантюрист, ставленник крымского хана. Старший писарь Генеральной войсковой канцелярии; в 1691 г. бежал в Крым, где заключил договор с ханом и провозгласил себя гетманом; с 1692 г. — на Запорожье.
 71. *Август II Сильный (1670—1733)* — курфюрст саксонский (с 1694), король польский (1697, 1706, 1709—1733).
 72. Речь идет о Северной войне (1700—1721) России со Швецией за выход к Балтийскому морю. Завершилась Ништадтским миром 1721 г., по которому Швеция признала присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманляндии, части Карелии и других территорий, а Россия обязалась уплатить Швеции денежную компенсацию и возвратить Финляндию.
 73. *Карл XII (1682—1718)* — король Швеции (с 1697), полководец. В начале Северной войны одержал ряд крупных побед, но вторжение в Русское государство завершилось его поражением в Полтавской битве 1709 г.; бежал в Турцию. В 1715 г. вернулся в Швецию; убит во время завоевательного похода в Норвегию.
 74. *Лещинский Станислав (1677—1766)* — польский король в 1704—1711, 1733—1734 гг. Избран под нажимом Швеции, не признан большей частью шляхты. Как тесть французского короля, восстановлен на престоле французской дипломатией; впоследствии изгнан из страны сторонниками Августа III Фридриха (см. примечание 93 к главе 7), поддерживаемыми Россией и Австрией.
 75. Батурин (теперь Черниговской обл.) был столицей Левобережной Украины и резиденцией гетманов; в 1708 г. взят войсками А. Д. Меншикова (см. следующее примечание) и сожжен вместе с гетманским дворцом. Отстроен вновь как резиденция гетмана К. Г. Розумовского (см. примечание 38 к главе 7); столица Левобережья с 1750 по 1764 гг.; после упразднения гетманского управления передан во владение Розумовских.
 76. *Меншиков Александр Данилович (1673—1729)* — сподвижник Петра I, военачальник во время Северной войны, генералиссимус (с 1727). Руководил строительством Петербурга и Кронштадта. В 1708—1709 гг. вел военные действия на Украине против шведов; санкционировал разрушение Батурина (см. предыдущее примечание).
 77. *Гордиенко Кость (ум. 1733)* — кошевой атаман Запорожской Сечи, сторонник И. Мазепы. После Полтавской битвы 1709 г. бежал вместе

- с ним в Бендеры. Впоследствии — кошевой атаман Олешковской Сечи (см. ниже в тексте монографии А. Я. Ефименко).
78. Царские войска под командованием полковника П. Яковлева и компанейский полк Игната Галагана вступили в Сечь 14 мая 1709 г., застав там всего около 300 казаков (остальные незаметно ушли через протоки). П. Яковлев захватил 36 пушек, четыре мортиры, 12 гаковниц, 13 прапоров, войсковые литавры и другие трофеи. Сечевые укрепления были разрушены, многие из оставшихся казаков казнены, а запорожские земли приспаны к Миргородскому полку.
 79. *Орлик Филипп* (1672—1742) — генеральный войсковой писарь (1702—1708), сторонник И. Мазепы. После Полтавской битвы 1709 г. бежал вместе с ним в Бендеры, где был провозглашен гетманом. С 1714 г. ездил по Швеции, Германии, Польше, Франции, Турции, пытаясь заручиться поддержкой для вооруженного нападения на Россию.
 80. *Скоропадский Иван Ильич* (1646—1722) — генеральный эсаул, стародубский полковник (1706—1708); в 1708 г. на старшинской раде в Глухове избран гетманом Левобережной Украины. При нем введены (с 1709) резиденты правительства для контроля над деятельностью гетманского правления, а в 1722 г. учреждена Первая Малороссийская коллегия (см. примечание 15 к главе 7).
 81. *Литовский Статут* — см. примечание 38 к главе 4.
 82. *Магдебургское право* — см. примечание 28 к главе 4.
 83. *Саксонское Зерцало* — кодекс феодального права Саксонии, нормированный в 1224—1230 гг. выдающимся юристом Ейке фон Репковым. Множество норм Саксонского Зерцала вошло в свод магдебургских законов, иногда на Украине отождествлявшихся с Саксонским Зерцалом. В таком значении употреблено и здесь.
 84. О социально-экономической жизни Левобережной Украины во второй половине XVII в. с позиций современной историографии см.: *Борисенко В. Й.* Соціально-економічний розвиток Лівобережної України в другій половині XVII ст. К., 1986.
 85. О структуре и организации судопроизводства на Левобережной Украине см.: *Пашук А. Й.* Суд і судочинство на Лівобережній Україні в XVII — XVIII ст. (1648—1782). Львів, 1967.
 86. *Гизель Иннокентий* (ок. 1600—1683) — философ и церковный деятель; профессор и ректор Киево-Могилянской академии (с 1645), архимандрит Киево-Печерского монастыря (с 1656), автор трактата по всеобщей философии. *Галатовский Иоанникий* (ум. 1688) — писатель и церковный деятель; ректор Киево-Могилянской академии (с 1657), автор проповедей и публицистических произведений. *Баранович Лазарь* (1620—1693) — писатель и церковный деятель, ректор Киево-Могилянской академии (1650—1657), автор множества теологических и публицистических произведений. *Ростовский (Туптало) Димитрий* (1651—1709) — русский и украинский церковный деятель, ростовский митрополит (с 1702), церковный писатель, просветитель. Родился в г. Макаров (теперь район-центр Киевской обл.), воспитанник Киево-Могилянской академии. Кано-низирован в 1757 г.
 87. См. примечание 49 к главе 5.
 88. См. примечание 51 к главе 5.
 89. См. примечание 57 к главе 5.
 90. См. примечание 11 к главе 5.
 91. *Яблоновский Александр* (1829—1913) — видный польский историк и этнограф, автор ряда произведений, посвященных исторической географии и демографии Украины. В многотомной серии источников, изданных Яблоновским совместно с А. Павиньским, отдельные тома составляют налоговые описания Украины конца XVI — начала XVII в.
 92. Ср. с исследованиями Д. И. Яворницкого о порядке и числе запорожских

сечей: *Эварницкий Д. И.* Число и порядок запорожских сечей с топографическим очерком Запорожья. К., 1884.

93. *Лугай Федор* — переяславский сотник (с 1638), впоследствии — кошевой атаман Запорожской Сечи.
94. Андрусовское перемирие завершило русско-польскую войну 1654—1667 гг.; подписано 30 января 1667 г. в дер. Андрусово под Смоленском. Узаконило расчленение Украины между Речью Посполитой (Правобережная Украина) и Россией (Левобережная Украина, а также Киев).
95. См. примечание 42 к настоящей главе.
96. См. примечание 70 к данной главе.
97. См. примечание 72 к настоящей главе.
98. *Булавин Кондрат Афанасьевич* (погиб 1708) — руководитель крупнейшего народного восстания в России в начале XVIII в., поводом к которому послужила попытка правительства вернуть помещикам беглых крестьян. Восстание началось на Дону, затем распространилось на Приазовье. В восстании принимала активное участие беднейшая часть украинского казачества и запорожцев.
99. См. примечание 77 к данной главе.
100. *Галаган Игнат Иванович* (ум. 1748) — чигиринский и прилукский полковник. О разрушении Запорожской Сечи см. примечание 78 к данной главе.

Глава 7

1. См. примечание 80 к главе 6.
2. Речь идет о так называемых 14-ти «просительных пунктах» Скоропадского, поданных после избрания его гетманом Петру I. Содержали просьбу о подтверждении автономных прав Украины, утверждении войскового устройства, невмешательстве воевод в дела местного управления и др. Ответом на них стали Решетилевские статьи 1709 г., усиливающие зависимость гетманского управления от царского правительства.
3. *Шафиров Петр Павлович* (1669—1739) — русский государственный деятель и дипломат, вице-канцлер, приближенный Петра I.
4. *Полуботок Павло Леонтъевич* (ок. 1660—1724) — черниговский полковник (1706—1722), наказной гетман Левобережной Украины (1722—1724). Обвинен в сепаратизме и по приказу Петра I заключен в Петропавловскую крепость, где и умер.
5. *Апостол Данило Павлович* (1654—1734) — миргородский полковник (1693—1727); последний выборный гетман Левобережной Украины (1727—1734). Видный военачальник, участник первого Азовского похода (1693), Северной войны (битва под Эретсфером, 1701), Персидского похода Петра I (1722) и др. В гетманство Д. Апостола были возобновлены выборное управление, войскового скарб и суд, ликвидированные Петром I.
6. *Танский Антон* (ум. ок. 1734) — белоцерковский (1711), затем киевский (1712—1734) полковник. Выходец из Сербии, переселился на Украину в 70-х годах XVII в.; зять и сподвижник Семена Палия. Принимал участие в войне со шведами в 1708—1709 гг.
7. *Милорадович Михайло Ильич* (ум. 1726) — агент Петра I в Сербии, переселился на Украину в 1712 г.; назначен Петром I гадячским полковником (с 1715). Отличался алчностью и корыстолюбием, вызывая многочисленные жалобы жителей полка.
8. Петр Толстой был нежинским полковником в 20-х годах XVIII в.
9. *Генеральная Войсковая канцелярия* — высший военно-административный орган на Левобережной Украине в XVII — XVIII вв.; осуществляла военную и гражданскую власть гетмана, сосредоточивая в себе военное,

- административное, судебное и финансовое управление; возглавлялась генеральным писарем. Как и резиденция гетмана, Канцелярия меняла свое местопребывание, находясь в разное время в Чигирине, Гадяче, Батурине и Глухове. Указом Петра I от 1720 г. лишена финансовых и судебных прав; в 1728 г.— ликвидирована, в 1734 г.— возобновлена. Окончательно упразднена в 1764 г. с ликвидацией гетманского правления. А. Я. Ефименко ошибается, датируя возникновение Генеральной канцелярии указом Петра I,— как центральный исполнительный орган власти она возникла уже во время Освободительной войны 1648—1654 гг.
10. Речь идет о Генеральном Войсковом суде — высшем судебном органе Левобережной Украины в XVII — XVIII вв., апелляционной инстанции для полковых и сотенных судов. Возглавлялся генеральным судьей, подчинялся непосредственно гетману, с 1734—1750 гг.— Канцелярии министерского правления, с 1764 г.— Второй Малороссийской коллегии. Фактически существовал до 1790 г. Называя Петра I учредителем Генерального суда, А. Я. Ефименко ошибается: как и Генеральная канцелярия, этот орган возник во время Освободительной войны 1648—1654 гг.
 11. *Саксон* — т. е. *Саксонское Зерцало* (см. примечание 83 к главе 6). *Статут* — т. е. *Литовский Статут* (см. примечание 38 к главе 4). «Порядком» в судебной практике на Украине назывался комментированный перевод на польский язык свода Магдебургских уложений, изданный польским юристом Бартоломеем Гроицким впервые в 1559 г. (впоследствии многократно переиздавался и повсеместно использовался в украинских судах).
 12. Обходной Ладожский канал вокруг южной части Ладожского озера между истоком Невы и устьем р. Волхов был начат в 1719 г.; в 1721 г. на рытье канала было отправлено до 15 тыс. казаков и несколько драгунских полков. Окончен и открыт в 1731 г.
 13. Автор имеет в виду Старую Печерскую крепость, отстроенную на основе фортификационных укреплений Киево-Печерского монастыря. Расширение укреплений началось в последней четверти XVII в. Активные работы велись с 1706 г., когда территория крепости была увеличена в пять раз, а жители Печерска отселены. В 1712 г. казаки соорудили укрепления-ретраншементы; полностью строительство окончено в 1723 г.
 14. Речь идет о так называемом Персидском походе 1722—1723 гг. русской армии и флота во главе с Петром I в принадлежавшие Ирану (Персии) Северный Азербайджан и Дагестан. В походе принимало участие около 20 тыс. казаков.
 15. Первая Малороссийская коллегия (см. примечание 80 к главе 6) учреждена Петром I в 1722 г. как орган государственного контроля за деятельностью гетмана и генеральной старшины с целью ограничения автономии Украины. Состояла из шести офицеров русских полков, расположенных на Украине, и прокурора; находилась в столице Гетманщины Глухове; подчинялась Сенату. Ликвидирована в 1727 г. с возобновлением гетманства, упраздненного с 1722 г. после смерти гетмана И. Скоропадского.
 16. *Вельяминов Степан Лукич* — президент Первой Малороссийской коллегии (с 1722). Отозван в 1726 г. в Петербург за злоупотребления по службе. Отличался резко антиукраинскими настроениями; ему принадлежит известная фраза: «Согну я вас [украинцев], что и другие треснут. Уже ваши давнины переменить велено, а поступать с вами по-новому».
 17. См. примечание 72 к главе 6.
 18. См. примечание 4 к данной главе.
 19. *Коломацкие челобитные* — просительные пункты, поданные П. Полуботком Петру I от имени старшины; содержали просьбы о возобновлении

выборного гетманского правления и ликвидации Первой Малороссийской коллегии.

20. *Маркович Яков Андреевич* (1696—1770) — генеральный войсковой подскарбий (1740—1762), мемуарист. Окончил Киево-Могилянскую академию (1713). На протяжении 1717—1767 гг. вел дневник, являющийся ценным источником по истории жизни и быта своего времени (издан А. М. Лазаревским: *Дневник генерального подскарбия Якова Марковича*. К., 1893—1897. Вып. 1—3).
21. См. примечание 14 к данной главе.
22. *Екатерина I Алексеевна* (Марта Скавронская; 1684—1727) — вторая жена Петра I, российская императрица (с 1725); возведена на престол гвардией во главе с А. Д. Меншиковым. При ней был создан упомянутый здесь Верховный тайный совет из семи — восьми человек (1726—1730), фактически решавший все важнейшие государственные вопросы.
23. *Петр II* (1715—1730) — сын царевича Алексея Петровича, был российским императором с 1727 г.
24. *Анна Иоанновна* (1693—1740) — племянница Петра I, курляндская герцогиня (с 1710), российская императрица (с 1730). Возведена на престол Верховным тайным советом; фактическим правителем при ней был Э. И. Бирон (см. примечание 34 к данной главе).
25. *Шаховской Алексей Иванович* (ум. 1737) — князь, сенатор, генерал-аншеф и правитель Левобережной Украины в правление Анны Иоанновны: с 1732 г. — председатель Канцелярии комиссии учреждения слободских полков (см. примечание 16 к главе 8).
26. «Латинскими школами», кроме Киево-Могилянской академии, на Левобережной Украине были Черниговский коллегийум, основанный в 1700 г., а также Харьковский (основанный в 1727) и Переяславский (в 1738) коллегийумы, основанные по образцу Киево-Могилянской академии.
27. *Генеральное следствие о маетностях* — размежевание землевладений, проведенное на Левобережной Украине в 1729—1730 гг. с целью узаконить передачу по наследству ранговых имений (см. примечание 49 к данной главе) и земель, находящихся во временных держаниях.
28. Румянцевская опись Малороссии (иначе — Генеральная опись Левобережной Украины) (1765—1769 гг.) являлась переписью имущественного состава населения с целью внедрения общерусского законодательства и государственного налогообложения (окончена только для Киевского полка). Материалы описи хранятся в настоящее время в Центральном государственном архиве УССР в Киеве и отделе рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук УССР.
29. «*Права, по которым судится малороссийский народ*» — свод законов украинского феодального права, кодифицированный комиссией из казацкой старшины (12 членов), работавшей с 1728 по 1744 г. Председателями комиссии были генеральный судья Иван Борозна (до 1736) и генеральный обозный Яков Лизогуб (до 1740). В 1744 г. кодификационная комиссия представила проект свода, состоящего из 30 разделов и 1716 пунктов, на рассмотрение Сената. Проект не был утвержден правительством, стремившимся к ликвидации остатков автономии Украины и распространению на ее территорию общерусского законодательства. Свод опубликован украинским историком права А. Ф. Кистяковским в 1879 г. Шире об истории создания и источниках свода см.: *Тячок А. П.* История кодификації дореволюційного права України. К., 1968.
30. Речь идет о Коллегии министерского правления, созданной после смерти последнего выборного гетмана Данила Апостола в январе 1734 г. как орган временного правления в составе шести членов: трех русских офицеров и трех представителей генеральной старшины. Канцелярия существовала до 1750 г., ведая военными, хозяйственными и судебными вопросами управления Левобережной Украины.

31. «Слово и дело государево» — система политического сыска в России в конце XVI — XVIII в. Заклучалась в обязанности каждого подданного под страхом смерти доносить об умыслах против царя, оскорблениях царского имени, о государственных изменах и проч. При доносе произносилось условное выражение: «Слово и дело».
32. Имеется в виду так называемая «война за польское наследство» (1733—1735) между Францией, с одной стороны, и Россией, Австрией и Саксонией — с другой. Поводом для войны были выборы короля на польский престол после смерти Августа II (1733). Война закончилась признанием права на трон ставленника союзных государств Августа III. Русско-турецкая война 1735—1739 гг. была начата Турцией после отказа России вывести войска из Польши. В результате войны Россия вернула крепость Азов и территории, потерянные в предыдущей войне 1710—1711 гг. (см. примечание 62 к данной главе).
33. *Миних Бурхард Христоф* (1683—1767) — русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1732); командовал русской армией в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. Играл активную роль во внутренней и внешней политике царского правительства; владел крупными имениями на Украине. Об Украинской линии см. примечание 15 к главе 8.
34. *Волынский Артемий Петрович* (1689—1740) — русский государственный деятель и дипломат, кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны (с 1738). Казнен как противник «бирановщины». *Бирон Эрнст Иоганн* (1690—1772) — фаворит Анны Иоанновны, герцог курляндский (с 1737), инициатор реакционного режима, характеризовавшегося засильем иностранцев, всеобщей подозрительностью и шпионажем, жестоким преследованием недовольных. После дворцового переворота 1740 г. арестован и сослан.
35. См. примечание 25 к данной главе.
36. *Елизавета Петровна* (1709—1762), дочь Петра I, была российской императрицей с 1741 г.
37. *Розумовский Алексей Григорьевич* (1709—1771) — фаворит императрицы Елизаветы Петровны, граф (с 1744), генерал-фельдмаршал (с 1756). С 1742 г. — морганатический супруг Елизаветы.
38. *Розумовский Кирилл Григорьевич* (1728—1803) — брат Алексея Розумовского, граф (с 1744). Был последним гетманом Левобережной Украины (1750—1764). После упразднения гетманства — генерал-фельдмаршал.
39. *Теплов Григорий Николаевич* (1720—1770) — придворный Екатерины II (см. примечание 41 к данной главе), сенатор, писатель. Учитель и наставник Кирилла Розумовского. С 1750 г. проживал при нем на Украине, принимая активное участие в украинских делах как советник гетмана. Автор нескольких книг практических наставлений и советов; собирал источники для написания истории Украины. Автор записки, поданной Екатерине II под названием: «О беспорядках, которые происходят от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии». В записке обосновывается мысль о вреде украинской автономии.
40. См. примечание 20 к данной главе.
41. *Екатерина II Алексеевна* (1729—1796) — немецкая принцесса София Фредерика Августа, российская императрица (с 1762). Пришла к власти, свергнув мужа, императора Петра III. Способствовала укреплению абсолютизма в Русском государстве. Проводя централизаторскую политику, разрушила Запорожскую Сечь (1775), ликвидировала остатки автономного устройства Левобережной Украины и юридически ввела здесь крепостное право (с 1783).
42. Вторая Малороссийская коллегия учреждена в 1764 г. вместо ликвидиро-

ванного гетманства с целью окончательного упразднения остатков самоуправления. Состояла из четырех царских чиновников и четырех представителей казацкой старшины; возглавлялась президентом П. А. Румянцевым (см. примечание 44 к данной главе). Упразднена в 1786 г. после введения на территории Украины общерусской системы военного и административного управления.

43. Речь идет о Табели о рангах — законодательно определенном в 1722 г. порядке прохождения службы государственными чиновниками. Устанавливал 14 рангов (классных чинов) по трем видам: военные, штатские и придворные. На Украине действовал после распространения на ее территорию общерусских порядков с конца XVIII в.
44. *Румянцев (Задунайский) Петр Александрович (1725—1796)* — русский полководец, генерал-фельдмаршал; в 1764—1781 гг. — президент Второй Малороссийской коллегии, одновременно — генерал-губернатор Малороссии.
45. Имеется в виду судебная реформа 1760—1763 гг., заключающаяся в реорганизации Генерального суда (1760) и введении сословных судов для старшины — земских, подкоморских (межевых) и городских, которые заменили прежние общесословные полковые суды. При этом городское (уголовное) судопроизводство оставалось в руках полковников, а земское и подкоморское переходило в ведение избираемых местными землевладельцами судьи, подсудка и писаря либо, соответственно, подкомория и коморника.
46. *Полетика Григорий Андреевич (1725—1784)* — украинский политический деятель; окончил Киево-Могилянскую академию (1745), служил переводчиком при Академии наук в Петербурге, в 1764—1773 гг. был главным инспектором шляхетского корпуса. В выступлениях на заседаниях комиссии по составлению «Нового уложения», депутатом которой он был от старшины Лубенского полка, Полетика обосновывал право Украины на автономию и принципы автономного управления. Считается возможным автором «Истории русов» — анонимного произведения конца XVIII — начала XIX в., излагающего историю Украины с древнейших времен до 1769 г. и проникнутого идеей политической автономии Украины, прославления ее героического прошлого.
47. В 80-х годах XVIII в. царизм окончательно ликвидировал остатки автономного устройства Левобережной Украины. С упразднением административно-полкового деления указом 1781 г. ее территория разделилась на три наместничества — Киевское, Черниговское, Новгород-Сиверское с уездами вместо прежних сотен. Параллельно созданию наместничеств на основе общероссийского «Учреждения для управления губерниями» устанавливалась новая структура административного правления с наместником или генерал-губернатором во главе. В губернских городах создавались судебные палаты вместо прежних судебных институций, которые должны были действовать на основе общеимперского законодательства. Указом от 3 мая 1783 г. запрещались свободные переходы крестьян, каждый человек закреплялся за тем сословием, к которому принадлежал ко времени указа. На украинскую старшину царское правительство распространило «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (1785). Наконец, коренную реорганизацию претерпело казацкое войско. Указом Военной коллегии 1783 г. на Левобережной Украине из казаков создавалось 10 регулярных кавалерийских полков, получивших название карабинерных. Это стало первым шагом к тому, чтобы казаки отбывали воинскую повинность в регулярной царской армии; в 1797 г. был произведен первый рекрутский набор левобережных казаков. Подробнее о реформах 80-х годов XVIII в. см.: *Путро А. И.* Левобережная Украина в составе Российского государства во второй половине XVIII в. К., 1988.

48. См. примечание 43 к данной главе.
49. *Ранговые имена* — земельные владения на Левобережной Украине во второй половине XVII — XVIII вв., которые предоставлялись казацкой старшине «на ранг», т. е. как вознаграждение за службу на время выполнения определенной должности.
50. *Безбородько Александр Андреевич* (1747—1799) — выходец из казацкой старшины, князь, государственный деятель; секретарь, затем канцлер Екатерины II (с 1797), фактический руководитель русской внешней политики.
51. *Завадовский Петр Васильевич* (1739—1812) — выходец из казацкой старшины, граф, придворный и фаворит Екатерины II; с 1802 г. — министр народного просвещения, один из инициаторов открытия множества учебных заведений. *Стрекалов Степан Федорович* (1728—1805) — придворный Екатерины II, писатель, переводчик.
52. *Черниговский коллегіум* — одно из старейших учебных заведений на Левобережной Украине; основан в 1700 г. по образцу Киево-Могилянской академии. В 1776 г. реорганизован в духовную семинарию, которая существовала до 1917 г. С Черниговским коллегіумом связаны имена таких выдающихся ученых, писателей, церковных и государственных деятелей, как Иоанн Максимович, Лазарь Баранович и др.
53. Имеется в виду настоянная грамота, выданная первому посвященному в Москве киевскому митрополиту Гедееву в 1686 г. По этой грамоте Киевская митрополия не подчинялась московскому патриарху, а находилась только под его благословением. В дальнейшем история Киевской митрополии сводится к постепенному уничтожению ее особенностей в общерусской церковной структуре. Этот процесс ускорился с 1721 г., когда было введено правило назначения киевского митрополита Синодом вместо прежнего избрания из среды местных высших иерархов.
54. *«Разговор Великороссии с Малороссией»* (1762) — одно из наиболее заметных произведений второй половины XVIII в. на историческую тему. Его автором был переводчик Генеральной Войсковой канцелярии Семен Дивович. Излагая историю борьбы казачества с турецко-татарскими и польско-шляхетскими агрессорами, Дивович подчеркивает исторические заслуги украинской старшины, ее законные права на уравнение с русским дворянством. Этот, как и некоторые другие сюжеты, сближают «Разговор...» с «Историей русов» (см. примечание 46 к данной главе).
55. См. примечание 28 к настоящей главе.
56. *Святейший Синод* — один из высших государственных органов в Российском государстве в 1721—1917 гг. Ведал делами православной церкви, в том числе духовной цензуры и просвещения. Возглавлялся обер-прокурором, назначаемым царем.
57. *Зиновиев Климентий* (сер. XVII в. — после 1717) — украинский поэт, монах; автор сборника стихов преимущественно эпиграммного характера, отражающих жизнь простонародья. Полное издание его сочинений см.: *Зиновійв К. Вірші. Приповісті посполиті*. К., 1971.
58. Стихотворные драмы и другие произведения украинской литературы XVIII в. изданы в кн.: *Українська література XVIII ст.: Поетичні твори, драматичні твори, прозові твори* (Бібліотека української літератури). К., 1983.
59. *Кременецкий Гавриил* — киевский митрополит с 1770 по 1783 г. *Мыславский Самуил* — киевский митрополит в 1783—1796 гг.; способствовал унификации церковного управления на Украине с великорусским. Его пребывание на митрополичьей кафедре считается временем окончательной ликвидации прав и вольностей украинского духовенства, сохранявшихся в условиях политической автономии Украины.
60. См. примечание 78 к главе 6.
61. *Кизикермен (Казакермен)* — турецкая крепость, построенная в 1596 г.

- на правом берегу Днепра (на месте современного Берислава, порта на Каховском водохранилище); входила в систему замков на Таванской переправе, сооруженных с целью помешать выходу казаков в Черное море.
62. Имеется в виду Прутский поход во время русско-турецкой войны 1710—1713 гг. В мае-июне 1711 г. русская армия под командованием Петра I вступила в Молдову, но была окружена превосходящими силами турок. По мирному условию, подписанному на р. Прут вблизи Ясс (Прутский договор, или трактат), Россия возвращала Турции крепость Азов и обязывалась уничтожить крепости Таганрог на Азовском море, Каменный Затон на Днепре и Новобогородицкую в устье р. Самара.
 63. Т. е. Департамент герольдии и Герольдмейстерская контора — орган в составе Сената, существовавший с 1722 по 1917 г., который вел родословные книги, составлял гербы и проч.
 64. См. примечание 79 к главе 6.
 65. *«Земля Агарянская»* — земля мусульман. По библейской легенде, агаряне (мусульманские народы) были потомками Измаила, сына праотца Авраама, и его рабыни-наложницы Агари.
 66. *Перекопская линия* — система укреплений на Перекопском перешейке (ров и вал), отделяющем Крымский полуостров от материка. Существовала с древности; неоднократно возобновлялась, начиная с правления Менгли-Гирея (1468—1515).
 67. См. примечание 72 к главе 6.
 68. *Малашевич Иван Алексеевич* (ум. ок. 1737) — кошевой атаман Олешковской Сечи (1714—1737), избранный вместо Костя Гордиенко (см. примечание 77 к главе 6). Был также первым кошевым атаманом Новой Сечи (с 1734).
 69. См. примечание 61 к данной главе.
 70. *Новосеченский ретраншемент* — фортификационные сооружения, возведенные в 1735 г. в 2 км от Новой Сечи для контроля за действиями запорожцев; служили местопребыванием отряда царской армии.
 71. Имеются в виду записки князя С. И. Мышецкого 1740 г., который как русский офицер бывал на Запорожской Сечи в 30—40-х годах XVIII в. Труд Мышецкого издан в Одессе в 1852 г. под названием: «История о казаках запорожских».
 72. Киево-Межигорский Спасо-Преображенский монастырь (поблизости от Вышгорода под Киевом) основан, по преданию, в 988 г.; возобновлен после нашествия орд Батыя. Упоминается в документах с XVI в.; с 1609 г. — ставропигиальный (т. е. не подчиненный местным церковным властям). После разрушения в 1663—1664 гг. Трахтемирова стал патронажным монастырем Запорожской Сечи со шпиталем для престарелых и больных казаков. Закрыт в 1786 г. По преданию, здесь похоронены С. Палий и С. Самусь.
 73. Самарский Пустынно-Николаевский войсковой монастырь основан в 1672 г. близ слободы Самарчук (теперь г. Новомосковск Днепропетровской обл.). Подчинялся Кошу Запорожской Сечи, имел шпиталь для запорожцев. Получив от Коша значительные земельные владения, доставлял на Сечь хлеб и другие продукты. Закрыт после ликвидации Сечи и присоединен к Киево-Межигорскому монастырю.
 74. Речь идет о русско-турецкой войне 1735—1739 гг. (см. примечание 32 к данной главе).
 75. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. завершил русско-турецкую войну 1768—1774 гг. Османская империя уступила России земли между устьями Днепра и Южного Буга, что обеспечивало выход русских к Черному морю. Кроме того, признавались независимость Крымского ханства и протекторат России над молдавскими княжествами.
 76. Таврическая губерния была создана в 1802 г. К концу XIX в. (о чем

говорит А. Я. Ефименко) состояла из Бердянского, Днепровского, Мелитопольского, Евпаторийского, Перекопского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского уездов.

77. *Военная Граница* — пограничная с Турцией область на территории части Хорватии и Южной Венгрии; основное население — сербы и хорваты, известные под названием граничар.
78. *Новая Сербия* — административно-территориальный и военный округ, созданный в 1752 г. на землях, отнятых у Запорожской Сечи между Днепром и Синюхой, верховьями Ингула и Омельника. Административный центр — крепость св. Елисаветы (ныне Кировоград). Новосербские военные поселения, организованные в два полка, формировались из переселенцев-эмигрантов из Турции: сербов, венгров, молдаван, болгар, греков. В 1754 г. был организован третий Новослободской полк из казаков Левобережной Украины и выходцев из России, преимущественно раскольников. С 1764 г. Новая Сербия вошла в состав Новороссийской губернии под названием Елисаветградской провинции.
79. *Славяно-Сербия* — административно-территориальный и военный округ, созданный в 1753 г. на территории современных Донецкой, Луганской и Полтавской областей. Административный центр — г. Бахмут (ныне г. Артемовск). Поселенцы (сербские эмигранты и украинские крестьяне и казаки) были организованы в полки, которые отбывали службу на Украинской линии (см. примечание 15 к главе 8). С 1764 г. Славяно-Сербия — в составе Новороссийской губернии.
80. Ландмилицейские полки созданы в 1713 г. из военных поселенцев — государственных крестьян-однодворцев, помещенных на южных территориях Левобережной Украины. Существовали 16 конных и четыре пеших ландмилицейских полка, которые служили на Украинской линии (см. примечание 15 к главе 8). Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. ландмилиция была преобразована в регулярное войско.
81. См. примечание 78 к данной главе.
82. Новороссийская губерния создана в 1764 г. Включала в себя Новую Серию, Славяно-Сербию, Украинскую линию (см. примечание 15 к главе 8), 13 сотен Полтавского и две сотни Миргородского полков. Административный центр — г. Кременчуг. В 1783 г. была ликвидирована и включена в состав Екатеринославского наместничества; в 1797 г. возобновлена.
83. Речь идет о русско-турецкой войне 1768—1774 гг. (см. примечание 75 к данной главе).
84. *Потемкин Григорий Александрович* (1739—1791) — князь Таврический; русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1784); организатор дворцового переворота в пользу Екатерины II, ее фаворит и ближайший помощник. Некоторое время был генерал-губернатором Новороссийской губернии, способствовал экономическому развитию Юга Украины. Из политических соображений в 1772 г. записался в казаки Кущевского куреня Запорожской Сечи под именем Грицька Нечосы. Был инициатором ликвидации Сечи. По его же инициативе создано Черноморское казачество (см. примечание 1 к главе 8).
85. *Эйлер Леонард* (1707—1783) — известный математик, механик, физик и астроном, член Петербургской Академии наук. Работал в России в 1727—1741 и 1766—1783 гг. Посетил Запорожскую Сечь в 1770 г.
86. Азовская губерния была создана в 1708 г. из части Слободской Украины и Области Войска Донского. В 1725 г. переименована в Воронежскую, в 1783 г. — ликвидирована и включена в состав Екатеринославского наместничества.
87. *Текеллий (Текелли) Петр Аврамович* (1720—1793) — русский военный деятель, генерал-аншеф.
88. Пикинерские полки созданы в 1764 г. для охраны южных границ Новороссийской губернии. В пикинеров были превращены казаки Пол-

- тавского и Миргородского полков, из которых сформировались Елисаветградский, Днепровский, Донецкий и Луганский пикинерские полки. После уничтожения Запорожской Сечи часть запорожцев вошла во вновь созданные Полтавский и Херсонский полки. Пикинеры лишались казацких привилегий, платили подати и выполняли общегосударственные повинности наравне с крестьянами, что неоднократно вызывало вооруженные протесты. Пикинерские полки расформированы в 1783 г.
89. Речь идет о последних представителях старшины Запорожской Сечи. *Калнышевский (Калныш) Петр Иванович* (ок. 1690—1803) — последний кошевой Запорожской Сечи (с 1765), пребывал в заключении в Соловецком монастыре с 1775 по 1801 г.; *Глоба Иван Яковлевич* (ум. 1790) — последний войсковой писарь (с 1765); *Головатый Павло Фролович* (1715—1795) — последний войсковой судья. О последнем периоде существования Сечи см.: *Голобуцкий В. О.* Запорізька Січ в останні часи свого існування, 1734—1775. К., 1961.
90. История гайдамачины имеет обширную научную литературу. В послевоенное время ей посвящена специальная работа О. П. Лолы «Гайдамацкий рух на Україні 20—60-х рр. XVIII ст.» (К., 1965). Документы, освещающие гайдамацкое движение, собраны в издании: *Гайдамацкий рух на Україні в XVIII ст.: Зб. документів.* К., 1970.
91. О польской колонизации и организации помещичьего хозяйства на Правобережной Украине XVIII в. в современной научной интерпретации см.: *Маркина В. А.* Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII в. К., 1961.
92. Автор имеет в виду восстания гайдамаков 1734 и 1768 гг.
93. Ныне — южная часть Кировоградской и северная — Николаевской областей.
94. *Август III Фридрих* (1696—1763) (см. примечание 74 к главе 6) — король польский и курфюрст саксонский (с 1733). Утвердился на престоле в результате так называемой «войны за польское наследство» (см. примечание 32 к главе 7).
95. См. примечание 74 к главе 6.
96. См. примечание 90 к данной главе. Из новейших работ о Колиивщине см.: *Храбан Г. Ю.* Спалах гніву народного (Антифеодальне, народно-визвольне повстання на Правобережній Україні у 1768—1769 рр.). К., 1989. Г. Е. Храбан в своей монографии предпринимает попытку опровергнуть ряд утвердившихся в историографии представлений о Колиивщине. Так, определяя движение народных масс Украины под руководством Максима Железняка и его сподвижников как хорошо организованное, имевшее определенные политические цели крупное антифеодальное, национально-освободительное восстание, автор утверждает о нецелесообразности отождествлять это восстание с такой стихийной формой классового протеста масс, как гайдамачина; продлевает время Колиивщины до начала 1769 г.; отрицает сам термин «Колиивщина» как придуманный, по его мнению, польско-шляхетской историографией, и т. д.
97. *Понятовский Станислав Август* (1732—1798) — последний король Речи Посполитой. Попыткам Понятовского усилить свою власть, опираясь на поддержку России, противостояла Барская конфедерация — вооруженное объединение шляхты, организованное в 1768 г. на съезде в г. Бар (ныне — райцентр Винницкой обл.). Руководителями конфедерации были Адам и Михаил Красицкие, Юзеф Пулавский, Михал Пац, Йоахим Потоцкий и Юзеф Сапега. Военные действия конфедератов сопровождались расправами над украинским и белорусским населением и явились толчком к началу Колиивщины. Русские и польские королевские войска вытеснили конфедератов в Молдову, затем в г. Пряшев (теперь на территории ЧСФР). В 1771 г. А. В. Суворов разбил крупные силы конфедератов, однако их сопротивление длилось до 1772 г. Подавление

конфедерации создало почву для первого раздела земель Речи Посполитой в 1772 г. между Россией, Пруссией и Австрией (см. примечание 108 к данной главе).

98. *Значко-Яворский Мельхиседек* (1716—1809) — игумен Мотронинского монастыря (1753—1768), с 1761 г. — протоигумен монастырей Правобережной Украины. В 1768 г. обвинен в связях с гайдаками и в агитации крестьян против польской шляхты. Хотя обвинения на суде остались недоказанными, Значко-Яворский после 1768 г. был устранен с Правобережья. Позже — игумен Переяславского (1769—1771), Киевского Выдубицкого (1771—1781), Лубенского Мгарского (1781—1786) и Глуховского Петропавловского (1786—1809) монастырей.
99. *Зализняк (Железняк) Максим* — запорожский казак, один из руководителей Колиивщины. Весной 1768 г. в Холодном Яре (около Чигирина) собрал гайдамацкий отряд; начал военные действия во второй половине мая 1768 г., овладел Жаботином, Смелой, Черкассами, Корсунем, Каневом, Богуславом и другими городами; соединившись с Иваном Гонтой, захватил в июне Умань. Предательски схвачен царскими войсками и сослан в Нерчинск (Сибирь). Дальнейшая судьба неизвестна.
100. *Гонта Иван* (казнен 1768) — сотник надворных казаков Потоцких (с 1757), происходил из крестьян с. Россошки (теперь Черкасской обл.). Вместе со своим отрядом, посланным на подавление восстания Зализняка, перешел на сторону гайдамак. После взятия Умани — один из руководителей восстания. Предательски схвачен на встрече с командованием царского войска и передан в польский лагерь. Казнен мучительной смертью в с. Сербы (около Могилева, теперь Винницкой обл.).
101. *Кречетников Петр Никитич* (1727— после 1800) — генерал-майор; в 1767—1769 гг. руководил отрядами русских войск, дислоцированными на Правобережной Украине. Возглавлял карательные действия по подавлению Колиивщины.
102. *Стемпковский Юзеф* (ум. 1792) — региментарь, киевский кастелян и воевода; возглавлял карательную экспедицию для подавления Колиивщины.
103. *Погоцкий Франциск Салезий* — киевский воевода в 50—60-е годы XVIII в., активный участник Барской конфедерации (см. примечание 97 к данной главе).
104. События на Волыни 1789 г., известные под названием «Волынской тревоги», были инспирированы реакционными кругами шляхты, пытавшейся помешать проведению намеченных сеймом прогрессивных реформ. Толчком к панике, спровоцировавшей кровавые репрессии над крестьянами и православным духовенством, было убийство дворскими слугами семьи шляхтичей Вележинских в с. Неверков (теперь Ровенской обл.). В связи со слухами о подготовке восстания на Украину было отправлено несколько военных отрядов общей численностью 2,5 тыс. солдат. Особыми внесудебными полномочиями были наделены так называемые комиссии гражданской безопасности. В ходе репрессий только Волынская комиссия казнила свыше 30 человек.
105. О народных волнениях на Правобережной Украине в XVIII в. с позиций современной исторической науки см.: *Смолий В. А.* Формування соціальної свідомості народних мас України в ході класової боротьби (друга половина XVII — XVIII ст.). К., 1985.
106. См. примечание 30 к главе 4.
107. История опришковского движения подробно освещена в работах: *Грабовецький В. В.* Селянський рух на Прикарпатті в другій половині XVII — першій половині XVIII ст. К., 1962; *Его же.* Антифеодальна боротьба карпатського опришківства XVI — XIX ст. Львів, 1966.
108. Имеется в виду первый из трех разделов территории Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией 1772, 1793, 1795—1797 гг. Соглас-

но соответствующим договорам, к России отошли территории Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, к Пруссии — этнические польские земли, к Австрии (с 1772) — западноукраинские земли, объединенные в провинции Галиция и Лодомерия.

Глава 8

1. Черноморское, или кубанское, казачество (Черноморское казачье войско) организовано царским правительством в 1788 г. из бывших запорожских казаков во главе с запорожскими старшинами С. Билым и З. Чепигой, проживавших после ликвидации Сечи в Задунайской Сечи, о которой автор далее подробно рассказывает. Первоначально Черноморское казачество было поселено между Южным Бугом и Днестром с центром в г. Слободзея (теперь ССР Молдова), а с 1792 г. переселено на так называемую Черноморскую пограничную линию (на правом берегу Кубани от устья р. Лаба до Азовского моря). В 90-х годах XVIII в. насчитывало 25 тыс. казаков и занимало площадь около 30 тыс. кв. км. В 1860 г. Черноморское войско было объединено с частью Кавказского линейного казачьего войска (о котором автор рассказывает далее) и переименовано в Кубанское казачье войско. Азовское казачье войско образовано в 1828 г. из остатков запорожцев, проживавших на Задунайской Сечи, которые во главе с атаманом И. Гладким (см. примечание 39 к данной главе) перешли на сторону России во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. (см. примечание 32 к данной главе). В 1831 г. им было отведено 74 тыс. десятин земли между Бердянском и Мариуполем (между реками Берда, Обиточная и Азовским морем), где возникли Покровская, Новоспасская, Петровская станицы, г. Никольское и 15 хуторов. В 1862—1864 гг. тысячу семей азовцев насильственно переселили на Северный Кавказ в отдельные станицы Анапского округа. Пресекая вспышки недовольства, вызванные этим актом, царское правительство в 1865 г. ликвидировало особые привилегии Азовского войска. Рядовые казаки были превращены в государственных крестьян, войсковые регалии и оружие переданы Кубанскому казачьему войску. Часть азовцев эмигрировала в Турцию. Подробнее об истории Черноморского и Азовского казачества см.: *Голобуцкий В. А.* Черноморское казачество. К., 1956.
2. *Слободская Украина* — историческая область, охватывавшая территорию современных Харьковской, части Сумской (до р. Сейм), северной части Донецкой (до р. Бахмутка) и Луганской (до р. Айдар), юго-восточной части Воронежской, юго-западной части Белгородской и южной части Курской областей. Заселялась со второй половины XVI в. украинскими казаками и крестьянами, бежавшими от феодального гнета с слободы, т. е. поселения, за которыми русское правительство сохраняло право на казачьи привилегии и самоуправление. В 50-х годах XVII в. сформировались казачьи слободские полки: Острогжский (Рыбинский), Охтырский, Сумской, Харьковский, в 1685 г. — Изюмский. Упразднены в процессе ликвидации автономии Украины манифестом Екатерины II 1765 г. Тогда же территория Слободской Украины вошла в состав Слободско-Украинской губернии. Подробнее об истории Слобожанщины в новейшей историографии с отсылкой к основной библиографии вопроса см.: *Слюсарский А. Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII — XVIII вв. X., 1964.
3. См. примечание 10 к главе 5.
4. См. примечание 104 к главе 5.
5. Чугуево городище как населенный пункт на южной границе Русского государства впервые упоминается в 1627 г. Участники восстания Якова Острина поселились здесь после 1638 г.

6. Острогжск основан в 1652 г. казаками и крестьянами Черниговского и Нежинского полков, возглавляемых полковником Иваном Дзиковским; в 1652 г. переселенцы из с. Ставище Белоцерковского полка, приведенные полковником Г. Кондратьевым, поселились на Сумском городище, основав г. Сумы.
7. Речь идет о Бучацком мирном договоре 1672 г. между Турцией и Польшей, по которому Польша уступала Турции Подолье, а Брацлавщина и Киевщина переходили под власть турецкого вассала гетмана П. Дорошенко (см. примечание 47 к главе 6). В 1681 г. был подписан Бахчисарайский мирный договор между Турцией и Россией, признававший условия Бучацкого договора и обязывавший обе стороны не заселять земли между Южным Бугом и Днепром.
8. На основании Прутского трактата 1711 г. (см. примечание 62 к главе 7) Россия в 1712 и 1713 гг. подписала мирные договоры с Турцией, по которым обязывалась вывести свои войска с Правобережной Украины.
9. *Одноворцы* — категория государственных крестьян в Русском государстве, возникшая из бывших служилых людей в начале XVIII в. после создания регулярной армии; платили подушную подать, исполняли повинности; некоторые владели крепостными. На Левобережной Украине появились как переселенцы в начале XVIII в.
10. Имеется в виду, очевидно, восстание 1670 г., направленное против царских воевод, возглавлявшееся острогжским полковником И. Дзиковским (см. примечание 6 к данной главе), который установил связи с донским казачеством и вел переговоры со Степаном Разиным об общем выступлении. Казнен вместе с другими старшинами полка в 1670 г. Подробнее об антифеодальных движениях на Слободской Украине см.: *Стецюк К. І. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50—70-х роках XVII ст. К., 1960.*
11. Слободские казацкие полки были подчинены вначале Разрядному приказу (центральному государственному учреждению в России с функциями военного управления), с 1688 г. — Посольскому приказу, с 1708 г. — азовскому военному губернатору. В 1726 г. перешли в ведение Военной коллегии, созданной в процессе реформ Петра I в 1717—1720 гг.
12. Бахмут и Тор (теперь Артемовск и Славянск Донецкой обл.) были центрами солеварения с XVI в.; соляные копи разрабатываются здесь и в настоящее время.
13. *Азовские походы 1695—1696 гг.* — см. примечание 68 к главе 6.
14. Войско Карла XII вступило на Украину в октябре 1708 г.
15. Украинская линия возводилась в 30—60-х годах XVIII в. Начинаясь от Днепра, проходила по течению р. Орель и ее притоки Берестовой, далее шла по р. Берега до впадения последней в Сиверский Донец. Тянулась на 285 км, состояла из 16 крепостей и свыше 200 редутов, соединенных земляным валом. Ежегодно на линии работало около 20 тыс. левобережных и 2 тыс. слободских казаков.
16. Точнее, Канцелярия комиссии учреждения слободских полков, возглавляемая князем Шаховским. Была создана в 1732 г.; являлась центральным органом управления на Слободской Украине; состояла из русских офицеров и полковников пяти слободских полков (см. примечание 2 к данной главе). Провела реформу управления на Слобожанщине, приравняв полковые канцелярии к канцеляриям русских губерний и переведя суд- и делопроизводство в них на общерусское законодательство. Ликвидирована в 1743 г.
17. *Подсосудки* — категория феодально зависимого населения (крестьяне, казаки, горожане), не имеющая оседлости и работающая у своих хозяев за пользование жилищем; *захребетники (застенники)* — категория обедневшего населения, не имеющая собственного хозяйства и не платившая податей, работающая по найму у состоятельных крестьян и мещан или

перебывающаяся случайными заработками. Положение и состав феодально зависимых категорий населения детально рассмотрены в кн.: *Гуржий А. И.* Эволюция феодальных отношений на Левобережной Украине в первой половине XVIII в. К., 1986.

18. См. примечание 79 к главе 7.
19. *Гусары* — разновидность легкой конницы. В 1765 г. вместо расформированных слободских казачьих полков были созданы Сумской, Острожский, Охтырский и Изюмский гусарские полки. Подробнее об особенностях общественно-политического устройства Левобережной Украины см.: *Дядиченко В. А.* Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII — XVIII ст. К., 1959; *Апанович О. М.* Збройні сили України першої половини XVIII ст. К., 1969.
20. Федор Кузьмич Краснокутский был последним изюмским полковником накануне ликвидации полкового устройства Слободской Украины (1765). После распространения упомянутых А. Я. Ефименко писем был приговорен к публичному наказанию кнутом, разжалован и сослан в Казань.
21. См. примечание 88 к главе 7.
22. См. примечание 78 к главе 7.
23. См. примечание 84 к главе 7.
24. *Головатый Антон Андреевич* (ум. 1797) — кошевой атаман Черноморского казачьего войска. До ликвидации Запорожской Сечи — писарь полковой канцелярии, после 1775 г. — капитан русской армии. В 1787 г. по поручению русского правительства вместе с бывшими старшинами Войска Запорожского С. Билым и З. Чепигой сформировал Черноморское войско (см. примечание 1 к данной главе), в котором был войсковым судьей и кошевым атаманом.
25. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Черноморское казачье войско (первоначальное название — Войско верных казаков) находилось в составе корпуса А. В. Суворова, оборонявшего побережье между Херсоном и Кинбурном, где показало образцы мужества и умелых военных действий.
26. Теперь город Николаевской обл.
27. *Фанагория* — город Боспорского царства на Таманском полуострове, древнегреческая колония; существовал и в средневековье. Остатки городища находятся поблизости от с. Сенная Краснодарского края.
28. Ныне г. Краснодар.
29. Имеется в виду русско-иранская война 1804—1813 гг. за территорию Северного Азербайджана и русско-турецкая война 1806—1812 гг., начатая Турцией с целью возврата бывших владений в Северном Причерноморье и на Кавказе.
30. Имеется в виду выступление черноморских казаков летом 1797 г., известное под названием «Персидского бунта». Было направлено против использования казачьего войска для строительных и других работ во время военных действий в Баку, а также против злоупотреблений старшины.
31. Таврическая губерния создана в 1802 г.; включала в себя часть Новоросийской губернии (см. примечание 82 к главе 7) и Тмутараканский уезд. В 1820 г. администрации губернии была подчинена и территория Черноморского казачьего войска (см. примечание 1 к данной главе). Административный центр губернии — г. Симферополь.
32. *Задунайская Сечь* — организация бывших запорожских казаков, основанная (после ликвидации Запорожской Сечи) в устье Дуная на территории, подчиненной Турции. Вначале размещалась на левом берегу Дуная на месте теперешнего г. Вилково Одесской обл., позже переместилась на правый берег. Сохранила устройство и обычаи Запорожской Сечи; состояла из 38 куреней, подчинялась казачьей раде. В конце XVIII в. часть казаков ушла в Черноморское войско (см. примечание 1 к данной

- главе), в 1828 г. перешла с атаманом И. Гладким (см. примечание 39 к данной главе) на сторону русского войска, осаждавшего Измаил, отказавшись сражаться на стороне Турции. Остатки Задунайской Сечи уничтожены турками.
33. *Некрасовцы* — потомки донских казаков, участников восстания 1707—1709 гг., ушедших со сподвижником Кондратия Булавина Игнатом Некрасовым на Кубань, а в 1740 г. — на территорию Турции, в Добруджу (область между нижним течением Дуная и побережьем Черного моря).
 34. См. примечание 77 к главе 7.
 35. *Силистра* — порт на Дунае (ныне на территории Болгарии). *Гирсова* — порт на Дунае в Добрудже (теперь на территории Румынии). *Сеймены* — порт на Черном море в устье Дуная (теперь на территории Румынии).
 36. *Разинский лиман* — русскоязычное название Раземской лагуны (по-румынски — Балта Разем) около Черного моря, рядом с дельтой Дуная.
 37. Некрасовцы (см. примечание 33 к данной главе) переселились в Малую Азию в 1740 г., осев у озера Маньяс.
 38. *Галац* и *Браилов (Браила)* — порты на Дунае (ныне — на территории Румынии).
 39. *Гладкий Иосиф Михайлович* (1789—1866) — последний кошевой атаман Задунайской Сечи. С началом русско-турецкой войны 1828—1829 гг. вошел в тайные сношения с русским командованием и перешел на сторону России под Измаилом 1,5 тыс. задунайских казаков, принявших участие в боях с Турцией. Сформировал Азовское казачье войско (см. примечание 1 к данной главе), был первым наказным атаманом этого войска. Ушел в отставку в чине генерал-майора русской армии.
 40. *Райя* — податное население Османской империи, а также мелкая административно-территориальная единица на немусульманских территориях.
 41. Русско-турецкая война 1828—1829 гг. завершилась Адрианопольским мирным договором, по которому к России отошли устье Дуная и Черноморское побережье до южных границ Аджарии; Турция также признала присоединение к России Грузии и автономию Молдовы, Валахии, Сербии и Греции.
 42. *Силистрия* — то же, что и Силистра (см. примечание 35 к данной главе).
 43. *Адрианополь* — греческое название г. Эдирне (теперь в Турции).
 44. Казаки Азовского войска образовали Покровскую, Новоспасскую и Петровскую станицы, 15 хуторов и г. Никольское (см. примечание 1 к данной главе). К владениям войска были причислены также Петровский мещанский посад, Новоспассовское поселение государственных крестьян и Стародубская станица черниговских переселенцев, проживавших на этой территории раньше. Указанные земли находились на территории Александровского уезда Екатеринославской губ.
 45. *Сухум-Кале* — турецкое название Сухуми.
 46. *Репнин (Волконский) Николай Григорьевич* (1778—1845) — русский государственный деятель, князь; брат декабриста Сергея Волконского. Был военным губернатором Малороссии (Полтавская и Черниговская губ.) с 1816 по 1834 г.
 47. *Лобанов-Ростовский Яков Иванович* (1760—1831) — русский государственный деятель, князь; член Государственного совета. Был генерал-губернатором Малороссии с 1806 по 1816 г.
 48. Польское освободительное восстание 1830—1831 гг. (Ноябрьское восстание) началось в Варшаве, охватило шляхту Королевства Польского, Литвы, Белороссии и Правобережной Украины. Выдвигало требование государственной независимости Польши, образовав в январе 1831 г. Национальное правительство (Жонд Народовый) во главе с князем А. Чорторыйским. В эти дни родился знаменитый лозунг польских демократов, обращенный к народам России: «За нашу и вашу свободу». На Украине военные действия происходили в апреле-мае 1831 г.; крестья-

- янскими массами воспринимались враждебно. Окончательно восстание подавлено в октябре этого же года, когда царские войска взяли Варшаву.
49. Автор имеет в виду Виктора Павловича Кочубея (1768—1831), крупнейшего землевладельца, вице-канцлера Русского государства (с 1798), министра внутренних дел (с 1819), председателя Государственного совета и комитета министров (с 1827).
 50. *Владикавказский округ* (с центром в г. Владикавказ) — политико-административная единица, созданная в 1863 г. на территории Терской области и охватывавшая южную часть Ставрополя, территории современных Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской и часть Дагестанской АССР.
 51. См. примечание 108 к главе 7.
 52. «Украинская школа» в польской литературе возникла во второй четверти XIX в. Творчество поэтов и писателей, принадлежавших к этому направлению, тесно связано с украинским фольклором, проникнуто интересом к истории Украины и симпатией к ее народу. Вместе с тем нередко наблюдались романтическая идеализация польско-украинских отношений в прошлом, пропаганда идеи «великой Польши». По происхождению представители «украинской школы», как правило, были связаны с Правобережной Украиной, которую осознали своей родиной, и нередко являлись выходцами из полонизированных украинских фамилий. Наиболее яркими деятелями этого течения были поэт Северин Гошинский (1801—1876), автор поэмы о Колиивщине «Каневский замок» (1828); писатель и фольклорист Михал Грабовский (литературный псевдоним — Эдвард Тарша; 1804—1863); поэт Юзеф Богдан Залесский (1802—1886), друг Т. Г. Шевченко; писал по-польски и по-украински; писатель Михал Чайковский (литературный псевдоним — Садык-Паша; 1804—1886), автор романа «Вернигора»; поэт Александр Гроза (1807—1875); поэт Маврикий Гославский (1802—1834), автор поэм «Подолія» (1826), «Дума про Нечая» (1827); и др.
 53. *Ржевусский Вацлав* (1785—1831) — польский поэт, путешественник, востоковед. Во время пребывания на Ближнем Востоке (1817—1820) получил титул эмира. Организовав казацкий отряд, пытался вести кочевой образ жизни на Украине. Погиб как участник польского восстания 1830—1831 гг.
 54. *Чайковский Михал* (см. примечание 52 к данной главе) — участник польского восстания 1831 г.; эмигрировал во Францию. С 1851 г., приняв ислам, поступил на турецкую службу; возглавлял отряды так называемых султанских казаков в русско-турецкой войне 1853—1856 гг. В 1873 г. вернулся на Украину.
 55. *Мицкевич Адам* (1798—1855) — гениальный польский поэт, уроженец Белоруссии; основоположник польского романтизма, деятель национально-освободительного движения; после 1829 г. — в эмиграции.
 56. *Бибиков Дмитрий Гаврилович* (1792—1870) — киевский военный губернатор, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1837—1852), министр внутренних дел России (1852—1855), сенатор. Один из наиболее активных русификаторов Украины, погромщик революционных и национально-освободительных движений; провел серию акций, направленных на укрепление позиций самодержавия; жестоко подавлял крестьянские движения.
 57. Инвентарные правила (инвентарная реформа 1847—1848 гг.), введенные на Правобережной Украине Д. Г. Бибиковым (см. предыдущее примечание), определяли величину надела помещичьих крестьян и устанавливали размер барщины в зависимости от имущественного состояния крестьянского хозяйства. Целью введения инвентарных правил было приостановить развитие помещичьего товарного производства на Правобережной Украине, в Литве и Белоруссии, где большинство помещиков рассматривалось

правительством как потенциально опасная сила польского сепаратизма. Вместе с тем, признавая землю неотъемлемой собственностью помещиков, инвентарные правила укрепляли крепостнические порядки, тормозили развитие капитализма. Вызвали массовые крестьянские выступления, которые на Киевщине переросли в восстание (т. н. Киевская казаччина 1855 г.).

58. Имеется в виду реформа 1861 г., отменившая крепостное право в России.
59. Польское освободительное восстание 1863—1864 гг. (Январское восстание) охватило Королевство Польское, Литву, частично Белоруссию и Правобережную Украину. Во главе восстания стоял Центральный национальный комитет, в котором ведущую роль играли Я. Домбровский, З. Падлевский и Б. Шварце. На Украине восстание началось по призыву нелегальной организации «Провинциальный комитет Руси»; к нему присоединилось несколько сот русских и украинских офицеров и солдат, возглавляемых «Комитетом русских офицеров в Польше» во главе с А. А. Потебней. Военные столкновения происходили на Волыни и Киевщине; поддержкой украинского крестьянства, как и во время польского восстания 1830—1831 гг., восставшие не пользовались. К маю 1864 г. царское правительство с помощью Пруссии и Австрии в основном подавило восстание, хотя отдельные партизанские отряды вели борьбу до 1865 г. Командиры повстанческих отрядов, действовавших на Украине — А. Зелинский, В. Раковский, П. Крыжановский, Р. Ольшанский и А. Дружбацкий — расстреляны в Киеве.
60. *Балагульщина* — молодежное течение среди шляхты Правобережной Украины в 40—50-х годах XIX в.; было реакцией на разгром царизмом Ноябрьского польского восстания 1830—1831 гг.; проявлялось в демонстративных дебошах, пьянстве, вызове общепринятой морали. Отождествляя себя с низами общества, балагулы говорили в быту на украинском языке, культивировали украинский фольклор.
61. *Народные училища* — общеобразовательные учебные заведения начального типа, созданные в 1786 г. в виде главных народных училищ в губернских городах (с пятилетним сроком обучения) и малых народных училищ в уездных городах (с двухлетним сроком обучения).
62. Киево-Могилянская академия в 1817 г. была закрыта, а на ее основе в 1819 г. создана Киевская духовная академия, существовавшая до 1920 г. С 1872 г. при ней начало действовать Церковно-археологическое общество, которое вело значительную исследовательскую работу, организовало музей, с 1860 г. издавало «Труды Киевской духовной академии».
63. Харьковский коллегиум основан в 1727 г. по образцу Киево-Могилянской академии. После открытия в 1805 г. Харьковского университета потерял свое образовательное значение; преобразован в духовную семинарию. С деятельностью коллегиума связаны имена Г. С. Сковороды, М. И. Гнедича, И. П. Базилевича и других деятелей украинской культуры.
64. *Тихорский Епифаний* — белгородский епископ, инициатор превращения в 1727 г. школы при Харьковском Покровском монастыре в училище высшего типа по образцу Киевской духовной академии.
65. *Каразин Василий Назарович* (1773—1842) — украинский ученый, изобретатель, общественный деятель; составитель нескольких либеральных проектов перестройки государственного управления в России. Ему принадлежит ряд прикладных хозяйственных открытий, как, например, парового отопления, паровых сушильных аппаратов и др. Работал в области климатологии, агрономии, селекции, метеорологии. Был инициатором открытия Харьковского университета и непосредственным организатором сбора пожертвований на это дело, создания при университете библиотеки и типографии. В 1811 г. был избран почетным членом университетского совета.

66. Г. С. Сковорода (1722—1794) с 1769 г. и до смерти путешествовал по Украине, проповедуя свои философские идеи.
67. Речь идет об Обществе соединенных славян (Славянский союз; Славянское общество) — тайной революционной организации декабристов на Украине. Основана в 1823 г. в Новограде-Вольнском офицерами А. И. и П. И. Борисовыми и Ю. К. Люблинским; охватывала мелкопоместных дворян и офицеров Волыни и Киевщины. Основными целями общества провозглашалось освобождение крестьян и создание федеративной республики всех славян. В 1825 г. слилось с Южным обществом декабристов, образовав Славянскую управу. Многие члены общества участвовали в восстании Черниговского полка в январе 1826 г.
68. *«Украинский вестник»* — либеральный журнал, издававшийся в Харькове в 1816—1819 гг. Публиковал литературные произведения на русском и украинском языках; некоторое время журнал редактировал Г. Ф. Квитка-Основьяненко (см. примечание 79 к данной главе). *«Украинский журнал»* выходил в Харькове в 1824—1825 гг.; уделял много внимания украинским народным песням, раскрывая их содержание и подчеркивая художественные достоинства. *«Харьковский Демокрит»* — юмористический журнал, издававшийся в Харькове в 1816 г. В. Масловичем; подвергал критике ограниченность помещиков, казнокрадство чиновников, жадность купцов, невежество церковнослужителей и т. п.
69. *«Украинский альманах»* (Харьков, 1831) — сборник произведений романтического и сентиментального направления. Здесь же были помещены украинский перевод отрывка из поэмы А. С. Пушкина «Полтава», выполненный А. Шпигоцким, и несколько украинских народных песен.
70. *«Утренняя звезда»* — две книги альманаха, издаваемого в Харькове в 1833—1834 гг. Здесь впервые опубликованы некоторые произведения И. П. Котляревского (отрывок из «Енеїди»), Г. Ф. Квитки-Основьяненко («Салдацкий патрет» и др.), П. П. Гулака-Артемовского (см. примечание 78 к данной главе), Е. П. Гребинки.
71. *«Украинский сборник»* издавался известным филологом-славистом И. И. Срезневским; первая книга вышла в Харькове в 1838 г., вторая — в Москве в 1841 г. Здесь впервые напечатаны пьесы И. П. Котляревского «Москаль-чаривник» и «Наталка Полтавка» (см. следующее примечание).
72. *«Наталка Полтавка»* — пьеса И. П. Котляревского, написанная в 1819 и опубликованная в 1838 г. Считается первым реалистическим произведением новой украинской литературы, построенным на типичных народных характерах и социальных конфликтах.
73. Альманах «Снип» вышел в 1841 г. в Харькове; его составителем и издателем был А. Корсун. Альманах включал произведения Иеремии Галки (литературный псевдоним Н. И. Костомарова, см. примечание 80 к данной главе), П. Кореницкого, А. Корсуна, стихи С. Писаревского, П. Писаревского и др.
74. Альманах «Молодык» издавался М. Бецким в 1843—1844 гг. (первые три книги вышли в Харькове, четвертая — в Петербурге). Имел преимущественно романтическую направленность; публиковал произведения и на украинском, и на русском языках. Во второй книге «Молодыка» опубликовано несколько поэзий Т. Г. Шевченко («Думка», «Н. Маркевичу», «Утоплена»).
75. «Южнорусский сборник» (в трех выпусках) был издан в 1848 г. в Харькове поэтом и фольклористом А. Л. Метлинским. Включал произведения поэтов-романтиков.
76. *«Запорожская Старина»* — фольклорно-исторический сборник, издаваемый в Харькове И. И. Срезневским в 1833—1838 гг. (вышло шесть книг: две части по три выпуска в каждой). Сборник содержал отрывки из казацких летописей, исторические песни и думы о казачестве, повести,

- рассказы, статьи самого И. И. Срезневского. Пользовался большой популярностью у современников.
77. *Пассек Вадим Васильевич* (1807—1842) — русский и украинский историк, этнограф, археолог. Автор работ «Историко-статистическое описание Харьковской губернии» (1836); «Города Харьковской губернии» (1839); составил описание городищ и курганов нескольких уездов Харьковщины.
 78. *Гулак-Артемовский Петр Петрович* (1790—1865) — украинский поэт, культурно-просветительный деятель. Учился в Киевской духовной академии (до 1813), с 1817 г. — в Харьковском университете. Был профессором истории этого же университета (с 1828), деканом словесного факультета (с 1838), ректором (1841—1849). Автор романтических баллад, лирических поэзий, басен.
 79. *Квитка-Основьяненко Григорий Федорович* (1778—1843) — основоположник новой украинской прозы. Литературную деятельность начал с 1816 г. на русском языке; в 1834 г. вышла первая, в 1837 г. — вторая книга его «Малороссийских повестей», включавших повести «Конотопська відьма», «Козир-дівка», «Салдацкий патрет», «Сердешна Оксана» и др. Автор комедий («Сватання на Гончарівці», «Шельменко-денщик»), исторических очерков, романа «Пан Халаявський».
 80. *Костомаров Николай Иванович* (1817—1885) — выдающийся украинский и русский историк, этнограф, писатель. Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета (1837), учительствовал в гимназиях Ровно и Киева, с 1846 г. — адъюнкт-профессор Киевского университета. Был одним из основателей Кирилло-Мефодиевского общества (см. примечание 89 к данной главе); арестован в 1847 г.; после годичного заключения в Петропавловской крепости сослан в Саратов; возвратился в Петербург в 1857 г. Автор множества исторических трудов, в которых впервые в отечественной историографии рассматривал народ как самостоятельный объект истории.
 81. *Уваров Сергей Семенович* (1786—1855) — граф, русский государственный деятель реакционного толка, министр народного просвещения (1833—1849). Автор охранительно-монархической формулы единства «православия, самодержавия, народности».
 82. *Кременецкий (Волынский) лицей* — общеобразовательное учебное заведение повышенного-среднего типа; открыт в 1805 г. как Высшая Волынская гимназия, переименованная в 1819 г. в Кременецкий лицей. Насчитывал до 600 учащихся. Состоял из четырех низших и трех высших классов (последние — с двухгодичным обучением). Учебный цикл включал в себя словесные предметы, математические и природоведческие дисциплины. Закрыт после подавления польского восстания в 1831 г.; учебная база в 1833 г. была перемещена в Киев и послужила основой для создаваемого Киевского университета.
 83. *Чацкий Тадеуш* (1765—1813) — польский культурный деятель, историк; в 1805—1813 гг. — визитатор (инспектор) учебных заведений Киевской, Волынской и Подольской губерний. Один из организаторов Кременецкого лицея (см. предыдущее примечание).
 84. *Максимович Михаил Александрович* (1804—1873) — выдающийся украинский ученый-естественник, историк, филолог, фольклорист, этнограф; первый ректор и профессор словесности Киевского университета (1834—1835). Издатель альманахов «Денница» (1830—1834), «Киевлянин» (1840—1841, 1850), «Украинец» (1859, 1864). Друг Т. Г. Шевченко.
 85. Сборник «Малороссийские песни» был первым трудом М. А. Максимовича в области фольклористики; издан в Москве в 1827 г. Впоследствии ученый опубликовал еще две книги своих записей народных песен: Украинские народные песни. М., 1834; Сборник украинских песен. К., 1849.

86. «*Киевлянин*» — научно-литературный альманах, издававшийся в Киеве М. А. Максимовичем. В свет вышли три выпуска (1840—1841, 1850).
87. «*Украинец*» — неперIODическое издание научно-литературного характера, выходившее в 1859—1860 гг.; редактором-издателем являлся М. А. Максимович.
88. *Московское славянофильство* — одно из направлений русской общественной мысли середины XIX в. Славянофилы отстаивали принципиально отличный от западноевропейского путь развития России на основе ее самобытности. К основным факторам последней относили патриархальность, консерватизм, православие, идеализированную крестьянскую общину. Славянофильство сыграло важную роль в развитии славяноведения, изучении народного быта. Видными представителями московских славянофилов были И. С. и К. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков и др. Исторические взгляды славянофилов наиболее полно выражены в трудах К. С. Аксакова «Об основных началах русской истории» (М., 1861), А. С. Хомякова «Записки о всемирной истории» (М., 1871—1873. Ч. 1—2), И. Д. Беляева «Крестьяне на Руси» (М., 1860).
89. История Кирилло-Мефодиевского общества детально освещена в кн.: *Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество*. М., 1959; *Сергієнко Г. Я. Суспільно-політичні рухи на Україні після повстання декабристів*. К., 1971. Следственное дело членов Кирилло-Мефодиевского общества опубликовано в кн.: *Кирилло-Мефодіївське товариство: Слідча справа: У 3 т. К.*, 1990.
90. *Гулак Николай Иванович* (1822—1899) — украинский общественный деятель, педагог, ученый. В 1843 г. окончил юридический факультет Дерптского (ныне Тартуского) университета. В 1845—1847 гг. — чиновник канцелярии киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. Один из основателей Кирилло-Мефодиевского общества (см. предыдущее примечание); арестован в 1847 г., заключен в Шлиссельбургскую крепость (1847—1850); после освобождения отправлен под надзор полиции в Пермь. После ссылки работал педагогом в Одессе (1859—1861), Керчи, Ставрополе (1862—1863), Кутаиси, Тбилиси (1863—1887). Автор научных трудов по истории, философии, филологии, истории литературы, математике.
91. *Белозерский Василий Михайлович* (1825—1899) — украинский общественный деятель, журналист, ученый и педагог. Один из основателей Кирилло-Мефодиевского общества (см. примечание 89 к данной главе) и соавтор его Устава, автор «Записки» (объяснения к уставу). Арестован в 1847 г., сослан в Петрозаводск. После ссылки жил в Петербурге; в 1861—1862 гг. издавал здесь журнал «Основа» (см. примечание 96 к настоящей главе) — первый украинский общественно-политический и литературный ежемесячник либерального направления.
92. См. примечание 76 к главе 5.
93. *Орлов Александр Федорович* (1786—1861) — князь, русский государственный деятель. Участник подавления восстания декабристов; шеф корпуса жандармов (1844—1856), председатель Государственного совета и Комитета министров (1856—1860).
94. *Панславизм* — идея объединения славянских народов под главенством русского царя, распространившаяся с конца XVIII в.; возникла из стремления к независимости славян, поработенных Турцией и Австро-Венгрией. В России с середины XIX в. панславизм превратился в националистическую идеологию, оправдывающую завоевательные имперские устремления.
95. *Ламеннэ Фелисите Робер* (1782—1854) — французский публицист и религиозный философ, один из родоначальников христианского социа-

лизма, стремившегося придать христианской религии социалистическую окраску.

96. Журнал «Основа» (см. примечание 91 к данной главе) издавался В. М. Белозерским (редактор), Н. И. Костомаровым, П. А. Кулишом и др.; публиковал произведения художественной литературы, труды по историографии и этнографии, исторические источники. Тут впервые были напечатаны многие произведения Т. Г. Шевченко, С. В. Руданского, А. П. Свидницкого, Марка Вовчка, Л. И. Глибова, исторические труды Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, Т. Р. Рильского, П. С. Ефименко, А. М. Лазаревского и др. Подробнее о журнале «Основа» см.: *Бернштейн М. Д.* Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50—60-х років XIX ст. К., 1959.
97. *Бодянский Осип Максимович* (1808—1877) — украинский и русский филолог, историк, писатель, один из основателей отечественной славистики. Профессор кафедры истории и литературы славянских наречий Московского университета (1842—1868), с 1845 г. — секретарь Общества истории и древностей российских — первого профессионального объединения историков России, существовавшего при Московском университете. Был близок со славянофилами; друг Т. Г. Шевченко. Автор множества научных трудов, публикатор ценнейших источников по истории Украины.
98. Подробнее об изданиях Московского общества истории и древностей российских, тематически связанных с Украиной, см.: *Тодийчук О. В.* Украина XVI—XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. К., 1989.
99. *Львовское Ставропигиальное братство* — общественная организация православных украинских мещан Львова; существовало с 80-х годов XVI в. до 1788 г. В 1708 г. приняло унию.
100. *Манявский скит* — православный монастырь возле с. Манява (ныне Ивано-Франковской обл.), основанный в 1612 г. Иовом Княгиницким (ок. 1550—1621) — украинским писателем-полемистом и церковным деятелем. Скит был одним из центров антиуниатской борьбы. Закрыт в 1785 г.
101. *Иосиф II* (1741—1790) — соправитель австрийской императрицы Марии Терезии (1765—1780) (см. примечание 141 к данной главе), император «Священной Римской империи» (с 1780). Сторонник просвещенного абсолютизма в правлении; провел ряд прогрессивных государственных реформ.
102. Венская духовная семинария (Венский конвикт) была учреждена императрицей Марией Терезией в 1774 г.; имела шесть вакансий для представителей униатских епархий Галицкой Руси.
103. Львовская духовная семинария была учреждена австрийским императором Иосифом II (см. примечание 101 к данной главе) в 1783 г.
104. Львовский университет (академия) основан в 1661 г. на базе иезуитского коллегіума; закрыт в 1773 г. с ликвидацией ордена иезуитов. Как светское высшее учебное заведение, открыт императором Иосифом II в 1784 г. (так называемый Иосифинский университет). Имел философский, юридический, медицинский и теологический факультеты; на последнем в период между 1787 и 1806 г. преподавание частично велось на украинском языке.
105. *Франц II* (1768—1835) — последний император «Священной Римской империи» (1792—1806), император Австрии под именем Франца I (с 1804). Был инициатором создания Священного союза (1815) — реакционного союза монархов Австрии, Пруссии и России для подавления революционного движения в Европе.
106. *Зубрицкий Денис Иванович* (1777—1862) — украинский историк-монархист, архивист и издатель источников; автор трехтомной истории Галицко-Волинского княжества, в которой с позиций москвофильства (см.

- примечание 119 к данной главе) опровергал тезис об исторической принадлежности Польше земель Галицкой и Червонной Руси.
107. *Гердер Иоганн Готфрид* (1744—1803) — немецкий философ и писатель, создатель концепции поступательного характера исторического развития, согласно которой история человечества является непосредственным продолжением истории природы. Проповедовал идею исторического призвания славян открыть новую культурную эпоху в развитии человечества.
 108. *Залесский Вацлав* (литературный псевдоним — Вацлав из Олеська; 1798—1849) — польский фольклорист, уроженец г. Олесько (ныне Львовской обл.); издал сборник «Песни польские и русские галицкого люда» (1833). В 1848—1849 г. — губернатор Галиции.
 109. *Падура Тимко* (1801—1871) — украинский и польский поэт-романтик, представитель «украинской школы» в польской литературе (см. примечание 52 к данной главе). Автор нескольких поэтических сборников (1842, 1844, 1878), написанных на украинском языке; многие его стихотворения посвящены исторической тематике и стилизованы под народные песни.
 110. *Шашкевич Маркиян Семенович* (1811—1843) — украинский поэт, фольклорист, выдающийся деятель национального возрождения Галицкой Украины, лидер «Русинской Троицы» («Руської Трійці») — литературно-просветительного кружка, созданного в конце 20-х годов XIX в. во Львове. *Вагилевич Иван Николаевич* (1811—1866) — писатель и фольклорист, один из организаторов «Русинской Троицы»; публиковал документы по истории Львова. *Головацкий Яков Федорович* (1814—1888) — поэт, ученый, автор работ по филологии, истории, этнографии Украины; член «Русинской Троицы»; с 1848 г. — первый профессор украинского языка и литературы Львовского университета; в 1867 г. эмигрировал в Вильно, где был председателем Виленской археографической комиссии. Важнейший труд Я. Ф. Головацкого — «Народні пісні Галицької і Угорської Русі» (М., 1878. Кн. 1—4). О деятельности и значении «Русинской Троицы» см.: *Горинь В. І., Купчинський О. А., Стеблій Ф. І. та ін.* Руська Трійця в історії суспільно-політичного руху і культури України. К., 1987.
 111. «*Русалка Дністрова*» — фольклорно-литературный альманах «Русинской Троицы» (см. предыдущее примечание), сборник украинских фольклорных записей и литературно-публицистических произведений, большинство из которых принадлежало М. С. Шашкевичу, Я. Ф. Головацкому, И. Н. Вагилевичу. Запрещена цензурой к изданию во Львове, опубликована в 1837 г. в Буде. Была первой книгой, изданной на живом народном языке; сыграла выдающуюся роль в украинском литературном и национальном возрождении на западноукраинских землях. (Современное переиздание «Русалки...» см.: *Русалка Дністрова: Фольклорно-літературний альманах «Руської Трійці» / Підготовлено М. Й. Шалатою.* К., 1987). Роль «Русалки...» на широком фоне современных ей общественных отношений всесторонне раскрыта в издании: *Русалка Дністрова: Документи і матеріали.* Львів, 1989.
 112. *Стадион Франц-Серафим* (1806—1853) — граф, губернатор Галиции (1847—1848), министр внутренних дел Австрии (1848—1849); выразитель интересов австрийского абсолютизма.
 113. *Главная Русская Рада (Головна Руська Рада)* — политическая организация украинской интеллигенции и духовенства, созданная в мае 1848 г. во Львове. Выступала с требованиями умеренных буржуазных реформ, введения преподавания на украинском языке в народных школах. Проводила просветительскую работу. Открыла Народный Дом (см. примечание 115 к данной главе), организовала общество «Галицко-Русская Матица» (см. следующее примечание); издавала первую украинскую газету «Зоря Галицька» (см. примечание 116 к настоящей главе). С осени 1848 г. ведущие позиции в Раде принадлежали высшему униатскому духовенству. Распущена в 1851 г.

114. *«Галицко-Русская Матица»* — культурно-просветительское общество, созданное во Львове по инициативе Главной Русской Рады (см. предыдущее примечание) в июле 1848 г. Преследовала цели распространения образования в народе, боролась за создание школ с преподаванием на украинском языке, ставила своей задачей издание популярных книг общедоступного содержания. Во главе «Матицы» в первый период ее существования стоял прогрессивный украинский писатель Н. Л. Устиянович (см. примечание 130 к настоящей главе). С конца 50-х годов XIX в. перешла на москвофильские позиции (см. примечание 119 к данной главе). Существовала до 30-х годов XX в.
115. *Народный Дом* (см. примечание 113 к настоящей главе) — культурно-просветительская организация, созданная во Львове в 1849 г. по инициативе Главной Русской Рады на народные пожертвования. При нем существовали библиотека и зал для собраний и концертов. С 60-х годов XIX в. перешел под контроль москвофилов (см. примечание 119 к данной главе).
116. *«Зоря Галицька»* (см. примечание 113 к настоящей главе) — первая украиноязычная газета на западноукраинских землях; издавалась с 1848 по 1857 г. До 1851 г. была органом Главной Русской Рады, затем — органом москвофилов. По первоначальному замыслу планировалась как издание Львовского Ставропигийского института (см. примечание 129 к данной главе) под названием «Галицька пчола».
117. Святоюрской партией (святоюрцами) польская шляхта называла деятелей Главной Русской Рады (см. примечание 113 к данной главе) и вообще участников украинского национального движения 1848 г. В 60-е годы XIX в. название закрепилось за сторонниками проавстрийской позиции высшего галицкого униатского духовенства.
118. *Ультрамонтанство* — направление католицизма, отстаивавшее идею неограниченной верховной власти папы римского, его права вмешиваться в светские дела любого католического государства.
119. Речь идет о москвофилах («старорусской партии») — общественно-политическом течении второй половины XIX — начала XX в., охватывавшем часть западноукраинской интеллигенции и духовенства. Москвофильское движение ориентировалось на реакционные круги царской России, проповедовало царфильские взгляды, выступало за объединение всех славянских народов под властью русского самодержавия, не признавая права украинского народа на самоопределение. Москвофильство значительной мерой субсидировалось царским правительством. О «язычии» москвофилов см. далее у А. Я. Ефименко.
120. *Народовцы* — политическое движение западноукраинской либеральной интеллигенции, зародившееся в 60-х годах XIX в.; с 70-х годов — национально-клерикальная партия проавстрийской ориентации; с 1899 г. — «Украинская социал-демократическая партия», переименованная в 1919 г. в «Украинскую трудовую партию».
121. *Голуховский Агенор* (1812—1876) — австрийский наместник Галиции в 1849—1859, 1866—1868 и 1871—1876 гг. Председатель «азбучной комиссии», созданной в 1859 г. с целью ввести законодательным порядком латинский алфавит для украинской письменности, что вызвало протест украинской общественности. Подробнее об этом см.: *Франко І. Я.* Азбучна війна в Галичині 1859 р. // *Зібрання тв.*: У 50 т. К., 1986. Т. 47. С. 549—650.
122. Речь идет об австро-итальянской войне 1866 г. — одной из войн за освобождение Италии и создание в ней независимого государства. В результате военных действий, одним из героев которых был Д. Гарибальди, Австрия подписала Венский мирный договор, по которому отказывалась от притязаний к созданному после революции 1859—1860 гг. Итальянскому государству.

123. «*Вечерниця*» — общественно-литературный еженедельник либерального направления, основанный народовцами (см. примечание 120 к данной главе); выходил во Львове в 1862—1863 гг.; пропагандировал развитие украинской культуры, духовное единение всех украинских земель; сыграл заметную роль в популяризации произведений Т. Г. Шевченко, Марка Вовчка и др.; «*Мета*» — литературно-политический еженесячник, орган народовцев; выходил во Львове в 1863—1865 гг.; «*Нива*» — литературно-политический ежемесячный журнал, орган народовцев; выходил во Львове в 1863—1865 гг.; «*Русалка*» — литературный еженедельник, издававшийся во Львове с 1866 г. москвофилами; в 1868—1870 гг. выходил дважды в месяц, редактировался В. Шухевичем.
124. «*Правда*» — литературно-научный и общественно-политический журнал народовцев; выходил во Львове с перерывами в 1867—1898 гг. «*Слово*» — общественно-политическая и литературная газета, орган москвофилов; выходила во Львове с 1861 по 1887 г. Ориентировалась на российский царизм, выступала против развития украинского языка и культуры на западноукраинских землях.
125. *Гушалеви́ч Иван Николаевич* (1823—1903) — украинский писатель, педагог, журналист и общественный деятель москвофильского направления. Редактор газет «Новини» (1849), «Зоря Галицька» (1851—1853), «Дом і школа» (1863—1864). Составитель комментированного издания «Слова о полку Ігоревім» (Львов, 1850); автор множества поэзий и пьес.
126. «*Просвіта*» — культурно-просветительская общественная организация, основанная в 1868 г. во Львове народовцами с целью распространения образования. В городах и местечках Галиции действовали ее филиалы. Организовывала библиотеки и читальни, издавала популярную литературу на украинском языке, школьные учебники, брошюры и т. д. Существовала до 1939 г. Организации «Просвіти» позже были основаны на Надднепрянской Украине (1906—1917) и в Закарпатье (20—30-е годы XX в.)
127. *Огоновский Омелян* (1833—1894) — украинский ученый-филолог, педагог, общественный деятель; профессор кафедры украинского языка и литературы Львовского университета (1867—1894), глава общества «Просвіта» (см. предыдущее примечание) (1877—1894).
128. *Общество имени М. Качковского* — культурно-просветительская общественная организация, основанная в 1874 г. в Коломые москвофилами; в 1876 г. переведена во Львов. *Качковский Михаил* (1802—1872) — общественно-культурный деятель Галиции, москвофил, депутат Галицкого сейма, один из основателей «Галицко-Русской Матицы» (см. примечание 114 к настоящей главе); оставил капитал, завещанный Народному Дому (см. примечание 115 к данной главе).
129. *Ставропигийский Институт* во Львове — культурно-просветительское и научное учреждение. Создан в 1790 г. на основе бывшего Львовского Ставропигийского братства (см. примечание 99 к данной главе); утвержден императорским декретом от 1793 г. Составными частями Института были школа, бурса, типография, книжный магазин, управление строениями и церковь; руководящий орган — Совет (Рада), избираемый на общем собрании. Со второй половины XIX в. — на позициях москвофильства. Заметной роли в культурной жизни Львова не играл, ограничиваясь преимущественно издательской деятельностью. Закрыт в 1944 г.
130. *Устиянович Николай Леонтьевич* (1811—1885) — украинский писатель и общественный деятель, инициатор созвания первого съезда работников просвещения, науки и культуры во Львове (1848). Некоторое время возглавлял «Галицко-Русскую Матицу» (см. примечание 114 к данной главе).
131. Речь идет об избирательной кампании по выборам в Галицкий краевой

- сейм — формально-представительский орган самоуправления, созданный в 1861 г. Депутаты сейма избирались сроком на шесть лет.
132. *«Діло»* — газета либерального направления, орган народовцев, выходила во Львове с 1880 по 1939 г. *«Зоря»* — общественно-литературный журнал народовцев, выходил во Львове в 1880—1897 гг., с 1884 г. — орган НТШ (см. следующее примечание). *«Батьківщина»* — научно-политическое издание народовцев, выходило во Львове под редакцией Ю. Романчука в 1879—1892 гг. как еженедельная газета, затем как журнал (до 1896).
 133. На основе Литературного общества им. Т. Г. Шевченко в 1892 г. во Львове возникло Научное общество им. Т. Г. Шевченко (Наукове товариство ім. Т. Г. Шевченка — НТШ). Имело три секции: историко-филологическую, филологическую, математико-природоведческо-медицинскую. Издавало *«Записки Наукового товариства ім. Шевченка»*, *«Літературно-науковий вісник»*, *«Етнографічний збірник»*, *«Матеріали до української етнології та антропології»*, *«Пам'ятки українсько-руської мови та літератури»* и др. С 1897 по 1913 г. председателем НТШ был крупнейший украинский историк М. С. Грушевский. В отдельные периоды в работе секций НТШ принимали участие такие известные деятели искусства и науки, как И. Франко, В. Гнатюк, О. Маковой, М. Павлык, М. Возняк, Ф. Колесса, В. Щурат, И. Крипякевич и др. Общество сыграло выдающуюся роль в становлении научных традиций на западноукраинских землях; прекратило существование в 1939 г. Возобновило свою деятельность с осени 1989 г.
 134. *Франко Иван Яковлевич* (1856—1916) — ко времени написания книги А. Я. Ефименко был уже не только известным поэтом, прозаиком, публицистом, но и крупным ученым, автором большого количества трудов по истории и теории литературы, фольклористике, языковедению. Судя по тому, что А. Я. Ефименко говорит только о писательско-публицистической деятельности Ивана Яковлевича, можно предполагать, что научные труды И. Я. Франко были ей еще неизвестны.
 135. *Федькович Юрий Адальбертович* (1834—1888) — украинский писатель, общественный деятель демократического направления. В 1873—1874 гг. был редактором львовского издательства «Просвіти» (см. примечание 126 к данной главе), с 1885 по 1887 г. — редактор либеральной газеты «Буковина» (см. примечание 137 к настоящей главе), издававшейся в Черновцах.
 136. *«Зоря Буковинська»* (точнее — «Буковинська Зоря») — литературно-политический журнал, издававшийся в Черновцах в 1870 г. Иваном Глибовицким.
 137. *«Буковина»* — украинская газета, издававшаяся в 1885—1910 гг. в Черновцах, затем — в Вене (до 1918). Ее редакторами были Ю. Федькович (1885—1887), О. Маковой (1895—1897) и др. С начала XX в. перешла на позиции реакционного австрофильства.
 138. *Пряшев* (ныне на территории Словакии) — центр исторической области, населенной словаками и украинцами, близкими по говору и культуре к лемкам — украинской этнографической группе, обитавшей в Карпатах между реками Сан и Попрад; в настоящее время компактно не проживают.
 139. *Кориатовичи* — ответвление литовской правящей княжеской династии. Князем Подольской земли с 1388 г. был Федор Кориатович (ум. 1416), изгнанный в 1393 г. великим князем литовским Витовтом. Бежал в Венгрию (Кориатовичи с 1377 г. являлись вассалами венгерского короля), где получил в пожизненное владение замок Мункач.
 140. *Мункачево* — теперь г. Мукачево Закарпатской обл. Мукачевская епархия стала независимой от власти католических епископов в 1771 г. Православный монастырь основан здесь Федором Кориатовичем (см. предыдущее примечание).

141. *Мария Терезия* (1717—1780) (см. примечания 101—102 к данной главе) — австрийская эрцгерцогиня, королева Венгрии и Чехии (с 1740), императрица «Священной Римской империи» (с 1765). Провела ряд административных реформ, укреплявших феодально-абсолютистское государство.
142. Революция в Венгрии 1848—1849 гг., направленная на завоевание национальной независимости и выход из-под власти Габсбургов, началась в марте 1848 г. в Пеште под руководством Ш. Петефи и П. Вашвари. Успешные военные действия созданной национальной гвардии вынудили правительство пойти на ряд буржуазных реформ: отмену крепостного права, признание военной и финансовой независимости Венгрии и др. В 1849 г. с помощью русских войск восстание было подавлено.
143. Возможно, А. Я. Ефименко имеет в виду еженедельную газету «Карпат», выходившую в 1872—1882 гг. в Ужгороде под редакцией М. Гомичкова.
144. Первой газетой (впоследствии журналом) украинских переселенцев в США было издание «Америка»; выходила в Шенандоа (США) в 1886—1890 гг.; издатели — И. Волянский, В. Сименович.

Н. Н. ЯКОВЕНКО,
кандидат исторических наук

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ А. Я. ЕФИМЕНКО *

Авсеев В. Г. Малороссия в 1767 году: Эпизод из истории XVIII ст.: По неизданным источникам. К., 1864.

Акты, до маестностей Полуботков относящиеся // Чтения О-ва истории и древностей рос. 1862. Кн. 3.

Акты, издаваемые комиссией, учрежденной для разбора древних актов в Вильно: В 36 т. Вильно, 1865—1912.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией: В 15 т. СПб., 1863—1892.

Андрияшев А. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст. К., 1887.

Антонович В. Б. Бесіди про часи козацькі на Україні. Чернівці, 1897.

Антонович В. Б. Исследование о гайдамачестве: По актам 1700—1768 гг. К., 1876.

Антонович В. Б. Исследования о городах в Юго-Западной России: По актам 1432—1798 гг. (предисловие) // Арх. Юго-Зап. России, изд. комис. для разбора древ. актов, состоящей при Киев., Подол. и Волын. генерал-губернаторе: В 34 т. К., 1870. Ч. 5, т. 1.

Антонович В. Б. Исследование о крестьянах Юго-Западной России: По актам 1700—1798 гг. (предисловие) // Арх. Юго-Зап. России, изд. комис. для разбора древ. актов, состоящей при Киев., Подол. и Волын. генерал-губернаторе: В 34 т. К., 1870. Ч. 6, т. 2.

Антонович В. Б., Бец В. А. Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах. К., 1883.

Антонович В. Б., Бец В. А. Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах. К., 1885. Вып. 1.

Антонович В. Б., Драгоманов М. П. Исторические песни малорусского народа с объяснениями: В 2 т. К., 1874—1875.

Антонович В. Б. История Галицкой Руси (Литографированные лекции). [б. м. и б. г.]

Антонович В. Б. Монография по истории Западной и Юго-Западной России. К., 1885. Т. 1.

* В издании 1906 г. списки источников, использованных А. Я. Ефименко при подготовке книги, расположены после каждой главы, при этом в библиографическом описании опущены многие важные элементы. С учетом того, что в данном случае речь идет не об оригинальном авторском тексте, мы сочли возможным дополнить это описание отсутствующими элементами, а также объединить источники в единый список и расположить их по алфавиту. К сожалению, не все сноски удалось раскрыть, и данный список не является абсолютно полным. Кроме того, некоторые использованные А. Я. Ефименко источники отсутствуют в книгохранилищах, поэтому они приводятся по более поздним (по сравнению с 1906 г.) изданиям.— *Сост.*

- Антонович В. Б.* Последние времена казачества на правой стороне Днепра: По актам с 1672 по 1716 г. К., 1868.
- Аристов Н.* Промышленность древней Руси. СПб., 1866.
- Арх. Юго-Зап. России, изд. комис. для разбора древ. актов, состоящей при Киев., Подол. и Волын. генерал-губернаторе: В 34 т. К., 1859—1914.
- Арх. Юго-Зап. России, изд. комис. для разбора древ. актов, состоящей при Киев., Подол. и Волын. генерал-губернаторе: В 34 т. К., 1887. Ч. 3, т. 3. Акты о гайдамаках, 1700—1768 / Под ред. и с предисл. В. Б. Антоновича.
- Багалея Д. И.* История Северной земли до половины XIV ст. К., 1882.
- Багалея Д. И.* Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.
- Бантъши-Каменский Д. Н.* История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением первобытного состояния сего края: В 3 ч. М., 1822—1830.
- Бантъши-Каменский Д. Н.* Источники малороссийской истории: В 2 ч. М., 1858—1859. Ч. 1 (1649—1687). Ч. 2 (1691—1722).
- Барбашев А.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. СПб., 1885.
- Барбашев А.* Витовт, последние двадцать лет княжения. 1410—1430. СПб., 1891.
- Батюшков П. Н.* Волинь: Исторические судьбы юго-западного края. СПб., 1888.
- Батюшков П. Н.* Подолия: Историческое описание. СПб., 1891.
- Батюшков П. Н.* Холмская Русь... СПб., 1887.
- Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси: Исследование о постоянном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 1879.
- Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879.
- Беляев И. Д.* Рассказы из русской истории: В 3 кн. М., 1861—1867.
- Бершадский С. А.* Документы и регесты к истории литовских евреев: В 2 т. СПб., 1882. Т. 1 (1388—1550). Т. 2 (1550—1569).
- Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история: В 2 т. СПб., 1872—1885.
- Библиотека иностранных писателей в России: В 5 т. СПб., 1836. Т. 1.
- Бобржинский М.* Очерки истории Польши: В 2 т. / Пер. с третьего пол. изд. под ред. Н. И. Кареева. СПб., 1891. Т. 2.
- Брянцев П. Д.* История Литовского государства с древнейших времен. Вильно, 1889.
- Буцинский П.* О Богдане Хмельницком. Х., 1882.
- Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, 1720 / Врем. комис. для разбора древних актов: В 4 т. К., 1848—1864.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве // Журн. м-ва нар. просвещения. 1868. № 8—9, 11—12.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Поместное право в древнюю эпоху Литовско-Русского государства // Чтения в ист. о-ве Нестора-летописца. 1899. Кн. 3, отд. 2.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права: В 3 вып. СПб.; К., 1908.
- Головацкий Я. Ф.* Народные песни Галицкой и Угорской Руси: В 4 кн. М., 1878.
- Головинский П.* Слободские казачьи полки. СПб., 1864.
- Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1880—1881. Т. 1, ч. 1—2.
- Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: История южнорусских степей IX—XIII вв. К., 1884.
- Грабянка Г.* Летопись / Врем. комис. для разбора древних актов. К., 1854.
- Грамоты великих князей литовских с 1390 по 1569 г. / Под ред. В. Антоновича и К. Козловского. К., 1868.
- Грушевский М. С.* История Киевской земли: От смерти Ярослава до конца XIV ст.: Опыт исследования. [б. м. и б. г.]

- Грушевський М. С.* Історія України-Русі: У 10 т. Львів, 1898—1936. Т. 1—4.
- Данилевский Г. А.* Украинская старина: Материалы для истории украинской литературы и народного образования. Х., 1866.
- Данилович И.* Летопись Литвы и Руси. Х., 1827.
- Дашкевич Н. П.* Болоховская земля и ее значение в русской истории // Тр. III археол. съезда. К., 1878. Т. 2.
- Дашкевич Н. П.* Заметки по истории Литовско-Русского государства. К., 1885.
- Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкого, по русским и иностранным известиям // Университет. изв. К., 1873. № 6, 9—10.
- Дашкевич Н. П.* Новейшие домыслы о Болохове и болоховцах // Университет. изв. К., 1884. № 6.
- «Диариуш» или журнал, то есть повседневная записка... наченный в 1722 году и оконченный в том же году... войсковой канцелярии старшим канцеляристом Николаем Ханенком. М., 1858.
- Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717—1767 гг.): В 3 ч. К., 1893—1897.
- Дневник генерального хорунжего Николая Ханенко, 1727—1753 гг. К., 1884.
- Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни: В 2 т. К., 1849.
- Забелин И.* История русской жизни с древнейших времен: В 2 ч. М., 1876—1879.
- Замечания, до Малой России принадлежащие // Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и междуусобиях, бывших в Малой России по его смерти. М., 1848.
- Замысловский Е.* Объяснения к Учебному атласу по русской истории. СПб., 1887.
- Записки о слободских полках с начала их появления до 1766 г. Х., 1812.
- Зубрицкий Д.* История древнего Галичско-Русского княжества: В 3 ч. Львов, 1852—1855.
- Зубрицкий Д.* Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси / Пер. с пол. О. Бодянского. М., 1845.
- Иловайский Д. И.* История России: В 5 ч. М., 1876—1905.
- Иванишев М. Д.* Соч. К., 1876.
- Иванов П. А.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895.
- Ист.-юрид. материалы, издававшиеся Моск. арх. м-ва юстиции. М., 1883. Вып. 1.
- Книга пожиткам бывшего черниговского полковника Павла Полуботка и детей его Андрея и Якова Полуботков, составленная по указу 1724 года майором Михайлом Раевским и лейб-гвардии сержантом Львовым // Чтения О-ва истории и древностей рос. 1862. Кн. 3.
- Короленко П. П.* Черноморцы. СПб., 1874.
- Костомаров Н. И.* Богдан Хмельницкий: Ист. моногр.: В 3 т. СПб., 1884.
- Костомаров Н. И.* Мазепа и мазеповцы // Собр. соч.: Исторические монографии и исследования: В 19 т. СПб., 1885. Т. 16.
- Костомаров Н. И.* Павел Полуботок // Собр. соч.: Исторические монографии и исследования: В 19 т. СПб., 1881. Т. 14.
- Костомаров Н. И.* Руина // Собр. соч.: Исторические монографии и исследования: В 8 кн., 21 т. СПб., 1905. Кн. 6, т. 15—16.
- Костомаров Н. И.* Собр. соч.: Исторические монографии и исследования: В 8 кн., 21 т. СПб., 1903—1906.
- Коялович М. И.* Лекции о западнорусских братствах // День. 1862.
- Коялович М. И.* Чтения по истории Западной России. СПб., 1884.
- Кулиш П. А.* Записки о Южной Руси: В 2 т. СПб., 1857.

- Кулиш П. А.* История воссоединения Руси: В 3 т. СПб., 1874—1877.
- Кулиш П. А.* Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654). М., 1888.
- Кулиш П. А.* Украинские казаки и паны в двадцатилетие перед бунтом Богдана Хмельницкого. М., 1895.
- Купчанко Г.* Некоторые историко-географические сведения о Буковине. К., 1879.
- Лазаревский А. М.* Замечание на исторические монографии Д. П. Миллера о малороссийском дворянстве и о статусовых судах. Х., 1898.
- Лазаревский А. М.* Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783 гг.) // Зап. Черниг. губ. стат. ком. 1866. Кн. 1.
- Лазаревский А. М.* Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783 гг.): Ист.-юрид. очерк по арх. источникам. К., 1908.
- Лазаревский А. М.* Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Чернигов, 1867. Вып. 2 (Полки Киевский и Нежинский).
- Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. К., 1888. Т. 1. Полк Стародубский.
- Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. К., 1893. Т. 2. Полк Нежинский.
- Лазаревский А. М.* Очерки, заметки и документы по истории Малороссии: В 5 вып. К., 1892—1899.
- Лассота Э.* Путевые заметки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. / Пер. и примеч. Ф. Бруна. СПб., 1873.
- Левицкий О.* Внутреннее состояние западнорусской церкви в конце XVI в. // Арх. Юго-Зап. России, изд. комис. для разбора древ. актов, состоящей при Киев., Подол. и Волын. генерал-губернаторе: В 34 т. К., 1883. Ч. 1, т. 6.
- Леонтович Ф. И.* Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины. СПб., 1895.
- Леонтович Ф. И.* Спорные вопросы по истории русско-литовского права. СПб., 1894.
- Летопись по Ипатскому списку / Изд. Археогр. комис. СПб., 1871.
- Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. Археогр. комис. СПб., 1872.
- Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. С приложением трех малороссийских хроник: «Хмельницкой», «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического» / Изд. Киев. Врем. комис. для разбора древних актов. К., 1878.
- Лешков В. Н.* Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII в. М., 1858.
- Любавский М.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута: Ист. очерки. М., 1892.
- Ляскорунский В. Г.* История Переяславской земли до половины XIII столетия. К., 1897.
- Макарий.* История русской церкви: В 6 т. СПб., 1869.
- Максимович М. А.* Собр. соч.: В 3 т. К., 1876—1880.
- Макушев В. В.* Сказание иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861.
- Маркевич Н. А.* История Малороссии: В 5 т. М., 1842—1843.
- Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси: В 2 вып. К., 1890—1896.
- Миллер Д. П.* Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии: В 2 ч. Х., 1895—1897.
- Миллер Д. П.* Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии: Суды земские, городские и подкоморские в XVIII в. // Сб. Харьк. ист.-фил. о-ва. 1896. Т. 8.
- Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. К., 1885.

Мякотин В. А. Прикрепление крестьянства левобережной Малоросси // Рус. богатство. 1894. № 2—4 (отд. отт.).

Наказы малороссийским депутатам 1767 г. и Акты о выборах в Комиссию сочинения уложения. К., 1889.

Огоновський О. М. Історія літератури руської: У 6 ч. Львів, 1887—1894.

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции: В 21 кн. СПб.; М., 1869—1921.

Отчет комитета по присуждению премий, учрежденных Харьковским Земским Банком в память императора Александра II: Первое — шестое присуждения. Х., 1898—1913.

Очерки из истории литовско-русского права: В 2 вып. К., 1889—1890.

Павлицев Н. И. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину: В 3 т. 2-е изд. СПб., 1887.

Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском губернаторе: В 4 т. 2-е изд., доп. К., 1846—1859.

Петров Н. И. Очерки истории украинской литературы XIX столетия. К., 1884.

Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига: В 3 т. М., 1872.

Пытин А. Н. История русской этнографии: В 3 т. СПб., 1891. Т. 3. Этнография малорусская.

Радакова Е. Українські козаки на Ладозькім каналі // Зап. наук. т-ва ім. Шевченка. 1896. Т. 12.

Сборник летописей, относящихся к южной и западной России, изданный комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. К., 1888.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1883.

Скальковский А. История Новой Сечи, или последнего Коша Запорожского: В 3 ч. Одесса, 1884—1886.

Скальковский А. История Сечи, или последнего Коша Запорожского (Составлены из подлинных документов Запорожского сечевого архива А. Скальковским): В 2 ч. 2-е изд., испр. и значительно умноженное. Одесса, 1846.

Скальковский А. Наезды гайдамаков на Западную Украину в XVIII столетии (1733—1768). Одесса, 1845.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты, до начала XVIII века. СПб., 1887.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 29 т. М., 1851—1879.

Соловьев С. М. Малороссийское казачество до Хмельницкого // Рус. вестн. 1859. Т. 23. № 7, кн. 2.

Сулимовский архив: Фамильные бумаги Сулим, Скоруп, Войцеховичей XVI — XVIII вв. К., 1884.

Теличенко И. В. Очерк кодификации малороссийского права до введения свода законов. К., 1888.

Теличенко И. В. Протест слободской старшины и казаков против реформы 1765 г. К., 1888.

Теличенко И. В. Сословные нужды и желания малороссиан в эпоху Екатерининской комиссии. К., 1891.

Теплов Г. Н. Секретнейшие примечания нынешнего состояния Малоросси // Кулиш П. А. Записки о Южной Руси: В 2 т. СПб., 1857. Т. 2.

Толстой И. И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.

Уманец Ф. М. Гетман Мазепа. СПб., 1897.

Феерчак. Очерк литературного движения угроруссов. Одесса, 1888.

Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие: Ист. очерки. СПб., 1890.

Флеров И. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в юго-западной России в XVI, XVII, XVIII ст. СПб., 1857.

Чистович И. А. Очерки истории западнорусской церкви. СПб., 1882. Ч. 1.

Шараневич И. И. История Галицко-Володимирской Руси: От найдавших времен до року 1453. Львов, 1863.

Щелков К. П. Харьков: Ист.-стат. опыт. X., 1880.

Щербина Ф. История управления у кубанских казаков // Киев. старина. 1884. № 2.

Щербина Ф. Колонизация Кубанской области // Киев. старина. 1883. № 12.

Эварницкий Д. И. История запорожских козаков: В 3 т. СПб., 1892—1897.

Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских козаков. СПб., 1888.

Экстракт об изнеможении Слободских полков и о прочем. X., 1898.

Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. К., 1856. Т. 1.

Ясинский М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. [б. м. и б. г.]

Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie / Wyd. przez B. Gorczaка, Z. Radziwińskiego. Lwów, 1887. Т. 1—7.

Czacki T. O litewskich u polskich prawach. Warszawa, 1800. Т. 1.

Górski K. Historia piechoty polskiej. Kraków. 1893.

Górski K. Historia jazdy polskiej. Kraków, 1895.

Jabłonowsky A. Źródła dziejowe / Opisane przez A. Jabłonowskiego. Warszawa, 1877—1897. Т. 5—22.

Jaroszewicz J. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVII. Wilno, 1844. Cz. 1—3.

Kubala L. Jerzy Ossoliński. Wyd. 2. Lwów; Warszawa, 1924.

Latopisiec albo Kroniczka J. Jerlicza / Z rękopisma wyd. K. Wójcicki. Warszawa, 1853. Т. 1—2.

Latopisiec Litwy i kronika Ruska pracą Jgnacego Daniłowicza. Wilno, 1827.

Lubomirski T. Rolnicza ludność w Polsce od XVI do XVIII wieku. Warszawa, 1862.

Пamiętniki do życia i sprawy Samuela i Krzysztofa Zborowskich / Zebrat Żegota Pauli. Lwów, 1846.

Пamiętniki o Samuelu Zborowskim / Zebrane przez L. Siemieńskiego. Poznan, 1844.

Szajnocha K. Dwa lata dziejów naszych, 1646, 1648: Opowiadania i źródła. Lwów, 1869. Т. 1—2.

Szajnocha K. Szkice historyczne. Wyd. 3. Lwów, 1901. Т. 1—4.

Wolff J. Kniaźowie litewsko-ruscy od końca czernastego wieku. Warszawa, 1895.

Zołkiewski S. Pisma Stanisława Zołkiewskiego kanclerza koronnego i hetmana z jego popiersiem / Wyd. A. Bielowski. Lwów, 1861.

Составитель В. Н. МАТЯХ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза-паша 212, 455
Абазин Андрей 267, 462
Август II Сильный 271—272, 463, 468
Август III Фридрих 360, 463, 468, 473
Авраам 471
Агарь 471
Аксаков И. С. 483
Аксаков К. С. 483
Акун 20
Алдан 20
Александр Казимирович 101, 105, 116, 443, 451
Александр (Олелько) Владимирович 103
Александр I 373, 383—385
Александр («царевич») — см. Ахия
Алексей Михайлович 250
Алексей Петрович 467
Алексий 439—440
Алеппский — см. Павел Алеппский
Алеша Попович 36
Альбрехт 105
Аль-Масуди 30, 432
Андрей 81
Андрей Боголюбский 47, 75
Андрей Юрьевич 87, 439
Анна Гойская 449
Анна Иоанновна 311—312, 318—319, 366—367, 467—468
Антоний Печерский 65, 436
Антонович В. Б. 407
Апостол Д. П. 301, 309—313, 315—319, 321, 340, 465, 467
Аристотель 187
Аскольд 30
Аттила 17, 430
Ахия («царевич Александр») 207
- Бабищи-Соколинские 443
Багалей Д. И. 404, 410, 412, 414—415, 426
Базилевич И. П. 480
Базилевские 410
Байда — см. Вишневецкий Дмитрий
Балабан Гедеон (Григорий) 182, 448
Бантыш-Каменский Д. Н. 7
Барабаш 459

Баранович Лазарь 287, 464, 470
Барятинский И. Ф. 318
Батый 82, 88, 111, 438, 471
Башкин Матвей 179
Безбородько А. А. 325, 327, 470
Белевские 107
Белозерский В. М. 388—389, 483—484
Белый (Билый) С. 370, 475, 477
Бельский Йоахим 193, 195, 289, 450—452
Бельский Марцин 450
Бельский Семен 107
Бельский Федор 104
Беляев И. Д. 483
Бершадский С. А. 138, 442
Бецкой М. 386, 481
Бзовский Шимон — см. Наперский Костка
Бибигов Д. Г. 381, 387, 479
Билый — см. Белый С.
Бирон Эрнст Иоганн 319, 467—468
Боговитины 188
Богун Иван 241—243, 247, 458
Бодянский О. М. 389, 484
Болгарин — см. Григорий Болгарин
Болгаринович — см. Иосиф (Солтан) Болгаринович
Болеслав Тройденевич — см. Юрий II
Бона 441
Боплан Гийом де 213, 455
Борецкий Иов (Иван) 189, 207—208, 453
Борзобогатая-Красенская Анна 143
Борис Владимирович 39
Борисов А. И. 481
Борисов П. И. 481
Борозна Иван 467
Борчай 459
Брайчевский М. Ю. 431
Браницкий К. 361
Броневский Мартин — см. Бронский Христофор
Бронский Христофор (Броневский Мартин; Христофор Филалет (?)) 185, 449
Брунон (Бруно) из Кверфурта 37, 433
Брюховецкий И. М. 257—259, 283, 292, 319, 365, 460
Бужинские 188
Булавин Кондрат 297, 465, 478
Бурундай 84
Бут — см. Павлюк П. М.
Бутурлин В. В. 248
Бучацкие 155—156

Вагилевич И. Н. 394, 485
Василенко Н. 314
Василий Васильевич 99
Василий I Дмитриевич 102—103, 440
Василий III Иванович 106, 440
Василько Романович 77, 82, 84, 86
Василько Ростиславич 44, 78, 435
Вацлав из Олэська — см. Залесский Вацлав
Вашвари П. 489

Вележинские 474
Величко С. В. 295, 462
Вельяминов С. Л. 306—310, 337, 409, 466
Витовт (Витаутас) 96—103, 105, 107, 110, 135, 153, 439—440, 488
Вишенский Иоанн (Иван) 185—187, 190, 449
Вишневецкие 161, 177—178, 184, 188, 196, 203, 211, 275, 278, 445, 452
Вишневецкий Адам 452
Вишневецкий (Байда) Дмитрий 196, 451
Вишневецкий Иеремия (Ярема) 217, 226, 228—229, 234, 236, 243, 457, 461
Вишневецкий Константин 452
Вишневецкий Михаил — см. Корибут-Вишневецкий Михал
Владимир Василькович 86
Владимир Мономах 46—48, 50, 53, 69, 74—76, 81, 435, 437
Владимир Ольгердович 94, 98, 102—104, 107
Владимир Святославич (Великий; Святой) 31, 35—39, 53, 74, 84, 90, 95, 102, 105, 113, 117, 161, 433
Владимир Ярославич, князь галицкий 80, 438
Владимир Ярославич, князь новгородский 39, 44, 434
Владимирко Володаревич 78—79
Владимирский-Буданов М. Ф. 406
Владислав Локеток 87, 151
Владислав Опольский 152—153, 443
Владислав IV Ваза 183, 189, 205, 212, 216, 221, 225, 448, 453
Владислав Ягайло — см. Ягелло
Владислав Ягайлович 101
Возняк М. 488
Войшелк 438
Волконский С. Г. 478
Володарь Ростиславич 44, 78, 435
Володислав 81
Волчко 140
Волынский А. П. 319, 468
Вольга Святославич 56
Волянский Н. 489
Воронцов А. Р. 323
Воротынские 107
Всеволод II Ольгович 54, 435
Всеволод Ярославич 44, 46
Вселав Брячиславич Полоцкий 50
Выговский И. О. 255—256, 423, 447, 458—460
Высочан Семен 232, 457
Вышата 434
Вяземский А. А. 357
Вячеслав Владимирович 75
Вячеслав Ярославич 44

Габсбурги 489
Галаган И. И. 274, 297, 309—310, 338, 464—465
Галятовский Иоанникий 287, 464
Гарибальди Джузеппе 486
Гаштольд Мартын 104
Гаштольд Ян 103
Гедеон 470
Гедимин 91—93, 105, 117
Гедиминовичи 94—95, 98, 102, 107, 161
Генрих Валуа 181

Генрих II 433
Гербурты 155, 164
Гердер Иоанн Готфрид 393, 485
Германарих 17, 430
Геродот 14—15
Гизель Иннокентий 287, 464
Гизо Франсуа 120, 441
Гирей (Гераи) 97, 111, 210, 439
Гладкий И. М. 376, 475, 478
Гладкий Матвей 245, 458
Глеб Владимирович 39
Глибов Л. И. 484
Глинская Елена 440
Глинские 105—106, 440
Глинский М. Л. 105—106, 440
Глоба И. Я. 356, 473
Глубоцкий 198, 451
Гнатюк В. 488
Гнедич М. И. 480
Гоголь Остап (Евстафий) 265, 461
Гойские 188, 447
Голицын В. В. 268—270, 462—463
Головатый А. А. 370—371, 477
Головатый П. Ф. 356, 473
Головацкий Я. Ф. 394, 398, 485
Голуховский Агенор 397, 486
Гольшанские 104
Гомер 50
Гомичков М. 489
Гонта Иван 361, 474
Гордиенко Кость 274, 297, 339—340, 345, 463, 471
Горностаи 188
Гославский Маврикий 479
Гощинский Северин 479
Грабовский Михал (псевдоним — Эдвард Тарша) 479
Гребинка Е. П. 481
Григорий 442
Григорий Болгарин 146, 440, 443
Григорий Васильевич 83
Григорий Саввич — см. Черный Грицько
Гроза Александр 479
Гроицкий Бартоломей 466
Грушевский М. С. 7, 417, 488
Гулак Н. И. 388, 483
Гулак-Артемовский П. П. 386, 393, 481—482
Гулевичи 188
Гуня Д. Т. 218, 456
Гурский 245, 458
Гуталевич И. Н. 398, 487
Гюрги (Юрий Долгорукий) 52

Давид Игоревич 44
Давидовичи 72
Дажбог 51
Даниил Галицкий 77, 81—87, 89, 436—439, 445
Даниловичи 439

Дашкович Евстафий (Дашкевич Остафий) 171, 195—196, 446, 451
Дашкевичи 196
Державин Г. Р. 397
Дзиковский Иван 476
Дивович Семен 470
Димитрий Ростовский (Туптало) 287, 464
Дир 30, 432
Длугош Ян 159, 444
Дмитрий Донской 440
Дмитрий Ольгердович 95
Дмитрий-Корибут Ольгердович 95, 97—98
Дмитрий-Любарт — см. Любарт Гедиминович
Дмитро 82
Доброслав 83
Добрыня Никитич 36
Домбровский Я. 480
Домна Розанда 240
Дорошенко Михаил (Михайло) 210, 454
Дорошенко П. Д. 259—265, 269, 294, 364, 423, 460—461, 476
Дружбацкий А. 480
Дука Константин 266—267, 461
Дьердь II Ракоци — см. Ракочи
Дюк Степанович 36

Едигей (Эдигей; Идигу) 97, 439
Екатерина I (Марта Скавронская) 310—311, 467
Екатерина II (София Фредерика Августа) 323—324, 326, 329—331, 333—334, 337, 360, 367, 377, 383, 400, 415, 468, 470, 472, 475
Елизавета Петровна 320—323, 335, 367—368, 468
Ефименко А. П. 412
Ефименко В. П. 412
Ефименко П. П. 413
Ефименко П. С. 404—406, 412—413, 484
Ефименко Т. П. 414—415

Железняк (Зализняк) Максим 361, 473—474
Жмайло Марко 208, 454
Жолкевский Станислав 202, 204—206, 208, 216, 452—453
Жураховский В. Я. 301

Забережинский 106
Завадовский П. В. 327, 470
Загоровские 188
Загоровский В. П. 188, 450
Залесский Вацлав (псевдоним — Вацлав из Олеська) 393, 485
Залесский Юзеф 479
Замойские 177
Замойский Фома (Томаш) 208, 454
Замойский Ян 191, 203, 450, 454
Заславские 177, 188, 445
Заславский Владислав Доминик 231, 457
Збаражские 161, 177, 188
Зборовские 198
Зборовский Самуил 198—199, 289, 451
Зелинский А. 480
Земовит 153
Зизаний — см. Тустановский Лаврентий Зизаний

Зиновиев Климентий 337, 470
Значко-Яворский Мельхиседек 360, 474
Золотаренко В. Н. 256, 258, 460
Зубрицкий Д. И. 393, 398, 484
Зуев В. Ф. 351

Ибн-Даста (Ибн-Даст; Ибн-Руста) 19—20, 431
Ибрагим-баша 452
Ибрагим-паша 204
Иван 36
Иван Берладник 78—79, 438
Иван IV Грозный 440, 448, 451
Иван V 462
Ивор Молибожич 83
Игелд 20
Игнатий 179
Игоревичи 72, 81, 436—437
Игорь 20, 31—34, 437
Игорь Ольгович 55, 435, 437
Игорь Святославич 49, 436
Игорь Ярославич 44
Иеремия Галка — см. Костомаров Н. И.
Измаил 471
Изяслав Давидович 79
Изяслав Мстиславич 75, 78, 437
Изяслав Ярославич 44, 46, 50, 70, 434—435
Иларион 69, 436
Илья Муромец 36
Иордан 17, 430
Иосиф II 373, 391—393, 395, 484
Иосиф (Солтан) Болгаринович 146, 443
Исидор 103, 440
Искра Захар 267, 462—463
Искра Иван 273, 462
Ислам-Гирей III 234, 248, 458

Казимир Великий 87, 94, 151—152, 158
Казимир III 439, 444
Казимир Ягайлович (Казимир IV Ягеллончик) 101, 103—105, 107, 109, 116—
117, 137, 145, 440
Калиновские 177, 188
Калиновский Мартин 226, 239—241, 246, 457
Калнышевский (Калныш) П. И. 345, 356, 473
Кальвин Жан 178, 447
Кантемир-мурза 208, 210, 212
Каразин В. Н. 385, 480
Кареев Н. И. 426
Карл 20
Карл XII 272—274, 366, 423, 462—463, 476
Кассиодор 430
Качковский М. 398, 487
Квитка-Основьяненко Г. Ф. 387, 393, 481—482
Кейстут 92, 96, 115, 139
Кейт 318
Кердеевичи 156, 188
Кизим Богдан 456
Кизименко 217, 456

Киприан 440
Киреевский И. В. 483
Киреевский П. В. 483
Кирилл 388
Кирилл Туровский 69, 436
Кисели 275
Кисель Адам 216, 230, 232—236, 455, 457
Кистяковский А. Ф. 467
Княгиницкий Иов 484
Кокошкин 312
Колесса Ф. 488
Коломан 81
Колпак 349
Кондратьев Г. 476
Конецпольские 177
Конецпольский Александр 231, 457
Конецпольский Станислав 206, 208—213, 216, 226, 236, 454—455, 457
Конисский Георгий 337
Константин Порфирородный (Константин VII Багрянородный) 20, 32—33, 431
Копинский Исаия 188
Кореницкий П. 481
Корецкие 161, 177, 203, 445, 461
Кориатовичи 95, 153, 401, 488
Корибут-Вишневецкий Михал (Вишневецкий Михаил) 263, 450, 452, 457, 461
Корсун А. 386, 481
Косинский Крыштоф 199—201, 222, 421, 451
Косой Феодосий 179
Коссов (Косов) Сильвестр 190, 250, 450
Костомаров Н. И. (псевдоним — Иеремия Галка) 387—389, 408, 481—482, 484
Котляревский И. П. 384, 393, 406, 411, 481
Котян 438
Кочубеева (Кочубей Матрена) 269, 462
Кочубей Василий 273, 462
Кочубей В. П. 379, 479
Кошелев А. И. 483
Кошка Самойло 452
Красиньский Адам 473
Красиньский Михаил 473
Краснокутский Ф. К. 369, 477
Кременецкий Гавриил 337, 470
Кречетников П. Н. 361, 474
Кривonos Максим 229, 238, 457
Крипякевич И. П. 488
Крыжановский П. 480
Куколь Хома 449
Кулиш П. А. 207, 388—389, 408, 453, 484
Курбский А. М. 142, 178, 184, 448—449
Куремса 84

Лазаревский А. М. 336, 410, 467, 484
Лазарь Домажирич 83
Лайош Великий — см. Людовик Венгерский
Ламеннэ Фелисите Робер 388, 483
Ланнуа (Ланноа) Гильбер 96, 439
Ланцкоронские 164
Ланцкоронский (Лянцкоронский) Предслав 196, 234, 451

Лаш (Тучапский) Самуил 211, 218, 455
Лащевский Варлаам 337
Лев Данилович 85—86, 438—439
Лев Диакон 33, 432
Лев Юрьевич 87, 439
Леонтъев 318
Лещинский Станислав 272—273, 360, 462—463
Лжедмитрий I 452
Лжедмитрий II 452
Либнар 20
Лизогуб Яков 467
Лисенко (Лысенко) 231, 457
Лисовский 302
Литвин — см. Михалон Литвин
Лобанов-Ростовский Я. И. 378, 478
Лобода Григорий 201—202, 452
Локеток — см. Владислав Локеток
Ломоносов М. В. 397
Лопатки 156
Лосицкий М. 440
Лукомские 188
Лукьянов Иван 267, 461
Лупулл 240, 246
Лутай Федор 290, 465
Лучицкий И. В. 426
Лысенко — см. Лисенко
Лысенко Иван 457
Любарт Гедиминович (Дмитрий-Любарт) 87, 94, 439, 444—445
Люблинский Ю. К. 481
Любомирские 155, 358
Любомирский 174—175
Людвик Венгерский (Лайош Великий) 152—153, 155, 443—444
Лясота Эрих 167, 194, 289, 446

Маврикий 21, 27, 432
Магомед 207
Магомет-Гирей 207, 210, 454
Магомет IV 263, 364, 461
Мазепа И. С. 268—272, 283, 286—288, 291, 293, 296—297, 299—301, 304—305,
319, 321, 338, 415, 423—424, 462—464
Макарий 251, 459
Маковей О. 488
Максимилиан 105
Максимович Иоанн 470
Максимович М. А. 387—388, 408, 482—484
Малашевич И. А. 340, 345, 471
Мамай 438
Мариэт 213—214
Мария-Терезия 391, 401, 484, 489
Маркевич Н. А. 7
Маркевич (Маркович) Я. А. 309—310, 323, 467
Марко Вовчок 484, 487
Маркович — см. Маркевич Я. А.
Масальские 188
Маслович В. 481
Мезецкие 107

Мельштынский Спытко 153, 157
Менгли-Гирей (Менглы-Герай) 106, 111, 150, 165, 169, 443, 446, 471
Меншиков А. Д. 273, 301, 311, 463, 467
Метлинский А. Л. 386, 481
Мефодий 388
Мехмет 240
Меховский Матвей 446
Микула Селянинович 55
Милорадович М. И. 301, 309, 465
Миндовг (Миндаугас) 84, 438
Миних Бурхард Кристоф 318, 320, 353, 468
Мисаил 146, 443
Миславский (Мыславский) Самуил 337, 470
Михаил Васильевич 442
Михаил Всеволодович 82
Михаил Олелькович 103—104
Михалон Литвин 112, 135—136, 166, 441—442
Мицкевич Адам 381, 479
Мнишки 203
Многогрешный Д. И. 261—262, 319, 461
Могила Иеремия 452
Могила П. С. 187, 189—190, 250, 335, 420, 444, 449, 457
Могилы 203
Можайский Семен 107
Мозыра (Мозыря) Лукьян 245, 458
Мономаховичи 50, 71—72, 75—76
Моржковский — см. Тетеря П. И.
Морозенко Станислав 231, 457
Мстислав 60
Мстислав Владимирович, князь киевский 74—75, 81
Мстислав Владимирович, князь тмутараканский 39—40, 438
Мстислав Данилович 86, 445
Мстислав Святославич 81
Мстислав Удалой 81—82, 438
Мстислав Храбрый 81, 438
Мстиславец Иван 448
Мыславский — см. Миславский Самуил
Мышецкий С. И. 471
Мышки 188
Мякотин В. 314
Мясковский Войцех 233

Наливайко Демьян 452
Наливайко Северин 201—202, 222, 451—452
Наливайко-Бирковские 452
Наперский Костка (Бзовский Шимон) 241, 458
Наполеон 380
Наумов 312
Наумович 398
Небаба Мартын 243, 458
Некрасов Игнат 478
Немирич Юрий 179, 256, 447, 459
Немиричи 447
Неплюев 318
Нестор 19
Нечай Данило 231, 239—241, 457—458

Николай I 373, 378, 388
Новосильские 107
Ногай 438

Огоновский Омелян 398, 487
Одоевские 107
Одровонжи 155, 157
Олег 20, 30—31, 33, 41
Олег Святославич («Гориславич») 44—45, 51, 72, 434—435
Олелько — см. Александр Владимирович
Олельковичи 102—104, 440
Ольга 30, 33—34
Ольгерд 92—97, 99, 102, 107, 115, 439
Ольгердовичи 97—99
Ольговичи 72, 75
Ольшанский Р. 480
Опольский — см. Владислав Опольский
Оришевский (Оришовский) Ян 197, 450
Оришовский — см. Оришевский Ян
Орлик Филипп 274, 338, 340, 464
Орлов А. Ф. 388, 483
Орун 266
Осман II 206, 453
Оссолинские 275
Остранин — см. Острянин Яков
Острожские 71, 161, 177—178, 184, 188, 199—201, 223, 445, 452
Острожский Василий (Константин) 161, 169, 181, 184, 188, 197, 200, 440, 445, 448, 452
Острожский Константин Иванович 107, 440
Острожский Януш 200
Остророг Николай 231, 234, 457
Острянин (Остранин) Яков (Острыняця Яцько) 217—218, 363—364, 456, 475

Павиньский А. 464
Павел 373
Павел Алеппский (Халебский) 251—253, 281, 459
Павел V 214
Павловичи 188
Павлык М. 488
Павлюк (Бут) П. М. 214, 216, 455—456
Падлевский З. 480
Падурра (Падура) Тимко 393, 485
Паисий 233
Палий (Гурко) С. Ф. 267, 271, 462, 465, 471
Папроцкий Бартош 451
Пассек В. В. 386, 482
Патрикий Наримунтович 95, 107
Пац Михал 473
Пацы 275
Петефи Шандор 489
Петр I (Великий) 269—270, 272—274, 297, 299—306, 308—313, 317—318, 333, 335, 337—340, 365—366, 423—424, 462—463, 465—468, 471, 476
Петр II 311, 467
Петр III 468
Петрик (Иваненко) П. И. 271, 297, 463
Писаревский И. 481
Писаревский С. 481

Плано Карпини Джованни да 82, 89, 438
Платон 187
Платонов С. Ф. 403
Подкова Иван 198, 451
Покровский М. 406
Полетика Г. И. 325, 328, 370, 469
Полетика-сын 338
Поликарп 66
Полозович Сенько (Полоз Семен) 195, 450
Полуботок П. Л. 301, 306—310, 316, 337, 465—466
Понятовский Станислав Август 360, 473
Потебня А. А. 412, 480
Потей Ипатий (Потий Ипатий (Адам)) 181—182, 448
Потемкин Г. А. (Грицько Нечоса) 355—356, 472
Потий — см. Потей Ипатий
Потоцкие 155, 177, 196, 203, 358, 361, 474
Потоцкий Йоахим 473
Потоцкий Николай 216—217, 226, 239—240, 243, 456
Потоцкий Франциск Салезий 361, 474
Претвич Бернард 196, 451
Прозоровский 357
Прокопий Кесарийский 27, 432
Прокопович Феофан 337
Пронские 177, 188
Пулавский Юзеф 473
Путивлец (Мурка) 217, 456
Пушкарь Мартын 255—256, 459
Пушкин А. С. 481
Пясочинские 275, 278
Пяст 155, 444
Пясты 95, 444

Рагоза (Рогоза) Михаил 182, 448
Радзивилл Януш 210, 243, 458
Разин Степан 476
Разумовский (Розумовский) А. Г. 320, 468
Разумовский (Розумовский) К. Г. 321—323, 333, 463, 468
Раина Могилянка 457
Раковский В. 480
Ракочи (Дьердь II Ракоци) 247, 251, 459
Ратомский Михаил 452
Репка 456
Репков Ейке фон 464
Репнин (Волконский) Н. Г. 377—379, 478
Ржевусские 358
Ржевусский Вацлав 381, 479
Роалд 20
Рожков Н. 406
Розумовский — см. Разумовский
Роман 440
Роман II 431
Роман Мстиславич 52, 76—78, 80—81, 84, 436—437
Романовичи 77, 83, 92
Романчук Ю. 488
Ростислав Владимирович 44, 435
Ростислав Мстиславич 437

Ростиславичи 44—45, 76, 78
Руданский С. В. 484
Ружинская София 143
Ружинский Роман 452
Рулав 20
Румянцев (Задунайский) П. А. 310, 318, 324—328, 333—335, 469
Рыбаков Б. А. 431
Рыльский Т. Р. 484
Рюрик 30, 432
Рюрик Ростиславич 44, 75, 81, 437

Саадат-Гирей 454
Савич 309
Сагайдачный П. К. 189, 205—207, 363, 450, 453
Садык-Паша — см. Чайковский Михал
Самарин Ю. Ф. 483
Самойлович Иван 263—264, 267—269, 275, 281, 286, 423, 461
Самойлович Семен 266
Самусь С. И. 267, 462, 471
Сангушки 161, 188
Сапега Юзеф 473
Свидницкий А. П. 484
Свидригайло (Швитригайла) Ольгердович 98—101, 103, 107, 116, 118, 440
Святополк Окаянный 38—39
Святополк II Изяславич 46, 70, 435
Святослав Владимирович 39
Святослав Игоревич 31—33, 37, 39
Святослав Ярославич 44, 46, 71, 93, 434
Святославичи 46—47, 72—73
Селямет-Гирей 454
Семашки 188
Сенинские 155
Сенюты 447
Сенявские 164, 177
Сервет Мигель 178, 447
Сергеевич В. И. 406
Сигизмунд 96, 99—100
Сигизмунд Кейстутович 98, 100—101, 103
Сигизмунд I Старый 106, 109, 119, 124, 158, 195, 444
Сигизмунд II Август 109, 127, 145, 151, 161, 181, 445
Сигизмунд III 183, 189
Силиверст 19
Сименович В. 489
Симеон Омелькович 103
Симон 66
Сирко И. Д. 256, 258, 262, 264, 294—295, 345, 460
Скарга (Павеньский) Петр 182, 185, 449
Скидан К. П. 216, 455—456
Скиргелло (Скиргайло) Ольгердович 98, 102
Скобейко 440
Сковорода Г. С. 385, 406, 411, 480—481
Скорина Франциск 145, 442—443
Скоропадская Настя 300
Скоропадский И. И. 274, 300—303, 305—307, 318, 321, 333, 464—466
Скумины 188
Слуцкие 188

Смотрицкий Г. Д. 443
Смотрицкий М. Г. (псевдоним — Феофил Ортолог) 181, 185, 188, 190, 447, 450
Собесские 155
Собесский Ян (Ян III) 258, 263—264, 460
Соловей Будимирович 36
Соловьев С. М. 47
Сомко Я. С. 256—258, 460
Софья Алексеевна 268, 462
Социн Фавст (Фауст) 179, 447
Срезневский И. И. 386, 481—482
Стадион Франц-Серафим 395, 485
Станиславский Я. С. 412
Стемповский Юзеф 361, 474
Стефан Баторий 181, 194—195, 197—198, 202, 450—451
Стефан Зизаний 449
Столпнер Б. Г. 412
Стрекалов С. Ф. 327, 470
Струсы 177
Суворов А. В. 473, 477
Судислав 40
Судьич 83
Сулима Самуил (правильно — Иван) Михайлович 214—215, 455
Сумцов Н. Ф. 412
Суховеевко (Суховий) Петро 261, 294, 461
Суховий — см. Суховеевко Петро
Схария 447

Тамара — см. Тамара С. И.
Тамерлан (Тимур) 97, 439
Танский Антон 301, 309, 465
Тарло 155
Тарновская Софья 445
Тарновские 155, 161, 445
Тарновский Ян 445
Текелий (Текелли) П. А. 356, 472
Темир-Кутлуй 439
Тешлов Г. Н. 321, 323, 333—335, 468
Терлецкий К. С. 181—182, 448
Тетеря (Моржковский) П. И. 257—259, 460
Тихорский Елифаный 384, 480
Толстой П. 301, 465
Тамара (Тамара) С. И. 301
Тохтамыш 97, 439
Тризны 188
Тройден 439
Трясило (Федорович) Тарас 211—212, 454
Тугай-Бей 226
Туптало — см. Димитрий Ростовский
Тустановский Лаврентий Зизаний 185, 449
Тышкевичи 188

Уваров С. С. 387, 482
Устиянович Н. Л. 398, 486—487

Фарлаф 20
Федор Кориатович 98, 488

- Федор Любартович 98
 Федоров Иван 443, 448
 Федорóвич — см. Трясило Тарас
 Федькович Ю. А. 400, 488
 Феодорит 439
 Феодосий 440
 Феодосий Печерский 65—66, 436
 Феофан 189
 Филимонов 335
 Филоненко 211, 218, 456
 Фирлей 234
 Фотий 99
 Франко И. Я. 399, 488
 Франц II (он же — Франц I) 392, 484
- Хаджи-Гирей 110
 Ханенко М. С. 294, 461
 Хвойко В. В. 428
 Хмелецкий 245, 458
 Хмелецкий Стефан 209, 211, 454
 Хмельницкий Богдан 179—200, 224—236, 239—243, 245—257, 266, 268, 272—275, 280, 282, 288, 291, 299—300, 307, 319, 325, 328—329, 337, 358, 362, 410, 415, 420—423, 447, 456, 457—460
 Хмельницкий Тимош 231, 240, 246—248, 459
 Хмельницкий Юрий (Хмельниченко Юрась) 255—257, 265—267, 319, 364, 423, 459—460
 Ходкевич Григорий 184, 448
 Ходоровские 156
 Ходька 207
 Хомяков А. С. 483
 Хоткевич Г. 412—413
 Храбан Г. Е. 473
 Хребтовичи 188
 Худолий 458
- Цюцишевский 238
- Чайковский Михал (псевдоним — Садък-Паша) 381, 479
 Чаплинский 224
 Чапличи 447
 Чарнецкий Стефан 247, 258—259, 459
 Чарныш 309
 Чарторьжские (Чорторийские) 101, 161, 177, 188, 358, 440, 445
 Чацкий Тадеуш 387, 482
 Чепига З. 370, 475, 477
 Черный Грицко (Григорий Саввич) 210—211, 454
 Чорторийские — см. Чарторьжские
 Чорторийский А. 478
 Чорторийский Александр 440
 Чуйкевич 463
- Шагин-Гирей 207, 210, 454
 Шафиров П. П. 301, 465
 Шаховской А. И. 311, 319—320, 366—368, 467, 476
 Шашкевич М. С. 394, 485
 Шварно (Шварн; Своромир) Данилович 86, 89, 438

Шварце Б. 480
Шевченко Т. Г. 388—390, 397, 399—400, 406, 411, 455, 479, 481—482, 484, 487
Шеин М. 455
Шенячич Василий 107
Шереметьев Б. В. 257, 460
Шиманов А. Л. 412
Шипов 319
Шпигоцкий А. 481
Шухевич В. 487

Щербаненко Б. П. 426
Щурат В. 488

Эдвард Тарша — см. Грабовский Михал
Эдигей — см. Едигей
Эйлер Леонард 355, 472
Энгельс Ф. 430

Юрий I Львович 86, 439, 444
Юрий II (Юрий-Болеслав Тройденович; Юрий III?) 87, 439
Юрий Ярославич 434
Юрьевичи 47

Яблоновские 177, 358
Яблоновский 265
Яблоновский Александр 289, 464
Яворницкий Д. И. 464
Ягелло (Ягайло; Владислав Ягайло) 95, 98—99, 108—109, 139, 145, 153, 157—158, 440—443
Ягеллоны (Ягеллы) 108—109, 116, 141, 145, 154, 177, 181
Ядвига 95, 153, 443
Язловецкие 155—156, 164, 177
Яковлев П. 274, 297, 338, 464
Ян-Альбрехт Казимирович 101, 105
Ян Казимир 232, 247, 258, 269, 283
Ян III — см. Собесский Ян
Янович Никодим 140
Ярема — см. Вишневецкий Иеремия
Ярмолинские 188
Ярослав Осмомysl 79—80
Ярослав I Мудрый 38—40, 42—43, 45—46, 50, 57, 69, 91, 433—435
Ярославичи 44, 46, 435

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
ГЛАВА 1	
Доисторическая эпоха. Народы, обитавшие в Южной Руси в древности. Доисторическая Русь и славяне	9
ГЛАВА 2	
Откуда пошла Русская земля и первые киевские князья	27
ГЛАВА 3	
Удельная смута и степные кочевники. Внутренний быт. Галицко-Владимирское княжество	41
ГЛАВА 4	
Южная Русь в составе Литовского государства: политическое положение, внутренний быт. Русь Галицкая	90
ГЛАВА 5	
Южная Русь под польским владычеством	160
ГЛАВА 6	
Хмельнитчина и «руина»	220
ГЛАВА 7	
Украина в XVIII в.	299
ГЛАВА 8	
Украина Российская и Австрийская в XIX в.	363
<i>Приложения</i>	
А. Я. Ефименко: очерк жизни и научного творчества (В. А. Смолий)	403
Примечания (Н. Н. Яковенко)	427
Список источников, использованных А. Я. Ефименко (Составитель В. Н. Матях)	490
<i>Именной указатель</i>	496

Ефименко А. Я.

Е91 История украинского народа / Сост. и авт. ист.-биогр. очерка В. А. Смолий; Примеч. Н. Н. Яковенко.— К.: Лыбидь, 1990.— 512 с.: ил. («Памятники исторической мысли Украины»)

ISBN 5-11-001491-4.

В книге в очерковой форме описываются основные события исторического прошлого украинского народа с древнейших времен до конца XIX в. Освещается борьба народных масс Украины против феодального и национально-религиозного гнета. Значительное внимание уделено Освободительной войне 1648—1654 гг. и первым послевоенным десятилетиям, реконструированию развития исторического процесса в XVIII—XIX вв.

Для историков, студентов, всех интересующихся отечественной историей.

Е 0503020902-097 14-90
М224(04)-90

ББК 63.3(2Ук)

Памятники исторической мысли Украины

Ефименко Александра Яковлевна

ИСТОРИЯ УКРАИНСКОГО НАРОДА

Зав. редакцией *С. В. Головка*

Оформление художника *Ю. В. Бойченко*

Художественный редактор *А. Г. Григор*

Технический редактор *Е. Г. Рублев*

Корректоры *Л. Ф. Кучеренко, А. В. Дрожжина, Т. А. Лукашина*

ИБ № 13847

Сдано в набор 08.01.90. Подп. в печать 20.07.90. Формат 84×108/32.
Бумага типогр. № 2. Гарн. Тип Таймс. Выс. печать. Усл. печ. л. 26,88+вкл. 0,84.
Усл. кр.-отг. 27,72. Уч.-изд. л. 37,13+вкл. 0,78. Тираж 40 000 экз. Изд. № 2920-к.
Зак. № 0—198. Цена 10 р.

Издательство «Лыбидь» при Киевском государственном университете,
252001 Киев, Крещатик, 10

Главное предприятие республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига», 252057 Киев, ул. Довженко, 3

Издание набрано на автоматизированной системе «ДИС»
и фотонаборном комплексе «Каскад»

10 р.

А. Я. ЕРЬИМЕНКО

